МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИРКУТСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 1 2020

Издательство
Иркутского национального исследовательского технического университета
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

ИЗВЕСТИЯ ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 1 2020

Редакционный совет

Андерсон Д., PhD, профессор Абердинского университета (Великобритания)
Базаров Б.В., академик РАН, директор Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Российская Федерация)
Гебел Т., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Граф К., PhD, профессор Техасского сельскохозяйственно-технологического университета (США)
Дацышен В.Г., доктор исторических наук, профессор Сибирского федерального университета (Российская Федерация)
Зайкер Дж., PhD, профессор Университета штата Айдахо в Бойсе (США)
Константинов М.В., доктор исторических наук, профессор Забайкальского государственного университета (Российская Федерация)
Крадин Н.Н., член-корреспондент РАН, директор Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Российская Федерация)
Кузнецов С.И., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета (Российская Федерация)
Лозей Р., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Наумов И.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Номоконова Т.Ю., PhD, профессор начальной стадии Университета Саскатчеван (Канада)
Петрушин Ю.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского государственного университета путей сообщения (Российская Федерация)
Тишкин А.А., доктор исторических наук, профессор Алтайского государственного университета (Российская Федерация)
Эрдэнээбаатор Д., PhD, профессор Национального университета Монголии (Монголия)

Редакционная коллегия

Главный редактор – Новиков П.А., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Зам. гл. редактора – Харинский А.В., доктор исторических наук, профессор Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Вебер А.В., PhD, профессор Университета Альберта (Канада)
Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН (Российская Федерация)
Иванов А.А., доктор исторических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация)
Олейников А.В., доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета (Российская Федерация)
Сирина А.А., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН (Российская Федерация)
Тетенькин А.В., кандидат исторических наук, доцент Иркутского национального исследовательского технического университета (Российская Федерация)
Като Х., PhD, профессор Университета Хоккайдо (Япония)

Сведения о журнале можно найти на сайте: http://ildt.istu.edu/
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство ПИ № ФС77-62783 от 18 августа 2015 г.
Журнал основан в 2003 г.
Периодичность издания – ежеквартально
Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет»
Подписной индекс в каталоге Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»
«Объединенный каталог. Пресса России. Газеты и журналы» – 41510 (ОК+ЭК)
Адрес Агентства ЗАО ИД «Экономическая газета»: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
Журнал включен в Научную электронную библиотеку (eLIBRARY.RU) для создания Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)
Журнал включен в **Перечень ведущих научных журналов и изданий**, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес учредителя и издателя: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83.
Адрес редакции: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, ауд. К-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© ФГБОУ ВО «ИРНИТУ», 2020

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION

IRKUTSK NATIONAL RESEARCH TECHNICAL UNIVERSITY

REPORTS
of the LABORATORY
# of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 1 2020

Publishing house
Irkutsk national research technical university
2020

ISSN 2415-8739 (print)
ISSN 2500-1566 (online)

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 1 2020

Editorial council

Anderson D., PhD, Professor of University of Aberdeen (UK)
Bazarov B.V., Academician of Russian Academy of Sciences, Chair of Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Russian Federation)
Goebel T., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Graf K., PhD, Professor of Texas A&M University College Station (USA)
Datsyshen V.G., Doctor of History, Professor, Siberian Federal University (Russian Federation)
Ziker J., PhD, Professor, Boise State University (USA)
Konstantinov M.V., Doctor of History, Professor, Transbaikalian State University (Russian Federation)
Kradin N.N., Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, Director of the Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Kuznetsov S.I., Doctor of History, Professor of Irkutsk State University (Russian Federation)
Losey R., PhD, Professor, University of Alberta (Canada)
Naumov I.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Nomokonova T.Yu., PhD, Assistant Professor, University of Saskatchewan (Canada)
Petrushin Yu.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk State Transport University (Russian Federation)
Tishkin A.A., Doctor of History, Professor of Altai State University (Russian Federation)
Erdenebaator D., PhD, Professor, National University of Mongolia (Mongolia)

Editorial board

Editor-in-Chief – Novikov P.A., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Deputy Editor-in-Chief – Kharinskiy A.V., Doctor of History, Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Weber A.W., PhD, Professor of University of Alberta (Canada)
Ganin A.V., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Ivanov A.A., Doctor of History, Professor Saint Petersburg University (Russian Federation)
Oleinikov A.V., Doctor of History, Professor of Astrakhan State University (Russian Federation)
Sirina A.A., Doctor of History, Leading Research Fellow of the Institute of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences (Russian Federation)
Teten'kin A.V., Candidate of History, Associate Professor of Irkutsk National Research Technical University (Russian Federation)
Kato H., PhD, Professor of Hokkaido University (Japan)

Reference to website: http://ildt.istu.irk.ru/
The journal is registered with the Federal Agency for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media (Roskomnadzor).
Certificate ПИ № ФС77-62783 on 18 August 2015
The Journal was founded in 2003
Frequency of publication – quarterly
Founder: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education "Irkutsk National Research Technical University"
Subscription index in the catalog of JSC "Economic Newspaper" Publishing House
"The united catalog. Russian press. Newspapers and journals" – 41510 (OK+EC)
Address of JSC "Economic Newspaper" Publishing House: (499) 152-09-89; izdatcat@ideg.ru
The journal is included in the Scientific Electronic Library (eLIBRARY.RU) for the creation of the Russian Science Citation Index (RISC)
The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications which aims to publish the basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Science of the Higher Attestation Commission (HAC)

Address of the Founder and Publisher: 83 Lermontov Str., Irkutsk 664074.
Address of the Editorial Board: 83 Lermontov Str., Irkutsk, 664074, Office K-211, e-mail: ildt@yandex.ru

© FSBEIHE «INRTU», 2020

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 1 2020

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ

Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2: Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 9

Кузнецов А.М., Дударёк С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья 35

Ташак В.И. Наскальные рисунки утёса Монгольжин в Восточном Саяне как объект исследований: от П.А. Кропоткина до современности 62

Горюнова О.И., Магдеева Я.Л., Новиков А.Г. Новые материалы по культуре плиточных могил Приольхонья (озеро Байкал) 75

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е., Мамонтов А.М., Лозей Р.Дж., Иванов Г.Л. Археологические объекты юго-западной части Верхнеангарской котловины 94

ЭТНОЛОГИЯ

Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Пять видов скота» – основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии 131

Ушницкий В.В. «Хосунный эпос» народов Севера: ретроспективный анализ 141

ИСТОРИЯ

Шафоростов А.И. История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода 151

Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) 161

Соломатова (Ларченко) В.Ю. Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века 176

Мамышева Е.П. Лидеры национального движения народов Сибири в условиях Гражданской войны (на материалах Ойротии и Хакасии) 187

Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенов Б.Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) 196

Воронцов В.Н., Суханова М.С. «Возникли ликвидационные настроения»: Советский опыт послевоенной демобилизации 209

Смирнов С.В. Полковник П.А. Веденяпин и попытки возродить работу РОВС в Китае в годы Второй мировой войны 220

Зуляр Ю.А. 1953 год в истории Иркутского государственного университета 231

Топчий И.А. Китайские войска на территории КНДР после завершения Корейской войны (1953–1958 гг.) 245

РЕЦЕНЗИЯ

Ванина И.Ю. Новые страницы истории Якутии: рецензия на сборник документов «История долины Эн'сиэли в русских документах XVII века». Вып. 1 257

ПЕРСОНАЛИЯ

Сергейчук Е.В. Виталий Георгиевич Смагин. Художник, педагог, общественный деятель 262

Савельев Н.А., Липнина Е.А., Новиков А.Г. А впереди – новые экспедиции, новые открытия, новые книги и статьи *(К юбилею О.И. Горюновой)* 272

На обложке представлена фотография бронзовой бляшки с зооморфным изображением. Могильник Байкальское 27, комплекс 2, железный век. Раскопки А.В. Харинского. Фото А.Б. Данилова

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 1 2020

CONTENTS

ARCHAEOLOGY

Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 2: Funeral and ritual complexes No. 7–15 9

Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoi E.O., Saveliev N.A., Timoshchenko N.A. Ballistic features of lithic points in the Middle Holocene of North Angara region 35

Tashak V.I. Rock paintings of Mongol'jin Rock in Eastern Sayan Mountain Ridge as an object of research: from P.A. Kropotkin to modern times 62

Goriunova O.I., Magdeeva Ya.L., Novikov A.G. New data on the Cis-Ol'khon region Slab Graves Culture (Lake Baikal) 75

Kharinsky A.V., Emelianova Yu.A., Kichigin D.E., Mamontov A.M., Losey R.J., Ivanov G.L. Archaeological sites of the southwestern part of the Upper Angara Basin 94

ETHNOLOGY

Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. "Five types of livestock"– the basis of the nomadic economy of the Turk-Mongols of Inner Asia 131

Ushnitsky V.V. "Hosunny epic" of northern Sakha: retrospective analysis 141

HISTORY

Shaforostov A.I. The history of the formation of ideas about reality. Second step: fate and chance in Ancient Thought of the Classical Period 151

Bagrin E.A. Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names) 161

Solomatova (Larchenko) V.Yu. A look of Orthodoxy on Catholic mission in China at the end of the XIXth century 176

Mamysheva E.P. The leaders of the national movement of the Siberian people during the Civil War (based on Oirotia and Khakas materials) 187

Khishigt N., Kuras L.V., Tsybenov B.D. The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920) 196

Vorontsov V.N., Sukhanova M.S. «There was a liquidating mood»: Soviet experience of post-war demobilization 209

Smirnov S.V. Colonel P.A. Vedenyapin and attempts to revive the activity of the ROVS in China during Second World War 220

Zulyar Yu.A. 1953 in the history of the Irkutsk State University 231

Topchiy I.A. Chinese troops on the territory of DPRK after the end of the Korean War (1953–1958) 245

REVIEW

Vanina I.Yu. New pages in the history of Yakutia: review of the collection of documents "History of the En'sieli Valley in Russian Documents of the 17th Century". Issue 1 257

PERSONALIA

Sergeichuk E.V. Vitaliy Smagin. Artist, pedagogue, social activist 262

Saveliev N.A., Lipnina E.A., Novikov A.G. And ahead – new expeditions, new discoveries, new books and articles *(For the anniversary of O. I. Goriunova)* 272

The cover presents zoomorphic bronze plate from necropolis Baikalskoe 27, grave 2. Iron Age. Excavations by A.V. Kharinsky. Photo by A.B. Danilov

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Т. 16 № 1 2020

Уважаемые читатели!
Предлагаем вашему вниманию выпуск научного журнала
«Известия Лаборатории древних технологий».

Ежеквартальный журнал продолжает серию ежегодных изданий. Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований Северной, Центральной и Восточной Азии. Кроме того, в журнале публикуются материалы, касающиеся взаимоотношений населения Северо-Восточной Азии с представителями других частей Евразии и Североамериканского континента с древнейших времен до современности.

Приоритетными для издания являются статьи фундаментального характера, затрагивающие современные проблемы теории и методологии исторической науки и культурной (социальной) антропологии, учитывающие новейшие сведения естественных наук. Приветствуются рукописи с четкой и убедительной логикой изложения исследовательского материала с указанием его значения для современного научного контекста, аргументированными обобщениями и развернутыми выводами. Авторам рекомендуется учитывать и указывать сведения новейших публикаций, характеризующих общий уровень осмысления конкретных сюжетов.

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» проводит рецензирование научных материалов и принимает к публикации статьи, короткие сообщения и обзоры по следующим направлениям:

– история,
– археология,
– этнология,
– рецензия,
– персоналия (мемориальные заметки о коллегах).

Издание реферируется и рецензируется.

Приглашаем вас к активному творческому сотрудничеству.

Редколлегия

REPORTS
of the LABORATORY of ANCIENT TECHNOLOGIES

Vol. 16 no. 1 2020

Dear Readers!
We would like to bring to your attention the installment of the scholarly journal the «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies».

The quarterly magazine continues and develops a series of annual publications. The subjects of the issues cover various aspects of archaeological, ethnological and historical research. The articles are mostly devoted to the past of North, Central and East Asia. In addition to data from these regions, we try to publish materials on the interaction of Northeast Asian residents with the population of other parts of Eurasia and the North American continent, both in antiquity and in modern times.

Priority interest for the Journal is represented by articles of a fundamental nature that concern on modern problems of the theory and methodology of historical science and cultural (social) anthropology, and also takes into account the latest information of the natural sciences. The manuscripts are welcome with a clear and convincing logic for the presentation of the research material and an indication of its significance for the modern scientific context, with well-reasoned generalizations and detailed conclusions. Authors are advised to take into account and indicate the information of the latest publications characterizing the general level of comprehension of specific plots.

The Journal «Reports of the Laboratory of Ancient Technologies» reviews and publishes original materials and papers, short reports, reviews on the issues of:

– History,
– Archaeology,
– Ethnology,
– Review,
– Personnel (memorial notes about colleagues).

Journal is peer-reviewed.

You are welcome for active and creative collaboration.

Editorial Board

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.5(571.53/.55)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34

Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2: Погребально-ритуальные комплексы № 7–15

© В.М. Ветров[a], Д.Л. Шергин[a], А.В. Тетенькин[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[b] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Стоянка-могильник Старый Витим II открыта В.М. Ветровым в 1977 г. Основные раскопки произведены в 2001–2002 гг. Выделено три культурных горизонта эпохи палеометалла и 15 погребально-ритуальных комплексов, из которых большая часть относится к периоду 8,2–7,2 тыс. календарных лет назад. Несмотря на плохую сохранность кости, на ряде погребений удалось расчистить костяк на слое. Погребенный лежал на боку с подогнутыми ногами, головой на юго-запад, засыпан охрой. Инвентарь могил состоит из вкладышевых двулезвийных наконечников, лезвия которых набраны из халцедоновых призматических микропластин; шлифованных нефритовых тесел, ножа, оббитых нефритовых изделий, часть из которых, судя по следам, была в работе, а часть, вероятно, являлась заготовками тесел и ножей; бусин. Трупоположение и погребальный инвентарь обнаруживают частичные сходства с щукинской, фофановской и китойской погребальными традициями южного Прибайкалья, и могильник может быть определен как финальномезолитический – ранненеолитический. Отмечается вскрытие ям в более позднее время и организация, вероятно, ритуальных костров в не полностью засыпанных ямах. Даты по углю из этих кострищ определяют возраст около 5,2–3,2 тыс. календарных лет назад. Вероятно, с этими эпизодами ритуальной постпогребальной практики связаны более поздние по отношению к могильнику культурные горизонты.

Ключевые слова: неолит, бронзовый век, Витим, Муйско-Куандинская котловина, могильник, погребение, охра, погребальный инвентарь, север Байкальской Сибири

Благодарности: Авторы (Д.Е. Шергин и А.В. Тетенькин) выражают благодарность за помощь в подготовке статьи к публикации и в обсуждении материалов В.И. Базалийскому (Иркутский государственный университет), А.Б. Данилову, А.А. Уланову (оба – Иркутский национальный исследовательский технический университет), Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), А. Веберу (Университет Альберта, Эдмонтон, Канада) за помощь в проведении радиоуглеродного датирования, а также всем участникам полевых работ на памятнике.

Информация о статье: Дата поступления 14 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ветров В.М., Шергин Д.Л., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Часть 2: Погребально-ритуальные комплексы № 7–15 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 9–34. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34

The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 2: Funeral and ritual complexes No. 7–15

© Victor M. Vetrov[a], Dmitry L. Shergin[a], Aleksei V. Tetenkin[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The burial site Staryi Vitim II is opened by V.M. Vetrov in 1977. The main excavations were carried out in 2001–2002. Three cultural horizons of the Paleo-metal era and 15 funerary-ritual complexes were identified, most of which belong to the period 8.2–7.2 Kyr calBP. Despite the poor preservation of the bone, a number of burials managed to clear the skeleton on the layer. The buried men lay on their side with bent legs, head to the southwest, covered with ocher.The inventory of graves consists of two-side slotted points, the blades of which are composed of chalcedony prismatic microblades; polished jade adzes, a knife, knapped jade products, some of which, judging by the tracks, were in operation, and some were probably blanks of adzes and knives; beads, scrapers. The location and burial equipment reveal partial similarities with the Shchukino, Fofanovo and Kitoy funeral traditions of the southern Baikal region, and the cemetery ground can be defined as the final Mesolithic – Early Neolithic. The opening of the pits at a later time and the organization of, probably, ritual bonfires in incompletely filled pits are noted. Dates for charcoal from these hearths determine the age of about 5.2–3.2 Kyr calBP. Probably, the cultural horizons are related to these episodes of ritual post-funeral practice.

Keywords: Neolithic, Bronze Age, Vitim River, Muisko-Kuandinskaya depression, cemetery, burial, ocher, funerary inventory, north of Baikalian Siberia

Acknowledgements: The authors (D.E. Shergin and A.V. Tetenkin) are grateful for their help in preparing the article for publication and in the discussion to V.I. Bazaliisky (Irkutsk State University), A.B. Danilov, A.A. Ulanov (both – Irkutsk National Research Technical University), E.I. Demonterova (Institute of the Earth's Crust SB RAS, Irkutsk), A. Weber (University of Alberta, Edmonton, Canada) for his help in radiocarbon dating, as well as to all participants in the field work on the site.

Article info: Received January 14, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Vetrov V.M., Shergin D.L., Tetenkin A.V. (2020) The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 2: Funeral and ritual complexes No. 7–15. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 9–34. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-9-34

Введение

В настоящей статье продолжается публикация материалов по могильнику Старый Витим II. В первую часть вошли материалы раскопок ям (могил) № 1–6 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019). Во второй части читателю предложены материалы раскопок ям № 7–15, из которых как погребения были определены № 10, 11; № 7, 9 – как кенотафы; № 8, 12, 13 – как более поздние ямы.

Ямы № 7 и 13. Яма (ритуальный комплекс) № 7 выявлена в северо-восточном углу раскопа (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2), читалась с глубины 0,30 м (рис. 1.1). Яма имела верхние размеры 2,10 × 1,2 м, нижние – 1,50 × 1,0 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 1.2, 3). В заполнении ямы читались два слоя. Первый, нижний, собственно, перекрывающий яму слой состоит из коричневого песка, второй слой представляет собой заполнение песком желтовато-коричневого цвета с сажистыми линзами и примазками. Посередине ямы проходил слой охры, повторяющий внешний контур ямы. В засыпке найдена цилиндрическая бусина из черного камня (рис. 1.5). На глубине 0,70 м среди пятен охры найдено шлифованное тесло из светлоокрашенного нефрита (рис. 1.8). После вскрытия пикета VII по всей площади на глубине 0,38–0,40 м удалось проследить контуры двух совмещенных ям (рис. 1.1–4), одна из которых, западная, получившая порядковый № 13, прорезала другую, восточную, за которой оставлен № 7.

Обе ямы, как и во всех случаях, оконтуривала полоса песка от темного до светло-коричневого цвета. Заполнение ямы № 13 составляет песок темно- и светло-серого цвета, местами с вкраплениями угля, углистых примазок, особенно в центральной части западной ямы. В южной части заполнения ямы № 13, а также в центре восточной части фиксировались пятна охры (рис. 1.3, 4). Подобная ситуация прослеживалась до доньев ям. Наибольшая глубина доньев ямы № 7 – 0,95, ямы № 13 – 1,06 м. При контрольной зачистке под обеими ямами каких-либо антропогенных нарушений не фиксировалось. Яма № 13 имела верхние размеры 2,0 × 1,55 м, нижние – 1,70 × 1,40 м (рис. 1.2, 4), ориентирована по линии С – Ю.

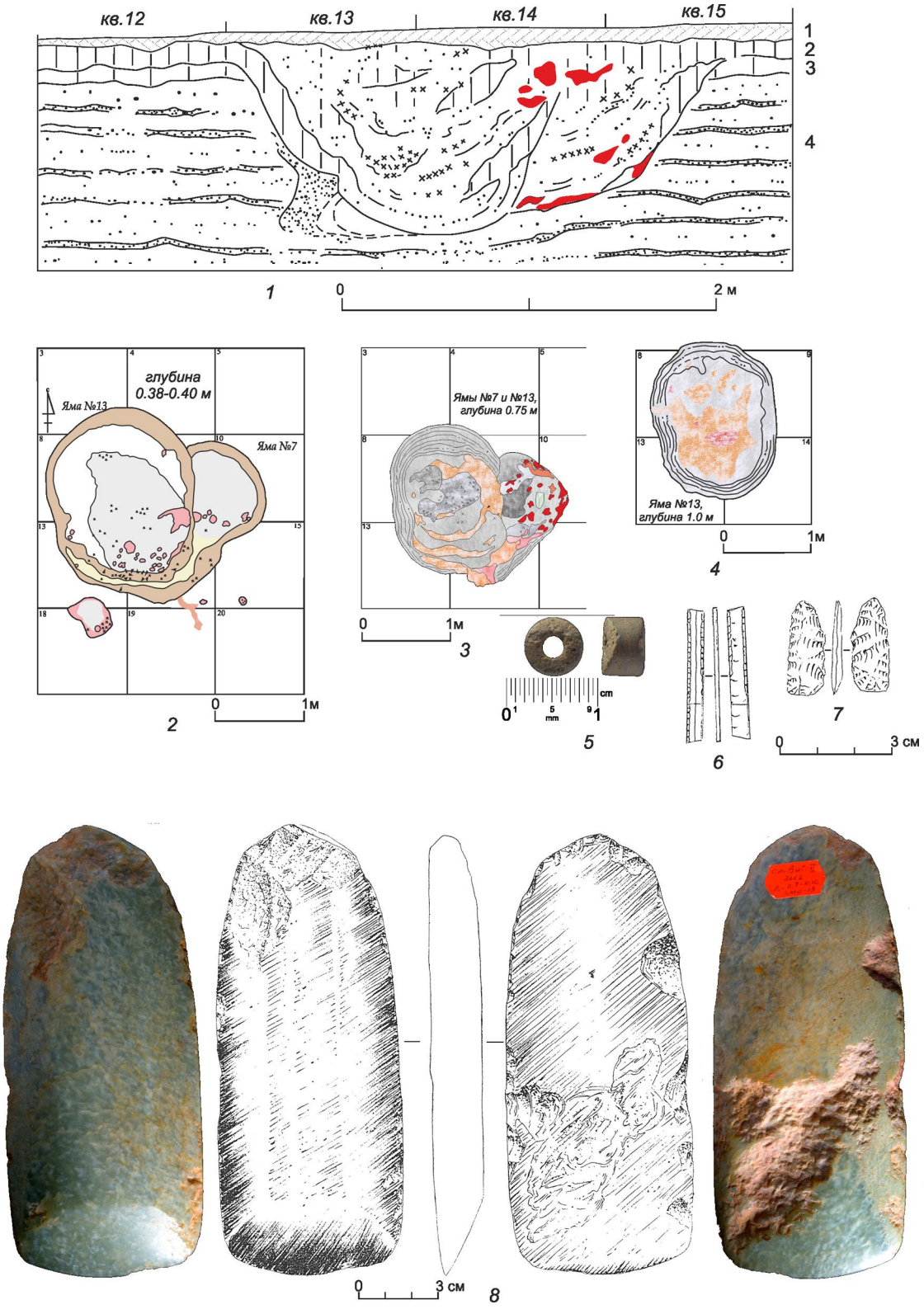


Рис. 1. Ритуальные ямы № 7 и 13: *1 – стратиграфия раскопа с разрезом ритуальных ям 7 и 13; 2–4 – планы ритуальных ям № 7 и 13 на разных уровнях фиксации–разборки; 5, 8 – ритуальная яма 7, 5: 5а – фото и рисунок бусины; 6–7 – яма ритуальная 13: 6 – ретушированная пластина, 7 – вкладыш*

Fig. 1. Ritual pits No. 7 and 13: *1 – stratigraphy of the excavation with a section of ritual pits No.7 and 13; 2–4 – plans of ritual pits No. 7 and 13 at different levels of excavation; 5, 8 – ritual pit 7, 5: 5a – photo and drawing of bead; 6–7 – ritual pit No.13: 6 – retouched blade, 7 – insert*

В засыпке ямы № 13 на глубине от 0,35 до 0,65 м зафиксированы 64 отщепа (один из которых нефритовый) и чешуйчатых скола, мелкий фрагмент кости и вкладыш-бифас (рис. 1.7). На глубине от 0,65 до 1,0 м найдены 22 отщепа, фрагмент трубчатой кости и фрагмент зуба млекопитающего. На дне ямы обнаружены две части одной призматической пластины (рис. 1.6) с краевой ретушью по обеим сторонам и бусина из серого камня (рис. 1.5). Подавляющее большинство предметов из засыпки оказались связаны с коричневым песком, оконтуривающим яму, причем в южной ее части.

Яма № 8. Яма имела верхние размеры 1,35 × 1,20 м, нижние – 1,20 × 1,05 м (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Прослежена с глубины 0,30 м, имеет форму овала (рис. 2.1), незначительно вытянутого по линии С – Ю. Максимальная глубина – 0,72 м (рис. 2.2, 3). На разных уровнях фиксировались находки, представленные фрагментом кости, отщепами и пластинами (рис. 2.4–13). На уровне 0,67 м яма делилась на две неравных части: южная оказалась углубленная еще на 0,10–0,11 м.

Яма (кенотаф) № 9 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). С восточной частью погребения № 3 сочленялась яма, получившая обозначение «яма № 9» (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Ориентация её – с ЮВ на СЗ (рис. 7.5). На глубине 0,50 м стало ясно, что яма № 9 была заложена позже ямы № 3 и частично прорезала последнюю. С глубины 0,60–0,70 м ямы разделялись. Дно ямы № 9, имеющее форму неправильного овала 0,70 х 0,50 м, достигало глубины 0,87 м от дневной поверхности. Охра и артефакты в яме № 9 не были найдены. Вместе с тем общая с погребениями ориентация этой ямы с ЮЗ на СВ побудила определить ее как кенотаф. Аналогичный объект представляла собой яма (кенотаф) № 14, расположенная в одну линию с ямой № 9 (рис. 7.4, 5).

Погребение № 10 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Яма ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 2.14). Контуры ямы стали прослеживаться с глубины 0,24 м, на которой в центральном заполнении уже отмечались пятна охры (рис. 2.15, 16; 12.1). На глубине 0,34 м зафиксирована ретушированная по краю призматическая пластина (рис. 2.17). На глубине 0,45 м внешний контур ямы (серый песок) имел форму овала, внутри которого за счет желтовато-коричневого песка, включения охры и сажистых примазок четко читались границы заполнения прямоугольной формы длинной осью ориентированного по линии ЮЗ – СВ. Дно погребальной ямы находилось на глубине 0,60 м (рис. 12.1). Центральная его часть, сплошь засыпанная охрой, имела размеры 1,50 × 1,30 м. В целом, яма № 10, имевшая с момента фиксации (0,24 м от дневной поверхности) форму овала ко дну приобрела форму неправильного прямоугольника с закругленными углами.

При расчистке охристого заполнения в юго-западной части ямы было оконтурено плотное костное вещество, представляющее остатки черепной коробки человека. Здесь же найдены обломки коронок коренных зубов. В 0,05 м от этого места обнаружена заготовка тесла или топора из светлоокрашенного нефрита (рис. 2.14; 3.37), длинной осью ориентированная по линии В – З. С юго-восточной стороны к «черепу» и теслу примыкали призматические пластинки-вкладыши в количестве 35 штук (рис. 2.14; 3). Тринадцать из них составляли компактную группу и располагались в определенном порядке, по которому можно восстановить двулезвийное составное орудие – наконечник или небольшой кинжал (рис. 3.1–13). Остальные пластины (рис. 3.14–35) разбросаны бессистемно. Тем не менее по имеющимся среди них четырем концевым вкладышам можно предположить, что погребенного сопровождало еще, как минимум, одно подобное (двулезвийное) изделие. Кроме описанного инвентаря в СЗ части погребения обнаружен обломок шлифованного нефритового изделия (рис. 3.36).

Погребение № 11 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2) прослежено с глубины 0,30 м от дневной поверхности (рис. 4.1). Яма имела верхние размеры 2,50 × 1,40 м, нижние – 1,50 × 1,10 м, ориентирована по линии ЮЗ – СВ (рис. 4.2, 3, 4). Как и в предыдущем случае, яму оконтуривал коричневый

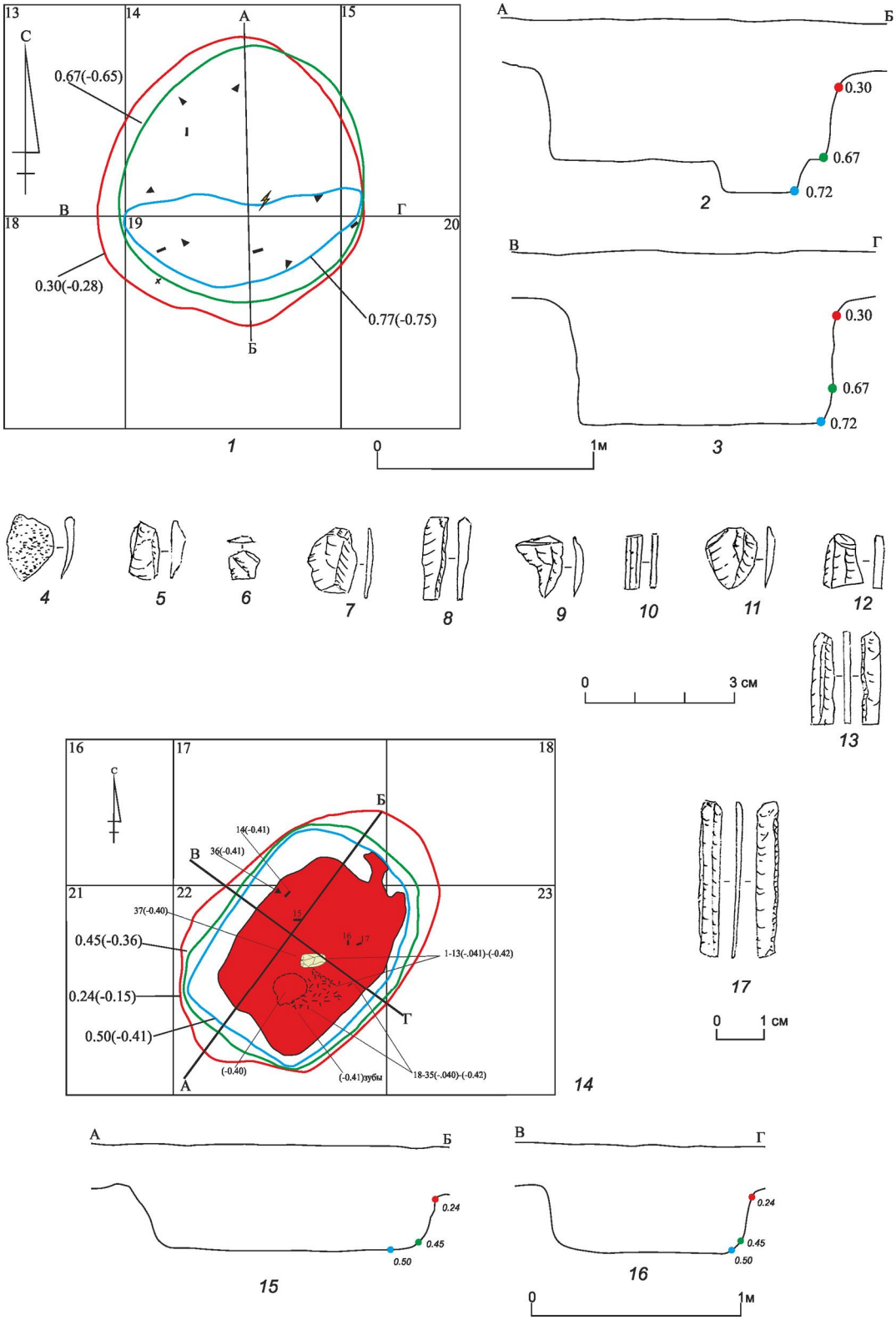


Рис. 2. Яма № 8 (1–13) и погребение № 10 (14–17): *1–10 – артефакты, выявленные на разных уровнях засыпки ямы; 11 – план ямы № 8; 12–13 – профили ямы № 8; 14 – план погребения № 10; 15 – пластина-вкладыш; 16, 17 – профили погребальной ямы № 10*

Fig. 2. Pit No. 8 (1–13) and burial No. 10 (14–17): *1–10 – artifacts, identified at different levels of filling the pit; 11 – plan of the pit No. 8; 12–13 – profiles of the pit No. 8; 14 – plan of the burial No. 10; 15 – insert blade; 16, 17 – profiles of the funeral pit No. 10*

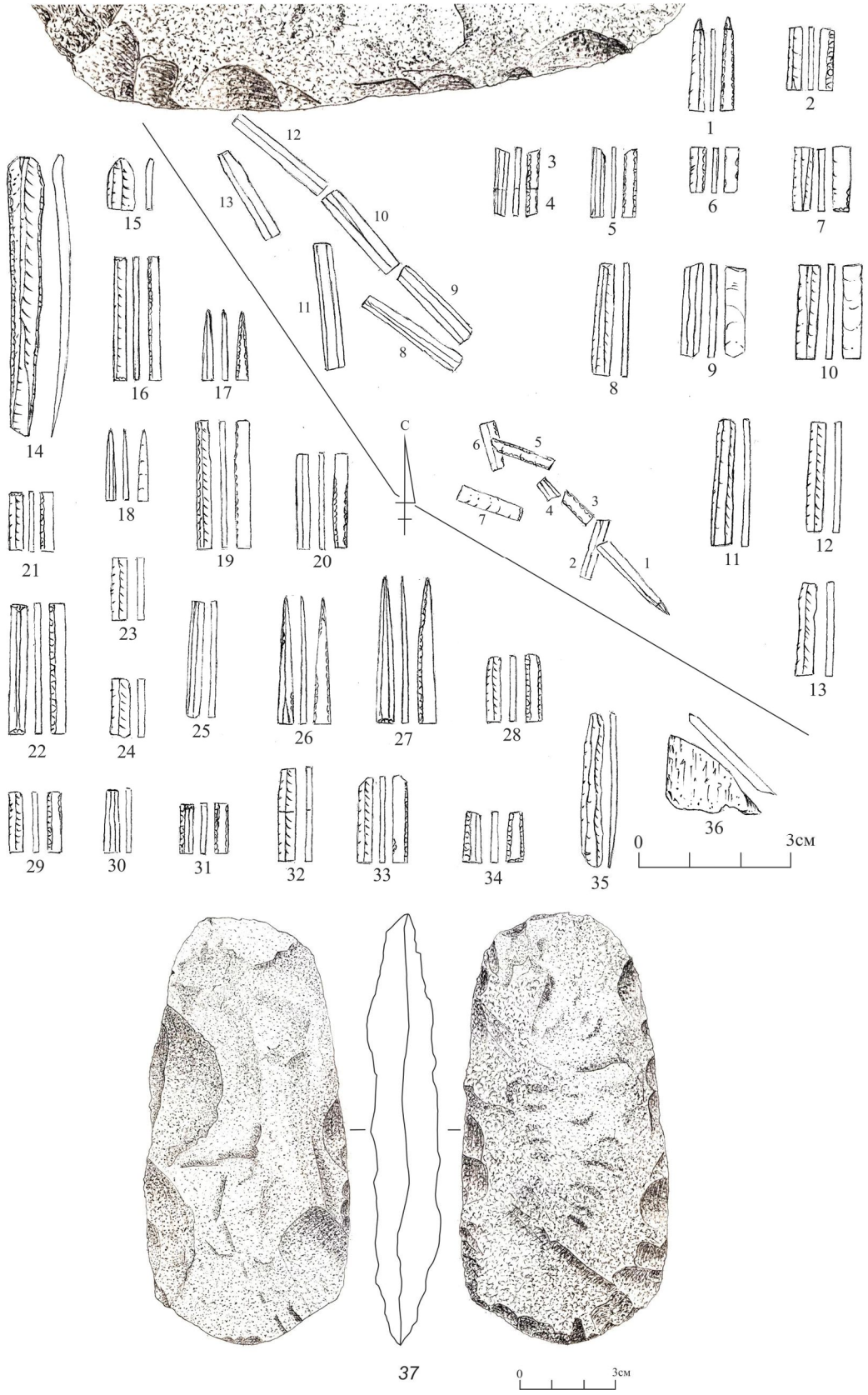


Рис. 3. Погребение № 10: *1–35 – пластины-вкладыши; 36 – обломок шлифованного орудия из нефрита; 37 – оббитое топоровидное изделие из нефрита*

Fig. 3. Burial No. 10: *1–35 – insert blades; 36 – fragment of a polished jade instrument; 37 – knapped ax-shaped jade artifact*

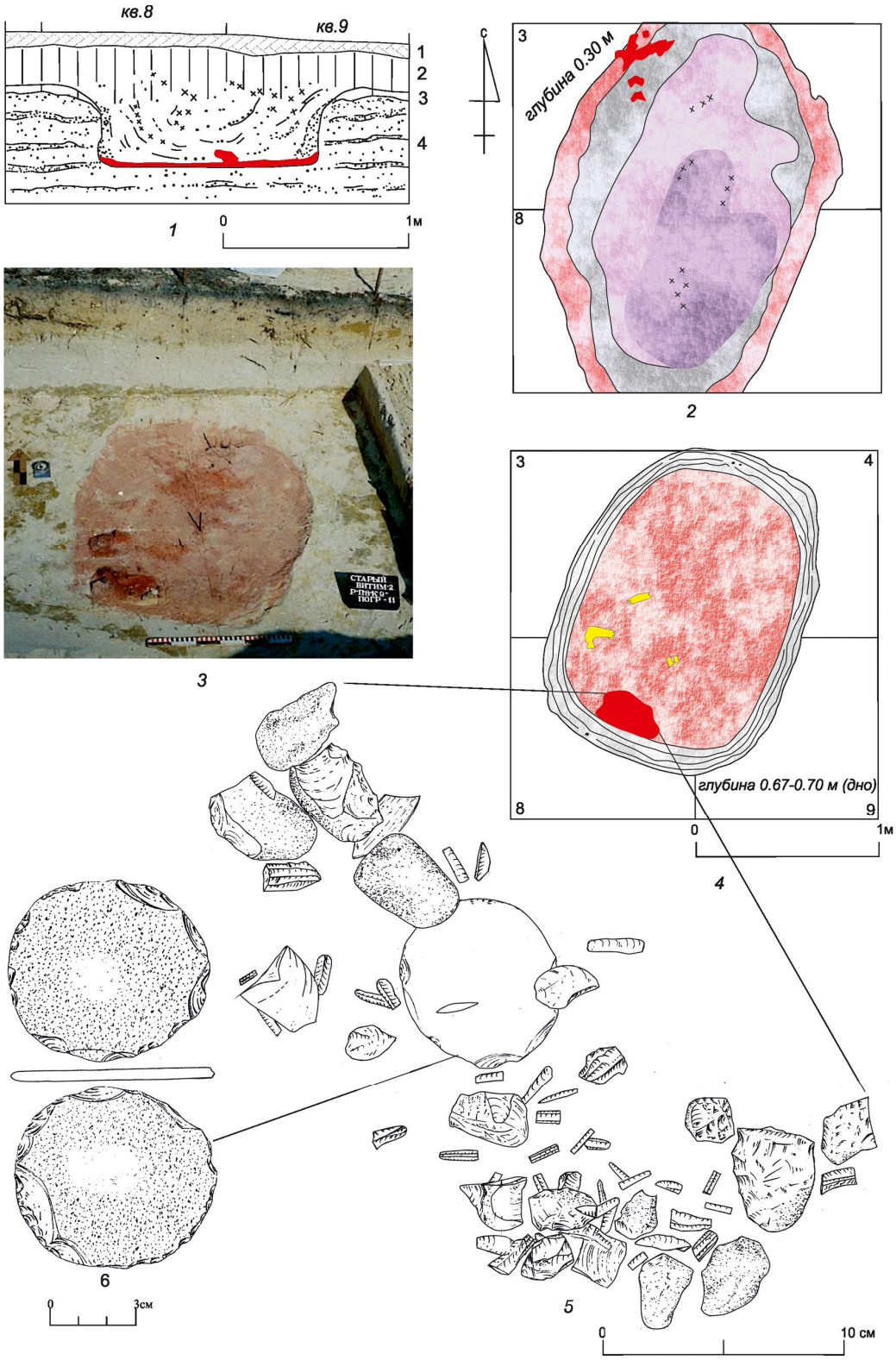


Рис. 4. Погребение № 11: *1 – фото нижнего уровня погребальной ямы; 2 – стратиграфический разрез погребения; 3 – план ямы на глубине 0,30 м; 4 – план ямы на глубине 0,67–0,70 м; 5 – план скопления артефактов на дне ямы; 6 – скребок*

Fig. 4. Burial No. 11: *1 – photo of the lower level of the burial pit; 2 – stratigraphic section of the burial; 3 – plan of the pit at a depth of 0.30 m; 4 – plan of the pit at a depth of 0.67–0.70 m; 5 – plan of accumulation of the artifacts at the bottom of the pit; 6 – scraper*

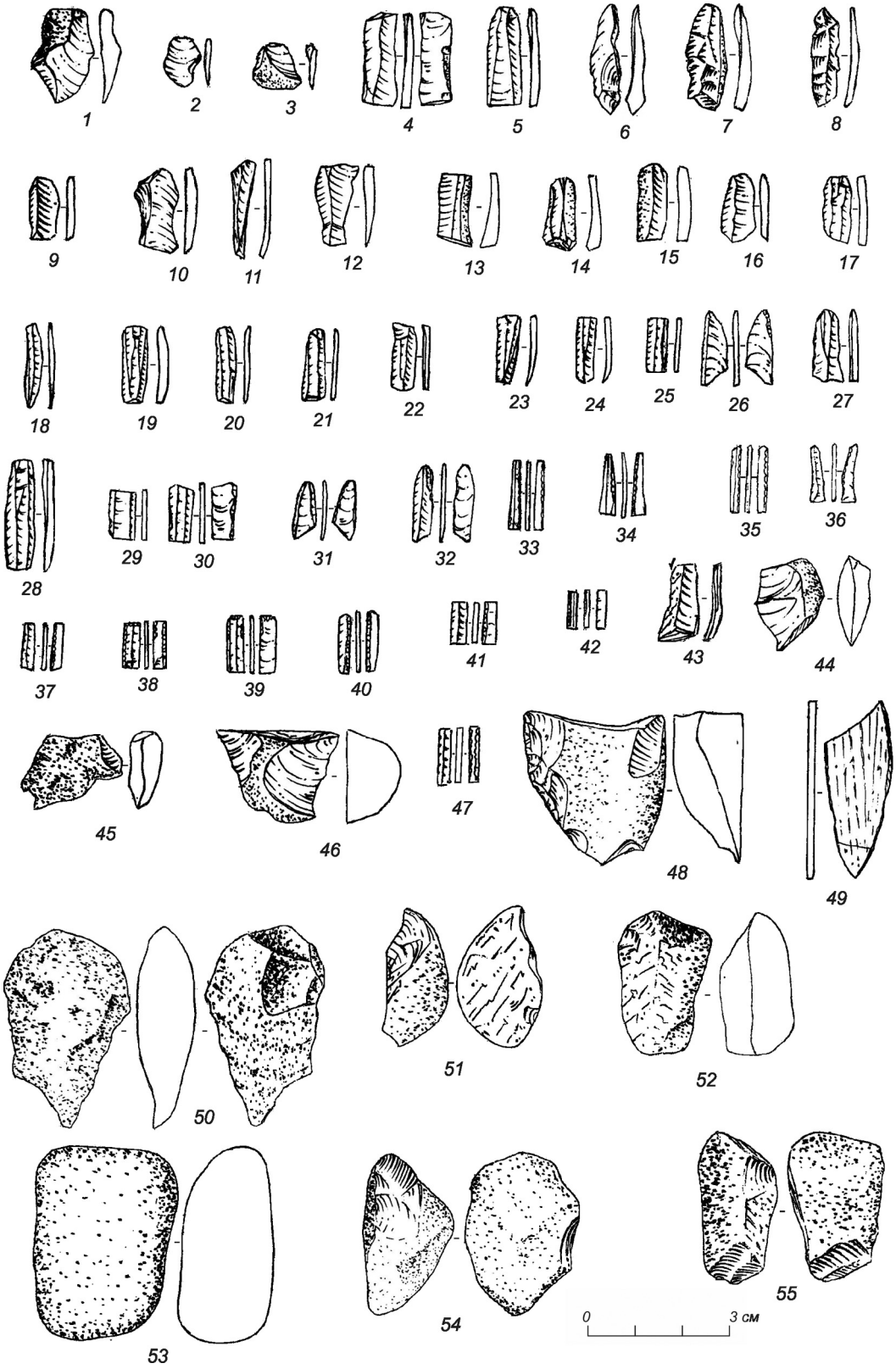


Рис. 5. Погребение № 11: *1–3, 44–46, 50 – отщепы; 4–42, 47 – пластинчатые сколы и пластины; 43 – резец; 48 – отщеп с ретушью; 49 – обломок шлифованного нефритового изделия; 51, 52, 54, 55 – обломки и заготовки нуклеусов; 53 – галька*

Fig. 5. Burial No.11: *1–3, 44–46, 50 – flakes, 4–42, 47 – blade–like flakes and blades; 43 – chisel; 48 – retouched flake; 49 – fragment of polished jade implement; 51, 52, 54, 55 – fragments and preforms of the cores; 53 – pebbles*

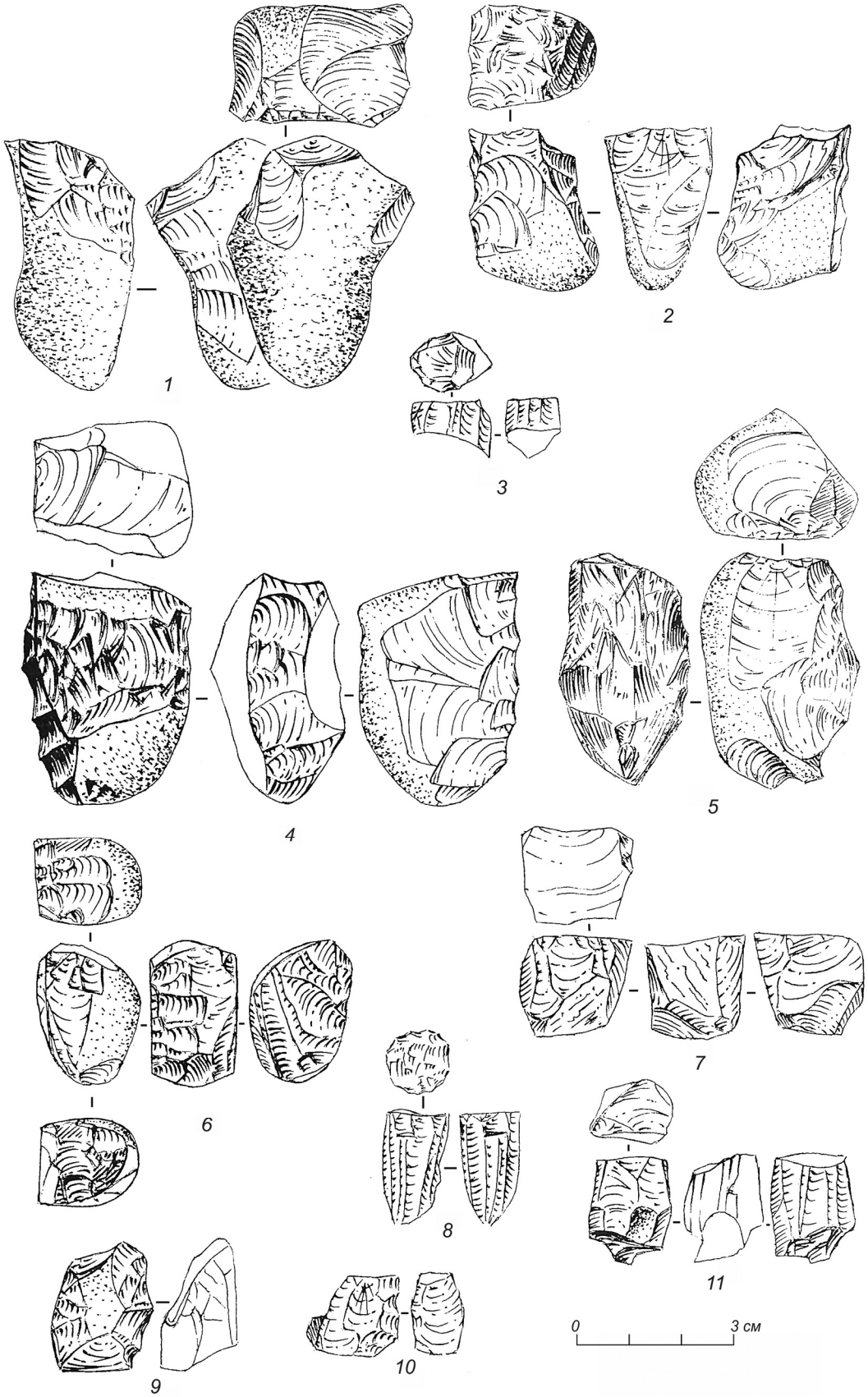


Рис. 6. Погребение № 11: *1–11 – заготовки нуклеусов*
Fig. 6. Burial No. 11: *1–11 – core preforms*

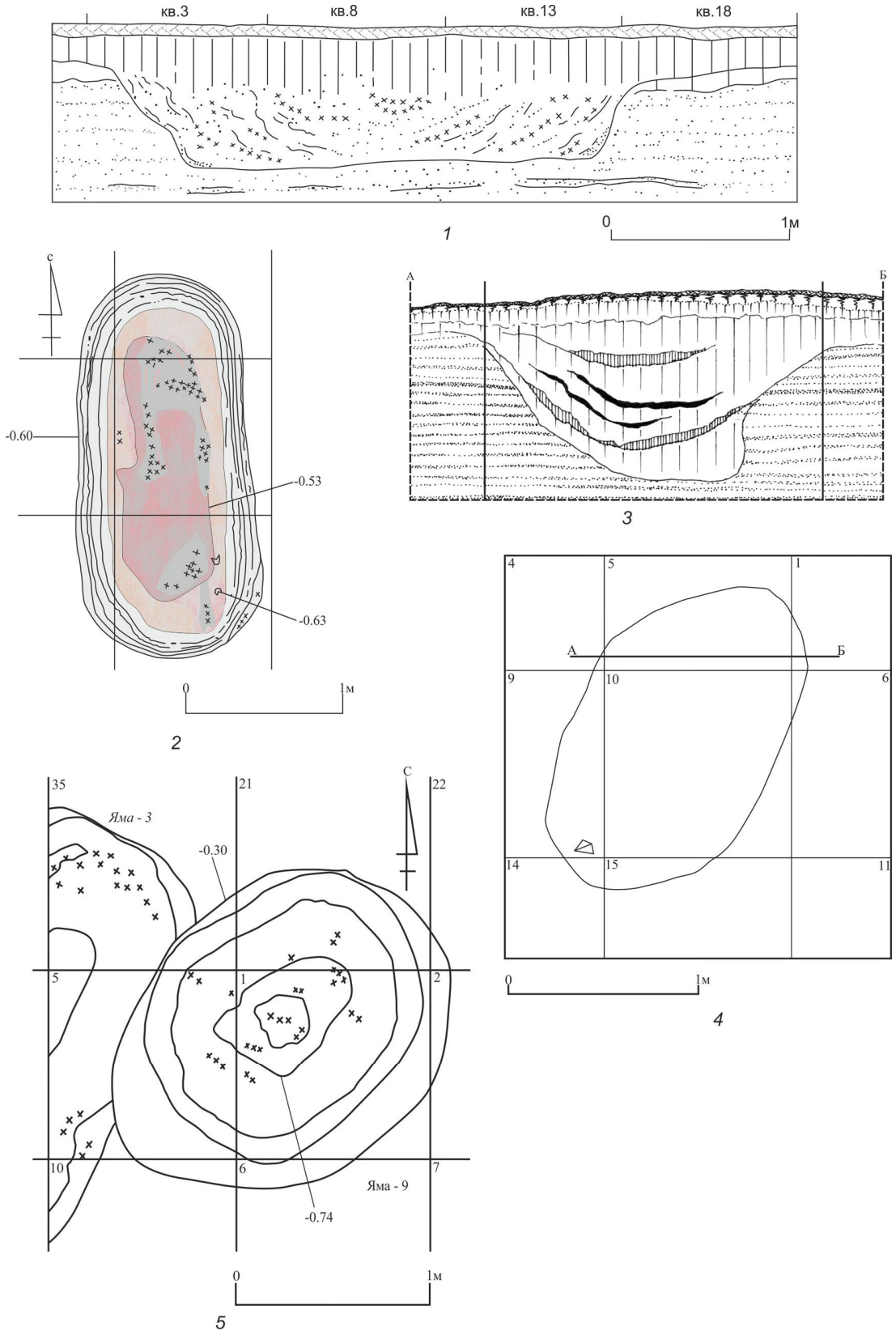
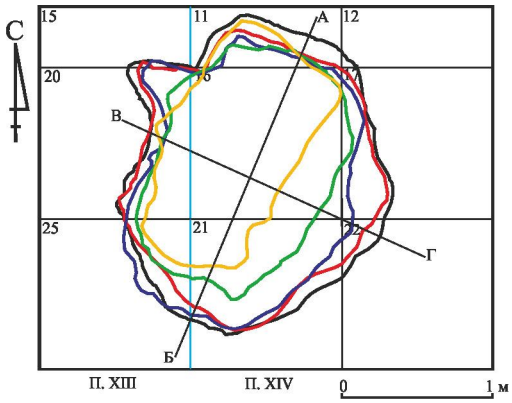
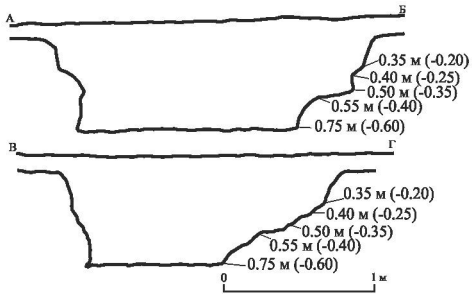


Рис. 7. Ямы № 9, 12, 14: *1 – разрез ямы № 12; 2 – план ямы № 12; 3 – разрез ямы № 14; 4 – план ямы № 14; 5 – план ямы № 9*

Fig. 7. Pits No. 9, 12, 14: *1 – Section of the pit No. 12; 2 – plan of the pit No. 12; 3 – section of the pit No. 14; 4 – plan of the pit No. 14; 5 – plan of the pit No. 9*

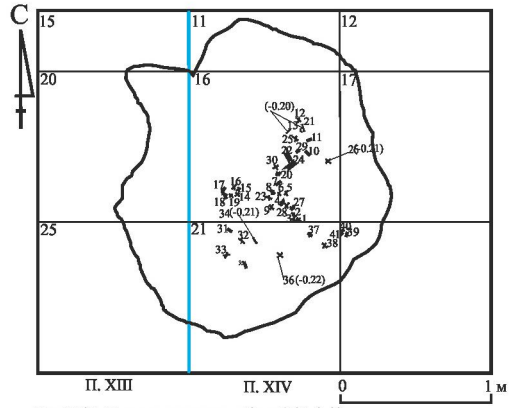


1



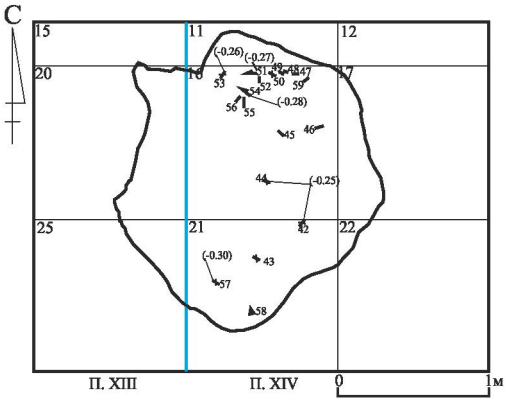
2. Продольный разрез по линии А-Б (СВ-ЮЗ).
3. Поперечный разрез по линии В-Г (СЗ-ЮВ).

2



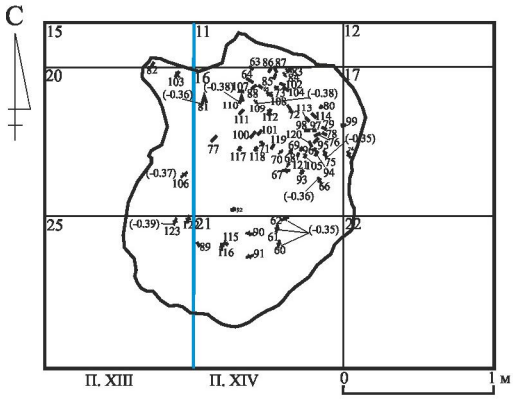
Яма №15. План находок на глубине 0,35-0,40 м

3



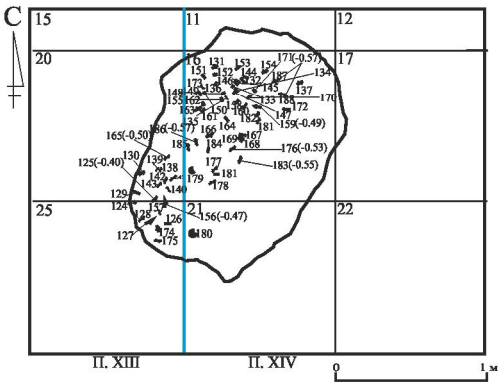
Яма №15. План находок на глубине 0,40-0,50 м

4



Яма №15. План находок на глубине 0,50-0,55 м

5



Яма №15. План находок на глубине 0,55-0,75 м

6

Рис. 8. Ритуальная яма № 15: *1 – контуры ямы; 2 – профили ямы; 3–6 – планы ямы на разных уровнях фиксации – разборки*

Fig. 8. Ritual pit No. 15: *1 – pit contours; 2 – pit profiles; 3–6 – pit plans at different levels of excavation*

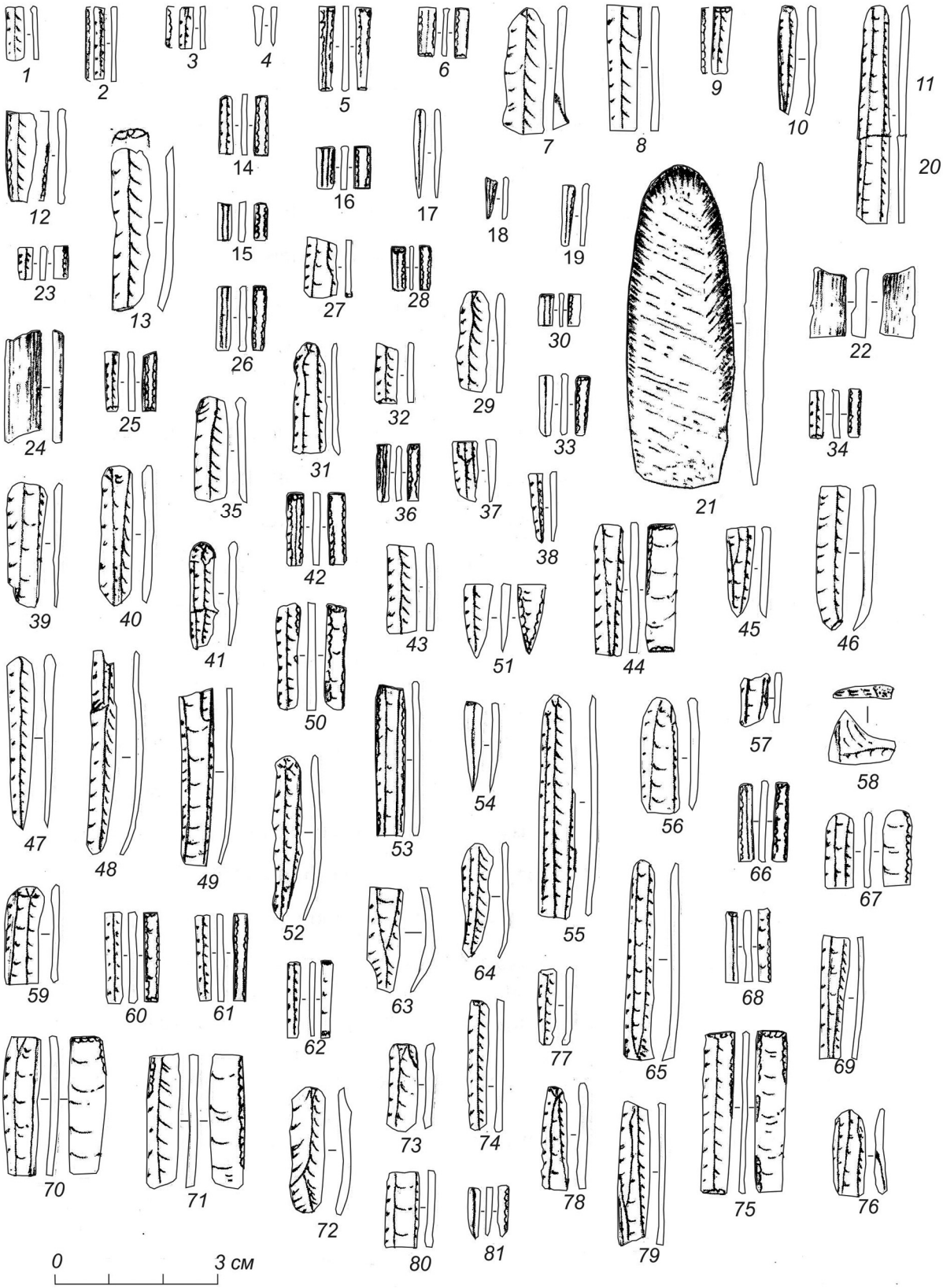


Рис. 9. Ритуальная яма № 15: *1–20, 22–57, 59–76 – пластины; 21 – шлифованное изделие из нефрита; 58 – отщеп. Номера предметов соответствуют номерам, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок*
Fig. 9. Ritual pit No. 15: *1–20, 22–57, 59–76 – blades; 21 – polished jade artifact; 58 – flake. The item numbers correspond to the numbers under which the finds were recorded on the plan during excavations*

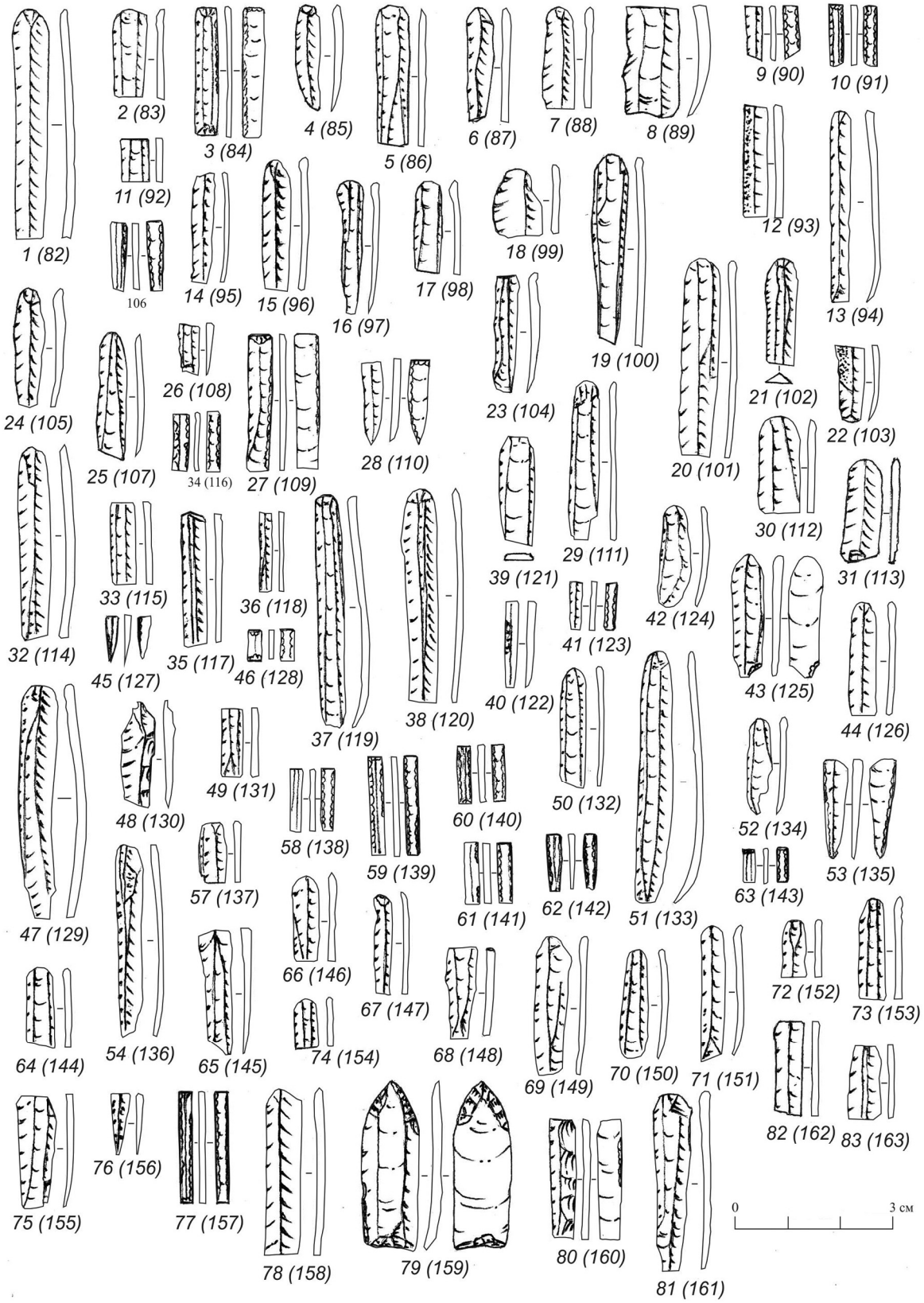


Рис. 10. Ритуальная яма № 15: *1–81 – пластины. В скобках даны номера, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок*

Fig. 10. Ritual pit No. 15: *1–81 – blades. In parentheses are numbers under which the findings were recorded on the plan during excavations*

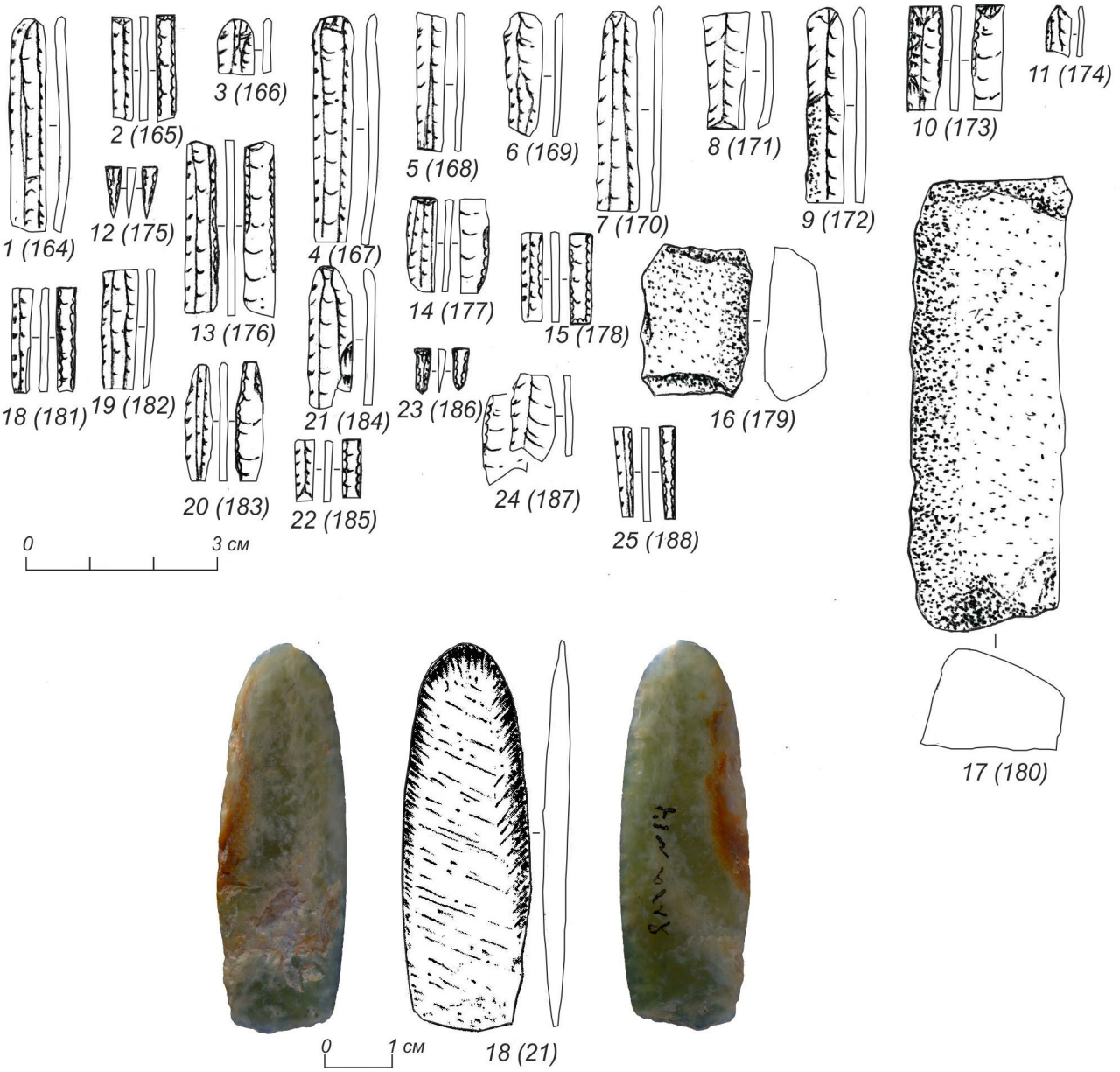


Рис. 11. Ритуальная яма № 15: *1–15, 18–25 – пластины; 16, 17 – колотая галька; 18 – шлифованное изделие из нефрита (фото и рисунок). В скобках даны номера, под которыми находки фиксировались на плане в процессе раскопок.* ***Ритуальная яма № 14:*** *19 – стратиграфический разрез; 20 – план*

Fig. 11. Ritual pit No. 15: *1–15, 18–25 – blades; 16, 17 – crushed pebbles; 18 – polished jade artifact (photo and figure). In parentheses are numbers under which the findings were recorded on the plan during excavations.* ***Ritual pit No. 14:*** *19 – stratigraphic section; 20 – plan*

1

2

Рис. 12. Погребения № 10 и № 11: *1 – фото стратиграфического разреза погребения № 10;*
2 – фото горизонтальных и вертикального разрезов ямы погребения № 11
Fig. 12. Burials No. 10 and No. 11: *1 – photo of the stratigraphic section of burial No. 10;*
2 – photo of horizontal and vertical sections of the pit of burial No. 11

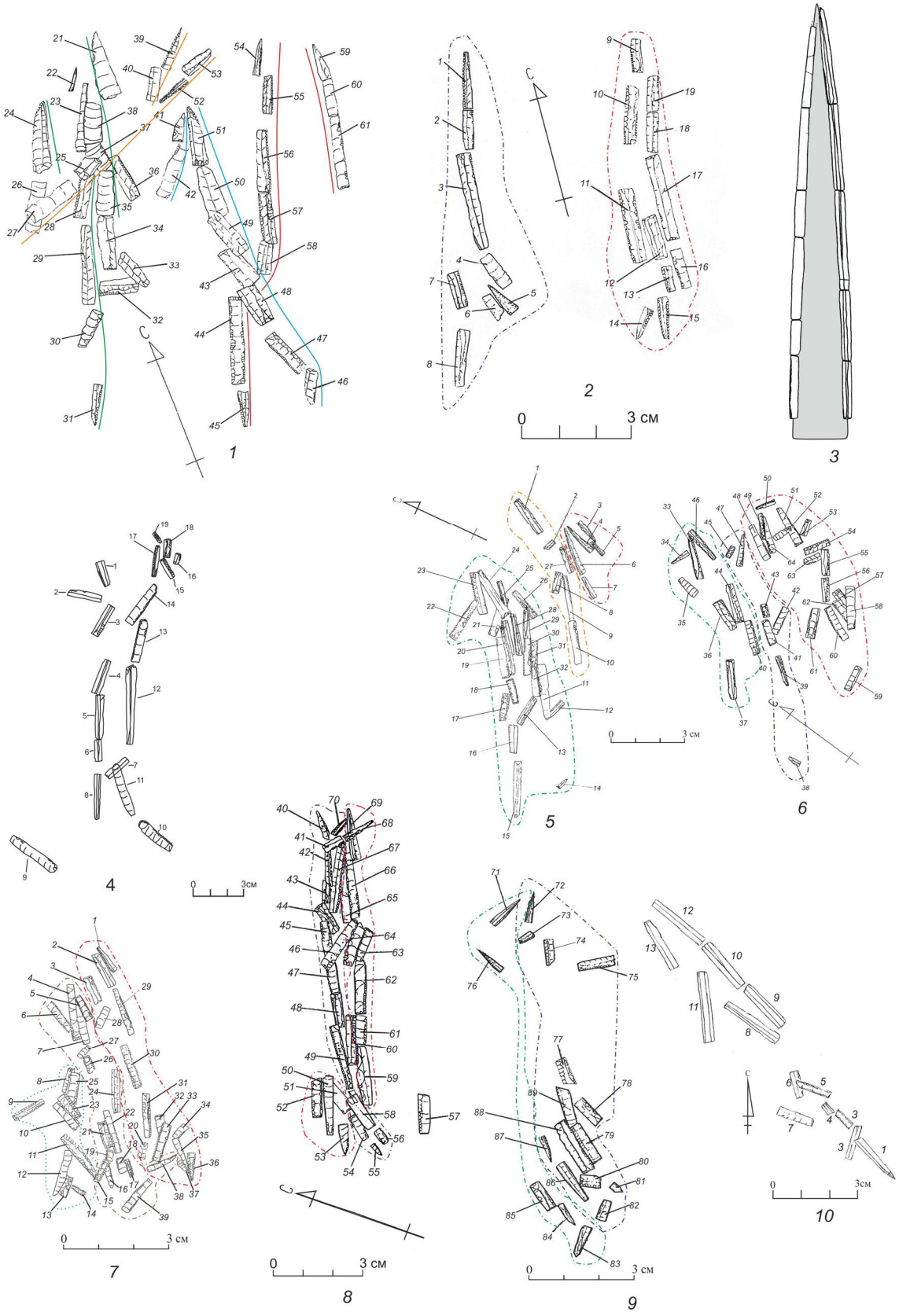


Рис. 13. Остатки вкладышевых орудий: *1, 2 – погребение № 4; 4–9 – погребение № 6; 10 – погребение № 10; 3 – реконструкция*

Fig. 13. Remains of insert tools: *1, 2 – burial No. 4; 4–9 – burial No. 6; 10 – burial No. 10; 3 – reconstruction*

песок, меняющийся к центру на серый, желтовато-серый с вкраплениями угля и сажистых примазок. В центральной части заполнения выявлена вогнутая линза угля (рис. 12.2). С самого начала местами прослеживались пятна охры с перерастанием ко дну в сплошную засыпку (рис. 4.3, 4). На глубине 0,25–0,45 м (засыпка) были найдены 3 отщепа и 2 призматические пластины (рис. 5.1–5). На дне ямы (глубина 0,65 м) благодаря использованию пульверизатора удалось выявить контуры черепной коробки человека и по зубам восстановить расположение нижней челюсти. На некотором отдалении обнаружено несколько зубов и фрагмент трубчатой кости. В юго-западной части ямы, на самом краю, было зафиксировано скопление каменных артефактов размерами 0,34 × 0,20 м, густо засыпанное охрой красновато-бурого цвета (рис. 4.4, 5, 6). В скоплении обнаружено 62 предмета: 37 пластинчатых сколов и пластин (рис. 5.6–42), часть из которых ретуширована (рис. 5.47), одна пластина носит негатив резцового продольного скола (рис. 5.43), 3 отщепа (рис. 5.44–46), ретушированный по краю отщеп (рис. 5.48), обломок шлифованного нефритового изделия (рис. 5.49), окатанный отщеп (рис. 5.50), галька (рис. 5.53), заготовки нуклеусов, нуклеусы и обломки нуклеусов (рис. 5.51–55; 6.1–11), плитка песчаника округлой формы, обколотая по краю с обеих сторон (рис. 4.6).

Яма № 12 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Длинной осью яма, имевшая форму овала, ориентирована по линии север – юг (рис. 7.1, 2). В южной ее части на глубине 0,55–0,60 м найдены отщеп и колотая галька, на глубине 0,70 м – колотая галька. Экстремальная точка дна, приходящаяся на его северную половину, фиксировалась на глубине 0,80 м от дневной поверхности. Заполнение ямы насыщено древесным углем и содержит в засыпке несколько предметов.

Яма (кенотаф) № 14 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Была раскопана в 1993 г. Е.М. Инешиным в результате прирезки к раскопу 1977 г., расположенной в двух метрах к северо-западу от погребения № 1 (Инешин, 1995; Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Яма прослежена с глубины 0,30 м от дневной поверхности (рис. 7.3). Основная ориентация ямы ЮЗ – СВ (рис. 7.4). В ходе раскрытия ямы хорошо читались четыре углистые прослойки в ее заполнении. Из одной из них взят уголь на радиоуглеродный анализ (табл.; рис. 14). На дне зафиксированы комочки охры. В юго-западном углу ямы в вертикальном положении обнаружена уплощенная оббитая галька.

Яма (кенотаф) № 15 (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). Фиксировалась с глубины 0,35 м от дневной поверхности. На глубине 0,35 м имела форму неправильного овала размером 2,05 × 1,50 м, вытянутого по длинной оси по линии СВ – ЮЗ (рис. 8.1–3). Ко дну (глубина 0,75 м) приобрела очертания неправильного прямоугольника с округлыми углами, размерами 1,60 × 1,10 м (рис. 8.6). Во всей толще засыпки по условно выделенным пластам фиксировались артефакты 188 экземпляров (рис. 8.3–6, 9, 10, 11). Материал представлен призматическими пластинами и их сегментами, в том числе ретушированными (рис. 9.1–20, 22–81; 10.1–78, 80–82; 11.1–15), на глубине 0, 35 м в северо-восточной части был обнаружен нож из светло-зелёного нефрита (рис. 9.21; 11.18). Помимо означенных артефактов были найдены отщеп (рис. 9.58), наконечник стрелы на пластине (рис. 10.79), обломки гальки (рис. 11.16–17) и фрагменты костей птиц. По структуре яма № 15 схожа с ямами погребений (присутствие охры, угля, ориентация по длинной оси по линии СВ – ЮЗ). Остатков скелета человека найдено не было.

Таким образом, на могильнике Старый Витим II на сегодняшний день известно 8 погребений человека, 7 ям ритуального (кенотафы), либо хозяйственного назначения.

Обсуждение

В общей сложности за все годы исследования стоянки-могильника Старый Витим II раскопано 15 ям (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). В восьми из них (№ 1–6, 10, 11) были выявлены остатки костяка, зубы, позволившие определить эти объекты как погребения. В них был и самый выразительный погребальный инвентарь. Еще че-

Таблица

Радиоуглеродные даты археологического местонахождения Старый Витим II

Table

Radiocarbon data of the Staryi Vitim II site

Номер	14C дата	Календарный возраст, л. н. (95,4 %)	Медиана, л. н.	Образец	Погреб./рит. комплекс
ТО-11562	6830±70	7826-7571	7669	кость	2
ТО-11563	23140±270	27842-26881	27415	кость	3
ТО-11565	3070±310	4090-2651	3276	кость	5
ТО-11566	5860±430	7595-5877	6718	кость	6
ТО-11567	5520±70	6452-6186	6324	кость	11
ТО-11569	1460±60	1424-1285	1360	кость	13
ТО-11570	6730±70	7691-7467	7594	уголь	1
ТО-11571	6630±80	7659-7420	7517	уголь	3
ТО-11572	6350±70	7429-7158	7286	уголь	4
ТО-11573	1890+70	1992-1692	1829	уголь	5
ТО-11574	6630±80	7659-7420	7517	уголь	6
ТО-11575	3320±70	3713-3387	3553	уголь	7
ТО-11576	3480±60	3896-3593	3754	уголь	8
ТО-11577	9320±80	10711-10721	10519	уголь	9
ТО-11578	4340±60	5064-4823	4928	уголь	10
SOAN-4433	6415±70	7443-7239	7344	уголь	4
SOAN-4434	7280±65	8204-7962	8095	уголь	2
SOAN-4435	6500±60	7510-7287	7411	уголь	3
GIN-9002	4550±90	5470-4958	5192	уголь	

тыре ямы (№ 7, 9, 14, 15) воспроизводили ту же ориентацию с ЮЗ на СВ и ту же подпрямоугольную форму. Эти ямы определены как кенотафы. Две из них (№ 7 и 15) равно как и погребения содержали археологический материал (инвентарь?), охру, были потревожены более поздним вторжением. Яма № 7 была нарушена, во-первых, как и остальные, поздним вторжением, во-вторых, она частично разрушена более поздней ямой № 13. В яме № 7 найдено шлифованное нефритовое тесло – характерный для погребений предмет. В этой связи допустимо предположить, что ею является разрушенная могила. А еще две ямы (№ 9 и 14) инвентаря не имели, были, практически, пустыми. В этой связи мы допускаем возможность того, что они вырыты впрок и не использованы по погребально-ритуальному назначению.

В плане погребения и кенотафы ложились в три линии, ориентированные с СЗ на ЮВ (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 12. Рис. 2). 1-я линия состояла с ЮВ на СЗ из трех могил № 5, 1, 2 и одного кенотафа № 14, расположенного между могилами № 1 и 2, на один корпус выбиваясь из линии на ЮЗ. 2-я линия, самая многочисленная, состояла из погребений № 10, 6, 3, кенотафа № 9, погребений № 3, 4, кенотафа № 7. Эта линия отстоит от первой на 3–4 м к северо-востоку. 3-я линия расположена на 2,5–3 м северо-восточней второй линии, состояла из погребения № 11 и кенотафа № 15. Следует отметить, что пустые кенотафы № 14 и 9 расположены, практически, напротив друг друга в 1-й и 2-й линиях, по отношению друг к другу – по одной линии, совпадающей с ориентацией ям – с ЮЗ на СВ. Между ними расстояние – 7,10 м.

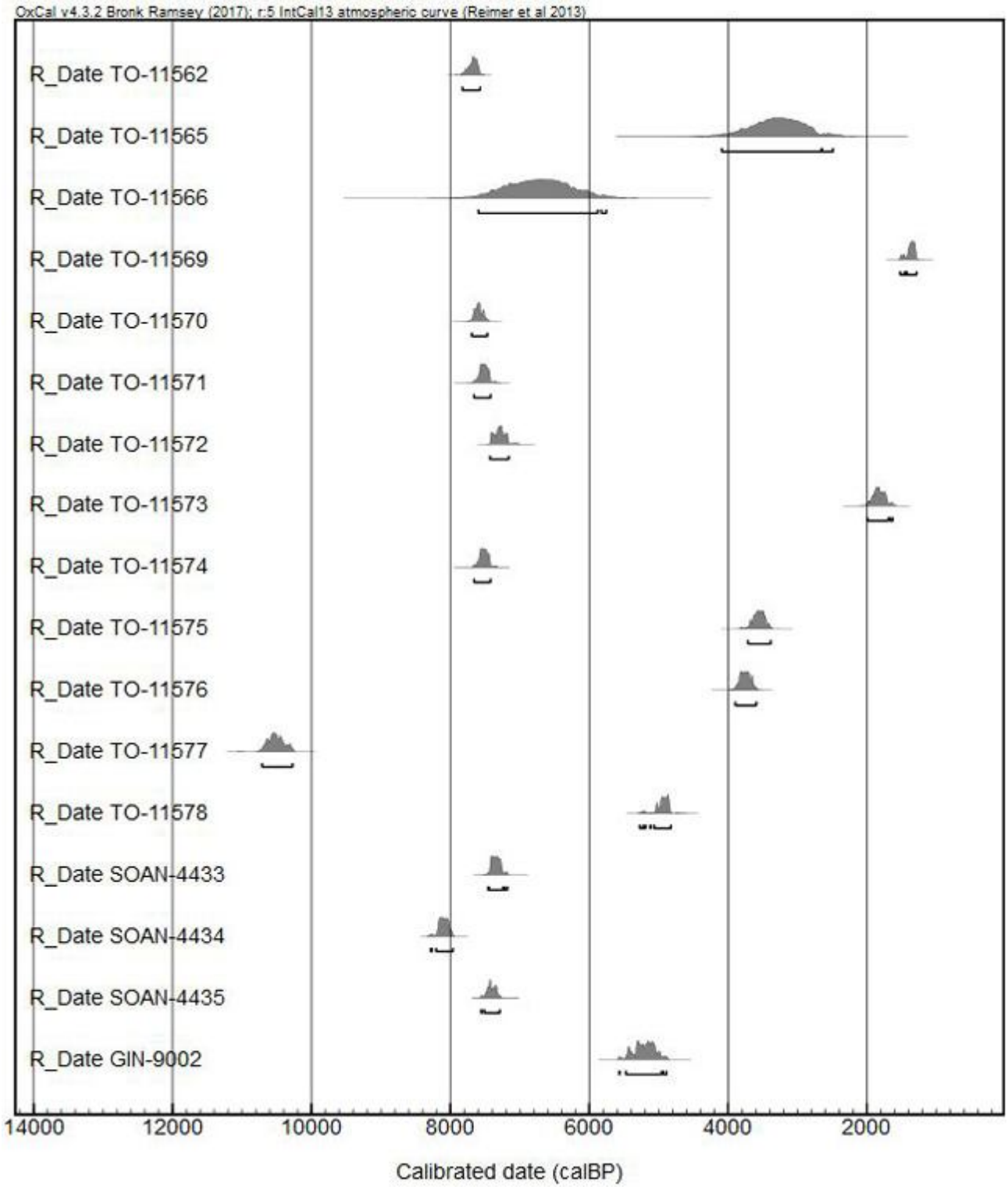


Рис. 14. Радиоуглеродное датирование ям (погребений, кенотафов, хозяйственных ям) стоянки-могильника Старый Витим II

Fig. 14. Radiocarbon dating of pits (burials, cenotaphs, utility pits) of the Staryi Vitim II site

Еще три ямы (№ 8, 12, 13) отличаются и от погребений, и от кенотафов тем, что, во-первых, не имеют общей с ними ориентации на ЮЗ – СВ, во-вторых, не имели ни остатков костяка, ни охры, ни характерного для могильника инвентаря. В этих трех ямах были единичные находки в заполнении, судя по некоторым из них, более поздние, скорее происходящие из стояночных культурных горизонтов. Поскольку яма № 13 нарушила яму (кенотаф) № 7, велика вероятность, что пятно охры и единичные находки оказались в ее заполнении из более ранней ямы № 7. Ямы № 12 и 13 – овальные, вытянутые с Ю на С. Яма № 8 – округлая. Яма № 8, примерно, на 4 метра отстоит к югу от ближайшей к ней 1-й линии ям. Яма № 12 расположена между 1-й и 2-й линиями и юго-восточнее самых крайних их погребений. Яма № 13 наложена на юго-западный угол ямы кенотафа № 7, самого крайнего во 2-й линии могильника. Мы считаем, что ямы № 8, 12 и 13 не имеют прямого отношения к могильнику, более поздние и, вероятно, не ритуальные.

Опишем теперь характерные признаки погребений. Ямы могил и кенотафов подпрямоугольные, варьируют в глубине от 0,30 до 0,60 м, все ориентированы с ЮЗ на СВ. Вероятно, некоторые ямы какое-то время оставались открытыми, выкапывались заранее (как в случае с кенотафами), что привело в ряде ям к заплыванию стенок. Все погребения засыпаны слоем чистой, темно-красной, порошкообразной охры мощностью до 5 см (рис. 4.3; 12.1) (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 20. Рис. 6.26; С. 21. Рис. 7.39; С. 23. Рис. 8.4; С. 28. Рис. 13.3). По характеристике Е.И. Демонтеровой (Институт земной коры СО РАН, Иркутск), охра представлена мономинеральным веществом (без примесей), состоящем из шариковых отдельностей гематита, создающих мажущий след. Охра подстилала и перекрывала костяки. Погребенные лежали на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на ЮЗ, лицевой частью на ЮВ (удалось проследить по ямам № 3, 4, 5). Сопроводительный инвентарь состоял из вкладышевых двулезвийных наконечников или кинжалов, вкладышами которых являлись микропластины из прозрачного, белого халцедона, заготовок и законченных оббитых и шлифованных орудий из светло-зеленого нефрита (тесел, ножей, остроконечников), цилиндрических пирофиллитовых бусин. Отдельно следует отметить стерженек китойского типа от составного рыболовного крючка, обнаруженный в ходе расчистки погребения 1977 г. (№ 1) на дне могильной ямы. Найденный в погребении № 1 скребок – также единственный. Скопления погребального инвентаря регистрировались в районе черепа и сбоку от костяка, в районе груди – живота. В качестве поделочного материала предпочтение древними отдавалось халцедону, нефриту, пирофиллиту.

Основу охотничьего вооружения могильника Старый Витим II составляют вкладышевые двулезвийные клинки. Несмотря на то, что костяные обоймы не уцелели, а пластины-вкладыши не всегда сохранили геометрию лезвий, по совокупности признаков предпринята попытка выделения вкладышевых наконечников в скоплениях: два в погребении № 1, шесть в погребении № 4 (рис. 13.1–2), четырнадцать – в погребении № 6 (рис. 13.4–9), два – в погребении № 10 (рис. 3.13–10). Предварительный трасологический осмотр вкладышей, проведенный А.А. Улановым под бинокуляром МБС-10, показал наличие на них следов ударного воздействия. Характерной чертой этих сложносоставных, композитных орудий является заправка левого и правого лезвий пластинами-вкладышами по антитезе, т. е., если одно лезвие несло пластины дорсальным фасом вверх, то другое – дорсалом вниз (рис. 13.3) (Ветров, 1982. Рис. 8.1). Отмечено, что окончание лезвий оформлено, как правило, асимметрично-остроконечными вкладышами, ретушированными мелкой краевой ретушью. Всего найдено 64 концевых вкладыша. Если рассчитывать количество орудий, исходя из четырех концевых вкладышей на два лезвия – одну обойму, то их должно быть 16. Наконечники были сложены в районе живота – груди погребенного, и если это охотничьи наконечники, а не кинжалы, то они были сняты с древков. Исключение составляет погребение № 4, где скопление вкладышевых орудий находилось за спиной костяка. В наиболее богатых на наконечники могилах № 6 и 4 эти орудия, похо-

же, были уложены компактно, параллельно друг другу. Изделия представляли собой двулезвийные вкладышевые орудия, предположительно, шириной от 1 до 1,7 см, и длинной клинка от 9 до 18 см.

На могильнике Старый Витим II найдена самая большая на Витиме серия изделий из светло-зеленого витимского нефрита – 17 предметов. Это – два шлифованных тесла в погребении № 5; пять тесловидных оббитых форм, две овальные оббитые, две остроконечные оббитые формы, один шлифованный нож, один обломок шлифованного лезвия тесла в погребении № 6 (всего 11 предметов); одно шлифованное тесло в яме-кенотафе № 7; одно оббитое тесло и один обломок шлифованного ножа в погребении № 10; шлифованный нож в яме-кенотафе № 15. Два шлифованных ножа отличаются друг от друга. Один – широкий с прямым лезвием и выпуклым обушком происходит из погребения № 6, определен В.И. Базалийским (Иркутский государственный университет) как, так называемый, строгальный нож (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 28. Рис. 13.4). Другой нож из кенотафа № 15 имеет узкую прямую форму (рис. 11.18). Оба несут следы работы. Все оббитые предметы первоначально были восприняты как заготовки шлифованных тесел и ножей. Однако предварительный трасологический осмотр их А.А. Улановым под бинокуляром МБС-10 показал, что часть оббитых вещей уже была в работе: это один остроконечник (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 28. Рис. 13.1) и овальное изделие со следами скребковой работы одним продольным краем (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 27. Рис. 12.4). Шлифованные тесла также уже были амортизированы. В погребении № 6 оббитые нефритовые изделия лежали скоплением в районе головы (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 26. Рис. 11.1, 2). В погребении № 10 оббитое тесло – в районе живота.

Засыпка могильных ям и кенотафов представляет структурно сложное явление. Практически, во всех могилах на разных уровнях засыпки ямы, в разных дирекциях залегания фиксировались археологические материалы. Это может означать, что имело место позднее вторжение в захоронение и засыпка затем отвалом вторичной ямы, хаотично включающим в себя артефакты со дна могилы. Затем важнейшей чертой погребений № 1, 3, 4, 6, 7, 11, кенотафа № 14 является образование одной или нескольких (в случае с ямами № 3, 14) линз угля на неполной засыпке ямы (рис. 7.3; 12.2) (Ветров, Шергин, Тетенькин, 2019. С. 20. Рис. 6.26). По нашему мнению и по мнению В.И. Базалийского, с которым мы консультировались, линзы угля в депрессиях частично засыпанных ям являются артефактом и должны быть интерпретированы как ритуальное событие, в неизвестной степени отстоящее от самого погребения.

Если судить по радиоуглеродным датам из углей таких линз, костры в частично засыпанных древних могилах горели на несколько тысяч лет позднее: около 5,3–4,8 и около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. (табл.; рис. 14). Имея стояночные материалы 1 и 2 культурных горизонтов, мы вправе предположить их связь и рассматривать версию вмешательства в погребения обитателей эпизодов этих горизонтов. Следует отметить, что материалы погребений и культурных горизонтов отличны друг от друга по ряду признаков. Если в погребениях доминирует белый халцедон, то на стоянке – оранжевый и желтый халцедон. На стоянке нет нуклеусов и пластин, соразмерных длинным (до 4 см) пластинам из могил. На стоянке нет орудий из нефрита. В погребениях нет бифасиальных вкладышевых изделий и бифасиальных наконечников стрел, как нет и керамики. В этом отношении выделяется яма № 13, в засыпке которой найден такой бифас-вкладыш (рис. 1.7). Стратиграфически яма более поздняя по отношению к нарушенному ею кенотафу № 7. Вероятно, она, а также ямы № 8 и № 12 (третья группа ям) возникли в одном из эпизодов обитания людей здесь на стоянке.

Автором раскопок В.М. Ветровым неоднократно предпринимались усилия по датированию могильника (табл. 1; рис. 14). Сложности радиоуглеродного анализа, однако, имеют комплексный характер. Крайне плохая сохранность костей привела к низкому содержанию коллагена и в итоге к разбросу дат. На этот недостаток указывали специалисты радиоуглеродной лаборатории Торонто.

Угли из засыпки, как оказалось, не обеспечивают «прямого датирования», поскольку, как удалось выявить, засыпка ям не являлась одноактным погребальным действием. А наличие двух явно более древних дат может указывать на попадание в ямы древней углефицированной древесины (использование в качестве дров?). Попутно стоит отметить, что песчаные отложения Муйской долины богаты древней погребенной древесиной. Пожалуй, единственным решением этой проблемы может стать накопление статистики радиоуглеродных дат. На сегодняшний день получено 19 дат (табл.; рис. 14). Из них девять определений лежат в возрастном диапазоне около 8,2–7,2 тыс. календ. л. н., еще две даты находятся в диапазоне около 5,3–4,8 тыс. календ. л. н. и три даты в диапазоне около 3,9–3,4 тыс. календ. л. н. Все даты древнего интервала получены из погребений. Мы считаем, что в оценке возраста могильника можем опереться на эту серию.

На начальном этапе исследований в основу датировки могильника Старый Витим II были положены стратиграфическое наблюдение и типологический анализ сопроводительного инвентаря по аналогиям с погребальными комплексами и со стоянками долины Витима и Западного и Восточного Прибайкалья в целом (Базалийский, 2012; Ветров, 2008; Георгиевская, 1989; Горюнова, 1997; Горюнова, 2002; Ивашина, 1979; Конопацкий, 1982; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008; Людников, 2010; Окладников, 1950; Окладников, 1974; Окладников, 1975; Окладников, 1976). Морфотипологический поиск обнаруживает наибольшие параллели по ритуалу захоронений и набору сопроводительного инвентаря с щукинской западнобайкальской хронологической группой погребений (Базалийский, 2012). Схожие черты могильников Щукино, Долгополова, Ерши проявляются в идентичном скорченном на боку трупоположении, наличии охры. Их сопроводительный инвентарь также имеет схожесть с инвентарем могильника Старый Витим II в таких позициях как призматические пластины, вкладышевые лезвия, шлифованные рубящие орудия. Радиоуглеродный возраст данной группы определяется в пределах 7500–7000 л. н. (Базалийский, 2012. С. 58).

С другой стороны, обсуждая характерные особенности погребального обряда могильника Старый Витим II, следует отметить, что для юга Забайкалья подобное положение костяков с наличием охры относится к наиболее ранним (Константинов, 1994; Лбова, Жамбалтарова, 2004; Лбова, Жамбалтарова, Конев, 2008). В четырех погребениях, отнесенных к китойскому времени, могильника Бухусан на оз. Исинга в Еравнинской котловине отмечена подобная практика. По ним имеются даты в диапазоне от 6650±90 л. н. (ГИН–444) до 4520±50 л. н. (ГИН–4803) (Мамонова, Сулержицкий, 1989). Причем в трех погребениях отмечается охра и скорченное на правом боку положение костяка (Ивашина, 1979; Ивашина, 2000). Аналогично к признакам погребальных комплексов фофановской (восточнобайкальской) ранненеолитической группы относятся «трупоположение на боку с подогнутыми ногами, юго-западная ориентировка погребенных, отсутствие составных рыболовных крючков китойского типа, бифасиально обработанных наконечников стрел и керамики» (Базалийский, 2012. С. 69). Аналогию по признакам засыпки погребенных охрой и трупоположения на правом боку с подогнутыми ногами мы находим и в хоторукской группе захоронений (приольхонский вариант китойской погребальной практики) (Горюнова, Новиков, 2018. С. 65; Конопацкий, 1982), по комплексу остальных признаков (ориентация, надмогильные и внутримогильные сооружения, инвентарь и др.) отличной от Старого Витима II.

Ближайшее к Старому Витиму II погребение зафиксировано на местонахождении Нижняя Джилинда (Сивакон) I, расположенном южнее Южно-Муйского хребта в Бамбуйской котловине. В этом погребении присутствовали изделия и заготовки из нефрита, цилиндрические бусины из агальматолита, призматические пластины, обойма вкладышевого двулезвийного кинжала из кости, жала составного рыболовного крючка, (Ветров, Задонин, Инешин, 1993). Радиоуглеродная дата 7230±40 л. н. (ГИН–405) с Сиваконского погребения, сделанная по костям скелета, хронологически несколько

древнее или близка возрасту могильника Старый Витим II. Общими для обоих погребальных памятников (Старый Витим II и Сивакон I) являются вкладышевые орудия, цилиндрические бусины, а также сам факт использования витимского светло-зеленого нефрита. Различия отмечаются в отсутствии каменой кладки и внутримогильных плит в погребениях Старого Витима II, в положении костных остатков, наличии и отсутствии отдельных категорий инвентаря (например, костяное жало рыболовного крючка на Сиваконе I, тесла на Старом Витиме II).

Обращают на себя внимание находки и на Старом Витиме II, и на Сиваконе I артефактов, привычно относимых археологами к китойскому комплексу: это стерженек рыболовного крючка «китойского типа» из погребения № 1 Старого Витима II и треугольные шлифованные ножи из перекрытия погребения на Сиваконе I (слой 5а). Хронологически Старый Витим II близок, а Сивакон I несколько древнее ранней возрастной границы китойской группы (Базалийский, 2012). По общему облику трупоположения и погребального инвентаря в целом погребения Старого Витима II контрастно отличаются от «классических» китойских могил Южного Прибайкалья.

На местонахождении Усть-Каренга XVI, которое расположено в устье р. Каренги (правый приток р. Витим), известны две ритуальные ямы с охрой и инвентарём (Ветров, 2008). Артефакты в них сконцентрированы компактной группой в западной части ямы. Возможно, изначально они находились в какой-то ёмкости. Остатков скелета человека не обнаружено (кенотафы?). Описанные ямы датированы атлантическим периодом. Аналогии с ритуальными ямами, в частности, с погребением № 11, кенотафом № 15, расположенными на археологическом объекте Старый Витим II, выражаются в засыпке ям охрой, наличии «запаса» призматических нуклеусов и микропластин.

Заключение

На могильнике Старый Витим II на сегодняшний день известно 8 погребений, 4 ритуальные ямы, интерпретированные как кенотафы, и еще 3 ямы, определенные как более поздние, не ритуальные.

В рамках археологической периодизации могильник отнесён к рубежу мезолита – раннему неолиту календарным возрастом около 8,2–7,2 тыс. л. н. По погребальному обряду и инвентарю была отмечена схожесть погребений с щукинской финальномезолитической группой Прибайкалья и ранненеолитической фофановской группой погребений южного Забайкалья. Обсуждаются имеющиеся на Старом Витиме II единичные признаки китойской культуры Прибайкалья. Региональный археологический контекст могильнику Старый Витим II составляют погребение со стоянки Нижняя Джилинда (Сивакон I) и ритуальные ямы стоянки Усть-Каренга XVI на Верхнем Витиме.

Отмечается вскрытие погребений и кенотафов в более позднее время и организация, вероятно, ритуальных костров в не полностью засыпанных ямах. Даты по углю из этих кострищ определяют возраст около 5,2–3,2 тыс. календарных лет назад. Возможно, с этими эпизодами ритуальной постпогребальной практики связаны более поздние по отношению к могильнику культурные горизонты, отнесенные по типологии керамики к усть-юмурченской культуре Верхнего Витима.

Библиографический список

Базалийский В.И. Погребальные комплексы эпохи позднего мезолита – неолита Байкальской Сибири: традиции погребений, абсолютный возраст // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2012. Вып. 9. С. 43–101.

Ветров В.М. Археологические исследования в Муйской котловине (1976–1978) // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири: сб. науч. тр.

References

Bazaliiskii V.I. (2012) Funeral complexes of the Late Mesolithic – Neolithic of Baikal Siberia: burial traditions, absolute age. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 9. P. 43–101. (In Russ.)

Vetrov V.M. (1982) Archaeological research in the Muya depression (1976–1978). *Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Vostochnoi Sibiri: sb. nauch. tr.* = The

Иркутск: Изд-во Иркутского госуниверситета. 1982. С. 86–100.

Ветров В.М. Ритуальный комплекс в устье р. Каренга (долина р. Витим) и некоторые проблемы неолита Восточной Сибири // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2008. Вып. 6. С. 28–43.

Ветров В.М., Задонин О.В., Инешин Е.М. Многослойное местонахождение Нижняя Джилинда (Сивакон I) в Бамбуйской котловине // Культуры и памятники эпохи камня и раннего металла Забайкалья. Новосибирск: Наука, 1993. С. 98–113.

Ветров В.М., Шергин Д.Е., Тетенькин А.В. Стоянка-могильник Старый Витим II в Муйско-Куандинской котловине (Республика Бурятия). Ч. 1: Погребально-ритуальные комплексы № 1–6 // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15 (4). С. 9–34.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Горюнова О.И. Древние могильники Прибайкалья (неолит – бронзовый век). Иркутск: Изд-во ИГУ, 2002. 84 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г. Результаты изучения и датирования погребальных комплексов раннего неолита Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 23. С. 44–70.

Ивашина Л.Г. Неолит и энеолит лесостепной зоны Бурятии. Новосибирск, 1979. 154 с.

Ивашина Л.Г. Элементы китойской культуры в неолите Забайкалья // Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии. Т. 1: Археология. Этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. С. 55–63.

Инешин Е.М. Некоторые аспекты создания модели деятельности человека в плейстоцене в горно-таежной зоне (Байкало-Патомское нагорье, нижнее течение р. Витим) // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. Новосибирск, 1995. С. 187–189.

material culture of the ancient population of Eastern Siberia: Collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 86–100. (In Russ.)

Vetrov V.M. (2008) Ritual complex at the mouth of the River Karenga (valley of the Vitim River) and some problems of the Neolithic of Eastern Siberia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 6. P. 28–43. (In Russ.)

Vetrov V.M., Zadonin O.V., Ineshin E.M. (1993) The multilayered site Lower Dzhilinda (Sivakon I) in the Bambuy depression. *Kul'tury i pamyatniki epokhi kamnya i rannego metalla Zabaikal'ya* = Cultures and sites of the Stone and Early Metal Ages of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 98–113. (In Russ.)

Vetrov V.M., Shergin D.E., Teten'kin A.V. (2019) The archaeological site Staryi Vitim II in the Muisko-Kuandinsky depression (Republic of Buryatia). Part 1: Funeral and ritual complexes No. 1–6. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 15. No. 4. P. 9–34. (In Russ.)

Georgievskaya G.M. (1989) Kitoy culture of the Cis-Baikal region. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (2002) Ancient burial sites of the Cis-Baikal region (Neolithic – Bronze Age). Irkutsk: Irkutsk State University. 84 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burials in the Ol'khon Area (Lake Baikal). Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 112 p. (In Russ.)

Goryunova O.I., Novikov A.G. (2018) The results of the study and dating of burial sites of the Early Neolithic in the Ol'khon Area (Lake Baikal). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology. Vol. 23. P. 44–70. (In Russ.)

Ivashina L.G. (1979) Neolithic and Eneolithic forest-steppe zone of Buryatia. Novosibirsk. 154 p. (In Russ.)

Ivashina L.G. (2000) Elements of Kitoi culture in the Neolithic of the Transbaikalia. *Problemy istorii i kul'tury kochevykh tsivilizatsii Tsentral'noi Azii. Vol. 1: Arkheologiya. Etnologiya* = Problems of history and culture of nomadic civilizations of Central Asia. Vol. 1: Archeology. Ethnology. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr SO RAN. P. 55–63. (In Russ.)

Ineshin E.M. (1995) Some aspects of creating a model of human activity in the Pleistocene in the mountain taiga zone (Baikal-Patom Highlands, lower reaches of the Vitim River). *Obozrenie rezul'tatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1993 godu* = Review of the results of field and laboratory studies of archaeologists, ethnographers and anthropologists of Siberia and the Far East in 1993. Novosibirsk. P. 187–189. (In Russ.)

Конопацкий А.К. Древние культуры Байкала (о. Ольхон). Новосибирск: Наука, 1982. 176 с.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996), Улан-Удэ – Чита: ИОН БНЦ СО РАН; Читинский государственный пединститут им Н.Г. Чернышевского, 1994. 177 с.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д. Архетипы в первобытной культуре (дихотомия сознания в материалах раннего неолита Забайкалья) // Евразия: Культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 3: Парадоксы археологии. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2004. С. 200–210.

Лбова Л.В., Жамбалтарова Е.Д., Конев В.П. Погребальные комплексы неолита – раннего бронзового века Забайкалья (формирование архетипов первобытной культуры). Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2008. 248 с.

Людников В.О. Могильник Старый Витим II в Муйской котловине // Евразийское культурное пространство. Археология, этнология, антропология: Материалы докладов V(L) Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых учёных (Иркутск, 4–9 апреля 2010 г.). Иркутск: Оттиск, 2010. С. 154–155.

Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д. Опыт датирования по 14С погребений Прибайкалья эпохи голоцена // Советская археология. 1989. № 1. С. 19–32.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.-Л., 1950. Ч. 1–2. 412 с. (МИА, № 18).

Окладников А.П. Неолитические памятники Ангары. Новосибирск, 1974. 317 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Нижней Ангары. Новосибирск, 1976. 327 с.

Окладников А.П. Неолитические памятники Средней Ангары. Новосибирск, 1975. 318 с.

Konopatskii A.K. (1982) Ancient cultures of Lake Baikal (Olkhon Island). Novosibirsk: Nauka. 176 p. (In Russ.)

Konstantinov M.V. (1994) The Stone Age of the eastern region of Baikal Asia. To the World Archaeological Inter-Congress (Transbaikalia, 1996). Ulan-Ude – Chita: Institut obshchestvennykh nauk Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi Akademii nauk; Chitinskii gosudarstvennyi pedinstitut im N.G. Chernyshevskogo. 177 p. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D. (2004) Archetypes in primitive culture (dichotomy of consciousness in the materials of the early Neolithic of Transbaikalia). *Evraziya: Kul'turnoe nasledie drevnikh tsivilizatsii Iss. 3. Paradoksy arkheologii* = Eurasia: The cultural heritage of ancient civilizations. Vol. 3: The Paradoxes of Archeology. Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. P. 200–210. (In Russ.)

Lbova L.V., Zhambaltarova E.D., Konev V.P. (2008) Burial sites of the Neolithic – Early Bronze Age of Transbaikalia (the formation of archetypes of primitive culture). Novosibirsk: Institut arkheologii i etnografii SO RAN. 248 p. (In Russ.)

Lyudnikov V.O. (2010) The cemetery Staryi Vitim II in the Muya depression. *Evraziiskoe kul'turnoe prostranstvo. Arkheologiya, etnologiya, antropologiya: Materialy dokladov V(L) Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh (Irkutsk, 4–9 aprelya 2010 g.)* = Eurasian cultural space. Archeology, Ethnology, Anthropology: Proceedings of reports of the V (L) Russian (with International Participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and Young Scientists (Irkutsk, April 4–9, 2010). Irkutsk: Ottisk. P. 154–155. (In Russ.)

Mamonova N.N., Sulerzhitskii L.D. (1989) The experience of the 14C dating of burials of the Baikal region of the Holocene. *Sovetskaya arkheologiya* = Soviet Archaeology. No. 1. P. 19–32. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Cis-Baikal region. Moscow – Leningrad. Pt. 1–2. 412 p. (MIA, No. 18). (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1974) Neolithic sites of the Angara valley. Novosibirsk. 317 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1976) Neolithic sites of the lower reaches of Angara valley. Novosibirsk. 327 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1975) Neolithic sites of the middle reaches of Angara valley. Novosibirsk. 318 p. (In Russ.)

Критерии авторства

В.М. Ветров, Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин выполнили исследовательскую работу. Д.Л. Шергин, А.В. Тетенькин на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

V.M. Vetrov, D.L. Shergin, A.V. Tetenkin made the research work. D.L. Shergin, A.V. Tetenkin on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Ветров Виктор Михайлович,
кандидат исторических наук, доцент, заведующий Лабораторией археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия
Шергин Дмитрий Леонидович,
старший преподаватель кафедры истории и методики, Лаборатория археологии и этнографии Педагогического института,
Иркутский государственный университет,
664011, г. Иркутск, ул. Сухэ-Батора, 9, Россия,
✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru
Тетенькин Алексей Владимирович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074 г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: altet@list.ru

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Victor M. Vetrov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9, Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia
Dmitry L. Shergin,
Senior Lecturer of the Department of History and Methods, Laboratory of Archaeology and Ethnography of Pedagogical Institute,
Irkutsk State University,
9, Sukhbaatar street, Irkutsk 664011, Russia,
✉ e-mail: dmitriy-shergin@rambler.ru
Aleksey V. Tetenkin,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher, Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Systems of Life of peoples of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: altet@list.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.222(571.53)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-35-61

Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья

© А.М. Кузнецов[a], С.П. Дударёк[a], Д.Н. Лохов[a], Е.О. Роговской[a], Н.А. Савельев[a], А.А. Тимощенко[b]

[a] Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия
[b] Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск, Россия

Аннотация: Рассматриваются баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья. Исследовательской базой работы выступают 235 артефактов с трех местонахождений Като-Ёдарминского расширения р. Ангары – стоянок Усть-Ёдарма II, Остров Лиственичный Пункт 2 и Сосновый Мыс. Анализ показал наличие двух выраженных баллистических особенностей наконечников стрел на островных и материковой стоянках. Ключевыми характеристиками при производстве наконечников было соотношение массы и площади поперечного сечения орудий. Вариации этих параметров определяли функциональную специфику. Дуализм этого феномена выражается в формуле «высокая скорость/низкая кинетическая энергия – низкая скорость/высокая кинетическая энергия». На материковом объекте, в условиях таежной зоны, дистанция выстрела была ограничена вследствие залесённости территории. Для поражения добычи требовались наконечники большой массы, обеспечивающие шоковое ударное воздействие. Кроме того, лесные массивы предполагали варианты использования засадной охоты, также снижающей требования к дистанции выстрела. Специфика островных объектов, растительность которых отличается разреженностью, предполагала большие дистанции охоты, однако одновременно увеличивала шансы на успешное преследование добычи. В дизайне наконечников это отразилось на уменьшении их массы, компенсированной большей площадью нанесения ран.

Ключевые слова: Байкальская Сибирь, средний голоцен, неолит, каменные наконечники, метательное вооружение, баллистика, конструктивные особенности, ударные повреждения, адаптационная стратегия

Благодарности: Работа выполнена по гранту Правительства РФ, проект № 075-15-2019-866 «Байкальская Сибирь в каменном веке: на перекрестке миров». Авторы выражают глубокую признательность сотруднику НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, кандидату исторических наук С.А. Когаю за ценные замечания и комментарии при подготовке исследования.

Информация о статье: Дата поступления 17 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Кузнецов А.М., Дударёк С.П., Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Савельев Н.А., Тимощенко А.А. Баллистические характеристики каменных наконечников среднего голоцена Северного Приангарья // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 35–61. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-35-61

Ballistic Features of Lithic Points in the Middle Holocene of North Angara region

© A.M. Kuznetsov[a], S.P. Dudarek[a], D.N. Lokhov[a], E.O. Rogovskoi[a], N.A. Saveliev[a], A.A. Timoshchenko[b]

[a] Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
[b] Institute of Archaeology and Ethnography, Novosibirsk, Russia

Abstract: The article concentrates on ballistic features of lithic points in the Middle Holocene of North Angara region. Research base of the research consists of 235 artifacts from three sites of Kato-Yodarma extension of the Angara River – Ust-Yodarma II, Ostrov Listvenichny – Point 2, Sosnovy Mys. The analysis shows the presence of two pronounced ballistic characteristics of the points on the island and mainland sites. A key feature of points is the ratio of mass and tip cross-sectional area. The dualism of this phenomenon is expressed in the formula "high speed/low kinetic energy – low speed/high kinetic energy". As an explanation, the variant of hunting at different distances is proposed. On the mainland, in the conditions of the boreal (taiga) zone, the distance of the shot was limited due to the forest cover of the territory. For fatal shot it was required the point of a large mass, providing a high shock impact. In addition, the forests suggested options for using ambush hunting, also reducing the requirements for the distance of the shot. The specificity of the island objects, whose vegetation is sparse, assumed long distances of hunting, however, at the same time increased the chances of successful pursuit of prey. In the design of the tips, this was reflected in a decrease in their mass, compensated by a larger area of application of wounds.

Keywords: Baikal Siberia, Middle Holocene, Neolithic, lithic points, projectile weapon, ballistics, design features, diagnostic impact fractures, adaptive strategy

Acknowledgements: This work was conducted under a grant from the Government of the Russian Federation, project № 074-02-2019-866 "Baikal Siberia in the Stone Age: at the crossroads of the worlds". Special thanks go to S.A. Kogai (SRC "Baikal region") for invaluable help with preparation of the investigation.

Article info: Received January 17, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Kuznetsov A.M., Dudarek S.P., Lokhov D.N., Rogovskoi E.O., Saveliev N.A., Timoshchenko N.A. (2020) Ballistic features of lithic points in the Middle Holocene of North Angara region. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 35–61. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-35-61

Введение

По результатам современных исследований именно появление композитного метательного вооружения стало ключевой инновацией в процессе распространения популяций Homo Sapiens в Западной Евразии в период после 50 тыс. некал. л. н. (Churchill, Rhodes, 2009. P. 202–203; Shea, 2006. P. 842; Shea, Sisk, 2010. P. 116). Новые возможности, появившиеся в связи с увеличением дистанции поражения добычи, повлекли за собой изменение стратегий охоты и, в конечном счете, расширение экологической ниши, занимаемой древними охотниками-собирателями (Shea, 2009. P. 189). Решение проблемы функциональной классификации этого вида вооружения таким образом дает ключ к пониманию адаптационных механизмов человека к условиям окружающей среды, изменяющимся во времени и пространстве. Другими словами, конструкция элементов композитного метательного вооружения в сравнительной пространственной или хронометрической ретроспективе может нести информацию о стратегиях охоты, энергетических (производственных) факторах, доступности пищевых ресурсов, мобильности древних охотников-собирателей (Foley, Lahr, 2003; Azevedo, Charlin, Gonzales-Jose, 2014. P. 297).

Изготовление и применение композитного метательного оружия предполагает комбинирование и обработку различных типов сырья, корректировку двигательных усилий, механизмов и снарядов в соответствии с аэродинамическими, механическими и баллистическими требованиями, предъявляемыми соответствующими законами физики (Serwatka, 2017. P. 263). Однако специфика археологического источника вносит свои коррективы в исследования композитного метательного вооружения, так как древко оружия в большинстве случаев было представлено органическими материалами. Находки полноценного снаряда (стрела, дротик) в культуросодержащих горизонтах каменного века представляют собой уникальные случаи (Schick, 1998; Callanan, 2013. P. 737; Wierer, Arrighi, Bertola, Kaufmann, Baumgarten, Pedrotti, Pernter, Pelegrin, 2018). Практически повсеместно сохраняется лишь головная часть метательного снаряда, его каменный наконечник.

В зарубежной археологии термин «наконечник» («point») зачастую аналогичен термину «ост-

рие» («point»), причем в обоих случаях речь идет о морфологии изделия (Васильев, Бозински, Бредли, Вишняцкий, Гиря, Грибченко и др., 2007. С. 148–152, 163–166)[1]. В отечественной традиции нет четкой грани между этими группировками. Например, Г.И. Медведев, отмечая некоторую условность термина и его функционального наполнения, определяет наконечники как одну из наиболее устойчивых морфологических группировок в индустрии бифасиально обработанных каменных артефактов (Медведев, 1981. С. 30). Р.К. Римантене и К.Е. Агеева отмечают, что в отечественной историографии принято интерпретировать как наконечники стрел только черешковые экземпляры (Римантене, 1978. С. 20; Агеева, 2007. С. 121). Через призму морфотипологического подхода в настоящей работе авторы определяют наконечники как каменные острия, характеризующиеся подработкой дистальной части, с выдержанной равномерной толщиной, в том числе острия на призматических пластинах. Данный подход обеспечивает отсутствие субъективной оценки функционального наполнения артефактов и дает четкие критерии для выборки объекта исследования.

Целью настоящей работы авторы ставят исследование баллистических характеристик каменных наконечников Северного Приангарья в среднем голоцене. Типологические и трасологические исследования в данной работе играют подчиненную роль и выполняют задачи первичной классификации выборки и выделения в ней целевых форм, то есть, собственно, наконечников композитного метательного вооружения.

Исследование выполнено на базе анализа 235 целых и фрагментированных наконечников метательного вооружения, а также их идентифицируемых заготовок с трех многослойных местонахождений Северного Приангарья – стоянок Усть-Ёдарма II, Остров Лиственичный Пункт 2 и Сосновый Мыс. Основными критериями выбора именно этих объектов послужило наличие больших серий каменных наконечников в относительно ненарушенном стратиграфическом среднеголоценовом контексте, полнота археозоологических данных, территориальная близость стоянок – все они расположены в районе Като-Ёдарминского расширения нижнего течения р. Ангары.

Методы анализа каменных наконечников

Морфотипологический анализ

Морфотипологический анализ наконечников, благодаря их ярко выраженной морфологической изменчивости и массовости в археологических коллекциях, часто используют для построения моделей хронологических и культурных вариаций, как в региональном, так и субрегиональном масштабе (см., напр.: Молодин, Глушков, 1989; Агеева, 2007; Базалийский, 2010; Слободин, 2018). В зарубежных исследованиях морфотипологический анализ обычно дополнен статистическими методами проверки соответствия геометрической формы выделенным морфологическим типам с целью верификации морфометрической вариабельности (Azevedo, Charlin, Gonzales-Jose, 2014; Fox, 2015; Borrell, Stefanisko, 2016; Serwatka, 2017). Рассматривая историографию изучения наконечников Байкальской Сибири, можно отметить, что большинство исследователей использовали как раз морфотипологический подход (Окладников, 1950; Окладников, 1955; Георгиевская, 1989; Горюнова, 1997; Базалийский, 2010; Дударёк, Федоров, 2015).

Трасологический анализ

Трасологические параметры артефактов позволяют соотнести тип орудий с их действительным функциональным наполнением. Большая часть исследований в этой сфере основывается на идентификации макротрасологических следов на дистальной и проксимальной части наконечника, вызванных контактом орудия с жертвой, в частности с костью. Микротрасологические параметры, такие как заполированность поверхностей, не могут быть четкими идентификаторами функции, так как контакт с мясом и костью у наконечников весьма кратковременный, а контактный материал

[1] Васильев С.А., Бозински Г., Бредли Б.А., Вишняцкий Л.Б., Гиря Е.Ю., Грибченко Ю.Н., Желтова М.Н., Тихонов А.Н. Четырехъязычный (русско-англо-франко-немецкий) словарь-справочник по археологии палеолита. СПб.: Петербургское востоковедение, 2007. 264 с.

слишком вариабельный (шкура, мясо, кость различной плотности) (Rots, Plisson, 2014. P. 156).

Подобные макротрасологические следы на дистальной части в зарубежных исследованиях часто называют «диагностируемые ударные разрушения» (Diagnostic impact fractures – DIF). Их анализ является одним из наиболее часто используемых методов идентификации функционального типа наконечника. В основе классификации подобных повреждений лежат экспериментальные исследования, позволившие выявить типы ударных разрушений, характерных только для метательного вооружения (Fischer, Hansen, Rasmussen, 1984; Odell, Cowan, 1986; Dockall, 1997; Lombard, 2005; Pargeter, 2011; Coppe, Rots, 2017). Однако стоит отметить, что ряд исследователей подчеркивает необходимость использования также и других признаков, идентифицирующих функциональное наполнение для наконечников (Rots, Plisson, 2014. P. 163).

В настоящей работе используются четыре, наиболее часто идентифицируемые повреждения, и, как правило, все они дислоцированы на дистальной части наконечника. К ним относятся: негативы со ступенчатым окончанием (1); линейные негативы скола конической либо любой другой формы, длиной более 6 мм, если они фиксируются только на одном фасе (2), или независимо от размера, если они фиксируются на обоих фасах (3); негативы, напоминающие следы от удаления резцового скола, вдоль одного из краев (4).

Следы простого слома, когда негатив скола перпендикулярен или почти перпендикулярен продольной оси и практически не распространяется на фас изделия, часто фиксируются в коллекциях наконечников. Однако они не могут быть приняты как надежный индикатор метательной функции, так как такого рода повреждения образовываются, в том числе в процессе производства (переоформления) орудий, депозиционных и постдепозиционных процессов (Dockall, 1997. P. 326).

Анализ баллистических характеристик

Важность исследования баллистических характеристик наконечников исходит из самой постановки проблемы изучения метательного вооружения. Единственным мотивом проектирования разных форм и размеров подобных орудий в каменном веке является желание охотника поразить цель (Коробейников, Митюков, 2007. С. 3). По крайней мере, это относится к артефактам, обнаруженным не в вотивных и погребальных комплексах (кладах, погребениях, ритуальных святилищах). Исходя из этого, предмет исследования баллистических характеристик наконечников лежит в анализе взаимодействия головной части снаряда с добычей.

Способность снаряда наносить проникающие повреждения зависит от формы его головной части, площади поперечного сечения и кинетической энергии (Коробейников, Митюков, 2007. С. 10). Большое значение при рассмотрении формы наконечника приобретает угол заострения орудия, так как именно от него во многом зависит проникающая способность снаряда. Площадь поперечного сечения также несёт информацию о степени потенциального повреждения добычи. Очевидно, что при одинаковой кинетической энергии снаряд с меньшей площадью поперечного сечения имеет большую проникающую способность. Кинетическая энергия снаряда может формироваться из мускульных усилий (дротик) либо передаваться посредством механических приспособлений (лук, копьеметалка). Единственным естественным усилителем кинетической энергии в этом случае выступает масса снаряда, с одной стороны, увеличивающая его убойную силу, с другой – также увеличивающая силу тяжести снаряда в полете, что приводит к уменьшению дистанции. Длина наконечника влияет на процессы раневой баллистики, т. е. глубину поражения цели. Аэродинамические параметры снаряда (стрела, дротик) здесь не рассматриваются, так как они практически не коррелируют с формой и конструкцией наконечника, а определяются, в первую очередь, оперением (при наличии) и площадью поверхности древка (Коробейников, Митюков, 2007. С. 50).

Расчет одного из перечисленных параметров или их совокупности вкупе с этнографическими и экспериментальными данными может дать ин-

формацию о типах и характеристиках метательного вооружения древнего населения.

Масса наконечника является важным атрибутом баллистических характеристик наконечника. Тяжелые наконечники увеличивают общую массу снаряда, также увеличивая его кинетическую энергию и убойную силу. В то же время добавленная масса увеличивает сопротивление и заставляет снаряд двигаться на меньшее расстояние и по более дугообразной траектории. Логично предположить, что в условиях бореальной (таежной) зоны, где большое влияние на характер полета снаряда может оказать подлесок, масса снаряда имела решающее значение для траектории выстрела.

Этот параметр используется многими исследователями для разграничения систем метательного вооружения. На основе экспериментальных данных консенсусным значением в современных исследованиях принята предельная масса наконечника стрелы в 11–13 г (Borrell, Stefanisko, 2016. P. 135). Все артефакты тяжелее этого значения предполагают функцию колющего копья либо дротика. Спорным моментом такой дифференциации является зависимость общей массы наконечника от типа и способа насада и материала, используемого для крепления наконечника к древку.

Угол заострения наконечника или угол схождения краев в дистальной части наконечника оказывает влияние на степень проникновения орудия в тело добычи. Очевидно, что чем угол ближе к 90°, тем больше шанс рикошета либо поверхностного ранения, особенно в условиях реальной охоты, где в момент соприкосновения с добычей угол между продольной осью снаряда и поверхностью цели определяется множеством ситуативных факторов.

В литературе фигурируют различные данные по соотношению угла заострения наконечника с эффективностью пробития цели. В ходе эксперимента было подтверждено, что наконечники метательного вооружения с углами больше 63° почти всегда не имеют проникающей способности (Odell, Cowan, 1986. P. 203). Существуют также расчеты, основанные на баллистических принципах, которые показывают, что наконечники стрел с углами наконечника более 55° не могут быть функциональными, так как они не обеспечивают пробитие шкуры животного (Serwatka, 2017. P. 269). Максимальные результаты при условии не очень толстой шкуры показывают наконечники с углами в диапазоне от 30° до 40°; в случае очень крупных животных, представленных африканской фауной, угол должен быть не более 20° (Friis-Hansen, 1990. P. 497).

Учитывая большое количество наконечников листовидной формы в выборке, углы в настоящем исследовании измерялись по апробированной методике, предполагающей проведение прямых на контуре дистальной четверти артефактов, соединяющих точку пересечения контура орудия с перпендикуляром от продольной оси и крайнюю дистальную точку наконечника (Odell, Cowan, 1986. P. 210). При этом применялись возможности графических редакторов с функциями измерения угла. Использовались фотографии фаса целых либо фрагментированных до дистальной части артефактов.

Длина наконечников имеет критическое значение в процессе анализа раневой баллистики при одном условии: если кинетическая энергия исчерпана в момент пробития шкуры и жировой ткани. В этом случае длина проникающей (рабочей) части орудия может оказаться недостаточной для поражения внутренних органов. Но если энергия снаряда не исчерпана и его движение в тканях продолжается, то крепежные элементы и древко раздвигают прямые и длинные кромки раневого канала, ослабленные разрывом; они легко отгибаются и крепежные элементы, а за ним и древко снаряда, входят вовнутрь. При дальнейшем движении древко соприкасается со стенками отверстия всего в двух точках, и его затирание минимально (Коробейников, Митюков, 2007. С. 127).

Из этого следует, что показатель длины, как баллистической характеристики, косвенно связан с параметрами массы наконечника. Это утверждение базируется на предпосылке одинаковой (максимальной) кинетической мощности систем метательного вооружения, используемых в охоте. В противном случае следует

принять положение об использовании луков или копьеметалок разной мощности в рамках одного промыслового акта либо предположить разную степень усилия при натяжении лука или метании у древнего охотника. Однако в условиях, когда охота была напрямую связана с вопросами выживания, подобная производственная «нерациональность» вряд ли была возможна.

Кроме того, длина наконечника напрямую зависит от степени его ремонтопригодности. Чаще всего в результате использования повреждается наиболее контактная часть наконечника – его дистальный сегмент. Соответственно, орудия, диапазон длины которых оставлял возможность для минимального переоформления после повреждения с сохранением эффективных баллистических параметров (угол заострения, площадь поперечного сечения), были более предпочтительны у древнего охотника (Cheshier, Kelly, 2006).

Площадь поперечного сечения наконечника также несет информацию о проникающей способности снаряда. Она высчитывается путем умножения максимальной ширины и толщины артефакта и деления отношения на два (Hughes, 1998. P. 354; Shea, Sisk, 2010. P. 108; Borrell, Stefanisko, 2016. P. 138; Serwatka, 2017. P. 268). Данный показатель, в отличие от остальных баллистических параметров, практически не зависит от процессов переоформления орудия и поэтому может использоваться в качестве маркера типа метательного вооружения.

В соответствии со стандартной процедурой работы с параметром площади поперечного сечения, полученные результаты сравниваются с параметрами этнографических орудий с заранее известной функцией из собраний музеев Северной Америки и Австралии, а также экспериментальных образцов (Thomas, 1978; Shott, 1997; Hughes, 1998; Borrell, Stefanisko, 2016. P. 139).

В научной среде имеет место критика данного метода, основанная на факте длительной эволюции систем метательного вооружения и необязательном совпадении всех технологических аспектов (крепежных элементов и древка) у позднеплейстоценовых и этнографических орудий (Clarkson, 2016). Тем не менее информация по площади поперечного сечения дает широкий простор для построения схем культурной вариабельности и адаптации древних обществ к изменяющимся условиям окружающей среды.

Материалы

Исходная выборка включает артефакты из каменных коллекций трех многослойных местонахождений Като-Ёдарминского расширения нижнего течения р. Ангары (Северное Приангарье). Это Усть-Ёдарма II, Сосновый Мыс и Остров Лиственичный Пункт 2.

На всех рассматриваемых местонахождениях в рамках Богучанской археологической экспедиции СО РАН за период 2008–2012 гг. были проведены крупномасштабные раскопочные работы. Стоянки характеризовались высокой мощностью рыхлых толщ, слойчатыми субаквально-субаэральными и субаэральными отложениями с серией погребенных гумусовых горизонтов, многослойностью, большой площадью распространения культурных остатков (от 1000 м^2), сходной сырьевой базой (Тимощенко, 2012; Липнина, Лохов, Медведев, 2013; Лохов, Роговской, Дударёк, 2013; Бердников Бердникова, Воробьева, Роговской, Клементьев, Уланов и др., 2014; Роговской, Кузнецов, 2014; Кузнецов, Роговской, 2016; Кузнецов, Роговской, 2018).

Стоянка Усть-Ёдарма II занимала правую приустьевую мысовидную поверхность р. Ёдармы (левый берег р. Ангары). Стоянка Сосновый Мыс располагалась на нижней оконечности о. Сосновый, а Остров Лиственичный Пункт 2 – в средней части одноименного острова, по правому берегу (Деревянко, Цыбанков, Постнов, Славинский, Выборнов, Зольников и др., 2015. С. 381–404). Таким образом, стоянки можно вписать в почти равнобедренный треугольник общей площадью около 1,3 км^2 (рис. 1).

На островных объектах среднеголоценовые отложения, маркирующие период атлантического оптимума (АТ) по региональной климатостратиграфической шкале (Воробьева, 2010. С. 97–98),

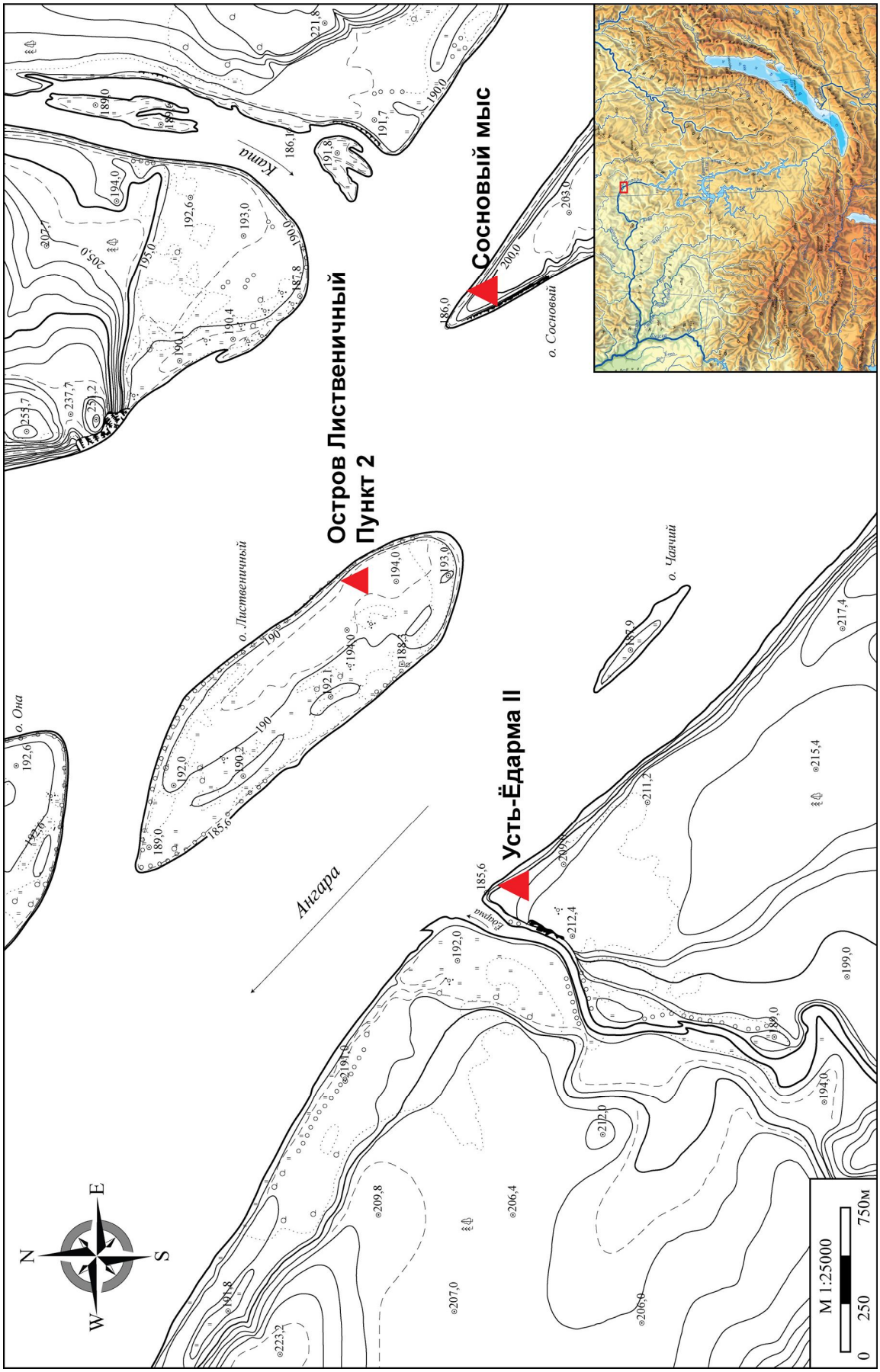


Рис. 1. Карта-схема Като-Ёдармнского расширения

Fig. 1. Map of Kata-Yodarma opening showing the location of sites used in this study

включают в себя по одному уровню залегания археологического материала: 3 культурный горизонт (к. г.) на Острове Лиственичный Пункт 2 и 3 к. г. на Сосновом Мысе. На стоянке Усть-Ёдарма II зафиксированы четыре культурных горизонта, относящихся к среднему голоцену. Датировка по стратиграфическим маркерам в целом совпадает с результатами радиоуглеродного датирования (табл. 1), несмотря на небольшие «выбросы» в возрасте ряда образцов по 7 и 8 горизонтам[2].

Таблица 1

Хронологические характеристики среднеголоценовых горизонтов стоянок Като-Ёдарминского расширения (Lokhov, 2010; Дударёк, Лохов, 2011; Тимощенко, 2012; Липнина, Лохов, Медведев, 2013; Бердников, Роговской, Лохов, Кузнецов, Когай, Липнина и др., 2017)

Table 1

Dating and attribution of Middle Holocene cultural layers of sites at Kata-Yodarma opening (after Lokhov, 2010; Dudarek, Lokhov, 2011; Timoshenko, 2012; Lipnina, Lokhov, Medvedev, 2013; Berdnikov, Rogovskoi, Lokhov, Kuznetsov, Kogai, Lipnina et al.., 2017)

Местонахождение	К. г.	Возраст, ^{14}C л. н.	Образец (таксон)	Кол-во наконечников
Остров Листве-ничный Пункт 2	3	7270 ± 90 (COAH-8910)	Кость (фрагмент нижней челюсти лося)	21
		7125 ± 100 (COAH-8909)	Кость (плечевая кость лося, фрагменты)	
		7050 ± 105 (COAH-8654)	Кость (лопаточная кость лося)	
		7128 ± 52 (UBA-29644)	Кость (локтевая кость копытного)	
		7890 ± 25 (UCIAMS-157871)	Кость (фрагмент диафиза плечевой кости собаки)	
		7695 ± 20 (UCIAMS-183012)	Кость (фрагмент челюсти косули)	
Усть-Ёдарма II	5	5380 ± 80 (COAH-8097)	Уголь	18
	6	6795 ± 115 (COAH-8354)	Уголь	23
		6680 ± 120 (COAH-8357)	Уголь	
		5945 ± 100 (COAH-8094)	Уголь	
		6215 ± 70 (COAH-8355)	Уголь	
		6090 ± 110 (COAH-8099)	Кость (неопределимый фрагмент)	
	7	6980 ± 70 (COAH-8356)	Уголь	26
		6705 ± 85 (COAH-8095)	Уголь	
		6780 ± 95 (COAH-8098)	Кость (неопределимый фрагмент)	
		8290 ± 30 (UCIAMS-186315)	Кость (фрагмент челюсти косули)	
		6960 ± 25 (UCIAMS-186316)	Кость (фрагмент челюсти косули)	
	8	7725 ± 85 (COAH-8096)	Уголь	34
		7880 ± 95 (COAH-8651)	Кость (неопределимый фрагмент)	
		6875 ± 20 (UCIAMS-183018)	Кость (фрагмент кости копытного)	
		7250 ± 25 (UCIAMS-186314)	Кость (фрагмент зуба косули)	
Сосновый Мыс	3	~4,5–8,0 тыс. некал. л.н	–	113

[2] Авторы раскопок стоянки Усть-Ёдарма II интерпретируют эти выбросы как ошибки полевой фиксации вследствие сложной стратиграфической ситуации.

В результате работ 2008–2012 гг. была получена представительная коллекция археологического материала, включающая, в том числе, большое количество каменных наконечников.

Сырьевой базой литопроизводства рассматриваемых местонахождений на протяжении всего голоценового времени служили породы из состава юрских и пермских систем геологических отложений Като-Ёдарминского расширения долины р. Ангары и прилегающих территорий в составе бургуклинской и чайкинской свиты. Большую часть сырья можно разделить на две условных, широко представленных в коллекциях, группы: кремневохалцедоновые и аргиллитово-алевролитовороговиковые породы (Кузнецов, Роговской, 2018. С. 26).

Литопроизводство представлено отжимным призматическим расщеплением конических, цилиндрических, «карандашевидных» нуклеусов. Орудийный набор показывает сравнительно однородную хозяйственную направленность стоянок и, кроме наконечников, включает в себя такие формы как скребки в различных вариациях, топоры и тесла с цапфами и без, ножевидные изделия, пластины-«вкладыши» для пазовых орудий, абразивы различной зернистости. Костяной и роговой инвентарь представлен отжимниками и ретушерами, зубчатыми наконечниками, составными рыболовными крючками, мелкой пластикой (Липнина, Лохов, Медведев, 2013; Роговской, Кузнецов, 2013; Деревянко, Цыбанков, Постнов, Славинский, Выборнов, Зольников и др., 2015. С. 381–404).

Керамическая коллекция представлена как единичными фрагментами сосудов, так и целыми скоплениями-развалами с разнообразным техническим декором поверхностей сосудов, выполненным при помощи гладких и резных колотушек, плетеной сетки и шнура. Морфологически представлены основные типы неолитической керамики Байкало-Енисейской Сибири: сетчатая, хайтинская (в том числе, североангарский вариант), посольская, усть-бельская, пунктирно-гребенчатая (Савельев, Тимощенко, Бадмаев, 2011; Бердников, 2013. С. 203–223; Бердников, Лохов, 2013. С. 72–75; Лохов, Роговской, Дударёк, 2013. С. 116–128; Бердников, Уланов, Соколова, 2017. С. 275–294).

Палеофаунистические среднеголоценовые комплексы местонахождений представлены типичными таежными видами с преобладанием косули *Capreolus pygargus* и лося *Alces alces* (табл. 2).

Результаты

Первичная классификация

Для проведения дальнейших исследований все имеющиеся в наличии артефакты были разбиты на следующие категории: целые и фрагментированные заготовки, целые орудия, диагностируемые фрагменты орудий и обломки.

К заготовкам были отнесены артефакты, сохранившие явные рудименты преформы на одном или обоих фасах; с отсутствием оформления ретушью жала (острого кончика); с углом заострения кончика больше 65° (с учетом погрешности измерений листовидных форм); с резким увеличением поперечного сечения относительно общей толщины изделия; с недооформленными краями (рис. 2). Морфометриические параметры заготовок разной степени готовности дали возможность представить экстремальные метрические характеристики целых орудий, так как в открытых (стояночных) комплексах невозможно точно установить степень переоформления целого орудия без полного технологического контекста.

Целые орудия разной степени переоформления характеризуются законченными формами: листовидной (рис. 3.1, 2), треугольной (рис. 3.3) либо комбинированной (рис. 3.4); законченным ретушированным прямым, выпуклым, вогнутым или черешковым насадом. В эту категорию также попали наконечники с минимальными диагностируемыми повреждениями дистала или проксимала, в том числе DIF-повреждениями. Стоит отметить, что целые орудия могли находиться также в промежуточной стадии переоформления и не являться целевыми артефактами, непосредственно предназначенными для функционального использования. Параметры длины и массы в этой категории являются ключевыми для определения вариативности функционально используемых орудий.

Таблица 2

Фаунистические характеристики среднеголоценовых горизонтов стоянок Като-Ёдарминского расширения (Клементьев, 2012; Тимощенко, 2012; Клементьев, 2014; Клементьев, Кузнецов, Роговской, 2017)

Table 2

Faunal complexes of Middle Holocene cultural layers of sites at Kata-Yodarma opening (after Klementiev, 2012; Timoshenko, 2012; Klementiev, 2014; Klementiev, Kuznetsov, Rogovskoi, 2017)

Таксон	Усть-Ёдарма II					Остров Листве-ничный Пункт 2	Сосновый Мыс
	5 к.г.	6 к.г.	7 к.г.	8 к.г.	Итого	3 к.г.	3 к.г.
Homo sapiens (человек)	–	–	–	–	–	26	4
Canis familiaris (собака)	–	–	–	1	1	19	2
Asioscalops sp.(крот)	–	–	–	1	1	4	1
Lepus timidus (заяц)	1	18	20	10	49	4	3
Castor fiber (бобр)	1	10	12	4	27	–	5
Marmota sp. (сурок)	–	–	1	–	1	3	–
Rodentia (грызун)	8	12	27	18	65	30	11
Canis lupus (волк)	6	1	1	–	8	1	–
Vulpes vulpes (лисица)	3	–	–	–	3	–	–
Ursus arctos (медведь)	6	6	14	11	37	13	13
Martes zibellina (соболь)	2	2	2	4	10	4	2
Meles sp. (барсук)	–	1	–	–	1	–	–
Mammuthus sp. (мамонт)[2]	–	–	2	–	2	3	–
Equus sp. (лошадь)	–	–	–	–	–	–	1
Sus scrofa var. *ferus* (кабан)	–	1	–	1	2	–	–
Capreolus pygargus (косуля)	21	41	77	58	197	79	15
Alces alces (лось)	80	68	120	79	347	53	64
Cervus elaphus (благородный олень)	4	15	12	16	47	10	25
Rangifer tarandus (северный олень)	–	2	1	1	4	–	1
Cervidae gen. (олень)	30	29	44	50	153	24	82
Bison priscus / Bison sp. (первоб. бизон / крупный бык)	–	–	–	1	1	–	2
Canidae (хищник)	–	–	–	–	–	2	–
Крупное копытное	62	148	232	280	722	123	274
Aves (птицы)	3	8	8	1	20	9	3
Pisces (рыбы)	26	75	>100	>100	≥350	≥224	>11
Неопределимые	480	650	970	917	3017	557	416

[2] (Представлен ископаемыми фрагментами бивня).

Рис. 2. Заготовки каменных наконечников Като-Ёдарминского расширения
Fig. 2. Lithic point preforms of Kata-Yodarma opening

Диагностируемые фрагменты орудий представляют собой медиальные части наконечников листовидной формы, а также проксимальные фрагменты орудий треугольной формы, по которым теоретически возможно восстановить площадь поперечного сечения. Также в эту категорию вошли дистальные фрагменты орудий всех форм, несущие информацию об угле заострения и диагностируемых повреждениях.

Обломки представляют собой фрагменты целых орудий либо заготовок, по морфометрическим параметрам которых невозможно достоверно восстановить первоначальную форму артефакта или баллистические характеристики орудий. В том числе в эту категорию включены медиальные фрагменты орудий треугольной формы, медиальные и проксимальные части орудий комбинированной формы и проксимальные фрагменты орудий листовидной формы, так как по ним невозможно установить ширину изделия и, следовательно, площадь поперечного сечения. Они включены в выборку в целях выяснения общей вариативности содержания наконечников в рассматриваемых коллекциях.

Результаты первичной классификации отражены в табл. 3. Итоговая выборка представлена 235 экземплярами.

Таблица 3

Первичная классификация каменных наконечников Като-Ёдарминского расширения

Table 3

Primary classification of lithic points at Kata-Yodarma opening

Местонахождение	Заготовка	Целый	Фрагмент	Обломок	Итого
Остров Лиственичный Пункт 2	6	9	6	-	21
Сосновый Мыс	20	44	45	4	113
Усть-Ёдарма II	24	26	50	1	101
Итого	44	85	101	5	**235**

Морфология артефактов

В задачи настоящей статьи не входит разработка культурной вариабельности наконечников, поэтому за основу морфотипологического анализа взяты основные формы наконечников, составляющие нееединичные серии. Выделяются морфотипы треугольных, листовидных и комбинированных (асимметричных с боковой выемкой) наконечников.

Разница между первыми двумя типами определяется расположением в конструкции орудия наиболее широкой части. Если у треугольных наконечников наибольшая ширина фиксируется между двумя крайними проксимальными точками, то у листовидных экземпляров максимум ширины приходится на медиальную или медиально-проксимальную часть.

Необходимо отметить, что при моделировании процесса раневой баллистики к существенным признакам геометрии наконечников, кроме формы, относят также симметрию изделия (Коробейников, Митюков, 2007. С. 96). Исходя из этого, выделен третий тип, имеющий асимметрию рабочей части, в то время как первые два типа почти всегда симметричны.

Рис. 3. Каменные наконечники Като-Ёдарминского расширения: *1, 2 – листовидной формы; 3 – треугольной формы; 4 – комбинированной формы*

Fig. 3. Lithic points of Kata-Yodarma opening: *1, 2 – leaf forms; 3 – triangular forms; 4 – combined forms*

Выбор подобного, максимально схематичного подхода основан на следующем методологическом базисе. Эксперименты показали, что преимущества применения камня и кости в производстве наконечников по сравнению с древесиной связаны с возможностью сравнительно быстрого переоформления первых после повреждения (Shea, Sisk, 2010. P. 108). Из этого следует, что морфология поврежденных артефактов может значительно изменяться в зависимости от стадии переоформления. На этот счет имеются экспериментальные разработки, показывающие изменения не только морфологии, но и типа наконечников в ходе их эксплуатации (Hildebrandt, King, 2012. P. 791).

Исходя из этого, выделение промежуточных морфотипов (треугольный узкий, треугольный широкий, иволистный, лавролистный и т. д.) в исследовании баллистических характеристик орудий создает только систему дополнительной малоинформативной классификации. Максимально унифицированные по форме группировки, напротив, позволяют разбить общую выборку на классы, отражающие баллистически значимые параметры. Особенно это касается фрагментированных орудий, где морфология проксимальных и медиальных сегментов треугольных и листовидных наконечников несет разный объем информации по абсолютной ширине. Таким образом, в настоящей работе морфотипологическая классификация необходима только на этапе анализа фрагментированных артефактов и не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки. Результаты классификации отражены в табл. 4.

Таблица 4

Морфология каменных наконечников Като-Ёдарминского расширения (в том числе целых, медиальных и проксимальных сегментов и заготовок)

Table 4

Design of lithic points at Kata-Yodarma opening (including unbroken artifacts, medial and proximal segments, preforms)

Местонахождение	Треугольные	Листовидные	Комбинированные	Итого
Остров Лиственичный Пункт 2	6	12	3	21
Сосновый Мыс	41	48	–	89
Усть-Ёдарма II	20	66	4	90
Итого	67	126	7	**200**

Анализ макротрасологических следов

Для анализа ударных повреждений наконечников из общей массы артефактов были выбраны дистальные, дистально-медиальные сегменты и целые изделия. Общая выборка составила 15 экземпляров, что составляет только 4 % от всех целых и фрагментированных до дистала наконечников.

На дисталах пяти артефактов читаются негативы, напоминающие следы от удаления резцового скола вдоль одного из краев (рис. 4); на восьми – конические негативы скола на одном либо обоих фасах; на двух – негативы со ступенчатым окончанием (рис. 5). Формы наконечников варьируются от вытянутой листовидной (иволистной) и почти ромбовидной до треугольной с прямой и вогнутой базой.

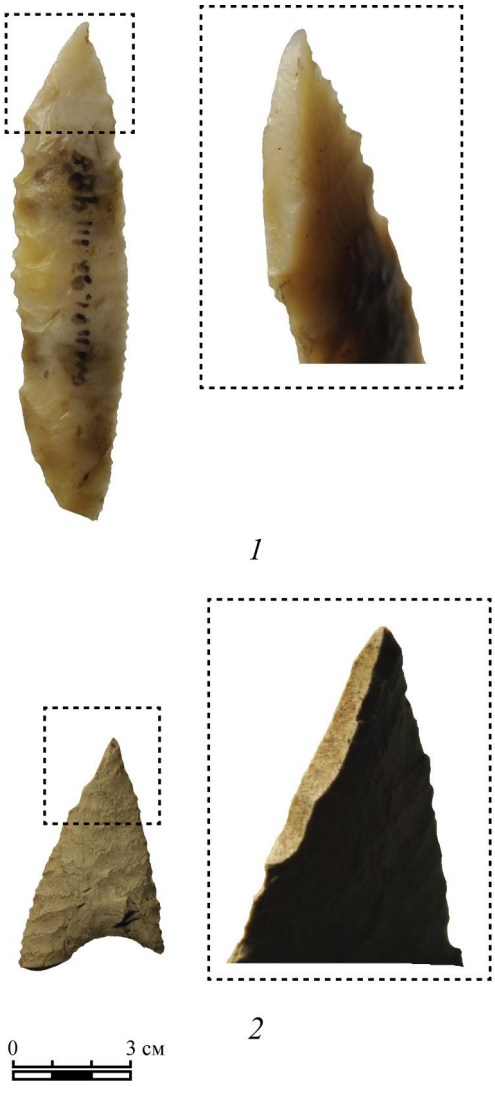


Рис. 4. Ударные повреждения дистальной части наконечников, напоминающие следы от удаления резцового скола
Fig. 4. Impact burination diagnostic impact fractures

Баллистические параметры наконечников

Для расчета и анализа баллистических параметров авторы использовали диаграммы размаха с показателем выброса и без него и статистические данные по группировкам признаков. Диаграммы строились с помощью программного обеспечения «PAST» (Hammer, Harper, Ryan, 2001), куда были импортированы данные из Excel-таблицы со всеми соответствующими измерениями[3].

Характеристики **массы** учитывались для целых наконечников (n=79) и нефрагментированных заготовок (n=28). Оценка полученных данных показала, что масса основной части целых наконечников лежит в нижнем пределе (квартиле) массы заготовок (рис. 6). Это еще одно свидетельство стадиального характера производства наконечников, когда функционально поврежденные изделия переоформлялись в ходе их дальнейшей эксплуатации. Медиальные значения двух группировок говорят о значительной длине операционной цепочки производства наконечников, вплоть до переоформления крайне малых форм (< 1 г). Кроме того, график иллюстрирует несимметричность данных по заготовкам, свидетельствующую о большом разбросе масс первоначальных преформ.

Также из графика очевиден небольшой диапазон основной массы целых экземпляров: примерно от 0,5 до > 6 г, с небольшой выборкой единичных изделий от 9 до 13 г и экстремальным выбросом с массой в 33 г. Исходя из этого, можно предположить, что основная часть нефрагментированных артефактов в исследуемой выборке относится к наконечникам стрел, выброс же можно интерпретировать как наконечник метательного либо колющего копья.

Разбивка массы целых экземпляров в соответствии с распределением наконечников по объектам показала схожие фоновые значения с увеличением разброса параметра на местонахождении Усть-Ёдарма II (рис. 7).

Характеристики **угла заострения** измерялись для дистальных (дистально-медиальных) сегмен-

Рис. 5. Ударные повреждения дистальной части наконечников: *1 – негатив со ступенчатым окончанием; 2 – негатив конической формы с одного фаса*

Fig. 5. Diagnostic impact fractures of the distal part of the points: *1 – step terminating bending fracture; 2 – spin-off unifacial fracture*

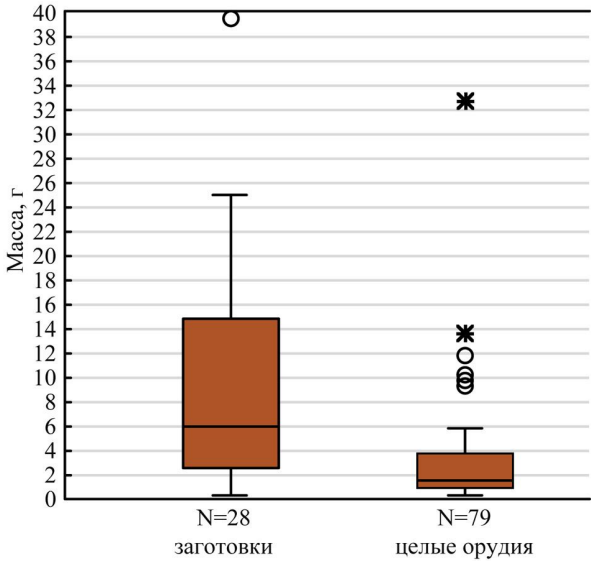


Рис. 6. Общий график распределения массы целых наконечников и нефрагментированных заготовок

Fig. 6. Boxplot showing the data on tip weight (unbroken artifacts and preforms)

[3] Excel-таблица с морфометрическими показателями каменных наконечников доступна по ссылке: https://yadi.sk/i/Qla7fmvmzjiFEg.

тов (n=41) и целых изделий (n=79). Нефрагментированные заготовки не включены в выборку по причине неоформленности на большинстве изделий заострения дистала. Диаграмма размаха проиллюстрировала симметричность данных и достаточно большую вариацию углов: от 20° до 64°; однако половина значений лежит в диапазоне от примерно 35° до 48° с медиальным значением в 41,5° (рис. 8). По-видимому, именно такой разброс заострения углов обеспечивал достаточную проникающую способность наконечника при выстреле.

Кроме того, распределение характеристик углов по объектам показало симметрию данных с близкими медиальными значениями и несколько больший разброс параметра на местонахождении Сосновый Мыс (рис. 9). Данные с Острова Лиственичный несколько выбиваются из общей картины из-за небольшого объема выборки (n=13), однако основная их часть хорошо согласуется с характеристиками углов наконечников остальных объектов.

Длина целых экземпляров (n=79) и нефрагментированных заготовок (n=28) по общему разбросу значений остается практически в одном диапазоне (рис. 10). Однако несимметричность графиков, несмотря на большие абсолютные значения целых орудий, свидетельствует о том, что половина заготовок по длине равняется или превышает аналогичные параметры целых орудий. Из этого следует сравнительная предпочтительность заготовок большей длины, оставляющих пространство для дальнейшего переоформления поврежденных орудий, что подтверждается также несимметричностью графика с целыми орудиями. График также показывает меньшие минимальные значения параметра длины заготовок, чем целых наконечников. Данное несоответствие может быть вызвано большей степенью фрагментации меньших по длине целых наконечников в процессе эксплуатации.

Общие значения длины целых экземпляров варьируются в диапазоне от 18 до 88 мм с единичным выбросом в 135 мм. Компактность группировки значений примерно от 25 до 50 мм косвенно свидетельствует о предпочтительной длине наконечников.

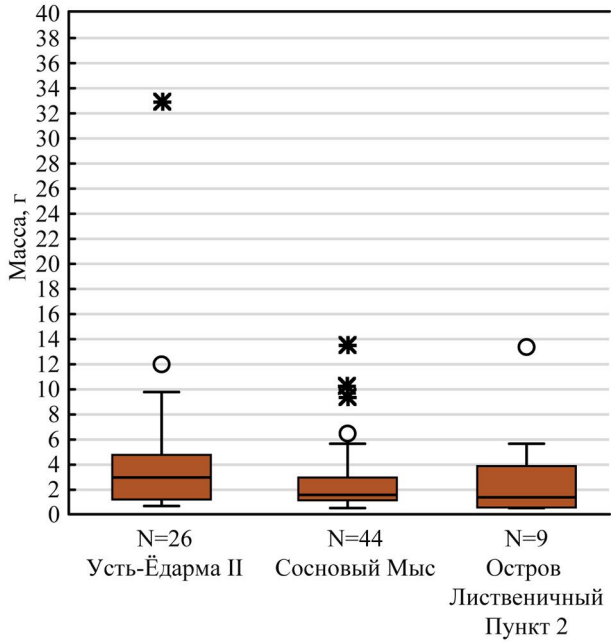


Рис. 7. График распределения массы целых наконечников на стоянках Усть-Ёдарма II, Сосновый Мыс и Остров Лиственичный Пункт 2
Fig. 7. Boxplot showing the data on unbroken tip weight (Ust-Yodarma II, Sosnovy Mys, Ostrov Listvenichny Point 2)

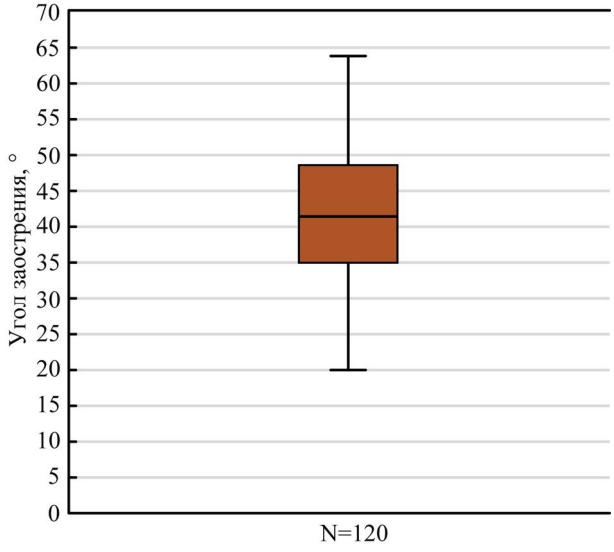


Рис. 8. Общий график распределения углов заострения целых и фрагментированных наконечников
Fig. 8. Boxplot showing the data on tip angle (unbroken artifacts and distal segments)

Построение графика размаха длины целых орудий по отдельным стоянкам показывает практически идентичную картину при условии интерпретации выброса по Острову Лиственичный за верхний предел значений (рис. 11). Подобная интерпретация также, как и в случае рассмотрения углов заострения целых изделий, отталкивается от малого размера выборки на стоянке (n=13).

К построению графика размаха были привлечены данные не только по целым изделиям (n=79), но и по проксимальным (проксимально-медиальным) сегментам треугольных форм (n=17) и медиальным (медиально-дистальным, медиально-проксимальным) сегментам листовидных (n=21), и медиально-дистальным (n=2) сегментам комбинированных форм. Общее количество выборки достигло 119 артефактов. Также в целях получения информации о функциональной специфике орудий для сравнения полученных результатов были использованы данные по измерению экспериментальных и этнографических орудий из коллекций музеев Северной Америки и Австралии (Thomas, 1978; Shott, 1997; Hughes, 1998; Borrell, Stefanisko, 2016. P. 139).

График показывает, что исследуемая выборка дает схожие результаты с показателями площади поперечного сечения этнографических наконечников стрел Северной Америки (рис. 12). Показатели основной массы наконечников варьируются от 1 до 63 мм^2 с медиальным значением 16 мм^2 и группой выбросов в 70–80 мм^2. Однако в выборке также явно проявляется тенденция к несимметричности данных в сторону небольших показателей.

Построение графика размаха площади поперечного сечения по отдельным объектам объясняет выявленную асимметрию (рис. 13). При условии генерализации данных по Острову Лиственичный (n=12), обусловленной небольшой исходной выборкой, ясно видно, что наконечники Усть-Ёдармы II и Соснового Мыса показывают два различных диапазона значений. В первом случае площадь поперечного сечения основного количества наконечников варьируется от 1 до 12 мм^2 (медиана – 3 мм^2) и выбросами в районе 14 и 20 мм^2, во втором – диапазон параметра варьируется от 9 до

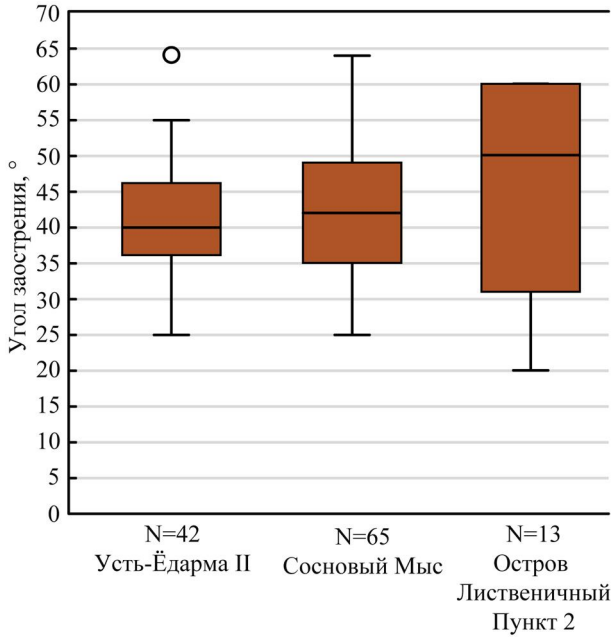


Рис. 9. График распределения углов заострения целых и фрагментированных наконечников на стоянках Усть-Ёдарма II, Сосновый Мыс и Остров Лиственичный Пункт 2
Fig. 9. Boxplot showing the data on tip angle (Ust-Yodarma II, Sosnovy Mys, Ostrov Listvenichny Point 2)

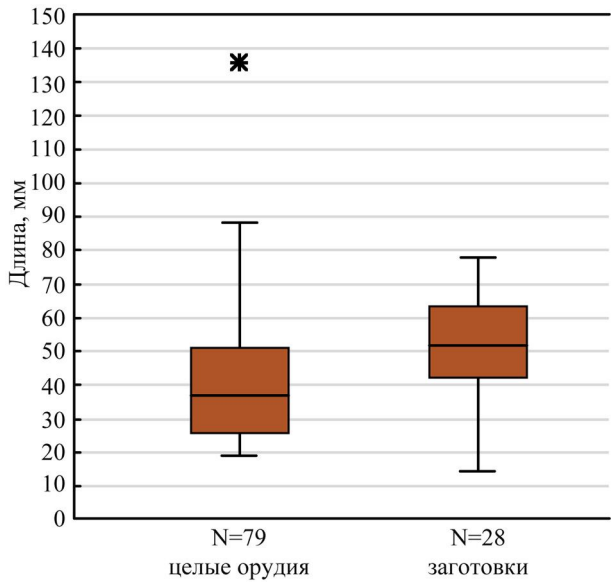


Рис. 10. Общий график распределения длины целых наконечников и нефрагментированных заготовок
Fig. 10. Boxplot showing the data on tip length (unbroken artifacts and preforms)

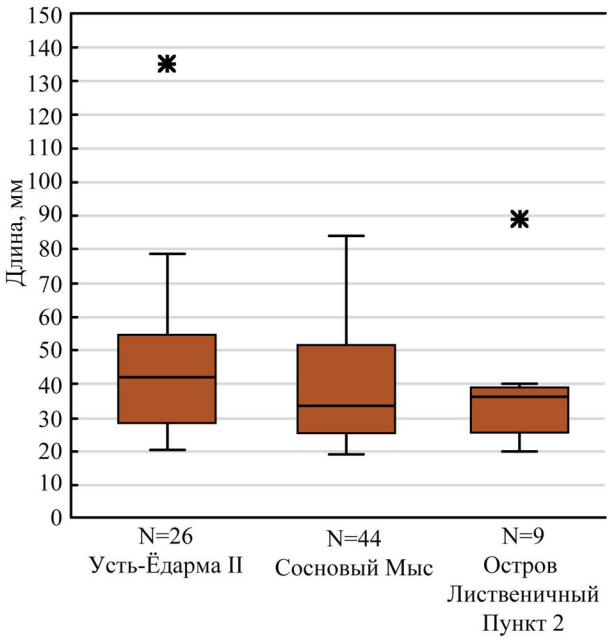


Рис. 11. График распределения длины целых наконечников на стоянках Усть-Ёдарма II, Сосновый Мыс и Остров Лиственичный Пункт 2
Fig. 11. Boxplot showing the data on tip length (Ust-Yodarma II, Sosnovy Mys, Ostrov Listvenichny Point 2)

59 мм^2 (медиана – 24 мм^2) и выбросами, достигающими 81 мм^2.

Таким образом, наблюдается две различных тенденции в параметрах площади поперечного сечения наконечников на островном (Сосновый Мыс) и материковом (Усть-Ёдарма II) объекте.

Взаимная корреляция баллистических характеристик

В условиях относительной примитивности механических приспособлений, ограниченных прямыми либо опосредованными мускульными усилиями охотника, единственными вариативными характеристиками для процесса раневой баллистики были параметры наконечника. Так как все параметры артефакта при изготовлении и переоформлении теоретически взаимосвязаны, необходимо было проверить взаимное сопряжение баллистических характеристик: массы наконечника, площади поперечного сечения, угла заострения и длины орудий. Другими словами, для понимания логики древнего производства наконечников необходимо было выявить главные качественные параметры артефактов. Исходной точкой данного анализа послужило допущение стадиальности в операционном цикле производства и использования наконечников. В целях строгости методологической процедуры выборка включала в себя только целые орудия (n=79), несущие информацию по всему набору баллистических параметров.

Для выяснения взаимосвязи баллистических параметров построено шесть точечных графиков, учитывающих влияние отдельных пар характеристик друг на друга. В результате только график соотношения площади поперечного сечения и массы дал показательные результаты (рис. 14).

На графике наблюдаются две генеральные тенденции. Одна соотносится с производством наконечников с малой массой и большой площадью поперечного сечения, другая, напротив, предусматривает малую площадь сечения в сочетании с возрастающей массой. Интересно отметить, что данные тренды привязаны к отдельным объектам: первый – к островным, второй – к материковому.

Остальные графики соотношений параметров не дали никаких внятно интерпретируемых результатов и продемонстрировали облачную группировку значений.

Обсуждение

По данным проведенных анализов можно сделать вывод, что подавляющее большинство наконечников функционально относится к наконечникам стрел. Однако выявленные тренды в распределении артефактов по площади поперечного сечения и соотношению площади сечения и массы предполагают различную спецификацию в создании метательного вооружения в рамках локального географического полигона, характеризующегося достаточно однородными палеоэкологическими параметрами.

Для объяснения подобной спецификации была привлечена модель адаптивной системы метательного вооружения (*flexible projectile weapon system*), фиксируемая у древних и этнографических сообществ охотников-собирателей (Serwatka, 2017. P. 264). Ее наполнение иллюстрирует следующее этнографическое наблюдение о различии наконечников стрел североамериканских индейцев и эскимосов.

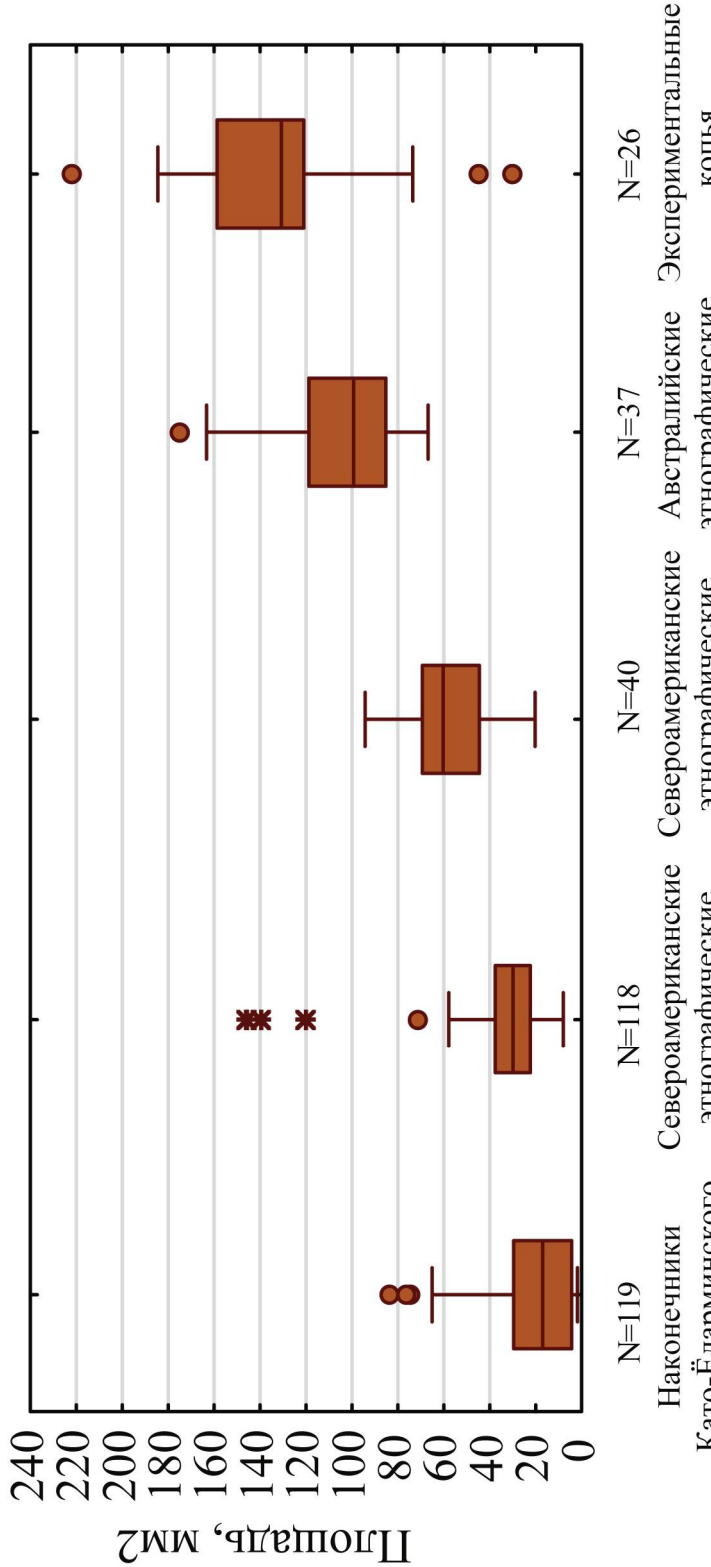


Рис. 12. График соотношения площади поперечного сечения целых и фрагментированных наконечников Като-Ёдарминского расширения и этнографических и экспериментальных орудий (по: Borrell, Stefanisko, 2016, fig. 10)

Fig. 12. Boxplots comparing the TCSA indexes of the Kata-Yodarma opening points with those of ethnographic and experimentally produced points (after Borrell, Stefanisko, 2016, fig. 10)

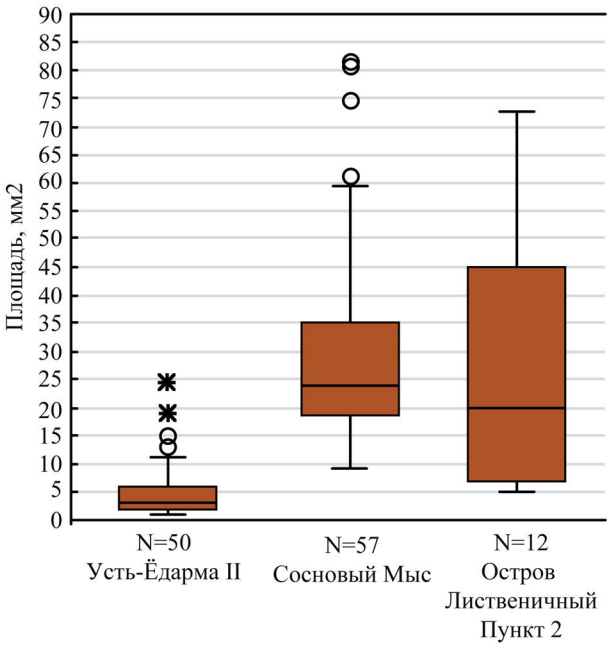


Рис. 13. График распределения площади поперечного сечения целых и фрагментированных наконечников на стоянках Усть-Ёдарма II, Сосновый Мыс и Остров Лиственичный Пункт 2

Fig. 13. Boxplot showing the data on TCSA indexes (Ust-Yodarma II, Sosnovy Mys, Ostrov Listvenichny Point 2)

«Эскимосская система стрельбы из лука больше походила на дробовик. Каменный наконечник был большим и крепился к тяжелому костяному древку. Стрела была снарядом большой массы и малой скорости. (...) Индейская стрела была оружием высокой скорости и малой массы с крошечным наконечником и легким стержнем. Масса этого снаряда была сведена к минимуму, а скорость – к максимуму, как у винтовочной пули. (...) Из приведенного выше сравнения следует, что один снаряд зависел от скорости, а другой – от массы. Индейская стрела будет иметь более плоскую траекторию и большую дальность. Эскимосская стрела была скорее ракетой малой дальности. При ударе стрела производила больший шок, в то время как индейская стрела проникала глубже и разрезала больше плоти» (Witthoft, 1968. P. 34, цит. по: Serwatka, 2017. P. 264).

Подобные примеры вариативности дизайна наконечников в рамках системы «высокая скорость/низкая кинетическая энергия – низкая скорость/высокая кинетическая энергия» также фиксируются в обществах этнографических охотников-собирателей Австралии, Новой Гвинеи и Филиппин, в Свидерской археологической культуре (Serwatka, 2017).

Материалы местонахождений Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья демонстрируют похожую, но уже исключительно локальную спецификацию. Наконечники островных объектов (Сосновый Мыс, Остров Лиственичный Пункт 2) имели тенденцию к высокой скорости за счет малой массы. Малое ударное воздействие такого снаряда компенсируется глубиной проникновения и площадью разрыва тканей добычи. Наконечники материкового объекта (Усть-Ёдарма II), напротив, благодаря тенденции к большей массе, имели меньшую скорость и несли большую кинетическую энергию. Глубина проникновения снаряда в тело жертвы, ограниченная низкой скоростью, компенсировалась минимальными показателями площади поперечного сечения. Кроме того, добавленный вес также сказывался на дистанции выстрела: наконечники большей массы имели меньшую дистанцию полета снаряда.

Следует отметить, что достаточно большой диапазон баллистических характеристик, в рамках выделенных трендов, не позволяет говорить о связи отдельной спецификации с определенной добычей. В противном случае данные группировались бы в двух противолежащих областях графика. Выделенные же тенденции указывают только генеральные линии производства наконечников: орудия островных объектов при той же массе имеют гораздо больший диапазон значений площади поперечного сечения, а орудия с материка – большую вариацию массы при небольшом диапазоне площади поперечного сечения.

На это же указывает состав палеофаунистической коллекции стоянок с общим доминированием копытных. В рамках модели адаптивной системы метательного вооружения варианты оформления наконечников также не связывают с добычей. В приводимом примере с эскимосскими и индейскими стрелами, несмотря на разные палеоэкологические условия использования, добычей высту-

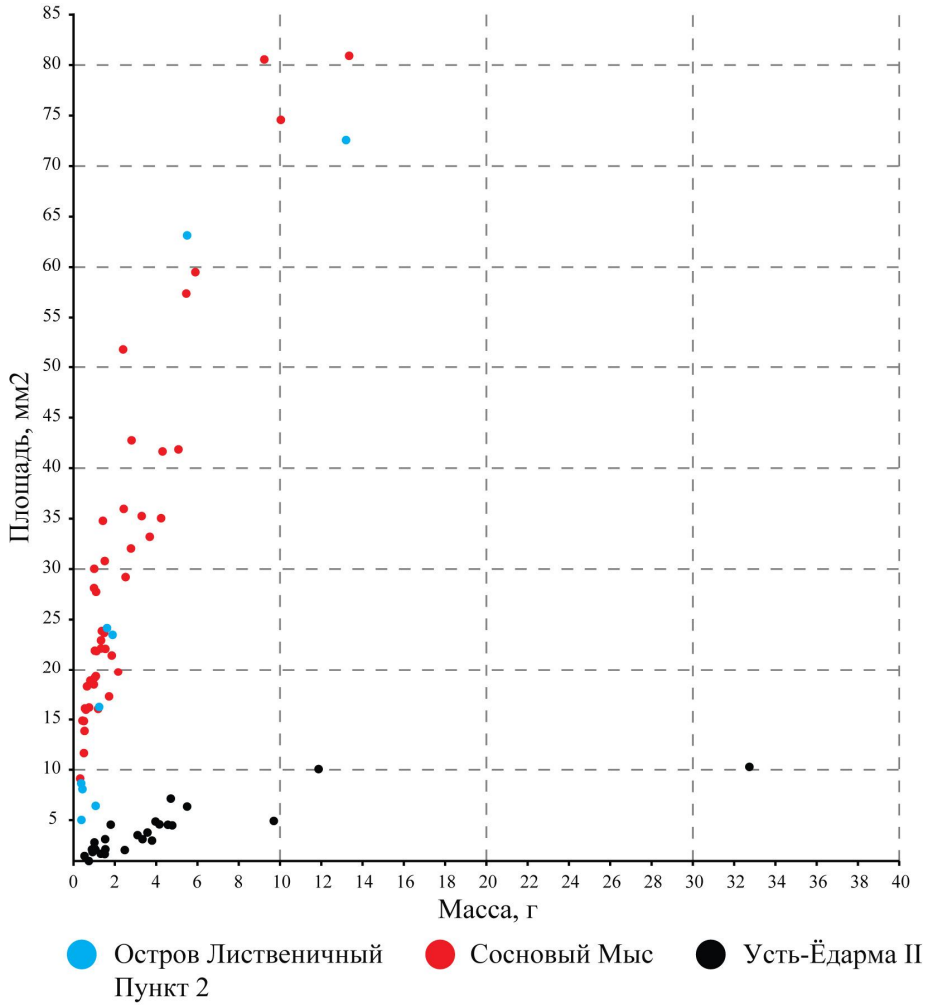


Рис. 14. График соотношения площади поперечного сечения и массы целых наконечников Като-Ёдарминского расширения

Fig. 14. XY graph comparing the TCSA indexes with weight of the Kata-Yodarma opening points

пали средние копытные, олень и карибу (Serwatka, 2017. P. 264).

Таким образом, в рамках североангарского локального варианта модели адаптивной системы метательного вооружения можно предположить зависимость дизайна наконечника от условий его использования. В качестве определяющего значения здесь может выступать дистанция выстрела.

На материковом объекте в условиях бореальной (таежной) зоны она была ограничена вследствие залесённости территории. Для поражения добычи требовались наконечники большой массы, обеспечивающие высокое (шоковое) ударное воздействие, так как шанса на второй выстрел после ранения добычи, когда она уже скрылась в растительности, могло не представиться. Кроме того, лесные массивы предполагали варианты использования засадной охоты, также снижающей требования к дистанции выстрела.

Специфика островных объектов, растительность которых отличается разреженностью, предполагала большие дистанции охоты, однако, одновременно увеличивала шансы на успешное преследование добычи. В дизайне наконечников это отразилось на уменьшении их массы, компенсированной большей площадью нанесения ран.

Выдвинутая интерпретация является одним из вариантов объяснительной модели дуализма системы метательного вооружения Северного Приангарья. Важно отметить фиксацию в среднем голоцене Сибири самого феномена этой системы, и, соответственно, его универсальности в качестве

адаптационного механизма для древних и этнографически современных обществ охотников-собирателей.

Заключение

В результате проведенного исследования наконечников композитного метательного вооружения с объектов Като-Ёдарминского расширения Северного Приангарья выявлены следующие характерные черты адаптационной стратегии древнего населения:

1. Один из видов композитного метательного вооружения был представлен луком и стрелами, на что указывают морфология артефакта, характеристики массы и площади поперечного сечения наконечников, сравнимые с этнографическими и экспериментальными экземплярами.

2. Производство наконечников носило стадиальный характер, судя по параметрам и диапазону длины и массы целых изделий и их заготовок.

3. Оформление угла заострения изделий соотносилось с минимально достаточными характеристиками пробития, соответствующих значению в 35–48°, так как именно этот компактный диапазон параметров наблюдается у половины всех фрагментированных и целых наконечников. Предпочтительный диапазон длины составлял 25–50 мм.

4. Наконечники малой длины более активно подвергались процессам депозиционной и постдепозиционной фрагментации, о чем свидетельствуют меньшие минимальные значения параметра длины заготовок, чем целых наконечников.

5. Ключевыми характеристиками при производстве наконечников было соотношение массы и площади поперечного сечения орудий. Вариации этих параметров определяли функциональную специфику орудий.

6. Производство и применение композитного метательного вооружения происходило в рамках североангарского локального варианта модели адаптивной системы метательного вооружения, предполагающей различные дистанции выстрела.

Полученные результаты предполагают дальнейшие исследования с целью как подтверждения выдвинутой интерпретации локальной специфики, так и критического анализа источника, т. е. увеличения достоверности полученной модели посредством увеличения количества исследуемой выборки. Однако, даже допуская некоторые статистические погрешности использованных методов, необходимо отметить важность выявленных тенденций для восприятия полноты и сложности методов адаптации древнего человека к условиям окружающей среды в среднем голоцене Северного Приангарья.

Библиографический список

Агеева К.Е. Классификация и сравнительная характеристика наконечников стрел и геометрических микролитов Иеневской мезолитической культуры // Российская археология. 2007. № 4. С. 121–134.

Базалийский В.И. Морфотипологический анализ каменных наконечников стрел могильника «Локомотив» // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. № 8. С. 39–53.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.

Бердников И.М., Лохов Д.Н. Сетчатая керамика аплинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 72–83.

References

Ageeva K.E. (2007) Classification and comparative characteristics of arrowheads and geometric microliths of the Ienevo Mesolithic culture. *Rossiiskaya arkheologiya* = Russian Archaeology. Vol. 4. P. 121–134. (In Russ.)

Bazaliiskii V.I. (2010) Morphotypological analysis of stone arrowheads of the “Lokomotiv” burial ground. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Iss. 8. P. 39–53. (In Russ.)

Berdnikov I.M. (2013) Key aspects of historical and cultural processes in the South of Central Siberia in the Neolithic (based on the materials of ceramic complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No 1 (2). P. 203–229. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Lokhov D. N. (2013) Net-impressed ceramics of the Aplin type. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoar-

Бердников И.М., Уланов И.В., Соколова Н.Б. Неолитическое гончарство Байкало-Енисейской Сибири: технологические традиции в территориально-хронологическом контексте // Stratum plus. 2017. № 2. С. 275–300.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А., Роговской Е.О., Клементьев А.М., Уланов И.В., Лохов Д.Н., Дударёк С.П., Новосельцева В.М., Соколова Н.Б. Геоархеологические комплексы раннего голоцена на юге Средней Сибири. Оценка данных и перспективы исследований // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 46–76.

Бердников И.М., Роговской Е.О., Лохов Д.Н., Кузнецов А.М., Когай С.А., Липнина Е.А., Бердникова Н.Е., Савельев Н.А., Соколова Н.Б., Уланов И.В. Новые радиоуглеродные данные для неолитических комплексов многослойных местонахождений Тункинской долины и Приангарья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2017. Вып. 6. С. 220–230.

Воробьева Г.А. Почва как летопись природных событий Прибайкалья (проблемы эволюции и классификации почв). Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2010. 205 с.

Георгиевская Г.М. Китойская культура Прибайкалья. Новосибирск: Наука, 1989. 152 с.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. 112 с.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Постнов А.В., Славинский В.С., Выборнов А.В., Зольников И.Д., Деев Е.В., Присекайло А.А., Марковский Г.И., Дудко А.А. Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 годы) // Труды Богучанской археол. экспедиции. Т. 1. Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), 2015. 654 с.

Дударёк С.П., Лохов Д.Н. Многослойное геоархеологическое местонахождение Усть-Ёдарма II в Северном Приангарье (по материалам спасательных работ 2010 г.) // Археология, этнография, палеэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия. Красноярск: Изд-во Красноярского государственного педагогического университета, 2011. С. 115–117.

Дударёк С.П., Федоров С.В. Каменные наконечники стрел эпохи неолита и раннего бронзового века с многослойного геоархеологического местонахождения Усть-Ёдарма 2 в Северном Приангарье // Материалы LV Рос.

chaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No 2 (3). P. 72–83. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Ulanov I.V., Sokolova N.B. (2017) Neolithic pottery of Baikal-Yenisei Siberia: technological traditions in territorial and chronological context. Stratum plus. No 2. P. 275–300. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorob'eva G.A., Rogovskoi E.O., Klement'ev A.M., Ulanov I.V., Lokhov D.N., Dudarek S.P., Novosel'tseva V.M., Sokolova N.B. (2014) Geoarchaeological complexes of the early Holocene in the South of Central Siberia. Data assessment and research perspectives. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. Vol. 9. P. 46–76. (In Russ.)

Berdnikov I.M., Rogovskoi E.O., Lokhov D.N., Kuznetsov A.M., Kogai S.A., Lipnina E.A., Berdnikova N.E., Savel'ev N.A., Sokolova N.B., Ulanov I.V. (2017) New radiocarbon data for Neolithic complexes of multilayer sites of Tunka valley and Angara region. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures. Iss. 6. P. 220–230. (In Russ.)

Vorob'eva G.A. (2010) Soil as a chronicle of natural events of the Baikal region (problems of evolution and classification of soils)]. Irkutsk: Irkutsk State University. 205 p. (In Russ.)

Georgievskaya G.M. (1989). Kitoi culture of the Baikal region. Novosibirsk: Nauka. 152 p. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burial in the Ol'khon region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 112 p. (In Russ.)

Derevyanko A.P., Tsybankov A.A., Postnov A.V., SlavinskiiV.S., Vybornov A.V., Zol'nikov I.D., Deev E.V., Prisekailo A.A., Markovskii G.I., Dudko A.A. (2015) Boguchan archaeological expedition: Essay of field research (2007–2012). *Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii. T. 1* = Proceedings of the Boguchan archaeological expedition. Vol. 1. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 654 p. (In Russ.)

Dudarek S.P., Lokhov D.N. (2011) Multilayer geoarchaeological site of Ust-Edarm II in the Northern Angara region (based on the materials of rescue works in 2010). *Arkheologiya, etnografiya, paleekologiya Severnoi Evrazii: problemy, poisk, otkrytiya* = Archaeology, Ethnography, Paleoecology of Northern Eurasia: problems, search, open. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University. P. 115–117. (In Russ.)

Dudarek S.P., Fedorov S.V. (2015) Stone arrowheads of the Neolithic and Early Bronze Age from the multilayer geoarchaeological site Ust-Edarma 2 in the Northern Angara region. *Materialy 55 Rossiiskoi arkheologo-*

археол.-этнограф. конф. студентов и молодых ученых. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015. С. 87–89.

Клементьев А.М. Предварительные данные по голоценовой фауне Северного Приангарья (материалы объекта Усть-Ёдарма-II) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. 2012. Вып. 1. С. 94–105.

Клементьев А.М. Раннеголоценовая фауна северной Ангары (материалы археологических объектов) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 8. С. 31–44.

Клементьев А.М., Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Археозоологические исследования многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2017. Т. 22. С. 82–101.

Коробейников А.В., Митюков Н.В. Баллистика стрел по данным археологии: введение в проблемную область. Ижевск: Изд-во НОУ КИТ, 2007. 140 с.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Некоторые аспекты жизнедеятельности населения Северного Приангарья в финальном мезолите (на примере стоянки Остров Лиственичный) // Экология древних и традиционных обществ. Тюмень: Изд-во Тюменского государственного университета, 2016. С. 91–93.

Кузнецов А.М., Роговской Е.О. Техноморфологический анализ первичного расщепления в раннеголоценовой индустрии стоянки Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 4. С. 23–41.

Липнина Е.А., Лохов Д.Н., Медведев Г.И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 71–101.

Лохов Д.Н., Роговской Е.О., Дударёк С.П. Североангарский вариант керамики хайтинского типа // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 116–132.

Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1981. С. 16–33.

etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh = Materials of the 55th Russian archaeological and ethnographic conference of students and young scientists. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 87–89. (In Russ.)

Klement'ev A.M. (2012) Preliminary data on Holocene fauna of the Northern Angara region (materials of Ust-Edarma-II site). *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures. Iss. 1. P. 94–105. (In Russ.)

Klement'ev A.M. (2014) Early Holocene fauna of Northern Angara (materials of archaeological sites). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. Vol. 8. P. 31–44. (In Russ.)

Klement'ev A.M., Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2017) Archaeozoological studies of the multilayered site Ostrov Listvenichny (Northern Angara region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. Vol. 22. P. 82–101. (In Russ.)

Korobeinikov A.V., Mityukov N.V. (2007) Ballistics of arrows according to Archaeology: an introduction to the problem area. Izhevsk: NOU KIT. 140 p. (In Russ.)

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2016) Some aspects of the life of the population of the Northern Angara region in the final Mesolithic (on the example of the site Ostrov Listvenichny). *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshchestv* = Ecology of ancient and traditional societies. Tyumen': Tyumen' State University. P. 91–93. (In Russ.)

Kuznetsov A.M., Rogovskoi E.O. (2018) Technomorphology analysis of primary splitting in the early Holocene industry of the site Ostrov Listvenichny (North Angara region). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Journal of Ancient Technology Laboratory. Iss. 14. No. 4. P. 23–41. (In Russ.)

Lipnina E.A., Lokhov D.N., Medvedev G.I. (2013) About stone axes "with ears" – trunnion axes of North Asia. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No. 2 (3). P. 71–101. (In Russ.)

Lokhov D.N., Rogovskoi E.O., Dudarek S. P. (2013) North Angara variant of Khaita type ceramics. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No. 1 (2). P. 116–132. (In Russ.)

Medvedev G.I. (1981) On the problem of morphological analysis of stone inventory of Paleolithic and Mesolithic ensembles of Eastern Siberia. *Opisanie i analiz arkheologicheskikh istochnikov* = Description and analysis of archaeological sources. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 16–33. (In Russ.)

Молодин В.И., Глушков И.Г. Самусьская культура в Верхнем Приобье. Новосибирск: Наука, 1989. 168 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование // МИА. № 18. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА. № 43. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Ч. 3: Глазковское время. 376 с.

Римантене Р.К. Типология палеолитических и мезолитических наконечников Прибалтики // Орудия каменного века. Киев, 1978. С. 20–31.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Наконечники гарпунов многослойного местонахождения Остров Лиственичный (в зоне затопления Богучанской ГЭС) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 2 (3). С. 102–115.

Роговской Е.О., Кузнецов А.М. Депозиты многослойного местонахождения Остров Лиственичный (Северное Приангарье) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2014. Т. 9. С. 77–102.

Савельев Н.А., Тимощенко А.А., Бадмаев Д.А. Спасательные работы Пятого Усть-Илимского отряда на памятнике Сосновый Мыс в 2011 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2011. Т. 17. С. 457–462.

Слободин С.Б. Мезолитическая традиция черешковых пластинчатых наконечников северо-востока Азии // Российская археология. 2018. № 3. С. 58–74.

Тимощенко А.А. Отчет о результатах спасательных работ 5-го Усть-Илимского и Сосновомысского отрядов Богучанской экспедиции на стоянке, могильнике Сосновый Мыс Усть-Илимского района Иркутской области в 2011 году // Архив ИАЭТ СО РАН. № 258. 2012. Т. 1. 252 с.

Azevedo S. de, Charlin J., Gonzales-Jose R. Identifying design and reduction effects on lithic projectile point shapes // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 41. P. 297–307. doi: 10.1016/j.jas.2013.08.013.

Borrell F., Stefanisko D. Reconstructing projectile technology during the Pre-Pottery Neolithic B in the Levant: An integrated approach to large tanged points from Halula // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 69. P. 130–142. doi: 10.1016/j.jas.2016.04.005.

Molodin V.I., Glushkov I.G. (1989) Samus' culture in the Upper Ob region. Novosibirsk: Nauka. 168 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. Historical and archaeological research. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 18* = Materials and research on Archaeology of the USSR. No. 18. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Part 1, 2. 412 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of the Baikal region. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR. No. 43* = Materials and research on Archaeology of the USSR. No. 43. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Part 3. *Glazkovskoe vremya* = Glazkovo time. 376 p. (In Russ.)

Rimantene R.K. (1978) Typology of Paleolithic and Mesolithic points of the Baltic region. *Orudiya kamennogo veka* = Stone Age Tools. Kiev. P. 20–31. (In Russ.)

Rogovskoi E.O., Kuznetsov A. M. (2013) Tips of harpoons of multilayer site Ostrov Listvenichny (in the zone of flooding of Boguchan HPP). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. No. 2 (3). P. 102–115. (In Russ.)

Rogovskoi E.O., Kuznetsov A. M. (2014) Deposits of multilayered site Ostrov Listvenichny (Northern Angara region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series. Vol. 9. P. 77–102. (In Russ.)

Savel'ev N.A., Timoshchenko A.A., Badmaev D.A. (2011) Rescue work of the Fifth Ust-Ilim detachment on the site Sosnovy Mys in 2011. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* = Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and neighboring territories. Vol. 17. P. 457–462. (In Russ.)

Slobodin S.B. (2018). Mesolithic tradition of lamellar bladed points of Northeast Asia. *Rossiiskaya arkheologiya* = Russian Archaeology. No 3. P. 58–74. (In Russ.)

Timoshchenko A.A. (2012) Report on the results of salvage excavation of the 5th Ust-Ilimsky and Sosnovomyssky detachments of the Boguchan expedition at the Sosnovy Mys cemetery in the Ust-Ilimsk district of the Irkutsk region in 2011. Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Archive. No. 258. Vol. 1. 252 p. (In Russ.)

Azevedo S. de, Charlin J., Gonzales-Jose R. Identifying design and reduction effects on lithic projectile point shapes // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 41. P. 297–307. doi: 10.1016/j.jas.2013.08.013.

Borrell F., Stefanisko D. Reconstructing projectile technology during the Pre-Pottery Neolithic B in the Levant: An integrated approach to large tanged points from Halula // Journal of Archaeological Science. 2016. Vol. 69. P. 130–142. doi: 10.1016/j.jas.2016.04.005.

Callanan M. Melting snow patches reveal Neolithic archery // Antiquity. 2013. Vol. 87. P. 728–745. Doi: 10.1017/S0003598X00049425.

Cheshier J., Kelly R.L. Projectile point shape and durability: the effect of thickness: length // American Antiquity. 2006. Vol. 71. P. 353–363. doi: 10.2307/40035908.

Churchill S.E., Rhodes J.A. The Evolution of the Human Capacity for "Killing at a Distance": The Human Fossil Evidence for the Evolution of Projectile Weaponry // The Evolution of Hominin Diets. 2009. P. 201–210.

Clarkson C. Testing Archaeological Approaches to Determining Past Projectile Delivery Systems Using Ethnographic and Experimental Data // Iovita R., Sano K. (eds.). Multidisciplinary Approaches to the Study of Stone Age Weaponry. Dordrecht: Springer, 2016. doi: 10.1007/978-94-017-7602-8_13.

Coppe J., Rots V. Focus on the target. The importance of a transparent fracture terminology for understanding projectile points and projecting modes // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 12. P. 109–123. doi: 10.1016/j.jasrep.2017.01.010.

Dockall J.E. Wear Traces and Projectile Impact: A Review of the Experimental and Archaeological Evidence // Journal of Field Archaeology. 1997. Vol. 24. P. 321–331. doi: 10.1179/009346997792208113.

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. 1984. Vol. 3. P. 19e46.

Foley R., Lahr M.M. On Stony Ground: Lithic Technology, HumanEvolution, and the Emergence of Culture // Evolutionary Anthropology. 2003. Vol. 12. P. 109–122.

Fox A. A study of Late Woodland projectile point typology in New York using elliptical Fourier outline analysis // Journal of Archaeological Science: Reports. 2015. Vol. 4. P. 501–509. doi: 10.1016/j.jasrep.2015.10.022.

Friis-Hansen J. Mesolithic cutting arrows: functional analysis of arrows used in the hunting of large game // Antiquity. 1990. Vol. 64. P. 494–504. doi: 10.1017/S0003598X0007839X.

Hammer O., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 4. P. 1–9.

Hildebrandt W., King J. Distinguishing between darts and arrows in the archaeological record: implication for technological changes in the American West // American Antiquity. 2012. Vol. 77. P. 789–799. doi: 10.7183/0002-7316.77.4.789.

Hughes S.S. Getting to the Point: Evolutionary Change in Prehistoric Weaponry // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5. P. 345–408.

Callanan M. Melting snow patches reveal Neolithic archery // Antiquity. 2013. Vol. 87. P. 728–745. Doi: 10.1017/S0003598X00049425.

Cheshier J., Kelly R.L. Projectile point shape and durability: the effect of thickness: length // American Antiquity. 2006. Vol. 71. P. 353–363. doi: 10.2307/40035908.

Churchill S.E., Rhodes J.A. The Evolution of the Human Capacity for "Killing at a Distance": The Human Fossil Evidence for the Evolution of Projectile Weaponry // The Evolution of Hominin Diets. 2009. P. 201–210.

Clarkson C. Testing Archaeological Approaches to Determining Past Projectile Delivery Systems Using Ethnographic and Experimental Data // Iovita R., Sano K. (eds.). Multidisciplinary Approaches to the Study of Stone Age Weaponry. Dordrecht: Springer, 2016. doi: 10.1007/978-94-017-7602-8_13.

Coppe J., Rots V. Focus on the target. The importance of a transparent fracture terminology for understanding projectile points and projecting modes // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 12. P. 109–123. doi: 10.1016/j.jasrep.2017.01.010.

Dockall J.E. Wear Traces and Projectile Impact: A Review of the Experimental and Archaeological Evidence // Journal of Field Archaeology. 1997. Vol. 24. P. 321–331. doi: 10.1179/009346997792208113.

Fischer A., Hansen P.V., Rasmussen P. Macro and micro wear traces on lithic projectile points: experimental results and prehistoric examples // Journal of Danish Archaeology. 1984. Vol. 3. P. 19e46.

Foley R., Lahr M.M. On Stony Ground: Lithic Technology, HumanEvolution, and the Emergence of Culture // Evolutionary Anthropology. 2003. Vol. 12. P. 109–122.

Fox A. A study of Late Woodland projectile point typology in New York using elliptical Fourier outline analysis // Journal of Archaeological Science: Reports. 2015. Vol. 4. P. 501–509. doi: 10.1016/j.jasrep.2015.10.022.

Friis-Hansen J. Mesolithic cutting arrows: functional analysis of arrows used in the hunting of large game // Antiquity. 1990. Vol. 64. P. 494–504. doi: 10.1017/S0003598X0007839X.

Hammer O., Harper D.A.T., Ryan P.D. PAST: Paleontological Statistics Software Package for Education and Data Analysis // Palaeontologia Electronica. 2001. Vol. 4. P. 1–9.

Hildebrandt W., King J. Distinguishing between darts and arrows in the archaeological record: implication for technological changes in the American West // American Antiquity. 2012. Vol. 77. P. 789–799. doi: 10.7183/0002-7316.77.4.789.

Hughes S.S. Getting to the Point: Evolutionary Change in Prehistoric Weaponry // Journal of Archaeological Method and Theory. 1998. Vol. 5. P. 345–408.

Lokhov D.N. New date from Kata-Yodarma region of the Northen Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. Tokyo, 2010. P. 71–76.

Lombard M. A method for identifying Stone Age hunting tools // South African Archaeological Bulletin. 2005. Vol. 60. P. 115–120.

Odell G.H., Cowan F. Experiments with Spears and Arrows on Animal Targets // Journal of Field Archaeology. 1986. Vol. 13. P. 195–212.

Pargeter J. Assessing the macrofracture method for identifying Stone Age hunting weaponry // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. P. 2882–2888.

Rots V., Plisson H. Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 48. P. 154–165. doi: 10.1016/j.jas.2013.10.027.

Schick T. The Arrows // Shick T., Barshad D., Shaked I., McEven E., Sitry Y., Oshri A., Nagar Y., Shimony C., Werker E., Segal I., Koren Z. C., Nissenbaum A., Jull A. J. T., Donahue D. J., Carmi I., Segal D., Negnevitsky O., Ariel D. T. The Cave of the Warrior: a Fourth Millennium Burial in the Judean Desert. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1998. P. 30–33.

Serwatka K. What's your point? Flexible projectile weapon system in the Central European Final Palaeolithic. The case of Swiderian points // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 17. P. 263–278. doi: 10.1016/j.jasrep.2017.10.048.

Shea J. The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant, and Europe // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. P. 823–846. doi: 10.1016/j.jas.2005.10.015.

Shea J. The Impact of Projectile Weaponry on Late Pleistocene Hominin Evolution // The Evolution of Hominin Diets. New York: Springer, 2009. P. 189–199.

Shea J.J, Sisk M.L. Complex Projectile Technology and Homo sapiens Dispersal into Western Eurasia // PaleoAnthropology. 2010. P. 100–122. doi: 10.4207/PA.2010.ART36.

Shott M. Stones and Shafts Redux: The Metric Discrimination of Chipped-Stone Dart and Arrow Points // American Antiquity. 1997. Vol. 62. P. 86–101. doi: 10.2307/282380.

Thomas D. Arrowheads and Atlatl Darts: How the Stone Got the Shaft // American Antiquity. 1978. Vol. 43. P. 461–472. doi: 10.2307/279405.

Wierer U., Arrighi S., Bertola S., Kaufmann G., Baumgarten B., Pedrotti A., Pernter P., Pelegrin J. The Iceman's lithic toolkit: Raw material, technology, typology and use // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. P. e0198292. doi: 10.1371/jornal.pone.0198292.

Witthoft J. Flint Arrow Points from the Eskimo of Northwestern Alaska // Expedition Winter. 1968. Vol. 10. P. 30–37.

Lokhov D.N. New date from Kata-Yodarma region of the Northen Angara basin // Siberia and Japan in the Late Paleolithic Period. Adaptive Strategies of Humans in the Last Glacial Period. Tokyo, 2010. P. 71–76.

Lombard M. A method for identifying Stone Age hunting tools // South African Archaeological Bulletin. 2005. Vol. 60. P. 115–120.

Odell G.H., Cowan F. Experiments with Spears and Arrows on Animal Targets // Journal of Field Archaeology. 1986. Vol. 13. P. 195–212.

Pargeter J. Assessing the macrofracture method for identifying Stone Age hunting weaponry // Journal of Archaeological Science. 2011. Vol. 38. P. 2882–2888.

Rots V., Plisson H. Projectiles and the abuse of the use-wear method in a search for impact // Journal of Archaeological Science. 2014. Vol. 48. P. 154–165. doi: 10.1016/j.jas.2013.10.027.

Schick T. The Arrows // Shick T., Barshad D., Shaked I., McEven E., Sitry Y., Oshri A., Nagar Y., Shimony C., Werker E., Segal I., Koren Z.C., Nissenbaum A., Jull A.J.T., Donahue D.J., Carmi I., Segal D., Negnevitsky O., Ariel D.T. The Cave of the Warrior: a Fourth Millennium Burial in the Judean Desert. Jerusalem: Israel Antiquities Authority, 1998. P. 30–33.

Serwatka K. What's your point? Flexible projectile weapon system in the Central European Final Palaeolithic. The case of Swiderian points // Journal of Archaeological Science: Reports. 2017. Vol. 17. P. 263–278. doi: 10.1016/j.jasrep.2017.10.048.

Shea J. The origins of lithic projectile point technology: evidence from Africa, the Levant, and Europe // Journal of Archaeological Science. 2006. Vol. 33. P. 823–846. doi: 10.1016/j.jas.2005.10.015.

Shea J. The Impact of Projectile Weaponry on Late Pleistocene Hominin Evolution // The Evolution of Hominin Diets. New York: Springer, 2009. P. 189–199.

Shea J.J, Sisk M.L. Complex Projectile Technology and Homo sapiens Dispersal into Western Eurasia // PaleoAnthropology. 2010. P. 100–122. doi: 10.4207/PA.2010.ART36.

Shott M. Stones and Shafts Redux: The Metric Discrimination of Chipped-Stone Dart and Arrow Points // American Antiquity. 1997. Vol. 62. P. 86–101. doi: 10.2307/282380.

Thomas D. Arrowheads and Atlatl Darts: How the Stone Got the Shaft // American Antiquity. 1978. Vol. 43. P. 461–472. doi: 10.2307/279405.

Wierer U., Arrighi S., Bertola S., Kaufmann G., Baumgarten B., Pedrotti A., Pernter P., Pelegrin J. The Iceman's lithic toolkit: Raw material, technology, typology and use // PLOS ONE. 2018. Vol. 13. P. e0198292. doi: 10.1371/jornal.pone.0198292.

Witthoft J. Flint Arrow Points from the Eskimo of Northwestern Alaska // Expedition Winter. 1968. Vol. 10. P. 30–37.

Критерии авторства

А.М. Кузнецов, С.П. Дударёк, Д.Н. Лохов, Е.О. Роговской, С.А. Савельев, А.А. Тимощенко провели обобщение, подготовили рукопись, документы и иллюстрации к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

A.M. Kuznetsov, S.P. Dudarek, D.N. Lokhov, E.O. Rogovskoi, N.A. Saveliev, A.A. Timoshenko conducted a compilation, prepared the manuscript, documents and illustrations for publication, owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Кузнецов Алексей Михайлович,
инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: golos_siberia@list.ru
Дударёк Сергей Павлович,
инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: dudareks@mail.ru
Лохов Дмитрий Николаевич,
инженер-исследователь НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: bisaagan@yandex.ru
Роговской Евгений Олегович,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: eor127@yandex.ru
Савельев Николай Александрович,
кандидат исторических наук, научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: archeolog@inbox.ru
Тимощенко Алексей Анатольевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
630090, Новосибирск, пр-т Акад. Лаврентьева, 17, Россия,
✉ e-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Information about the authors

Aleksei M. Kuznetsov,
research engineer, SRC “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: golos_siberia@list.ru
Segei P. Dudarek,
research engineer, SRC “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: dudareks@mail.ru
Dmitrii N. Lokhov,
research engineer, SRC “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: bisaagan@yandex.ru
Evgenii O. Rogovskoi,
Cand. Sci. (History), senior researcher, SRC “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: eor127@yandex.ru

Nikolai A. Saveliev,
Cand. Sci. (History), research assistant, SRC “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: archeolog@inbox.ru

Aleksei A. Timoshenko,
Cand. Sci. (History), research assistant,
Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Lavrentiev avenue, Novosibirsk 630090, Russia,
✉ e-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.27
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-62-74

Наскальные рисунки утёса Монгольжин в Восточном Саяне как объект исследований: от П.А. Кропоткина до современности

© В.И. Ташак

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье рассмотрены сведения об изучении наскальных рисунков на юго-востоке горного хребта Восточных Саян. Массивный меловый утёс Монгольжин с наскальными рисунками расположен на границе локального горного хребта Кропоткина и Окинского плоскогорья. Согласно административному районированию археологический памятник с наскальными рисунками находится на западе современной Республики Бурятии – в Окинском районе, который долгое время был труднодоступным из-за отсутствия хороших автомобильных дорог и мостов через горные реки. Это обусловило очень слабую изученность археологии в районе. Наскальные рисунки на утёсе Монгольжин были осмотрены П.А. Кропоткиным в начале второй половины XIX в. и тогда же сведения об этих рисунках впервые были опубликованы в научной литературе. В течение XX в. в некоторых публикациях, посвященных изучению наскальных рисунков отдельных районов Восточной Сибири, сведения о рисунках утёса Монгольжин привлекались для сравнительных характеристик или доказательств различных гипотез. Только в одной статье того времени было заявлено о новом этапе изучения утёса с наскальными рисунками. Анализ всех опубликованных данных и их сопоставление с современными данными, полученными в ходе изучения самих рисунков, позволяет прийти к выводу, что наскальные рисунки утёса Монгольжин не обследовались на местности после того как первые сведения о них были опубликованы П.А. Кропоткиным.

Ключевые слова: духовная культура, древнее искусство, наскальные рисунки, охра, история исследований, первооткрыватель П.А. Кропоткин, Восточный Саян, Окинское плоскогорье, Южная Сибирь

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Информация о статье: Дата поступления 2 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ташак В.И. Наскальные рисунки утёса Монгольжин в Восточном Саяне как объект исследований: от П.А. Кропоткина до современности // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 62–74. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-62-74

Rock paintings of Mongol'jin Rock in Eastern Sayan Mountain Ridge as an object of research: from P.A. Kropotkin to modern times

© Vasily I. Tashak

Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The data about investigations of the Rock Paintings located in the south-eastern part of the Eastern Sayan Mountain Ridge are considered in the article. The massive cretaceous rock Mongoljin with the paintings is situated on the border between the local Kropotkin mountain ridge and Oka highland. According to the administrative division into districts, the archaeological site with the arts is on the west of the present day Buryatia Republic in the Oka district, which has been hard-to-reach

for a long time due to the absence of the good roads and bridges across the Mountain Rivers. These reasons have determined a very low degree of archaeological coverage in the region. In the first half of the 19th century, the rock paintings at Mongoljin Rock were examined for the first time and that was also when the first information about these rock paintings was published in the scientific literature. During the XX century, the data about Mongoljin Rock paintings were referred for the comparative investigations or demonstration different speculations. The only research work of that time stated the new stage of these rock paintings investigations. The analysis of all published data and its comparing with the contemporary data obtained in the course of the field survey of the rock paintings themselves allowed the conclusion that Mongoljin rock paintings has not been examined in-situ after the first data about them were published by P.A. Kropotkin.

Keywords: spiritual culture, ancient art, Rock Paintings, ochre, history of researches, pathfinder P.A. Kropotkin, Eastern Sayan Mountain Ridge, Okinskoe Highland, Southern Siberia

Acknowledgements: The research was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Grant No. 14.W03.31.0016).

Article info: Received February 2, 2020; accepted for publication February 25, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Tashak V.I. (2020) Rock paintings of Mongol'jin Rock in Eastern Sayan Mountain Ridge as an object of research: from P.A. Kropotkin to modern times. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 62–74. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-62-74

Введение

Первые сведения о наскальных рисунках утёса Монгольжин в научной литературе появляются в 60-х гг. XIX в. После первой публикации сведений о наскальных рисунках Монгольжина интерес к ним проявлялся периодически, в первую очередь в ходе сравнительных анализов с рисунками других территорий. При этом в немногочисленных работах, где упоминаются или анализируются наскальные рисунки Монгольжина, даются сведения, уточняющие их описание, но были ли эти уточнения результатом новых исследований самих наскальных рисунков остаётся неясным, поскольку за рамки изначального описания, данного П.А. Кропоткиным, они не выходили. Одним из факторов, влиявших на очень слабую изученность археологии в Окинском районе, была и остаётся его удалённость не только от научных центров, но и от магистральных путей сообщения. Скала с рассматриваемыми наскальными рисунками расположена на крайнем западе территории современной Республики Бурятии (Окинский район). Географически утёс находится на юго-востоке хребта Восточный Саян, куда доступ был затруднён ввиду отсутствия хороших дорог или просто дорог до 90-х годов XX в. Тем не менее в первой половине 1980-х гг. появилась публикация с указанием на то, что исследования наскальных рисунков утёса были продолжены.

В данной статье предлагается к рассмотрению вопрос о том, насколько полно описаны наскальные рисунки утёса Монгольжин и насколько интерес к ним сопровождался изучением самих рисунков.

Утёс с наскальными рисунками и его изучение

Утёс Монгольжин находится в долине реки Жомболок, в 300 м от правого берега крупной протоки этой реки, и в 5 км на запад от левого берега реки Оки – основной водной артерии Окинского района Республики Бурятии (рис. 1). Утёс, представляющий собой крупное скальное обнажение, изобилующее отвесными стенками, массивными блоками и каменными осыпями, располагается в вершине крупной пади, ориентированной по линии запад – восток. Ширина пади в устье 1,3 км, а длина 3,5 км. Верхняя часть пади разорвана с образованием узкого прохода у подножия меловых скал белого цвета. В тальвеге прохода у подножия скал протекает мелкий ручеёк, который теряется в задернованном каменистом дне пади в нескольких сотнях метров ниже по течению. После выхода из скалистого прохода в западном направлении открывается долина реки Жомболок.

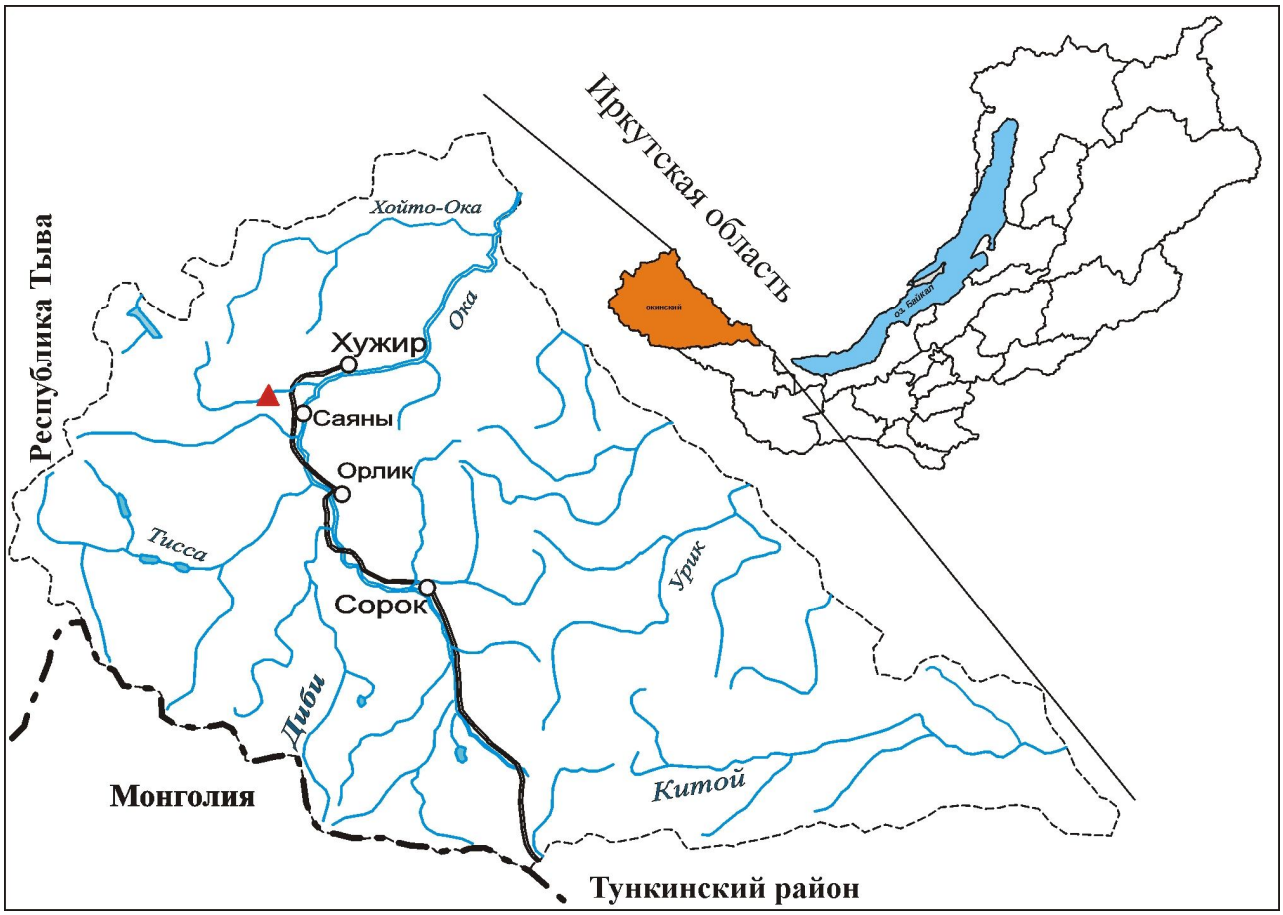


Рис. 1. Местоположение утёса Монгольжин в Окинском районе Республики Бурятии (отмечено треугольником)
Fig. 1. The position of the Mongol'jin Rock in Oka district of the Buryatiya Republic (marked with the triangular)

В 1865 г. именно этим путём двигался исследовательский отряд, возглавляемый П.А. Кропоткиным, направлявшийся из Окинского караула, располагавшегося в окрестностях нынешнего села Саяны, в сторону потухших вулканов в верховьях Жомболока для их изучения. Позднее П.А. Кропоткин станет известным революционером-анархистом, но в 60-е годы XIX в. его деятельность была связана с наукой, в первую очередь с геологией и географией. Достигнув утёса Монгольжин, Кропоткин исследует здесь наскальные рисунки и даёт их первое короткое описание: «Тут на утесе видны надписи клинообразно-сердцевидной формы с точкою в середине, сделанные на камне красною и малиновою краскою» (Кропоткин, 1867. С. 56). Исследователь чётко определяет рисунки как свидетельства пребывания здесь населения «в очень давние времена» (Там же). Это было первое научное описание наскальных рисунков утёса Монгольжин, но короткое и не детальное – в описании речь идёт о трёх рисунках «клинообразно-сердцевидной формы», всё остальное упоминается как бледные следы в виде пятен (Там же. С. 57). Несомненной заслугой П.А. Кропоткина в изучении наскальных рисунков Монгольжина стала их иллюстрация (рис. 2.1), выполненная в художественной манере и без соблюдения масштаба, на которой изображена часть скалы с рисунками (Там же. Прилож. 3. Фиг. 1).

Короткая заметка о наскальных рисунках и рисунок самой скалы, опубликованные П.А. Кропоткиным в большом отчёте о своём путешествии, на долгие годы становятся основным источником знаний о данном археологическом памятнике, к которому и обращались исследователи древнего наскального искусства. В частности, в монографии «Петроглифы Ангары» А.П. Окладников рассматривает наскальные рисунки Монгольжина в поисках

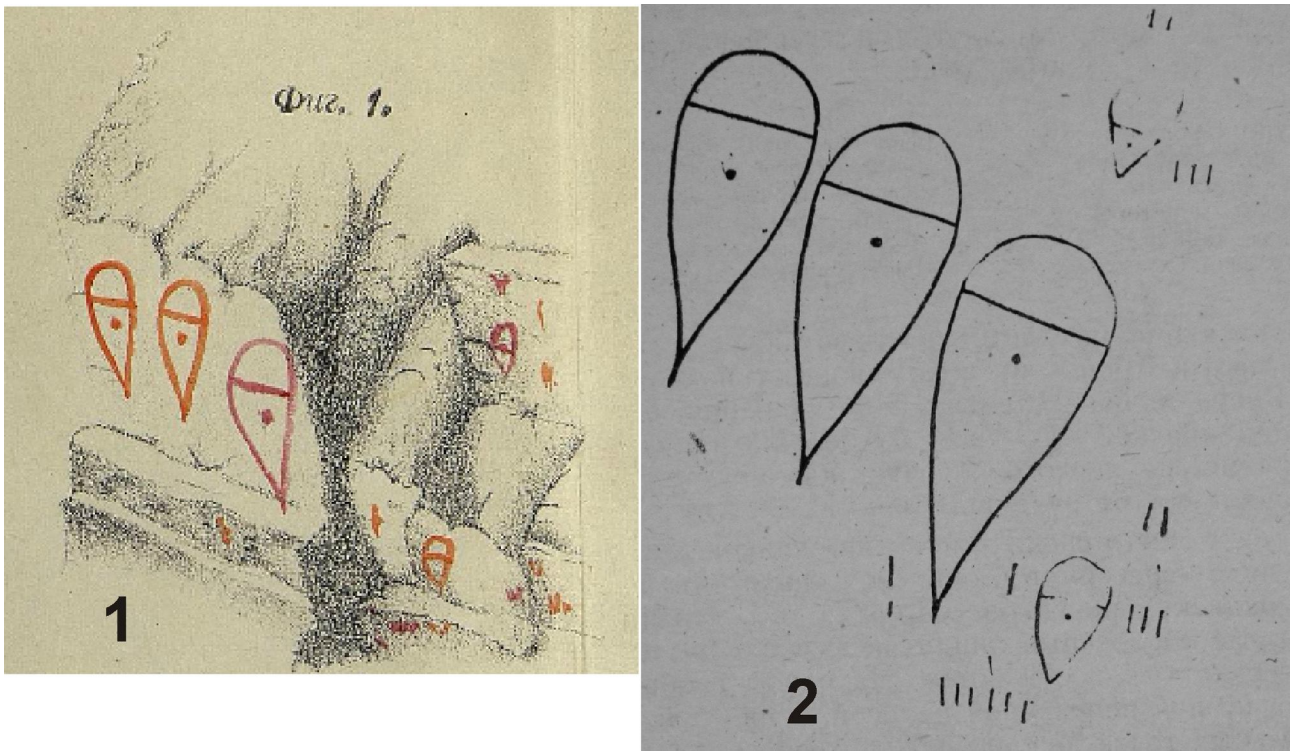


Рис. 2. Изображения наскальных рисунков утёса Монгольжин: *1 – рисунок П. А. Кропоткина (Кропоткин, 1867. Прилож. 3. Фиг. 1); 2 – рисунок А.В. Тиваненко (Тиваненко, 1983. С. 49. Рис. 1)*
Fig. 2. The paintings from the Mongol'jin Rock: *1 – the illustration made by P.A. Kropotkin (Kropotkin, 1867. Supplement 3. Fig. 1); 2 – the illustration of A.V. Tivanenko (Tivanenko, 1983. P. 49. Fig. 1)*

аналогий с некоторыми наскальными изображениями Приангарья (Окладников, 1966. С. 134). Здесь же приведён и рисунок П.А. Кропоткина (Там же. С. 133. Рис. 42.9). Исследователь интерпретирует «клиновидно-сердцевидные» изображения как своеобразные личины и дополняет описание наскальных рисунков, обращаясь к рисунку П.А. Кропоткина: «Рядом с одним из них, меньшего размера расположены группами овальные пятна» (Там же. С. 134). Под одним из них имеется в виду одно из «клиновидно-сердцевидных» изображений. Здесь следует напомнить, что рисунок П.А. Кропоткина выполнен в художественной манере, а не является документально точной копией наскальных изображений. Согласно современным наблюдениям на том месте, в правом верхнем углу, где у П.А. Кропоткина прорисовано одно из «клиновидно-сердцевидных» изображений с «группами овальных пятен», расположен рисунок фигуры подтреугольной формы с вершиной, обращённой вверх, и двумя линиями в центре. Рядом с этой фигурой нет никаких пятен. Треугольная фигура затянута плотными солевыми натёками, но на мокрой поверхности скалы она видна отчётлива. На сухой поверхности просматриваются только две линии и пятна, которые П.А. Кропоткин прорисовал как «клиновидно-сердцевидное» изображение с пятнами. На данном примере видно, что по рисунку П.А. Кропоткина нельзя судить о точном взаимоположении и элементном составе изображений Монгольжина.

В 1983 г. была издана статья А.В. Тиваненко, из которой явствует, что автор не только предлагает их интерпретацию, но и исследовал сами наскальные изображения (Тиваненко, 1983). Вместе с тем такое утверждение вызывает сомнение, поскольку всё, что касается описательной части самого утёса и наскальных рисунков на нём, не соответствует действительности. Кроме этого, в статье есть и фактологические ошибки, например, поездка П.А. Кропоткина в Оку датирована 1858 годом, в реальности она состоялась в 1865 г., в 1858 г. бу-

дущему исследователю было 16 лет и до Сибири он ещё не добрался. Труд П.А. Кропоткина, где опубликованы сведения о наскальных рисунках Монгольжина называется «Поездка в Окинский караул», в интерпретации А.В. Тиваненко он назван «Путь в Окинский край…». Ссылаясь на А.П. Окладникова, автор называет рисунки утёса Монгольжин загадочными, приводя цитату из монографии «Олень золотые рога» (Тиваненко, 1983. С. 53). В указанной монографии (Окладников, 1964) нет цитируемого текста, как нет его и в более позднем издании (Окладников, 1989). Эти ошибки можно было бы списать на опечатки пр., но почти в полном виде эта статья со всеми ошибками и неточностями перекочевала в монографию, изданную позже (Тиваненко, 1990. С. 87–92).

Что касается описательной части, то неточности здесь начинаются с описания местоположения утёса, который согласно А.В. Тиваненко находится в 4 верстах вниз от казачьего караула по левому берегу р. Оки, в районе аэропорта Ока (Тиваненко, 1983. С. 48). Бывший казачий караул, находился ниже по течению – от теперь тоже бывшего аэропорта Ока, а на указанном участке нет меловых скал.

В современной справочной литературе также нет достоверной информации о местоположении утёса Монгольжин (Лбова, Хамзина, 1999. С. 144; Памятники археологии, 2011. С. 263), согласно которой скала с рисунками находится на левом берегу Оки, в нескольких сотнях метров от села Саяны. В нескольких сотнях метров от с. Саяны уже в 2000-е годы первоначально был обнаружен один наскальный рисунок (Антонова, Миягашев, 2013), в последствии обнаружено ещё несколько рисунков (Ташак, Антонова, Кобылкин, 2019), которые не имеют никакого отношения к рисункам Монгольжина. Два из этих рисунков представляют собой контурные изображения копытных животных, выполненные красным красителем. Сохранность рисунков плохая и точнее определить вид животных, изображённых на скале, пока не удалось.

Рисунок, опубликованный в статье и монографии А.В. Тиваненко (рис. 2.2), не рисовался с натуры, это произвольная копия с рисунка П.А. Кропоткина, хотя он и пишет, что делались эстампы с рисунков (сложно представить, как сделать эстамп с нарисованного рисунка). В рисунке из статьи нет ни одного соответствия реальным наскальным рисункам утёса Монгольжин ни по форме, ни по взаиморасположению.

Следует обратить внимание на ещё один момент, акцентируемый А.В. Тиваненко в качестве доказательной базы своим умозаключениям. В статье указывается, что краситель, которым нарисованы рисунки, легко стирается при слабом прикосновении руки. На этом основании делается вывод, что рисунки не могут датироваться бронзовым веком, а сделаны в период проникновения в Горную Оку буддизма (Там же. С. 53). Сложно понять, о чём пишет автор, поскольку большинство рисунков утёса Монгольжин покрыто солевыми натёками разной мощности и можно стереть в кровь руку, но не добиться даже намёка на повреждение рисунков таким образом. Кроме этого, даже беглый осмотр рисунков позволяет увидеть, что их неоднократно и намеренно проверяли на прочность с применением твердых материалов – наблюдаются глубокие и широкие царапины с повреждением поверхности скалы. Только при серьёзном нажиме твердыми материалами (камень, металл) и с повреждением скалы стирался краситель. В единичных случаях, где поверхность скалы начала отделяться в виде рассыпающейся тонкой корки (природные процессы, в первую очередь замерзание влаги в микротрещинах с последующим разрушением скалы), можно осыпать корку вместе с краской прикосновением руки. Такие случаи вызваны разрушением поверхности скалы и не затрагивают основных рисунков, о которых пишет А.В. Тиваненко.

Обосновывая своё мнение о том, что наскальные рисунки утёса являются результатом деятельности буддистов в период проникновения буддизма в среду населения Саянских гор, А.В. Тиваненко обращается к статье П.П. Хороших «Знаки собственности бурят» (в интерпретации А.В. Тиваненко «Знаки собственности у бурят», добавлен предлог у), где цитирует автора: «Подобные родовые знаки мне встречались у тункинских, забайкальских и

агинских бурят» (Тиваненко, 1983. С. 52). В статье П.П. Хороших нет строк, соответствующих указной цитате. Наиболее близкие по содержанию два предложения из статьи П.П. Хороших написаны так: «Некоторые изображения клейм заимствованы из ламайского культа. Такие клейма более всего встречаются среди бурят-ламаитов (буряты тункинские, аларские, забайкальские)» (Хороших, 1929. С. 209). Так же А.В. Тиваненко неправильно указывает год издания (1929, а не 1924) страницы и пр. Самое главное в том, что П.П. Хороших никоим образом не обращается в этой статье к наскальным рисункам Монгольжина, в частности, и к наскальным рисункам Восточного Саяна вообще. Поэтому привлечение статьи в качестве свидетельства интереса П.П. Хороших к рассматриваемому объекту, более чем сомнительно.

Современное состояние наскальных рисунков

Первичный осмотр скальной поверхности с рисунками позволяет сделать вывод, аналогичный заключению П.А. Кропоткина о том, что скала разрушается и многие рисунки утрачены, а от других остались только следы в виде точек и полосок. Детальное исследование поверхности утёса с рисунками подтверждает тот факт, что скала разрушается, но не подтверждает того, что от большинства рисунков остались только следы. Здесь есть сильно «угасшие» и повреждённые рисунки, но большинство из них легко распознаются. Количественную основу рисунков Монгольжина составляют точки и полоски, которых несколько десятков и нанесены они на площади в несколько десятков квадратных метров (рис. 3.1). Эти точки не остатки чего-то, а самостоятельные элементы большой композиции, часть которых группируется между собой. Большинство точек рассеяно по поверхности скалы без видимой связи и системы. На некоторых участках, где на поверхности скалы сплошным слоем образовалась осыпающаяся корка, а также сконцентрированы мелкие каверны от такого осыпания, некоторые точки и полоски могут быть следами более крупных рисунков, но таких немного. Повторимся, в большинстве точки и полоски изначально рисовались таковыми. Композиционную основу (центр) панно из наскальных рисунков составляют три «клиновидно-сердцевидных» изображения (рис. 3.1а; 4). Основная часть всех фигурных изображений утёса группируется на площади около 1 х 2 м (рис. 3.2), при этом крупные «клиновидно-сердцевидные» изображения плотной группой расположены в левой верхней части этой площади. Ещё три фигурных рисунка рассредоточены по скале правее и ниже основной группы. Большинство рисунков сделано красно-оранжевым красителем, в том числе и все «клиновидно-сердцевидные» изображения. Два из трёх центральных изображений были «подновлены» малиновым красителем, нанесённым поверх красно-оранжевого, что хорошо прослеживается визуально. Изначально малиновым красителем, без следов оранжевого, были прорисованы некоторые точки. Малиновый краситель, нанесённый на скалу позднее, также как и красно-оранжевый краситель не стирается простым прикосновением руки.

В 2019 г. было выявлено ещё одно «клиновидно-сердцевидное» изображение очень плохой сохранности, которое находится на значительном удалении от центральной группы (рис. 3.1б). В этом изображении нет поперечной полосы, что отличает его от остальных. Сохранность рисунка очень плохая, на его примере видны последствия точечного осыпания поверхностной корки скалы, вызванного природными процессами и приводящими к утрате самого рисунка (рис. 5). Также фигурные изображения и некоторые точки центральной части рисунков сильно повреждены намеренно – видны многочисленные следы затирания и многочисленные царапины, сделанные твердыми предметами (см. рис. 4). Кроме «клиновидно-сердцевидных» изображений на скале нарисован круг с точкой в середине (рис. 6), который расположен на небольшом удалении от нижнего «клиновидно-сердцевидного» изображения, в связи с чем он не мог не попасть в поле зрения заинтересованного исследователя. П.А. Кропоткин проигнорировал данный рисунок и не внёс его в свою иллюстрацию, поэтому у всех последующих исследователей он никак не упоминается. Верхняя часть круга слегка спрямлена, что может быть обусловлено не-

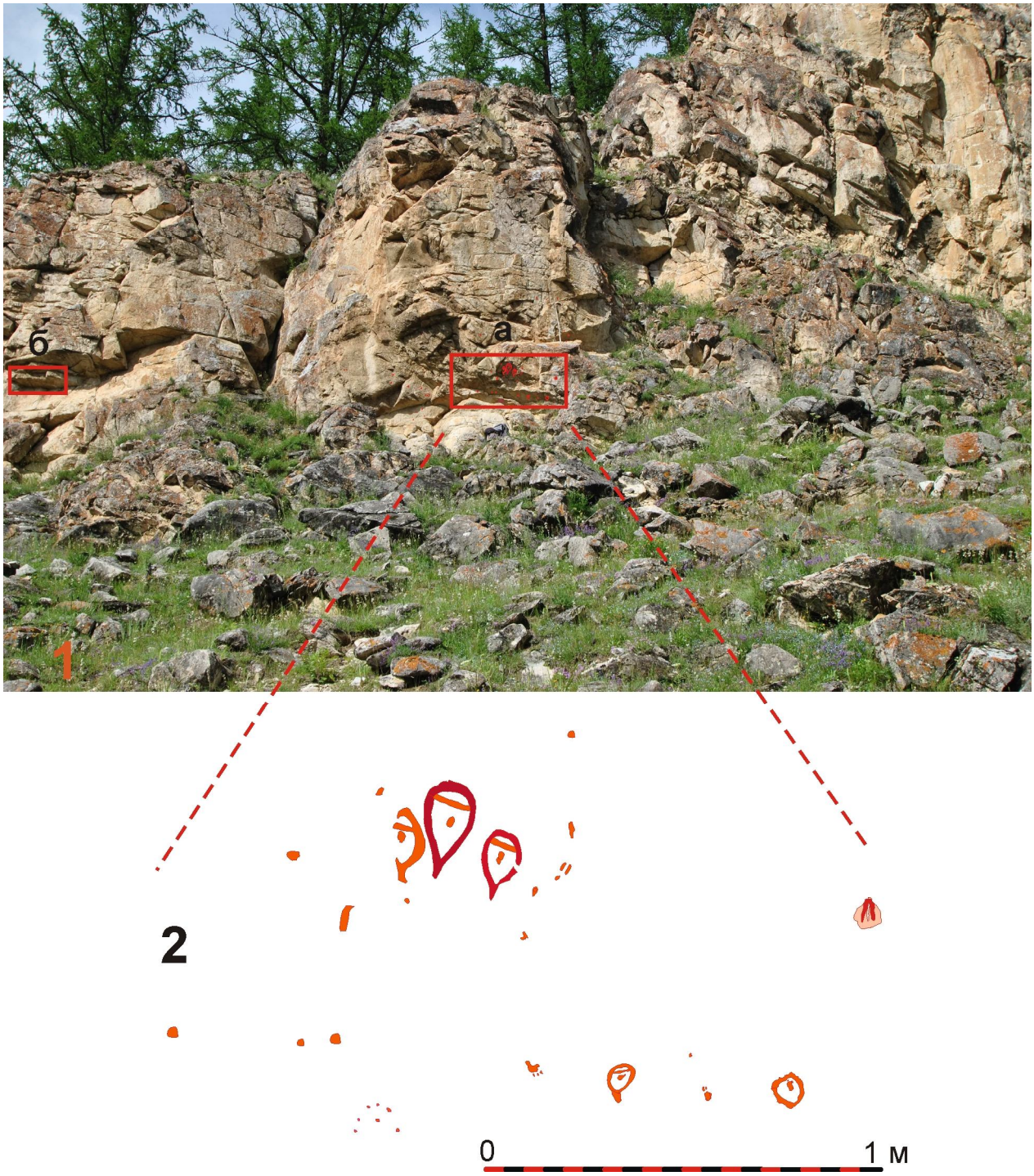


Рис. 3. Утёс Монгольжин: *1 – вид на утёс с наскальными рисунками (фото В.И. Ташака): а – центральная часть; б – западная часть, выявленная в 2019 г.; 2 – прорисовка отдельных элементов центральной части наскальных рисунков*

Fig. 3. Mongol'jin Rock: *1 – the view toward the Rock with the paintings (photo by V.I. Tashak): a – central part; b – western part, discovered in 2019; 2 – drawing of the separate elements from the central part composition*

Рис. 4. Центральная композиция наскальных рисунков утёса Монгольжин с тремя «клинообразно-сердцевидными» изображениями. Левое изображение повреждено. Фото В.И. Ташака
Fig. 4. The central composition of rock paintings of Mongol'jin Rock with three «wedge-shaped-heart-shaped» images. The left image is damaged. Photo of V.I. Tashak

Рис. 5. «Клинообразно-сердцевидное» изображение в западной части наскальных рисунков утёса Монгольжин. Фото В.И. Ташака
Fig. 5. «Wedge-shaped-heart-shaped» painting from the western part composition of the Mongol'jin Rock. Photo by V.I. Tashak

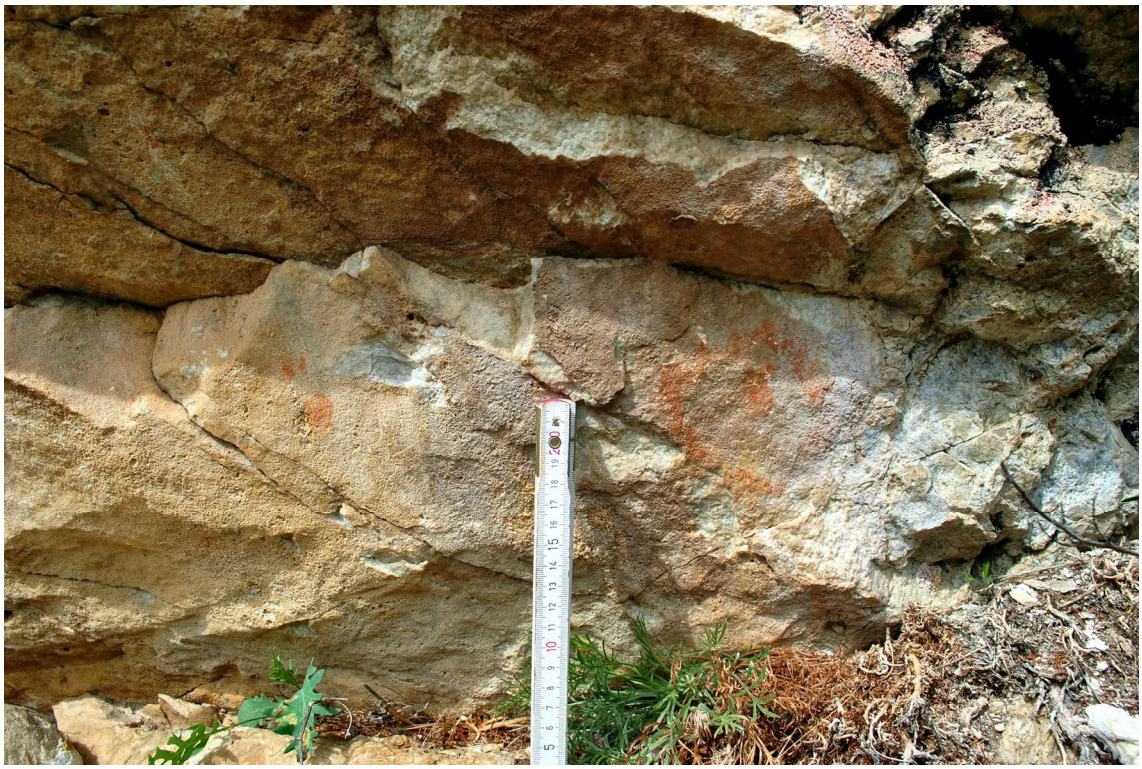


Рис. 6. Утёс Монгольжин. Рисунок круга с точкой в середине. Фото В.И. Ташака
Fig. 6. Mongol'jin Rock. Painting a circle with a point inside. Photo by V.I. Tashak

брежностью или ошибкой в процессе рисования. Возможно, это намеренное спрямление верхней части круга. Подобные изображения круга с точкой в середине трактовались В.Д. Кубаревым как солярная символика, но с оговоркой, что так же изображались колёса колесниц и повозок эпохи бронзы (Кубарев, 2006. С. 47).

Примечательно, что некоторые точки группировались в своеобразные фигуры. Например, одна из таких группировок расположена ниже композиционного центра всего комплекса наскальных рисунков утёса Монгольжин – трёх «клиновидно-сердцевидных» изображений. В этой фигуре шесть точек своим взаиморасположением напоминают крутую дугу, выгнутую вверх. В центре внутреннего пространства дуги помещена седьмая точка (рис. 3.2; 7). В этой фигуре, составленной из отдельных точек, верхняя точка, от которой осталось около половины, повреждена выбоиной. Эта выбоина и некоторые подобные ей, по всей видимости, образовались в результате стрельбы по скале из огнестрельного (охотничьего) оружия или ударов камнями – ещё один из факторов, влияющих на повреждение и утрату наскальных рисунков.

Часто точки сгруппированы попарно – располагаются рядом друг с другом. Встречаются группы из трёх точек, но в таких группировках всегда одна точка крупная, а остальные мелкие и находятся выше крупной точки.

Обращаясь к фотографии центральной группы «клиновидно-сердцевидных» изображений (см. рис. 4) видно, что их реальное взаиморасположение не соответствует рисунку в статье и монографии А.В. Тиваненко, который при создании своего рисунка опирался на рисунок П.А. Кропоткина. Кроме этого, видно, что левое «клиновидно-сердцевидное» изображение сильно повреждено – отколот крупный кусок поверхности скалы с частью изображения. В той же книге, где опубликован отчёт П.А. Кропоткина о поездке в Окинский караул, опубликован и отчёт об исследовании красителя наскальных рисунков Монгольжина (Ломоносов, 1867), где указано, что для анализа была получена известковая порода с красителем на поверхности. Обзор поверхности скалы позволяет

Рис. 7. Утёс Монгольжин. Группа точек. Фото В.И. Ташака
Fig. 7. Mongol'jin Rock. Battery of points. Photo by V.I. Tashak

прийти к выводу, что именно в этом месте был изъят кусок известковой породы с красителем на поверхности, т. е. центральная часть рисунков была повреждена в период работы экспедиции П.А. Кропоткина. Сам П.А. Кропоткин сделал свой рисунок ещё с целой композиции, но после экспедиции рисунок остался повреждённым. Этот вывод наиболее приемлем после сопоставления всех имеющихся данных. Во всяком случае, в других местах, где наблюдаются повреждения в виде отколотых кусков поверхности, не наблюдаются значительных повреждений рисунков. К примеру, это точки и полоски частично повреждённые. При этом все точки и полоски «угасли» значительно сильнее трёх центральных фигур, которые подновлялись, судя по тому, что наблюдается нанесение на первоначальный красно-оранжевый краситель, краситель с выраженным малиновым оттенком. Поэтому, следует считать, что именно кусок скальной поверхности, отколотый с частью одной из центральных нарисованных фигур, и послужил образцом для исследования красителя. А.В. Тиваненко, изучая наскальные рисунки в 1974, должен был видеть это повреждение, но его иллюстрация отображает целый рисунок. Исходя из этого, следует подтвердить предположение – А.В. Тиваненко не видел наскальных рисунков утёса Монгольжин. Если же он видел эти рисунки, то не работал с ними, поскольку нет ни одного соответствия его описаний реальности. Тем не менее все недостоверные данные, приводимые А.В. Тиваненко в его статье стали кочевать в другие издания и научные работы (в том числе, в кандидатские диссертации). Например, в учебном пособии по географии Окинского района даны выдержки из статьи А.В. Тиваненко, но без ссылки на автора (Иметхенов А.Б., Шарастепанов, Иметхенов О.А., 2008). Там же говорится о том, что А.П. Кропоткин назвал «клиновидно-сердцевидные» изображения похожими на ракетки для игры, в чём, кстати, в настоящее время уверены многие из тех, кто обращается за информацией о наскальных рисунках Оки. Это определение приведено в статье А.В. Тиваненко и не имеет никакого отношения к первооткрывателю рисунков.

Заключение

Таким образом, наскальные рисунки утёса Монгольжин впервые были описаны ещё в 1865 г. А.П. Кропоткиным. Как оказалось, описание первооткрывателя с указанием локализации самого утёса за последовавшие потом полтора столетия оставалось наиболее точным. В работах А.В. Тиваненко, где речь идёт о наскальных рисунках Монгольжина, представлена заведомо неверная информация, которая создавалась на основе отчётной публикации А.П. Кропоткина и, вероятно, каких-то устных сведений. Ложная информация из статей А.В. Тиваненко без критического подхода к ней перекочевала в другие работы, увеличивая туман недостоверности вокруг сведений о рисунках и их местоположении. Эта информация приводится даже в публикациях, авторы которых посещали утёс и видели рисунки, но своих исследований не проводили, а использовали данные из статьи А.В. Тиваненко. В настоящее время на поверхности утёса Монгольжин зафиксировано большое количество наскальных рисунков, количественную основу которых составляют точки, полоски и различные мелкие фигурки, которые обобщённо можно описать как «кляксы», а центр занимают три «клиновидно-сердцевидных» изображения. Ещё одно подобное изображение расположено правее и ниже центральной группы, как и указано у П.А. Кропоткина. На месте пятого подобного изображения, фигурирующего на всех иллюстрациях, находится другая фигура. Общий вывод таков – после экспедиции П.А. Кропоткина в 1865 г. детальные исследования наскальных рисунков утёса Монгольжин возобновились только в 2018, 2019 гг., которые продолжаются в настоящее время. В ходе изучения рисунков применяются новейшие методы фиксации и реконструкции изображений, основанные в первую очередь на цифровой обработке фотографий (Солодейников, 2013; Солодейников, 2016; Миклашевич, Бове, 2014; Миклашевич, Солодейников, 2013; Кичигин, Коростелев, Харинский, 2018; Ташак, 2019). В настоящее время получена значительная по объёму информация, которая обрабатывается и планируется к публикации. Предварительно можно отметить, что наскальные рисунки утёса Монгольжин уникальны среди известных рисунков в Приангарье и Забайкалье. Этот факт делает актуальными вопросы о происхождении и содержании самих рисунков.

Библиографический список

Антонова Ю.Е., Миягашев Д.А. Шамхаг-Байсан как культовый объект древности в долине р. Ока (запад Бурятии) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 103–107.

Иметхенов А.Б., Шарастепанов Б.Д., Иметхенов О.А. Горная Ока. География Восточного Саяна. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2008. 190 с.

Кичигин Д.Е., Коростелев А.М., Харинский А.В. Петроглифы мыса Лударь (северо-западное побережье озера Байкал): Результаты работ 2016 г. // Известия Лаборатории древних технологий. 2018. Т. 14. № 1. С. 20–39. DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-20-39

Кропоткин П.А. Поездка в Окинский Караул // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книги IX, X. Иркутск: Типография Окружного штаба, 1867. С. 1–94.

Кубарев В.Д. Астральная символика и древние мифы в петроглифах Алтая // Изучение историко-

References

Antonova Yu.E., Miyagashev D.A. (2013) Shamhag-baisan as a sacral object of antiquity in the Oka river valley (western Buryatia). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Tomsk State University Journal of History. No. 3(23). P. 103–107. (In Russ.)

Imetkhenov A.B., Sharastepanov B.D., Imetkhenov O.A. (2008) Mountanous Oka. The geography of the Eastern Sayan Mountain. Ulan-Ude: Buryat State University. 190 p. (In Russ.)

Kichigin D.E., Korostelev A.M., Kharinskii A.V. (2018) Petroglyphs of cape Ludar (north-western coast of lake Baikal): results of works 2016. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of ancient technologies. Vol. 14. No. 1. P. 20–39. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2018-1-20-39

Kropotkin P.A. (1867) The journey to the Oka Warding station. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* = The notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X P. 1–94. (In Russ.)

Kubarev V.D. (2006) Astral symbolism and ancient myths in the petroglyphs of Altai. *Izuchenie istoriko-*

культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2006. С. 46–56.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии: карта археологических памятников. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 1999. 222 с.

Ломоносов А. Исследование красильного вещества, которым исчерчены утёсы р. Оки в Иркутской губернии // Записки Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Книги IX, X. Иркутск: Типография Окружного штаба, 1867. С. 599–600.

Миклашевич Е.А., Бове Л.Л. Гравировки на скалах Хакасии: новые технологии документирования // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014. С. 75–79.

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере кавказской писаницы в минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 176–191.

Окладников А.П. Олень золотые рога. Л.–М.: Искусство, 1964. 240 с.

Окладников А.П. Петроглифы Ангары. М.–Л.: Наука, 1966. 322 с.

Окладников А.П. Олень золотые рога. Рассказы об охоте за наскальными рисунками. Открытие Сибири. Главы из книги. Хабаровск: Дальний Восток: героика, труд, путешествия, 1989. 208 с.

Памятники археологии. Свод объектов культурного наследия. Улан-Удэ: НоваПринт, 2011. 392 с.

Солодейников А.К. Некоторые аспекты фотофиксации наскальных изображений // Вестник Кемеровского государственного университета. Сер. История. 2013. Т. 4. Вып. 3. С. 76–82.

Солодейников А.К. Стратегия и тактика документирования памятников наскального искусства // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения) / ред. В.В. Бобров. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2016. С. 200–210.

Ташак В.И. Наскальные рисунки на западе хребта Цаган-Дабан в Западном Забайкалье // Известия Лаборатории древних технологий. 2019. Т. 15. № 4. С. 35–52. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52

Ташак В.И., Антонова Ю.Е., Кобылкин Д.В. Естественнонаучные методы в решении вопросов хронологии каменных конструкций в древних святилищах // Кочевые империи Евразии в свете археологических и межкультурного наследия народов Южной Сибири = Study of historical and cultural heritage of peoples of Southern Siberia. Gorno-Altaysk. P. 46–56. (In Russ.)

Lbova L.V., Khamzina E.A. (1999) Ancient Buryatia: map of archaeological sites. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 222 p. (In Russ.)

Lomonosov A. (1867) The investigation of the coloring substance, which was used for painting at rocks of the Oka River in Irkutsk province. *Zapiski Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* =The notes of the Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society. Irkutsk: Tipografiya Okruzhnogo shtaba. Books IX, X. P. 599–600. (In Russ.)

Miklashevich E.A., Bove L.L. (2014) Engraving on the rocks of Khakassia: new technologies of documentation. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda* = Proceedings of the IV (XX) All-Russian Archaeological Congress. Kazan': Otechestvo. P. 75–79. (In Russ.)

Miklashevich E.A., Solodeinikov A.K. (2013) New opportunities for recording the rock paintings made by paint (on the example of the Caucasian Pisanitsa in the Minusinsk trough). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya* = Scientific review of Sayan-Altai. No. 1 (5). P. 176–191. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1964) The deer golden antlers. Leningrad – Moscow: Iskusstvo. 240 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1966) *Angara petroglyphs*. Moscow – Leningrad: Nauka. 322 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1989) The deer golden antlers. The stories about the hunting for the rock arts. Opening Siberia. The chapters from the book. Khabarovsk: Dal'nii Vostok: geroika, trud, puteshestviya. 208 p. (In Russ.)

Pamyatniki arkheologii (2011) Archaeological sites. Catalog of objects of a cultural heritage of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: NovaPrint.Vol. 2. 392 p. (In Russ.)

Solodeinikov A.K. (2013) *Some aspects of photographic images of petroglyphs*. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya. Istoriya* = Bulletin of Kemerovo State University. Series. History. Vol. 4. Iss. 3. P. 76–82. (In Russ.)

Solodeynikov A.K. (2016) Strategies and tactics in documenting rock art sites. *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniya)* = Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia (problems of inter-pretation and preservation). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. P. 200–210. (In Russ.)

Tashak V.I. (2019) The rock art on the West of mountain ridge Tsagan-Daban in Western-Transbaikalia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of ancient technologies. Vol. 15. No. 4. P. 35–52. (In Russ.) https://doi.org/10.21285/2415-8739-2019-4-35-52

Tashak V.I., Antonova Yu.E., Kobylkin D.V. (2019) Natural science methods in the solution to questions of chronology of stone constructions in ancient sanctuaries. *Kochevye imperii Evrazii v svete arkheologicheskikh i*

дисциплинарных исследований / отв. ред. Б.В. Базаров, Н.Н. Крадин. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2019. Кн. 1. С. 176–177.

Тиваненко А.В. Неисследованные пиктографы Восточных Саян // Историко-культурные связи народов центральной Азии. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1983. С. 48–55.

Тиваненко А.В. Древнее наскальное искусство Бурятии: новые памятники. Новосибирск: Наука, 1990. 208 с.

Хороших П.П. Знаки собственности бурят // Сибирская живая старина. Иркутск: Власть Труда, 1929. Вып. VIII–IX. С. 199–218.

Критерии авторства

В.И. Ташак выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись и иллюстрации к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Ташак Василий Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, Россия,
e-mail: tvi1960@mail.ru

mezhdistsiplinarnykh issledovanii = Nomadic Empires of Eurasia in Archaeological and Interdisciplinary Studies. Book 1. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. P. 176 – 177. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1983) Uninvestigated pictographs of the Eastern Sayan Mountains. *Istoriko-kul'turnye svyazi narodov tsentral'noi Azii* = Historical-and-cultural interconnections between the ethnoses of the Central Asia. Ulan-Ude: Buryatskii filial SO AN SSSR. P. 48–55. (In Russ.)

Tivanenko A.V. (1990) Ancient Rock arts of the Buryatia: new sites. Novosibirsk: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1929) The Buryat people sings of the ownership. *Sibirskaya zhivaya starina* = Siberian alive old times. Iss. VIII–IX. Irkutsk: Vlast' Truda. P. 199–218. (In Russ.)

Attribution criteria

V.I. Tashak made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript and illustrations for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Vasily I. Tashak,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Leading Researcher,
Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova Street, Ulan-Ude 670047, Russia,
e-mail: tvi1960@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 903.53(571.53)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-75-93

Новые материалы по культуре плиточных могил Приольхонья (озеро Байкал)

© О.И. Горюнова, Я.Л. Магдеева, А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена публикации материалов 6 плиточных могил из 4 объектов: Шара-Тагот, Куркут IV, Маломорец I и Хонхой I, раскопанных в разные годы отрядами Иркутского государственного университета на территории Приольхонья (северо-западное побережье озера Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка). Проведен анализ конструкции надмогильных сооружений, помещения и ориентации погребенных в могиле, остатков сопроводительного материала. В числе последних: бронзовый и железный ножи, фрагменты керамических сосудов, украшения, фаунистические останки (кости коровы и овцы). По конструктивным особенностям исследованные погребения отнесены к тырганской группе плиточных могил региона. Приводятся данные по корректированным радиоуглеродным датам и поднимается вопрос о малой надежности определений, полученных ранее старыми методами без учета эффекта водного резервуара. В настоящее время имеется серия корректированных радиоуглеродных AMS-дат (20 дат) по плиточным могилам Приольхонья, хронологический диапазон которых 2778–1998 кал. л. н. В этот диапазон входят и 3 даты, полученные по исследованным погребениям. Имеющиеся даты указывают на проникновение носителей культуры плиточных могил на территорию Приольхонья с VIII в. до н. э. Более древние, достоверные даты в настоящее время отсутствуют. Верхняя граница существования плиточных могил, вероятно, относится к I в. до н. э.

Ключевые слова: Байкал, Приольхонье, культура плиточных могил, погребение, поздний бронзовый век, ранний железный век, шнуровая керамика, кости животных, радиоуглеродное датирование

Благодарности: Исследование проведено при поддержке Минобрнауки Российской Федерации, госзадание № 33.2057.2017/4.6. Авторы выражают благодарность старшему научному сотруднику НИИ антропологии МГУ Д.В. Пежемскому за выполненные антропологические определения и преподавателю Отдела археологии и антропологии Университета Саскатчевана (Канада) Т.Ю. Номоконовой за зооархеологические определения.

Информация о статье: Дата поступления 17 ноября 2019 г.; дата принятия к печати 16 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Горюнова О.И., Магдеева Я.Л., Новиков А.Г. Новые материалы по культуре плиточных могил Приольхонья (озеро Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 75–93. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-75-93

New data on the Cis-Ol'khon region Slab Graves Culture (Lake Baikal)

© Olga I. Goriunova, Yana L. Magdeeva, Alexey G. Novikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to publication of the data from 6 slab graves of 4 sites: Shara-Tagot, Kurkut IV, Malomorets I and Khonkhoi I, excavated at different times by units of the Irkutsk State University on the territory of Cis-Ol'khon region (northwestern coast of Lake Baikal from Cape Elokhin to the River Buguldeika). The analysis of the grave structures, the premises and orientation of the buried as well as the remains of the accompanying material in the graves are carried out. Among the latter bronze and iron knives, fragments of ceramic vessels, jewelry, faunal remains (cow and sheep bones) were found. By design features, the investigated burials are assigned to the Tyrgan Slab Graves Group of the region. The data on the corrected radiocarbon dates are presented and the question is raised about the low reliability of the determinations obtained earlier by

old methods without taking into account the effect of the water reservoir. At present, there is a series of corrected radiocarbon AMS dates (20 dates) for the slab graves of the mentioned above region, whose chronological range is 2778–1998 cal. BP. This range also includes 3 dates obtained from the investigated burials. Available dates indicate the penetration of culture carriers of such slab graves into the territory of the Cis-Ol'khon region since the 8th century BC. More ancient and reliable dates are currently missing. The upper boundary of the existence of slab graves probably dates back to the 1st century BC.

Keywords: Baikal, Cis-Ol'khon region, Slab Graves Culture, burial, Late Bronze Age, Early Iron Age, corded ceramics, animal bones, radiocarbon dating

Acknowledgements: The study was conducted with the support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, state order No. 33.2057.2017/4.6. The authors are grateful to Senior Researcher of Research Institute of Anthropology, Moscow State University D.V. Pezhemsky for his anthropological definitions and to the teacher of the Department of Archeology and Anthropology of the University of Saskatchewan (Canada) T.Y. Nomokonova for zooarchaeological definitions.

Article info: Received November 17, 2019; accepted for publication December 16, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Goriunova O.I., Magdeeva Ya.L., Novikov A.G. (2020) New data on the Cis-Ol'khon region Slab Graves Culture (Lake Baikal). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 75–93. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-75-93

Введение

Погребальные комплексы, известные в научной литературе как плиточные могилы, распространены на довольно обширной территории: в Забайкалье, Центральной и Восточной Монголии. Время бытования этой культуры относят к позднему бронзовому – раннему железному векам (Диков, 1958; Гришин, 1981; Цыбиктаров, 1998; Цыбиктаров, 2016a; Цыбиктаров, 2016b; Харинский, 2005; Туркин, 1998; Туркин, 2003a[1]; Туркин, 2003b). Районы Приольхонья и долины р. Куды являются крайней северной зоной распространения этой культуры (Окладников, 1955. С. 193–196; Свинин, 1971). Появление на территории Предбайкалья и, в частности, Приольхонья (северо-западное побережье озера Байкал от мыса Елохин до р. Большая Бугульдейка) носителей степной культуры, оставивших после себя плиточные могилы, знаменует собой начало новой эпохи, связанной с производящим хозяйством и использованием первых изделий из железа.

На территории Приольхонья плиточные могилы изучены довольно слабо по сравнению с Забайкальем и Монголией (Цыбиктаров, 1998; Цыбиктаров, 2016a; Цыбиктаров, 2016b). Практически все исследованные могилы разрушены в древности, что осложняет изучение культуры, ввиду малого количества данных для интерпретации. Единичные антропологические и археологические материалы, полученные в результате раскопок, сформировали мнение о малой перспективности исследования этих сооружений. В связи с этим накопление материалов шло медленными темпами и носило эпизодический характер. Первые обобщающие тематические работы по плиточным могилам Приольхонья появились только в конце XX – начале XXI века (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Дашибалов, 1995; Туркин, 1998; Туркин, 2003a[2]; Туркин, 2003b; Харинский, 2005). Исследователи уделяли особое внимание морфологической характеристике конструкций плиточных могил, на основе которых (и отдельных радиоуглеродных дат) предлагалась их хронологическая периодизация. Со дня этих публикаций прошло около 15 лет. За этот период были обнаружены и вскрыты новые объекты; в изучение материалов широко внедрились методы естественных наук; увеличилось число радиоуглеродных датировок; существенно изменились подходы при интерпретации полученных материалов (Номоконова, Горюнова, 2013; Ватерс-Рист, Лозей, Номоконова, Туркин, Горюнова, 2016; Ва-

[1] Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2003a. 24 с.

[2] Там же.

терс-Рист, Номоконова, Лозей, Туркин, Горюнова, 2017). В связи с этим ряд высказанных ранее положений (в частности, о времени появления первых представителей культуры плиточных могил на территории Приольхонья) представляются дискуссионными и требуют дополнительного обоснования. Для решения этих вопросов весьма актуальным в настоящее время является расширение источниковой базы путем публикации новых и ранее полученных материалов, не введенных в научный оборот.

Предлагаемая работа посвящена публикации материалов 6 плиточных могил из 4 объектов (Шара-Тагот, Куркут IV, Маломорец I и Хонхой I), раскопанных в разные годы отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета (КАЭ ИГУ) и экспедиции Иркутской Лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета (ИЛАИП ИАЭТ СО РАН – ИГУ) в Приольхонье (рис. 1).

Шара-Тагот – одиночные погребения

Погребения располагались в третьем от залива Мухор распадке СЗ борта Таготской впадины, в 2,8 км к ЮЗ от устья р. Кучелги и в 1,5 км к ЮВ от с. Шара-Тогот (бывшее название – Черноруд). Местонахождение обнаружено и исследовано Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (О.И. Горюнова) в 1985 г. Объект представлял собой развал двух плиточных могил, находящихся у подножья горы, в 18 м (по линии СЗ – ЮВ) друг от друга (рис. 2).

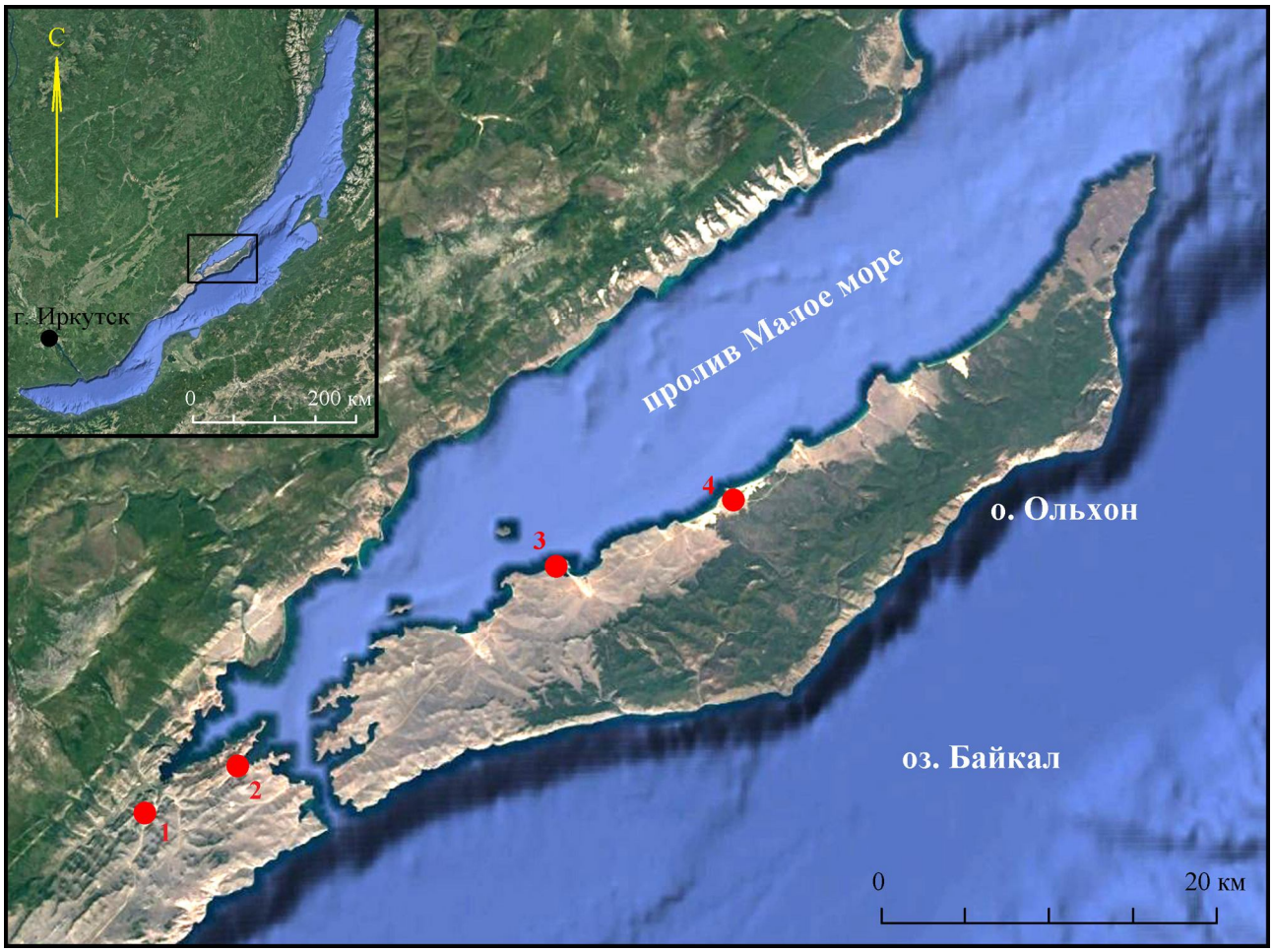


Рис. 1. Карта Байкала и Приольхонья с указанием местонахождений исследованных плиточных могил:
1 – Шара-Тагот; 2 – Куркут IV; 3 – Хонхой I; 4 – Маломорец I
Fig. 1. Map of Lake Baikal and Cis-Ol'khon region with the location of the studied slab graves: *1 – Shara-Tagot; 2 – Kurkut IV; 3 – Khonkhoi I; 4 – Malomorets I*

Рис. 2. Общий вид на могильник Шара-Тагот (вид с севера)
Fig. 2. Common view on the site Shara-Tagot (view from the north)

Погребение № 1

Надмогильное сооружение представляло собой прямоугольную оградку, состоящую из массивных, вертикально установленных на ребро плит (рис. 3.1). Размеры кладки (с разбросом камней) 2,6 х 2,0 м; оградки – 2,0 х 1,8 м. Ориентация большей стороной по линии ССЗ – ЮЮВ. Высота стенок не превышала 0,5 м. Наиболее сохранились ЮЗ и СВ (боковые) стенки оградки. Они состояли из вертикальных плит, установленных одна за другой в два ряда. В момент обнаружения часть плит была наклонена внутрь оградки. Северо-западная (торцовая) стенка представлена отдельными вертикальными плитами меньших размеров. За ними (с внешней стороны оградки) лежали плашмя отдельные камни (крепиды). От ЮВ (торцовой) стенки сохранилась одна массивная плита, расположенная вертикально. К западу от нее (в оградке) отмечены 2 крупные плиты, возможно, представляющие собой развал ЮВ стенки. При расчистке заполнения внутренней части оградки зафиксированы плиты, расположенные плашмя, представляющие собой надмогильное перекрытие (рис. 3.2). На их уровне отмечены отдельные угольки и неопределимые кости животных. Погребение частично разрушенное. На дне могилы (ее глубина 0,65 м от современной дневной поверхности) отмечены остатки погребенного (рис. 3.3). Анатомический порядок сохраняли кости левой ноги, левая плечевая кость, правая большая берцовая кость и несколько костей плюсны. Остальные кости не зафиксированы. Судя по сохранившемся костям, погребенный находился в вытянутом положении на спине, головой на ЮВ. Его предполагаемый возраст – 18+. Кости ног лежали на плитах, покрывающих дно могилы.

Погребение № 2

Надмогильное сооружение представляло собой прямоугольную оградку из массивных плит, поставленных на ребро (рис. 4.1). Его боковые стенки выложены из плит, установленных вертикально, в 2 ряда. В момент обнаружения они располагались наклонно: плиты юго-западной стенки – внутрь оградки, северо-восточной – наружу. Юго-восточная (торцовая) стенка, состоящая из одной массивной плиты, подперта с внешней стороны двумя вертикальными плитами меньших размеров. Вторая торцовая стенка (северо-западная) состояла

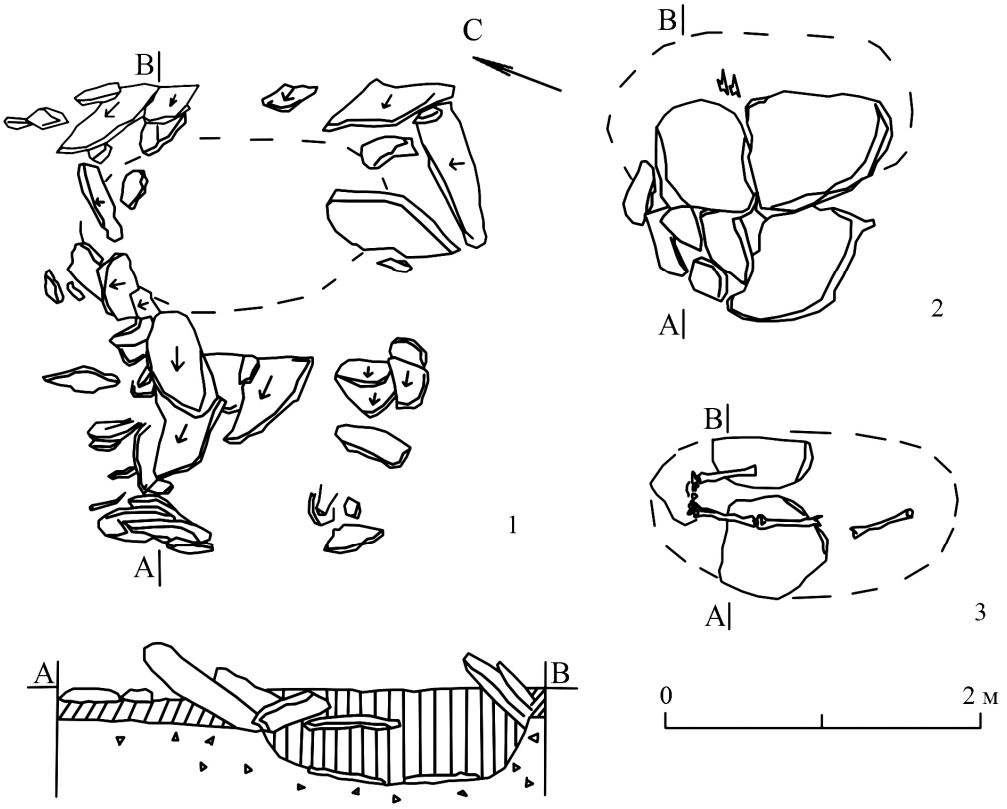


Рис. 3. Шара-Тагот, погребение № 1
Fig. 3. Site Shara-Tagot, grave No. 1

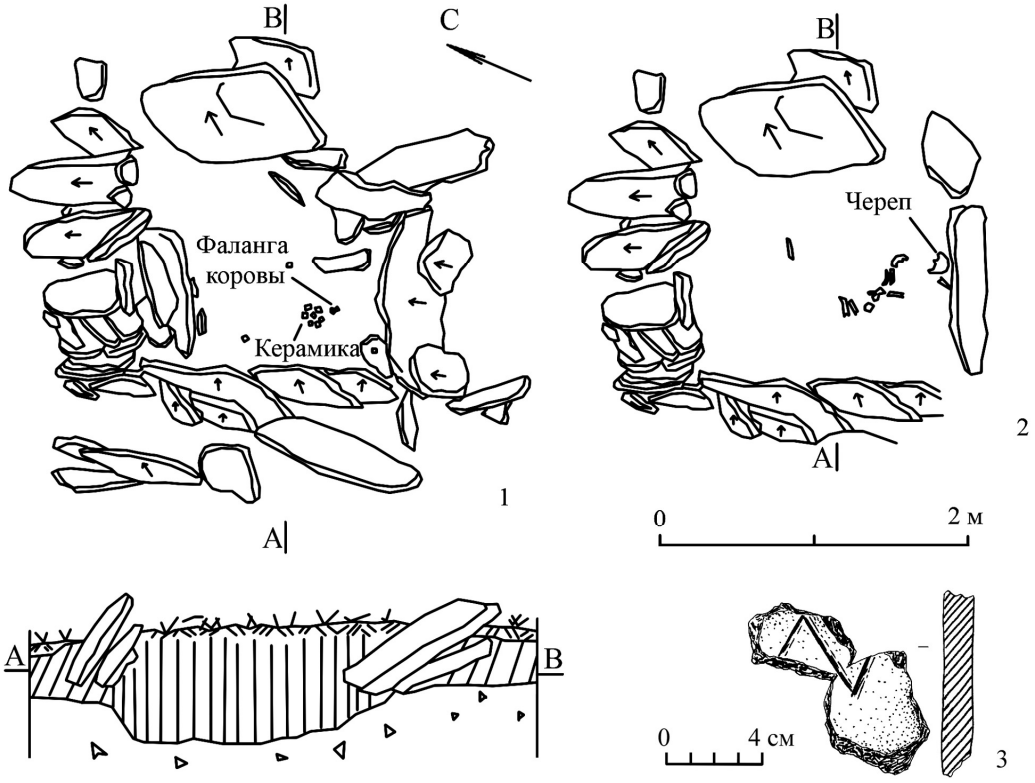


Рис. 4. Шара-Тагот, погребение № 2: *1 – надмогильное сооружение; 2 – могильная яма; 3 – фрагмент керамики*
Fig. 4. Site Shara-Tagot, grave No. 2: *1 – grave construction; 2 – grave pit; 3 – ceramic fragment*

из нескольких вертикальных плит, которые с внешней и внутренней сторон оградки закреплены плитами, расположенными наклонно или плашмя (плиты-крепиды). Возможно, часть из них могла принадлежать надмогильному перекрытию. Размеры сооружения (с развалом камней) 3,2 х 2,8 м; размеры оградки 1,8 х 1,5 м. Ориентация сооружения большей стороной по линии ССЗ – ЮЮВ. Размеры плит, составляющих оградку 1,2–0,3 х 0,9–0,4 м и менее; наибольшая высота стенки – в северном конце (0,9 м). В ЮЗ конце внутреннего пространства оградки обнаружено 16 фрагментов толстостенной керамики (толщина 1,2–1,3 см) с гладкой поверхностью от одного сосуда и 3-я фаланга коровы (Bos sp.). На двух фрагментах керамики зафиксирован орнамент в виде горизонтального зигзага, выполненного прочерченными линиями (рис. 4.3).

Внутри оградки на глубине 0,4 м от современной дневной поверхности обнаружены отдельные плиты, вероятно, от надмогильного перекрытия. Они лежали плашмя, в 1–2 слоя. Погребение разрушено в древности. На дне могилы зафиксированы разрозненные кости человека (рис. 4.2). В ее ЮЮВ конце отмечен свод черепа (лицевая часть не сохранилась). Судя по расположению черепа, можно предположить, что погребенный (возраст 18+) был ориентирован головой на ЮЮВ. Глубина могилы 0,8 м от современной дневной поверхности.

Куркут IV – погребально-ритуальный комплекс

Находится на пологих площадках южного склона левого борта Куркутской долины, в 0,3–0,5 км к СЗ от конца залива и в 3,8 км к СЗ от п. Сахюртэ (МРС). Открыт экспедицией ИГУ (П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылон, В.В. Свинин) в 1956 г. (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). Объект представлен одиночными плиточными могилами и комплексом шатровых ритуальных кладок. В 1984 г. Ольхонским отрядом КАЭ ИГУ (В.В. Свинин) на средней площадке (34 м над уровнем Байкала) вскрыта одна плиточная могила – № 1 (1984 г.). Захоронение разрушено в древности. От костяка сохранились только фаланги и плюсневые кости. В числе обнаруженного сопроводительного материала: кости домашних (лошадь, баран, бык) и диких (нерпа, косуля) животных и рыб, фрагменты шнуровой и гладкостенной керамики и бронзовый трехлопастной черешковый наконечник стрелы (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995).

Дальнейшие раскопки этого объекта проведены Куркутским отрядом экспедиции ИЛАИП ИАЭТ СО РАН – ИГУ (О.И. Горюнова) в 1999–2000 гг. в связи с отводом земли под хозяйственное использование. В числе исследованных в 2000 г. искусственных сооружений вскрыты 2 плиточные могилы: № 18 и 20, которые располагались на верхней площадке, на расстоянии 60 м друг от друга.

Погребение № 18

Находилось в 160 м к СЗ от погребения № 1 (1984 г.), на высоте 59 м над уровнем Байкала. Сооружение представляло собой развал плиточной могилы, размерами (с развалом камней) 3,8 х 3,3 м (рис. 5). Ориентация большей стороной по линии СЗЗ – ЮВВ. Оградка, выложенная из крупных плит, составляла прямоугольную форму. Размеры оградки 2,45 х 1,60 м. Ее СЗ и ЮВ (торцовые) стенки образованы массивными плитами, установленными вертикально. В момент обнаружения они располагались под углом 75–80° (наклонены внутрь сооружения). Юго-восточная стенка представлена одной плитой; противоположная ей СЗ стенка состояла из двух налагающихся друг на друга плит. Вдоль ЮЗ (боковой) стенки расположены более мелкие плиты, находящиеся под углом 25–45° (наклон во внешнюю сторону оградки). Под ними и вдоль ЮЗ стенки отмечен развал камней, шириной 1,0–1,5 м (вероятно, часть плит принадлежала стенке, а часть была выброшена из разрушенного надмогильного перекрытия). Оградка с СВ стороны почти полностью разрушена, она представлена одиночными плитами. Внутри оградки частично сохранились плиты надмогильного перекрытия. Среди плит за пределами оградки зафиксированы: 2 фрагмента гладкостенной керамики, 2 фрагмента шнуровой керамики (все – без орнамента) и 2 отщепа кремня.

Могильная яма размерами 1,8 х 0,9 м; ее ориентация по линии СЗЗ – ЮВВ. Глубина могилы – 0,65 м. Погребение полностью разрушено; кости погребенного не обнаружены.

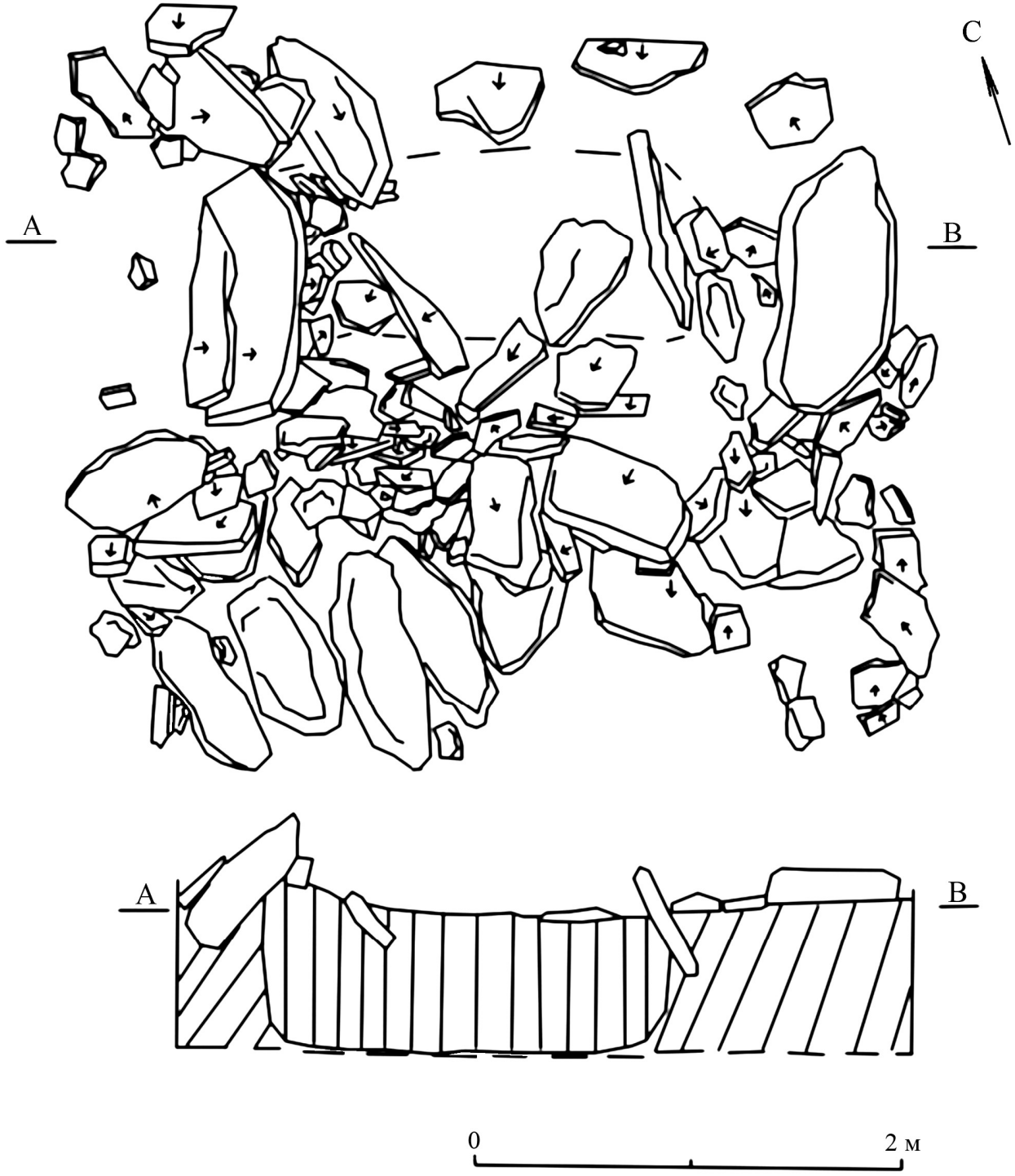


Рис. 5. Куркут IV, погребение № 18
Fig. 5. Site Kurkut IV, grave No. 18

Погребение № 20

Находилось в 58 м к ЮЗ от погребения № 18 и в 180 м к СЗ от погребения № 1 (1984 г.). Высота расположения кладки – 60 м над уровнем Байкала. Надмогильное сооружение представляло собой развал плиточной могилы (рис. 6.1). Ее оградка состояла из крупных, наклонных плит, образующих прямоугольную, контурную конструкцию. Размеры оградки 2,7 х 1,5 м (с развалом камней 3,7 х 3,4 м). Ориентация большей стороной по линии СЗ – ЮВ.

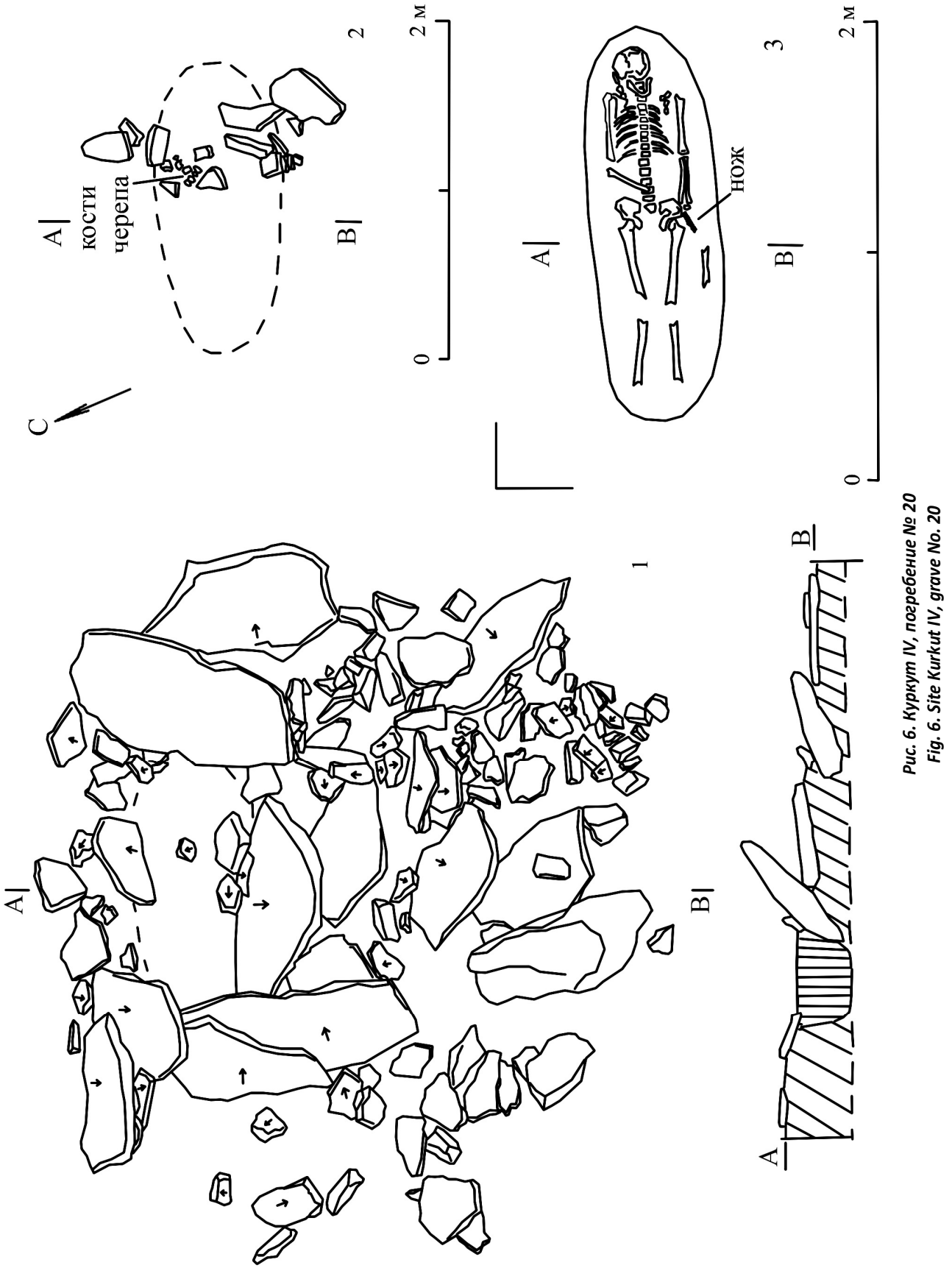


Рис. 6. Куркут IV, погребение № 20
Fig. 6. Site Kurkut IV, grave No. 20

Северо-восточная стенка оградки более разрушенная. Она образована двумя наклонными (под углом 45°) плитами и более мелкими камнями, лежащими плашмя, в один слой. ЮВ и СЗ (торцовые) стенки образованы двумя массивными плитами (с каждой стороны), расположенными наклонно, одна за другой. Вдоль ЮЗ стенки находилась массивная плита, стоящая под углом 50°. С внешней стороны ее подпирала крупная плита, лежащая плашмя. Вдоль этой стенки (с внешней стороны оградки) отмечен развал плит, расположенных под наклоном или плашмя (камни крепиды). Возможно, часть из них была выброшена из оградки в момент разрушения могилы.

В ЮВ конце оградки зафиксировано несколько плит от надмогильного перекрытия (рис. 6.2). Они располагались плашмя, разрозненно между собой. Между этими плитами обнаружено несколько фрагментов черепа погребенного.

Могильная яма размерами 1,75 х 0,60 м; ее ориентация большей стороной по линии СЗЗ – ЮВВ. Костяк (мужчина старческого возраста, 65+) находился в анатомическом порядке (рис. 6.3). Его трупоположение – вытянутое, на спине, головой на ЮВВ. Руки располагались: левая – вдоль туловища, ее кисть подведена под таз; правая – согнута в локте и лежала на поясе. Скелет плохой сохранности. Эпифизы костей, коленные чашечки, стопы ног и кисть правой руки не сохранились. Кисть левой руки представлена отдельными костями, окрашенными окисью меди. Кости таза, позвоночник и ребра – плохой сохранности. Череп раздавлен и сохранился фрагментарно (нижняя челюсть, затылочная кость и несколько зубов).

У пояса погребенного (слева) обнаружен обломок ножа из бронзы (рис. 7.3). В химическом составе сплава в небольшом количестве отмечены: олово – 0,80 %, мышьяк – 0,59 %, никель – 0,32 % и сурьма – 0,20 % (Горюнова, Павлова, 2002). Орудие литое. Нож – прямой, однолезвийный, с рукоятью, выделенной уступом. Его рукоять прямая (без расширений), с закругленным окончанием. Острие ножа обломано. На рукояти отмечены следы обмотки.

В 15 см от левой бедренной кости погребенного зафиксирован обломок трубчатой кости крупного копытного животного.

Хонхой I – погребально-ритуальный комплекс

Объект расположен на западном побережье о. Ольхон, в 2,5 км к СЗ от с. Ялга и в 0,3 км к СЗ от западной оконечности оз. Хонхой (рис. 8). Обнаружен и частично исследован в 1988 г. Байкальским отрядом БКАЭ ИГУ (О.И. Горюнова, В.В. Павлуцкая) (Горюнова, Свинин, 1995. С. 67). Объект находится в межгрядовом понижении восточного склона горы, обращенного к озеру Хонхой. Представляет собой комплекс, состоящий из 4 плиточных могил и 20 ритуальных шатровых кладок. Вскрыта одна плиточная могила (№ 1). Высота расположения кладки 28–29 м над уровнем Байкала. Сооружение представляло собой развал оградки прямоугольной формы, выложенной из массивных плит, установленных вертикально, на ребро (рис. 9). В момент обнаружения в наклонном положении зафиксированы две массивные плиты, образующие западную и восточную (торцовые) стенки оградки. Южная стенка – разваленная. Сохранились 2 массивные плиты, одна из которых находилась по линии стены, упав внутрь оградки. Вторая плита отброшена наружу и находилась в 0,40–0,50 м от оградки. Северная стенка также разрушена. Здесь две массивные плиты располагались наклонно, одна на другой. В западной половине этой стенки зафиксированы массивные плиты, одна из которых стояла в наклонном положении. Вторая, вероятно, упала внутрь оградки. С внешней стороны оградки (вдоль северной, южной и восточной ее стенок) обнаружены мелкие плиты, лежащие плашмя, в один слой. В 0,55 м к СВ от восточной стенки оградки отмечена крупная узкая плита. Внутри оградки, в ее ЮВ конце, зафиксированы разрозненные плиты, вероятно, остатки надмогильного перекрытия. Размеры оградки 3,6 х 2,0 м; размеры плит, составляющих оградку, 1,45–0,70 х 0,60–0,46 м. Наибольшая высота стенок – 0,85 м (восточная стенка). Могила ориентирована большей стороной по линии З–В (с небольшим отклонением).

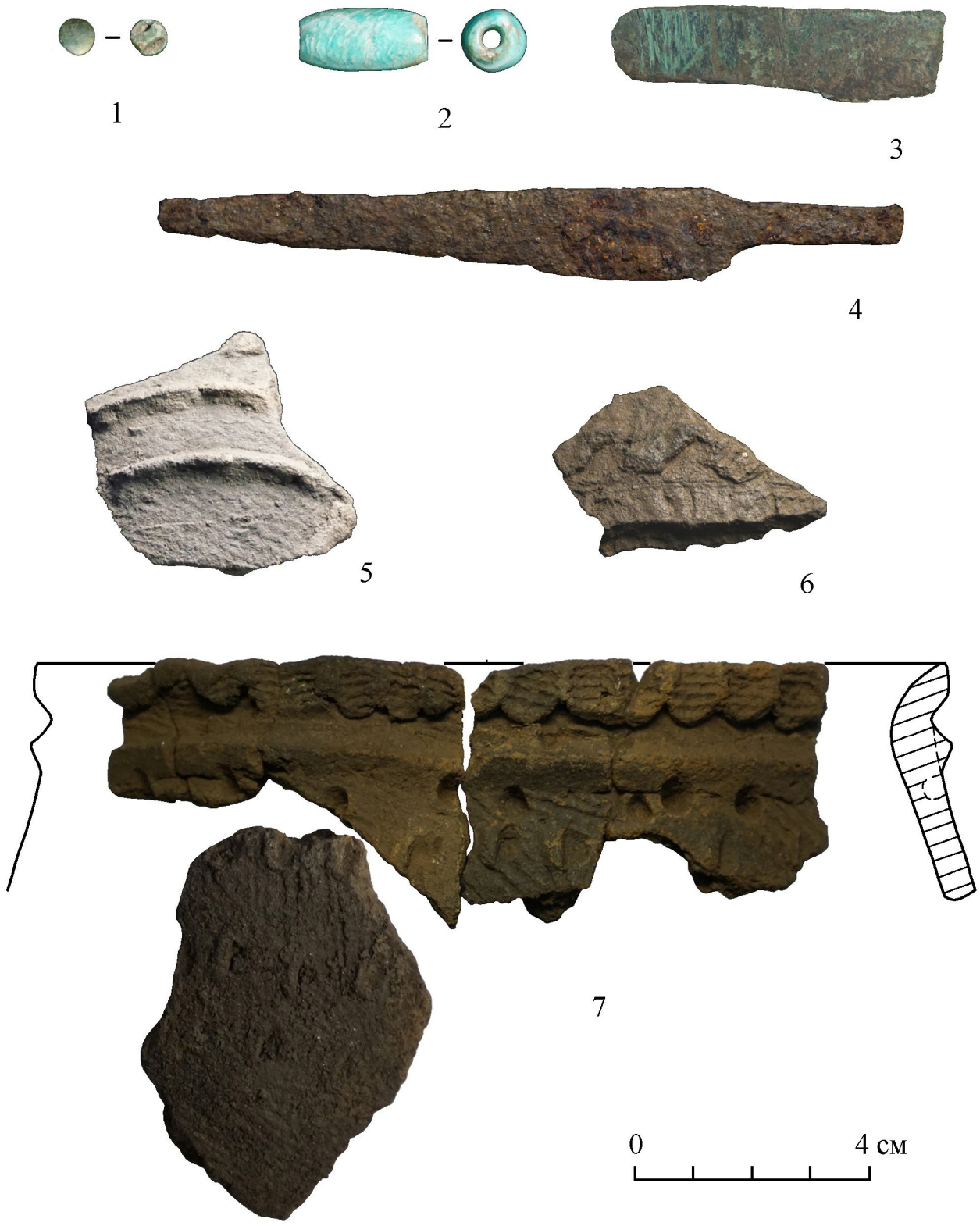


Рис. 7. Археологический материал из плиточных могил: *1, 2, 5–7 – Маломорец I, № 1 (1988 г.); 3 – Куркут IV, № 20; 4 – Хонхой I, № 1 (1, 3 – бронза; 2 – амазонит; 4 – железо; 5–7 – керамика)*

Fig. 7. Archaeological material from slab graves: *1, 2, 5–7 – Malomorets I, No. 1 (1988); 3 – Kurkut IV, No. 20; 4 – Khonkhoi I, No. 1 (1, 3 – bronze; 2 – amazonite; 4 – iron; 5–7 – ceramics)*

Рис. 8. Общий вид на могильник Хонхой I (снято с СЗ)
Fig. 8. Common view on the site Khonkhoi I (view from the north–west)

Между камнями южной стенки (в восточном ее конце) найден нож из железа (рис. 7.4). Нож черешковый, однолезвийный, с прямой спинкой. Его рукоять отделена с двух сторон от лезвия небольшими выступами (плечиками).

Могила (глубина – 0,46 м от современной дневной поверхности) полностью разрушена. В ее северо-западном конце, под упавшими плитами обнаружен отброшенный массивный свод черепа, лежащий на левом боку (вероятно, мужской). Лицевой отдел черепа не сохранился; нижняя челюсть не зафиксирована. Погребение полностью разрушено, поэтому говорить о первоначальном трупоположении не представляется возможным.

Маломорец I – хронологически разновременный могильник

Объект расположен на западном побережье о. Ольхон, в 0,5 км к ЮВ от п. Малый Хужир и в 3 км к ЮЗ от п. Хужир. Местонахождение зафиксировано в 1956 г. экспедицией ИГУ (П.П. Хороших, Э.Р. Рыгдылон, В.В. Свинин) (Горюнова, Свинин, 1995. С. 81). Могильник представлен хронологически разновременными каменными сооружениями. Одно из них, вскрытое в 1988 г. отрядом БКАЭ ИГУ (В.В. Павлуцкая), являлось развалом плиточной могилы. Надмогильное сооружение выложено из массивных плит (рис. 10.1). Размер сооружения 3,0 х 2,0 м, ориентация большей стороной по линии СВВ – ЮЗЗ. Наиболее сохранились северо-западная и юго-восточная (боковые) стенки. В момент обнаружения крупные плиты их составляющие находились в наклонном положении. С внешней стороны от этих плит находились камни, расположенные плашмя. Северо-восточная (торцовая) стенка надмогильного сооружения ограничена плитой, расположенной вертикально. В ограниченном плитами пространстве на глубине 0,15 см от современной дневной поверхности обнаружены плиты надмогильного перекрытия (рис. 10.2). Камни его составляющие располагались плашмя. Они покрывали собой восточный конец могилы. На этом уровне

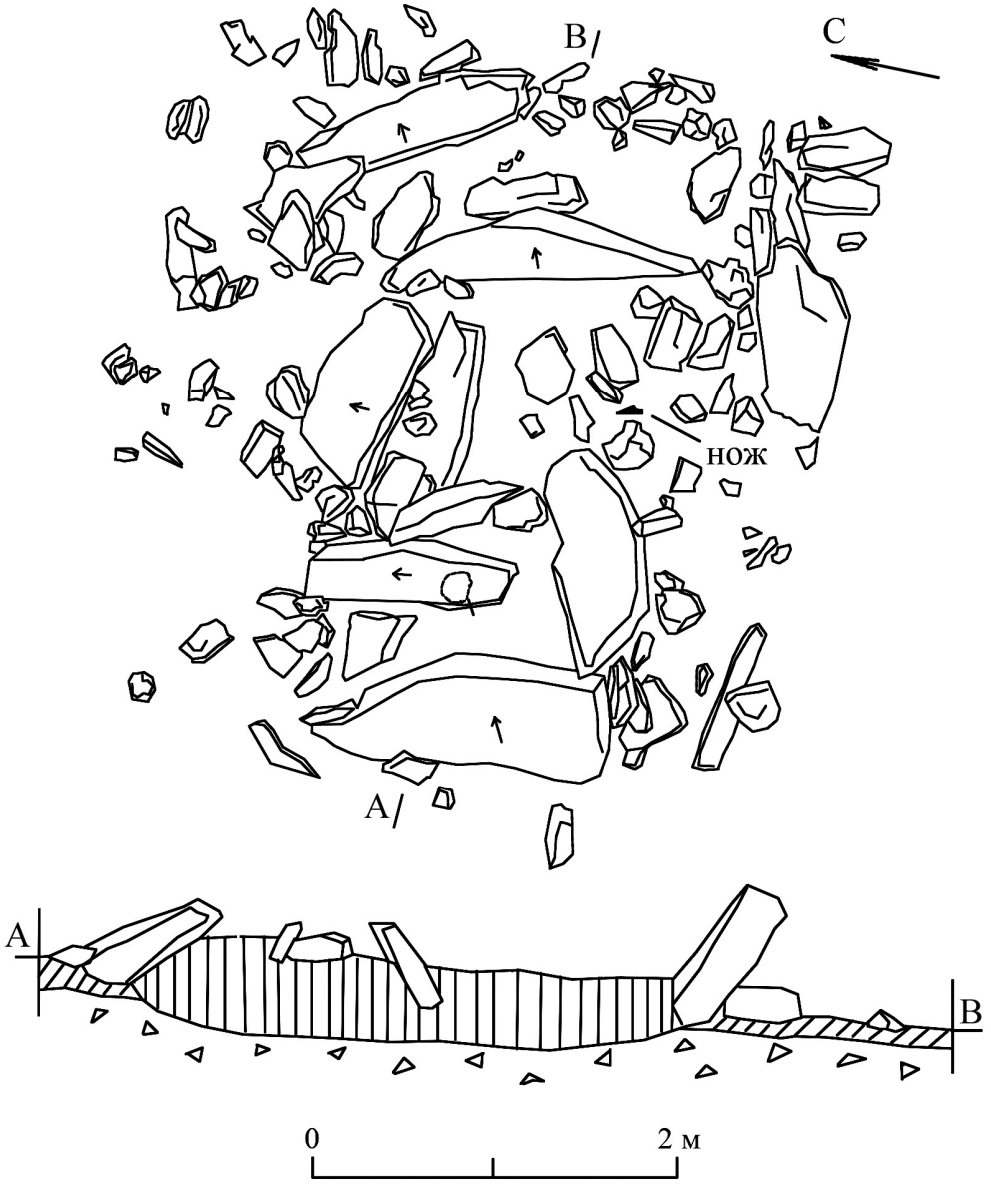


Рис. 9. Хонхой I, погребение № 1
Fig. 9. Site Khonkhoi I, grave No. 1

за пределами могильной ямы отмечены скопления керамики от трех шнуровых сосудов (126 фрагментов). На дне могилы (глубина 0,60 м от современной дневной поверхности) обнаружены остатки погребенного (рис. 10.3). В западном конце могилы располагались параллельно друг другу правая большая берцовая кость и обломок левой малой берцовой кости. На расстоянии 0,45 м к востоку от них зафиксированы остатки правой руки (локтевой отдел). Кости руки находились на каменных плитах, покрывающих дно могильной ямы. В восточном конце могилы бессистемно располагались обломки костей левой руки и ребер. Кости черепа не зафиксированы. Среди этих костей обнаружены: бусина из амазонита, бронзовая бляшка-пуговица, пластинчатый скол с краевой ретушью и обломок нижней челюсти овцы (*Ovis aries*). Судя по костям, сохранившим анатомический порядок, трупоположение погребенного – вытянутое, на спине, головой на восток.

Вся, обнаруженная в погребении керамика, шнуровая. Наиболее полно представлен сосуд закрытой, сложной формы (рис. 7.7). Диаметр его венчика – 16 см. Фрагменты дна не зафикси-

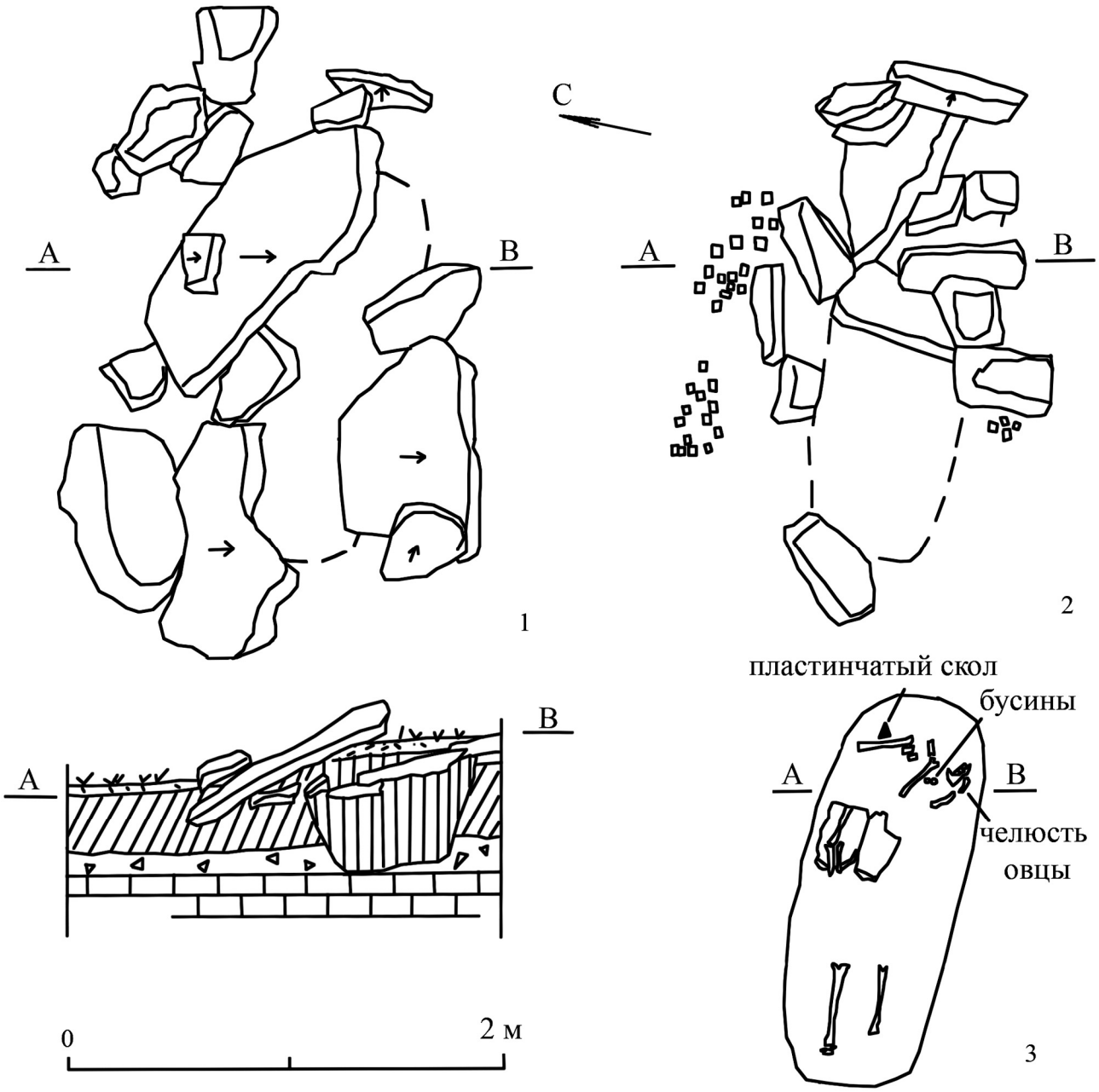


Рис. 10. Маломорец I, погребение № 1 (1988 г.)
Fig. 10. Site Malomorets I, grave No. 1 (1988 year)

рованы. Сосуд украшен по внешней поверхности венчика личиночным штампом. Тулово орнаментировано тонким налепным валиком, подтреугольным в сечении, ниже которого – поясок ямочек и три ряда ногтевых защипов. Фрагменты второго сосуда украшены парными тонкими налепными валиками, подтреугольными в сечении (рис. 7.5). Композицию узора восстановить не удалось. Фрагмент от третьего сосуда орнаментирован волнистым (за счет пальцевых сжатий) налепным валиком (рис. 7.6).

Бусина из амазонита боченковидной формы, длиной 2,2 см (рис. 7.2). Ее сечение – круглое. Диаметр на концах изделия – 0,8 см, в средней части – 1 см. Диаметр отверстия – 0,3 см.

Бляшка-пуговица – округлая, диаметром 0,6 см (рис. 7.1). На обратной стороне планка-петелька. Изделие литое.

Обсуждение материалов и заключение

По топографии расположения могил, их конструкции, форме надмогильных сооружений, ориентации и трупоположению – рассмотренные погребения Шара-Тагот № 1 и 2, Куркут IV № 18 и 20, Хонхой I № 1 и Маломорец I № 1 (1988 г.) имеют широкие аналогии среди плиточных могил Приольхонья и входят в круг объектов этой культуры, характерной для Забайкалья и Монголии. На основе анализа конструктивных особенностей надмогильных сооружений плиточных могил Приольхонья А.В. Харинский и Г.В Туркин выделили четыре группы погребений: тырганскую, хужирскую, хужир-нугойскую и хоторукскую (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Туркин, 2003a[3]; Туркин, 2003b). Согласно их классификации, анализируемые нами погребения наиболее сопоставимы с тырганской группой. Их объединяет: наличие оградки прямоугольной формы, выложенной из крупных плит, установленных вертикально; отсутствие выступающих боковых стенок за торцовые стенки и угловых плит, возвышающихся над плитами оградки.

В исследованных погребениях зафиксирован немногочисленный сопроводительный материал. В большинстве из них обнаружены неопределимые кости крупных копытных животных (Куркут IV № 20 и Шара-Тагот № 1), овцы и коровы (Маломорец I № 1 (1988 г.), Шара-Тагот № 2). В двух захоронениях найдены единичные отщепы кремня (Куркут IV № 18) и пластинчатый скол с ретушью (Маломорец I № 1 (1988 г.)). В числе штучных предметов: бусина из амазонита и бронзовая бляшка-пуговица (Маломорец I № 1 (1988 г.)), обломок бронзового ножа (Куркут IV № 20) и железный нож (Хонхой I № 1). Кости животных, изделия из камня, аналогичные бусины и бляшки-пуговицы являются характерными для культуры плиточных могил (Цыбиктаров, 1998. С. 48–56; Харинский, 2005. С. 204). Обломок бронзового ножа, обнаруженный в погребении № 20 Куркута IV, находит аналогии в комплексах захоронений раннескифского времени Горного Алтая и, в частности, могильников Элекмонар II (Кирюшин, Тишкин, 1997. С. 78, 112) и Тыткескень VI в курганах № 2, 28, 54 (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003. С. 79), датируемых VIII–VI (V) вв. до н. э. В Туве подобные изделия входят в комплексы с VII–V – до II в. до н. э., а в Казахстане – V–IV вв. до н. э. (Там же).

Из исследованных нами плиточных могил выделяется погребение Хонхой I № 1, в котором обнаружен черешковый нож из железа. Это второй случай, после погребения № 9 Хужира IV, нахождения изделия из железа в плиточных могилах Приольхонья (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). Харинский А.В. и Туркин Г.В. связывают последнее погребение с хужирским этапом этой культуры, датированным VII–III вв. до н. э. (Харинский, 2005. С. 212; Туркин, 2003a[4]). В Забайкалье первые изделия из железа отмечены в семи плиточных могилах, отнесенных А.Д. Цыбиктаровым к позднему (ацайскому) этапу этой культуры – VIII–VI вв. до н. э. (Цыбиктаров, 1998. С. 105–106). Появление первых изделий из железа на Алтае и в Туве связывают с VI в. до н. э., а более массовое их распространение с IV в. до н. э. (Кирюшин, Степанова, Тишкин, 2003. С. 80).

В числе сопроводительного инвентаря в двух исследуемых погребениях – № 1 (1988 г.) Маломорца I и № 18 Куркута IV обнаружены фрагменты от шнуровых сосудов, украшенных налепными валиками в сочетании с пояском ямочек и ногтевых защипов. На одном сосуде валики волнистой формы за счет их двустороннего сжатия. Подобная керамика обнаружена в ряде плиточных могил Приольхонья: Хужиртуй I № 1, Сарма X, Куркут IV № 1 (1984 г.), Итерхей V, Олзонтэй VI № 4 (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Туркин, 2003a[5]; Туркин, 2003b; Номоконова, Горюнова, 2013). По типологическим особенностям (форма, технический декор, техника нанесения орнамента, композиция узора) эта керамика входит в группу сосудов тышкинэ-сеногдинского типа, распространенную по всему побережью Байкала и прилегающих территорий. В стратифицированных условиях она зафиксирована

[3] Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2003a. 24 с.

[4] Там же.

[5] Там же.

на ряде многослойных поселений этого региона: слой IIIА Тышкинэ III, I–II слои Берлоги, слой IIIБ Катуни I. Авторы исследований датируют эти комплексы VII–VI (V) вв. до н. э., опираясь на находку в слое IIIБ Катуни I бронзового кинжала раннескифского облика, типологически датируемого VI–V вв. до н. э. (Горюнова, Номоконова, Новиков, 2008). Для керамики тышкинэ-сеногдинского типа существует более широкая датировка – XIII–III (I) вв. до н. э. (Харинский, 2005. С 201; Кичигин, 2009; Кичигин, 2012[6]). За основу датирования были приняты имеющиеся на тот момент радиоуглеродные определения по комплексам, содержащим эту керамику: II слой Берлоги (почвенный образец) – 2130±145 (СОАН-3338) л. н.; I слой Байкальского I (уголь из слоя, расположенного выше комплекса с керамикой сеногдинского типа) – 2140±140 (ЛЕ-3390) л. н. и 2100±30 (СОАН-3587) л. н.; плиточное погребение Итерхей V (по нагару на керамике) – 3100±35 (АА-3674) л. н.; поминальный комплекс Байкальское XXXI (по нагару на керамике) – 2750±40 (АА-60794) л. н. (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Харинский, 2005; Кичигин, 2009). В Забайкалье шнуровая керамика, аналогичная сосудам тышкинэ-сеногдинского типа, фиксируется в плиточных могилах, отнесенных А.Д. Цыбиктаровым к чулутскому этапу этой культуры (поздний бронзовый век – XIII–VIII вв. до н. э.) (Цыбиктаров, 1998. С. 121).

В плиточной могиле № 2 Шара-Тагота зафиксирована керамика иного типа – гладкостенная, украшенная прочерченными линиями. Прямых аналогий ей в настоящее время не имеется. Однако гладкостенная керамика встречается в ряде плиточных могил Забайкалья на ацайском этапе (Цыбиктаров, 1998. С. 122).

Для определения датировки комплексов плиточных могил большое значение имеют радиоуглеродные даты. По Приольхонью ранее было опубликовано 18 радиоуглеродных дат, выполненных преимущественно по останкам человека (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995; Туркин, 2003b; Номоконова, Горюнова, 2013. С. 333). Судя по ним, сооружение плиточных могил в Приольхонье попадало в некалиброванный диапазон между 3100–2100 л. н. Среди них выделяются наиболее древние даты: Итерхей V – 3100±35 (АА-3674) л. н. и погребение № 2 Елги XXI – 2790±50 (СОАН-3707) л. н. (Харинский, Зайцев, Свинин, 1995). Остальные даты входят в некалиброванный промежуток между 2590–2100 л. н. На основе полученных наиболее ранних дат появление плиточных могил на территории Приольхонья отнесено к XIII–XII вв. до н. э. (Туркин, 2003а[7]; Харинский, 2005. С. 203). Было предложено выделить в культуре плиточных могил Прибайкалья два этапа: первый (соответствующий позднему бронзовому веку) – XII–VII вв. до н. э., второй этап (скифскому времени) – VII–III вв. до н. э. (Туркин, 2003а)[8]. С первым этапом сопоставлены могилы тырганского типа, со вторым – тырганского, хужирского, хоторукского и хужир-нугойского типов (Харинский, 2005. С. 198–215).

В последние десятилетия, в связи с широким внедрением в исследования древних культур методов естественных наук, произошли существенные изменения в подходах и интерпретации результатов радиоуглеродного датирования (Номоконова, Горюнова, 2013; Ватерс-Рист, Лозей, Номоконова, Туркин, Горюнова, 2016; Ватерс-Рист, Номоконова, Лозей, Туркин, Горюнова, 2017). Анализ стабильных изотопов, проведенный по человеческим костям из плиточных могил, показал, что рацион питания этого населения основывался не только на употреблении мясной пища, но и с существенным включением пресноводных ресурсов оз. Байкал и рек этого региона (Ватерс-Рист, Лозей, Номоконова, Туркин, Горюнова, 2016). В связи с этим радиоуглеродные даты, полученные по человеческим костям, подвержены влиянию резервуарного эффекта (у древнего возраста) и нуждаются в корректировке. Радиоуглеродные даты, выпол-

[6] Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья озера Байкал (по материалам стоянок): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 17 с.

[7] Туркин Г.В. Лесостепное Предбайкалье в кон. II – I тыс. до н. э. (по материалам погребально-поминальных комплексов): автореф. дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2003а. 24 с.

[8] Там же.

Таблица

Радиоуглеродные и корректированные даты по плиточным могилам Приольхонья

Table

Radiocarbon and corrected dates of slab graves of Cis-Ol'khon region

Объект	Погребение/ комплекс	Материал	Лаб. №	^{14}C	Коррект. возраст	Кал. л. н. (95,4%)
Хужирская группа						
Олзонтэй XVI	погр. № 1	Человек	Ua-49655	2674±35	2304±92	2705-2070
Хужир-Нугойская группа						
Хужир-Нугэ III	погр. № 9	Человек	Ua-49650	2705±37	2335±93	2709-2150
Елга XXI	погр. № 1	Человек	Ua-49633	2952±32	2536±91	2778-2357
Хоторукская группа						
Олзонтэй VI	погр. № 2 (1)	Человек	Ua-49657	2524±33	2307±92	2705-2116
	комп. № 1	*Ovis aries*	Ua-49673	2496±32	–	2735-2465
Хужиртуй I	комп. № 1	Человек	Ua-49648	2621±49	2266±99	2696-1998
Тырганская группа						
Олзонтэй VI	погр. № 4	Человек	Ua-49656	2541±33	2331±92	2707-2149
Шара-Тагот	погр. № 2	Человек	Ua-49662	2680±33	2448±92	2743-2344
	погр. № 1	Человек	Ua-49663	2605±33	2311±92	2705-2119
Куркут IV	погр. № 20	Человек	Ua-49652	2680±35	2294±92	2701-2062
Сарма X	погр. № 1	Capreolus pygargus	Beta-335117	2410±30	–	2690-2350

ненные по старым методикам без учета влияния древнего углерода, являются малонадежными и требуют своего подтверждения. В настоящее время по современным методикам получена серия корректированных радиоуглеродных AMS-дат (20 дат), хронологический диапазон которых составляет 2778–1998 кал. л. н. (Ватерс-Рист, Лозей, Номоконова, Туркин, Горюнова, 2016). Нами составлена таблица радиоуглеродных и корректированных дат, скомпонованных по выделенным четырем группам плиточных могил Приольхонья (см. табл.).

В таблицу не включены 9 дат по погребениям, материалы которых не опубликованы (Карганай – 5 дат и Елга XXI – 4 даты по погребениям № 3–5). Судя по датам, сооружение плиточных могил в Приольхонье могло происходить в следующей последовательности: хужир-нугойская группа – 2778–2150 кал. л. н., тырганская – 2743–2062 кал. л. н.; хоторукская – 2735–1998 кал. л. н. и хужирская – 2705–2070 кал. л. н. В этот диапазон входят и 3 даты, полученные по исследованным нами погребениям. Имеющиеся даты указывают на проникновение носителей культуры плиточных могил на территорию Приольхонья с VIII в. до н. э. Более древние, достоверные даты в настоящее время отсутствуют. Несколько моложе выглядят погребения хужирского типа, которые фиксируются с начала VII в. до н. э. Верхняя граница существования плиточных могил, вероятно, относится к I в. до н. э. Эти предположения носят предварительный характер и требуют подтверждения новыми радиоуглеродными датами, учитывающими эффект водного резервуара. Вопрос о более раннем появлении населения культуры плиточных могил на территории Приольхонья остается дискуссионным и требует дополнительного обоснования.

Библиографический список

Ватерс-Рист А.Л., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Туркин Г.В., Горюнова О.И. Первые данные по анализам

References

Vaters-Rist A.L., Lozei R.Dzh., Nomokonova T.Yu., Turkin G.V., Goriunova O.I. (2016) First data on the stable

стабильных изотопов скотоводов позднего голоцена Прибайкалья и их радиоуглеродное датирование // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология, 2016. Т. 18. С. 90–109.

Ватерс-Рист А., Номоконова Т.Ю., Лозей Р.Дж., Туркин Г.В., Горюнова О.И. Демография и палеопаталогия скотоводов позднего голоцена Прибайкалья // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры, 2017. Вып. 6. С. 329–338.

Горюнова О.И., Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г. Многослойное поселение Катунь I – основа периодизации эпохи палеометалла побережья Чивыркуйского залива озера Байкал // Антропоген: палеоантропология, геоархеология, этнология Азии. Иркутск: Оттиск, 2008. С. 35–45.

Горюнова О.И., Павлова Л.А. Бронзовые изделия из археологических объектов Приольхонья (бронзовый – железный века) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий, 2002. Т. 8. С. 295–298.

Горюнова О.И., Свинин В.В. Ольхонский район: материалы к Своду памятников истории и культуры Иркутской области. Иркутск: Арком, 1995. Ч. 1: Остров Ольхон (Историко-культурное наследие Иркутской области: Археология). 140 с.

Гришин Ю.С. Памятники неолита, бронзового и раннего железного веков лесостепного Забайкалья. М.: Наука, 1981. 204 с.

Дашибалов Б.Б. Плиточные могилы острова Ольхон // Культура и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1995. С. 79–83.

Диков Н.Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 1958. 108 с.

Кирюшин Ю.Ф., Степанова Н.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 2: Погребально-поминальные комплексы пазырыкской культуры. Барнаул: Алтайский государственный университет, 2003. 234 с.

Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. 1: Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Алтайский государственный университет, 1997. 232 с.

Кичигин Д.Е. Шнуровая керамика периода позднего бронзового – раннего железного веков западного побережья озера Байкал // Социогенез в Северной

isotope analysis of the human remains from the Late Holocene sites of Cis-Baikal and their radiocarbon dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarcheology. Ethnology. Anthropology. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 18. P. 90–109. (In Russ.)

Vaters-Rist A., Nomokonova T.Yu., Lozei R.Dzh., Turkin G.V., Goriunova O.I. (2017) Demography and paleopathology of pastoralists of the Late Holocene sites of Cis-Baikal. *Evraziya v kainozoe. Stratigrafiya, paleoekologiya, kul'tury* = Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, paleoecology, cultures. Irkutsk: Irkutsk State University. Iss. 6. P. 329–338. (In Russ.)

Goriunova O.I., Nomokonova T.Yu., Novikov A.G. (2008) The multi-layered settlement of Katun I is the basis of periodization of the Paleometal Era of the coast of Chivyrkui Bay of Lake Baikal. *Antropogen: paleoantropologiya, geoarkheologiya, etnologiya Azii* = Anthropogen: paleoanthropology, geoarchaeology, ethnology of Asia. Irkutsk: Ottisk. P. 35–45. (In Russ.)

Goriunova O.I., Pavlova L.A. (2002) Bronze artifacts from archaeological sites of Cis-Ol'khon district (Bronze – Iron Age). *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii* = Problems of archaeology, ethnography, anthropology of Siberia and neighbouring territories. Vol. 8. P. 295–298. (In Russ.)

Goriunova O.I., Svinin V.V. (1995) Olkhon District: Materials to the Set of Sites of History and Culture of the Irkutsk Region. Part 1: Olkhon Island (Historical and Cultural Heritage of the Irkutsk Region: Archaeology). Irkutsk: Arcom. 140 p. (In Russ.)

Grishin Yu.S. (1981) Sites of the Neolithic, Bronze and Early Iron Ages of the forest-steppe of Transbaikalia. Moscow: Nauka. 204 p. (In Russ.)

Dashibalov B.B. (1995) Slab graves of Olhon Island. *Kul'tura i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* = Culture and sites of the Bronze and Early Iron Ages of Trans-Baikalia and Mongolia. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr SO RAN. P. 79–83. (In Russ.)

Dikov N.N. (1958) Bronze Age of Transbaikalia. Ulan-Ude: Buryatskoye knizhnoye izd-vo. 108 p. (In Russ.)

Kiriushin Yu.F., Stepanova N.F., Tishkin A.A. (2003) Skifian epoch in Mountain Altai. Part II: Burial-funeral sites of Pazyryk culture. Barnaul: Altai State University. 234 p. (In Russ.)

Kiriushin Yu.F., Tishkin A.A. (1997). Scythian epoch in Mountain Altai. Part 1: Culture of the population in Early Scythian times. Barnaul: Altai State University. 232 p. (In Russ.)

Kichigin D.E. 2009. Corded ceramics of the period of Late Bronze – Early Iron Ages of the west coast of Lake Baikal. *Sotsiogenez v Severnoi Azii: materialy 3-i*

Азии: материалы 3-й Всероссийской конференции. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 2009. С. 158–165.

Номоконова Т.Ю., Горюнова О.И. Кости животных в плиточных могилах Приольхонья: по материалам погребения Сарма X // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Чита: Забайкальский государственный университет, 2013. Ч. 1. С. 329–336.

Окладников А.П. История Якутской АССР. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 1. 432 с.

Свинин В.В. Тырганский могильник // Уч. записки Иркутск. Областного музея краеведения. 1971. Вып. 4. Ч. 1. С. 140–144.

Туркин Г.В. Некоторые вопросы изучения плиточных могил Приольхонья // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 1998. С. 69–72.

Туркин Г.В. Плиточные могилы пади Олзонтэй // Известия Лаборатории древних технологий, 2003b. № 1. С. 74–112.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий, 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья // Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. Улан-Удэ: Бурятский научный центр СО РАН, 1995. С. 64–78.

Цыбиктаров А.Д. Культура плиточных могил Монголии и Забайкалья. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 1998. 288 с.

Цыбиктаров А.Д. Особенности памятников культуры плиточных могил в Прибайкалье как источников по изучению взаимоотношений древних групп населения в Байкальском регионе (к постановке проблемы) // Известия Лаборатории древних технологий, 2016a. № 2. С. 30–42.

Цыбиктаров А.Д. Центральноазиатские кочевники бронзового и раннего железного веков в Прибайкалье: причины появления в регионе // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология, 2016b. Т. 18. С. 110–124.

vserossiiskoi konferentsii = Sociogenesis in North Asia: materials of the 3rd All-Russian conference. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 158–165. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., Goriunova O.I. (2013) Bones of animals in the slab graves of Olkhon Area: according to the burial materials of Sarma X. *Drevnie kul'tury Mongolii i Baikal'skoi Sibiri* = Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia. Part 1. Chita: Trans Baikal State University. P. 329–336. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) History of the Yakut ASSR. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Vol. 1. 432 p. (In Russ.)

Svinin V.V. (1971) Tyrgan burial ground. *Uchenyye zapiski Irkutskogo oblastnogo muzeya krayevedeniya* = Scientific notes of the Irkutsk regional museum of local history. Iss. 4. Pt. 1. P. 140–144. (In Russ.)

Turkin G.V. (1998). Some questions of studying the slab graves of Cis-Ol'khon Area. *Arkheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* = Archaeology and ethnography of Siberia and the Far East. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 69–72. (In Russ.)

Turkin G.V. (2003b). Slab graves the Olzontei valley. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. No. 1. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. P. 74–112. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2005) Western Coast of the Lake Baikal in I millennium BC – I millennium AD. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. Iss. 3. P. 198–215. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Zaitsev M.A., Svinin V.V. (1995) Slab Graves of Olkhon Area. *Kul'tury i pamyatniki bronzovogo i rannego zheleznogo vekov Zabaikal'ya i Mongolii* = Cultures and sites of the Bronzeand Early Iron Ages in Trans-Baikalia and Mongolia. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr SO RAN. P. 64–78. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (1998) Culture of Slab Graves of Mongolia and Trans-Baikalia. Ulan-Ude: Buryat State University. 288 p. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2016a). Specifics of sites of the Slab Graves Culture in Cis-Baikalia as a source for the study of communications of ancient groups of population in Baikalian region (the prolegomena of problem). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. No. 2. P. 30–42. (In Russ.)

Tsybiktarov A.D. (2016b). The Central Asian Nomads of Bronze and Early Iron Ages in the Baikal Region (Reasons for the Appearance in the Region). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology. Irkutsk: Irkutsk State University. Vol. 18. P. 110–124. (In Russ.)

Критерии авторства

О.И. Горюнова, А.Г. Новиков выполнили исследовательскую работу. О.И. Горюнова, Я.Л. Магдеева., А.Г. Новиков провели анализ исследованных погребальных комплексов и подготовили рукопись к печати. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Attribution criteria

O.I. Goriunova and A.G. Novikov carried out the research work. O.I. Goriunova, Ya.L. Magdeeva and A.G. Novikov conducted an analysis of the investigated burial complexes and prepared the publication for printing. They have copyright to the article and are fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Горюнова Ольга Ивановна,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион»,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Магдеева Яна Леонидовна,
магистрант, исторический факультет,
Иркутский государственный университет,
664025, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2, Россия,
✉ e-mail: mayana9810@gmail.com

Новиков Алексей Геннадьевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», доцент кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Information about the authors

Olga I. Goriunova,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Scientific Researcher Center “Baikal region”,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk, 664003, Russia,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Yana L. Magdeeva,
graduate student, Faculty of History,
Irkutsk State University,
2, Chkalova street, Irkutsk, 664025, Russia,
✉ e-mail: mayana9810@gmail.com

Alexey G. Novikov,
Cand. Sci. (History), Researcher of the Scientific Researcher Center “Baikal region”, associate Professor of the Department of world history and international relations,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk, 664003, Russia,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 902
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-94-130

Археологические объекты юго-западной части Верхнеангарской котловины

© А.В. Харинский[a], Ю.А. Емельянова[a], Д.Е. Кичигин[a], А.М. Мамонтов[b], Р.Дж. Лозей[c], Г.Л. Иванов[d]

[a] Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия
[b] Лимнологический институт Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия
[c] Университет Альберта, г. Эдмонтон, Канада
[d] Иркутский областной краеведческий музей, г. Иркутск, Россия

Аннотация: С 1975 г. по 2015 г. в юго-западной части Верхнеангарской котловины (Северное Прибайкалье) проводились археологические исследования, в которых принимали участие представители разных научных подразделений. К настоящему времени в этом районе известно 17 археологических объектов. Они располагаются по берегам озер Иркана, Уптинское, Чумбуки (Мокля) и реки Котера. Обнаруженные на них находки немногочисленны, но их морфологические, технологические и орнаментальные особенности позволяют говорить о культурных связях или даже единстве с жителями байкальского побережья на протяжении VI тыс. до н. э. – II тыс. н. э. Единственный могильник, исследованный к настоящему времени в юго-западной части Верхнеангарской котловины, – Чумбуки 2 предварительно датируется концом VII – серединой XII в. На некрополе раскопано два захоронения, располагавшиеся под каменными надмогильными конструкциями. Умерших укладывали вытянуто в берестяной пакет и ориентировали головой на восток – северо-восток. В захоронениях обнаружены железные ножи, кольцо, керамическое пряслице, костяной игольник. Отмеченный на могильнике погребальный ритуал находит широкий круг аналогий на территории Прибайкалья. Подобные могилы объединяются в группу захоронений харанцинского типа, датирующихся концом VIII – серединой XIV в. Не исключено, что именно Верхнеангарская котловина была центром формирования этой погребальной традиции.

Ключевые слова: Верхнеангарская котловина, озеро Иркана, река Котера, озеро Чумбуки, археологический объект, керамический сосуд, изделия из камня, бронзовый век, погребальный ритуал, захоронения харанцинского типа

Благодарности: Выражаем признательность жителям с. Кумора, оказывавшим помощь в работе археологических экспедиций в 1989 и 2005 гг. – Василию Александровичу Полигуеву, Андрею Андреевичу Комарицыну и Алексею Николаевичу Чиркову, а так же принимавшим участие в раскопках могильника Чумбуки 2 Маргарите Львовне Сидорчук (Бородиной), Георгию Квентиновичу Рыкову и Юрию Георгиевичу Рыкову. Финансирование исследований в Верхнеангарской котловине в 2015 г. осуществлялось из средств гранта РГНФ № 15-31-01018.

Информация о статье: Дата поступления 15 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е., Мамонтов А.М., Лозей Р.Дж., Иванов Г.Л. Археологические объекты юго-западной части Верхнеангарской котловины // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 94–130. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-94-130

Archaeological sites of the southwestern part of the Verkhneangarsky Basin

© Artur V. Kharinskii[a], Yuliana A. Emelianova[a], Dmitrii E. Kichigin[a], Anatoly M. Mamontov[b], Robert J. Losey[c], Grigorii L. Ivanov

[a] Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia
[b] Limnological Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia

[c] University of Alberta, Edmonton, Canada
[d] Irkutsk museum of regional studies, Irkutsk, Russia

Abstract: From 1975 to 2015, archaeological research was carried out in the southwestern part of the Verkhneangarsky Basin (North Baikal), in which scholars of various scientific divisions took part. At the moment, 17 archaeological sites are known in the area. They are located on the shores of the lakes of Irkana, Uptinskoye, Chumbuki (Moklya) and the river Kotera. The findings found on them are few in number, but their morphological, technological, and ornamental features make it possible to speak of cultural ties or even unity with the inhabitants of the Baikal coast throughout the VI millennium BC. – II millennium AD. The only burial ground investigated to date in the southwestern part of the Upper Angara Basin, Chumbuki 2, is tentatively dated to the end of the 7th – the middle of the 12th centuries AD. Two burial sites were excavated at the necropolis, which were located under the stone gravestones. The deceased were laid elongated in a birch bark bag and their head was oriented east – northeast. Iron knives, a ring, a ceramic spindle, a bone needle container were found in the burials. The funeral ritual noted at the cemetery finds a wide range of analogies in the territory of the Baikal region. Such graves are combined into a group of Harantsy-type graves dating from the end of the VIII – the middle of the XIV centuries. It is possible that the Upper Angara Basin was the center of the formation of this funerary tradition.

Keywords: Verkhneangarsky Basin, Irkana lake, Kotera river, Chumbuki lake, archaeological site, ceramic vessel, stone artifact, bronze age, burial ritual, graves of Harantsy type

Acknowledgements: We express our gratitude to the residents of viilage Kumora, who assisted in the work of archaeological expeditions in 1989 and 2005. Poliguev Vasiliy Aleksandrovich, Komaritsyn Andrei Andreevich and Chirkov Alexei Nikolaevich, as well as Sidorchuk (Borodina) Margarita Lvovna, Rykov Georgii Kventinovich and Rykov Yury Georgievich, who took part in the excavation of the grave of Chumbuki 2. Research in the Verkhneangarsk depression in 2015 was financed from the grant of the Russian Humanitarian Research Foundation No. 15-31-01018.

Article info: Received January 15, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Kharinsky A.V., Emelianova Yu.A., Kichigin D.E., Mamontov A.M., Losey R.J., Ivanov G.L. (2020) Archaeological sites of the southwestern part of the Upper Angara Basin. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 94–130. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-94-130

Введение

Верхнеангарская котловина располагается на территории Северного Прибайкалья, в Северобайкальском районе Бурятии (рис. 1). Ее протяженность с юго-запада на северо-восток составляет около 120 км, ширина около 40 км. Со всех сторон котловина окружена горными хребтами. К северо-западу от неё находится Верхнеангарский хребет, к северу – Делюн-Уранский, к юго-востоку – Северо-Муйский и к юго-западу – Баргузинский хребет. Днище котловины плоское, заболоченное, с многочисленными озёрами, реками и протоками. Большая часть из них соединяется с рекой Верхней Ангарой или ее левым притоком р. Котерой. Первая из них протекает вблизи северо-западного борта котловины, а вторая вдоль юго-западного борта. В районе д. Ченча, в которой в последние годы не проживает постоянного населения, р. Котера впадает в р. Верхнюю Ангару.

Протяженность р. Котеры 204 км. В среднем и нижнем течении река разделяется на несколько проток. Одна из них – Харчевка – образует самое южное ответвление реки. С северо-восточной стороны в нее впадает река Иркана, вытекающая из северо-восточной части одноименного озера. Размеры озера, вытянутого с юго-запада на северо-восток 2,3 х 5,7 км. С запада в него впадает река Срамная. В нижнем течении в реку Иркану впадает протока, соединяющаяся с Уптинским озером, размеры которого составляют 430 х 620 м. Берега озера заболочены, лишь с юго-восточной стороны фиксируется устойчивый берег, образованный первой надпойменной террасой. В нижнем течении р. Котера соединяется протокой с озером Чумбуки (Мокля), размеры которого составляют 1,9 х 2,0 км.

Континентальный климат долины р. Верхней Ангары в значительной степени смягчается влиянием увлажнения со стороны Байкала и защищен-

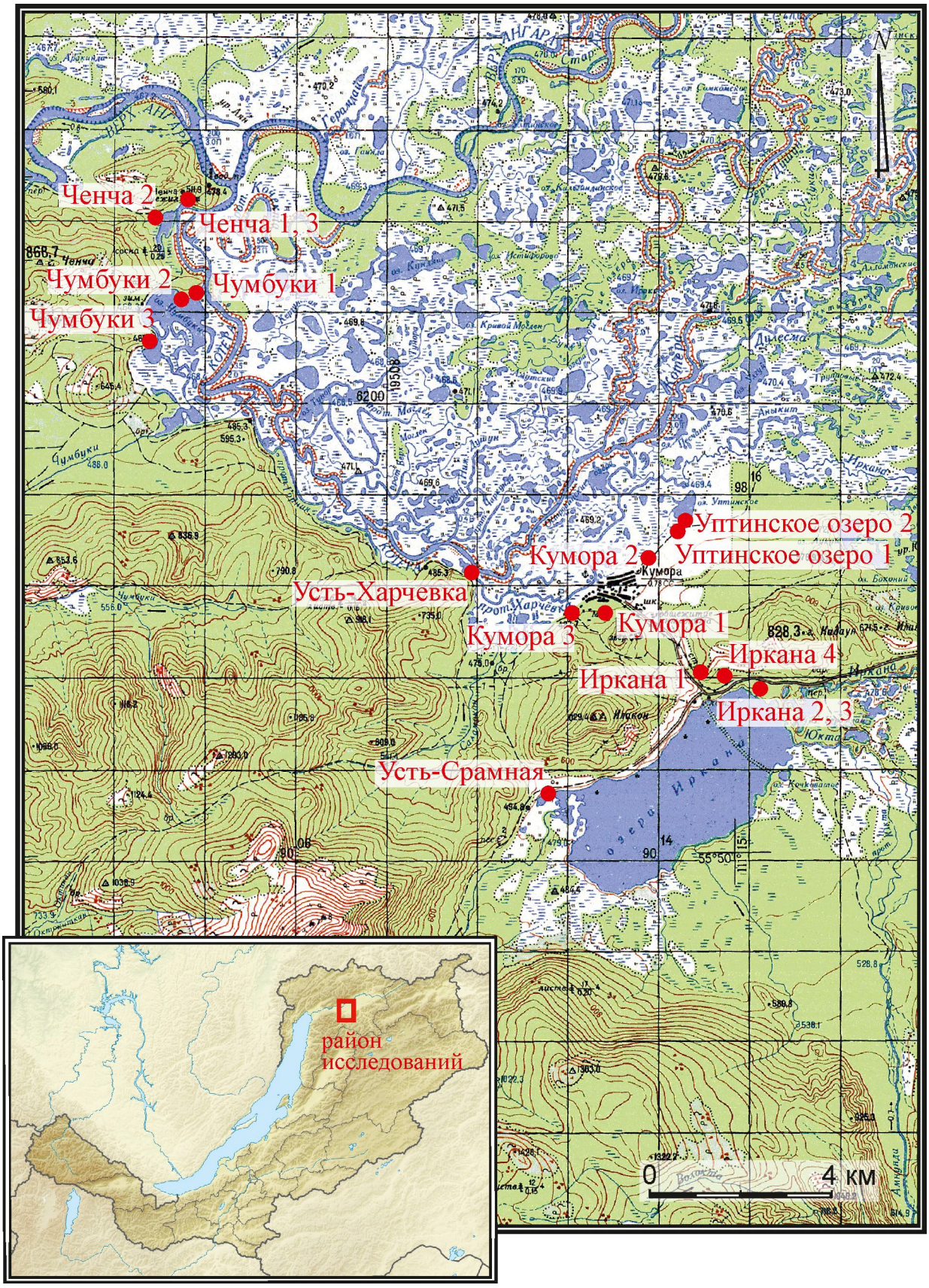


Рис. 1. Археологические объекты, расположенные в юго-западной части Верхнеангарской котловины
Fig. 1. Archaeological sites located in the South-Western part of the Verkhneangarsky Basin

ностью горами от северных ветров. Среднемесячные минусовые температуры соотносятся с периодом с октября по апрель. Температура выше 10°С наблюдается только в летние месяцы. Абсолютный минимум –46,9°С зафиксирован в январе, абсолютный максимум 31°С – в июне. Количество атмосферных осадков в течение года составляет 262–290 м/м. По временам года они распределяются следующим образом: зима 10 %, весна – 15 %, лето – 50 % и осень – 25 %. Снегопад начинается в долине 1–15 октября, средняя толщина снега достигает 77 см, а максимальная –153 см. Таяние снега начинается около 14 марта. В конце мая усиленное таяние снега вместе с дождливой погодой способствует обильному стоку воды в долину р. Верхней Ангары, приводя к длительному половодью, в результате которого низменная пойма реки заливается на 20–30 дней. Начало этого подъема бывает в первых числах июня, а своего пика он достигает 15–17 июня (Самойлов, Калинин-Иванов, 1935. С. 9, 18)[1]. На Верхней Ангаре ледостав происходит в конце октября – начале ноября. Практически на всем своем протяжении р. Верхняя Ангара вскрывается ото льда в первых числах мая (Самойлов, Калинин-Иванов, 1935. С. 19)[2]. Основным грунтом, из которого состоит русло и берега Верхней Ангары, является песок с примесью ила. В низменных, луговых частях поймы встречаются илистые берега с перегноем, которые подвергаются наибольшему размыванию (Самойлов, Калинин-Иванов, 1935. С. 12)[3].

В пойме Котеры среди растительности наиболее широко представлены лугово-кустарниковые комплексы, что обусловлено периодическими разливами реки, препятствующими развитию древесных видов (Поплавская, 1913)[4]. Первая терраса возвышается над уровнем реки на 1,5–2,5 м, в паводковый период или в дождливые годы летом и осенью заливается водой, что приводит к обширному переувлажнению территории. Здесь развиты комплексы лугов, лугово-болотных сообществ, болот и заболоченных лесов.

На первой и второй террасах, сложенных песчаными отложениями, произрастают сосновые бруснично-разнотравные леса с участием в кустарниковом ярусе ив, березы, ольхи, свиды белой, шиповника. На пылевато-супесчаных почвах развиваются лиственничные бруснично-моховые леса. На склонах с южной экспозиции, к северу от озера Иркана, в окружении сухих сосновых лесов произрастает степная растительность, представленная разнотравно-злаковыми сообществами (Владимиров, Софронов, Сороковой, Кобылкин, Фролов, 2014).

К моменту появления русских на северном побережье Байкала и в низовьях р. Верхней Ангары (1643 г.), там проживали эвенки (тунгусы). Верхнюю и среднюю части Верхнеангарской долины занимали киндигиры, а в низовьях жили тунгусы чагинского рода (Харинский, 2012. С. 103). В 50-х гг. XVII в. чигинские тунгусы, видимо, уже покинули западную часть долины р. Верхней Ангары. Упоминания о них в русских документах больше не встречаются. На освободившейся территории расселились киндигиры. Не исключено, что разделение верхнеангарских тунгусов на киндигиров и чильчагиров произошло уже после освоения ими всей долины р. Верхней Ангары, на что указывают эвенкийские легенды. До 60-х гг. XVII в. известно только одно наименование верхнеангарских эвенков – киндигиры. В 1669 г. среди плательщиков ясака Верхнеангарского острога встречаются уже киндигиры и чильчагиры. То есть разделение верхнеангарских тунгусов на два рода произошло, вероятно, в середине 60-х гг. Следовательно, освоение киндигирами низовьев р. Верхней Ангары можно соотнести с 50-ми гг. XVII в. (Харинский, 2012. С. 105–106).

[1] Самойлов И.И., Калинин-Иванов В.Д. Атлас р. Верхней Ангары от Камнеокона до устья. Составлен по исследованиям 1932 г. П/р инженера И.Ф. Молодых. Иркутск, 1935. 139 с.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Поплавская Г.И. Бассейн В. Ангары. Южные открытые склоны // Предварительный отчет об организации и исполнении работ по исследованию почв Азиатской России в 1912 году для Министерства земледелия. СПб.: Изд. Переселен. управ., Тип. Ю.Н. Эрлих, 1913. С. 180–193.

Основываясь на материалах межевой книги 1795 г., эвенки киндигирского рода так определяли границы своих земель: «По западному берегу озера Байкал в пределах Верхоленского уезда – до Котельниковского маяка (Горячие Воды); по восточному – до речки Амнундукан Первый. К югозападу по берегу Байкала от этой речки до мыса Туркалаки имеют свои промыслы тунгусы Шамагирского рода, которые перечислились из рода Киндигирского в особый род в 1844 году» (Указ Иркутской казенной палаты от 2/XII, 1844 г., за № 13185. Архив Киндигирского родового правления в с. Душкачан). На северо-востоке киндигирские владения граничили с землями эвенков чильчагирского рода. Разделительная линия идет по Красному Яру, в 60-ти верстах от устья В. Ангары, и по притоку Ангары: с левой стороны по Бирие, с правой – по Аккит, выше по Джалинде и р. Маме, впадающей в Витим, которая и является крайней северной разделительной гранью… Но киндигирские тунгусы, ввиду каждогодного почти неуклонного уменьшения пушного зверя, спускаются за промыслами до вершин речек Ленской «покати» между низовьями Киренги и Витима – Минэ, Кутым, Чаи, Чуи и левого берега Мамы» (Титов, 1923). Кочевые и охотничьи угодья чильчагиров располагались в средней и верхней части долины Верхней Ангары, по рекам Катере, Муи, Чуро, Маи, вплоть до Бодайбо. О том, что граница между землями киндигиров и чильчагиров проходила по реке Бирая (Бирия. – А.Х.), упоминает и Н. Григоровский, проплывший по р. Верхней Ангаре в 1888 г. (Григоровский, 1890).

Появление постоянного русского населения в Верхнеангарской котловине относится к 1767 г., когда ясачным комиссаром Вернером на северном берегу озера Иркана было поселено пять казачьих семей, каждая из которых обрабатывала по три десятины земли, засевала их рожью, ячменем, овсом, льном и получала урожай, превышавший посевы в 5–10 раз. В 1771 г. иркутский наместник поселил здесь шесть семей ссыльных, для того чтобы сделать это поселение слободой. Приказная изба (дом для сборщика ясака) слободы Иркана была названа Верхней, в отличие от другой, вероятно, построенной ниже, на месте прежнего Верхне-Ангарского острога (Риттер, 1879. С. 45).

Первоначально Иркана, как и возникшие позже Ченча и Кумора, входили в Читканскую волость Баргузинского уезда. В 1885 г. русские поселения в средней части долины р. Верхней Ангары были выделены в самостоятельное Верхнеангарское отдельное сельское общество с непосредственным подчинением Баргузинскому уезду. В 1885 г. в Иркане было 60 жилых домов, Куморе – 10, Ченче – 4. Всего насчитывалось 358 душ жителей, включая обрусевших эвенков. Пахотной земли имелось до 1000 десятин. Посев зерновых крестьяне начинали с конца апреля. В основном засевалась рожь, меньше – пшеница. Так как урожайность была низкая, то хлеба хватало только для собственного обеспечения. В урожайный год часть хлеба обменивалась у эвенков на пушнину (Шубин, 2001. С. 70).

В настоящее время в южной части Верхнеангарской котловины сохранился только один населенный пункт Кумора. Он расположен на южном берегу протоки Харчевка, в 3 км к северу от озера Иркана. Поселок образует сельское поселение «Куморское эвенкийское», которое соединено 70-километровой грунтовой автодорогой с Новым Уояном, находящимся к северо-востоку от него. В 2017 г. население Куморы составляло 460 человек. В поселке имеется средняя общеобразовательная школа.

История исследования

Первые археологические изыскания в юго-западной части долины Верхней Ангары предприняты в 1975 г. представителями Института истории, филологии и философии СО АН СССР А.П. Деревянко и А.И. Мазиным. Ими проводилось археологическое обследование на двух участках строящейся Байкало-Амурской магистрали: от Нижнеангарска до Усть-Муйского хребта и от станции Тында до р. Олёкмы. В первом из указанных районов выявлено 9 археологических памятников. Рядом с селом Кумора А.П. Деревянко и А.И. Мазин отметили наличие могильника, который, по их мнению, был частично разрушен огородами. Среди находок:

топоры из нефрита, костяные составные кинжалы, датируемые исследователями серовским временем (Деревянко, Мазин, 1976)[5]. Невзирая на наличие артефактов, которые зачастую являются сопроводительным инвентарем захоронений, их точное местонахождение исследователям установить не удалось, не был обнаружен и некрополь.

После осмотра окрестностей Куморы А.П. Деревянко и А.И. Мазин провели разведку на берегах озера Чумбуки (Мокля). На северном берегу озера ими найдено поселение раннего железного века **Чумбуки 1** (см. рис. 1). В восточной части мыса, омываемого с запада водами Сигового залива, а с востока р. Котерой, заложено два шурфа размером 1 х 1 м. Расстояние между ними составило 30 м. В 200 м к западу от западного из шурфов (№ 2), в ложбине заложен еще один шурф 1,0 х 1,5 м. Археологический материал, обнаруженный на стоянке, представлен костяными наконечниками стрел, керамикой, костями животных.

Через три года после работ новосибирских археологов исследования в Северобайкальском районе Бурятии были продолжены отрядом археолого-этнографической экспедиции Института общественных наук БФ СО АН СССР (А.Д. Цыбиктаров и Л.В. Тиваненко) (Цыбиктаров, 1979)[6]. Ими обследован участок побережья озера Байкал от с. Байкальское до пос. Нижнеангарск, а также среднее течение р. Верхняя Ангара. На северном берегу озера Иркана А.Д. Цыбиктаровым и А.В. Тиваненко обнаружено 3 стоянки, обозначенные первооткрывателями как поселения. Одно из них (**Иркана 1**) находилось у деревенского кладбища, другое (**Иркана 2**) расположено на 8-метровой террасе северо-восточной оконечности озера, третье (**Иркана 3**) лежит в 100 м к югу от предыдущего, на озерной террасе высотой 4–6 м. Шурфовочные работы в районе озера не проводились. Исследователи ограничились сбором подъемного материала.

Вторым пунктом исследований А.Д. Цыбиктарова и Л.В. Тиваненко в Верхнеангарской котловине в 1978 г. стали окрестности д. Ченча. На 8-метровом террасовидном склоне на территории деревни ими открыта стоянка **Ченча 1**, культурный слой которой включал фрагменты гладкостенной керамики, украшенные рассеченными налепными валиками (Цыбиктаров, 1979[7]; Памятники археологии, 2011. С. 302).

Активное освоение территорий, прилегающих к трассе БАМ, способствовало увеличению разведочных археологических работ на новостроечных объектах в 80-е годы прошлого века. В 1987 г. археологическим отрядом Бурятского пединститута под руководством В.П. Конева проводилось археологическое обследование строящейся автодороги Тазы-Уоян. Работы велись на северо-восточном участке трассы от озера Иркана до поселка Уоян. На стоянке **Иркана 1** В.П. Коневым собран подъемный археологический материал, представленный бифасом из кремня и двумя фрагментами венчика керамического сосуда.

В июле 1989 г. В.П. Конев продолжил разведочные работы в юго-западной части Верхнеангарской котловины. В этом году в состав возглавляемого им Новостроечного отряда Бурятского педагогического института вошли В.И. Ташак и Э.Р. Гречищев. Вместе с ними в исследованиях в долине р. Верхней Ангары участвовал сотрудник Иркутского университета А.В. Харинский. Археологами предпринята разведка в долине реки Котеры и по берегам озера Иркана. На берегах озера ими осмотрены стоянки **Иркана 1–3**. У западной оконечности озера, в месте впадения в нее р. Срамная выявлена новая стоянка, получившая название **Усть-Срамная**.

Во время работ 1987 г. в районе озера Иркана В.П. Коневым было обнаружено еще два местонахождения, на которых найдено несколько фрагментов керамики. Одно из них располагалось в

[5] Деревянко А.П., Мазин А.И. Научный отчет об археологических исследованиях в зоне проектирования и строительства Байкало-Амурской магистрали // Архив НПЦ ЦОП МК РБ. Новосибирск, 1976.

[6] Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале. Архив ИА РАН. Р. 1. № 7413. Улан-Удэ, 1979.

[7] Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале. Архив ИА РАН. Р. 1. № 7413. Улан-Удэ, 1979.

1 км от стоянки Усть-Срамная, вверх по течению реки. Другое местонахождение локализовалось в истоке р. Ирканы, на северо-восточном берегу озера. Во время осмотра этих местонахождений в 1989 г. археологический материал обнаружен не был.

В 1989 г. вновь были предприняты попытки найти на территории пос. Кумора древний могильник и осмотреть артефакты, собранные местными жителями на территории населенного пункта и вблизи него. Часть из них находилась в школьном музее. В 1989 г. удалось осмотреть хранящийся там обломок тесла из черного кремня с двухсторонней подшлифовкой. Его обнаружили у северного подножия Черной горы (Илакон). Некоторые археологические находки жители Куморы хранили у себя дома. В 1985 г. Надежда Сергеевна Черных нашла на огороде 3 нюрнбергских счетных жетона. Подобные жетоны имеются в коллекции Томского областного музея и описаны И.Г. Спасским (Спасский, 1951. С. 137. Рис. 7в). Лицевая сторона. LUD: XVI. DG.- FR. ET. NAV. REX. Погрудное изображение вправо. Обратная сторона. Вверху LUST BAUT DAS LAND. Перспективный вид цветника, окруженного подстриженными деревьями, в центре которого бьет фонтан. В обрезе – REGENPFEN ELSL. ELSL – Эрнст Людвиг Сигизмунд Лауэр (1762–1853), работал в Нюрнберге с 1791 по 1797 г. (Forrer, 1907. P. 312).

Подобный жетон был обнаружен и в погребении № 22 Соровского кладбища в долине р. Оби (Пушкарев, 2019. Рис. 4–5). Эти изделия были достаточно широко распространены на территории Российской империи и использовались сибирским населением как украшения.

После проведения археологической разведки в районе озера Иркана и на территории пос. Кумора Новостроечный отряд БПИ разделился на две группы. В.И. Ташак и Э.Р. Гречищев продолжили вести исследования в районе пос. Кумора, а В.П. Конева и А.В. Харинского на лодке забросили в д. Ченча для проведения археологической разведки в ее окрестностях. К этому времени от деревни осталось три дома. В одном из них на лето поселялись пастухи, выпасавшие телят, которые перегонялись сюда на теплый период года.

На южной окраине Куморы в 1989 г. археологами Новостроечного отряда Бурятского педагогического института собраны фрагменты гладкостенной керамики и фронтальный обломок призматического нуклеуса. Место, где были собраны эти находки, получило наименование **Кумора 1**. В окрестностях поселка В.И. Ташаком, Э.Р. Гречищевым выявлено две стоянки железного века. Одна из них **– Кумора 2** располагалась в северо-восточной части поселка, у аэропорта, другая в его юго-западной части **– Кумора 3**. К северо-востоку от села на берегах Уптинского озера ими обнаружено две стоянки железного века **– Уптинское озеро 1** и **2**.

В районе д. Ченча В.П. Коневым и А.В. Харинским осмотрена стоянка **Ченча 1** и открыто две стоянки железного века **Ченча 2** и **Ченча 3,** а также предпринята разведка вдоль северного берега озера Чумбуки. На стоянке **Чумбуки 1** ими заложено два шурфа 1 х 1 м. К западу от стоянки обнаружен могильник **Чумбуки 2**. Он располагался в 11,1 км к северо-западу от с. Кумора и в 2 км к югу от с. Ченча.

Летом 1997 г. школьниками Центра детско-юношеского туризма и краеведения г. Иркутска (руководители А.В. Харинский и М.Л. Сидорчук) и Школы туристко-экологического образования г. Северобайкальска (руководитель Е.А. Марьясов) была предпринята археолого-краеведческая разведка вдоль р. Верхней Ангары. Разведочный маршрут начинался у станции Кюхельбекерская и заканчивался в месте впадения в р. Верхнюю Ангару р. Джилинда. Школьники вместе с руководителями спустились на катамаранах вниз по течению Верхней Ангары, осмотрели наиболее интересные в археологическом отношении участки берега и посетили населенные пункты. Во время остановки в с. Ченча участниками экспедиции проведена разведка в окрестностях озера Чумбуки. На его западном берегу ими открыта стоянка **Чумбуки 3.**

На могильнике **Чумбуки** 2 школьниками под руководством А.В. Харинского на месте кладки № 1 заложен раскоп размером 3 х 3 м, ориентированный стенками по сторонам света. Под каменной

надмогильной кладкой ребятами обнаружено разрушенное захоронение. Останки погребенного располагались в берестяном чехле. Вместе с ними найдено керамическое пряслице, железный нож и кольцо.

Летом 2005 г. сотрудниками Иркутского государственного технического университета проводилось обследование трассы проектируемого нефтепровода Тайшет – Находка и прилегающих к ней участков на территории Северобайкальского района. Одним из объектов исследования археологов ИРНИТУ был могильник **Чумбуки 2**. Археологическим отрядом, в который входили А.В. Харинский, Ю.А. Емельянова, Г.К. Рыков и Ю.Г. Рыков, на месте **кладки № 2** заложен раскоп площадью 18 кв. м, ориентированный стенками по сторонам света. Под каменной надмогильной кладкой обнаружены останки погребенного, находившиеся в берестяном чехле. Вместе с ним найден костяной игольник и обломок железного ножа. Погребение было разрушено еще в древности.

В процессе работы на могильнике проводился осмотр стоянки Чумбуки 1. В береговых обнажениях на территории памятника А.В. Харинским и Г.К. Рыковым собрано несколько фрагментов керамики. Среди них встречены три венчика керамических сосудов. В восточной части холма, расположенного в западной части стоянки, был заложен шурф 1 х 2 м, в котором были найдены фрагменты керамики с оттисками шнура и металлическая игла. Участниками отряда проведен осмотр стоянки Чембуки 3. На её территории предпринят сбор подъемного материала (Емельянова, 2006)[8].

В 2015 г. сотрудниками ИРНИТУ Д.Е. Кичигиным и Ю.А. Емельяновой в рамках проекта РГНФ № 15-31-01018 была предпринята археологическая разведка вдоль байкальского побережья от мыса Хибилен до мыса Берла и в юго-западной части Верхнеангарской котловины, в районе деревни Кумора. На втором этапе исследований к ним присоединился заведующий сектором научно-фондового отдела ГАУК ИОКМ Г.Л. Иванов. К северу от озера Иркана археологами были предприняты шурфовочные работы. Два шурфа размером 1 х 1 м (№ 1 и 2) заложены на юго-восточном склоне горы Илакон. Еще два шурфа (№ 3 и 4) такого же размера разбиты на юго-западном склоне горы Кадаун. Археологический материал был обнаружен лишь в шурфе № 3. На основании полученного материала и проведенных вокруг шурфов № 3 и 4 подъемных сборов была выделена стоянка **Иркана 4**. В ходе обследования берегов левой протоки р. Котеры – Харчевки иркутскими археологами обнаружена новая стоянка **Усть-Харчевка**. На памятнике собран подъемный археологический материал и сделана зачистка береговых обнажений.

Д.Е. Кичигиным, Ю.А. Емельяновой и Г.Л. Ивановым осмотрена территория и окрестности пос. Кумора. Следов древнего могильника или стоянок обнаружено не было. Попытка уточнить место находки артефактов, долгие годы хранившихся в школьном музее, тоже не увенчалась успехом. По словам директора СОШ Алексея Николаевича Чиркова, большую часть предметов для школьного музея собрал бывший директор школы Николай Владимирович Бураев, уже давно переехавший из Куморы в г. Улан-Удэ. Рисунки некоторых из них были сделаны им же в процессе подготовки альбома по истории родного села. Количество и судьба собранных Н.В. Бураевым археологических находок А.Н. Чиркову не известна. Со слов последнего, местные жители очень трепетно относились ко всему, что изымали из земли, поэтому, как правило, «археологические предметы… часто оставляли на том месте, где их находили».

В альбоме «Прошлое и настоящее с. Куморы Северо-Байкальского района», составленном бывшим директором СОШ с. Куморы Н.В. Бураевым, изображены три рубящих орудия из нефрита. Судьба самих предметов, как и точная их географическая привязка, к сожалению, не определены. Рисунки трех орудий выполнены на бумаге цветными карандашами, вырезаны и вклеены в альбом на последней странице, под рисунками сделана подпись «Рисунки (в двух проекциях) теслообразных рубящих орудий (нефрит), найденных жителями с. Куморы». Установить подлинные размеры

[8] Емельянова Ю.А. Отчет об археологических исследованиях в районе пос. Кумора в 2005 г. (Северобайкальский район, Республики Бурятия). Иркутск, 2006. 25 с.

предметов не представляется возможным ввиду отсутствия графического масштаба на странице и какого-либо упоминания о нем в письменной форме. Можно лишь предположить, что они сделаны в натуральную величину (в масштабе 1:1). На последней странице альбома изображены шлифованные изделия из нефрита: тесло из белого (серого) нефрита с притупленным, подпрямоугольным в фасе обушком, тесло из зеленого нефрита с притупленным, подпрямоугольным в фасе обушком и топорик из зеленого нефрита с приостренным, овальным в фасе обушком.

Археологические исследования, проводившиеся на протяжении 40 лет в юго-западной части Верхнеангарской котловины, носили преимущественно разведочный характер. Небольшие раскопочные работы были предприняты лишь на единственном в этой части Северного Прибайкалья могильнике – Чумбуки 2. Полученный в результате археологических работ материал не многочислен, но все же позволяет сформировать представление о тех культурно-исторических процессах, которые проходили в долине Верхней Ангары в течение последних 6 тысяч лет.

Стоянки

К настоящему времени в юго-западной части Верхнеангарской котловины известно 17 археологических объектов. Они располагаются по берегам озер Иркана, Уптинское, Чумбуки (Мокля) и реки Котеры (рис. 1). Пятнадцать из них предварительно можно охарактеризовать как стоянки. Находки, обнаруженные на них, представлены преимущественно подъемным археологическим материалом. Следов жилищ на этих памятниках не зафиксировано. Один из археологических объектов, расположенный на северном берегу озера Чумбуки (Мокля), – могильник Чумбуки 2. Еще один памятник – Кумора 1, возможно, тоже могильник. Он представлен находками, собранными в районе поселка Кумора. Среди них шлифованные тесла, встречающиеся, как правило, среди инвентаря захоронений неолита – раннего бронзового века Прибайкалья. Но, несмотря на наличие вещей, часто встречающихся в захоронениях, погребений в районе Куморы пока обнаружить не удалось. В связи с этим археологический объект Кумора 1 будет рассматриваться как один из стояночных комплексов.

На четыре археологических памятника, расположенные в Верхнеангарской котловине, в 1991 г. были составлены паспорта. Эти объекты поставлены на государственную охрану в соответствии с Постановлением Совета Министров Бурятской АССР № 134 от 26.05.1983 г. и Постановлением Правительства Республики Бурятия № 242 от 09.07.1996 г. Сведения о них нашли отражение в монографии Л.В. Лбовой и Е.А. Хамзиной «Древности Бурятии. Карта археологических памятников» (Лбова, Хамзина, 1999. С. 151) и в «Памятниках археологии. Том 2. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия» (Памятники археологии, 2011, С. 301–303).

В районе озера Иркана известны 5 стоянок, которые располагаются на северо-западном берегу озера и склонах гор, спускающихся к нему. Юго-восточный берег озера низменный, заболоченный и не удобен для организации стоянок и поселений.

Стоянка **Иркана 1** локализуется в 2,1 км от пос. Кумора по азимуту 141°, к востоку от дороги, соединяющей Кумору с озером Иркана (рис. 2). Подъемный материал собирался на высоте 13–40 м от уровня озера, на юго-западном склоне горы Кадаун (828,3 м), в южной части кладбища и к юго-востоку от него. Территория в районе памятника покрыта травянистой растительностью. С востока на северо-запад ее пересекает линия электропередач.

В 1987 г. на стоянке В.П. Коневым собран подъемный археологический материал, представленный бифасом из кремня (рис. 3.1) и двумя фрагментами венчиков керамических сосудов. У первого фрагмента (рис. 3.2) венчик овальной внешне асимметричной формы украшен с внешней стороны треугольным в сечении налепом, образующим подобие валика, который орнаментирован по ребру горизонтальными округлыми вдавлениями. Тулово сосуда в верхней части украшено наклонными пересекающимися линиями, состоящими из треугольных вдавлений.

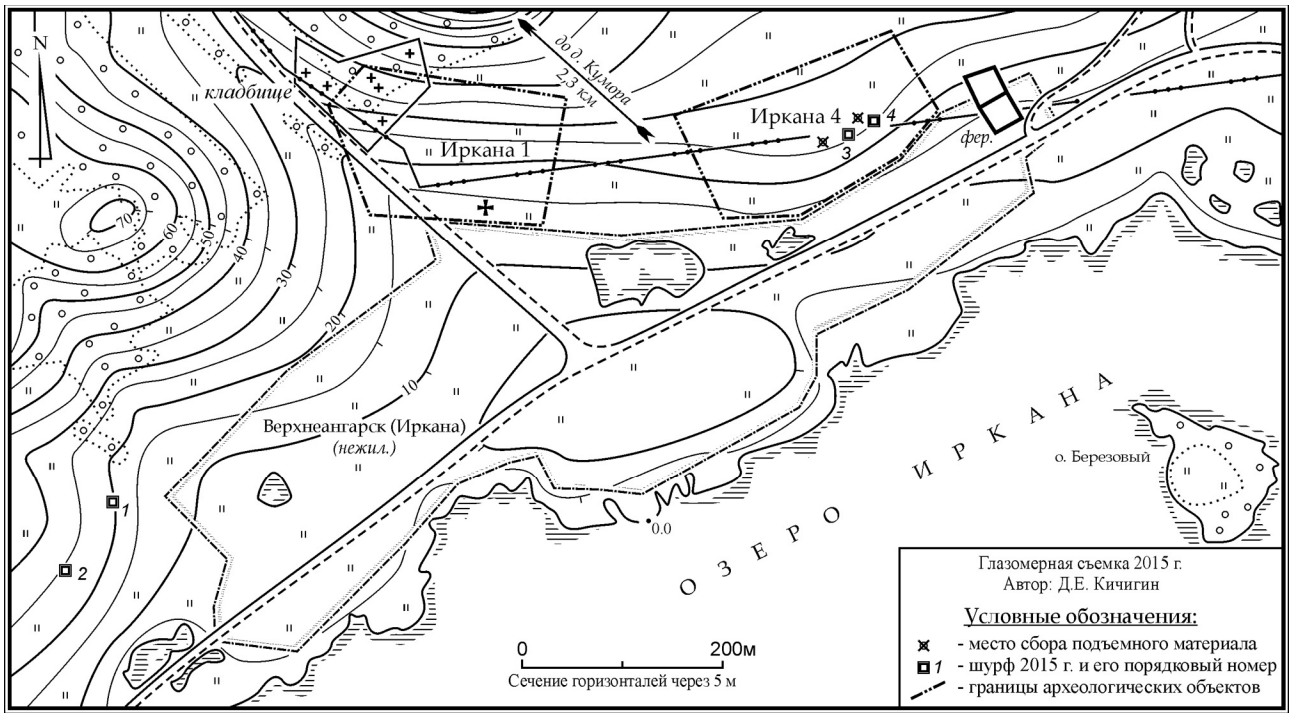


Рис. 2. Топографический план археологических объектов Иркана 1 и Иркана 4
Fig. 2. Topographic plan of the archaeological sites of Irkana 1 and Irkana 4

Венчик второго фрагмента (рис. 3.3) овальной формы. Он слегка отогнут наружу и орнаментирован по верхнему краю округлыми вдавлениями. Верхняя часть тулова украшена тремя рядами тонких горизонтальных налепных валиков.

Стоянка **Иркана 2** находится в 3,1 км от пос. Кумора по азимуту 124°, в 110 м к югу от дороги Тазы-Уоян, на северо-восточном берегу озера Иркана, на озерной террасе высотой примерно 8 м. Территория в районе памятника покрыта травянистой растительностью, частично произрастающей на старых пашнях и огородах. А.Д. Цыбиктаровым в 1978 г. на памятнике зафиксирован культурный слой мощностью 10–20 см (суглинок темно-коричневого цвета), который залегал на глубине 15–20 см от современной поверхности земли. Он прослеживался на протяжении приблизительно 40 м. Примерно на середине протяженности культурного слоя сохранились следы старого шурфа. Сразу же за краем террасы начиналось поле, засеянное зеленкой. По мнению исследователя, не исключено, что культурный слой памятника был нарушен (Цыбиктаров, 1979. Л. 7, 8, Рис. 31[9]; Памятники археологии, 2011. С. 301–302).

Стоянка **Иркана 3** находится в 3,1 км от пос. Кумора по азимуту 125°, в 100 м к югу от стоянки Иркана 2 на озерной террасе высотой 4–6 м. Территория в районе памятника покрыта травянистой луговой растительностью. А.Д. Цыбиктаровым в 1978 г. на памятнике отмечен культурный слой, прослеживавшийся на протяжении 80–40 м. Стратиграфически его расчленить на несколько разных слоев не удалось. Находки представлены фрагментами керамики, тигля или льячки. Последняя была орнаментирована короткими оттисками гребенчатого штампа, на внутренней её стороне сохранились следы бронзовой прокалины. Из слоя в разных местах торчали обломки костей, а также рыбья чешуя. У исследователя не было уверенности в том, что этот памятник открыт впервые. Поэтому А.Д. Цыбиктаров решил ограничиться его описани-

[9] Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале. Архив ИА РАН. Р. 1. № 7413. Улан-Удэ, 1979.

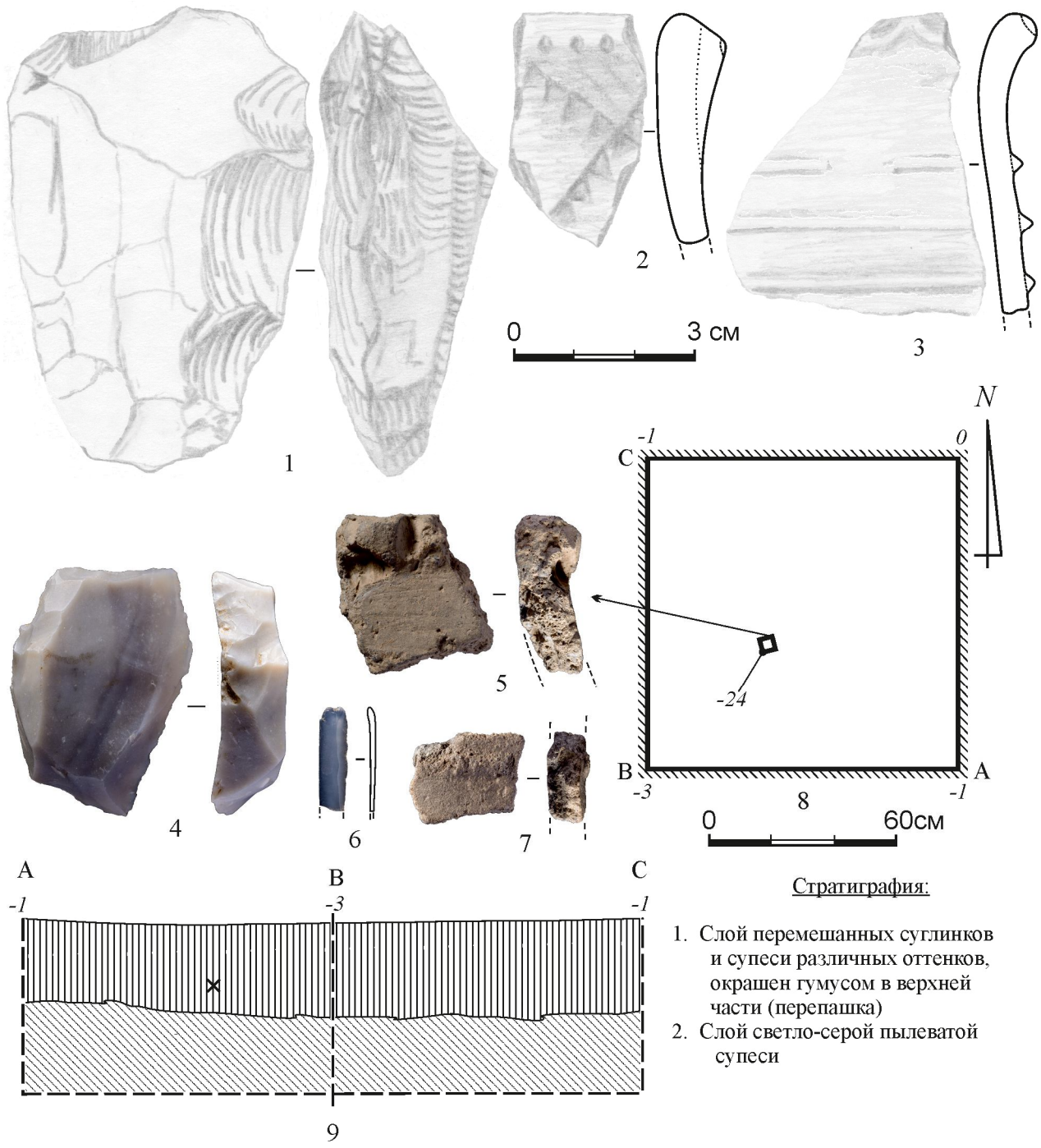


Рис. 3. Археологический материал: *1–3 – Иркана 1, подъемный материал; 4–9 – Иркана 4: 4, 6, 7 – подъемный материал, 5 – шурф № 3. 1, 4, 6 – камень; 2, 3, 5, 7 – керамика; 8, 9 – план и стратиграфия шурфа № 3*

Fig. 3. Archaeological artifacts: *1–3 – Irkana 1 site, lifting material; 4–9 – Irkana 4 site: 4, 6, 7 – lifting material, 5 – test pit No. 3. 1, 4, 6 – stone; 2, 3, 5, 7 – ceramics; 8, 9 – plan and stratigraphy of test pit No. 3*

ем, сбором подъемного материала и фотографированием (Цыбиктаров, 1979. Л. 8. Рис. 32, 33)[10].

Стоянка Иркана 4 расположена в 2,3 км от пос. Кумора по азимуту 134°, в 400–430 м к востоку от кладбища и в 250 м от уреза воды озера. Она занимает выположенную поверхность террасовидного выступа с отметками 21–23 м над уровнем озера (рис. 2). Место расположения стоянки, как и прилегающие к нему территории, неоднократно подвергалось интенсивной распашке, в результате чего большая часть материала была собрана прямо с современной поверхности земли. Среди них: 5 фрагментов гладкостенной керамики, один из которых орнаментирован нитевидным валиком (рис. 3.7), проксимальный сегмент призматической пластины из халцедона (рис. 3.6), крупный пластинчатый отщеп из кремня (рис. 3.4). У отщепа мелкая краевая ретушь по всему периметру. Первичная форма транкирована. Левый край более крутой, условно обушковый, ретуширован по половине длины, правый край более тонкий, ретуширован мелкой разнофасеточной краевой ретушью по всей длине. На проксимальном и дистальном конце правого края ретушью обработаны острые шиповидные углы. Поперечный дистальный и проксимальный края обработаны крутой ретушью, проксимальный край слегка выемчатый.

В 2015 г. Д.Е. Кичигиным, Ю.А. Емельяновой и Г.Л. Ивановым на территории стоянки заложено два шурфа размером 1 х 1 м (№ 3 и 4) Стратиграфическая ситуация в обоих шурфах однотипна и представлена следующими отложениями (табл. 1).

В шурфе № 3 в слое перепашки на глубине 22 см от современной поверхности земли (рис. 3.8, 9) обнаружен фрагмент венчика гладкостенного керамического сосуда. Венчик прямой формы, орнаментирован по внешнему краю налепным рассеченным валиком (рис. 3.5).

Стоянка **Усть-Срамная** находится в 3,8 км от пос. Кумора по азимуту 195°, вблизи дороги Тазы-Уоян, в 105 м к северо-западу от озера Иркана. Подъемный материал собран на выположенном

Таблица 1

Стратиграфия в районе шурфов № 3 и 4 стоянки Иркана 4

Table 1

Stratigraphy in the area of test pits No. 3 and 4 of the Irkana 4 site

№	Слой	Мощность в м
1	Почвенно-растительный горизонт серовато-бурого цвета – распашка	0,20–0,35
2	Супесь пылеватая светло-серого о цвета	вскрыта на 0,30

склоне, возвышающемся на 2–3 м над уровнем озера. Территория в районе памятника покрыта травянистой растительностью. К югу от него локализуется березовый перелесок, за которым находится низкий заболоченный берег озера. С востока на запад территорию стоянки пересекает проселочная дорога, следующая вдоль северо-западного берега Ирканы и по левому берегу р. Срамная.

В колее проселочной дороги и возле нее в 1989 г. обнаружен подъемный археологический материал. Среди находок фрагмент венчика от сосуда закрытой формы. Сам венчик прямой формы, оформлен в виде выступающего наружу карниза. Верхняя часть сосуда орнаментирована двумя налепными, треугольными в сечении, горизонтальными валиками. Под верхним валиком отмечен ряд круглых вдавлений. Между валиками фиксируются затертые оттиски шнура (рис. 4.4). Также в составе коллекции 5 фрагментов гладкостенной керамики, один из которых орнаментирован прочерченной линией (рис. 4.7), и скребок аморфной формы из кварцита (рис. 4.8).

В окрестностях села Кумора известно 6 археологических объектов (рис. 1). Практически все они концентрируются вдоль левого берега протоки Харчевка и лишь стоянка Кумора 1 удалена от нее более чем на 0,5 км.

Стоянка **Кумора 1** располагается в 360 м к югу от с. Кумора, у северного подножия г. Черной (Илакон), в 510 м к юго-востоку от протоки Харчевка.

[10] Цыбиктаров А.Д. Отчет о полевых исследованиях летом 1978 г. на Северном Байкале. Архив ИА РАН. Р. 1. № 7413. Улан-Удэ, 1979.

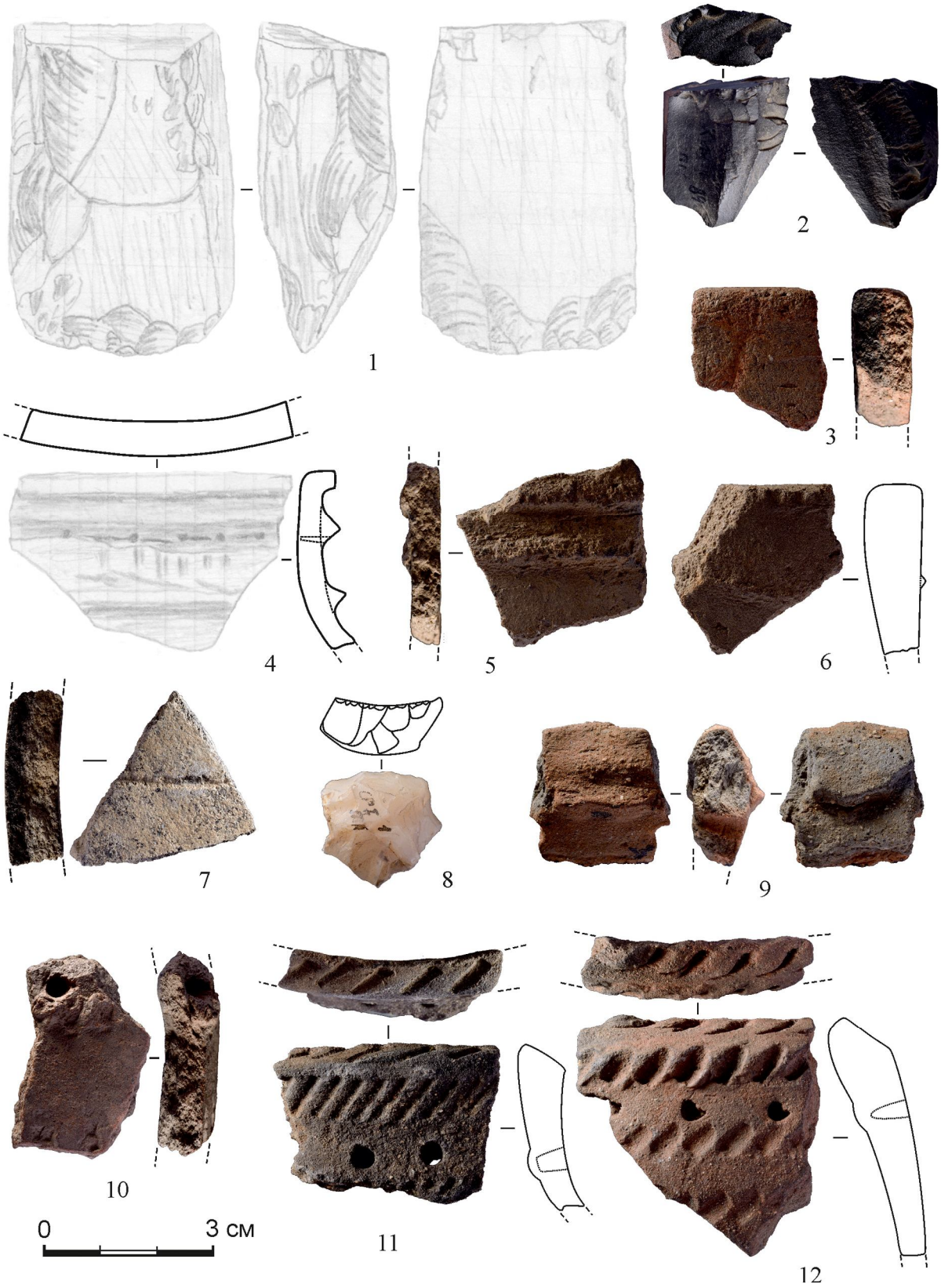


Рис. 4. Подъемный археологический материал: *1–3, 5, 6 – Кумора 1; 4, 7, 8 – Усть-Срамная; 9–12 – Чумбуки 1. 1, 2, 8 – камень; 3–7, 9–12 – керамика*

Fig. 4. Lifting archaeological material: *1–3, 5, 6 – Kumora 1 site; 4, 7, 8 – Ust-Sramnaya site; 9–12 – Chumbuki 1 site. 1, 2, 8 – stone; 3–7, 9–12 – ceramics*

Рис. 5. *1–3 – рисунки трех нефритовых рубящих орудий, найденных жителями с. Кумора в разное время (последняя страница альбома, составленного Н.В. Бураевым); 4, 5 – фрагменты керамических сосудов со стоянки Ченча 1, подъемный материал*

Fig. 5. *5. 1–3 – drawings of three jade chopping tools found by residents of the Kumora village at different times (the last page of the album, compiled by N. V. Buraev); 4, 5 – fragments of ceramic vessels from the Chencha 1 site , lifting material*

В 1989 г. на стоянке археологами Новостроечного отряда Бурятского педагогического института собрано 11 фрагментов гладкостенных керамических сосудов (рис. 4.3, 5, 6), и фронтальный обломок призматического нуклеуса из кремнистой породы (рис. 4.2). Подъемный археологический материал обнаружен на пашне, которая примыкает к березовому лесу и находится на высоте 24–26 м от уровня реки. Небольшой березовый перелесок узкой полоской с востока отделяет территорию, на которой обнаружены находки, от других участков поля.

Стоянка **Кумора 2** располагается в 280 м от пос. Кумора по азимуту 60°, на первой надпойменной террасе, возвышающейся над долиной р. Котеры. Подъемный археологический материал, включающий несколько фрагментов гладкостенной керамики, был собран в 1989 г. В.И. Ташаком и Э.Р. Гречищевым в колее проселочной дороги, идущей вдоль изгороди аэропорта в сторону Уптинского озера, в 50 м к юго-востоку от края террасы. Территория в районе стоянки покрыта луговыми ассоциациями растений.

Стоянка **Кумора 3** находится на юго-западной окраине поселка Кумора, на террасовидном северном склоне г. Черной (Илакон), в 110 м к юго-востоку от берега протоки Харчевка, на высоте 12–16 м от её уровня. Подъемный материал, представленный несколькими фрагментами гладкостенной керамики, был собран в 1989 г. В.И. Ташаком и Э.Р. Гречищевым в огороде размером 20 х 56 м, по периметру которого установлена деревянная изгородь. Огород ориентирован по линии с азимутом 70°. С северо-востока к нему ведет тропинка, отходящая от проселочной дороги, следующей вдоль левого берега Харчевки из Куморы до озера Чумбуки. Вероятно, территория стоянки включает и участки, примыкающие к нему со всех четырех сторон и, прежде всего, с восточной и западной. Между огородом и дорогой располагается деревянная изгородь, проходящая вдоль склона горы. С южной и восточной стороны к территории стоянки подступает сосновый лес, включающий и отдельные березы.

Стоянка **Уптинское озеро 1** локализуется в 1,3 км от пос. Кумора по азимуту 46°, на мысу, вдающемся с южной стороны в Уптинскео озеро. Археологический материал, представленный кварцитовыми и кремневыми отщепами, собран в 1989 г. В.И. Ташаком и Э.Р. Гречищевым на 1–2 метровой распаханной террасе, в 30–50 м от заболоченного берега озера. Между ним и пашней расположен березово-осиновый перелесок. В 50 м к юго-востоку от стоянки проходит проселочная дорога, следующая из Куморы.

Стоянка **Уптинское озеро 2** находится в 1,7 км от пос. Кумора по азимуту 50°, на мысу, вдающемся с восточной стороны в Уптинское озеро. Археологический материал представлен кварцитовыми отщепами, обломком кремневого остроконечника и фрагментами гладкостенной керамики. Он собран в 1989 г. В.И. Ташаком и Э.Р. Гречищевым на 1–2-метровой распаханной террасе, в 25–40 м от заболоченного берега озера. Между ним и пашней с северной и южной сторон расположены березово-осиновые перелески. К западу от пашни находится луг. С южной, западной и северной сторон по периметру пашни проходит проселочная дорога.

Стоянка **Усть-Харчёвка** расположена в 2,8 км к западу от пос. Кумора на западном приустьевом мысу р. Харчёвки (при впадении ее в р. Котеру). Сам мыс имеет вид равнобедренного треугольника, врезающегося вершиной в р. Котеру. Гипсометрические отметки мыса в основании «треугольника» достигают 13–15 м, затем постепенно понижаются к его «вершине». Место это не залесено, не подтопляемо и пользуется большой популярностью как у местных, так и у заезжих рыболовов – именно потому, что весьма благоприятно для организации бивака (лагеря), не говоря уже о самой рыбалке (рис. 6.1).

Археологический материал собран в 2015 г. Д.Е. Кичигиным, Ю.А. Емельяновой и Г.Л. Ивановым на протяжении всего мыса в обнажениях проселочных дорог, в береговых обнажениях и в грунте из мусорных ям. Находки представлены 7 фрагментами различной по составу и цвету керамики (небольшие фрагменты без какого-либо орнамента), 6 отщепами и сколами из кремня, 3 фрагментами призматических пластин из кремня и халцедона: 1 дистальный и 2 медиальных сегмента (рис. 6.2). В северо-западной части мыса произведена зачистка берега, стратиграфия которой приводится ниже (табл. 2).

К сожалению, зафиксировать стратиграфическое положение археологического материала не удалось. Предварительно стоянка датируется широким хронологическим диапазоном – от неолита до железного века.

В окрестностях деревни Ченча, в которой в настоящее время не проживает постоянное население, известно 6 археологических объектов. Три из

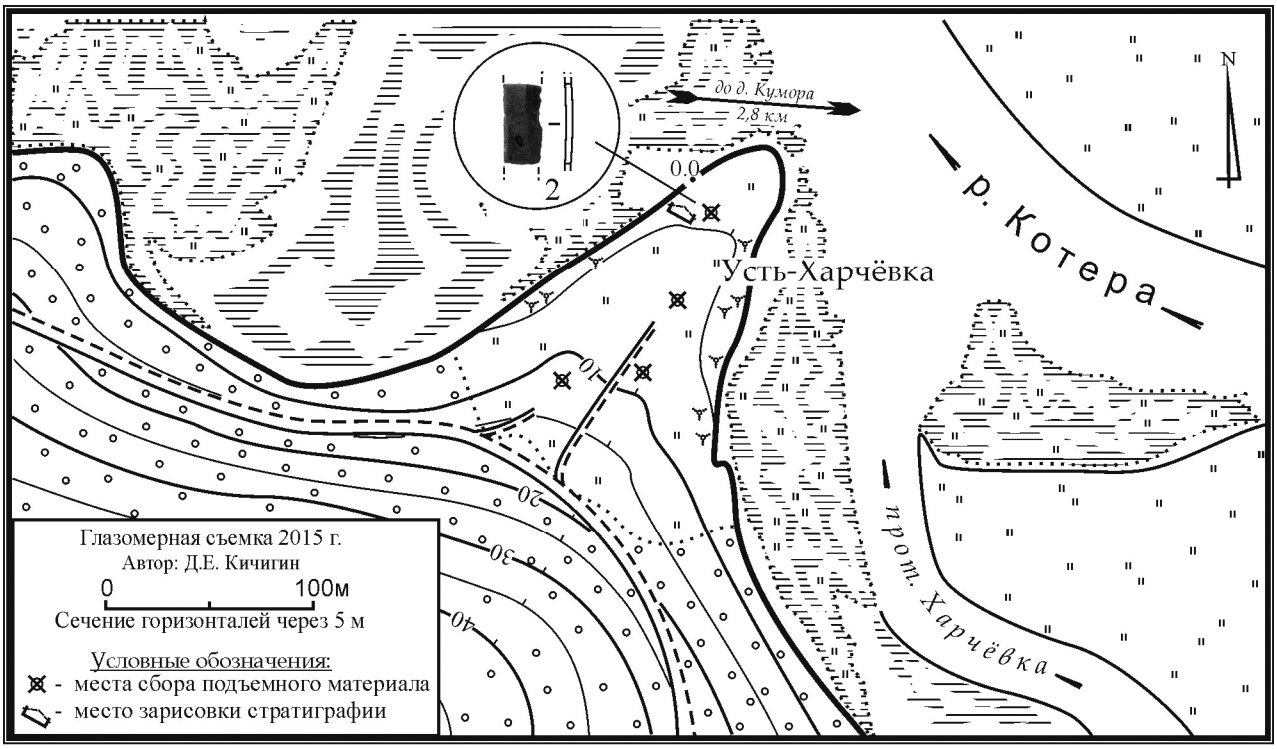


Рис. 6. Стоянка Усть-Харчёвка: *1 – топографический план; 2 – кремневая пластина, подъемный материал*
Fig. 6. Ust-Kharchevka site: *1 – topographic plan; 2 – flint plate, lifting material*

Таблица 2

Стратиграфия береговых отложений на стоянке Усть-Харчевка

Table 2

Stratigraphy of coastal deposits at the Ust-Kharchevka site

№	Слой	Мощность в м
1	Почвенно-растительный горизонт темно-серого цвета – дерн	0,03–0,04
2	Супесь пылеватая светло-серого цвета	0,05–0,10
3	Супесь светло-бурого цвета	0,10–0,20
4	Супесь светлого серо-коричневого цвета	вскрыта на 0,20

них располагаются вблизи деревни и три – по берегам озера Чумбуки (рис. 1).

Стоянка **Ченча 1** находится в 12,4 км от пос. Кумора по азимуту 314° на левом берегу р. Котеры, на месте д. Ченча. Стоянка располагается на надпойменной террасе высотой около 7–9 м, которая в настоящее время активно разрушается водами реки. Здесь же находится два пастушеских дома и телятник. Один из домов располагается на высоте 10 м от уровня реки, к западу от спуска шириной 8–15 м, ведущего к берегу Катеры. Западный борт спуска образован выдвинутым к реке мысовидным выступом размером 30 х 30 м. Береговой склон к юго-западу от выступа более пологий, вдоль него к реке подходит несколько оврагов. В 1978 году А.Д. Цыбиктаровым и Л.В. Тиваненко сборы подъемного материала производились вдоль берега на протяжении 35–45 м. Культурный слой во многих местах нарушен следами старых домов, остатками ям и т. д. В 40 м к юго-западу от дома, в котором проживали пастухи, с целью выяснения условий залегания культурного слоя, у обрывистого края склона заложен шурф размером 1 х 1 м. Рыхлые отложения в районе шурфа нарушены остатками двух ям. В районе шурфа зафиксирована следующая стратиграфия (табл. 3).

Таблица 3

Стратиграфия в районе шурфа на стоянке Ченча 1

Table 3

Stratigraphy in the area of the test pit at the Chencha 1 site

№	Слой	Мощность в м
1	Гумус	0,03–0,04
2	Желтый суглинок с остатками древесного тлена и включениями культурного слоя	0,05–0,25
3	Черный суглинок (культурный слой)	0,09–0,10
4	Красный суглинок	0,20
5	Желтый суглинок	0,15–0,30
6	Светло-желтый суглинок	вскрыта на 0,20

В 1989 г. исследования на стоянке Ченча 1 проведены В.П. Коневым и А.В. Харинским. Археологический материал собирался вдоль края террасовидного склона на протяжении 120 м. Среди находок было два фрагмента венчиков от гладкостенных керамических сосудов, орнаментированных по внешнему краю налепным валиком. У одного из венчиков он рассечен поперечными вдавлениями треугольного в сечении орнаментира (рис. 5.4). У другого фрагмента такие вдавления отсутствуют (рис. 5.5). В юго-западной части стоянки, где склон, спускающийся к реке, становится более крутым, в западной стенке оврага сделана зачистка. Археологический материал залегал в слое серого суглинка мощностью 7–11, на глубине 23–28 см.

Стоянка Ченча 2 расположена в 12,8 км от пос. Кумора по азимуту 312° на левом берегу р. Котеры, в 570 м от д. Ченча по азимуту 255°, в местности Икан луг. Памятник расположен на высотных отметках 2–10 м от уровня р. Котеры, в лощине, ориентированной по линии север – юг, по бортам которой растет сосновый лес. Берег реки зарос кустарником. На восточном борту лощины в 1989 г. В.П. Коневым и А.В. Харинским заложен шурф размером 1 х 1 м, ориентированный стенками по сторонам света. Стратиграфия шурфа представлена следующими отложениями (табл. 4).

Таблица 4

Стратиграфия в районе шурфа № 1 стоянки Ченча 2

Table 4

Stratigraphy in the area of test pit No. 1 of the Chencha 2 site

№	Слой	Мощность в м
1	Серая супесь	0,15–0,20
2	Светло-желтая супесь с редкими включениями дресвы	вскрыта на 0,30

Юго-восточным углом шурфа была вскрыта часть ямы блюдцевидной формы, глубиной более 25 см. Она заложена из основания серой супеси и сверху перекрывалась угольной прослойкой мощностью до 2 см. Нижняя часть ямы заполнена углем, образовывавшем слой мощностью до 15 см. Заполнение средней части ямы представлено желтой супесью.

В шурфе на глубине 5–12 см в слое серой супеси найдены фрагменты пережженных костей животных и гладкостенных плоскодонных керамических сосудов. Такая же керамика обнаружена в колее дороги, идущей в деревню. В кровле слоя светло-желтой супеси на глубине 16–25 см зафиксирован второй слой находок, включающий кремневый отщеп и пережженную кость.

На западном борту луга в молодом сосняке заложен второй шурф 1 х 1 м, но в нем не был обнаружен археологический материал.

Стоянка Ченча 3 расположена в 12,5 км от пос. Кумора по азимуту 314°, на северной окраине д. Ченча, в 50 м к северо-западу от изгороди телятника, в 160 м к северу от реки, на высотных отметках 36–42 м. В юго-восточной части стоянки в 1989 г. В.П. Коневым и А.В. Харинским заложен шурф 1 х 1 м, ориентированный стенками по сторонам света. В слое серого суглинка (перепашка) мощностью 18–25 см, на глубине 13 см от поверхности земли обнаружен фрагмент гладкостенной толстостенной керамики. В нижележащем слое светло-желтого суглинка археологический материал не зафиксирован.

Еще одна группа археологических объектов располагается в 2–3 км к югу от деревни Ченча на берегах озера Чумбуки (Мокля).

Стоянка Чумбуки 1 находится в 11 км от пос. Кумора по азимуту 307°, на северном берегу озера Чумбуки, в районе протоки, соединяющей озеро с р. Котерой. Стоянка локализуется в южной части мыса, в восточной части которого находятся три холма, образующие единую гряду высотой 6–12 м (высоты от уровня оз. Чумбуки). В западной части гряды располагается холм высотой 6–9 м, в центре – лощина высотой 4–5 м. Лощина поросла сосновым лесом, холмы не залесены (рис. 7). В 1975 г. А.П. Деревянко и А.И. Мазиным в восточной части памятника заложено 2 шурфа размером 1 х 1 м, ориентированные стенками по сторонам света. Расстояние между ними составило 30 м. В 200 м к западу от западного из шурфов (№ 2), в ложбине заложен еще один шурф 1,0 х 1,5 м. Обнаруженный на стоянке археологический материал представлен костяными наконечниками стрел, керамикой и костями животных.

В 1998 г. В.П. Коневым и А.В. Харинским на стоянке заложено 2 шурфа размером 1 х 1 м. Шурф № 1 располагался в восточной части памятника между двумя восточными вершинами, в 10 м к западу от шурфа № 1 1975 г. Стратиграфия шурфа выглядела следующим образом (табл. 5).

На глубине 20 см в гумусированной прослойке обнаружено несколько фрагментов кости и керамической посуды. Один из них орнаментирован узким налепным валиком, рассеченным гребенчатыми вдавлениями с треугольными зубцами. Выше валика расположено круглое вдавление, а ниже валика идет ряд вертикальных гребенчатых вдавлений (рис. 4.10).

Второй шурф заложен в средней части памятника – в лощине, тянущейся на 80 м вдоль озера. Он располагался в 5 м к северо-востоку от шурфа № 3 1975 г. В гумусированном слое на глубине 20–25 см в шурфе обнаружено 6 фрагментов керамики и уголь. Керамика гладкостенная. Условия её залегания и внешний вид позволяют говорить о хронологической и культурной близости материалов из двух шурфов.

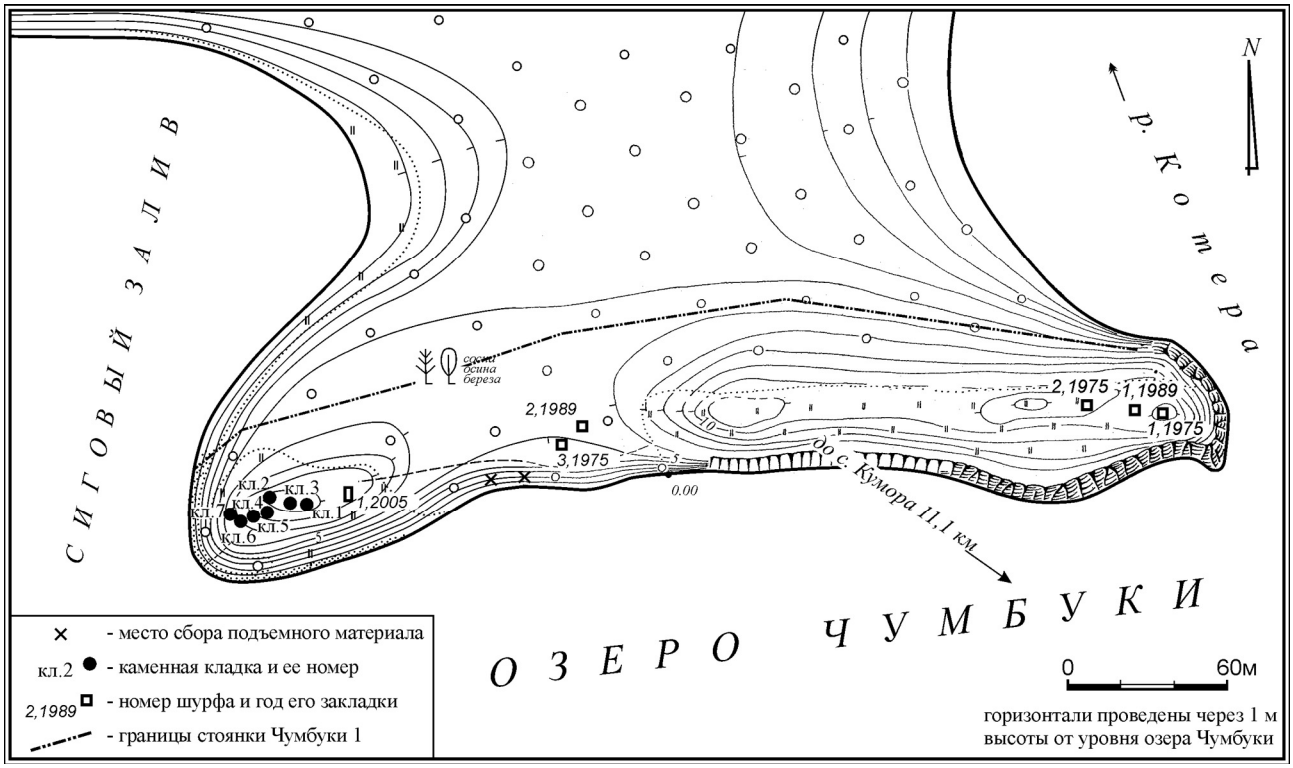
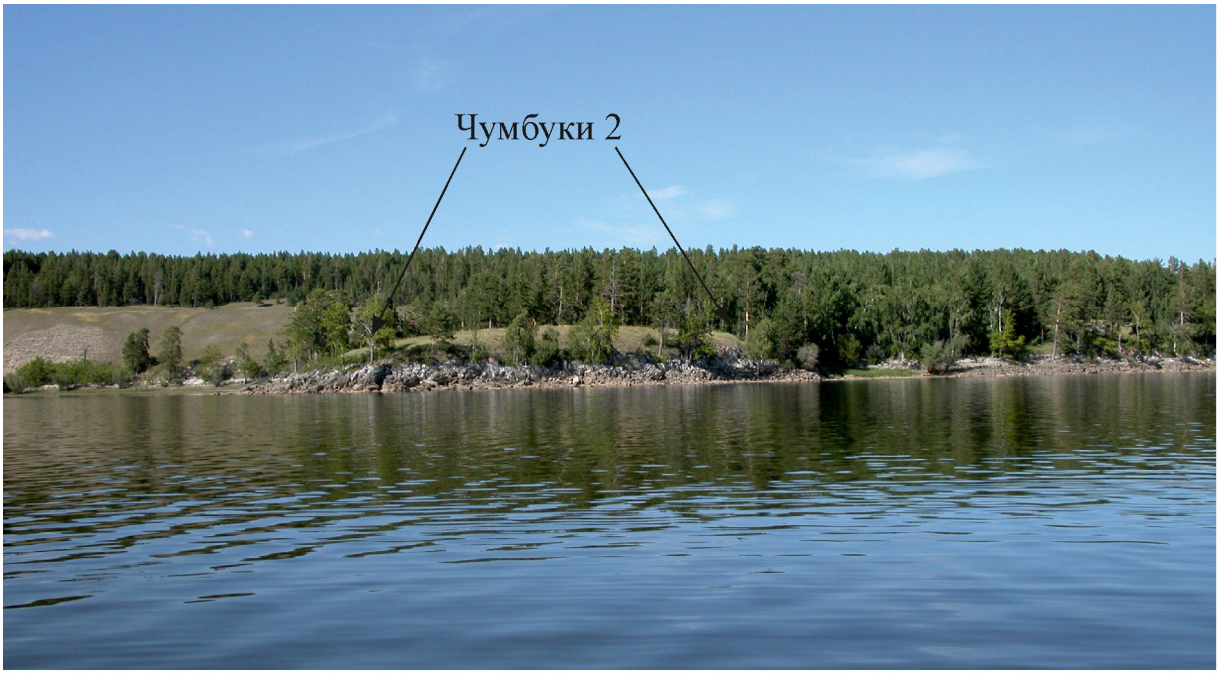


Рис. 7. План стоянки Чумбуки 1
Fig. 7. Plan of the Chumbuki 1 site



1

2

Рис. 8. Могильник Чумбуки 2: *1 – вид с юга; 2 – вид с северо-запада*
Fig. 8. Chumbuki 2 cemetery: *1 – view from the South; 2 – view from the Northwest*

Таблица 5

Стратиграфия в районе шурфа № 1 1998 г. стоянки Чумбуки 1

Table 5

Stratigraphy in the area of test pit No. 1 1998 of the Chumbuki 1 site

№	Слой	Мощность в м
1	Дерн	0,04–0,05
2	Гумусированная прослойка	0,02–0,03
3	Серая супесь	0,13–0,14
4	Гумусированная прослойка (культурный слой)	0,02–0,03
5	Светло-серая супесь, имеющая на некоторых участках следы прокала оранжево-бурого цвета	0,11–0,15
6	Серо-зеленый суглинок	вскрыта на 0,18

В 2005 г. в восточной части холма, расположенного в западной части стоянки, А.В. Харинским и Г.К. Рыковым заложен шурф 1 х 2 м, ориентированный длинными сторонами по линии север – юг (рис. 9). Стратиграфия шурфа выглядела следующим образом (табл. 6):

Таблица 6

Стратиграфия в районе шурфа № 1 2005 г. стоянки Чумбуки 1

Table 6

Stratigraphy in the area of test pit No. 1 2005 of the Chumbuki 1 site

№	Слой	Мощность в м
1	Дерн	0,05–0,07
2	Темно-серая гумусированная супесь (культурный слой)	0,04–0,05
3	Серо-желтый суглинок	0,03–0,14
6	Желтый суглинок с дресвой	вскрыта на 0,45

В южной части шурфа на глубине 30 см зафиксировано скальное основание. В слое темно-серой супеси на глубине 7–9 см от поверхности земли, в южной части шурфа обнаружено 3 фрагмента керамики с оттисками шнура (рис. 13.7), один гладкостенный фрагмент, кремневый отщеп, фрагмент кости животного и металлическая игла длиной 4 см, толщиной у ушка 3 мм (рис. 13.6).

В береговых обнажениях на территории памятника собрано несколько фрагментов керамики. Среди них встречены три венчика керамических сосудов:

1. Фрагмент венчика сосуда овальной формы, внешняя поверхность которого украшена горизонтальным налепным валиком, треугольным в сечении (рис. 4.9).

2. Фрагмент венчика овальной внешне асимметричной формы от гладкостенного сосуда профилированной формы. Венчик слегка отогнут наружу, срез орнаментирован наклонными, параллельными друг другу штамповыми оттисками орнаментира с прямым окончанием. Внешняя поверхность сосуда орнаментирована как минимум двумя горизонтальными рядами наклонных, параллельных друг другу вдавлений того же орнаментира. Межу рядами штамповых оттисков располагается ряд округлых вдавлений (рис. 4.11).

3. Фрагмент венчика овальной внешне асимметричной формы от гладкостенного сосуда простой закрытой формы. Срез венчика орнаментирован наклонными оттисками ногтевых вдавлений. В процессе орнаментации среза от пальцевого нажима образовался небольшой карниз, который был украшен оттисками наклонных, параллельных друг другу штамповых вдавлений, выполненных орнаментиром с овальным окончанием. Ниже располагается горизонтальный ряд округлых вдавлений, под ним еще два горизонтальных ряда наклонных штамповых вдавлений (рис. 4.12).

Стоянка Чумбуки 3 расположена на западном берегу одноименного озера в 11,2 км от пос. Кумора по азимуту 300° и в 3,1 км к югу от пос. Ченча. Стоянка локализуется на пологом берегу озера у кромки леса. Вдоль берега озера, с запада на восток, проходит проселочная дорога. В 2005 г. в 25 м от береговой линии и в 1,5 м над уровнем воды, в колее дороги, проходящей вдоль берега, Ю.А. Емельяновой, Г.К. Рыковым и А.В. Харинским собран подъемный археологический материал. Он

представлен фрагментами гладкостенной керамики и кремневыми отщепами (общее количество находок 116 экземпляров). Из них: гладкостенной керамики – 103 экз., вероятно, от трех сосудов; кремневые отщепы без подработки – 8 экз.; фрагменты трубчатых костей животных – 5 экз. Сосуды со стоянки Чумбуки 3 гладкостенные, имели плоское дно и прямой венчик (рис. 13.8). У одного из сосудов сохранилось дно. Его диаметр 12 см. Толщина стенок сосудов колеблется от 3 мм до 1 см. Второй сосуд имеет прямоугольный в сечении венчик, по верхнему краю которого нанесены наклонные вдавления, выполненные приостренной лопаточкой. У третьего сосуда устье отсутствует, венчик прямоугольной формы без орнамента. Все находки залегали в супеси желто-серого цвета (Емельянова, 2006)[11].

Могильник Чумбуки 2

Могильник Чумбуки 2 располагается в 11,1 км к северо-западу от с. Кумора по азимуту 306° и 2 км к югу от с. Ченча, на северном берегу оз. Чумбуки. Археологический объект открыт в 1989 г. В.П. Коневым и А.В. Харинским, во время археологической разведки в окрестностях с. Ченча. Могильник находится в западной части мыса, омываемого с запада водами Сигового залива, а с востока р. Котерой. Он охватывает западную часть незалесенного холма и его западный склон. К востоку от холма располагается покрытая лесом лощина, отделяющая западную и восточную возвышенные части мыса друг от друга. К северу от мыса находится перешеек высотой до 4 м, соединяющий мыс с грядой холмов, тянущихся вдоль северного берега озера. Холм, на котором располагается могильник, размером 30 х 70 м. Он ориентирован по азимуту 80°. Наибольшая его высота – 9 м над уровнем озера фиксируется в западной части. У юго-западного, западного и северо-западного подножия холма располагается перелесок шириной 10–15 м, отделяющий его от берега озера (рис. 8).

На памятнике отмечено 7 каменных надмогильных кладок овальной кольцевой формы размером от 1,8 х 3,0 до 2,7 х 3,2 м (рис. 9). Преимущественная ориентировка кладок по линии восток – запад. Они расположены компактно, на расстоянии 1,7–3,5 м. друг от друга. Кладка № 1 находилась в центральной части холма на высоте 9 м и была вскрыта в 1997 г. Кладка № 2 располагалась в 11 м к западу от неё, на высоте 9 м и была исследована в 2005 г. В 2 м к западу от кладки № 1 и в 5 м к востоку от кладки 2 находилась кладка № 3. Она кольцевой формы, диаметром 2,8 м, сложена из одного ряда камней. Их размеры от 15 х 25 см до 15 х 45 см. В центре конструкции фиксируется земляная западина овальной формы размером 1,5 х 1,1 м, ориентированная по линии запад – восток. Кладка № 4 локализовалась в 3,5 м к югу от кладки № 2. Она кольцевой овальной формы, размером 2,2 х 2,9 м, ориентирована по линии север – юг. Конструкция сложена из камней размером от 15 х 25 см до 40 х 65 см. У трех последующих кладок схожие размеры камней. Кладка № 5 находилась в 3 м к западу от кладки № 4. Она кольцевой овальной формы, размером 1,8 х 3,0 м, ориентирована по линии запад – восток. Кладка № 6 располагалась в 3 м к западу от кладки № 5. Она кольцевой овальной формы, размером 2,3 х 3,4 м, ориентирована по линии запад – восток. Кладка № 7 находилась в 1,7 м к северо-западу от кладки № 6. Она овальной плоской формы, размером 2,1 х 2,9 м, ориентирована по линии юго-запад – северо-восток.

В 1997 г. на месте кладки № 1 был заложен раскоп размером 3 х 3 м, ориентированный стенками по сторонам света. Результаты раскопок этого захоронения были частично опубликованы в 1998 г. (Харинский, Сидорчук, 1998).

Надмогильная кладка овальной кольцевой формы, размером 2,5 х 3,0 м (рис. 10.1), ориентирована длинной осью по линии ЮЗ – СВ. Камни уложены не плотно и, вероятно, утратили свое первоначальное положение еще в древности. Их размеры от 8 х 15 до 26 х 57 см. Меньше всего камней зафиксировано в центральной части конструкции. Отсюда камни извлекались и отбрасыва-

[11] Емельянова Ю.А. Отчет об археологических исследованиях в районе пос. Кумора в 2005 г. (Северобайкальский район, Республика Бурятия). Иркутск, 2006. 25 с.

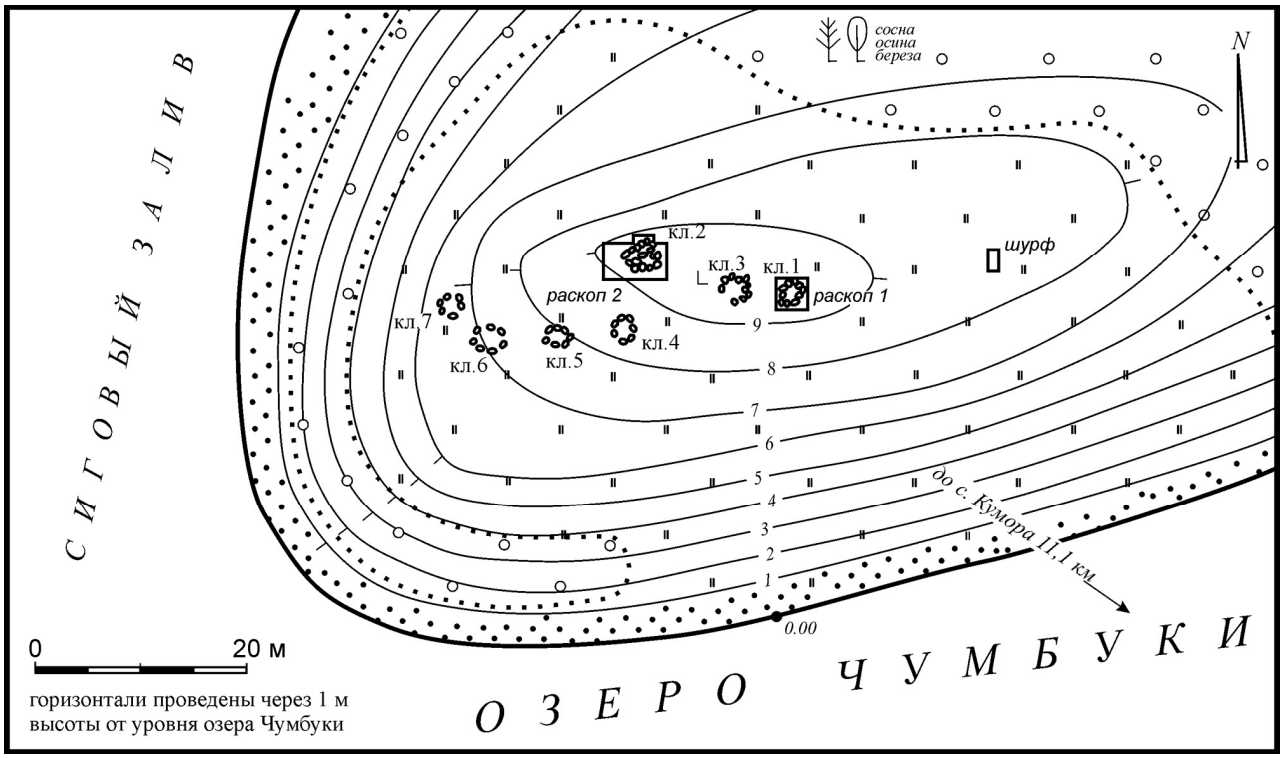


Рис. 9. План могильника Чумбуки 2
Fig. 9. Plan of the Chumbuki 2 cemetery

лись на периферию конструкции древними грабителями. Между камней кладки на глубине 7–12 см от поверхности земли, под дерном найдены фрагменты костей животных, керамика с оттисками шнура, кремневые отщепы, древесные угли. В юго-восточной части раскопа на глубине 10 см фиксируется скальный выход.

Под восточной частью кладки обнаружено пятно прокала оранжевого цвета, размером 1,3 х 1,6 м. Оно ориентировано длинной осью по линии север – юг. В пятне отмечены включения древесных углей и фрагментов древесины.

Под северо-восточной частью кладки фиксируется надмогильное перекрытие овальной формы, размером 1,1 х 1,9 м, ориентированное длинной осью по линии ЮЗ – СВ (рис. 10.2). Оно состоит из уложенных в один слой камней размером от 11 х 15 см до 38 х 60 см. На глубине 20–25 см от поверхности земли отмечены следы могильной ямы овальной формы, размером 0,7 х 1,6 м, ориентированной по линии 76°. Глубина ямы 30 см. На дне могильной ямы обнаружена внутримогильная конструкция, представленная берестяным чехлом. Сохранились его западная и частично центральная части. Размеры чехла 0,4 х 1,4 м, толщина 10–12 см. Он сшит из двух слоев бересты. Внутренний слой ориентирован поперек длинной оси чехла, а внешний слой перпендикулярно ему. Внутри берестяного чехла, поверх костей погребенного, располагались поперечно уложенные жердочки. Они находились на расстоянии 5–6 см друг от друга. Длина жердей 30 см, диаметр 4 см. Возможно, они служили распорками внутри чехла и изнутри крепились к нему.

Останки умершего находились внутри берестяного чехла, на глубине 28–30 см от поверхности земли (рис. 10.3, 4). Первоначально погребенный располагался вытянуто на спине и был ориентирован верхней частью туловища по линии с азимутом 76°. Анатомический порядок сохранили берцовые кости и кости стоп. Верхняя и средняя часть позвоночника с ребрами, ключицы и лопатки были, по всей видимости, смещены вправо уже после разложения мягких тканей. Судя по костяку, в могиле захоронена девушка (juvenis).

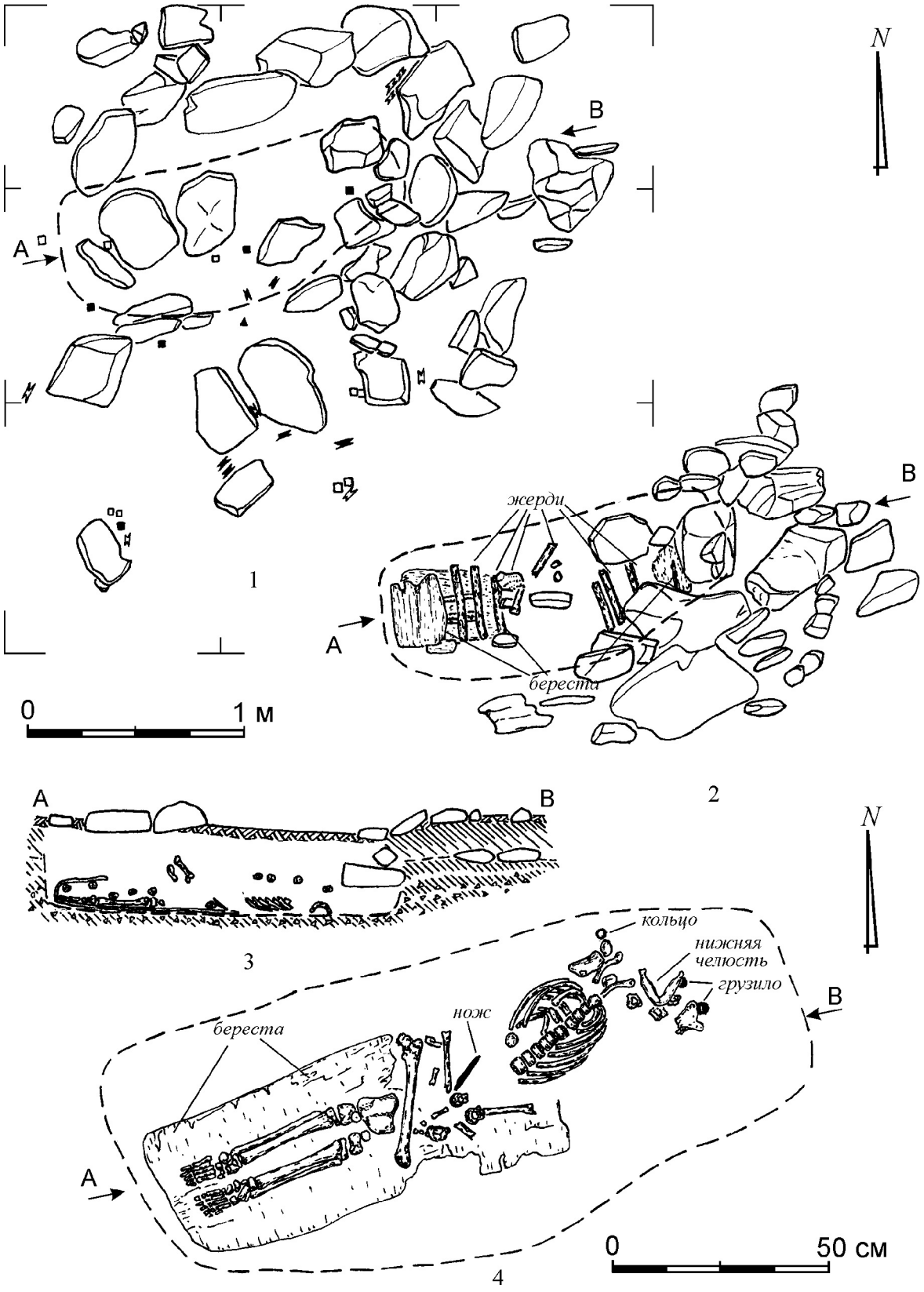


Рис. 10. Чумбуки 2, погребение № 1: *1 – каменная надмогильная кладка после расчистки; 2 – надмогильное перекрытие; 3 – продольный разрез захоронения; 4 – останки погребенного*

Fig. 10. Chumbuki 2 cemetery, grave No. 1: *1 – stone structure over the grave after clearing; 2 – grave overlap; 3 – longitudinal section of the burial; 4 – remains of the buried*

Левая бедренная кость погребенной располагалась поперек могилы. Ее дистальный эпифиз находился на 10 см выше проксимального. В средней части берестяного пакета найдены локтевые кости и позвонки. Череп отсутствовал. Нижняя челюсть располагалась к востоку от левой ключицы и была развернута ветвями вниз.

У правой лопатки погребенной найдено железное кольцо диаметром 2 см (рис. 13.3). В средней части берестяного чехла обнаружен железный черешковый нож длиной 9,3 см (рис. 13.2). Черешок ножа является продолжением его обушка. С одной из сторон черешка сохранились остатки костяной ручки. Нож располагался острием вниз и ориентирован по линии ЮЗ – СВ.

В северо-восточной части могильной ямы найдено округлое глиняное изделие, расколотое на две части (рис. 13.1). Одна из частей лежала возле левой лопатки, а другая под нижней челюстью. Диаметр изделия 5 см. В поперечном сечении оно имеет вид овала шириной 3,2 см. Посредине изделие имеет отверстие диаметром 0,9 см с одного края и 1,1 см с другого края. Возможно, обнаруженное изделие из глины использовалось как грузило.

В 2005 г. исследования на могильнике были продолжены А.В. Харинским, Ю.А. Емельяновой, Г.К. Рыковым и Ю.Г. Рыковым. На месте кладки № 2 заложен раскоп площадью 18 кв. м, ориентированный стенками по сторонам света. Расчищенная в раскопе кладка овальной кольцевой формы, размером 3,7 х 5,5 м (рис. 11.1; 12.1). Она ориентирована по линии запад – восток. В центре конструкции пространство размером 1 х 2 м практически не содержит камней. Оно вытянутое по линии запад – восток, В западной и восточной частях кольцо кладки образовано 1–3 рядами камней, уложенными в один слой. В южной части кольца камни уложены в 3 ряда, а в северной – в 5 рядов. Их размеры от 10 х 10 см до 50 х 55 см. В западной части раскопа расчищено скальное основание.

В восточной части раскопа под камнями кладки зафиксирована западная часть пятна прокала оранжевого цвета, мощностью до 8 см. В пятне обнаружены 3 фрагмента керамики и фрагмент кости. В его юго-западной части зафиксировано округлое угольное пятно диаметром около 25 см. Еще одно круглое пятно прокала диаметром 50 см обнаружено в северной части раскопа. Между двумя пятнами прокала, на глубине 20 см от поверхности земли, зафиксированы следы могильной ямы овальной формы размером 45 х 140 см, ориентированной по азимуту 96°. Центральную часть ямы перекрывала наклонно расположенная каменная плита размером 25 х 40 см, ориентированная по линии запад – восток. Южный край плиты был углублен в центр ямы, а северный возвышался над ее северным краем. Еще два камня, отделившиеся от скального основания, расчищены у северо-западного края ямы. Более крупный камень размером 20 х 36 см находился южнее, а более мелкий размером 8 х 25 северней.

Захоронение было разрушено еще в древности. Грабители разобрали центральную часть кладки и нарушили положение большей части костей погребенного. Камни из центральной части кладки были перемещены на ее периферию, поэтому она и приобрела вид кольца.

Останки погребенного, помещенного в берестяной чехол, сверху перекрывались продольно уложенными жердями (рис. 11.2; 12.2). Фрагменты двух из них диаметром 5 см сохранились в западной части ямы. Верхняя часть берестяного чехла сохранилась только в районе ног. В других частях костяка отмечается только её нижняя часть. Небольшие фрагменты бересты и жердей фиксируются над человеческими костями в центре могилы.

Первоначально берестяной чехол имел в горизонтальной проекции вид четырехугольного пакета, состоящего из двух слоев бересты. Вдоль нижней части пакета, где должны были размещаться ноги, как и вдоль боковой, проходил шов, соединявший внешнюю и внутреннюю части конструкции вместе. Верхняя часть пакета, где должна была размещаться голова умершего, оставалась открытой. У этой части пакета задняя сторона (к которой должна быть обращена спина погребенного) на 35 см была длиннее, чем передняя (к которой была обращена грудь), напоминая удлиненный карман. Вокруг чехла снаружи нижней и сред-

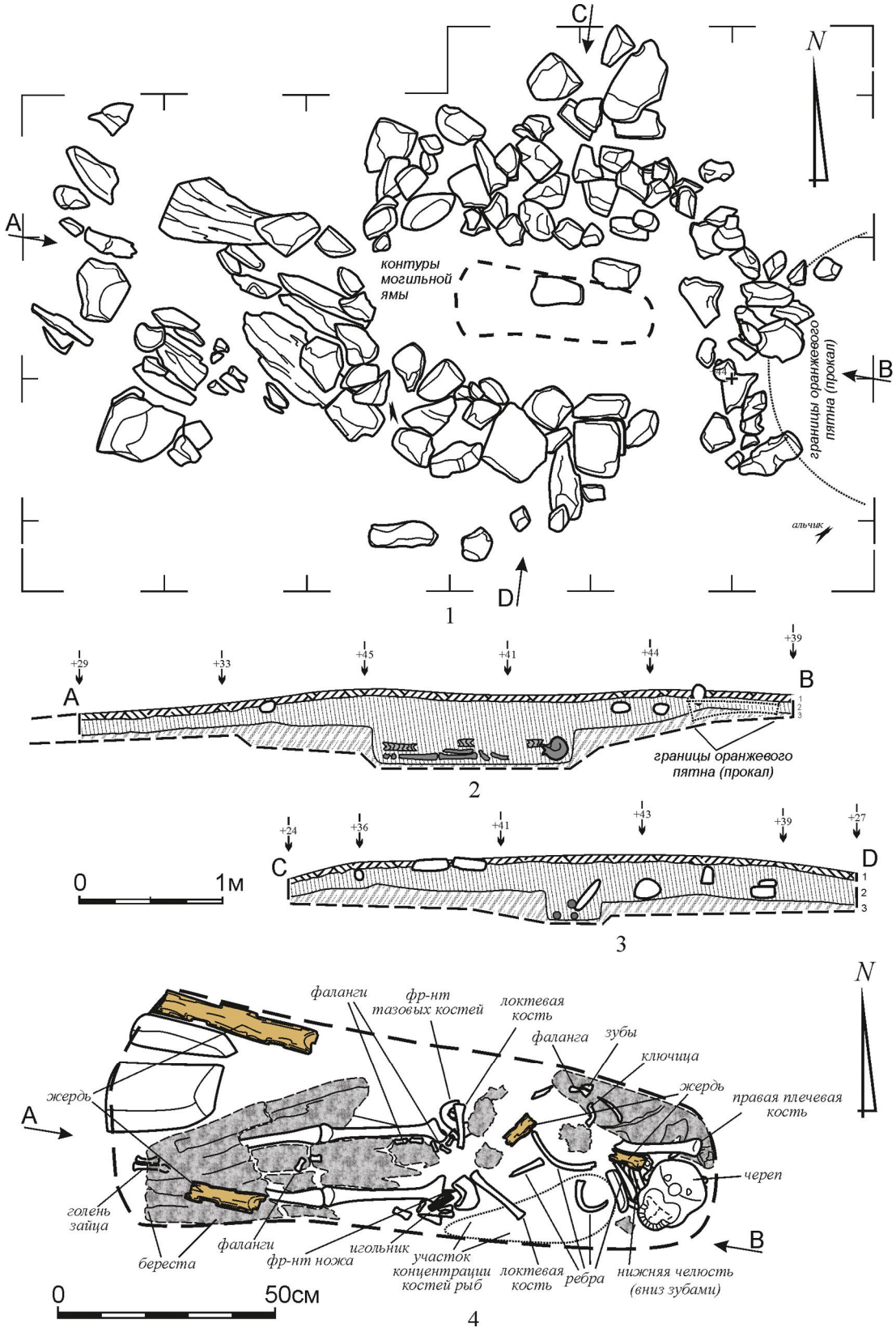


Рис. 11. Чумбуки 2, погребение 2: *1 – каменная надмогильная кладка после расчистки; 2, 3 – продольный и поперечный разрезы захоронения; 4 – останки погребенного*

Fig. 11. Chumbuki 2 cemetery, grave No. 2: *1 – stone structure over the grave after clearing; 2, 3 – longitudinal and transverse sections of the burial; 4 – remains of the buried*

1

2

Рис. 12. Чумбуки 2, погребение 2: *1 – каменная надмогильная кладка после расчистки, вид с востока; 2 – останки погребенного, вид с севера*

Fig. 12. Chumbuki 2 cemetery, grave No. 2: *1 – stone structure over the grave after clearing; 2 – remains of the buried, view from the North*

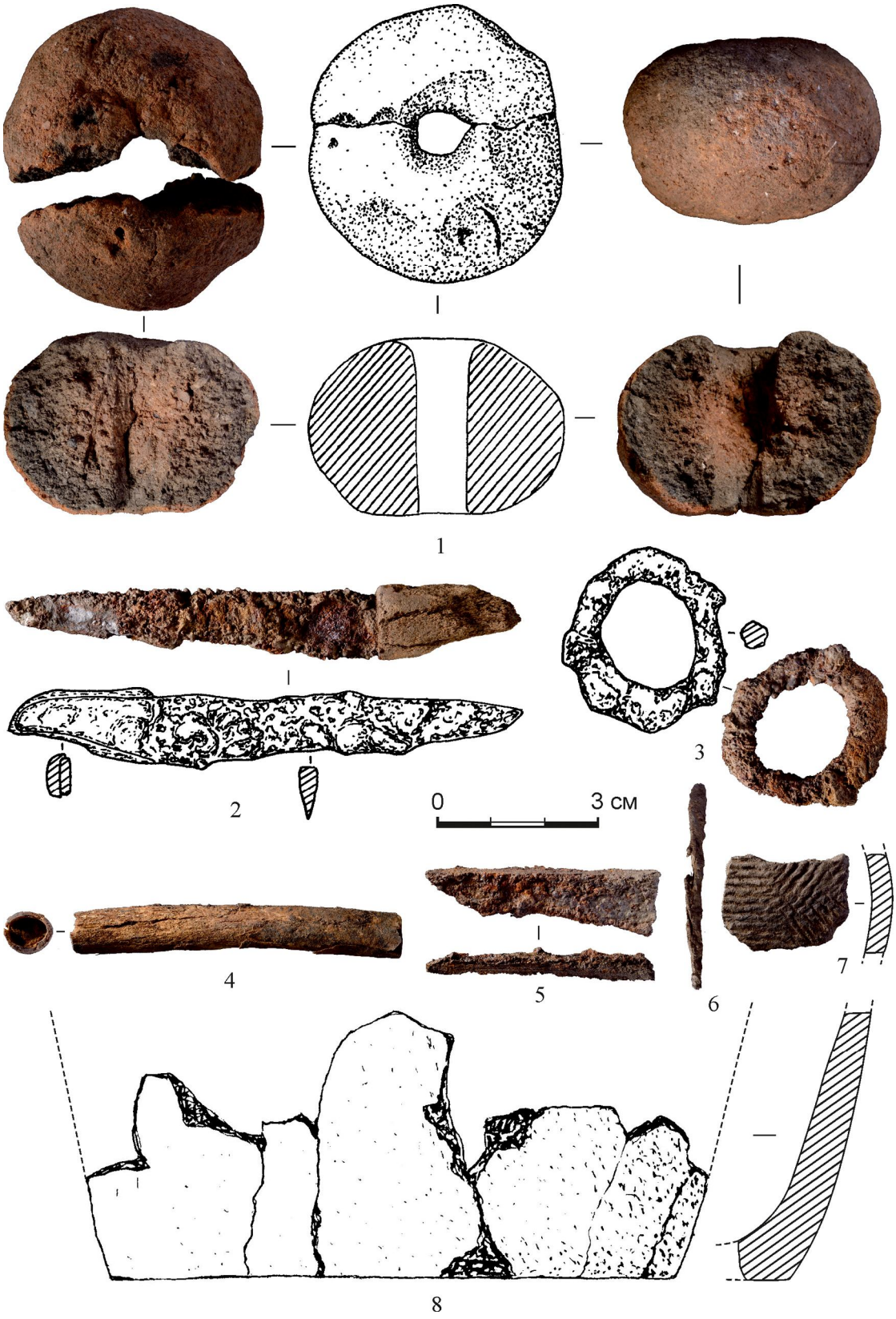


Рис. 13. Археологические находки: *1–5 – Чумбуки 2: 1–3 – погребение 1; 4, 5 – погребение 2; 6, 7 – Чумбуки 1, шурф 2005 г.; 8 – Чумбуки 3, подъемный материал. 1, 7, 8 – керамика; 2, 3, 5, 6 – железо; 4 – кость*
Fig. 13. Archaeological findings: *1–5 – Chumbuki 2 cemetery: 1–3 – grave 1; 4, 5 – grave 2; 6, 7 – Chumbuki 1 site, test pit 2005; 8 – Chumbuki 3 site, lifting material. 1, 7, 8 – ceramic; 2, 3, 5, 6 – iron; 4 – bone*

ней частей нашивался кант шириной 2,5 см. Вероятно, он скреплял между собой слои бересты. Отверстия от «нитей», сохранившиеся на канте, располагались зигзагообразно, примерно через 1 см друг от друга. Умерший помещался в пакет, и первоначально его голова со стороны лица была открыта. Перед помещением в могилу углы задней стороны верхней части пакета загибались внутрь, закрывая лицо умершего. Вначале загибался правый, а затем левый угол пакета. После этого нижний край углов пришивался к передней стороне пакета. Чехол приобретал в горизонтальной проекции вид пятиугольника и помещался в могильную яму глубиной 30 см.

В анатомическом порядке сохранились только кости ног. Судя по ним, погребенный первоначально располагался вытянуто, на спине и был ориентирован головой по азимуту 90°. Остальные кости перемещены. Череп находился в восточной части могилы. Он перевернут теменной частью вниз и обращен лицевым отделом на юго-запад. Нижняя челюсть найдена под черепом, зубами вниз. Она была развернута ветвями на север.

У южной стенки ямы, под фалангами руки обнаружен фрагмент лезвия железного ножа с прямым обушком (рис. 13.5) и игольник из трубчатой кости длиной 6,1 см и диаметром 0,9 см (рис. 13.4). Под западным концом чехла найдены две кости зайца-беляка (Lepus timidus). Южнее лежала берцовая кость, а выше нее бедренная кость с обломанной верхней частью[12]. Возможно, к моменту захоронению они соединялись вместе и были основой одной из наиболее мясных частей этого животного – голени.

У южной стенки могильной ямы был обнаружен фрагмент раковины двухстворчатого моллюска. На дне ямы, в её восточной и южной частях найдены чешуя и кости рыб. Так как в этих частях берестяной чехол сохранился фрагментарно, сложно сказать была ли рыба помещена в него или располагалась под ним, на дне ямы. Преимущественно обнаружены останки окуня, несколько костей карася, арктического гольца и две чешуйки сига (табл. 7). Кости рыб не сохранили анатомического порядка. Возможно, их разобщенность и малое количество свидетельствуют о деятельности грызунов, растащивших останки рыбы вскоре после их помещения в могилу.

Таблица 7

Останки рыб в погребении № 2 могильника Чумбуки 2

Table 7

Fish remains in grave No. 2 of the Chumbuki 2 cemetery

Вид рыбы	Название кости	Возраст (лет)	Количество
Карась *(Carassius carassius)*	ребро (costae)		4
Окунь *(Perca fluviatilis)*	ребро (costae)		2
–	луч спинного плавника		1
–	позвонок (vertebrae)	7	2
–	верхнечелюстная (maxillare)		3
–	предчелюстная (premaxillare)		1
–	Нижнеглоточная кость (os pharyngeum infersius)		1
–	чешуя крупная	6–7	37
–	чешуя мелкая	4–5	103
Сиг – озерно-речной *(Coregonus lavaretus pidschian)*	чешуя	10–12	2
Обыкновенная щука *(Esox lucius)*	позвонки (vertebrae)	3	3

[12] Определение костей проведено заведующей лаборатории геологии кайнозоя Геологического института СО РАН, к. б. н. Федорой Ирдэмовной Хензыхеновой.

Окунь, сиг и карась являются обычными промысловыми видами рыб в озере Байкал и впадающих в него реках (Кожов, Мишарин, 1958; Кожов, Спелит, 1958; Томилов, 1958; Пузип, 1983). С периода неолита они являлись важным продуктом питания обитателей байкальских берегов (Номоконова, Лозей, Горюнова, 2009; Nomokonova, Losey, Goriunova, 2009; Номоконова, Новиков, Лозей, Горюнова, Савельев, Вебер, 2017; Новиков, Мамонтов, Горюнова, 2018).

Зафиксированные во время раскопок первого и второго захоронений прокалы с включениями угля не имеют отношения к захоронениям. Они залегали ниже уровня закладки могил и включали в себя кремневые отщепы и фрагменты керамики с оттисками шнура. Наличие этих артефактов позволяет их датировать второй половиной I тыс. до н. э. и отнести к раннему железному веку. Территория могильника являлась частью стоянки Чумбуки 1, которая была использована для сооружения некрополя.

Обсуждение

Археологические объекты, обнаруженные на территории Верхнеангарской котловины с 1975 по 2015 гг., содержат небольшое количество находок. С одной стороны, это, возможно, указывает на более низкую плотность населения, которая существовала здесь в древности по сравнению с северо-западным побережьем Байкала, а с другой – на слабую изученность этого района и возможность обнаружения здесь в будущем памятников с более представительным набором археологических находок. Но, несмотря на низкую информативность, эти материалы позволили предпринять предварительную культурно-хронологическую характеристику юго-западной части Верхнеангарской котловины и наметить направления будущих археологических исследований.

К числу наиболее ранних находок, обнаруженных в юго-западной части Верхнеангарской котловины, можно отнести тесла, хранившиеся в Куморской школе. Подобные изделия встречались на территории Прибайкалья от неолита до бронзового века (Окладников, 1950; Окладников, 1955). Дать для них более четкую характеристику проблематично, так как достоверно не известно, откуда они происходят и какие другие артефакты были вместе с ними обнаружены. Не исключено, что тесла были найдены в разрушенных погребениях, более детальную информацию о которых у жителей Куморы получить не удалось.

Керамический комплекс со стоянок Верхнеангарской котловины более разнообразен, чем находки из камня. К наиболее ранним керамическим сосудам можно отнести два гладкостенных сосуда со стоянки Чумбуки 1 (рис. 4.11, 12), орнаментированные горизонтальными рядами наклонных, параллельных друг другу штамповых вдавлений, и рядом округлых вдавлений между ними. Подобную керамику, украшенную рядами оттисков орнаментира, с различными рабочими краями (округлый, треугольный, прямоугольный и т. д.), часто интерпретируемых как «отступающая лопаточка», датировать узким хронологическим диапазоном практически не возможно. Такая керамическая посуда отмечена в стояночных комплексах байкальского побережья, датируемых как неолитом, так и бронзовым веком в целом (Свинин, 1976; Горюнова, 1984[13]; Грязнов, Комарова, 1992; Горюнова, Хлобыстин, 1992; Кичигин, 2010; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015).

Фрагмент венчика от сосуда с оттисками шнура, орнаментированный горизонтальными налепными валиками со стоянки Усть-Срамная (рис. 4.4), можно соотнести с поздним вариантом керамики тышкинэ-сеногдинского типа и датировать его ранним железным веком – VI (V) – II вв. до н. э. (Кичигин, 2012[14]; Харинский, Емельянова, Кичигин, 2015). К этому же времени можно отнести гладкостенную керамику, орнаментированную тонкими налепными валиками со стоянки Кумора 1 (рис. 4.5) (Кичигин, 2012)[15].

[13] Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

[14] Кичигин Д.Е. Поздний бронзовый – ранний железный века северо-западного побережья озера Байкал (по материалам стоянок): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2012. 18 с.

[15] Там же.

Фрагмент гладкостенной керамики, орнаментированный налепным рассеченным валиком, со стоянки Чумбуки 1 (рис. 4.10), можно отнести к елгинской керамической традиции, которая бытовала на территории Предбайкалья в течение III в. до н. э. – IV в. н. э. Керамика елгинского типа представлена гладкостенными плоскодонными сосудами, преимущественно орнаментированными налепными горизонтальными валиками, рассеченными вертикальными или наклонными вдавлениями орнаментира (Харинский, 2005. С. 204–207).

Гладкостенные сосуды с плоским дном распространяются на побережье Байкала со второй половины I тыс. до н. э. и бытуют до начала II тыс. н. э. В основном гладкостенная керамика с плоским дном зафиксирована при раскопках погребальных и ритуально-поминальных комплексов Приольхонья и северо-западного побережья Байкала. Причем на ранних стадиях орнаментация этих сосудов довольно разнообразна – налепные рассеченные валики, прочерченный криволинейный орнамент, подковообразные вдавления. С середины I тыс. н. э. преобладают толстостенные сосуды, которые практически не орнаментируются. С некоторой долей условности толстостенные сосуды с гладкой поверхностью со стоянок Ченча 1 (рис. 5.4, 5), Кумора 1 (рис. 4.3, 6), Усть-Срамная (рис. 4.7), Чумбуки 3 (рис. 13.8), можно датировать I тыс. н. э. (Свинин, 1971; Свинин, 1976; Харинский, 2001b; Номоконова, 2005).

Могильник Чумбуки 2 к настоящему времени является пока единственным древним некрополем, известным в долине Верхней Ангары. Судя по расположению и конструкции его надмогильных сооружений, он выглядит как единый комплекс, возникший в течение непродолжительного периода. Погребальный ритуал, выявленный в ходе раскопок двух его захоронений, также указывает на культурное единство памятника. Умершего укладывали в могильную яму овальной формы с вертикальными стенками, глубиной около 30 см. Яма, как и погребенный, ориентировались в восточный сектор. Умершего помещали в берестяной чехол вытянуто. Его клали на спину, головой по азимуту 76°–90°. В погребении № 1 в верхней части берестяного чехла крепились поперечные жердочки, использовавшиеся для его распорки. Во внутримогильной конструкции погребения № 2 они отсутствовали. В этом захоронении зафиксированы жерди, которые располагались над берестяным чехлом вдоль могильной ямы. Сверху кладка перекрывалась плоской овальной кладкой, которая после разрушения грабителями приобрела кольцевую форму.

Сопроводительный инвентарь, обнаруженный в захоронениях, немногочисленный. В первом захоронении это железный нож, кольцо и керамическое пряслице, во втором – обломок железного ножа и игольник. Нож и игольник были обнаружены в районе пояса и, вероятно, крепились к нему. Малочисленность находок могла быть обусловлена юным возрастом умерших, имевших ограниченное количество личных вещей, или результатами действий грабителей, извлекших из могил наиболее ценные вещи. Первая версия, на наш взгляд, более приемлема. В связи с этим действия разрушителей могил могут рассматриваться не как ограбление, а как попытка избавиться от душ погребенных на берегу озера людей. Душа или одна из душ умершего, по представлению целого ряда народов (Кулемзин, 1984. С. 21–22; Петри, 1928. С. 42; Манжигеев, 1978. С. 96), после смерти человека оставалась в его теле или возле него, охраняя территорию вокруг могилы и покровительствуя своим родственникам. Нарушив целостность костяка и, прежде всего, его грудной части и черепа, где находилось местопребывание души, разрушители погребений избавлялись от души человека, жившего здесь ранее, и её претензий на прилегающие к могильнику территории.

Обнаруженные во втором захоронении остатки голени зайца, чешуя и кости рыб являются свидетельствами помещения вместе с покойником в могилу погребальной пищи. Помимо остатков окуня в яме обнаружены отдельные кости или чешуя карася, сига, гольца и щуки. Такое разнообразие трудно объяснить, так как логичней было предположить, что в могилу помещали целую рыбу, а не ее мелкие части.

Обнаруженный в погребениях инвентарь не позволяет предпринять достаточно четкую датировку захоронений. В связи с этим было проведено радиоуглеродное датирование костных останков людей из обоих захоронений (табл. 8). По костям погребенной из могилы № 1 в Институте геологии СО РАН получена радиоуглеродная дата I245±45 (СОАН-37I4), что позволяет определить возраст захоронения с учетом калибровки концом VII – IX вв.

Дополнительная датировка костных останков из погребения № 1 как и костей из погребения № 2 проведена и с помощью AMS метода в лаборатории Engstrqm (Ангстрем) при Уппсальском университете (Швеция). По первому погребению получена дата 1372±31 (Ua-48271), соответствующая VII – середине VIII в. Дата второго погребения 969±33 (Ua-48270), соответствующая XI – середине XII в. Даты, полученные по погребению № 1 в Новосибирске и Уппсале, существенно отличаются, но временной диапазон, соответствующий им, имеет участки пересечения, охватывающий конец VII – середину VIII в. К настоящему времени это наиболее приемлемая дата для погребения № 1. Возраст второго захоронения на 250 лет моложе даты по первому погребению. Чем это объяснить, сказать в настоящий момент сложно. Как указывалось выше, расположение захоронений и схожесть их погребального ритуала позволяли считать, что могильник пополнялся в течение незначительного временного периода, но никак ни в течение 250 лет. Тем не менее, учитывая данные радиоуглеродного датирования, можно предположить, что некрополь функционировал на протяжении долгого периода, за который погребальный ритуал не претерпел значительных изменений. С другой стороны, можно уповать и на несовершенство самого радиоуглеродного метода или отсутствие корректировки дат с учетом резервуарного эффекта (Nomokonova, Losey, Goriunova, Weber, 2013). Для представленных образцов не был учтен возможный резервуарный эффект (Schulting, Bronk Ramsey, Goriunova, Bazaliiskii, Weber, 2014; Schulting, Schulting, Bronk Ramsey, Bazaliiskii, Weber, 2015; Ватерс-Рист, Лозей, Номоконова, Туркин, Горюнова, 2016), так как для них не было сделано определение значения N[15]. Не имея в настоящее время других, более достоверных данных, позволяющих определить возраст этой могилы, будем придерживаться имеющегося для погребения № 2 хронологического диапазона.

В Прибайкалье погребения в берестяных чехлах представлены довольно широко. Они раскапывались в долинах Онона, Селенги, Баргузина, Унги, на берегах Байкала. Значительная часть исследователей интерпретирует их как раннемонгольские и датирует в пределах X–XIII вв. (Асеев, 1980. С. 136; Коновалов, Данилов, 1981; Ковычев, 1981; Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. С. 128–129). Раскопки подобных захоронений в 90-е гг. прошлого века на западном берегу Байкала и получение новых материалов позволили выделить погребения в берестяных чехлах в отдельную харанцинскую группу и датировать ее концом VIII – серединой XIV в. (Ха-

Таблица 8

Радиоуглеродные даты по захоронениям могильника Чумбуки 2

Table 8

Radiocarbon dates for graves of the Chumbuki 2 cemetery

Объект	Погребение/ комплекс	Материал	Лаб. №	^{14}C	+/-	$\delta^{13}C‰_0$ VPDB	Калибров. возраст (н.э.)[1]
Чумбуки 2	погребение 1	Человек	СОАН-37I4	1245	45	–	672–883
Чумбуки 2	погребение 1	Человек	Ua-48270	1372	33	-21,1	603–760
Чумбуки 2	погребение 2	Человек	Ua-48271	969	31	-20,4	1016–1155

[16] Даты и их промежутки погрешностей калиброваны в программе Oxcal 4.3 (Bronk Ramsey, 2017) при помощи базы данных IntCal13 (Reimer P.J., Bard, Bayliss, Beck, Blackwell, Bronk Ramsey, et all, 2013).

ринский, 2001a. С. 154–155). Харанцинцы хоронили умерших в могильных ямах, над которыми сооружали овальные или круглые кладки из камней. Погребенный располагался в берестяном чехле вытянуто, на спине, головой на восток или северо-восток.

Наиболее ранние из харанцинских захоронений на западном берегу Байкала относятся к концу VIII–X вв., о чем свидетельствуют радиоуглеродные даты, полученные по некоторым из них: Хужир-Нугэ XX-2 1215±50 л. н. (СОАН-3709), Хужиртуй III-1 1080±40 л. н. (СОАН-3704), Курма II-3 – 1020±80 л. н. (СОАН-3898). Приходя на смену захоронениям черенхынского типа (трупоположение на боку с поджатыми ногами), они встречаются в Приольхонье (центральная часть западного побережья Байкала) вплоть до середины XIV в. И если в период с конца VIII по X в. харанцинский тип захоронений сооружался на территории Приольхонья наряду с погребениями черенхынского и куркутского типа, то после X в. на байкальском побережье уже не фиксируются захоронения черенхынского типа. Ведущее положение занимает харанцинский погребальный обряд, наряду с которым широко распространяются и захоронения куркутского типа (Харинский, 2001b. С. 87–88).

В Предбайкалье захоронения харанцинского типа фиксируются с конца VIII в., то есть еще до того времени, когда здесь появляются монголоязычные переселенцы. Следовательно, истоки этого погребального ритуала следует связывать не с монголоязычными общностями, а с какими-то другими группами населения, возможно, самодийскоязычного или тунгусоязычного происхождения. Носители харанцинских погребальных традиций появляются в долинах Селенги и Онона не ранее X в. и уже к XIII в. ассимилируются или вытесняются оттуда племенами, хоронившими умерших в деревянных рамах или колодах (захоронения саянтуйского типа) (Харинский, 2018).

Для территории Южного Прибайкалья носители харанцинских погребальных традиций были пришлым населением. Представления об обязательном заключении погребенных в берестяной чехол, который можно интерпретировать как ствол дерева, могли сложиться лишь у народа, для которого лес являлся местом обитания или был неотъемлемой частью ландшафта их прародины. Степи и лесостепи Южного Прибайкалья трудно сопоставить с лесной прародиной людей, хоронивших умерших в берестяных чехлах. Следовательно, носители харанцинских погребальных традиций пришли в Приольхонье из лесных районов.

Находка захоронения в берестяном чехле в долине Верхней Ангары (Чумбуки 2 – 1), более раннего, чем схожие могилы из других частей Прибайкалья, позволяет считать этот район одним из исходных пунктов формирования этой погребальной традиции. Об этнической принадлежности обитателей Северного Прибайкалья в это время пока говорить преждевременно. Дальнейшие исследования могильника Чумбуки 2 и долины Верхней Ангары в целом, возможно, позволят вновь вернуться к этому вопросу, основываясь уже на новых данных.

Заключение

В результате археологических исследований, проводившихся на территории Верхнеангарской котловины, можно утверждать, что активное освоение человеком этой части Северного Прибайкалья происходит в бронзовом веке. Здесь встречается значительное количество стоянок, которые располагаются по берегам рек и озер, иногда на достаточно низких гипсометрических отметках – 1–2 м от уровня водоема. Стоянки железного века встречаются как вблизи водоемов, так и на определенном удалении от них, что, вероятно, было связано с освоением более обширных территорий благодаря использованию в домашнем хозяйстве лошади.

Единственный могильник, исследованный к настоящему времени в юго-западной части Верхнеангарской котловины, – Чумбуки 2 предварительно датируется концом VII – серединой XII в. Отмеченный на нем погребальный ритуал находит широкий круг аналогий на территории Прибайкалья. Они объединяются в группу захоронений харанцинского типа, датирующуюся концом VIII – серединой XIV в. Об этнической составляющей но-

сителей этих погребальных традиций в настоящее время говорить сложно, для этого пока еще очень мало данных.

Напрямую сопоставлять погребенных на могильнике Чумбуки 2 с предками эвенков (тунгусов) пока преждевременно. Достаточно уверенно можно лишь заявлять, что в XVII–XVIII вв. эвенки (тунгусы) были основным населением долины р. Верхней Ангары. Когда они здесь появляются впервые – судить сложно. Возможно, в ходе проведения дальнейших археологических исследований в Северном Прибайкалье мы получим более убедительные данные по этой проблеме.

Библиографический список

Асеев И.В. Прибайкалье в средние века. Новосибирск: Наука. 1980. 150 с.

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука. 1984. 201 с.

Ватерс-Рист А.Л., Лозей Р.Дж., Номоконова Т.Ю., Туркин Г.В., Горюнова О.И. Первые данные по анализам стабильных изотопов скотоводов позднего голоцена Прибайкалья и их радиоуглеродное датирование // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2016. Т. 18. С. 90–109.

Владимиров И.Н., Софронов А.П., Сороковой А.А., Кобылкин Д.В., Фролов А.А. Структура растительного покрова западной части Верхнеангарской котловины // География и природные ресурсы. 2014. № 2. С. 44–53.

Горюнова О.И, Хлобыстин Л.П. Датировка комплексов поселений и погребений бухты Улан-Хада // Древности Байкала: сб. науч. тр. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1992. С. 41–56.

Григоровский Н. Поездка на Верхнюю Ангару // Известия ВСОИРГО. 1890. Т. 21. № 2. С. 4.

Грязнов М.П., Комарова М.Н. Раскопки многослойного поселения Улан-Хада // Древности Байкала: сб. науч. тр. / отв. ред. В.М. Массон. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1992. С. 13–32.

Кичигин Д.Е. Стоянка Красный Яр II северо-западного побережья озера Байкал: итоги и перспективы // Известия Лаборатории древних технологий. 2010. Вып. 8. С. 154–192.

Ковычев Е.В. Монгольские погребения из Восточного Забайкалья // Новое в археологии Забайкалья / отв. ред. И.И. Кириллов Новосибирск: Наука, 1981. С. 73–79.

Кожов М.М., Мишарин К.И. Систематический состав ихтиофауны озера Байкал и его бассейна // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал / под ред. М.М. Кожова и К.И. Мишарина. Иркутск: ОГИЗ, 1958. С. 91–100.

Кожов М.М., Спелит К.К. Северо-Байкальский про-

References

Aseev I.V. (1980) Baikal region in the Middle Ages. Novosibirsk: Nauka. 150 p. (In Russ.)

Aseev I.V., Kirillov I.I., Kovychev E.V. (1984) Nomads of Transbaikalia in the Middle Ages. Novosibirsk: Nauka. 201 p. (In Russ.)

Vaters-Rist A.L., Lozei R.Dzh., Nomokonova T.Yu., Turkin G.V., Goryunova O.I. (2016) The first data on the analysis of stable isotopes of cattle breeders of the Late Holocene of the Baikal region and their radiocarbon dating. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antro-pologiya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology. Vol. 18. P. 90–109. (In Russ.)

Vladimirov I.N., Sofronov A.P., Sorokovoi A.A., Kobylkin D.V., Frolov A.A. (2014) The structure of vegetation in the western part of the Verkhneangarsk depression. *Geografiya i prirodnye resursy* = Geography and Natural Resources. No. 2. P. 44–53. (In Russ.)

Goryunova O.I, Khlobystin L.P. (1992) Dating of complexes of settlements and burials of Ulan-Khada bay. *Drevnosti Baikala: sb. nauch. tr.* = Antiquities of Baikal: Collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 41–56. (In Russ.)

Grigorovskii N. (1890) Trip to Upper Angara. *Izvestiya VSOIRGO* = News of VSOIRGO. Vol. 21. No. 2. P. 4. (In Russ.)

Gryaznov M.P., Komarova M.N. (1992) Excavations of the multi-layered settlement Ulan-Khada. *Drevnosti Baikala: sb. nauch. tr.* = Antiquities of Baikal: Collection of scientific works. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 13–32. (In Russ.)

Kichigin D.E. (2010) Site Krasny Yar II of the north-west coast of Lake Baikal: results and prospects. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Iss. 8. P. 154–192. (In Russ.)

Kovychev E.V. (1981) Mongolian burials from East Transbaikalia. *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya* = New in the archeology of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 73–79. (In Russ.)

Kozhov M.M., Misharin K.I. (1958) The systematic composition of the ichthyofauna of Lake Baikal and its basin. *Ryby i rybnoe khozyaistvo v basseine ozera Baikal* = Fish and fisheries in the basin of Lake Baikal. Irkutsk: OGIZ. P. 91–100. (In Russ.)

Kozhov M.M., Spelit K.K. (1958) North Baikal Fishing

мысловый район // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал / под ред. М.М. Кожова и К.И. Мишарина. Иркутск: ОГИЗ, 1958. С. 638–671.

Коновалов П.Б., Данилов С.В. Средневековые погребения в Кибалино (Западное Забайкалье) // Новое в археологии Забайкалья / отв. ред. П.Б. Коновалов. Новосибирск: Наука, 1981. С. 64–73.

Кулемзин В.М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. 192 с.

Лбова Л.В., Хамзина Е.А. Древности Бурятии. Карта археологических памятников. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 1999. 241 с.

Манжигеев И.А. Бурятские шаманистские и дошаманистские термины. М., 1978. 125 с.

Новиков А.Г., Мамонтов А.М., Горюнова О.И. Орудия рыбного лова и ихтиофауна из комплекса раннего неолита стоянки Шракшура III на Малом Море озера Байкал // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 61–73.

Номоконова Т.Ю. Орнаментация средневековых сосудов Приольхонья (оз. Байкал) // Известия Лаборатории древних технологий. 2005. Вып. 3. С. 221–229.

Номоконова Т., Лозей Р., Горюнова О.И. Реконструкция рыбного промысла на озере Байкал (анализ ихтиофауны со стоянки Итырхей) // Российская. археология. 2009. № 3. С. 12–21.

Номоконова Т.Ю., Новиков А.Г., Лозей Р.Дж., Горюнова О.И., Савельев Н.А., Вебер А.В. Рыболовство на Большом море озера Байкал в голоцене (по материалам многослойных поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2017. Т. 45. № 4. С. 13–23.

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: АН СССР, 1950. Ч. 1, 2. 412 с. (МИА. № 18).

Окладников А.П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л.: АН СССР, 1955. Ч. 3: Глазковское время. 374 с. (МИА. № 43).

Памятники археологии. Т. II. Свод объектов культурного наследия Республики Бурятия / науч. ред. П.Б. Коновалов. Улан-Удэ: НоваПринт, 2011. 392 с.

Петри Б.Э. Старая вера бурятского народа. Иркутск, 1928. 78 с.

Пузип Г.Г. Динамика биологических показателей озерно-соровых рыб Северного Байкала и их роль в промысле // Динамика продуцирования рыб Байкала. Новосибирск: Наука, 1983. С. 89–109.

Пушкарев А.А. Нюрнбергские жетоны XVI–XIX вв.

Area. *Ryby i rybnoe khozyaistvo v basseine ozera Baikal* = Fish and fisheries in the basin of Lake Baikal. Irkutsk: OGIZ. P. 638–671. (In Russ.)

Konovalov P.B., Danilov S.V. (1981) Medieval burials in Kibalino (Western Transbaikalia). *Novoe v arkheologii Zabaikal'ya* = New in the archeology of Transbaikalia. Novosibirsk: Nauka. P. 64–73. (In Russ.)

Kulemzin V.M. (1984) Man and nature in Khanty beliefs. Tomsk. 192 p. (In Russ.)

Lbova L.V., Khamzina E.A. (1999) Antiquities of Buryatia. Map of archaeological sites. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 241 p. (In Russ.)

Manzhigeev I.A. (1978) Buryat shamanistic and preshamanistic terms. Moscow. 125 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Mamontov A.M., Goryunova O.I. (2018) Fishing toolkit and ichthyofauna from the complex of the Early Neolithic site of the Shrakshura III site on the Small Sea of Lake Baikal. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya* = News of Irkutsk State University. Ser. Geoarchaeology. Ethnology. Anthropology. Vol. 24. P. 61–73. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu. (2005) Ornamentation of the Medieval vessels of Cis-Olkhon Area (Lake Baikal). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Iss. 3. P. 221–229. (In Russ.)

Nomokonova T., Lozei R., Goryunova O.I. (2009) Reconstruction of fishing on Lake Baikal (analysis of ichthyofauna from the Ityrhei site). *Rossiiskaya arkheologiya* = Russian Archaeology. No. 3. P. 12–21. (In Russ.)

Nomokonova T.Yu., Novikov A.G., Lozei R.Dzh., Goryunova O.I., Savel'ev N.A., Veber A.V. (2017) Fishing on the Great Sea of Lake Baikal in the Holocene (based on materials from multilayered settlements). *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* = Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. Vol. 45. No. 4. P. 13–23. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1950) Neolithic and Bronze Age of Baikal. Moscow – Leningrad: Russian Academy of Sciences. Pt. 1, 2. 412 p. (MIA. № 18). (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) Neolithic and Bronze Age of Baikal. Moscow – Leningrad: Part. 3. Glazkovo time. 374 p. (MIA. № 43). (In Russ.)

Konovalov P.B. (2011) Sites of archeology. Vol. II. The set of the sites of cultural heritage of the Republic of Buryatia. Ulan-Ude: NovaPrint. 392 p. (In Russ.)

Petri B.E.(1928) The old believes of the Buryat people. Irkutsk. 78 p. (In Russ.)

Puzip G.G. (1983) The dynamics of biological indicators of lake-sow fish of Northern Baikal and their role in the fishery. *Dinamika produtsirovaniya ryb Baikala* = Dynamics of production of Baikal fish. Novosibirsk: Nauka. P. 89–109. (In Russ.)

Pushkarev A.A. (2019) Nuremberg Tokens of the 16th

на территории России // Былые годы. 2019. Т. 53. Вып. 3. С. 921–934.

Риттер К. География стран, входящих в состав Азиатской России или пограничных с нею: Восточная Сибирь; Озеро Байкал и Прибайкальские страны, Забайкалье и степь Гоби. СПб., 1879. Вып. 1. 477 с.

Свинин В.В. К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. / ВСОГО СССР, Иркут. обл. музей краеведения. 1971. Вып. 4. Ч. 1: Вопросы истории Сибири. С. 61–77.

Свинин В.В. Периодизация археологических памятников Байкала // Известия ВСОГО СССР. 1976. Т. 69. С. 167–179.

Спасский И.Г. Счетные жетоны // Исторический памятник русского арктического мореплавания VII в. Л.-М., 1951. С. 130–138.

Титов Е. Некоторые данные по культу медведя у Нижне-ангарских тунгусов Киндигирского рода (Баргузинский округ сев.-зап. Забайкалья) // Сибирская живая старина. 1923. Вып. I. С. 90–105.

Томилов А.А. Северо-Байкальский (Верхнеангарский) озерный район. Озера бассейнов Верхней Ангары и Кичеры // Рыбы и рыбное хозяйство в бассейне озера Байкал / под ред. М.М. Кожова и К.И. Мишарина. Иркутск: ОГИЗ, 1958. С. 721–723.

Харинский А.В. Предбайкалье в кон. I тыс. до н. э. – сер. II тыс. н. э.: генезис культур и их периодизация. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 2001a. 198 с.

Харинский А.В. Приольхонье в средние века: погребальные комплексы. Иркутск, 2001b. 238 с.

Харинский А.В. Западное побережье озера Байкал в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. // Известия Лаборатории древних технологий. Иркутск, 2005. Вып. 3. С. 198–215.

Харинский А.В. Расселение и землепользование северобайкальских эвенков-оленеводов // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Омск: Наука, 2012. Т. 12. С. 94–145.

Харинский А.В. Южное Прибайкалье накануне образования монгольской империи // Археология Евразийских степей. № 4. 2018. – С. 187–192.

Харинский А.В., Емельянова Ю.А., Кичигин Д.Е. Археологические объекты северо-западного побережья озера Байкал: по материалам разведок 1996, 1998 и 2015 годов // Известия Лаборатории древних технологий. 2015. № 4 (17). С. 15–51.

Харинский А.В., Сидорчук М.Л. Погребение на берегу озера Чумбуки // Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока. Улан-Удэ: Бурятский государствен-

– 19th Centuries on Russian territory. *Bylye gody* = Old years. Vol. 53. Iss. 3. P. 921–934. (In Russ.)

Ritter K. (1879) Geography of countries that are part of Asian Russia or bordering with it: Eastern Siberia; Lake Baikal and the Baikal countries, Transbaikalia and the Gobi steppe. St. Petersburg. Iss. 1. 477 p. (In Russ.)

Svinin V.V. (1971) To the results of archaeological research on Baikal. Scientific notes VSOGO SSSR, Irkut. obl. muzei kraevedeniya. Iss. 4. Pt. 1. *Voprosy istorii Sibiri* = Questions of the History of Siberia. P. 61–77. (In Russ.)

Svinin V.V. (1976) Periodization of the archaeological sites of Baikal. *Izvestiya VSOGO SSSR* = Bulletin of VSOGO USSR. Vol. 69. P. 167–179. (In Russ.)

Spasskii I.G. (1951) Counting Tokens. *Istoricheskii pamyatnik russkogo arkticheskogo moreplavaniya VII v.* = Historical monument of the Russian Arctic navigation of the 7th century. Leningrad – Moscow. P. 130–138. (In Russ.)

Titov E. (1923) Some data on bear culture in the Lower Angara Tungus of the Kindigir genus (Barguzinsky district of the north-west of Transbaikalia). *Sibirskaya zhivaya starina* = Siberian living antiquity. Iss. I. P. 90–105. (In Russ.)

Tomilov A.A. (1958) North Baikal (Verkhneangarsk) lake area. Upper Angara and Kichera basin lakes. *Ryby i rybnoe khozyaistvo v basseine ozera Baikal* = Fish and fisheries in the basin of Lake Baikal. Irkutsk: OGIZ. P. 721–723. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2001a) Cisbaikalia in the end of I thousand BC e. – mid. II thousand AD: genesis of cultures and their periodization. Irkutsk: Irkutsk State Technical University. 198 p. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2001b) Priolkhonye in the Middle Ages: burial complexes. Irkutsk. 238 p. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2005) The western coast of Lake Baikal in the 1st millennium BC. – I thousand AD. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk. Iss. 3. P. 198–215. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2012) Settling and land use of North Baikal reindeer herders. *Etnografo-arkheologicheskie kompleksy: Problemy kul'tury i sotsiuma* = Ethnographic and archaeological complexes: Problems of culture and society. Omsk: Nauka. Vol. 12. P. 94–145. (In Russ.)

Kharinskii A.V. (2018) Southern Baikal region on the eve of the formation of the Mongol Empire. *Arkheologiya Evraziiskikh stepei* = Archeology of the Eurasian steppes. No. 4. P. 187–192. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Emel'yanova Yu.A., Kichigin D.E. (2015) Archaeological sites of the northwestern coast of Lake Baikal: based on archaeological searches from 1996, 1998 and 2015. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. No. 4 (17). P. 15–51. (In Russ.)

Kharinskii A.V., Sidorchuk M.L. (1998) Burial on the shore of Lake Chumbuki. *Arkheologiya i etnografiya Sibiri i Dal'nego Vostoka* = Archeology and Ethnography of Siberia

ный университет, 1998. С. 110–113.

Шубин А.С. Эвенки Прибайкалья. Улан-Удэ, 2001. 117 с.

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Forrer L., Biographical Dictionary of Medallists, Lidin, Olof, Volume III, Spink & Son Ltd, London 1907. 649 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric Fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of Faunal Remains from Ityrkhei Cove. Saarbrьcken: VDM Verlag Dr. Mueller, 2009. 124 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocar-bon dating of archaeological sediments: evidence from the Sagan-Zaba II site. Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291. – P. 110–125.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E. M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Highly variable freshwater reservoir offsets found along the Upper Lena watershed, Cis-Baikal, southern Siberia // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57 (4). – P. 1–13.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Analysing radiocarbon reservoir offsets with stable isotope data: a case study using paired human and faunal remains from the Cis-Baikal region, Siberia // Radiocarbon. – 2014. – Vol. 56 (3). – P. 991–1008.

Критерии авторства

А.В. Харинский, Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин и Г.Л. Иванов провели полевые исследования. Р.Д. Лозей сделал радиоуглеродные даты по захоронениям могильника Чумбуки 2. А.М. Мамонтов провел определение костных останков рыб из этого могильника. А.В. Харинский, Ю.А. Емельянова, Д.Е. Кичигин написали текст статьи.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

and the Far East. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 110–113. (In Russ.)

Shubin A.S. (2001) Evenki of Cis-Baikalia. Ulan-Ude. 117 p. (In Russ.)

Bronk Ramsey, C. Methods for Summarizing Radiocarbon Datasets. Radiocarbon, 59(2), 2017, 1809–1833.

Forrer L., Biographical Dictionary of Medallists, Lidin, Olof, Volume III, Spink & Son Ltd, London 1907. 649 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I. Prehistoric Fishing on Lake Baikal, Siberia: Analyses of Faunal Remains from Ityrkhei Cove. Saarbrьcken: VDM Verlag Dr. Mueller, 2009. 124 p.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocar-bon dating of archaeological sediments: evidence from the Sagan-Zaba II site. Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291. – P. 110–125.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatte C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E. M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., Van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 Radiocarbon Age Calibration Curves 0–50,000 Years cal BP. Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55 (4). – P. 1869–1887.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Highly variable freshwater reservoir offsets found along the Upper Lena watershed, Cis-Baikal, southern Siberia // Radiocarbon. – 2015. – Vol. 57 (4). – P. 1–13.

Schulting R.J., Bronk Ramsey C., Goriunova O.I., Bazaliiskii V.I., Weber A.W. Analysing radiocarbon reservoir offsets with stable isotope data: a case study using paired human and faunal remains from the Cis-Baikal region, Siberia // Radiocarbon. – 2014. – Vol. 56 (3). – P. 991–1008.

Attribution criteria

A.V. Kharinsky, Yu.A. Emelianova, D.E. Kichigin, and G.L. Ivanov performed field work. R.J. Losey made radiocarbon data on the graves of burial ground Chumbuki 2. A.M. Mamontov conducted a determination of the bone remains of fish from this burial ground. A.V. Kharinsky, Yu.A. Emelyanova, D.E. Kichigin wrote the text of the article.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Харинский Артур Викторович,
доктор исторических наук, профессор, руководитель Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Емельянова Юлиана Андреевна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: tonag@inbox.ru

Кичигин Дмитрий Евгеньевич,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии, научный сотрудник Лаборатории археологии, палеоэкологии и систем жизнедеятельности народов Северной Азии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: kichkok@rambler.ru

Мамонтов Анатолий Михайлович,
кандидат биологических наук, главный специалист по ихтиологии Лаборатории ихтиологии,
Лимнологический институт Сибирского отделения Российской академии наук (ЛИН СО РАН),
664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 3, Россия,
✉ e-mail: mamontov@lin.irk.ru

Лозей Роберт Джон,
доктор философии, профессор Отделения Антропологии,
Университет Альберта,
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
✉ e-mail: robert.losey@ualberta.ca

Иванов Григорий Леонидович,
заведующий сектором научно-фондового отдела,
Иркутский областной краеведческий музей,
664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, 13, Россия,
✉ e-mail: ivanov85@mail.ru

Information about the authors

Artur V. Kharinsky,
Dr. Sci. (History), Professor, director of the Laboratory of Archaeology, Palaeoecology and Subsistence of People of the Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kharinsky@mail.ru

Yuliana A. Emelianova,
Cand. Sci. (History), researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: tonag@inbox.ru

Dmitrii E. Kichigin,
Cand. Sci. (History), associate-professor of the department of history and philosophy, researcher of the Laboratory of Archaeology, Paleoecology and Subsistence of People of Northern Asia,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: kichkok@rambler.ru

Anatoly M. Mamontov,
Cand. Sci. (Biology), Chief Specialist in Ichthyology, Laboratory of Ichthyology,
Limnological Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
3, Ulan-Batorskay street, Irkutsk 664033, Russia,
✉ e-mail: mamontov@lin.irk.ru

Robert J. Losey,
PhD, Professor of the Department of Anthropology,
University of Alberta,
Tory Building 13-15 HM, Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada,
✉ e-mail: robert.losey@ualberta.ca

Grigorii L. Ivanov,
Head of sector of museum funds,
Irkutsk museum of regional studies,
13, Karl Marx street, Irkutsk 664003, Russia,
✉ e-mail: ivanov85@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 39
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140

«Пять видов скота» – основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии

© М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье выполнен анализ традиционных практик скотоводства, обеспечивавших возможность успешного разведения скота, выявлены значение отдельных видов животных в хозяйстве номадов, символические образы животных. Важнейшим достижением биологической адаптации кочевой культуры к суровым, непредсказуемым природным условиям Внутренней Азии, стало разведение разных видов домашних животных, приспособленных к разным экологическим нишам региона. Главным богатством кочевника выступает домашний скот, собирательный образ которого воплощен в понятии *табан хошуу мал* – «пять видов скота». В его состав входят *табан хошуу мал* лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы и козы. Также все животные делятся на две группы – скот с «горячим дыханием» *халуунхушуутай* и с «холодным дыханием» *хүйтэнхушуутай*. Определен круг традиционных хозяйственных практик номадов, направленных на успешное разведение скота. Выявлено, что одним из основных маркеров «хорошего» производителя, учитывающегося в селекции, является масть животного. Охарактеризованы традиционная система регулирования пастбищ и водопоя в разные сезоны года, защита от нападения хищников, кровососущих насекомых, селекция, лечение. Выявлено место, значение домашних животных в традиционной правовой системе кочевников.

Ключевые слова: Внутренняя Азия, тюрки, монголы, скотоводство, хозяйственные практики, селекция, правовая культура, миф, доместикация

Благодарности: Статья подготовлена в рамках государственного задания Министерства образования и науки России: проект XII.191.1.1.Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”).

Информация о статье: Дата поступления 14 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Пять видов скота» – основа кочевого хозяйства тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 131–140. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140

“Five types of livestock” – the basis of the nomadic economy of the Turk-Mongols of Inner Asia

© Marina M. Sodnompilova, Bair Z. Nanzatov

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article analyzes traditional cattle breeding practices that provide the opportunity for successful cattle breeding. The values of individual animal species in the economy of nomads, symbolic images of animals are also revealed. The most important achievement of the biological adaptation of the nomadic culture to the harsh, unpredictable natural conditions of

Inner Asia was the breeding of different species of domestic animals adapted to different ecological niches of the region. The main wealth of the nomad is livestock, the collective image of which is embodied in the concept of tabanhoshuu mal –"five types of livestock". Five types include horses, camels, cattle, sheep and goats. Also, all animals are divided into two groups – livestock with "hot breathing"-"qaluunquљuutai" and with "cold breathing"-"kьitenquљuutai". The circle of traditional nomadic economic practices aimed at successful cattle breeding is defined. It was revealed that one of the main markers of a "good" producer, taken into account in breeding, is the suit of the animal. The traditional system of regulation of pastures and watering in different seasons of the year, protection against attacks by predators, blood-sucking insects, selection, treatment are characterized. The place and importance of domestic animals in the traditional legal system of nomads is revealed.

Keywords: Inner Asia, Turkic peoples, Mongolic peoples, cattle breeding, business practices, selection, legal culture, myth, domestication

Acknowledgements: The research was carried out within the state assignment of FASO Russia (project XII.191.1.1. "The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society", № AAAA-A17-117021310269-9.

Article info: Received February 14, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2020) "Five types of livestock" – the basis of the nomadic economy of the Turk-Mongols of Inner Asia. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 131–140. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-131-140

Кочевники – монголы и тюрки, расселились на огромной территории Внутренней Азии, включающей природные зоны от пустыни до тундры, от высокогорья до степных равнин. Освоение кочевниками этого разнородного пространства – одна из насущных проблем истории кочевых обществ, не потерявшей своей актуальности. Важнейшим достижением биологической адаптации кочевой культуры к суровым, непредсказуемым природным условиям Внутренней Азии стало разведение разных видов домашних животных, приспособленных к разным экологическим нишам региона, представленным пустынями, полупустынями, степями, лесостепной, таежной и высокогорной зонами. Целью данной работы является анализ традиционных практик скотоводства, обеспечивавших возможность успешного разведения скота, выявление значения отдельных видов животных в хозяйстве номадов, символических образов животных. Источниками исследования выступают этнографические и фольклорные материалы, аккумулированные исследователями у разных тюркских и монгольских народов Внутренней Азии в XIX–XXI вв.

Основу хозяйственной деятельности тюрко-монгольских кочевников Внутренней Азии представляет скотоводство. Главным богатством кочевника выступает домашний скот, собирательный образ которого воплощен в понятии *табан хошуу мал* – «пять видов скота». В состав *табан хошуу мал* входят лошади, верблюды, крупный рогатый скот, овцы и козы. Однако в пространстве Внутренней Азии есть регионы, где все виды священной пятерки обитать не могут, либо их содержание экономически не оправдано. Поэтому в разных природных зонах Внутренней Азии отдельными «пазлами» священной пятерки могут выступать верблюды, хайнаки/сарлыки (помесь крупного рогатого скота и яков), козы и даже северные олени. В этой связи были актуальными и другие формулы: у хакасов имело место понятие *ясццрлиг мал* «трехстадный скот» (лошади, коровы и овцы) (Бутанаев, 1999. С. 58).

Все животные кочевого хозяйства традиционно делятся на две группы – скот с «горячим дыханием» *халуунхушуутай* и с «холодным дыханием» *хүйтэнхушуутай*. К первой группе относятся лошади и овцы, ко второй – крупный рогатый скот, верблюды и козы. Подобная классификация основана на свойствах мяса животных, оказывающих согревающее или охлаждающее действие на организм человека. В дальнейшем подобная градация животных отразилась в представлениях о небесном происхождении и солнечной природе лошади и овцы, о родственной близости, «единокровности» лошади и овцы человеку, слагая тотемный

образ этих животных[1]. Крупный рогатый скот, верблюдов и коз в тюрко-монгольской мифологии стали считать созданиями божества нижнего мира, воды, в связи с чем образы этих животных обрели негативные черты. Мясо животных с холодным дыханием кочевники употребляли неохотно, считая его вредным для здоровья (Радлов, 1989. С. 273).

Крупный рогатый скот, лошади и овцы, занимают важное место в системе жизнеобеспечения кочевников, обеспечивая их молоком, мясом, шкурами, волосом. Мелкий рогатый скот занимал второстепенные позиции, считаясь *бог мал* – букв. «сорный скот», а состоятельность хозяйства оценивалась в разные периоды истории по количеству верблюдов, коров и лошадей. Согласно материалам памятников монгольского права («Их цааз», «Восемнадцать степных законов» и др.) эти крупные животные наиболее часто называются в законах и для уплаты штрафа (Дылыков, 1981; Насилов, 2002. С. 84). «Крупный рогатый скот выступал в качестве условной единицы *бодо*, употребляемой при подсчете скота разных видов в переводе на одну голову КРС» (Дылыков, 1981. С. 39).

Лошади и крупный рогатый скот в качестве домашних животных, а не добычи, появляются в хозяйстве населения Центральной Азии в эпоху бронзы. На территории Прибайкалья на границе степной и лесной зон костные останки крупного рогатого скота и лошадей обнаруживаются уже в энеолите. Кости крупного рогатого скота в Прибайкалье находят в Шумилихинском могильнике (Л.Н. Иваньев), в районе Еравнинских озер на стоянке Харга–I, датируемой эпохой энеолита (Л.Г. Ивашина) (Асеев, 2003. С. 147). Данные археологических исследований и генетических исследований ДНК КРС свидетельствуют о том, что крупный рогатый скот в Центральной Азии является наследием одного из предков КРС *Bostaurus,* причем его отдельным подвидом *turano-mongolicus*. «Центром одомашнивания этого предка домашнего рогатого скота стала территория на Ближнем Востоке между Черным, Каспийским, Средиземным морями и Персидским заливом» (Столповский, Ахани Азари, Евсюков, Кол, Рузина, Воронкова, Сулимова, 2011. С. 36–45). Монгольский подвид КРС отличается небольшими размерами, коровы имеют маленькое вымя и дают мало молока, однако оно обладает высокой жирностью и сыропригодностью.

В эпоху бронзы и железа скотоводство стало господствующим в производящем хозяйстве. «Только металлические удила с псалиями дали возможность полностью укротить диких лошадей и с их помощью провести в более широких масштабах доместикацию остальных травоядных животных» (Викторова, 1980. С. 107). Широкое использование лошади для верховой езды, как считает Л.Л. Викторова, способствовало сложению круглогодичного кочевания в Западной Монголии и Гобийском Алтае.

Мотив доместикации животных отражен и в мифах монгольских народов. Одним из известных культурных героев монгольской мифологии выступает мудрый ёж Зара Цецен (Заря Азарга в бурятской мифологии), восстановивший порядок мироустройства, создавший закон о браке. В бурятской версии предания о мудром еже он определяет судьбу лошадей и крупного рогатого скота: увидев ежа, быки разбегаются – за это они осуждены вечно носить тяжести и ходить под ярмом. Разбегаются в страхе и лошади, когда ёж приближается к табуну. Заря Азарга пророчески изрекает: «Пусть с этого времени с головы вашей не снимается узда, с шеи хомут, со спины седло, и с ног путы, вы будете возить человека и тяжести». Услышав слова ежа, главное небесное божество бурят Эсэгэ малантэнгри, счел их разумными и приступил к «одомашниванию» вола и лошади (Хангалов, 1958. С. 327).

Домашний скот обеспечивал кочевника всем необходимым для жизни в суровых природных условиях Внутренней Азии: от скота получали продукты питания, материалы для одежды и жилища,

[1] В большей степени распространено мнение, что почитание лошади и овцы и наделение их статусом *халуун-хушутай* произошло вследствие того, что они занимали ключевые позиции в мифологической генеалогии кочевников. Согласно генеалогическим преданиям некоторых кочевых племен (бур. *шаранууты, сартулы*) их происхождение связано с соловым, рыжим жеребцами.

бытовую утварь. Меры, направленные на увеличение объема продуктов животноводства, прежде всего, были связаны с содержанием скота, уходом за ним. Для скотоводов было важно, чтобы животные были сытыми, здоровыми и плодовитыми. Этим целям отвечала традиционная система регулирования пастбищ и водопоя в разные сезоны года, защита от нападения хищников, кровососущих насекомых, селекция, лечение.

Выбору и организации пастбищ и водопоя в кочевой культуре, отвечающих как практическим, так и иррациональным требованиям и условиям, сложившимся в традиционном мировоззрении кочевников, посвящено много работ отечественных и зарубежных исследователей, в связи с чем этот аспект скотоводческой практики в статье подробно рассматриваться не будет. Кратко можно сказать, что главным аргументом в пользу выбора местности для временного пребывания было качество пастбищ *бильчир*. Выбирая пастбища, кочевники принимали во внимание множество факторов. Они знали полезные и вредные качества местной флоры, потребности каждого вида скота, располагали сведениями о наличии мест, богатых минеральными веществами. Место для стойбища выбиралось с растительностью, приемлемой для всех видов животных (Цэрэнханд, 1993. С. 33; Бадамхатан, 2004. С. 13). Хорошо разбираясь в локальных особенностях климата, особенно в пустынных зонах, кочевники разрабатывали кочевые маршруты, избегая засушливые места. Основываясь на опыте и долгосрочном воздействии циклов сухой и влажной погоды, монгольские пастухи могут немедленно перевести экологические условия в «ресурсы» (Fernandez-Gimenez, 2000). Это искусство монгольских скотоводов Nicola di Cosmo считает важным преимуществом в военных кампаниях и расширении монгольской империи, наряду с подвижностью, дисциплиной и выносливостью монгольских воинов (Di Cosmo, 2017. P. 76).

Содержание скота и уход за ним включали и множество других важных и необходимых занятий, которые редко попадают в поле зрения исследователей. Так, в частности, домашние животные болели разными видами заболеваний и нуждались в своевременном лечении. В рамках многовекового опыта ухода за животными кочевники научились распознавать заболевания и оказывать необходимую помощь – лечили переломы, оказывали помощь при родах, извлекали погибший плод, знали лекарственные травы, изгоняющие паразитов, залечивающие раны, согревающие скот в зимний период. Использовали соки ядовитых растений в составах мазей, которыми обрабатывали раны и ссадины у домашнего скота с целью уничтожения личинок мух в ранах животных (Хайдав, Алтанчимэг, Варламова, 1985. С. 198). Только в случае инфекционных заболеваний – сибирской язвы, чумы, бешенства, ящура кочевники были беспомощны и обращались к магическим приемам лечения.

Важное место в скотоводстве занимал отбор производителей и формирование маточного стада. Выбирая матку для разведения скота, обращали внимание на плодовитость животных, их способность выживать в неблагоприятных климатических условиях, способность быстро восстанавливать мышечную массу и нагуливать жир, высокую удойность, спокойный нрав. Внешними признаками, свидетельствующими о хорошем состоянии животного, на которые, прежде всего, обращали внимание скотоводы, являются плотная шкура и блестящая шерсть (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173), крепкие копыта, которыми животное без труда может разгребать снег на тебеневке.

При разведении лошадей и крупного рогатого скота кочевники ориентировались преимущественно на плодовитость животных, которая, по их мнению, преимущественно зависела от масти и отдавали предпочтение животным темной окраски. В представлениях монголов существует понятие о зөв зус, т. е. «правильной» или другими словами «благоприятной» с практической точки зрения масти лошадей. К числу таких мастей относится вороная хар, рыжая зээрдэ, гнедая хүрэн, бурая хээр. У халха-монголов при выборе будущего жеребца-производителя табуна обычно оставляли животное вороной, гнедой, темно-бурой масти (БНМАУ-ын угсаатны зуй, 1987. С. 63). Гнедую и вороную масть производителя предпочитали и алтайские урянхайцы (Лхагвасурэн, 2013. С. 32). Чем

определялось предпочтение таких мастей лошадей? По наблюдениям кочевников, лучшие качества породы, приспособленной к суровым условиям Монголии, воплощали в себе животные темной масти. Узэмчины считали, что лошади темных мастей более жизнестойкие, что очень важно, особенно если случится зуд/дзуд (ненастье, гололед, бескормица, засуха) – зуданд тэсвэртэй (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 171–174). Их взгляды разделяли и ойраты. «Они считали, что скот темно-бурой масти в летнее время быстрее набирает жир, очень выносли, хорошо переносит морозы и жару. У скота темно-бурой масти копыта не повреждаются в зимнее время, когда случается дзуд. Скот светлой масти не отличается выносливостью и труднее переносит сильный ветер, суровую зиму и весну Алтая. Кроме того, ойраты считали, что животные одной масти хорошо размножаются. В этой связи западные монголы преимущественно выращивали темно-гнедых, бурых, рыжих лошадей. Скот таких мастей хорошо приспосабливается к резким колебаниям климата и природным условиям Алтайских гор» (Содномпилова, Нанзатов, 2014. С. 102).

Животные белой масти тоже были нужны хозяйству, так как они приносят счастье. Белые и светло-серые лошади считались престижными – лошадь такой масти посылали за почетным гостем (Лхагвасурэн, 2013. С. 32). Белую кобылицу дарила семья жениха в качестве «платы за молоко» матери невесты, на белом коне принято было увозить невесту из дома.

Опыт кочевников, накопленный за многие сотни лет, сегодня подтверждается результатами генетических исследований. В частности, стало известно, что особенностью некоторых мастей являются сопутствующие им заболевания. Так, лошади истинно белой масти, которая в действительности очень редка, имеют некоторые наследственные пороки, например, бесплодие или малую плодовитость.

Характеризуя достоинства и крупного рогатого скота, также ориентировались на его масть. В хозяйстве монголов преобладал скот бурой, рыжей, черной, тигровой масти, с белыми отметинами на голове, ногах, животе. Коровы бурой масти были лучше приспособлены к сложным природным условиям Монголии, однако шкура их была более тонкой, а молоко жидким (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272). Масти бурятских коров были более разнообразными. Нередко среди них встречался скот голубой (светло-серой) масти. Бычки такой масти посвящались божеству-прародителю бурят племени *булагат* Буха-нойону. Быка производителя выбирали, ориентируясь на его телосложение и нрав: у бычка должна быть узкая и легкая грудь, хвост, напоминающий по форме знамя, высокие ноги, спокойный нрав (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173).

Среди верблюдов преимущественно были распространены бурая, темно-коричневая масти. Изредка встречались верблюды белой, кремовой масти, которые считались очень ценными – их определяли в дар знатным людям, в приданое дочери, посвящали божествам. Однако лучшими в перевозке тяжестей считались верблюды желтой масти (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272).

Проблемой кочевников Внутренней Азии повсеместно были волки, наносившие большой урон хозяйству. На них в прошлом регулярно устраивали облавы, иногда уничтожали в логове щенков, добывали волка, используя кнут *ташуур* – им убивали зверя на скаку, переламывая животному шейные позвонки (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012a. С. 272). Облегчение в борьбе с волками принесло скотоводам огнестрельное оружие. В борьбе с хищниками скотоводы Монголии широко применяли в практике ядовитые свойства растений. Так, например, корни аконита северного, аконита Турчанинова монгольские араты измельчали в порошок, смешивали с кровью убитых животных и использовали для отравления хищников (Хайдав, Алтанчимэг, Варламова, 1985. С. 194).

Одним из значимых элементов скотоводческой практики, особенно актуального в лесостепной и лесной природных зонах, является использование дымокуров. Дымокуры, в качестве которых использовали сухой навоз скота вместе с пахучими травами, не позволяли приближаться к животным назойливым насекомым. Это свойство дымокура

притягивало животных, не давая им разбегаться. В якутских преданиях дымокур выступает как важнейший элемент доместикации животных, и его первое применение связано с первопредком якутов и культурным героем Эллеем.

Чрезвычайно важной проблемой в деле разведения скота было обозначение принадлежности животных определенному хозяйству. Знаки собственности на скот в кочевой культуре имеют древнюю историю, исследованию которой посвящено много работ (Хороших 1929; Зуев 1960; Михайлов, 2005; Бутанаев, 2004). Выявлено несколько разновидностей способов обозначения собственности: тамги (клейма), ушные метки, надрезы, разнообразные формы стрижки, плетения волос гривы и хвоста лошадей, подковы (Михайлов, 2005. С. 112–138). Тамги на лошадей было принято ставить с левой стороны на бедре животного, с «приступной» стороны. «В XIX в. по требованию российских властей ставить знаки собственности, указывающие инициалы собственника, именные тамги стали ставиться хакасами на лопатке, а старинные родовые продолжали ставить на задней ноге лошади» (Бутанаев, 2004. С. 101). Отличительными метками служили также выразительные особенности масти животных, особенно лошадей. Согласно сведениям китайских письменных источников, пятнистых, вероятно пегих и чубарых лошадей продавали Китаю представители племен Гу-ли-гань и Чжан-и-гу, местоположение которых связываются с территорией современной этнической Бурятии. При этом их объединяет одна порода лошадей: «Лошади племени Чжан-и-гу одной породы с лошадьми племени гу-ли-гань. На крупе множество черных пятен, они пеги и по раскраске подобны леопардам» (Зуев, 1960. С. 106). Привлекает внимание то, что «лошади гу-ли-ганей не имели тамг, так как их принято было различать по ушам и морде. Лошади, которые не имели тавра, должны были обладать какими-либо особыми приметами и в случае с пегими и чубарыми лошадьми, такими приметами, вероятно, были особенные пятна на шкуре лошадей» (Содномпилова, Нанзатов, 2014. С. 104).

В правовом наследии Монгольской империи, представленном разными памятниками монгольского права, большой объем занимают статьи, посвященные правонарушениям, связанным с домашним скотом. Статьи отражают широкий спектр правонарушений и наказаний за них, а также рекомендации, относительно разных ситуаций, например, наставления как следует поступать с бродячими животными. Кража скота была самым распространенным правонарушением в степи и наказывалась большими штрафами. Преступлением считалось также присвоение бродячего скота. Ему приравнивалось проставление ушных меток на бродячих животных. Вне закона были стрижка шерсти скота, доение животных, использование их в работе вне ведома хозяина. Нашли отражение в памятниках монгольского права позитивные действия – спасение животных в случае пожаров, животных, застрявших в грязи, содержание заблудившегося скота (Дылыков, 1981. С. 23, 26, 29). Важное значение в законодательстве уделялось нраву животного-производителя, поскольку нередки были случаи их нападения на людей и животных. Наличие в хозяйстве бодливого быка, а также агрессивного жеребца или верблюда-самца влекло для хозяина уголовную ответственность, если животные становились причиной увечий или гибели человека, что отражено в более поздних версиях монгольского права, в частности в обычном праве селенгинских бурят (Цыбиков, 1970. С. 46).

Мелкий рогатый скот. Овцы и неприхотливые козы содержались в кочевых хозяйствах всех природных зон Внутренней Азии, которые отличались только лишь численностью голов этих животных: в засушливых полупустынных местах и горных районах преобладали козы, а численность овец не превышала 5–10 голов, в богатых пастбищами степных и лесостепных зонах стада овец могли достигать тысячи голов. Овцы занимали исключительно важное место в жизни номада, обеспечивая ему питание, кров и одежду. Неприхотливые козы способны были обитать в самых неблагоприятных природных условиях, давая кочевнику молоко, пух, мясо, шкуры. Эти животные становились спасением для бедняков, которые не могли содержать других животных. Из шерсти овец изготавливали войлоки, служившие покрытием для стен юрты, из

войлока делали постельные принадлежности, напольные ковры, шкуры овец и коз шли на изготовление одежды, одеял, мясом овец и коз кочевники питались круглый год.

Лошади. Для кочевника главным богатством были лошади, практически единственный вид скота, который смог приспособиться к разным природным зонам на просторах Азии – к суровым условиям высокогорных районов, пустынь и даже тундры. Именно конские табуны радовали душу и услаждали глаза кочевника. В культуре тюркомонголов известно множество позитивных представлений, связанных с лошадью. Это и масти лошадей, приносящих счастье хозяину, конское снаряжение, которое даже способно было излечивать некоторые болезни (удила), конский волос, который до появления тканей приносили в жертву духам, изображения лошадей (моринхур, ритуальные ложки и др.). В Якутии, где лошади выступали основой хозяйства, его состоятельность оценивалась только количеством лошадей: «Якут, сколько бы ни было у него рогатого скота все жаловался и считал себя бедным; только когда завел один-другой табун коней, начинал говорить: "Ну, теперь и я со скотом, есть и у меня добро!» (Серошевский, 1993. С. 252).

КРС (крупный рогатый скот). В благоприятной природной среде с богатыми пастбищами, где климат отличался умеренностью холодных и теплых сезонов, высоко ценился крупный рогатый скот. Там, где хозяйство основывалось на разведении крупного рогатого скота, представления о счастье, достатке связывалось именно с коровами. Символом изобилия кочевой культуры, разводящей крупный рогатый скот, выступали молоко и масло. У бурят сакральным ореолом окружено молозиво *урак* – «первое молоко коровы» (Хангалов, 1958. С. 407). Во время специальных обрядов в знак благосклонности семье божества-покровители скота и молочного изобилия спускали такой урак на землю (Дугаров, 2015. С. 49).

Верблюды. Верблюды *тэмээ, нар* получил широкое распространение в хозяйствах кочевников Центральной Азии в засушливых районах пустынь и полупустынь Внутренней Азии. Основное предназначение верблюда – перевозить грузы. Кроме того, очень ценилась шерсть верблюда, из которой пряли нити, подбивали зимнюю одежду и даже ткали сукно.

У тюрков и ойратов верблюды, как самый дорогой домашний скот, являются важной частью приданого – скотоводы дочери в приданое обычно выделяют одну верблюдицу. Поскольку верблюды отличаются своим долголетием, доживая до 40–50 лет, животное может переходить по наследству от матери к дочери. Тувинцы в этой связи, называли верблюда «приданым трех девушек» – *уш кыс тынончузу*: верблюжонок, подаренный невесте в день её свадьбы, переходил затем к её дочери, от нее – к внучке (Донгак, 2010)[2].

«И молоко, и мясо верблюда обладает полезными качествами – нежирное мясо легко усваивается и рекомендуется людям с больной печенью, желчным пузырем, *айраг* из молока верблюда превосходит по своим вкусовым качествам и полезным свойствам всем известный кумыс» (Содномпилова, Нанзатов, 2013. С. 36). Относительно полезных качеств верблюда известна одна казахская мудрость: «Из всех видов скота верблюд является самым главным животным, ибо он по молочности не уступает корове, настригу шерсти – овце, работоспособности – лошади» (Ручкина, Вахитова, 2008. С. 2)[3].

Даже внешность верблюда для кочевников, в хозяйстве которых верблюд занимал ключевые позиции, представляется идеалом красоты. Об этом свидетельствует перечень характерных черт верблюда *тэмээнишинжи,* записанный у ойратов Синцзяня: у верблюда «глаза красивые как у змеи, губы прекрасные, как у зайца, уши красивые как у волка, шерсть прекрасная как у овцы, шея красивая как у барса, а тело прекрасное, как у дракона» (Тодаева, 2001. С. 456).

[2] Донгак С.Ч. Традиции скотоводства у тувинцев (конец XIX – середина XX вв.): дисс. канд. ист. наук. Кызыл. 2010. 196 с.

[3] Ручкина Г.А., Вахитова Р.З. Верблюдоводство. Учебное пособие для студ. Вузов / Г.А. Ручкина, Р.З. Вахитова. Костанай: Костанайполиграфия. 2008. 142 с.

Заключение. Таким образом, основное занятие кочевников Внутренней Азии – скотоводство, представляет собой систему знаний и практик, своей сложностью не уступающей разным системам земледелия. Основу скотоводческих практик, безусловно, составляют знания кочевников о ресурсах пастбищ в разное время года для разных видов скота, особенностях кормовой базы, изменениях погоды. Постоянно наблюдая за животными, кочевники внимательно следили за изменениями в поведении скота, его внешнего вида, которые становились сигналом для смены пастбищ. Так, например, узумчины обращали внимание на форму живота крупного рогатого скота и цвет его языка, изменения которых указывали на истощенность животных, и немедленно перекочевывали с зимних пастбищ на верхние пастбища (Монгол улсын угсаатны зүй, 2012b. С. 173).

Но, не менее важными являются и другие занятия скотоводов, направленные на селекцию животных, поддержание их здоровья, защиту животных от хищников, кровососущих насекомых.

Библиографический список

Асеев И.В. Юго-Восточная Сибирь в эпоху камня и металла. Новосибирск: Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. 2003. 208 с.

Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. Абакан: Хакасия. 1999. 240 с.

Бутанаев В.Я. Степные законы Хонгорая. Абакан: Хакасский государственный университет, 2004. 279 с.

Викторова Л.Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука. 1980. 223 с.

Дугаров Б.С. Тенгристская мифологии: пантеон божеств и эпическая интерпретация // MONGOLICA–XIV. СПб., 2015. С. 48–51.

Дылыков С.Д. Их цааз (Великое уложение). Памятник монгольского феодального права XVIII в. / транслитерация, перевод, введение и комментарии С.Д. Дылыкова. М.: Наука. 1981. 147 с.

Зуев Ю.А. Тамги лошадей из вассальных княжеств // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана. Алма-Ата: Академия наук Казахской ССР. 1960. С. 93–139.

Лхагвасурэн И. Алтайские урянхайцы. Историко-этнографические очерки (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2013. 176 с.

Михайлов В.А. Традиционные занятия бурят. Животноводство, земледелие. (XVII– начало XX в.). Улан-Удэ: Республиканская типография. 2005. 274 с.

Насилов А.Д. Восемнадцать степных законов / перевод монгольского текста, комментарии и исследования А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение. 2002. 159 с.

Радлов В.В. Из Сибири. Страницы дневника. М.: Наука. 1989. 749 с.

References

Aseev I.V. (2003) Southeast Siberia in the era of stone and metal. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 208 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (1999) Khakassian-Russian historical and ethnographic dictionary. Abakan: Khakassia. 240 p. (In Russ.)

Butanaev V.Ya. (2004) The steppe laws of Khongorai. Abakan: Khakass State University. 279 p. (In Russ.)

Viktorova L.L. (1980) The Mongols. The origin of the people and the origins of culture. Moscow: Nauka. 223 p. (In Russ.)

Dugarov B.S. (2015) Tengri mythology: pantheon of deities and epic interpretation. Mongolica-XIV. St. Petersburg. P. 48–51. (In Russ.)

Dylykov S.D. (1981) Ikhtsaaz ("Great Code"). Monument of Mongol feudal law of the XVIII century. Translation, introduction and commentary by S.D. Dylykov. Moscow: Nauka. 147 p. (In Russ.)

Zuev Yu. A. (1960) Tamgas of horses from vassal principalities. *Novye materialy po drevnei i srednevekovoi istorii Kazakhstana* = New materials on the ancient and medieval history of Kazakhstan. Alma-Ata: Akademiya nauk Kazakhskoi SSR. P. 93–139. (In Russ.)

Lhagvasvuren I. (2013) Altai Urikhaytsy. Historical and ethnographic essays (late 19th – early 20th centuries). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the RAS. 176 p. (In Russ.)

Mikhailov V.A. (2005) Traditional activities of the Buryats. Livestock, farming. (17th – beginning of 20th centuries). Ulan-Ude: Republican Typo. 274 p. (In Russ.)

Nasilov A.D. (2002) Eighteen steppe laws. Monument to Mongolian law XVI – XVII centuries. Translation, introduction and commentary by A.D. Nasilov. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 159 p. (In Russ.)

Radlov V.V. (1989) From Siberia. Diary Pages. Moscow: Nauka. 749 p. (In Russ.)

Серошевский В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2. 1993. 736 с.

Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. «Табан хошуу мал»: верблюд в традиционных представлениях монгольских народов // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2013. № 4 (12). С. 34–44.

Содномпилова М.М., Нанзатов Б.З. Зөв зус, или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2014. № 3 (15). С. 100–116.

Столповский Ю.А., Ахани Азари М., Евсюков А.Н., Кол Н.В., Рузина М.Н., Воронкова Л.Н., Сулимова Г.Е. Дифференциация пород крупного рогатого скота с использованием мультилокусного межмикросателлитного анализа (ISSR-PCR) // Сельскохозяйственная биология. 2011. № 4. С. 36–45.

Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синцзяна. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 2001. 489 с.

Хангалов М.Н. Собрание сочинений. Т. I. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1958. 550 с.

Хайдав Ц., Алтанчимэг Б., Варламова Т.С. Лекарственные растения в монгольской медицине. Улан-Батор, 1985. 390 с.

Хороших П.П. Знаки собственности бурят. Сер. Сибирская живая старина, 1929. Вып. VIII–IX. 22 с.

Цыбиков Б.Д. Обычное право селенгинских бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1970. 282 с.

Цэрэнханд Г. Традиции кочевого стойбища у монголов // Из истории хозяйства и материальной культуры тюрко-монгольских народов. Новосибирск: Наука, 1993. С. 27–36.

Бадамхатан С. Эрдэм шинжилгээний бүтээлүүд II.Уланбаатар, 2004. 277 т.

БНМАУ-ын угсаатны зүй. I боть. Халхын угсаатны зүй (XIX–XX зууны заагүе). Улаанбаатар, 1987. 431 р.

Монгол Улсын угсаатны зүй. II боть. Ойрадын угсаатны зүй. – Улаанбаатар, 2012a. 534 т.

Монгол Улсын угсаатны зүй. III боть. Монгол, Түрэг, Хамниган овогтны угсаатны зүй. Улаанбаатар, 2012b. 448 р.

Di Cosmo, N. 2015. Why Qara Qorum? Climate and geography in the early Mongolempire.Archivum Eaurasiae MediiAevi. Vol. 21 (2014/2015). pp. 67–78.

Seroshevsky V.L. (1993) Yakuts. Ethnographic research experience. Moscow: Moscow printing house No. 2. 736 p. (In Russ.)

Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2013) «Taban khoshuu mal»: camel in the representation of the Mongolian peoples. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 4 (12). P. 34–44. (In Russ.)

Sodnompilova M.M., Nanzatov B.Z. (2014) Zөv zus or “correct” color of a horse in horse-breeding culture of Mongolian peoples: symbolism of color. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 3 (15). P. 100–116. (In Russ.)

Stolpovsky Yu.A., Ahani Azari M., Evsiukov A.N., Kol N.V., Ruzina M.N., Voronkova L.N., Sulimova G.E. (2011) Differentiation of cattle breeds using multilocus intermicrosatellite analysis (ISSR-PCR). *Sel'skokhozyaistvennaya biologiya* = Agricultural Biology. No. 4. P. 36–45. (In Russ.)

Todaeva B.Kh. (2001) Dictionary of the Oirat language of Xinjiang. Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo. 489 p. (In Russ.)

Khangalov M.N. (1958) Collected Works. Vol. I. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 550 p. (In Russ.)

Khaidav C., Altanchimeg B., Varlamova T.S. (1985) Medicinal plants in Mongolian medicine. Ulan Bator. 390 p. (In Russ.)

Khoroshikh P.P. (1929) Signs of property are being drilled. Ser. Siberian Living Antiquity. Vol. VIII–IX. 22 p. (In Russ.)

Tsybikov B.D. (1970) The customary law of the Selenga Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 282 p. (In Russ.)

Tserenkhand G. (1993) Traditions of a nomad camp at the Mongols. *Iz istorii khozyaistva i material'noi kul'tury tyurko-mongol'skikh narodov* = From the history of the economy and material culture of the Turkic-Mongolian peoples. Novosibirsk: Nauka. P. 27–36. (In Russ.)

Badamkhatan S. Scientific Works II. Ulanbaatar, 2004.277 p. (In Mong.)

Ethnography of the MPR. Volume I. Khalkh's ethnography (XIX–XX centuries). Ulaanbaatar, 1987. 431 p. (In Mong.)

Mongolian Ethnography (Oyrat Ethnography). Volume II. Oyrat Ethnography. Ulaanbaatar, 2012a. 534 p. (In Mong.)

Mongolian Ethnography. Volume III. Ethnography of Mongolian, Turkic and Hamnigan clans. Ulaanbaatar, 2012b. 448 p. (In Mong.)

Di Cosmo, N. 2015. Why Qara Qorum? Climate and geography in the early Mongol Empire. Archivum Eaurasiae Medii Aevi.Vol. 21 (2014/2015). pp.67–78. (In Eng.)

Fernandez-Gimenez, M.E. 2000. The Role of Mongolia Nomadic Pastoralists' Ecological Knowledge in Rangeland Management.Ecological Applications, Vol. 10. No. 5. P. 1318–1326.

Критерии авторства

М.М. Содномпилова, Б.З. Нанзатов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Содномпилова Марина Михайловна,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru
Нанзатов Баир Зориктоевич,
кандидат исторических наука, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и социологии,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахъяновой, 6, Россия,
✉ e-mail: nanzatov@yandex.ru

Fernandez-Gimenez, M.E. 2000. The Role of Mongolia Nomadic Pastoralists' Ecological Knowledge in Rangeland Management. Ecological Applications, Vol. 10. No. 5. P. 1318–1326. (In Eng.)

Attribution criteria

M.M.Sodnompilova, B.Z. Nanzatov made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, they own the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Marina M. Sodnompilova,
Dr. Sci. (History), Leader researcher, Department of history, ethnology and sociology,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: sodnompilova@yandex.ru
Bair Z. Nanzatov,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of history, ethnology and sociology,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670047, Russia,
✉ e-mail: nanzatov@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 398.22 (512.157)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150

«Хосунный эпос» народов Севера: ретроспективный анализ

© В.В. Ушницкий

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Якутск, Россия

Аннотация: В статье обсуждается «хосунный эпос», распространенный среди народов Севера. На якутском Севере он был распространен среди оленекских и анабарских саха. Герои «хосунного эпоса» северных саха Чэмпэрэ, Юнкээбил и Юрэн Хосуун – считаются предводителями эвенкийских родов. Поэтому можно утверждать, что «хосунный эпос» является в своей основе эвенкийским, принятым северными саха в ходе ассимиляции тунгусоязычных групп. С.И. Гурвич выделил существование тундрового и таежного вариантов «хосунного эпоса». Но герои эпоса часто носят якутские имена и говорят на якутском языке. «Хосунный эпос» также имел распространение в районах Центральной Якутии. Генезис «хосунного эпоса» связывается с родами монгольского происхождения, в древности обитавшими на Севере. Об этом свидетельствуют многочисленные бурятско-якутские параллели в фольклорных мотивах и сама этимология слова хосун. Хосууны – это прошедшие «воинское обучение» сильные и крепкие мужчины, защитники рода от враждебных родов. Споры из-за охотничьих и оленеводческих территорий часто решаются в единоборстве между хосуунами. Хосууны, прежде всего, славились как меткие стрелки из лука. Обряды хосуунов можно сопоставить с палеоазиатскими, что свидетельствует о древности формирования образа воина-хосууна на Крайнем Севере.

Ключевые слова: народы Крайнего Севера, фольклор, хосууны, эпос северных саха, слова монгольского происхождения, оленекские и анабарские саха, якутские оленеводы, саха-эвенкийские этнокультурные контакты, военное дело, эвенкийские богатыри

Информация о статье: Дата поступления 14 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ушницкий В.В. «Хосунный эпос» народов Севера: ретроспективный анализ // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 141–150. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150

“Hosunny epic” of northern Sakha: retrospective analysis

© Vasiliy V. Ushnitsky

Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russia

Abstract: The article discusses the “khosunny epos” that is widespread among the peoples of the North. In the Yakut North, it was distributed among Olenek and Anabar Sakha. The heroes of the “Hosun epic” of the northern Sakha Champere, Yunkeebil and Yuren Hosuun - are considered leaders of the Evenk clans. Therefore, the statement that the “khosun epic” is basically Evenki adopted by the northern Sakha during the assimilation of Tungus-speaking groups is highlighted. S.I. Gurvich singled out the existence of the tundra and taiga variants of the "Khosun epic." But the heroes of the epic often bear Yakut names and speak the Yakut language. “Hosunny epic” also had distribution in areas of Central Yakutia. The genesis of the "Khosunny epic" is associated with the genera of Mongolian origin, who in ancient times lived in the North. This is evidenced by the numerous Buryat-Yakut parallels in folklore motifs and the etymology of the word Hosuun itself. Hosuuns are strong and strong men who have undergone “military training,” defenders of the clan from hostile clans. Disputes over hunting and reindeer herding areas are often resolved in martial arts between the Hosuuns. The Hosuuns were primarily famous as well-aimed archery. Hosuun

rites can be compared with the Paleo-Asian, which indicates the antiquity of the formation of the image of the Hosuun warrior in the Far North.

Keywords: Peoples of the Far North, folklore, Hosuns, epos of northern Sakha, words of Mongolian origin, Olenek and Anabar Sakha, Yakut reindeer herders, Sakha-Evenki ethnocultural contacts, military affairs, Evenki warriors

Article info: Received January 14, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Ushnitsky V.V. (2020) "Hosunny epic" of northern Sakha: retrospective analysis. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 141–150. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-141-150

«Хосунный эпос» изучали И.С. Гурвич (Гурвич, 1977), Г.В. Ксенофонтов (Ксенофонтов, 1977; Ксенофонтов, 1992), И.И. Барашков (Барашков, Окладников, 1949), А.П. Окладников (Барашков, Окладников, 1949; Окладников, 1955), А.А. Саввин, С.И. Боло, В.М. Никифоров (Никифоров, 2002; Никифоров, 2010), Р.И. Бравина и Д.М. Петров (Бравина, Петров, 2018). «Хосунный эпос» имеет распространение и в эвенкийском фольклоре. Записи «хосунного эпоса» среди эвенков проводили В.Н. Васильев (Васильев В.Н., 1936), Г.М. Василевич (Исторический фольклор эвенков, 1966) и Г.В. Ксенофонтов среди илимпийских эвенков. Статью о «хосунном эпосе» илимпийских эвенков опубликовала Н.А. Мамонтова (Мамонтова, 2015). Взаимосвязь сюжетов эвенкийского и якутского фольклора была изучена А.Н. Варламовым (Варламов, 2009). Хосунный эпос вилюйских саха изучал П.Е. Ефремов (Ефремов, 1993). Слово хосуун в этимологическом плане разбирал перспективный студент Н. Николаев, который ныне проходит стажировку в Китае.

В севере Красноярского края сказания о хосуунах бытовали у эссейских саха, долган и эвенков (Попов, 1954; Исторический фольклор эвенков, 1966. С. 306–315). Среди нганасан существовали легенды, близкие по сюжету к сказаниям о хосуунах (Легенды и сказки нганасанов, 1938).

«Хосунный эпос» северных саха-оленеводов был назван Г.В. Ксенофонтовым «Оленекской хосунной эпопеей», имея в виду сюжет борьбы двух героев – Юнгкээбилэ и Чэмпэрэ. В этом автор видел зачаточное развитие сюжета о борьбе двух богатырей-героев подобно основной канве «Илиады», повествующей о противостоянии греческих героев – Гектора и Ахилла (Ксенофонтов, 1992. С. 212).

С.И. Боло, анализируя хосунные предания народов Крайнего Севера, отмечает: «Старшие хосууны.. (описываются) одетыми в броню, не то из железа, не то из другого материала… Видимо, в те времена были бесконечные войны, захваты и нападения. Хосууны носили имена, весьма схожие с якутскими» (Рукописный фонд ИГИиПМНС[1] СО РАН. Ф. 5. Оп. 13. Ед. хр. 1. Л. 81–82; Никифоров, 2002. С. 150).

Достижение совершеннолетия и обретение воинских атрибутов были одним из сюжетов «хосунного эпоса». Встречается также сюжет борьбы с медведем. Местом жительства врагов эвенкийского эпоса – является тундра (Мамонтова, 2015. С. 27).

Победитель обычно забирал женщин и детей, охотничьи угодья или оленные пастбища, в сказаниях он предстает перед нами как удалой хосуун, пример для подражания: «Богатыри-хосууны (северные якуты воинов-богатырей называли словом «хоһуун») отправлялись искать новое место. На новом месте они сражались с хосуунами чужих родов. Когда побеждали, то переселяли свой род на новое место. Сражались только хосууны, род не участвовал. Люди побежденного рода входили в род победителей»[2].

В сказаниях всегда подчеркивается быстрота и стремительность хосуунов, точность стрельбы: «Легкость, быстрота ног и сила – вот первый и

[1] Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера.

[2] Информация от М. Колесова, Эвено-Бытантайский район Республики Саха (Якутия). Октябрь 2015 г.

главный признак хосууна. Лук их был равен в длину маховой сажени, их прыжки – трем маховым саженям. Прыгая на девяти точках одной ногой, они делали такие прыжки, что расстояние между двумя ближними точками равнялось трем маховым саженям, а между крайними – шести.

Быстрота бега была такова: скрутят веревку в три маховых сажени длиной и бегут с такой быстротой, что даже эта трехсаженная веревка оставалась висеть непрерывно, не прикасаясь совершенно к земле.

Стрела древнего «хосууна» летела с такой стремительностью, что перерезала передние лапы такого крепкого и сильного зверя, как медведь. А ведь эту стрелу направляла человеческая рука. Какую же огромную силу надо было иметь, тем более что острие стрелы было не железным, а костяным, из кости оленя или лося? Неудивительно, что так говорилось о «хосуунах» древности: «Самый быстроногий из зверей – волк, из птичьего мира – сокол, из человеческого – “хосуун”. Вот три властелина трех миров – птичьего, звериного, человеческого» (Барашков, Окладников, 1949. С. 88–89).

«По рассказам, древние витязи-хосууны носили косы. Если они допускали срезать свою косу, то с них снималось звание хосууна» (Ксенофонтов, 1992. С. 253). Это напоминает традиции сяньбийских племен. Как табгачей, так и аваров называли косоплетами, так как они носили длинные косы до колен. «Древние “хосууны” носили косу. Волосы их на затылке стояли сначала торчком – дыбом, потом коса загибалась и висела вниз по спине. Кроме того, самые лучшие мастерицы-женщины, умелые вышивальщицы – вышивали “хосуунам” узоры на лице и притом так, чтобы все лежало ровно, симметрично.

Жившие по течению Лены в сторону р. Оленек имели косу и татуировку, охотились коллективно. Проживающие на правом берегу р. Лены тоже занимались коллективной охотой и имели татуировки, но кос у них не было. По этому признаку можно было безошибочно определять отношение к тому или иному племени.

«Самые лучшие «хосууны» того и другого берега носили латы (“куйахи”) из железных пластин, лежавшие словно рыбья чешуя» (Барашков, Окладников, 1949. С. 81).

По словам информатора из илимпейских эвенков, слово «хосуун» не существует, так говорят только якуты и объякученные тунгусы. Вместо «хосуун» употребляется «суонинг» (кэйсиилээхкиси) – человек, который занимается убийством людей и войной (Ксенофонтов, 1992. С. 239).

Бурятский исследователь Д.В. Цыбикдоржиев связывает генезис древнемонгольских воинских культов с вилюйским «хосунным» эпосом, восходящим к ассимилированным якутами ранее монголоязычными родами хори-туматов. К унаследованным саха монгольским ритуальным традициям загадочной энергии сулдэ он относит мотив поедания костного мозга и ломания голенной кости (Цыбикдоржиев, 2003. С. 139). Вилюйские фольклорные образы и сюжеты были унаследованы от загадочных туматов.

По мнению Г.В. Ксенофонтова, генезис «хосунного» эпоса северных саха связан с родами монгольского происхождения (тумат, югюлээт) (Ксенофонтов, 1992). При анализе «хосунного эпоса», исследователи пришли к выводу, что ранее, на Севере, кочевали воинственные монголоязычные рода (Никифоров, 2002).

В рассказах о сражениях в тундре иногда встречается термин «хорсуун» или «корсун». В сноске можно прочитать: «Подразумеваются воины-хранители, жившие на границе с враждебными племенами» (Барашков, Окладников, 1949. С. 108). В.М. Никифоров подчеркивает сторожевые функции хосуунов: «По Хараулаху много мест, где воевали в заранее сооруженных укреплениях; тяжелые камни там, как копны собраны, кругом стоят. Один человек, там стоя, мог со многими воевать». Исследователь отмечает, что использование подобных фортификаций не характерно для чисто северных племен (Никифоров, 2002. С. 101).

И.С. Гурвич в отношении хосунного эпоса категоричен: «Несомненно… то, что хосунные сказания первоначально оформились в тунгусской среде» (Гурвич, 1977. С. 169). О происхождении термина «хосуун» ему принадлежит следующее высказывание: «Сам термин “хосун” происходит от эвенкий-

ского слова “сонинг”, “сэнэ” – силач, богатырь» (Гурвич, 1977. С. 152). В.М. Никифоров утверждает, что слово “сэниэ” есть в якутском языке и имеет многочисленные монгольские параллели: “сила, мощь, крепость”» (Никифоров, 2002. С. 102).

“Кошун”, в современном монгольском “хошуун”, в калмыцком также “хошуун”. Множественное число – “хошууд”. Изначально означает “клюв”, а также “военно-административную единицу”, по-китайски передаваемую как “ци” (кит. “знамя”), по-маньчжурски “гуса” (маньчж. “знаменный корпус”). 3 основных подразделения каждого знаменного корпуса (из маньчжур, монголов и китайцев) назывались по-монгольски “хошуун”.

Б.О. Долгих утверждал, что «…оленекский хосунный эпос сложился в среде охотников за дикими оленями, живших на указанной выше территории (включая и Восточный Таймыр) еще до появления здесь (имеются в виду бассейны Оленека, Анабара, Хатанги и низовий Лены. – В.М.) якутов» (цит. по: Никифоров, 2002. С. 102; Мифологические сказки и исторические предания нганасан, 1976. С. 328).

Почти все исследователи хосунного эпоса выясняли этническую принадлежность слуги хосунов. С.И. Боло констатирует этот факт: «Легендарный герой… всегда имеет работника “нуучу”, который ходит за дровами. Этот нуучча является пленником и при встрече с неприятелем… всегда изменяет своему хозяину…»[3]. Г.В. Ксенофонтов считал, что это отголоски взаимоотношений предков северных якутов с ниучи, нюйчжами, а события эти относятся к концу 1-го – началу 2-го тыс. н. э. (Никифоров, 2002. С. 102). Б.О. Долгих утверждал, что: «По эвенски якут – “нека”. Я сам это слово записал у томпонского эвенка – “нюхо”. Таким образом, и лекарь Нюхой у нганасан, и работник Нючча Оленекского эпоса первоначально, видимо, были якутами» (Мифологические сказки и исторические предания нганасан, 1976. С. 332).

В хосунном эпосе жителей Вилюя и Оленека, записанном у якутов, имеет место мотив отрезания косы и отрубания ноги поверженного врага, причем победившие братья-хосууны разрубают голенную кость и поедают костный мозг вождя. Иногда встречается мотив вырезания сердца побежденного, тогда старший брат мажет брызжущей из сердца кровью лицо младшего, и мотив отрубания головы, дальнейшего развития не получающий. В хосунном эпосе павший воин, позволяя младшему хосуну убить себя, говорит: «передаю свое имя (и первенство)» (Ксенофонтов, 1992. С. 230, 237, 248).

Факт передачи «имени и первенства» в хосунном эпосе позволяет провести параллель с монгольским обычаем наречения сыновей именем убитого врага. Несомненно, речь идет об одном и том же явлении у степняков сохранявшимся в пережиточной форме. Мотив передачи нагрудника далыс у эвенков сопоставим с монгольским обычаем cisututonuyabuqu «захватывать окровавленное снаряжение (врага)» (Цыбикдоржиев, 2003. С. 138).

Таежная версия, связанная с именем Юрэна, по форме близка к тундровой, но в ней есть свои особенности. Юрэн был из неизвестного племени. Юрэн воюет с маятами (якут. майаат). Это было чужеземное племя, из-за голода откочевавшее на Оленёк из Таймыра.

В вилюйском хосунном эпосе павший вождь передает младшему воину свое “*сулдэ*”, а тот получает его, ломая голенную кость и поедая костный мозг! Хосунный эпос устойчиво сохраняет мотив ранения в ногу убегающего к воде вождя в момент его прыжка через реку. Семантика бурятского состязания по ломанию звериных костей, мотив поедания поверженного противника, зооморфный облик соперника в ритуальном бою-инициации убеждает в том, что хосунный эпос находился в той переломной для традиционного фольклора стадии, когда историческое предание о деяниях реальных вождей уже вторгается в область эпоса, но прежние мифологические сюжеты еще остаются формообразующими (Цыбикдоржиев, 2003. С. 140).

Этноним “тумат” тюркского происхождения. Якутские предания повествуют: «Здесь, на Вилюе раньше жил иноплеменный народ по имени ту-

[3] Боло С.И. Отчет поездки по сбору фольклора Вилюйских районов сотрудника Боло Сэсэн Ивановича. 9 сентября 1938 г. // Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 3.

мат» (Ксенофонтов, 1977). «Туматы были многочисленны; какого они племени и происхождения, неизвестно. Сказывали, что они были саха; повидимому, они, поселившись в Якутии, обьякутились. Поэтому по преданиям выходит, что туматы были особым племенем или народом…» (Исторические предания и рассказы якутов, 1960. С. 103).

Хоринские буряты считают себя потомками средневекового племени хори-тумат. Следовательно, и вилюйские туматы могли относиться к монгольскому субстрату на Вилюе. Сведения о лесном племени кури или фури X в. проникли в историографию изучения этногенеза бурят через сочинение Гардизи. Дикое племя кури проживало в труднодоступной болотистой местности, практиковало каннибализм (Румянцев, 1962). Не обитали ли кури – предки хори-бурят тогда на территории Западной Якутии?

Д.М. Петров делает вывод о том, что в легендах нганасан обнаруживается ряд мотивов хосунного эпоса с заметным акцентом на особенности их обычаев, верований. Так, эпизод с костным мозгом поверженного врага, которым любят полакомиться оленёкские хосууны, заменен эпизодом вскрытия груди врага и удивления при виде двух сердец; смазывание оружия кровью птицы заменено омовением головы кровью медведя и т. п. (Гурвич, 1977. С. 107).

Легендарные вилюйские туматы имели суровый вид и жестокий нрав. «Народ этот занимался людоедством», – они поедали мясо убитых врагов и военнопленных. У них существовал своеобразный обычай гостеприимного каннибализма: «для дорогих гостей» они откармливали дочерей (Окладников, 1955. С. 339).

К тому же, среди монгольских народов существовало Божество Азарай, входившее в число божеств-тенгеринов, олицетворявших особое божество Неба – Сулдэ. В сравнении – у саха имеется мифологический персонаж по имени Адьарай Бёгё. Сулдэ считается харизмой Чингис-хана, либо Богом войны. В якутском языке термином сюлдью обозначают «аорту, дугу аорты» (Васильев Ф.Ф., 1995).

С бурят-монгольской традицией роднит роль хосуунов во время коллективной охоты: «Коллективная охота на зверей существовала в древности, во времена войн. Не менее 20–30 человек, способных носить оружие, лук со стрелой, принимало в ней участие. Если зверь находился где-нибудь на известном месте, его окружали с левой и правой стороны так, что образовывался замкнутый круг. По мере приближения к зверю круг суживался, делаясь все меньше и меньше. Таким образом, подходили они к этому зверю совершенно близко, на 15–20 шагов. Тогда один из самых лучших и метких стрелков с правого или левого фланга выходил, остальные оставались на месте. Возглавляют охоту “хосууны”. По приказанию главного “хосууна” стрелок пускает стрелу прямо в зверя» (Барашков, Окладников, 1949. С. 81). Следует предполагать, что загонная охота бурят-монголов зэгэтэ-аба зародилась в таежной области в Восточной Сибири и объединяла группы пеших охотников.

Основным оружием хосуунов был боевой лук. Хосууны, прежде всего, славились меткостью в стрельбе: «В те времена, когда слава знаменитых хосуунов “Болтонго” и “Дьаабыла” шла в гору, два других великих “хосууна” спорили между собою, кто из них лучший сын своего племени и самый меткий “мэргэн” – стрелок из лука… Тот витязь меткой стрельбой без промаха, оказывается, действительно оправдал справедливость своего обещания. Все спущенные им девять стрел он без промаха всадил в каждое из девяти ребер дикого оленя, мчавшегося, как ветер. Таковы были знаменитые “мэргэны” времен “Болтонго” и “Дьаабыл” – хосуунов» (Барашков, Окладников, 1949. С. 80).

Встречаются яркие характеристики хосуунов, как специально подготовленных воинов Северо-Востока Сибири: «Хосуун – это быстроногий и храбрейший воин, защищающий свой род, свою Родину от его врагов. Он ходит с ног до головы вооруженный и, в защиту жизни и имущества членов своего рода, его славы и доброго имени он готов вступить в каждую минуту; готов вступить в смертельный бой, встречный поединок с врагами и хосуунами».

Как правило, хосуунов бывает очень немного, всегда один или два человека в одном роде, так как ими становятся избранные. Хосуунов воспиты-

вают с малолетства в особых условиях, вдали от посторонних взоров. Для этого выбирают мальчика с крепким телосложением и мускулатурой, подающего надежду на выдающуюся физическую силу и быстроногость.

Например, так был воспитан знаменитый хосун Тасагарского наслега, Средне Вилюйского улуса Тиэргэн Баатыр, о существовании которого долгое время никто не знал. Его с малолетства содержали в особой яме, боясь как бы враги, узнав о нем, не расправились с ним, пока он физически не окреп и тем своевременно не обезопасили себя от могучего врага.

Признаками необыкновенной физической силы, ловкости и быстроногости будущих хосуунов считались: 1) могучее телосложение, хорошая мускулатура и большой рост; 2) когда суставы рук и ног незаметны и не выступают наружу; 3) когда коленная чашечка держится свободно и не слишком плотно прилегает к суставу; 4) когда на икрах ног выступают яйцевидные мышцы (последний признак предусматривается для маленького ребёнка).

Будущего хосууна держат в достатке и довольствии одевают хорошо, кормят вдоволь разнообразной и питательной пищей. Для предохранения от сырости и холода суставы рук и ног обертываются кожей из волчьих лап или лап других животных. Когда юноша достигает совершеннолетия (полного расцвета физических сил), над ним производят испытание и совершают обряд посвящения в хосууны. Для этого приглашают знаменитого шамана и удаганку, привязывают к коновязи пегую, с особыми отметками лошадь. Протягивают между коновязью и юртой (поперёк пути к коновязи) толстые веревки, витые из конского волоса и приготовляют хорошую кольчугу – куях и оружие. Шаман и удаганка в юрте совершают над юношей обряд вселения в него духа войны и кровожадности.

Как только вселяется в него дух войны и кровожадности, юноша как бешенный мигом выскакивает из юрты совершенно нагой и мчится к коновязи. С разбегу разрывает параллельно протянутые на пути все три толстые волосяные веревки. Подбежав к коновязи, юноша кидается к привязанному священному животному. Заколов лошадь пальмою, он тут же вытаскивает ее бьющееся сердце, жадно сосет и пьёт тёплую кровь.

Пьёт «спекшуюся кровь», валяется и обмазывается кровью этого животного. После этого на него надевают куйах, дают боевое оружие и юноша становится хосууном. Если он при испытании не разрывает на бегу все три огдон, не возводится в звание хосууна.

Хосууном может стать сын богатых и бедных родителей, так как принимаются в расчёт только полезные качества. В молодости он бывает неженат, лишь в пожилом возрасте может стать семьянином. На старости лет хосуун иногда становится, если он раньше был сыном бедных родителей, самостоятельным человеком.

Хосууна сородичи всячески оберегают и он живет в «хаппахчы» (чулан в юрте или нора в красе, закрытая спереди берестою) неразлучно со своим оружием. В случае необходимости, он и один может бесстрашно броситься вдогонку за убежавшими врагами. Когда угрожает опасность, он не берет руками жирных продуктов, в таком случае окружающие лица кладут в тыловую сторону кистей его рук жирные продукты, окатанные в шарики, которые он есть не прикасаясь пальцами. Это делается для того, чтобы руки и пальцы его не скользили во время пускания им стрел (Рукописный фонд Архива ЯНЦ[4] СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26).

Интересно, что и в Центральной Якутии воинов обозначали термином хосуун, помимо слова боотур: «Побеждённый хосуун. В старину богатыря – воина якуты называли хосунчахами. В те времена хосунчахи, разделённые на отдельные улусы и роды, вступали между собой в смертельные схватки из-за обладания богатством, людьми, усадьбой противника и завоевания доброго имени. Орудиями борьбы у них служили лук (стрелы) пальма и меч. Победивший возвращался с трофеями» (Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Записано А.А. Саввиным от Е. Павлова).

Хосуунов, считали предводителями якутов в военных действиях против тунгусов и русских завоевателей: «Хосууны предводители. Якуты до

[4] Якутский научный Центр.

прихода русских все время воевали с тунгусами. В то время в этой местности жили два воина, славившиеся своей необычайной силой и быстроногостью. Один из них по имени Ымындай жил в местности Арангса, это на севере отсюда, другой – Сохоро жил на юге в местности Балаганнаах. Ымындай был чрезвычайно быстроногим. Он подобно белке или птичке перепрыгивал с необычайной легкостью с дерева на дерево и тем удачно смывал свои следы ускользая от преследовавших врагов. Хосууны в борьбе с завоевателями. Таттинский хосуун Эргийэр Бэргэн с немногочисленным войском на трёх плотах спустился вниз по Лене. Русские пустились по ним вдогонку. Беглецов настигают в местности Харанагахаайбыт. Окружив их разбивают» (Рукописный фонд Архива ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 26. Записано С.И. Боло от И.И. Степанова).

Согласно И.С. Гурвичу, хосунные сказания распадаются на две версии. В тундровой версии, распространенной преимущественно в низовьях Оленёка, Лены, Анабара и Яны, главным героем является Юнгкээбил, что, по мнению автора, означает по-якутски «юкагир» (Гурвич, 1977. С. 89).

Г.И. Варламова считает, что так называемый «хосунный» цикл северных якутов является в своей основе истинно эвенкийским. Якуты переняли его от эвенков и ввели в состав своего фольклора. По ее мнению, северные якуты являлись объякученными эвенками. Поэтому она утверждает, что цикл преданий, определенный Г.Н. Ксенофонтовым как «хосунный эпос» якутов, на самом деле является циклом эвенкийских преданий о Угкобуле и Урэне (Варламова, Габышева, 2008. С. 166).

Особенно распространены легенды о хосууне Юнкээбил: «“Юнкээбил” наш герой был. Во времена “кэйсии” со стороны озера Эссея приходили чужие “хосууны” со своими воинами и сражались с нашими предками. В большинстве случаев наши предки терпели поражения. Враги истребляли целые роды, угоняли их табуны оленей и все богатство увозили с собой. Бывали даже и такие случаи, что уводили с собой целые роды. Превращали пленников в рабов.

Время было опасное. “Хосуунов” во время отдыха их стражники охраняли, бодрствовали. Только Юнкээбил не чувствовал нужды в охране. Ночью, когда спал “Юнкээбил”, у него не было охраны. Враги-лазутчики сначала подкрались тайком. На улице у самой двери висел колчан, в котором хранились все его боевые стрелы. Враги кончиком “батыйа” подрезали дно колчана и тайком же ушли. Отсутствие охраны, которая должна была следить за всем, погубила нашего знаменитого хосууна “Юнкээбил”.

Проснувшись и увидев окружавших его врагов, он выскочил, схватился за колчан и побежал, имея обыкновение сражаться не дома, а за пределами его. Во время его богатырского бега все боевые стрелы высыпались. Не заметив этого, он занял боевое место, но ни одной стрелы в колчане не осталось. Это и послужило причиной его гибели» (Барашков, Окладников, 1949. С. 93).

Таежная версия, связанная с именем Юрэна, по форме близка к тундровой, но в ней есть свои особенности. Юрэн был из неизвестного племени. Юрэн воюет с маятами (якут. майаат). Это было чужеземное племя, из-за голода откочевавшее на Оленёк из Таймыра (Бравина, Петров, 2018. С. 27).

Для хосуунов существовал отдельный погребальный обряд: «Когда “хосуун” умрет, то трое суток лежит он дома в своем шатре, в окружении своих сородичей и всех почетных людей своего рода. На третий день его выносят из дому и кладут на “аранас”, поставленный на четырех столбах. Так как в то время не было русских тканей, то при похоронах одевали “хосуунов” исключительно в кожаные одежды, преимущественно в оленьи и лосиные шкуры. На месте похорон у “аранасах” тут же убивают его “хосунского” оленя – “буура”, самого лучшего оленя из всего родового стада.

Вместе с покойником кладут на “аранас” “кэсэх” – ‘колчан’, у него дно деревянное, стенки кожаные, сверху открыт, стрелы торчат остриями кверху. Носят его привязанным накрест за спиной. Сначала на колчанах узоры вышивали подшейным оленьим волосом “синньэ”, позднее стали делать узоры бисером. У берегов моря находили также морские раковины, из них делали украшения.

При столкновении с враждебным племенем поступали так: та сторона, которая брала верх и

истребляла своих врагов, сваливала трупы убитых в одну большую кучу; затем вырывали яму, клали туда мертвых, заваливали деревьями, а сверх всего этого засыпали землей и закладывали землей» (Барашков, Окладников, 1949. С. 82).

В Сергеляхском и Атласовском погребениях Якутии можно усмотреть именно могилы хосуунов. Похороненные в них люди были в жизни воинами, тогда на территории Якутии происходили ожесточенные битвы из-за охотничьих угодий и пастбищ.

Хосуунами были и представители палеоазиатских народов: юкагиров и чукчей, вошедшие в состав саха. Хосууны имели традицию мериться силами друг с другом. Они проходили специальное воинское обучение и снаряжение. Также занимались военными упражнениями и национальными играми: «“Сапкы-хосууна” мать была “Лэбэгэйэмэ-эхсин”. По происхождению он родом из местности вверх по Индигирке, юкагир. Услышав, что явились на Яну и Лену новые люди, имеющие сильного “хосууна”, поехал туда, чтобы узнать его силу и доказать свою. Так он встретился с людьми Хоро и воевал с ними до тех пор, пока не победил их.

Железа у них не было. “Саапка-хосун” – мастер был и делал своим топором из камня стрелы и копья с наконечниками из камня. Делали они также “ох-чачыр” – ‘лук’. Березу каменным ножом строгали тонкими-тонкими пластинками, как стружки, затем приклеивали их на сухожилия и так слоеное древко лука делали. Когда стреляли на полную руку, тетиву тянули до ушей, тогда отпускали. Стреляли метко: на самой высокой лесине сидит пташка – стрела насквозь ее пробивала, навылет. Во время битв носили на руке пластину из кости “дьалыс”, предохранявшую от удара тетивой. Тело защищали латами в виде пластин. Такие пластины были рядами расположены спереди и с боков. Пластины эти были каменные, с дырами для прикрепления к кожаной одежде воина. На шее была особенно толстая пластина из крепчайшей мамонтовой кости, так как когда стрелы кончались, брались за “батыйа” и рубили друг друга, стремились голову срубить. Лицо также защищали, так как для глаз только узкие прорези были. Бега были у них. “Инди” – ‘состязание’ было: во время праздников копья ставили, когда хотят доказать свою ловкость. Расставив, прыгают на одной ноге через копья. Потом смотрят, у кого подошва порезана; а у кого цела – тот молодец, победитель!» (Барашков, Окладников, 1949. С. 102).

Сходство «хосунного эпоса» в фольклоре саха и эвенков, позволяет сделать вывод о наличии тюрко-монгольского субстрата в этногенезе эвенков и участии эвенкийского компонента в происхождении саха. «Хосунный эпос» существует и среди илимпейских эвенков, которые не испытали якутского влияния. Но и в Центральной Якутии можно найти следы «хосунного эпоса». Генезис «хосунного эпоса» следует связывать с монгольским субстратом, который принимал участие в происхождении эвенков и саха.

Библиографический список

Барашков И.И., Окладников А.П. Исторические рассказы и предания Нижней Лены // Сборник Музея археологии и этнографии. М., 1949. Т. II. С. 73–109.

Бравина Р.И., Петров Д.М. Оленекская хосунная эпопея и легенды о туматах: этногеналогия вилюйских и северных якутов // Северо-Восточный Гуманитарный Вестник. 2018. № 1. С. 26–35.

Варламов А.Н. Исторические образы в эвенкийском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 96 с.

Варламова Г.И., Габышева Т.П. Эвенкийские предания бассейна реки Оленек // Эвенкийский этнос в начале третьего тысячелетия: сборник научных трудов. Благовещенский государственный педагогический уни-

References

Barashkov I.I., Okladnikov A.P. (1949) Historical stories and legends of Lower Lena. *Sbornik Muzeya arkheologii i etnografii* = Collection of the Museum of Archeology and Ethnography]. Moscow. Vol. II. P. 73–109. (In Russ.)

Bravina R.I., Petrov D.M. (2018) Olenek Khosunny epic and legends about Tumats: ethnogeny of Vilyui and northern Yakuts. *Severo-Vostochnyi Gumanitarnyi Vestnik* = North-Eastern Humanitarian Bulletin. No. 1. P. 26–35. (In Russ.)

Varlamov A.N. (2009) Historical images in Evenk folklore. Novosibirsk: Nauka, 2009. 96 p. (In Russ.)

Varlamova G.I., Gabysheva T.P. (2008) Evenki legends of the Olenek river basin. *Evenkiiskii etnos v nachale tret'ego tysyacheletiya: sbornik nauchnykh trudov* = Evenki ethnos at the beginning of the third millennium: a collec-

верситет, 2008. Вып. 2. С. 163–168.

Васильев В.Н. Тунгусские предания // Материалы по эвенкийскому фольклору / сост. Василевич Г.М. Л.: Наука, 1936. 246–255 с.

Васильев Ф.Ф. Военное дело якутов. Якутск: Бичик, 1995. 220 с.

Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленеводов. М.: Наука, 1977. 248 с.

Ефремов П.Е. Хосунный эпос северных якутов-оленеводов и его место в якутском фольклоре (опыт классификации) // Поэтика эпического повествования: сборник научных трудов. Якутск: Якутский научный Центр СО РАН, 1993. С. 102–117.

Исторические предания и рассказы якутов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Ч. I. 322 с.

Исторический фольклор эвенков. Сказания и предания / запись текстов, перевод и комментарии Г.М. Василевич. М.-Л.: Наука, 1966. 399 с.

Ксенофонтов Г.В. Ураанхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Якутск, 1992. Т. I. Кн. 2. 320 с.

Ксенофонтов Г.В. Эллэйада: Материалы по мифологии и легендарной истории якутов. Новосибирск: Наука, 1977. 245 с.

Легенды и сказки нганасанов / текст и предисл. Б.О. Долгих. Красноярск: Краевое изд-во, 1938. 136 с.

Мамонтова Н.А. Хосунные предания илимпийских эвенков. Живая старина. 2015. № 1. С. 27–30.

Мифологические сказки и исторические предания нганаса / запись и подготовка текстов, введение и комментарии Б.О. Долгих. М.: Наука, 1976. 341 с.

Никифоров В.М. Стадии эпических коллизий в олонхо: Формы фольклорной и книжной трансформации. Новосибирск: Наука, 2002. 208 с.

Окладников А.П. История Якутской АССР. М.; Л.: Наука, 1955. Т. I. Якутия до присоединения к Русскому государству. 295 с.

Попов А.А. Материалы по родовому строю долган // Советская этнография. 1954. № 6. С. 113–121.

Румянцев Г.Н. Происхождение хори-бурят. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1962. 268 с.

Цыбикдоржиев Д.В. Происхождение древнемонгольских воинских культов (по фольклорно-этнографическим материалам бурят). Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук, 2003. 292 с.

tion of scientific papers. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. Iss. 2. P. 163–168. (In Russ.)

Vasil'ev V.N. (1936) Tunguska legends. *Materialy po evenkiiskomu fol'kloru* = Materials on Evenki folklore. Leningrad: Nauka. P. 246–255. (In Russ.)

Vasil'ev F.F. (1995) Warfare of the Yakuts. Yakutsk: Bichik. 220 p. (In Russ.)

Gurvich I.S. (1977) Culture of northern Yakuts-reindeer herders. Moscow: Nauka. 248 p. (In Russ.)

Efremov P.E. (1993) Hosunic epic of the northern Yakuts-reindeer herders and its place in the Yakut folklore (classification experience). *Poetika epicheskogo povestvovaniya: sbornik nauchnykh trudov* = Poetics of the epic narrative: collection of scientific books]. Yakutsk: Yakutskii nauchnyi Tsentr SO RAN. P. 102–117. (In Russ.)

(1960) Historical traditions and stories of the Yakuts. Moscow – Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. Pt. I. 322 p. (In Russ.)

Vasilevich G.M. (1966) Historical Evenk folklore. Tales and Traditions. Moscow – Leningrad: Nauka. 399 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1992) Uraanhai-Sahalar. Essays on the ancient history of the Yakuts. Yakutsk. Vol. I. Book 2. 320 p. (In Russ.)

Ksenofontov G.V. (1977) Elliada: Materials on the mythology and legendary history of the Yakuts. Novosibirsk: Nauka. 245 p. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1938) Legends and tales of Nganasans. Krasnoyarsk: Kraevoe izdatel'stvo. 136 p. (In Russ.)

Mamontova N.A. (2015) Hosunny traditions Ilympic Evenki. *Zhivaya starina* = Living old]. No. 1. P. 27–30. (In Russ.)

Dolgikh B.O. (1976) Mythological tales and historical traditions of Nganasan. Moscow: Nauka. 341 p. (In Russ.)

Nikiforov V.M. (2002) Stages of epic collisions in Olonkho: Forms of folklore and book transformation. Novosibirsk: Nauka. 208 p. (In Russ.)

Okladnikov A.P. (1955) History of the Yakut ASSR. Moscow – Leningrad: Nauka. Vol. I. Yakutiya do prisoedineniya k Russkomu gosudarstvu = Yakutia before joining the Russian state. 295 p. (In Russ.)

Popov A.A. (1954) Materials on the tribal system of the Dolgans. *Sovetskaya etnografiya* = Soviet Ethnography. No. 6. P. 113–121. (In Russ.)

Rumyantsev G.N. (1962) The Origin of the Khori Buryats. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo. 268 p. (In Russ.)

Tsybikdorzhiev D.V. (2003) The origin of the ancient Mongol military cults (based on Buryat folklore-ethnographic materials). Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 292 p. (In Russ.)

Критерии авторства

В.В. Ушницкий выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за её оригинальность.

Attribution criteria

V.V. Ushnitskiy made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Ушницкий Василий Васильевич,
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии,
Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук,
670007, г. Якутск, ул. Петровского, 1, Россия,
✉ e-mail: voma@mail.ru

Information about the author

Vasiliy V. Ushnitsky,
Cand. Sci. (History), Senior Researcher of the Ethnography Sector,
Institute for Humanitarian Studies and Problems of Small Peoples of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
1, Petrovsky street, Yakutsk 670007, Russia,
✉ e-mail: voma@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 165.9
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160

История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода

© А.И. Шафоростов

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Рассматривается процесс формирования и развития образа судьбы в античности в аспекте соотнесенности судьбы и случайности. Выделяются мифический и логосный аспекты образа судьбы, показывается связь представления о судьбе с видением мира как целостного космоса. Проводится анализ мифологемы судьбы как жребия и воплощения случайности, как неизменной доли, как исполнения предопределенной смерти, как всеобщей и необходимой силы, властвующей над каждым человеком. Показываются различные стороны понимания судьбы в мифе и в философии, связь судьбы со жребием, справедливостью, необходимостью, удачей, вероятностью, что соотносится с многообразностью судьбы как Мойры, Тюхе, Ананке, Дике. Выделяется общее направление изменения понимания судьбы от безличной слепой космической силы к мировому закону, воплощающему в себе необходимость, переплетенную со случайностью внешнего воплощения. В представлении о судьбе выделяется ее случайная и необходимая составляющие, дается анализ понятия судьбы с точки зрения упорядоченности, привносимой в мир судьбой, и случайность, показывающая человеку его судьбу как слепую силу. Рассматриваются вопросы понимания античной мыслью источника судьбы, возможности предвидения судьбы, согласия с судьбой и противостояния ей. Делается вывод о наличии в представлении о судьбе двух уровней – мифического и логосного, объединяемых в представлении о необходимости подчинения человека мировому порядку.

Ключевые слова: судьба, закон, случайность, необходимость, справедливость, жребий, логос, миф, полис, космос, Мойра

Информация о статье: Дата поступления 6 августа 2019 г.; дата принятия к печати 9 сентября 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Шафоростов А.И. История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 151–160. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160

The history of the formation of ideas about reality. Second step: fate and chance in Ancient Thought of the Classical Period

© Alexander I. Shaforostov

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The process of formation and development of the image of fate in Antiquity in the aspect of correlation of fate and chance is considered. The mythical and logos aspects of the image of fate are distinguished, the connection of the idea of fate with the vision of the world as an integral cosmos is shown. Author conducts the analysis of the mythologeny of fate as the draw and the realization of randomness as a constant proportion, such as the execution of predefined death as universal and necessary sily, ruling over every person. He shows different sides of the understanding of fate in myth and philosophy, the relationship of fate with lots equity with him getting a necessity, luck, probability, which correlates with a lot of the imagery of fate, Moira, Tyche, Ananke, Dicke. The general direction of changing the understanding of fate from an impersonal blind cosmic force to the world law embodying the necessity intertwined with the randomness of the external embodiment is highlighted. In

the presentation about destiny its random and necessary component is allocated, the analysis of concept of destiny from the point of view of an orderliness, bring-my in the world destiny, and the accident showing to the person his destiny as blind force are given. Author discusses the understanding of the ancient idea of the source of destiny, the possibilities of foreseeing destiny, reconciliation with destiny and confront it. The conclusion is made about the presence of two levels in the representation of the fate – the mythical and the logos, united in the idea of the need for subordination of man to the world order.

Keywords: fate, law, accident, necessity, justice, lots, logo, myth, policy, space, Moira

Article info: Received August 6, 2019; accepted for publication September 9, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Shaforostov A.I. (2020) The history of the formation of ideas about reality. Second step: fate and chance in Ancient Thought of the Classical Period. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 151–160. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-151-160

Продолжая рассмотрение истории формирования представлений о реальности античными греками, основателями европейской философии и науки, мы обращаемся к одной из вечных тем, значимых и для античного, и для современного человека – теме случайности и судьбы. Объясняя выбор темы, следует отметить, что традиционно тема случайности берется исследователями в соотнесении с необходимостью, а тема судьбы – в соотнесении со свободой воли. Такой подход вполне оправдан, но недостаточен для наших целей, так как ориентирован на научное мировоззрение, оформившееся только в Новое время. Для античности же в большей степени характерно представление о слепой необходимости судьбы, которое в силу своей слитности задает представление о реальности именно в аспекте целостности.

Неожиданным образом исходная мифологема судьбы, рожденная в культуре античности и уступившая место более сложному религиозному учению христианского монотеизма о божественном промысле, замысле, провидении и т. д., – возвращается к современному человеку. Происходит это в результате «рационального перенапряжения культуры», требующего обновления исходной мифологемы о некоем надличностном начале, в качестве которого выступают и античные фатум, судьба, и «дао» в китайской философии (Петренко В.Ф., 2012. С. 25).

Одной из причин такой «рациональной перенапряженности» современного человека является наука, в которой с середины XX в. в разных сферах – это и радиоастрономия, и математика, и исследование жидких кристаллов, – в центре внимания оказывается дихотомия закономерности и случайности, организации и неупорядоченности, порядка и хаоса в постоянном взаимодействии (Кнабе Г.С., 2001. С. 114). К одному из проявлений названного феномена рациональности можно отнести и рост интереса науки к исследованию мифа, понимаемого как элемент современной культуры, так как миф несет в себе указанную дихотомию.

Так как нас интересует история формирования представлений о целостной реальности, то мы стремимся выявить основные моменты видения мира античными греками классического периода на трех уровнях: 1) богов; 2) природы; 3) человека. Обращение к случайности является логическим продолжением рассмотрения формирования представлений о законах природы античной мыслью, судьба же предстает как переплетение случайности и законов Космоса. Основные задачи нашего рассмотрения таковы: выявить основные пункты: 1) мифической составляющей представления о случайности и судьбе; 2) логосного понимания случайности и судьбы; 3) влияния этих представлений на видение мира не только мыслителями, но и обычными людьми, жившими в доклассический и классический период античной Греции.

Исходным для нашего рассмотрения является общепринятое положение о том, что греки видели мир как упорядоченную целостность. Мир для греков – это Космос, то есть живое воплощение порядка и красоты. Судьба имеет прямое отношение к целостности космоса, так как именно в Судьбе и воплощается эта целостность, и, наоборот, целостность мира воплощается в Судьбе. Эта связка «космос-судьба» дополняется необходимостью, и

все в мире подчиняется неотвратимости судьбы, направляющей ход мира-космоса. Именно так можно кратко выразить понимание судьбы как первопринципа бытия согласно мировоззрению античных греков: судьба – это необходимость.

При этом в отношении античного понимания мира-космоса следует учитывать важную особенность: да, для грека мир подчинен необходимости, но это «бессмысленная» необходимость. Отмечается, что в структуре мифологического мировосприятия идея закона оказалась связанной с образом судьбы, ответственной за упорядоченную повторяемость (Кашперский В.И., 2007. С. 65). Современный человек, говоря или о практической необходимости, или необходимости как законе природы, обычно предполагает некий рациональный смысл данной необходимости, однако в отношении античной космической необходимости вопрос о смысле оказывается невозможным (Бакеева Е.В., 2014. С. 68). Рациональная осмысленность предполагает наличие цели, и мировая цель появится в античной мысли, но будет это только у Аристотеля. В мифологическом мировоззрении человека гомеровской эпохи место цели занимает целостность, понимаемая как *завершенность*, мир уже дан полностью и окончательно.

Одним из проявлений такой космической «необходимой бессмыслицы» можно считать известную идею «вечного возвращения». Мир-космос существует вечно, все его элементы образуют конечное множество, и все возникающее по сути есть рекомбинация одних и тех же элементов – позже такое понимание мира получило название «вечное возвращение», сами греки его не знали. Важно, что если признать все существующее существующим вечно, то придется исключить возможность появления единичных, неповторимых событий, без которых говорить об индивидуальной судьбе очень сложно.

Сложность вопроса о том, существует ли индивидуальная судьба, – определяется необходимостью прояснения онтологического статуса «индивидуального». Проблема в том, что в замкнутом, конечном мире, подчиненном циклическому времени, – а именно так предстает мир-космос для античного грека, – *индивидуального* в строгом смысле слова (т. е. единичного, неповторимого) нет. Мир дан раз и навсегда, из ничего не может ничего возникнуть, и поэтому все что есть как отдельное, самостоятельно существующее тело – по своему статусу есть в строгом смысле слова *элемент*. Элемент же по определению не может быть индивидуален, он повторяем. Важен вывод, следующий из приведенных постулатов: возможность единичных событий – «т. е. таких событий, которые возникают только для того, чтобы никогда больше не повториться», практически полностью исключена (Гаспарян Д.Э., 2011. С. 37).

Общий ответ на поставленные вопросы достаточно прост: в образе судьбы находит свое выражение жизнь античного человека. Более развернутый ответ предполагает рассмотрение двух главных пунктов: 1) это выявление специфики собственно мифического выражения жизни и 2) само усложнение жизни человека, заставляющее задуматься именно о судьбе.

Развитие мифического образа судьбы. Мир целостен, но власть судьбы в нем проявляется не совсем однородно, так как мир населен не только людьми, но и богами. Исходный принцип бытия согласно мифическому воззрению на мир греков прост – судьба-необходимость правит всем.

Всесилие судьбы над людьми выражено словами гомеровского Гектора – «Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный муж, ни отважный, ни робкий, как скоро на свет он родится» (Гомер, 1967. С. 121). В отношении же богов в главном источнике мифического видения мира – текстах Гомера – такой однозначности нет. Боги не подвластны судьбе в той же мере, что и человек, но и сами не имеют над судьбой власти. Они скорее стоят рядом с силами судьбы, при этом у Гомера испытания посылаются человеку хотя и судьбой, но по велению богов.

Если выделить самый известный образ, в котором выражается античное представление о судьбе, – это нить, нить судьбы. Подробно рассмотрение истоков этого образа проводит В.П. Горан[1],

[1] В.П. Горан – советский и российский историк философии (р. 1940), работающий в СО РАН (Новосибирск).

отмечая, что нить связана с тканием одежды для новорожденного, то есть установлением связи «пряха-нить-рождение». Этот образ не является чисто греческим, у индоевропейских народов были широко распространены представления о богинях судьбы как о Пряхах (Горан В.П., 1990. С. 89–90). Прядение нитей, создание из них ткани и одежды для будущего новорожденного – традиционный процесс, во многом сохранившийся и сегодня, когда семья готовиться к рождению ребенка. Этот процесс вполне естественно связан с представлением о той жизни, что ждет новорожденного, о его судьбе, и сама идея судьбы по своему происхождению связана с представлением о рождении. А рождение неминуемо ведет человека к смерти.

Стоит добавить, что образ нити в мифологеме судьбы связан не только с образом прядения как подготовки к рождению человека, но и вообще с образом извилистости и гибкостью нити-жизни-судьбы. Хотя сама по себе извилистость жизненного пути, по которому человек идет к предначертанному ему Мойрами смертному часу все же остается вторичной. На первое место в представлении о судьбе для античного грека выходит сама предопределенная смерть, причем предопределение свершается в момент рождения.

Первоначально образ судьбы был связан с Мойрой. Главным исходным смыслом слова «мойра» было «разделение с бросанием жребия» (Горан В.П., 1990. С. 125). Этимологически этот образ восходит к глаголам moirao — «разделять» и meiraomai — «получать по жребию» и означает ту «долю», а вместе с тем и участь, которая выпадает ему уже при рождении и сказывается на различных обстоятельствах его жизни. В архаическом обществе греков одно из основных занятий – обработка земли, когда общая земля обрабатывалась сообща членами одного двора. Полученный урожая делили под наблюдением Мойры – божества-покровителя. Мойра влияет и на распределение земельных участков по жребию (Боннар А., 1994. С. 44).

Жизнь человека гомеровской эпохи (8–6 вв. до н. э.) определяется его «долей», – прежде всего, его наследственным положением в полисе, а также его природными задатками (Аверинцев С.С., 2010. С. 663). Как считает известный британский исследователь античности Э. Доддс, человеку той эпохи было свойственно глубочайшее чувство незащищенности и беспомощности, связанное с тем, что божественные силы держат человека в подчинении, не позволяя ему подняться над своим уделом (Доддс Э., 2000. С. 20).

Свой жребий получают и люди, и боги (так и Зевс, и Посейдон правят каждый своей частью мира согласно выброшенному ими жребию). Примечательно, что смысл слова «номос» – «закон», первоначально также связанный с «разделением», смещается в направлении «разделение», но уже не связанное с бросанием жребия (Горан В.П., 1990. С. 125).

Известный немецкий исследователь античности, специалист по древнегреческой религии Вальтер Буркерт (1931–2015) так характеризует Мойру: это не божество и не сила, а данность, выражающая разделенность мира на части, разграниченные в пространстве и времени. «Самая важная и самая болезненная граница для человека – это смерть: здесь положен предел его «части» (Буркерт В., 2004. С. 229–230). Швейцарский филолог-эллинист, профессор Лозаннского университета в своей известной работе «Греческая цивилизация», опубликованной в начале 1960-х гг. также обращает внимание на то, что «Мойре никогда не придавали человеческого облика; это нечто вроде закона, неизвестного для всей вселенной, устойчивость которой она обеспечивает» (Боннар А., 1994. С. 189).

По поводу персонификации следует отметить, что постепенно образ Мойры все-таки персонифицируется, и связано это во многом с появлением культа, обращенного к богине судьбы. А обращаться с просьбой и молитвой можно только к силе, наделенной субъективностью[2], волей. Так, У. Гатри, автор фундаментальной истории древнегреческой философии, отмечает, что Необходимость и Судьба, Ананке и Мойра, были персонифицированными существами во времена Парменида (VI в. до н.э.) (Гатри У., 2017. С. 75).

[2] Тема субъекта, объекта и субъективности судьбы подробно рассматривается В.П. Гораном (Горан В.П., 1990).

Важнейшим моментом изначального представления о мойре, повлиявшем на все последующее понимание судьбы как слепой силы, была связь с непредсказуемостью бросаемого ею жребия, который тем не менее необходим к исполнению. Непредсказуемость жребия, определяющего судьбу человека, подчеркивается хтоническим происхождением Мойры. Хтоническое, темное, родовое начало, воплощаемое в судьбе человека через Мойру, с развитием социальности и усложнением индивидуальной жизни греков потребовало привнести большей определенности в понимание судьбы. И ответом на эту потребность становится двойная генеалогия Мойры у Гесиода.

Гесиод, сохраняя происхождение Мойры как дочери Ночи (прямое воплощение тьмы и хаоса), вводит и второе рождение Мойры от Зевса, добавляя родственные связи Мойры с такими божествами как Эвномия – «Благозаконность», Дика – «Правда», «Справедливость», Ирена – «Мир». Эти связи возникают в силу того, что все названные божества – дочери Фемиды, которая затем становится матерью Мойры. В.П. Горан отмечает, что введение второго рождения (вторая генеалогия) Мойры важно в том плане, что подчиняет ее мировому порядку (Горан В.П., 1990. С. 100).

Одна из главных функций мифа – объяснительная. И в данном случае введение двойной генеалогии Мойры, выявление ее связи с порядком призвано было объяснить грекам, как слепая сила судьбы способна направлять космос, сохраняя в нем порядок.

В дальнейшем Ананке как судьба-необходимость становится предметом в основном философских размышлений. Стоит отметить, что обращение к судьбе-случаю, понимаемом как божественное вмешательство, характерно для многих аспектов греческой мысли с ранних времен, но в философии первый философ, сделавший акцент на вмешательстве провиденциального Бога в мир, – это Сократ (V в. до н. э.) (Dudley J., 2018. С. 60).

В мифах же усложнение представлений о судьбе ведет к появлению все большего числа божеств, связанных с судьбой. Это Кера как воплощение предопределения. Своя Кера есть у каждого человека с момента его рождения, она ведет человека от рождения до предопределенного ему смертного часа. Адрастия – воплощение неотвратимости судьбы, Дике – космическая справедливость, Немесида – богиня мести, Эринии – мстительницы (в первую очередь, связаны с исполнением кровной мести).

Гераклит (544–483 гг. до н. э.) говорит об Эриниях как о помощницах богини правды Дике. Современный исследователь наследия Гераклита А.В. Лебедев поясняет, что контекстом геркалитовского фрагмента, где он говорит об Эриниях как союзницах Дике, является модель «космос как стадион» (или ипподром), «в которой мир представлен как стадион (или ипподром), противоборствующие космические силы — как соревнующиеся бегуны (или наездники), процесс изменения — как «дорога туда и обратно», поворотные пункты цикла — как «меты», божественный закон — как «клятва», которую не могут преступить противоборцы», и Эринии космической справедливости наказывают клятвопреступников (Лебедев А.В., 2014. С. 372). Вполне очевидно в образе судьбы предстает сплетение образов космического и человеческого порядков, следующее за развитием полисной жизни.

Развитие представления о судьбе тесно связано с представлением о том, кто именно подвластен судьбе. Общее направление развития этого представления от Гомера к эпохе эллинизма можно очертить достаточно просто: изменение образа судьбы связано с усложнением жизни человека (в политическом, экономическом и духовном аспектах) и заключается в том, что человек перестает быть просто объектом судьбы, просто смертным, ожидающим исполнения выпавшего ему жребия, но стремится стать субъектом своей судьбы, активно ее исполнить (противостоять судьбе невозможно – это положение незыблемо во все времена).

Поэтому при оценке роли Мойры дается утверждение о мировоззренческой значимости этого образа, проявляющегося «в сознании человеком своей индивидуальности» (Соколов В.В., 2010. С. 53). Такой вывод, на наш взгляд, слишком категоричен, хотя у него есть свое основание, так как в

образе мойры-судьбы заключается, во-первых, рациональная непрогнозируемость индивидуального существования, в особенности неведомость конечного момента жизни и, во-вторых, уверенность в некой тотальной связанности бытия (Соколов В.В., 2010. С. 53). В пользу индивидуальности говорит и приводимое Гораном заключение о том, что «со стороны своего внутреннего содержания предрешения судьбы для каждого индивида сугубо индивидуальны». При этом мифологические представления о судьбе с точки зрения их конкретного содержания «не предполагали никакой общей закономерности, никакой внутренней «логики» в предрешениях судьбы» (Горан В.П., 1990. С. 302). Но этого все-таки представляется недостаточно для осознания индивидуальности, если понимать ее как неповторимость и уникальность человеческого бытия.

Общим для всех названных божеств является то, что они служат *исполнению* судьбы, олицетворяя ее отдельные аспекты. Поэтому для нашего рассмотрения судьбы как космической силы они вторичны, а на первое место выходят те, кто *определяет* судьбу: это Мойра, Ананке и наиболее поздняя по упоминанию в мифах – Тюхе, богиня случая.

Первоначально, отмечает А.Ф. Лосев, Мойры, эти страшные и неведомые богини рока и судьбы, управляли всем мирозданием, но постепенно их образ уступил место другим образам других божеств, связанных с судьбой и ее исполнением (Лосев, 1957. С. 74). Хотя в целом образ судьбы традиционно для всего древнего мира связан с мотивом сковывания, связывания (нить судьбы), у греков этот мотив дополняется новым – судьба как выбор, судьба как следование человека. Доддс полагает, что «мойра» постепенно развилась из безличной «участи» в личную «судьбу» (Доддс Э., 2000. С. 43), и такое развитие выразилось в появлении в архаическое время особого типа даймонов. Даймон особого, «судьбоносоного» типа, связан с конкретным человеком обычно с рождения, и представляет собой индивидуальную мойру, или «удел» (Доддс Э., 2000. С. 70).

Слово τύχη (Тюхе) впервые встречается у поэта VII в. до н.э. Архилоха и спустя столетие стало употребляться в двух смыслах: 1) как судьба; 2) как случайное стечение обстоятельств (у Софокла) (Чайковский Ю.В., 1996. С. 188). Богиня «Тюхе» (τύχη – букв. «попадание») сменяет Мойру, когда кризис полисного уклада разрушает вековую традиционную жизнь и в жизни человека все большее место начинает занимать случайность и удача. В мифическом образе Тюхе важны два момента. Во-первых, Тюхе – это внешняя сила, она отчуждается от человека, и не связана с ним так, как с рождения была связана Мойра. Во-вторых, возвышение богини случайности Тюхе как богини судьбы отражало глубинные изменения в мировоззрении классической Греции, стоявшей на пороге эллинизма. Как пишет С. Аверинцев, «человек эллинизма ожидает получить уже не то, что ему "причитается" по законам традиционного уклада, но то, что ему "выпадает" по законам азартной игры» (Аверинцев, 2010. С. 664).

В послегомеровскую эпоху Мойры теряют самостоятельность и служат Ананке. Так, в VI в. до н. э. Фалес будет говорить об Ананке, богине судьбы и необходимости, вращающей веретено – мировую ось. Мойры, по одной из основных версий мифа, являются дочерьми Ананке и помогают ей управлять мировым веретеном.

В итоге к моменту пика развития классической эпохи древнегреческой культуры – V в. до н. э. – судьба воплощается в двух главных мифических образах: Ананке и Тюхе. Ананке – непреодолимая Необходимость и Случайность. Это две силы, две ипостаси судьбы, которые правят миром вместе.

В целом же мифологема судьбы включает следующие важнейшие пункты: 1) судьба как жребий, воплощение случайности; 2) бросание жребия связано с определением доли, которую невозможно вернуть, изменить; 3) судьба как исполнение с необходимостью предопределенной смерти; 4) судьба обязательно есть у каждого человека, в этом проявляется ее необходимость (всеобщность).

Судьба как сплетение случайности и необходимости. Судьба предстает как сила, правящая ми-

ром, и это правление есть осуществление необходимости. Необходимость, воплощенная в образе судьбы, есть не просто неизбежность, неминуемость смерти, ожидающей каждого человека. Необходимость судьбы есть проявление высшего космического порядка, закона. Этот момент законности, порядка подчеркивался многими исследователями античности.

Так, А. Боннар отмечал, что понятие греков о судьбе нельзя рассматривать как фатализм, Мойра – это начало, поставленное выше людей и богов и создающее из мира нечто упорядоченное (Боннар А., 1994. С. 189). В.П. Горан заключает, что мифологема судьбы должна рассматриваться как этап формирования понятий закона и объективной необходимости, следующих за исходным этапом магического воззрения на мир (Горан В.П., 1990. С. 81).

Сложность в том, что понятие судьбы соединяет в себе и *упорядоченность*, привносимую в мир судьбой, и *случайность*, показывающую человеку его судьбу как слепую силу. Отметим, что в различные исторические эпохи греки, а за ними и римляне, выдвигали на первый план в образе судьбы то необходимость, то случайность, что во многом отражало состояние общественной и индивидуальной жизни. Отмеченная сложность понятия судьбы прямо связана с вопросом об источнике судьбы, который остается открытым. В силу присущей судьбе необходимости с ней не спорят, но остается неясность: что придает судьбе силу необходимости? Явного ответа греческая мифология не дает, она принимает как данность силу судьбы, оставляя вне своего поэтического рассказа главное – источник судьбы, ту силу, которая ее определяет. Судьба остается *пред*-определением.

Выскажем предположение, что представление о судьбе как силе, воплощающей необходимость, исходит из представления о целостности мира-космоса, и судьба является инструментом, обеспечивающим стабильность мира. Стабильность же мира строится на отмеченной выше идее замкнутости, конечности космоса.

Так как судьба стоит и над людьми и над богами, то и ее источник должен находиться за пределами не только человеческого мира, но и мира богов. Но где же тогда? Здесь вопрос о судьбе пересекается с вопросом о начале, с которого началась греческая философия. Напомним, что образ судьбы в античной культуре – это, прежде всего, мифическое представление, и оно, как и миф в целом, в своем внутреннем развитии неминуемо должно было пересечься с логосом, одним из важнейших компонентов античного мышления и мировоззрения. Вопрос, постоянно привлекавший поэтов и мыслителей античности – может ли человек узнать и понять свою судьбу? И может ли ее изменить? Очевидно, что сам по себе этот вопрос выходит за пределы только античности, он вечен, но так же несомненно, что и сегодня опыт античности в осмыслении судьбы важен для нас.

Античная мифологема судьбы воплощает в себе упорядоченность и беспредельность. Именно в контексте разрешения очень рано возникшего противоречия между обнаруживаемой слепостью судьбы и признанием ее упорядочивающей роли в мире вполне логично появление еще одного мифического образа, связанного с судьбой – Ананке, воплощающей Необходимость. Мойра уступает место Ананке, и появляются мифы, рассказывающие об Ананке как матери Мойры. Ананке-необходимость встречается и у Гомера, но отдельно от судьбы. Связь «ананке-необходимость-судьба» появляется у орфиков. Специфика орфического представления об ананке в том, что этот образ выражает «ощущение тягостности для индивида власти над ним судьбы», судьба как «ананка» означает принуждение, подневольность (Горан В.П., 1990. С. 284). Роль Ананке в том, что она *сковывает* небеса, «то, что есть», чтобы сделать его целым и неподвижным, чтобы удерживать *peirata* (пределы, границы) звезд (Гатри У., 2017. С. 137).

Что же касается античного представления о судьбе, то присущую ей необходимость следует понимать с учетом двух аспектов. Во-первых, необходимость не «охватывает» всю силу судьбы, но относится к ее «исполнительной» составляющей: жребий, удел, доставшийся богу, человеку, полису, должен быть с необходимостью исполнен, но вот как этот жребий достается – здесь все покрыто

мраком в буквальном смысле. Я.Э. Голосовкер (советский исследователь, в 70-е гг. предложивший оригинальный подход к пониманию природы мифа на основе выявления особой, свойственной только мифу логики) отмечает, что Мойра – «это абсолютная творческая воля или сила желания» (Голосовкер А.Я., 2010. С. 114).

Второй аспект необходимости судьбы – в том, что признается особая, «случайная необходимость». Это выражение – «случайная необходимость» основано на простой идее, что есть: 1) некое правило, закон, воплощающие в себе *необходимость*, и есть: 2) *случайность* в конкретной реализации этого закона. Отмечается (Чайковский Ю.В., 1996. С. 193), что впервые это выражение появилось в мифопоэтических образах трагиков (Софокл, Эврипид), позже – в философии Платона, хотя сам Платон не давал определения случайности (Dudley J., 2018. С. 57).

Говоря о философии Платона и ее влиянии на представления о судьбе, обратим внимание еще на один важный пункт. Это его отношение к традиционной религии, к мифам и поэтам, их сочиняющим. Вводя в свои диалоги богов и понимая сам космос как бога (подробно это представлено в диалоге «Тимей»), он выступает против богов гомеровского типа, которые так же как люди завидуют, крадут, обманывают и т. п. Для нашей темы главным является то, что богов Платона нельзя склонить жертвами и мольбами, это связано с тем, что космос подчиняется своим законам, и вмешательство богов в жизнь человека ограничено. Ограничена тем самым и слепая сила судьбы.

У Платона впервые в античной мысли вводится математическое обоснование устойчивости видимого, чувственного мира, и математические принципы (а именно – многогранники, так называемые «платоновы тела», всего их пять) задают необходимость (т. е. устойчивость) вещей, возникающих как подобие умопостигаемых форм (идей). Необходимость, имеющая математическое основание и представляющая собой идеальную форму, скрепляет текучую изменчивую материю, позволяя вещи противостоять постоянной изменчивости. При этом отмечается неопределенность исходной величины граней тех многогранников, которые составляют такие стихии как огонь, воду и воздух, способные, по Платону, переходить друг в друга. Отмеченная неопределенность важна тем, что «позволяет лучше понять разнообразие в рамках одного и того же элемента» (Бриссон Л., 2019. С. 191), что, по сути, и есть случайность в необходимости. И хотя вводимая Платоном математизация космоса не была прямо направлена на понимание судьбы человека, тем не менее важным следствием видения в мире неопределенности, имеющей математическое основание, было привнесение в последующее понимание судьбы элемента вероятности[3].

Понимание судьбы в терминах «случайной необходимости» наиболее ярко будет представлено уже в следующую, эллинистическую эпоху стоиками (Степанова А.С., 1995). И хотя стоицизм выходит за пределы выбранного нами периода рассмотрения, кратко отметим главное. Да, судьба в понимании стоиков предстает преимущественно как слепая сила, но природа этой слепоты видится уже по-другому в сравнении с исходной слепотой судьбы-Мойры. Чем ниже ступень бытия, тем сильнее материя (в частности, человека) сопротивляется целенаправленной деятельности бога, и в итоге к божественному промыслу примешивается много слепой необходимости-судьбы (Соколов В.В., 2010. С. 214).

Судьба становится слепой не «сверху» (Мойры), а «снизу», на уровне человека, не способного увидеть целостность всех обстоятельств, складывающихся под воздействием всей совокупности причин, «определенных от вечности – в этом и состоит сила судьбы (vis fatalis)» (Майоров Г.Г., 2012. С. 178). Эта определенность конкретизируется: исходно судьба человека определена изначальными и абсолютными причинами, но в дальнейшем они осуществляются через причины «вспомогательные и ближайшие», привносящими долю случайности в изначально определенную необходимость (Майоров Г.Г., 2012. С. 179).

[3] Подробному рассмотрению истории понимания судьбы в контексте вероятности посвящена работа Ю.В. Чайковского (Чайковский Ю.В., 1996).

Выводы. Подводя итог рассмотрению выявленных выше аспектов понимания судьбы в античной мысли классического (середина V – посл. треть IV в. до н. э.), отметим следующее. Представление о судьбе выражает видение мира античным греком как целостного упорядоченного космоса, и идея судьбы соотнесена с мировым порядком. Важно то, что этот порядок и, соответственно, судьба «надчеловечны», человек не может понять ни исток, ни цель этого порядка. На уровне мифа принятие космического порядка как основания судьбы свое главное выражение находит в неминуемости смерти, или смертной доли, отпускаемой богами каждому человеку. Важность космического порядка проявляется и в трансформации мифического образа судьбы от изначально никому неподвластной слепой силы к необходимости, что находит свое выражение в развитии мифа «Мойры-Ананке-Тюхе».

Развитие такого аспекты судьбы как Тюхе выходит за пределы только мифа и связано уже с логосным видением судьбы, что выражается в понимании судьбы как сплетении случайности и необходимости. Осмысление этого сплетения стало одной из основных задач уже следующей, эллинистической эпохи, в частности, стоиками, для которых судьба из бессмысленной слепой силы превращается в неотвратимую высшую силу, несущую в себе изначальную предопределенность и мировую закономерность.

Библиографический список

Аверинцев С.С. Судьба // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2010. Т. III. 692 с.

Бакеева Е.В. Введение в онтологию: образы мира в европейской философии. Екатеринбург: изд-во Уральского университета, 2014. 388 с.

Боннар А. Греческая цивилизация. Ростов-на-Дону: Феникс, 1994. Т. 1. 448 с.

Бриссон Л. Платон. М.: Rosebud Publishing, 2019. 288 с.

Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб.: Алетейя, 2004. 584 с.

Гаспарян Д.Э. Введение в неклассическую философию. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 398 с.

Гатри У. К. Ч. История греческой философии: в 6 т. Т. II: Досократовская традиция от Парменида до Демокрита. СПб.: Владимир Даль, 2017. 845 с.

Голосовкер Я.Э. Избранное. Логика мифа. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.

Гомер. Илиада. Одиссея. М.: Художественная литература, 1967. 782 с.

Горан В.П. Древнегреческая мифологема судьбы. Новосибирск: Наука, 1990. 336 с.

Доддс Э. Греки и иррациональное. СПб.: Алетейя, 2000. 507 с.

Кашперский В.И. Закон. Законы науки // Эпистемы. 2007. Вып. 5: Проблемы науки. С. 63–75.

Кнабе Г.С. Строгость науки и безбрежность жизни // Вопросы философии. 2001. № 8. С. 113–124.

Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мыс-

References

Averintsev S.S. (2010) Fate. *Novaya filosofskaya entsiklopediya* = New Philosophical Encyclopedia. Moscow: Mysl'. Vol. III. 692 p. (In Russ.)

Bakeeva E.V. (2014) Introduction to ontology: images of the world in European philosophy. Ekaterinburg: izd-vo Ural'skogo universiteta. 388 p. (In Russ.)

Bonnar A. (1994) Greek civilization. Rostov-na-Donu: Feniks. Vol. 1. 448 p. (In Russ.)

Brisson L. (2019) Plato. Moscow: Rosebud Publishing. 288 p. (In Russ.)

Burkert V. (2004) Greek religion: Archaic and Classic. St. Petersburg: Aleteiya. 584 p. (In Russ.)

Gasparyan D.E. (2011) Introduction to Non-Classical Philosophy. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. 398 p. (In Russ.)

Gatri U. K. Ch. (2017) History of Greek Philosophy. In 6 vol. Pre-Socratic tradition from Parmenides to Democritus. St. Petersburg: Vladimir Dal'. Vol. II. 845 p. (In Russ.)

Golosovker Ya.E. (2010) Favorites. The logic of myth. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ. 496 p. (In Russ.)

Gomer (1967) Iliad. Odyssey. Moscow: Khudozhestvennaya literature. 782 p. (In Russ.)

Goran V.P. (1990) Ancient Greek mythology of fate. Novosibirsk: Nauka. 336 p. (In Russ.)

Dodds E. (2000) Greeks and the irrational. St. Petersburg: Aleteiya. 507 p. (In Russ.)

Kashperskii V.I. (2007) Law. Laws of science. *Epistemy* = Epistems. Iss. 5. *Problemy nauki* = Science issues. P. 63–75. (In Russ.)

Knabe G.S. (2001) The rigor of science and the vastness of life. *Voprosy filosofii* = Philosophy Issues. No. 8. P. 113–124. (In Russ.)

Lebedev A.V. (2014) Logos of Heraclitus. Reconstruc-

ли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.

Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Учпедгиз, 1957. 620 с.

Майоров Г.Г. Философия как искание Абсолюта: Опыты теоретические и исторические. Изд. 3-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 416 с.

Петренко В.Ф. Знание в современной культуре (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 2012. №. 9. С. 3–45.

Соколов В.В. Философия как история философии. М.: Академический Проект, 2010. 843 с.

Степанова А.С. Философия Древней Стои. СПб.: Издательство KN, 1995. 272 с.

Чайковский Ю.В. О природе случайности. Рождение проблемы // Историко-философский ежегодник 1995–96. М.: МАРТИС, 1996. С. 184–204.

Dudley J. Plato's Concept of Chance // Платоновские исследования. Вып. 9 (2018 / 2). С. 56–71.

tion of thought and word (with a new critical edition of fragments). St. Petersburg: Nauka. 533 p. (In Russ.)

Losev A.F. (1957) Ancient mythology in its historical development. Moscow: Uchpedgiz. 620 p. (In Russ.)

Maiorov G.G. (2012) Philosophy as a search for the Absolute: Theoretical and historical experiments] Moscow: LIBROKOM. 416 p. (In Russ.)

Petrenko V.F. (2012) Knowledge in modern culture (round table materials). *Voprosy filosofii* = Philosophy Issues. No. 9. P. 3–45. (In Russ.)

Sokolov V.V. (2010) Philosophy as a History of Philosophy. Moscow: Akademicheskii Proekt. 843 p. (In Russ.)

Stepanova A.S. (1995) Philosophy of the Ancient Stoi. St. Petersburg: Izdatel'stvo KN. 272 p. (In Russ.)

Chaikovskii Yu.V. (1996) About the nature of chance. Birth of problems. *Istoriko-filosofskii ezhegodnik 1995–96* = Historical and Philosophical Yearbook 1995–96. Moscow: MARTIS. P. 184–204. (In Russ.)

Dudley J. (2018) Plato's Concept of Chance. *Platonovskie issledovaniya* = Platonic Investigations. Vol. 9 (2018 / 2). P. 56–71.

Критерии авторства

А.И. Шафоростов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

A.I. Shaforostov carried out research work, on the basis of the obtained results he made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article and bears full responsibility for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Шафоростов Александр Иванович,
доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Information about the author

Alexander I. Shaforostov,
PhD, Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: ashafor@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).048
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-161-175

Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком)

© Е.А. Багрин

Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: На основе неопубликованных и опубликованных документов в статье рассматривается вопрос об участии иркутских новоприборных служилых людей в формировании вооруженных сил России в Даурии в 1686–1692 гг. Иркутяне составили основную часть людей (около 80 %), набранных в стрельцы и пешие казаки «посольского» полка Ф. Головина из сибирских гулящих и промышленных людей. Более 180 человек четырьмя основными партиями отправились за Байкал на восточную границу. В походе новоприборные иркутские служилые люди входили в авангардные отряды так как лучше всех остальных частей войска знали местность. Во время столкновений с монголами в Забайкалье они принимали участие в большинстве схваток. Однако, в силу того, что новобранцы имели мало военного опыта, роль их как ударной силы не была большой. В 1688 г. часть из них была зачислена в пешие казаки Албазинского острога. После заключения Нерчинского договора 1689 г. новоприборные служилые люди, набранные в Иркутском уезде, были оставлены в Даурии для прохождения постоянной службы. Они разместились в Нерчинском и Удинском острогах, став существенной частью формировавшихся там вооруженных сил. В статье приводятся имена 180 иркутян, набранных в полк Ф. Головина. Из них более 89 имен опубликовано впервые. Исследование может быть интересно как специалистам историкам, так и людям занимающимся изучением своей родословной.

Ключевые слова: Иркутск, иркутяне, Удинск, Нерчинск, Албазинский острог, Сибирь, Даурия, XVII век, казаки, родословная

Информация о статье: Дата поступления 23 января 2020 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Багрин Е.А. Иркутские новоприборные служилые люди на защите дальневосточных рубежей в 1686–1692 гг. (с поименным списком) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 161–175. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-161-175

Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names)

© Egor A. Bagrin

Boris Yeltsin Presidential Library, Saint-Petersburg, Russia

Abstract: The article presents the issue of Irkutsk recruits participation in the organization of Russian Defence force in Dauria in 1686–1692. This research is based on unpublished as well as published documents. Irkutsk residents (trappers) made up the majority of people (about 80 %) recruited as Streltsy and foot Cossacks of the “ambassadorial” regiment headed by F. Golovin. More than 180 people had been included in four main crews and went beyond Baikal to the Eastern border. Irkutsk recruits set up the advanced troop because they knew the territory better than all the other forces. During the conflicts with the Mongols in Transbaikal, they took part in most of fights. However due to the fact that the recruits did not have many military experience, their role as a strike force was not great. In 1688 some of them were enrolled in the foot Cossacks troop of Albazin fortress. After the conclusion of Nerchinsk Treaty in 1689 soldiers who had been recruited in Irkutsk district were left in Dauria for regular service. They were located in Nerchinsk and Udinsk fortresses where they became the significant part of the local armed forces. The article contains the names of 180 Irkutsk people recruited to the regiment of F. Golovin. More than 89

names are published for the first time. The study can be interesting both to the historians and to people studying the genealogy.

Keywords: Irkutsk, Udinsk, Nerchinsk, Albazin fortress, Siberia, XVIIth century, troops, Cossacks, genealogy

Article info: Received January 23, 2020; accepted for publication February 25, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Bagrin E.A. (2020) Irkutsk recruits on the Far Eastern borders in 1686–1692 (including list of names). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 161–175. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-161-175

Служилые люди в конце XVI–XVII вв. были одной из основных сил в процессе присоединения Сибири и Дальнего Востока к России. Многие из аспектов их деятельности стали предметом исследования историков. Формирование гарнизонов крепостей и в особенности военного контингента в различных частях Сибири традиционно являются одними из самых важных вопросов (Никитин, 2014; Никитин, 2015). Первые специальные научные работы по данной тематике были написаны в советский период сибирской историографии С.В. Бахрушиным, Г.А. Леонтьевой, Н.И. Никитиным (Бахрушин, 1959; Леонтьева, 2012; Никитин, 1988). В современное время к различным проблемам, связанным с появлением и развитием вооруженных сил в Сибири в XVI –XVII вв., обращались А.Р. Артемьев, Е.А. Багрин, П.Н. Барахович, А.В. Дмитриев, В.Д. Пузанов, Я.Г. Солодкин и др. (Артемьев, 1999; Багрин, 2013; Барахович, 2016; Дмитриев, 2008; Пузанов, 2010; Пузанов, 2014; Пузанов, 2016; Пузанов, 2017; Солодкин, 2017a; Солодкин, 2017b; Bagrin, 2013a; Bagrin, 2013b).

Вопрос о роли иркутян в формировании вооруженных сил России на восточной границе в 1680–1690-х гг. специально в исторической науке не освещался. Известный историк А.В. Александров, наиболее полно показавший процесс укрепления обороноспособности Восточной Сибири в этот период, отметил, что в Забайкалье военный контингент России «в случае необходимости» пополнялся гулящими и промышленными людьми, крестьянами, ясачными бурятами и тунгусами (Александров, 1984. С. 155). Однако, приведя ряд фактов, ученый оставил этот процесс на заднем плане исследования. Между тем роль указанных категорий была не одинакова. Крестьяне и ясачное население привлекались только на время военных действий. Гулящие и промышленные люди «прибирались» на постоянную службу. Эти новоприборные[1] военные после вывода из Даурии временного контингента влились в гарнизоны забайкальских крепостей, составив их существенную часть (Леонтьева, 2012. С. 50–53). Почти 80 % новобранцев были иркутяне. В настоящей статье на основе сведений из опубликованных и неопубликованных документов сделана попытка более детально осветить роль иркутских новоприборных людей в защите восточного пограничья России и установить их имена.

В 1686 г. из Москвы в Даурию (Забайкалье и Приамурье) отправился стольник и посол Ф.А. Головин. Его целью была оборона восточных границ России и решение военного конфликта с империей Цин. К этому времени в июне 1685 г. маньчжуры взяли штурмом и сожгли Албазинский острог в Приамурье. Затем в июле 1686 г. они осадили построенную на его месте «земляную» крепость (Александров, 1984. С. 155–174; Албазинский острог, 2019). С послом на восток отправились московские стрельцы с полковником, подполковником и 5 капитанами, пушкари, гранатчики и лекарь. Всего 509 чел. и 933 чел. выборных[2] служилых людей из Тобольска, Илимска, Томска, Тюмени, Ени-

[1] Новоприборные служилые люди – ратники, набранные на постоянную военную службу из числа свободного населения (промышленные и гулящие люди). Как правило, после похода зачислялись в состав гарнизонов городов и острогов.

[2] Выборные служилые люди – ратники, набранные для похода из числа военных, входящих в состав гарнизонов городов и острогов, а также их ближайшие родственники (братья, дети, племянники), которые получали жалованье в период несения службы.

сейска, Нарыма и Верхоленского острога. В состав сибирских военных входили: литва, новокрещены, конные и пешие казаки и стрельцы 426 чел., драгуны 200 чел., а также их дети, братья и племянники 307 чел (РГАДА[3]. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160).

Всего московских и сибирских военных в полку Ф. Головина набиралось 1442 чел. По меркам Сибири сила довольно внушительная. Однако недостаточная для противодействия армии Цинской империи. Отметим, что в первой и второй осаде Албазина участвовало от 2500 до 5000 маньчжурских воинов, не считая рабочих. Участники событий, не владевшие точной информацией, докладывали в Москву о десятитысячной армии «богдойцев» (Трухин, Багрин, 2019. С. 385–431). Поэтому Ф. Головин, чтобы усилить свой полк планировал набрать на военную службу еще 400 человек из промышленных и гулящих людей Сибири. Между тем, по данным посла, вместо 400 служилых людей в сибирских городах было «прибрано» всего 202 человека (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 281; РКО[4]. 1972. С. 352). Общее число «посольского полка» достигло 1644 чел.

В Иркутске в 1686–1688 гг. из «охочих» гулящих и промышленных людей для службы стрельцами набрали больше 180 чел. В 1690 г. в войске Ф. Головина было 160 чел. иркутских новоприборных людей, размещенных в Удинске и Нерчинске. Кроме того, 21 чел. промышленных Иркутского уезда был записан в албазинские пешие казаки (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 290; РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 50–52 об.). Таким образом, иркутяне составили три четверти новобранцев. Доля их среди общего числа людей в полку также была довольно высокой, около 11 % (табл. 1). Иркутск дал в «посольский» полк больше людей, чем другие сибирские города, кроме Тобольска.

Новобранцы поступили в полк Ф. Головина четырьмя основными партиями. Отправленный из Енисейска в сентябре 1686 года подполковник московских стрельцов Сидор Богатырев должен был

Таблица 1

Доля иркутских новоприборных стрельцов в полку Ф. Головина

(РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 157–158, 160; РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 50–52 об.)

Table 1

The share of Irkutsk recruit Streltsy in the regiment headed by F. Golovin (RGADA. Fond 214. File. 1059. P. 157–158, 160; RGADA. Fond 1142. File. 43. P. 50–52 overleaf)

Места призыва	Количество взятых в полк людей	Доля от общего числа людей в полку
Москва (выборные)	509	31 %
Тобольск (выборные)	499	30,35 %
Иркутск (новоприборные вместе с зачисленными в албазинские казаки)	181	11 %
Илимск (выборные)	120	7,3 %
Томск (выборные)	100	6 %
Тюмень (выборные)	98	6 %
Енисейск (выборные)	56	3,4 %
Енисейск (новоприборные)	42	2,55 %
Нарым (выборные)	30	1,8 %
Верхоленский острог (выборные)	30	1,8 %

забрать в Илимске 170 выборных служилых людей, а затем в Иркутске 100 чел. новоприборных (РКО. 1972. С. 92). К Иркутску С. Богатырев подошел в середине декабря 1686 г. Здесь под его руководством сформировался отряд, который по зимнему пути перешел на нартах в даурские остроги. По данным В.А. Александрова, он состоял из 371 чел. (Александров, 1984. С. 156). Из них 150 ратников были набраны из полков А. Смаленберга[5] и П. Грабова под руководством капитана Ивана Бецальда и прапорщика Лаврентия Нейтера. Подполковник Богатырев возглавил 220 чел. из илимцев, ново-

[3] Российский государственный архив древних актов.

[4] Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691 / сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М.: Наука, 1972. Т. 2. 835 с.

[5] Из полка А. Смаленберга в этот поход отправились 75 чел. тобольских беломестных драгун (РКО. 1972. С. 100).

приборных иркутян и енисейцев. Для похода сводный отряд получил 3 знамени и 3 барабана (в соответствии с его трехчастным делением на людей С. Богатырева, И. Бецальда и Л. Нейтера). На 30 подводах, взятых у пашенных крестьян у Рыбинского острога, отправлялись 103 пуда пороху, 280 пищалей, 100 ручных гранат, 2 пуда фитиля и «на проход 6 пуд 3 чети свинцу» (РКО. 1972. 100–101, 107, 352).

Примечательно, что Ф. Головин предписал идти в этот поход только 40 иркутянам, что составляло меньше половины людей набранных на тот момент в Иркутском уезде для посольского полка. Несомненно, что иркутские новобранцы были наиболее сведущими людьми о дороге через Байкал в Даурию. Поэтому часть из них посол оставлял для основных сил. Отряд С. Богатырева пришел в Нерчинск весной 1687 г., а затем через год, весной 1688 г., вернулся в Удинск за хлебными запасами, где соединился с основными силами (РКО. 1972. С. 107; Александров, 1984. С. 157).

Все силы Ф. Головина собрались в Иркутске в конце июля – начале августа 1687 г. Здесь к ним присоединились иркутские новобранцы, не ушедшие с отрядом С. Богатырева. Через несколько недель 25 августа 1687 г.[6] войска вышли из Иркутска, чтобы перейти озеро Байкал и войти в даурские остроги: «служилые люди по стрелецким полком дощеники и устроя их к морскому ходу, взяв в прибавку суды из-Ыркутцка и нагрузясь в них, пошли к морю». Кроме иркутян, прибранных в стрельцы в Иркутске, «в вожи за море в стрелецкие полки» были взяты 24 человека из промышленных людей. Отметим, что 11 июня 1688 г. эти иркутяне 23 человека вернулись к Иркутску на 3 дощениках с капитаном московских стрельцов Василием Ресиным, поручиком Василием Волошиным и 15 служилыми людьми. Их задачей было забрать и сопроводить в Удинск 170 подводных лошадей, которых должны были прислать буряты из Верхоленского, Балаганского, Иркуцкого и Каменского острогов. Также, к отряду В. Ресина должны были присоединиться 100 чел. верхоленских брацких людей, выбранных по наряду для службы (РКО. 1972. С. 166–167, 170, 172, 190, 283–284).

17 сентября 1687 года полки собрались в Удинском остроге и стали готовиться к переходу в Нерчинский острог. Здесь к ним присоединились ратные люди баргузинских и яравинских тунгусов. Часть военных разместилась в Ильинской и Кабанской слободах. Ф. Головин с небольшим отрядом отправился в Селенгинск для удобства переговоров с феодалами Северной Монголии. В январе 1688 г. монголы вошли в Забайкалье. Одна часть из них осадила Селенгинск, отрезав его от основных сил, а другая подошла к Удинску (РКО. 1972. 173, 276; Александров, 1984. С. 161–164).

Находившийся в Ильинской слободе полковник московских стрельцов Ф. Скрипицын попросил помощи у иркутского воеводы А. Синявина. Ему нужны были порох, свинец и «Иркутского присуду» служилые и гулящие люди для того, чтобы пройти в Удинск к основным силам, а затем в Селенгинск на помощь Ф. Головину. По его просьбе – не ранее 11 февраля 1688 г. А. Синявин снарядил и выслал отряд, состоящий из 37 служилых и казачьих детей и 38 промышленных и гулящих людей. Последние получили 9 мушкетов, 19 пик и 19 бердышей[7]. Отряд вез 4 бочки с порохом для ружей весом 29 пудов 14 гривенок и 10 пудов 28 гривенок свинца. Отряд разделился на 2 части. 65 человек с казаком Ерофеем Могулевым для скорости пошли налегке, взяв небольшой боезапас (бочка пороха и 3 пуда свинца). А остальные припасы на 80 подводах отправились с пятидесятником московских стрельцов Иваном Ляпиным и иркутским пятидесятником Кириллом Усовым Рядовым с 10 бойцами. Телеги сопровождало 50 проводников (СДИБ[8]. 1960. С. 309, 313, 319).

Вслед за этим отрядом в конце февраля или начале марта в Ильинскую слободу отправился

[6] Все даты указаны по старому стилю.

[7] Вооружения для такого числа ратников было не достаточно, в связи с чем Ф. Скрипицын пожаловался, на то, что воевода А. Синявин прислал к нему в подмогу безоружных.

[8] Сборник документов по истории Бурятии. XVII век / сост. Г.Н. Румянцев, С.Б. Окунь. Улан-Удэ, 1960. Вып. 1. 493 с.

еще один отряд, состоящий из 25 человек иркутских, енисейских и баргузинских казаков, а так же 15 пашенных крестьян. Возглавлял его баргузинский пятидесятник Гарасим Турчанинов. Отряду было выдано 21 мушкет, 11 бердышей, 2 пуда пороха, пуд свинца и 10 гривенок фитиля. Всего в двух отрядах было послано 115 человек, не считая 50 проводников и 85 подвод для припасов и пушек и 763 пудов с четью ржи (СДИБ. 1960. С. 313, 316–317, 319) (рис).

Также иркутский воевода, по просьбе Ф. Скрипицына, разослал указы о сборе конных воинов из числа иркутских, балаганских и верхоленских бурят. В частности у Иркутска на реках Китой и Белая предполагалось собрать 150 человек брацких людей с «коньми и с ружьем саадаки и с куяки и панцири». Верхоленские буряты выставили воинов на «нарочитых» конях и подошли к Байкалу, но отправляться туда без брацких воинов из Иркутска и Балаганска отказались (СДИБ. 1960. С. 312–313, 315). К сентябрю 1688 г. в войске Ф. Головина собралось не менее 300 чел. ясачных бурятов и тунгусов из Прибайкалья и Забайкалья (Александров, 1984. С. 172).

Третий отряд был отправлен из Иркутска в марте 1688 г. с капитаном московских стрельцов Василием Рясиным. Возглавлял отряд иркутский казак Перфирий Переломов. С ним было 10 казаков из Балаганского острога и 53 промышленных человека. Последним из казны были выданы 13 мушкетов (5 с жаграми) 18 пик и 15 бердышей. Кроме того, 9 ружей были взяты у торговых людей. Так как это оружие предстояло вернуть, то ему в отписке давалось подробное описание: «две пищали гладких держаных, замки руские, четыре пищали гладкие новые, ложи яблонные, замки руские, клейма у казны под золото насекано добро. Санапал, лож яблонная, замок шкотцкой, у того санапала у казны грани. Пищаль гладкая, лож яблонная, замок шкоцкой, у казны у спуска на казне насекано серебром, пищаль винтовальная, замок руской». Также с оружием был отправлен боезапас: бочка пороха весом 7 пудов 23 гривенки, 3 пуда 7 гривенок свинца и 5 фунтов фитиля. Основные силы дополняли 2 дворовых человека иркутского сына боярского Ивана Перфирьева и Лаврентий Петров приказчик с наемными людьми купцов гостиной сотни Ивана и Алексея Ушаковых. Всего 10 человек на своих конях в т. ч. трое в куяках (СДИБ. 1960. С. 311–312, 316, 319, 321).

Поименный список, состоящий из 91 чел. гулящих и промышленных людей, отправленных в феврале – марте 1688 г. за Байкал, опубликован в «Сборнике по истории Бурятии» (табл. 2).

Детальных сведений об участии иркутян в боях, которые произошли в Даурии, нет. Очевидно, что они дважды участвовали в сражении против монголов в феврале – марте 1688 г. Первый бой произошел под Удинским острогом с 3000 монголов «лучших куячных людей» и длился 3 суток. Монголами руководили Мергень Дайчин-тайша, Шиптаткан Батур-тайша и Ирки Контазий-тайша. Напуски (атаки) кочевников на русские полки не принесли результата. У монголов, по сведениям пленника, были убиты и ранены около 300 чел. По сведениям другого монгола, участвовавшего в этом походе в сотне тайши Чин Кантазия, было убито 3 чел. и 10 тяжело ранены. Если предположить, что остальные сотни понесли потери в такой же пропорции, то в монгольском войске было убито до 90 чел. и до 300 чел. ранено. Мергень Дайчин-тайша получил смертельное ранение. Второй бой произошел в урочище Гусиная падь (выше Соляной пади) при переходе войска из Удинска в Селенгинск, где в осаде от войск Батур Контайши находился посол Ф. Головин. Монголы опять были отражены, потеряв около 20 чел. убитыми. 24 марта 1688 г. войска пришли в Селенгинский острог. Через три дня 27 марта полки вышли из Селенгинска и, забрав Ф. Головина, вернулись 1 апреля в Удинск (РКО. 1972. С. 274–277).

Точные цифры потерь русских войск в этих и последующих за ними боях автору неизвестны. Из 500 чел. московских стрельцов в 1690 г. только 414 рядовых, десятников и пятидесятников получили жалование. Из чего можно заключить, что около 80 чел. были убиты. Из оставшихся в живых москвичей 218 чел. получили 3–4 раны (в основном от стрел), не считая людей с одним или двумя легкими ранениями. Сибирская часть войска Ф. Голови-

Рис. Ратник, набранный в Иркутском уезде из крестьян и гулящих людей. Реконструкция – Багрин Е.А., Фомин Н.Д. Художник Николай Фомин
Fig. A warrior recruited in the Irkutsk district from peasants and trappers. Reconstruction – Bagrin E.A., Fomin N.D. Artist Nikolay Fomin

Таблица 2

Список иркутских новоприборных служилых людей, набранных из гулящих и промышленных людей в полк Федора Головина для защиты Даурии в 1685–1688 гг. Так как в разных списках есть отличные варианты написания имен и фамилий одних и тех же людей, все они приведены в скобках

Table 2

The list of names of Irkutsk recruits enlisted in the regiment headed by F. Golovin in 1685–1688. In brackets are different spellings of names of the same people

№	Иркутские новоприборные из промышленных и гулящих людей, отправленные в Даурию в конце 1686–1690 гг.	Новоприборные иркутские стрельцы полка Ф. Головина 1690 г. (частичный список 101 чел.)[9]	Промышленные люди из отряда Ерофея Могулева 38 чел. (отправлены в Даурию в феврале 1688 г.)[10]	Промышленные люди из отряда Перфирия Переломова 53 чел. (отправлены в Даурию в марте 1688 г.)[11]
1.	Албызов Пашка	отмечен	нет	нет
2.	Алексеев Ивашко	нет	нет	отмечен
3.	Антонов Иовко (Иевко)	отмечен	нет	отмечен
4.	Афонасьев Архипко (Афонасьив)	отмечен	нет	отмечен
5.	Бархатов Юрка (Юшка)	отмечен	нет	нет
6.	Борисов Агафонко	отмечен	нет	отмечен
7.	Боярщина Иванов Митька	нет	нет	отмечен
8.	Брюхов Митка (Брюхо Митька)	отмечен	нет	отмечен
9.	Бурков Ивашко	нет	нет	отмечен
10.	Буславской Мишка	отмечен	нет	нет
11.	Важенин Тимошка	отмечен	нет	нет
12.	Васильив Афонка (Васильев Афонька)	отмечен	нет	отмечен
13.	Васильев (Васильив) Ерошка (Ерофейко)	отмечен	отмечен	нет
14.	Васильев Ивашко	нет	отмечен	нет
15.	Васильив Андрюшка	отмечен	нет	нет
16.	Верхотур Алешка	отмечен	нет	отмечен
17.	Верхотур Ивашка (Ивашко)	отмечен	отмечен	нет
18.	Вологженин Ивашко	отмечен	нет	нет
19.	Гаврилов Сенька	нет	нет	отмечен
20.	Герасимов Ивашко	нет	отмечен	нет
21.	Горбов Максимка (Максимко)	отмечен	отмечен	нет
22.	Гороховской Ивашко	отмечен	нет	нет
23.	Григорьев Измайлко (Григорьив Измаилко)	отмечен	нет	нет
24.	Григорьев Максимко (Григорьив Максимка) десятник	отмечен	отмечен	нет

[9] РГАДА Ф. 214. Д. 1059. Л. 176, 192, 206 об, 322–324, 326.
[10] СДИБ. 1960. С. 311.
[11] СДИБ. 1960. С. 321.

25.	Григорьев (Григорьив) Осташка	отмечен	отмечен	нет
26.	Григорьев Якушка (Григорьев Якушко)	отмечен	нет	нет
27.	Давыдов Сенька	нет	нет	отмечен
28.	Дудников Ивсютка	отмечен	нет	нет
29.	Дулов Тришка	нет	нет	отмечен
30.	Душенкин Алешка (Душечкин)	отмечен	нет	нет
31.	Ерофеев (Ерофеив, Ерофиев) Фефилко (Филатко)	отмечен	отмечен	нет
32.	Зима Ивашко	отмечен	нет	нет
33.	Иванов Бориско	нет	нет	отмечен
34.	Иванов Ганка	отмечен	нет	нет
35.	Иванов Евсютка (Ивсютка)	отмечен	нет	нет
36.	Иванов Ивашка (Ивашко)	отмечен	отмечен	нет
37.	Иванов Куска	отмечен	отмечен	нет
38.	Иванов Мишка десятник	отмечен	нет	нет
39.	Иванов Петрушка	нет	отмечен	нет
40.	Иванов Стенка (Стенька)	отмечен	нет	отмечен
41.	Иванов Фетька	нет	нет	отмечен
42.	Иванов Якушка	отмечен	нет	нет
43.	Иванов Якушко	отмечен	нет	нет
44.	Игнашка Ларионов	отмечен	нет	нет
45.	Исаков Сенка (Сенька)	отмечен	нет	отмечен
46.	Исаков Якушка (Якушко, Якунка)	отмечен	нет	отмечен
47.	Калитинский Петрушка Иванов сын	нет	отмечен	нет
48.	Калитинский Яконка Иванов сын	нет	отмечен	нет
49.	Каргопол Фетька	нет	нет	отмечен
50.	Келарев Кирюшка (Кирюшко)	отмечен	нет	нет
51.	Кирпишников Ивашко	нет	нет	отмечен
52.	Козмин Долматко	нет	отмечен	нет
53.	Кокорин Ивашко	отмечен	нет	нет
54.	Колпак Афонка (Офонка)	отмечен	нет	нет
55.	Кондратьев Ивашка (Кондратьив Ивашко)	отмечен	нет	нет
56.	Кондратьев Стенка (Стенька)	отмечен	нет	отмечен
57.	Коровин Филка	отмечен	нет	нет
58.	Костянтинов Стенька	нет	отмечен	нет
59.	Котышев Юшко	нет	отмечен	нет
60.	Краснояр Фетька	нет	нет	отмечен
61.	Крюков Гришка	отмечен	нет	нет
62.	Кузнец Афонка	отмечен	нет	нет
63.	Ларионов Игнашка	отмечен	нет	нет
64.	Лоушкин Алешка	отмечен	нет	нет

65.	Лукьянов Ганка	отмечен	нет	нет
66.	Лукьянов Захарка (Захарко)	отмечен	нет	отмечен
67.	Лукьянов Лашко	нет	отмечен	нет
68.	Макаров Артюшка	отмечен	нет	нет
69.	Максимов Васка	отмечен	нет	нет
70.	Маракушин (Маракушив) Ивашко десятник	отмечен	нет	нет
71.	Маракушин Федка	отмечен	нет	нет
72.	Марков Алеша	нет	отмечен	нет
73.	Матвеев Сенка (Матвеив)	отмечен	нет	нет
74.	Мезенцов Оска	отмечен	нет	нет
75.	Мендин Васка (Васька)	отмечен	нет	отмечен
76.	Митрофанов Ганка (Гашко)	отмечен	отмечен	нет
77.	Михайлов Васка (Васька)	отмечен	отмечен	нет
78.	Михайлов Демка десятник	отмечен	отмечен	нет
79.	Михайлов Ивашко десятник	отмечен	нет	нет
80.	Михайлов Федка (Фетька)	отмечен	нет	отмечен
81.	Молодой Федка (Фетька)	отмечен	нет	отмечен
82.	Москвин Марко	нет	отмечен	нет
83.	Муромцов Кирюшка	отмечен	нет	нет
84.	Набецын Любимко (Набицын)	отмечен	нет	нет
85.	Надгоров Ивашко	нет	нет	отмечен
86.	Назарков Петрушка	нет	отмечен	нет
87.	Нечетинской Якушко	нет	нет	отмечен
88.	Никитин Тонкой Мишка	нет	отмечен	нет
89.	Носко Ивашко	нет	нет	отмечен
90.	Носков Афонка Федоров сын десятник	отмечен	нет	нет
91.	Обухов Епишка Зеновьев сын	отмечен	нет	нет
92.	Остафьев Зотка	нет	нет	отмечен
93.	Панов Фетька	нет	нет	отмечен
94.	Панфилов Алешка	отмечен	нет	нет
95.	Парфентьев Гашко	нет	отмечен	нет
96.	Пекишев Юшка (Пескишев)	отмечен	нет	нет
97.	Петров Никифорко (Микишка)	отмечен	нет	отмечен
98.	Пинягин Ивашко	нет	отмечен	нет
99.	Плотник (Плотников) Терешка	нет	отмечен	нет
100.	Плюснин Тимошка	отмечен	нет	нет
101.	Поликарпов Андрюшка	нет	нет	отмечен
102.	Попков Ивашко	отмечен	нет	нет
103.	Попков Куземка	отмечен	нет	нет
104.	Попов Андрюшка	нет	нет	отмечен
105.	Пот Сенька	нет	отмечен	нет
106.	Радионов Савка (Родионов)	отмечен	нет	отмечен

107.	Родионов Агафонко	отмечен	нет	нет
108.	Савин Пронка	отмечен	нет	отмечен
109.	Сапожников Фетька	нет	отмечен	нет
110.	Семенов Афонька	нет	нет	отмечен
111.	Семенов Трошка	нет	нет	отмечен
112.	Сергиев Трошка	нет	нет	отмечен
113.	Серышев Якушко (Серыщев)	отмечен	нет	нет
114.	Сибиряк Митка	отмечен	нет	нет
115.	Смаа Стенька	нет	нет	отмечен
116.	Смагин Ивашко	нет	нет	отмечен
117.	Смоленской Данилко	отмечен	нет	нет
118.	Соломидин Ивашко	отмечен	нет	нет
119.	Сопарев Лучка	отмечен	нет	нет
120.	Спицын Андрюшка	нет	отмечен	нет
121.	Старков Афонка	нет	отмечен	нет
122.	Степанов Петрушка	отмечен	нет	отмечен
123.	Стренин Фетька	нет	отмечен	нет
124.	Сука Федка	отмечен	нет	нет
125.	Сулейкин Ивашко	нет	нет	отмечен
126.	Суханов Митка	отмечен	нет	нет
127.	Сягай Стенка десятник	отмечен	нет	нет
128.	Тарабарской Митка	отмечен	нет	нет
129.	Телицын Антипка (Антипко)	отмечен	нет	нет
130.	Тимофиев Омилка	нет	нет	отмечен
131.	Томской Ивашка (Ивашко)	отмечен	нет	нет
132.	Тонкой Мишка	отмечен	нет	нет
133.	Трифонов Митька	нет	нет	отмечен
134.	Трофимов Якушко	нет	отмечен	нет
135.	Тюрюмин Мишка	отмечен	нет	нет
136.	Тютин Васька	нет	нет	отмечен
137.	Угрюмов Микитка (Никитка)	отмечен	нет	нет
138.	Фадеев Ивашко (Фадеив)	отмечен	нет	нет
139.	Федоров Савка	отмечен	нет	нет
140.	Феоктистов Федотко	нет	нет	отмечен
141.	Фомин Левка	нет	отмечен	нет
142.	Фролов Ивашка (Ивашко)	отмечен	нет	отмечен
143.	Фролов Мишка	отмечен	нет	нет
144.	Харитонов Фатка[12]	отмечен	нет	нет
145.	Харитонов Фетька	нет	нет	отмечен
146.	Хворой Васка	отмечен	нет	нет
147.	Хлызов Пашка	отмечен	нет	нет
148.	Хлызов Филка	отмечен	нет	нет

[12] Возможно, что Фатка и записанный ниже Фетька Харитоновы это одно лицо.

149.	Чарошник Фетька	нет	нет	отмечен
150.	Чаща Игнашка	нет	отмечен	нет
151.	Чупров Фетька	нет	отмечен	нет
152.	Чюданов Епишка (Чюжаков) десятник	отмечен	нет	нет
153.	Чюмак Афонька	нет	нет	отмечен
154.	Швынев Артюшка (Шпынев)	отмечен	нет	нет
155.	Шергин Мишка	нет	нет	отмечен
156.	Юрьев Симка	нет	отмечен	нет
157.	Якимов Андрюшка	отмечен	нет	отмечен
158.	Якимов Филка (Финка)	отмечен	отмечен	нет
159.	Яковлев Гашко	нет	нет	отмечен

на потеряла убитыми и умершими от ран, болезней и других причин 54 чел. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 269, 290). Исходя из этих данных и учитывая, что сибиряков было в 2 раза больше, чем москвичей, можно предположить, что последние, как самая опытная и обученная часть войска, принимали на себя основной удар. Поэтому, потери среди иркутских новоприборных людей, вероятно, были минимальны.

При переходе от Удинска к Селенгинску и обратно сибирские «выборные» служилые из-за того, что их лошади «от частых посылок померли» «под пушки и под всякие полковые припасы лошади на свои денги дорогою ценою, иркуцких новоприборных стрелцов с пушки давали по двенатцети рублев». Как видим из этого эпизода, несмотря на то, что иркутяне несли пешую стрелецкую службу, они имели собственных лошадей (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 227, 234). В полку московских стрельцов Федора Скрыпицына полковых припасов было 139 пудов 34 фунта ружейного и пушечного пороха, 50 пудов свинца, 5 пудов фитиля, 5 пушек (пищалей медных). В полку Павла Грабова 139 пудов 17 фунтов пороха, 50 пудов 20 фунтов свинца, 5 пудов фитиля, 150 пик (спис), 5 пищалей медных, а в полку Антона фон Смаленберга 20 пудов 13 фунтов пороха, 15 пудов свинца, 5 пудов фитиля, 100 пик, 2 пищали медных (РКО. 1972. С. 190). Суммарно общий вес перевозимого груза составлял более 730 пудов или 11680 кг. Так как от Рыбинска 30 повод перевозили 100 пудов груза, можно предположить, что иркутские новоприборные стрельцы организовали до 200 конных повозок. Проблему недостатка гужевого транспорта для подвод пытались решить за счет ясачных людей Иркутского, Верхоленского, Балаганского острогов и Итанцынского зимовья. Всего с бурятов и тунгусов было собрано 420[13] лошадей и 10 верблюдов. Однако во время перехода полков из Удинска в Нерчинск в августе 1688 г. Ф. Головин отметил, что «в стрелецких полкех лошади были подводные гораздо плохи, которые збираны з брацких людей, и многие, отбився ис под пушек и ис телег, у стрельцов за неученьем в телегах ушли в степи» (РКО. 1972. С. 351).

В августе 1688 г. Ф. Головин с полками выдвинулся в сторону Нерчинска. В Удинском остроге он приказал оставить капитана московских стрельцов Саву Володимерова и 120 человек. В их число входили: 33 московских стрельца, 34 служилых человека из полка Павла Грабова, 15 из полка Антона фон Смаленберга и 30 человек «иркуцких» и 8 «верхоленских», «которые присланы были в Удинск по весне» (РКО. 1972. 351–352). Скорее всего, эти иркутяне состояли в отряде В. Переломова, пришедшего в Удинск в марте 1688 г.

Также в августе 1688 г. в Нерчинск были отправлены люди поверстанные «вновь» из промышленных людей и ратников разных полков для службы в Албазине. В Нерчинском остроге их

[13] По другим данным, 384 лошади (из них 230 от ясачных людей Селенгинска и Итанцынского зимовья) (РКО. 1972. С.352).

должны были внести в окладные книги для службы пешими казаками и отправить к албазинцам «на вечное житье». В именном списке, представленном нерчинскому воеводе И. Власову, числились 22 чел. «иркутских людей», 8 чел. из илимских стрельцов, 1 енисеец и 1 сын албазинского пашенного крестьянина (РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 50–52 об.). Имена этих иркутян не упоминаются в списках людей, пришедших за Байкал зимой – весной 1688 года. Это были ратники «первого» призыва. С большой долей вероятности пришедшие перед этим из Нерчинска в числе людей С. Богатырева (табл. 3).

Во время перехода Ф. Головина в Нерчинск И. Власов просил посла отправить к нему подкрепление – «легких» людей. По просьбе воеводы 24-го июля 1689 г. в острог отправились пятидесятник московских стрельцов Степан Терентьев и 16 человек «иркуцких людей» (РКО. 1972. С. 468). Можно еще раз заметить, что иркутяне практически всегда входили в состав передовых отрядов, что вероятнее всего объясняется тем, что они знали даурские пути сообщения лучше других военных из «сибирских городов».

После подписания Нерчинского договора в августе 1689 г. Ф. Головин распределил свои силы между Нерчинском и Удинском. «Иркутские люди» числились в обеих крепостях. В именном списке, поданном Ф. Головиным в Сибирский приказ, отмечалось, что в Удинске, не считая иркутских новоприборных стрельцов, находился 741 человек. Всего в полку Головина в Удинске было 835 чел. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 293–294). Таким образом, среди них было 94 чел., набранных в Иркутске. В Нерчинске находилось около 90 чел., набранных в Иркутском уезде, включая 21 чел. «новых албазинских» пеших казаков, переведенных после разрушения Албазина.

18 февраля 1691 г. царским указом было приказано поделить пополам людей из сибирских «выборных» полков, первую половину отправить домой, а вторую половину оставить на временной службе в Удинске. Однако «албазинских старых и новых» и «иркуцких и иных городов новоприборных» следовало разместить в Даурии для постоянной службы. Отметим, что иркутяне, составлявшие самую многочисленную часть новобранцев, особо выделены среди прочих. Часть из них направлялась в Нерчинск для несения пешей службы «вместо … выборных полковых служилых людей в прибавку к нерчинским жилым и к албазинским старым и новым» (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 164, 167, 169, 200, 202–203, 206). Ф. Головин предлагал оставить в Удинске 74 иркутских ратника, а остальных

Таблица 3

Список иркутских новоприборных служилых людей, зачисленных в албазинские пешие казаки в августе 1688 г. (РГАДА. Ф. 1142. Д. 43. Л. 50–52 об.)

Table 3

The list of names of Irkutsk recruits enlisted in the Albazin foot Cossacks in August 1688 (RGADA. Fond 1142. File. 43. P. 50–52 overleaf)

№	Иркутские новоприборные служилые люди, зачисленные в албазинские пешие казаки в августе 1688 г.
1.	Григорьив Фомка
2.	Гудков Федоско Анисимов сын
3.	Евсевьив Ерофейка
4	Левухин Зотка Лукьянов сын
5.	Лукьянов Петрушка
6.	Малышев Никифорко Васильев сын
7.	Никонов Якушка
8.	Овдеив Захарко
9.	Палцов Архипко Петров сын
10.	Попов Васка Григорьев сын
11.	Прискулин Афонка Тимофеив сын
12.	Романов Андрюшка
13.	Рогов Лучка Иванов сын, промышленной
14.	Савельив Якушка
15.	Савин Стенка
16.	Семенов Пашка
17.	Устюженин Стенка Семенов сын
18.	Фотеив Ларка
19.	Широкой Артюшка Пантелеив сын
20.	Яковлев Васка
21.	Яковлев Кирюшка

отправить в Нерчинск (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 293–294). По царскому указу от 20 марта 1691 г. данному иркутскому воеводе Л. Кислянскому, число новоприборных служилых людей, переводимых из Удинска в Нерчинск, было увеличено, и должно было составить 83 человека. К указу прилагался поименный список. Вместе с царской грамотой в Иркутск была отправлена денежная казна 3000 р. Из этих денег служилые люди должны были получить по 5 р. жалования на 1691 г. (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 170, 172–173, 197, 203). Иркутяне, прежде отправленные в Нерчинск, должны были оставаться там до царского указа. Об этом отдельным указом был извещен нерчинский воевода Ф.И. Скрипицын (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 176, 197, 205).

Новоприборные служилые люди, набранные из промышленных и гулящих людей, часто не имели семей и постоянного места проживания. Поэтому они были самой удобной силой для формирования постоянных гарнизонов в даурских острогах. В докладном письме Федора Головина от 28 января 1691 года о том, кого лучше оставить на службе в Даурии отмечено: «а Иркуцким новоприборным быть в Удинску и в Даурских острогах без всякие тягости, возможно только дать им что небольшое на домовое строение» (РГАДА. Ф. 214. Д. 1059. Л. 291).

Итак, иркутские новоприборные люди отправились в Даурию 4-мя основными группами. Первая из них около 40 чел. шла в составе отряда С. Богатырева (самый конец зимы 1686 – весна 1687 гг.). Вторая вместе с основными силами посольского полка (сентябрь 1687 г.) – около 50–60 чел. Третья группа с Е. Могулевым (февраль 1688 г.) – 38 чел. Четвертая с П. Переломовым (март 1688 г.) – 53 чел. Всего не менее 180 чел. были зачислены в стрельцы и пешие казаки. Иркутяне часто отправлялись в авангардных отрядах, так как были одной из наиболее мобильных частей войска Ф. Головина, знающих пути сообщения в Даурии. Часть из них была зачислена в пешие казаки Албазинского острога для усиления его гарнизона. Иркутские новоприборные вошли в состав группы войск, которую оставили в Забайкалье для службы на постоянной основе, став ее базовой частью. На основе сопоставления имеющихся в распоряжении автора списков (см.: табл. 2 и 3) выявляются 180 имен иркутских новобранцев.

Таким образом, служилые люди, набранные в Иркутском уезде в 1686–1688 гг., сыграли заметную роль в процессе создания и усиления вооруженных сил России на восточном пограничье. Проблема участия иркутян в описанных событиях не ограничивается материалами данной статьи и нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список

Албазинский острог: История, археология, антропология народов Приамурья / отв. ред. А.П. Забияко, А.Н. Черкасов, 2019. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. 348 с.

Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1984. 272 с.

Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII вв. Владивосток: Дальнаука, 1999. 336 с.

Багрин Е.А. Военное дело русских на восточном пограничье России в XVII в.: Тактика и вооружение служилых людей в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье. СПб.: Нестор-История. 2013. 288 с.

Барахович П.Н. Службы «на крови». Служилые люди Красноярского острога и борьба с енисейскими киргизами в конце XVII столетия // История военного дела:

References

Zabiyako A.P., Cherkasov A.N. (2019) Albazin fortress: History, archeology, anthropology of the peoples of the Amur region. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 348 p. (In Russ.)

Aleksandrov V.A. (1984) Russia at the Far Eastern borders (second half of the 17th century). Khabarovsk: Khabarovskoe knizhnoe izdatel'stvo. 272 p. (In Russ.)

Artem'ev A.R. (1999) Towns and forts of Transbaikalye and Priamurye in the second part of the XVII–XVIII centuries. Vladivostok: Dal'nauka. 336 p. (In Russ.)

Bagrin E.A. (2013) Warfare of the Russians on the Eastern Border Lands of Russia in the 17th century: Tactics and weapons of the service people in the Baikal, Trans-Baikal and Amur regions. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 288 p. (In Russ.)

Barakhovich P.N. (2016) “Their service by blood”: Russia's Krasnoyarsk military in their struggle against the Kyrgyz tribes of the Yenisei region at the end of the seventeenth

исследования и источники. Специальный выпуск V. Стояние на реке Угре 1480–2015. Ч. II. Санкт-Петербург. 2016. С. 538–592. [Электронный ресурс]. URL: http://www.milhist.info/2016/08/08/barakhovich_3/ (17.01.2020).

Бахрушин С.В. Научные труды. Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. Сибирь и Средняя Азия в XVI–XVII вв. Т. 4. М., 1959. 257 с.

Дмитриев А.В. Войска «нового строя» в Сибири во второй половине XVII века. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2008. 240 с.

Леонтьева Г.А. Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII в. (по материалам Иркутского и Нерчинского уездов). М.: Московский педагогический государственный университет, 2012. 321 с.

Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.

Никитин Н.И. Военные факторы колонизации Сибири XVII в. как объект специального изучения // Российская история. 2014. № 3. С. 72–90.

Никитин Н.И. Военная история Сибири XVII в.: дискуссионные вопросы // Российская история. 2015. № 3. С. 58–77.

Пузанов В.Д. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI–XVII в.). СПб.: Алетейя, 2010. 432 с.

Пузанов В. Д. Гарнизон Тобольска и присоединение Восточной Сибири к Русскому государству // Государственная власть и местное самоуправление. 2014. № 5. С. 43–47.

Пузанов В.Д. Города Сибири и формирование служилого казачества Забайкалья в XVII в. // Регион в приграничном пространстве: материалы междунар. науч. конф. / Забайкальский государственный университет. Чита: ЗабГУ, 2016. Ч. 2. С. 9–12.

Пузанов В.Д. Службы гарнизона Тобольска в Западной Сибири в XVII в. // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 1 (33). С. 115–120.

Солодкин Я.Г. Основание русской Тюмени и начало формирования её гарнизона // Проблемы национальной стратегии. 2017а. № 4 (43). С. 190–202.

Солодкин Я.Г. Служилые люди Березова в конце XVI – первой трети XVII века: источники формирования и состава гарнизона // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные

century. *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki. Spetsial'nyi vypusk V. Stoyanie na reke Ugre 1480–2015* = History of military art: researches and sources. Special edition V. Great stand on the Ugra river. St. Peterburg. Pt. II. P. 538–592. Available from: http://www.milhist.info/2016/08/08/barakhovich_3/ [Accessed: January 17, 2020]. (In Russ.)

Bakhrushin S.V. (1959) Scientific works. Essays on the history of the Krasnoyarsk district in the XVII century. Siberia and Central Asia in the XVI–XVII centuries. Vol. 4. Moscow. 257 p.

Dmitriev A.V. (2008) Troops of the “new system” in Siberia in the second half of the 17th century. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 240 p. (In Russ.)

Leont'eva G.A. (2012) Service people in Eastern Siberia in the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century (based on materials from the Irkutsk and Nerchinsk counties). Moscow: Moscow Pedagogical State University. 321 p. (In Russ.)

Nikitin N.I. (1988) Service people in Western Siberia. Novosibirsk: Nauka. 256 p. (In Russ.)

Nikitin N.I. (2014) Military factors of the colonization of Siberia of the seventeenth century as an object of study. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. No 3. P. 72–90. (In Russ.)

Nikitin N.I. (2015) Siberia`s military history of the seventeenth century: some controversial issues. *Rossiiskaya istoriya* = Russian history. No 3. P. 58–77. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2010) Military factors of the Russian colonization of Western Siberia (late 16th – 17th centuries). St. Petersburg: Aleteiya. 432 p. (In Russ.)

Puzanov V. D. (2014) Garrison of Tobolsk and the annexation of Eastern Siberia to the Russian State. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* = State Power and Local Self-government. No 5. P. 43–47. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2016) Cities of Siberia and formation of the Transbaikalian Cossacks in the 17th century. *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. Konf.* = Region in border space: proceedings of the International Scientific Conference (Transbaikal State University). Chita: Transbaikal State University. P. 9–12. (In Russ.)

Puzanov V.D. (2017) Activity of the garrison of Tobolsk in Western Siberia in the XVII century. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Journal of Shadrinsk State Pedagogical University. No 1 (33). P. 115–120.

Solodkin Ya.G. (2017a). Founding of the Russian city of Tyumen and establishment of its garrison // Problemy natsional'noi strategii = National Strategy Issues. No 4 (43). P. 190–202.

Solodkin Ya.G. (2017b) Service class people of Berezov at the end of 16th and the first third of the 17th century: sources of formation and structure of the garrison. Nauchno-tekhnicheskie vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gu-

науки, 2017b. Т. 8. № 4. С. 10–16.

Трухин В.И., Багрин Е.А. Албазинский острог в 1665/1666–1689 гг.: фортификация и защитники – опыт исторической реконструкции // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. X. С. 385–431. [Электронный ресурс.] URL: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin (17.01.2020).

Bagrin E. Russian troops in the Far East (1640–1690) // The Namhansanseong Studies Series. Vol. 4. 2013a. P. 115–138.

Bagrin E. Weapons and tactics of Russian troops in the Far East in 1640–1690 (Armi e tattiche delle truppe russe in Estremo Oriente nel periodo 1640–1690) // Army antiche. Bollettino dell Accademia di San Marciano – Torino. 2013b. P. 149–176.

Критерии авторства

Е.А. Багрин выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Багрин Егор Андреевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник научно-методической службы,
Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина,
190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 3, Россия,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

manitarnye i obshchestvennye nauki = St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Humanities and Social sciences. Vol. 8. No 4. P. 10–16.

Trukhin V.I., Bagrin E.A. (2019) Albazin fortress in 1665–1689: its fortification and defenders (historical reconstruction). *Istoriya voennogo dela: issledovaniya i istochniki* = History of military art: researches and sources. Vol. X. P. 385–431. Available from: http://www.milhist.info/2019/01/30/tryxin_bagrin [Accessed: January 17, 2020]. (In Russ.)

Bagrin E. (2013a) Russian troops in the Far East (1640–1690) // The Namhansanseong Studies Series. Vol. 4. P. 115–138. (In Eng. and Korean)

Bagrin E. (2013b) Weapons and tactics of Russian troops in the Far East in 1640–1690 (Armi e tattiche delle truppe russe in Estremo Oriente nel periodo 1640–1690) // Army antiche. Bollettino dell Accademia di San Marciano. Torino. P. 149–176. (In Eng. and Italian)

Attribution criteria

E.A. Bagrin made the research work, on the basis of the results conducted a compilation, prepared the manuscript for publication, he owns the copyright on this article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Egor A. Bagrin,
Cand. Sci. (History), Researcher of the Scientific and Methodological Department,
Boris Yeltsin Presidential Library,
3, Senatskaya square, Saint-Petersburg 190000, Russia,
✉ e-mail: Egor-bagrin@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 9.94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-176-186

Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века

© В.Ю. Соломатова (Ларченко)

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья посвящена отношению к католическому миссионерству со стороны православия, а именно члена Пекинской духовной миссии, академика Л.С. Игорева. Также затронута альтернативная точка зрения протоиерея А.М. Иванцова-Платонова. В написании статьи были использованы источники из Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Государственного архива Саратовской области (ГАСО) и документы из архива Кяхтинского краеведческого музея (журнал «Китайский благовестник»). В статье цитируется не опубликованное письмо Льва Степановича Игорева 1860 года иркутскому ксендзу. Также используются опубликованные воспоминания Л.С. Игорева конца XIX века. Отношение православия и католицизма чаще отражено в источниках, как соперничающее и отрицательно относящееся друг к другу. В данной же статье показана веротерпимость и положительное отношение православия к католичеству на примере писем и воспоминаний Л.С. Игорева. Тем более в неспокойный военный период в Китае: период окончания Опиумных войн между Китаем и Англией, США, Францией и постоянных восстаний внутри самого Китая. В статье приводятся данные о построенных и разрушенных католических храмах в Китае и личностных особенностях самих проповедующих католиков. Умение вести проповедь на доступном местному населению языку, умение заинтересовать публику, увлечь за собой часто играли решающую роль в увеличении количества паствы.

Ключевые слова: христианство в Китае, католицизм, православие, Л.С. Игорев, католические храмы в Китае, опиумные войны, опиум, А.В. Потанина, внешнеполитическое положение Китая, журнал «Китайский благовестник», А.М. Иванцов-Платонов

Информация о статье: Дата поступления 27 января 2020 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Соломатова (Ларченко) В.Ю. Взгляд православия на католическое миссионерство в Китае в конце XIX века // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 176–186. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-176-186

A look of Orthodoxy on Catholic mission in China at the end of the XIXth century

© Valentina Yu. Solomatova (Larchenko)

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is devoted to the attitude to Catholic missionary work by Orthodoxy, namely, a member of the Beijing spiritual mission, academician L.S. Igorev. The alternative point of view is of Archpriest A.M. Ivantsov-Platonov. In working on this article, sources from the State Archive of the Irkutsk Region, the State Archive of the Saratov Region and documents from the archive of the Kyakhta Museum (the magazine “Chinese Evangelist”) were used. The article cites an unpublished letter from Lev Stepanovich Igorev of 1860 to the Irkutsk priest. Also used are the published memoirs of L.S. Igorev, end of the XIX century. The relationship between Orthodoxy and Catholicism is often reflected in the sources as rival and negatively related to each other. In the same article, tolerance and a positive attitude of Orthodoxy to Catholicism are shown on the example of letters and memoirs of L.S. Igorev. Especially during the turbulent war period in China: the period of the end of the Opium Wars between China and England, the United States, France and the constant uprisings within China itself. The article provides data on the built and destroyed Catholic churches in China and the personal characteristics of the preaching Catholics themselves. The

ability to preach in a language that is accessible to the local population, the ability to interest the public, to enthrall, often played a decisive role in increasing the number of flocks.

Keywords: Christianity in China, Catholicism, Orthodoxy, L.S. Igorev, Catholic churches in China, the Opium War, opium, A.V. Potanina, the foreign policy situation of China, the magazine «Chinese Evangelist», A.M. Ivantsov-Platonov

Article info: Received January 27, 2020; accepted for publication February 25, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Solomatova (Larchenko) V.Yu. (2020) A look of Orthodoxy on Catholic mission in China at the end of the XIXth century. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 176–186. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-176-186

Первое проникновение католичества в Китай произошло в VII веке (в правление династии Тан (618–907)), а именно такого направления, как несторианство, «еретической секты приверженцев сирийца Нестория» (После Марко Поло…, 1968. С. 9), возникшее в V веке в Восточной Римской империи. В 635 году группа несторианских миссионеров прибыла в столицу китайской империи – Чанъань (город Сиань) из Персии (Ломанов, 2002. С. 16), и уже через три года с разрешения императора Тайцзуна началось строительство в Пекине первого несторианского монастыря, тогда же был издан указ о веротерпимости. Христианству достаточно быстро удалось распространиться в Китае. Но этот период имел свое окончание – через два века в 845 году новый император Уцзун распустил несторианские монастыри и этот период распространения христианства был закончен. Как отмечает А.В. Ломанов, ссылаясь на К.С. Латуретта (K.S. Latourette), несторианские церкви «не оказывали ни масштабного, ни долговременного воздействия на Срединное Царство» (Ломанов, 2002. С. 14), тем самым закончив официально свою деятельность, они не оставили следов для последователей. Примечательным также является то, что несторианство активно смешивалось с местными верованиями и традициями, в том числе с буддизмом, превращаясь тем самым во что-то новое.

С XIII века начался новый период проникновения христианства в Китай с помощью недавно организованных орденов францисканцев и доминиканцев, «именно эти ордена взяли на себя все функции, связанные с разведкой, дипломатическими переговорами и распространением «истинной веры» (После Марко Поло…, 1968. С. 32). Хотя на территории Центральной Азии, Монголии и Китая, частично сохранились очаги несторианства, к этому периоду представлявшие собой «переселенцев из Византии и Ирана, осевших в XII–XIII веках на землях, которые лежали на восточных отрезках Великого шелкового пути» (Там же. С. 9). Много верующих в несторианство оставалось среди уйгуров, монголов-найманов и монголов-кереитов (Там же. С. 10). Францисканцы и доминиканцы внесли новую волну христианской веры, получив поддержку у правящей монгольской династии Юань.

Первая католическая миссия была основана францисканцами и началась с 1234 года (Ефимов, 2007. С. 241). Но скорее всего это были единичные визиты католиков в Китай, активная же миссионерская деятельность началась позднее. В книге Я.М. Света «После Марко Поло» отмечается другая дата – 1245 год. «Подготовка францисканцев и доминиканцев для отправки в монгольский Китай началась в январе – феврале 1245 года и шла в Лионе» (После Марко Поло…, 1968. С. 12).

Около века католическая вера росла и процветала в Китае. Но в 1368 году, при приходе к власти новой императорской династии Мин (1368–1644), начались жестокие гонения на христиан – сотни тысяч христиан были убиты, их имущество сожжено. Все христианские храмы были снесены.

Вплоть до 1591 года Китай проводил политику «закрытых дверей», отвечая недоверием на все попытки Запада проникнуть в Китай и проповедовать христианство. Хотя эти попытки предпринимались со стороны доминиканцев и францисканцев (в частности, португальский миссионер Гаспар да Круса, который побывал в Кантоне в 1556 году).

Но только после XV века, а именно с конца XVI – начала XVII века (с периода Великих географических открытий) взаимоотношения Европы с Азией стали постоянными, и сформировались христианские миссии.

Одним из первых европейцев, установивших постоянный контакт между Европой и Китаем, был итальянский миссионер Маттео Риччи (Matteo Ricci) из нового недавно созданного ордена иезуитов (Общество Иисуса или Орден Святого Игнатия) (Ларченко, 2015). Хотя основание иезуитской миссии в Китае принадлежит итальянцу Александро Валиньяно (1539–1606) в 1579 году (буквально через 39 лет после основания ордена), по инициативе которого в Китай были отправлены Микеле Руджери и затем Маттео Риччи, основавшие первую уже постоянно действующую христианскую миссию в Минской империи.

Несмотря на то, что христианство проникало в Китай ранее, в XVI веке миссионерам пришлось начинать все заново, включая и перевод догматической литературы.

Деятельность же Маттео Риччи (1552–1610) в Китае началась с 1583 года, когда он обосновался в портовом городе Макао, где первое время активно сотрудничал с Микеле Руджери (Michele Ruggieri), который начал свою миссионерскую деятельность с 1543 года. Их задачей было распространение христианства. Но оба миссионера пытались найти способ получить от китайских властей разрешение иезуитам работать во «внутреннем» Китае (поближе к императорской власти) (Ларченко, 2014).

Именно Маттер Риччи смог установить за 28 лет пребывания в Китае (умер в 1610 году) впервые постоянные культурные контакты между христианской Европой и замкнутым китайским обществом. Также он смог лояльно установить связь между конфуцианством и буддизмом, господствующими в Китае, с христианством (Ларченко, 2017а). «Иезуиты времен М. Риччи смогли не только свободно проповедовать религию, отличную от господствующих в Китае морально-этнических учений [конфуцианства] и буддизма, но и впервые почти адекватно представили Европе доселе таинственный «Катай» Марко Поло» (Дубровская, 2000. С. 7).

Но как раз из-за лояльного отношения католиков к конфуцианству и буддизму с XVIII века начался запрет деятельности ордена иезуитов. В 1742 году декретом папы римского Бенедикта XIV миссионерам были запрещены всякие попытки приспособить христианство к китайским обычаям. В 1773 году в Европе запретили и саму деятельность ордена иезуитов (по решению папы Климента XIV), в 1784 году его деятельность была запрещена и в Китае. С 1805 года китайцам запрещалось всякое общение с европейцами.

Несмотря на запрет общения с европейцами и после 1805 года в Китае продолжали действовать католические миссионеры. В XIX веке начали свою деятельность протестантские и евангелистские миссионеры, прибывавшие в Китай из Англии и Америки после Опиумных войн. Хотя период XIX века нельзя назвать наиболее спокойным для ведения проповеди, запреты, гонения на христианство продолжались, но численность верующих христиан возрастала. В 1890 году в Китае насчитывалось 0,5 млн католиков, в 1922 году – 2 млн, в 1937 году – 3 млн, в 1949 году – 4 млн (Ефимов, 2007. С. 18). По данным официальной статистики конца 1980-х годов, в КНР насчитывалось 3,5 млн католиков и 50 тыс. обращенных ежегодно, в 1997 году – 4 млн верующих католиков, 4 тыс. священников, более 4600 церквей и молитвенных домов (Ефимов, 2007. С. 18). В настоящее время количество верующих католиков составляет меньше 1 % от всего населения Китая.

В письме академика художеств, члена Пекинской духовной миссии Льва Степановича Игорева (1822–1893) видны интересные изменения, которые происходили с католичеством к концу XIX века. Данная статья развивает и принципиально дополняет предшествовавшую публикацию автора «Католическое миссионерство в Китае глазами Льва Степановича Игорева» (Ларченко, 2016), где автор цитирует письмо. Само письмо написано 5 декабря 1860 года ксендзу Иркутского римско-католического костела и хранится в Государственном архиве Иркутской области. Письмо не опубликовано и мало изучено. Из письма видно, что это была переписка между друзьями, где доверитель-

но излагалось увиденное. В данном источнике не было указано фамилии самого ксендза, только вежливое обращение на латыни: «Carrissime of Reverendissime Pater!» («Дорогой друг, Преподобный отец!») (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Но из других официальных писем Иркутского Римско-Католического костела (церкви) 1860 года видно, что ксендзом был К.С. Шверлицкий.

Почему же письмо было направлено из Пекина в Иркутск? Видно, отправляясь из Саратова в Китай, Лев Степанович Игорев, как и все другие путешественники и члены Пекинской духовной миссии (Русской православной миссии) проезжали Иркутск. Там скорее всего Лев Степанович и познакомился с католиком ксендзом костела. Поэтому как доброму другу и заинтересованному лицу в деятельности католиков в Китае Л.С. Игорев и отправил письмо. Сам же Лев Степанович, будучи православным и членом Пекинской духовной миссии, занимался в этой поездке зарисовкой портретов местных жителей и культурой народа Китая. Например, его работа «Китайские нищие на холоде» 1858 года хранится сейчас в Государственной Третьяковской галерее (Смирнов, 1958, С. 560). Также им был расписан храм Пекина в Северном подворье, не говоря уже о российских храмах, например, Смольном Соборе в Санкт-Петербурге.

Поездка и проживание в Пекине Льва Степановича приходятся на даты с 1857 по 1863 год – итого 6 лет. В своих воспоминаниях об этом времени Л.С. Игорев отмечает, что в Пекине занимался рисованием и «рисовал более всего то, что в особенности интересовало...» (Игорев, 1893. С. 371). «Надобно сказать, что у русских в Пекине два храма – один в Южном подворье, а другой – в Северном, где живут христиане – потомки пленных албазинцев, усердно посещающие храм. Живут эти потомки совершенно по-китайски и давно забыли русский язык» (Игорев, 1893. С. 371).

Из письма: «По изменившимся обстоятельствам Китайско-европейских политических дел, изменился и такт в Пекине христиан-католиков. Все что только мне теперь известно относительно Вашего желания могу порадовать Вас доброй весточкой, Вам конечно уже известно, что Французы дали себя понять: были в Пекине как хозяева и выпихали из него не даром…» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Речь идет об Опиумной войне, когда в революционную борьбу народных масс Китая против маньчжурского владычества вмешались сторонние государства, такие как Англия, США и Франция. К урегулированию этих отношений между странами была привлечена и Россия.

К концу XIX века в Китае образовалась немалая прослойка населения, употребляющая опиум. Общественный деятель XIX века Хуан Цзюэцзы в своем докладе императору в 1838 году сообщал: «Начиная с чиновного сословия правительственных учреждений вплоть до хозяев мастерских и лавок, актеров и слуг, а также женщин, буддийских монахов и даосских проповедников – все среди белого дня курят опиум, приобретают трубки и все принадлежности для курения опиума» (Усов, 2006. С. 178). Количество приобщившихся слоев и должностей можно увеличить в этом списке: маньчжурская знать, знаменные маньчжурские войска, евнухи, чиновники, земледельцы, шеньши, ученые, советникии секретари при чиновниках, торговцы, актеры, слуги, «зеленознаменные» войска, монахи, монахини, даосские проповедники, проститутки. «По имеющимся данным, в 1835 году число лиц, куривших опиум, ввезенный иностранцами, составляло свыше 2 млн человек» (Усов, 2006. С. 178).

Пагубное влияние от курения было велико. Вообще, опиум как медицинское средство был известен в Китае с VIII века, предположительно он был завезен арабскими купцами в качестве снотворного средства. Как наркотическое же средство опиум стал использоваться в XVIII–XIX века, начиная с периода оккупации Тайваня голландцами. Вначале курение опиума распространилось среди жителей приморских провинций Южного Китая, в последующем – это стало общественной проблемой. При этом, как отмечает русская путешественница по Китаю и Монголии в XIX веке А.В. Потанина, опиум являлся причиной «частых самоубийств в Китае», грязи и лености человека, а также вызывает сильную зависимость. «По словам миссионеров, страсть эта [курение опиума] распространяется в Китае с каждым годом все больше и больше. Те-

перь часто курят и женщины, и даже дети, девочки, и начинают курить все раньше и раньше. Дом, в котором мать курильщица, мне кажется, можно узнать сразу; вообще в Китае грязно, дети оборваны, но там, где мать курит, все это в десять раз хуже» (ГАИО. Ф. 779. Оп. 1. Д. 39. Л. 10).

Понимая пагубность опиума для народа и предпринимая неоднократно попытки к ограничению ввоза этого товара, цинским властям не удалось добиться этого. Активное процветание контрабанды, заинтересованность и взяточничество на всех уровнях китайской власти, а также заинтересованность Великобритании в ввозе этого товара не позволяли остановить этот порочный круг: «Опий, столь вредное для здоровья человека произведение, считается предметом роскоши…; посему англичане не упускают извлекать выгоду свою из сего народного вкуса» (Добель, 2002. С. 193). В результате энергичной борьбы против контрабанды в некоторых районах Китая (в частности в южных провинциях в 1839 году, где наместником был Линь Цзэ-сюй), в ходе которой конфискации подвергались запасы опиума в английских торговых факториях, это спровоцировало столкновения с англичанами, когда в 1840 году британская военная эскадра высадила десант на берегах Китая. Летом 1842 года, в ходе так называемой Первой опиумной войны (1840–1842), эти военные столкновения привели к поражению цинской империи и к подписанию Нанкинского договора, который «практически поставил Китай на колени» (Васильев, 2008. С. 413)[1]: империя должна была выплатить огромную контрибуцию и предоставить Англии множество льгот (открытие торговли в пяти портах, льготные условия для британских торговцев, вплоть до низких 5-процентных таможенных тарифов). Вскоре эти льготы получили и другие страны, а все иностранцы приобрели право экстерриториальности, то есть недоступности китайским властям.

После Второй опиумной войны (1856–1860), в которой Китай тоже проиграл, «полученные в результате мирные договоры не только разрешили европейским путешественникам попасть в китайские дома, но и гарантировали религиозную терпимость для христианских новообращенных» (Smith, 1998. P. 43), которые к концу XIX века подвергались гонениям. При этом данные войны отличались особой жестокостью, особенно для европейских военнопленных, захваченных китайцами, которые были известны своей жестокостью казней с древнейших времен. В своем письме Л.С. Игорев писал следующее: «Вы я думаю уже слышали, что китайцы человек до тридцати, близ Тунь-Чжоу, на пути в Пекин взяли в плен часть англичан и часть французов после переговоров самым постыдным образом обманом, и теперь засадили в Пекине в тюрьму, издевались над ними бесчеловечно и немилосердно. Кто умер в тюрьме от голода, кто от побоев, у кого обнажились от веревок кости, а у одного заживо крысы живот съели. Немногим суждено было остаться живыми. Пленных мучеников, англичане своих похоронили на Дуехом [предположительно, написано было не разборчиво], кладбище, а французы похоронили своих соотечественников на португальском кладбище, которое теперь в их полном владении. Я кажется описывал Вам это кладбище? Прекрасное!» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 2)

По результатам Второй опиумной войны был подписан Пекинский договор, который давал еще больше торговых привилегий европейцам.

К моменту китайской революции в следующем столетии (Синьхайская революция 1911–1912 годов, приведшая к свержению династии Цин) теория о том, что христианские миссии были по существу «идеологическим оружием западной имперской агрессии» (Stanley, 1990. P. 15), приобрела еще большее значение. «Эта грубая характеристика маскировала тонкую и сложную связь между миссионерами и имперской властью» (Stanley, 1990. P. 44). При этом определенную дозволенность в действиях получили не только миссионеры и торговцы по результатам войн, но и европейские страны в целом, ставшие активно вмешиваться в политическое положение в Китае.

[1] Васильев А.С. История Востока : в 2 т. Т. 1 : учебное пособие / Л.С. Васильев. 5-е изд., стер. М. : Высшая школа, 2008. 512 с.

В промежутке между опиумными войнами в Китае разгорелось и Тайпинское восстание 1850 года, направленное против маньчжурской империи Цин и иностранных колонизаторов. «Ужасная междоусобная война, какую редко знает история, идет почти пятнадцать лет, в то время как пришлые враги атаковали страну и предписали этой гордой нации унизительные условия [по Нанкинскому договору]. Гигантскими шагами это «Царство цветов» идет от падения к падению, и произойдут еще большие изменения, прежде чем оно сможет подняться из этого болота, в котором теперь погрязло. Причина такого положения вещей – чрезвычайная нравственная распущенность, которая заражает все слои общества. Безнравственность и разврат обдали своим заражающим дыханием народ и власти от простого квартального до самого императора, уничтожив всю энергию, силу, благородство и мощь этого древнего народа» (Усов, 2006. С. 364).

Именно эти события в XIX веке привели к изменениям во внешней политике и торговле, сделав Китай доступным для иностранцев, а также превратив Китай в «полуколонию» (Васильев, 2008. С. 413)[2]. При этом сами европейцы надеялись на улучшение своего положения в Китае, отмечая, что «непрестанные коммерческие сношения их, начавшиеся в последние годы с Европою и Америкою, должны скоро ввести туда [в Китай] наши улучшения, если не в чем другом, то по крайней мере в ремеслах и художествах» (Добель, 2002. С. 98). А также европейцы лелеяли надежду, что свержение маньчжурской династии Цин, как «зародыша разврата», есть прекрасное средство для «удаления зараженной части, чтобы остальному дать возможность поправиться и восстановить цветущее здоровье» (Усов, 2006. С. 385). «Только посредством массового удаления постороннего элемента и открытия Китая для иностранных наций возможно залечить ужасную рану, которая гложет страну» (Усов, 2006. С. 385).

Активное вмешательство со стороны иностранцев в политику, торговлю, религиозную жизнь Китая привели к новым военным действиям, а именно к восстанию ихэтуаней (1898–1901) (или боксерскому восстанию), проявившему особую жестокость по отношению к иностранцам. Это восстание затронуло и миссионеров, привело к их убийствам и казням. В 1900 году из 450 христиан-китайцев, состоявших при Российской Православной миссии, 215 были убиты (Усов, 2006. С. 299), по другим данным – 222 человека (Епископ Иоанн, 1910. С. 17). Остальные же под влиянием страха отреклись от православия или же разбежались и скрылись. Из них только 11 человек остались верны религии и остались живы (Епископ Иоанн, 1910. С. 17). Здания миссии были разрушены, памятники на православном кладбище были разбиты и уничтожены, некоторые из могил разрыты.

Далее в письме Льва Степановича Игорева говорится о том, что католики стали открывать новые храмы, такой как «храм близ [Шужвчти-]мынских ворот» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Ранее же богослужения происходили преимущественно в «частных домах» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Но проповедь католиков без храмов происходила не всегда. Как отмечалось выше, в период расцвета католицизма в Китае, Маттео Риччи были заложены благоприятные условиями для проповеди. При императоре Канси (1654–1722), четвертом императоре маньчжурской династии Цин, христианство было приравнено к буддизму и даосизму (по указу 1692 года). В этот период в Пекине «хороших и изящных храмов было четыре» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1), назывались они по своему географическому положению: южный, восточный, северный и западный. К концу XIX века, в момент описания Л.С. Игоревым, большая часть из них была разрушена. От восточного храма осталась «одна окружающая его стропила, ему принадлежащая». (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). От северного храма «остался один фундамент и окружавшие его строения» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Северный храм, или Северное русское подворье, как уже написано выше, относилось к православной миссии. От западного вообще ничего не осталось, «из-

[2] Васильев А.С. История Востока : в 2 т. Т. 1 : учебное пособие / Л.С. Васильев. 5-е изд., стер. М. : Высшая школа, 2008. 512 с.

вестно только одно место, где он был» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Сохранился только южный храм, который после реставрации был освещен и открыт в конце XIX века и «было уже несколько раз богослужение» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Данное южное подворье относилось также к православной миссии.

Согласно численности, которую приводит Лев Степанович, католиков «более двух тысяч, но вне Пекина их много» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Уменьшение их численности в Пекине связано с опиумными войнами, а именно с уменьшением европейских священников. Далее автор письма приводит имена священников, с которыми лично был знаком и которые «были у нас в подворье [на территории Русской православной миссии], дома у меня в квартире не один раз» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Л.С. Игорев описывает и дает характеристики французским миссионерам и китайским проповедующим католикам. Итого из его описания, он встретился и познакомился с 1 архиепископом (китаец; епископская степень), 7 священниками (4 француза и 3 китайца; священные саны), 1 епископом (француз; священный сан), 1 аббатом (француз; монашеская степень). В общей сложности 10 человек. При этом священные саны, монашеские и епископские степени Римско-католической церкви перемешаны в описании в письме. Скорее всего Лев Степанович не очень в них разбирался, просто приводил факты, с кем имел возможность познакомиться. Описывая французского аббата Деламара, Лев Степанович дает такое определение: «Деламар бреет до половины головы и по носил косу, приятной и пожилой наружности. […] Он настоящий Китаец! Какое доброе у него придоброе лицо и как он хорошо говорит. Он бывал у помощника нашего несколько раз, был и у Архимандрита нашего. Я все сбираюсь к нему съездить и предложить свои услуги писать с него портрет» (ГАИО. Ф. 297. Оп. 1. Д. 35. Л. 1). Теплые чувства к католикам пронизывают все письмо, давая положительные характеристики членам Римско-католической церкви.

Так и не известно точно, сделал ли портрет аббата Деламара, но через 3 года после отправления письма, в 1863 году, Лев Степанович вместе с миссией покинул Пекин, уехав в Санкт-Петербург в связи с окончанием срока пребывания миссии. Вообще, в Китай было направлено всего 20 православных миссий, первая из которых прибыла в Пекин из Тобольска в 1715 году (Иеромонах Николай (Адоратский), 1887). Период пребывания миссий не ограничивался жизнью миссионеров, как это чаще всего было, а устанавливался определенный срок, который в XIX веке составлял в среднем 8–10 лет.

В архиве Кяхтенского краеведческого музея хранятся журналы, отчеты, изданные по миссионерству в Китае. В частности достаточно большим материалом был богат журнал «Китайский благовестник», издаваемый в типографии Успенского монастыря при Русской Духовной миссии с 1903 года (Ларченко, 2018). В этом журнале за 1909 год имеется статья, примечание Федора Власова о католической проповеди во время ожидания своей очереди на прием к доктору (Власов, 1909). Статья достаточно ярко показывает важность личности в проповеди, способность заинтересовать простых людей и объяснить доходчиво. Эти качества к XIX веку стали играть немаловажную роль при миссиях (Ларченко, 2017b).

В больнице в Вэй-хуй-фу, которая располагалась при английской миссии, для посещения доктора необходимо было получить номера, «за которые платят, в первый раз по 5 коп., в остальные по 2 коп.». Данный номер предназначался для очередности, в которой больные входили к доктору. «Номера представляют бамбуковые дощечки, называемые «пай-цза», на них цифры поставлены до ста». К доктору же пускалось по 5 человек, где проводился осмотр, накладывались бинты при необходимости и обрабатывалась рана, а также выдавалось небольшое количества лекарства на дом, если было нужно (небольшое с целью, чтоб человек пришел еще раз на прием и заплатил за вход). Но самое интересное было организовано во время ожидания очереди, которая порой затягивалась на несколько часов. А именно проповеди, проводимые миссионерами англичанами, но больше самими китайцами, «при чем один сменяет другого и

проповедь таким образом может идти беспрерывно». При этом к проповеди допускались все желающие христиане, «в три моих посещения я видел на кафедре [в больнице на месте с которого вещали] и учителей и слуг и, по-видимому, поваров в засаленной одежде, переднике и с косой, замотанной вокруг черепа головы». Поскольку люди за день часто сменяли друг друга, то порой проповедь шла об одном и том же – о событиях «первых глав книги Бытия», где рассказы «простирались не далее потопа». И часто не обладая всей полнотой знаний, рассказывалось, как умелось, что приводило к не особому увлечению слушателей-больных проповедью: «многие совсем как бы не замечали, что проповедь идет, громко разговаривали», некоторые даже спали и храпели при этом. Но Ф. Власова впечатлил особенно один рассказчик, «китаец, и как видно не особо образованный, да и одет он был слишком просто». Однако он привлек всеобщее внимание. «Китаец хорошо владел манерами актера-комика и широко пользовался жестикуляцией», применяя в рассказе все – руки, ноги, голову, а также используя хорошо поставленный голос. «Ему досталось говорить о грехопадении и прародителей. Надо было видеть, как он попеременно выполнял роли то Адама, то Евы, то змея, то, наконец, Бога и всякая роль проводилась по его личным понятиям, – как он сам понимал положение каждого лица в разбираемом сюжете… Особенно рельефно он провел роль змея в искушении». На аудиторию он оказал неисгладимое впечатление, так как все внимательно слушали его, чувствовали и сопереживали сказанному. «Зрители, казалось, не пропускали ни одного движения, у некоторых мускулы лица конвульсивно вздрагивали. Китайская толпа не устанет слушать такого проповедника»! (Власов, 1909. С. 29). Сколько было случаев в истории, когда личностные качества миссионера (да и не только можно говорить про миссионеров) заставляли идти за ним народ. Умение вести разговоры, ораторское искусство, умение подать себя публике – приковывало взгляды, а при нужных рассказах и заставляло сделать то, что было необходимо оратору, в частности принять новую веру. Этот фактор часто играл решающую роль в количестве обращенных в веру, в желании следовать за выступающим, но мог не оказать значительных результатов без таких же личностей в этом деле.

Поэтому наибольшего успеха в успешном проведения религиозной миссии достигали люди, которые были способны вести за собой народ, при этом стать своим, понять язык и преодолеть языковой барьер, а также своим поведением подавать хороший пример окружающим. Эти качества стали востребованы в конце XIX – начале XX века при выборе членов миссии, хотя далеко не все миссионеры были таковыми.

Сочинения профессора Московского университета протоиерея А.М. Иванцова-Платонова, изданные московской комиссией братства преподобного Сергия в 1894 году, в пользу нуждающихся бывших воспитанников Московской духовной академии, рассказывают о западных вероисповеданиях на период конца XIX века. В этих сочинениях дается оценка деятельности православного священника западной церкви, в том числе римско-католическим богослужениям в целом, и не только во время миссионерства. Оценка дается субъективная, но отражает мнения священнослужителей русской православной церкви, как наиболее преданных религии. «Вообще в римско-католическом богослужении меньше, чем в православном, духовной высоты, внутреннего смысла, религиозной строгости и чистоты древнего предания. В нем более чувственного, мирского характера, более заботы о внешности и расчетов на эффект, более влияния на воображения, чем на ум» (Иванцов-Платонов, 1894. С. 57).

Нередко в изданиях различного периода появляется точка зрения, что католики причисляли к своей вере всех, кто ни пожелает, православные же причисляли только тех, кто действительно, по их мнению, проникся верой, а не стремился путем приобщения к новой религии добиться каких-то благосклонностей. Полагаю, что данный момент повлиял на высокие показатели приобщенных к католицизму в Китае XIX века – начала XX века, хотя такая точка зрения наиболее характерна для пра-

вославных – отображать чистоту и истинность своих намерений.

На основании рассмотренных писем, статей в журналах, сочинений можно сделать вывод, что католичество имело несколько этапов проникновения в Китай. Из наиболее успешных и продолжительных – период действия несторианских миссионеров в эпоху династии Тан, затем период деятельности францисканцев и доминиканцев в эпоху династии Юань и деятельность иезуитов в период царствования династий Мин и Цин. Все эти периоды характеризуются расцветом христианства в Китае. В то время строились новые храмы, большое количество китайцев были обращены в религию. Наибольший расцвет, стабильность и укрепление при императорском дворе католицизм получил при иезуитах. Особенно во времена деятельности Маттео Риччи. Период расцвета сменился упадком, который объясняется сменой политической власти в стране и внешнеполитическим положением Китая в XIX веке, связанным с войнами и восстаниями. В этот период прослеживаются разрушенные католические храмы, небольшое количество священников в Пекине, что видно их письма Льва Степановича Игорева, члена Пекинской духовной миссии. Из приведенных цитат и данных, сообщенных Л.С. Игоревым, также видно доброжелательное и заинтересованное отношение к католикам. Например, в своем письме он дает положительную оценку личностям западных священников в Китае и лицам, приобщенным к католицизму, что объясняется дружественными отношениями к ним с его стороны. Хотя в целом православному миру была свойственна совсем другая точка зрения – а именно недобросовестность католиков в духовном плане, что видно из сочинения А.М. Иванцова-Платонова.

Библиографический список

Власов Ф. Корреспонденция // Китайский благовестник. 1909. Вып. 9–10 С. 28–29.

Добель П.В. Путешествия и новейшие наблюдения в Китае, Маниле и Индо-китайском архипелаге / ред. В.А. Макаренко. М.: Восточный Дом, 2002. 272 с.

Дубровская Д.В. Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: Краф+; Институт востоковедения РАН, 2000. 256 с.

Епископ Иоанн. Современное состояние православной миссии в Китае // Китайский Благовестник. 1910. Вып. 8. С. 16–27.

Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской Православной Церкви. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2007. 688 с.

Иванцов-Платонов А.М. О западных вероисповеданиях / соч. проф. Московского ун-та протоиерея А.М. Иванцова-Платонова. М. : Издание книгопродавца А.Д. Ступина, 1894. 164 с.

Игорев Л.С. Воспоминания академика Академии художеств Льва Степановича Игорева // Саратовский край: исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов: Издание Саратовского Общества вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. С. 363–372.

Иеромонах Николай (Адоратский). Православная миссия в Китае за 200 лет ее существования (посвящается русским синологам) / I. Положение православия и

References

Vlasov F. (1909) Correspondence. *Kitaiskii blagovestnik* = Chinese Evangelist. Iss. 9–10. P. 28–29. (In Russ.)

Dobel' P.V. (2002) Travels and latest observations in China, Manila and the Indo-Chinese archipelago. Moscow: Vostochnyi Dom. 272 p. (In Russ.)

Dubrovskaya D.V. (2000) Jesuit mission in China. Matteo Ricci et al. (1552–1775). Moscow: Kraf+; Institut vostokovedeniya RAN, 2000. 256 p. (In Russ.)

Episkop Ioann.(1910) The current state of the Orthodox mission in China. *Kitaiskii Blagovestnik* = Chinese Evangelist. Iss. 8. P. 16–27. (In Russ.)

Efimov A.B. (2007) Essays on the history of the missionary work of the Russian Orthodox Church. Moscow: Izd-vo Pravoslavnyi Svyato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet. 688 p. (In Russ.)

Ivantsov-Platonov A.M. (1894) About Western Religions. Moscow: Izdanie knigoprodavtsa A.D. Stupina. 164 p. (In Russ.)

Igorev L.S. (1893) Memoirs of the Academician of the Academy of Arts Lev Igorev Stepanovich. *Saratovskii krai: istoricheskie ocherki, vospominaniya, materialy* = Saratov Territory: historical essays, memoirs, materials. Saratov: Izdanie Saratovskogo Obshchestva vspomoshchestvovaniya nuzhdayushchimsya literatoram. Iss. 1. P. 363–372. (In Russ.)

Ieromonakh Nikolai (Adoratskii). (1887) Orthodox mission in China for 200 years of its existence (dedicated to Russian Sinologists). I. The situation of Orthodoxy and the

православной миссии в Китае // Православный собеседник Казанской духовной академии. Казань: Типография Императорского Университета 1887. Февраль. С. 252–266.

Ларченко В.Ю. Влияние миссионерской деятельности ордена иезуитов на общественное сознание в Китае в период пребывания в этой стране Маттео Риччи (XVI век) // Российская цивилизация: история, проблемы, перспективы: XIII Межрегиональная молодежная научно-практическая конференция. Иркутск, 2014. С. 73–77.

Ларченко В.Ю. Европейское научное знание как фактор влияния на политику и мировоззрение Китая в конце XVI – начале XVII в. // Политические культуры на Востоке и Западе: взгляд из Сибири. Всероссийская научная конференция. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2015. С. 91–97.

Ларченко В.Ю. Католическое миссионерство в Китае глазами Льва Степановича Игорева // Успехи современной науки и образования. Белгород, 2016. Т. 2. № 8. С. 16–19.

Ларченко В.Ю. Китайский благовестник, как исторический источник Российской православной миссии в XIX–XX веках и принципы успешности проповеди христианства в Китае // Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике : Всероссийская молодежная научно-практическая конференция. Биробиджан, 2018. С. 56–63.

Ларченко В.Ю. Причины успеха миссий католической церкви в Китае по сравнению с православными. Различия устройства католической и православной церквей // Десятые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2017a. Т. 2. С. 31–33.

Ларченко В.Ю. Уклад жизни китайцев под воздействием христианских миссионеров с XVII по XIX века // Россия – Китай: История и культура : сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017b. С. 348–353.

Ломанов А.В. Христианство и китайская культура. М.: Восточная литература. 2002. 269 с.

После Марко Поло. Путешествия западных чуже-

Orthodox mission in China. *Pravoslavnyi sobesednik Kazanskoi dukhovnoi akademii* = Orthodox interlocutor of the Kazan Theological Academy. Kazan': Tipografiya Imperatorskogo Universiteta. Fevral'. P. 252–266. (In Russ.)

Larchenko V.Yu. (2014) The influence of the missionary activities of the Jesuit Order on public consciousness in China during the stay in this country Matteo Ricci (XVIth century). *Rossiiskaya tsivilizatsiya: istoriya, problemy, perspektivy: XIII Mezhregional'naya molodezhnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* = Russian civilization: history, problems, prospects: XIII Interregional Youth Scientific and Practical Conference. Irkutsk. P. 73–77. (In Russ.)

Larchenko V.Yu. (2015) European scientific knowledge as a factor in influencing the politics and worldview of China in the late XVI – early XVII centuries. *Politicheskie kul'tury na Vostoke i Zapade: vzglyad iz Sibiri. Vserossiiskaya nauchnaya konferentsiya* = Political cultures in the East and West: a view from Siberia: All-Russian Scientific Conference. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 91–97. (In Russ.)

Larchenko V.Yu. (2016) Catholic missionary work in China through the eyes of Lev Stepanovich Igorev. *Uspekhi sovremennoi nauki i obrazovaniya* = Successes in modern science and education. Belgorod. Vol. 2. No. 8. P. 16–19. (In Russ.)

Larchenko V.Yu.(2018) The Chinese evangelist, as the historical source of the Russian Orthodox mission in the XIX–XXth century and the principles of the success of the preaching of Christianity in China. *Molodezhnye issledovaniya i initsiativy v nauke, obrazovanii, kul'ture, politike : Vserossiiskaya molodezhnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* = Youth Studies and Initiatives in Science, Education, Culture, Politics: All-Russian Youth Scientific and Practical Conference. Birobidzhan. P. 56–63. (In Russ.)

Larchenko V.Yu. (2017a) The reasons for the success of the missions of the Catholic Church in China compared with the Orthodox. Differences in the structure of the Catholic and Orthodox churches. *Desyatye Baikal'skie mezhdunarodnye sotsial'no-gumanitarnye chteniya* = Tenth Baikal International Social and Humanitarian Readings. Irkutsk: Irkutsk State University.Vol. 2. P. 31–33. (In Russ.)

Larchenko V.Yu. (2017b) The way of life of the Chinese under the influence of Christian missionaries from the XVII to XIX centuries]. *Rossiya – Kitai: Istoriya i kul'tura : sbornik statei i dokladov uchastnikov X mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsi* = Russia – China: History and Culture: Collection of articles and reports of participants of the X international scientific and practical conference. Kazan': Izd-vo Akademii nauk RT, 2017b. S. 348–353. (In Russ.)

Lomanov A.V.(2002) Christianity and Chinese culture. Moscow: Vostochnaya literatura. 269 p. (In Russ.)

Sveta Ya.M. (1968) After Marco Polo. Travel of

земцев в страны Трех Индий / пер. с лат. и староитал. яз., вступ. статья и прим. Я.М. Света. М. : Наука, 1968. 238 с.

Смирнов Г.Ю. Лев Степанович Игорев // Русское искусство. Середина девятнадцатого века : очерки о жизни и творчестве художников / под ред. А.И. Леонова. М.: Искусство, 1958. С. 541–567.

Усов В.Н. Жены и наложницы Поднебесной. М. : Наталис; Рипол Классик, 2006. 479 с.

Smith S.C. British imperialism, 1750–1970 / Simon C. Smith. – Cambridge : University Press, 1998. – 132 p.

Stanley B. The Bible and the flag: Protestant missions and British imperialism in the nineteenth and twentieth centuries / Brain Stanley. – Apollos, 1990. – 192 p.

Критерии авторства

В.Ю. Соломатова провела сбор информации в архивах, на основании полученных данных провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Соломатова (Ларченко) Валентина Юрьевна,
аспирантка кафедры мировой истории и международных отношений исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
664025, Иркутск, ул. Чкалова, 2, Россия,
✉ e-mail: valentiinka@mail.ru

Western strangers to the countries of the Three Indies. Moscow: Nauka. 238 p. (In Russ.)

Smirnov G.Yu. (1958) Lev Igorev Stepanovich. *Russkoe iskusstvo. Seredina devyatnadtsatogo veka : ocherki o zhizni i tvorchestve khudozhnikov* = Russian art. Mid-nineteenth century: essays on the life and work of artists. Moscow: Iskusstvo. P. 541–567. (In Russ.)

Usov V.N. (2006) Wives and concubines of the Middle Kingdom. Moscow: Natalis; Ripol Klassik. 479 p. (In Russ.)

Smith S.C. British imperialism, 1750–1970 / Simon C. Smith. – Cambridge : University Press, 1998. – 132 p.

Stanley B. The Bible and the flag: Protestant missions and British imperialism in the nineteenth and twentieth centuries / Brain Stanley. – Apollos, 1990. – 192 p.

Attribution criteria

V.Yu. Solomatova collected information in the archives, based on the data she obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article, and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Valentina Yu. Solomatova (Larchenko),
Post-graduate student, Department of World History and International Relations, Faculty of History,
Irkutsk State University,
2, Chkalov street, Irkutsk 664025, Russia,
✉ e-mail: valentiinka@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47).084.3:323.1(571.151+571.513)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-187-195

Лидеры национального движения народов Сибири в условиях Гражданской войны (на материалах Ойротии и Хакасии)

© Е.П. Мамышева

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, Россия

Аннотация: В статье рассматривается деятельность лидеров национального движения таких сибирских народов, как хакасы и алтайцы, в годы Гражданской войны. Названные этнические общности были охвачены ростом и активизацией национальных движений под влиянием общенационального кризиса в условиях Первой мировой войны, революций и Гражданской войны. Подчеркивается, что и советская власть, и белые правительства осознавали необходимость привлечения на свою сторону народов Сибири. Используя достижения современной историографии, автор оценивает действия советской власти в национальном вопросе в условиях военного времени. Белые правительства откладывали окончательное решение вопроса о правах территорий до окончания войны и созыва Всероссийского учредительного собрания и отказывались признавать местные правительства, рассматривая их как проявления сепаратизма. Устанавливая отношения с лидерами национальных движений, и красные, и белые использовали не только мирные средства, но зачастую отдавали предпочтение репрессивным мерам. Особое внимание уделено деятельности хакасского этнографа С.Д. Майнагашева и алтайского художника Г.И. Гуркина, которые, не оставляя своих творческих занятий, были вовлечены в общественно-политическую деятельность. Охарактеризовано их участие в судьбе хакасского и алтайского этносов, дана оценка их вкладу в создании предпосылок дальнейшего национально-государственного строительства в советский период.

Ключевые слова: национальное движение, Гражданская война, Хакасия, Ойротия, лидеры, Каракорум, национальный комитет хакасов, автономная область, белые правительства, Сибревком, Сибнац

Информация о статье: Дата поступления 9 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Мамышева Е.П. Лидеры национального движения народов Сибири в условиях Гражданской войны (на материалах Ойротии и Хакасии) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 187–195. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-187-195

The leaders of the national movement of the Siberian people during the Civil War (based on Oirotia and Khakas materials)

© Elena P. Mamysheva

Khakas State University named after N.F. Katanov, Abakan, Russia

Abstract: The article is devoted to the activity of the leaders of the national movement of such Siberian people as the Khakas and the Altaians during the Civil War. These ethnic communities were enveloped with the growth and increased activity of the national movements under the influence of the national crisis in the conditions of the First World War as well as revolutions and the Civil War. It is emphasized that both the Soviet government and the White governments realized the need to attract the Siberian people to their side. Using the achievements of modern historiography, the author assesses the actions of the Soviet government in the national question during the wartime situation. White governments postponed the final decision on the issue of territorial rights until the end of the war and the convocation of the All-Russian Constituent Assembly, and refused to recognize local governments, considering them to be manifestations of separatism. Establishing relationships with leaders of national movements, both the Reds and the Whites used not only peaceful techniques, but often preferred repressive meas-

ures. Particular attention is given to the activities of Khakass ethnographer S.D. Mainagashev and Altai artist G.I. Gurkin who were involved in social and political activities not stopping their creative activity. Their contribution in the fate of the Khakas and the Altaians ethnic groups is characterized, their participation in creation of the prerequisites for further national-state construction in the Soviet period is evaluated.

Keywords: national movement, Civil War, Khakassia, Oirotia, leaders, Karakorum, Khakass national committee, autonomous oblast, White governments, Sibrevcom, Sibnats

Article info: Received January 9, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Mamysheva E.P. (2020) The leaders of the national movement of the Siberian people during the Civil War (based on Oirotia and Khakas materials). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 187–195. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-187-195

Гражданская война в России начала XX века, по мнению отечественных исследователей, является уникальным феноменом, который оказал глубокое воздействие и во многом предопределил ход отечественной истории и развитие международных отношений в последующие десятилетия (Крестьянский протест в Сибири…, 2018. С. 3), поэтому обращение российского общества на любом этапе развития к проблемам ее истории является актуальным. Необходимость осмысления ее причин, событий и итогов возникает еще и потому, что существует задача наполнения ее истории «реальными людьми, действующими в экстремальных условиях междоусобной борьбы, устранить мифы, постараться понять мотивы поведения людей»» (Новиков, 2005. С. 4).

Целью представленной статьи является исследование деятельности национальных лидеров Хакасии и Ойротии в условиях Гражданской войны. Территориальные рамки статьи определены границами автономных областей, созданных в ходе национально-государственного строительства в местах компактного проживания хакасов и алтайцев. В 1922 г. была учреждена Ойротская автономная область, которая в 1925 г. вошла в состав Сибирского, в 1930 г. – Западно-Сибирского, в 1937 г. – Алтайского краев. Хакасия прошла путь от уезда (1923) и округа (1925) до Хакасской автономной области (ХАО), образованной в 1930 г. в составе Западно-Сибирского края, в 1934 г. вошедшей в состав Красноярского края. Успехи в национально-государственном строительстве алтайцев и хакасов в 1922–1930 гг. были подготовлены развернувшимся после февральской революции в их среде национальным движением, возглавленным в Хакасии – Степаном Дмитриевичем Майнагашевым, в Горном Алтае – Григорием Ивановичем Чорос-Гуркиным.

Имя Степана Дмитриевича Майнагашева сегодня высоко чтится в Хакасии. В 2017 г. на здании Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории была установлена мемориальная доска с его именем. В том же году Совет старейшин хакасского народа наградил Степана Дмитриевича высшей общественной наградой – орденом Алыпа (народного героя).

С.Д. Майнагашев (1886–1920) получил образование в Красноярской духовной семинарии, затем в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского. Он поддерживал научные связи с известными востоковедами и Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии, участвовал в этнографических и лингвистических экспедициях, организованных на его родину (Гладышевский, 1999. С. 23). По возвращению домой Степан Дмитриевич возглавил национальное движение. Руководимый им Национальный комитет весной и летом 1917 г. организовал проведение инородческих съездов, на которых был поставлен вопрос о выделении инородческого района из Ачинского и Минусинского уездов Енисейской губернии в самостоятельное административно-территориальное образование и было принято решение об их самоназвании – хакасы (Проблемы этногенеза…, 2017). Решение многих задач связывалось с созывом Учредительного собрания, с возможностью представительства в нем хакасов. С.Д. Майнагашев, как и его соратники, придавал важное значение не только вопросам народного образования, но и вопросам соз-

дания национального законодательства и суда (Мамышева, 2016. С. 109).

Известного художника Г.И. Чорос-Гуркина (1870–1937) в настоящее время на Алтае называют «вдохновителем первых алтайских государственных образований…» (Тадина, 2018. С. 296). В соответствии с распоряжением Правительства Республики Алтай в 2020 г. разработаны мероприятия в Национальном музее им. А.В. Анохина, научно-исследовательском институте алтаистики им. С.С. Суразакова, которые посвящаются 150-летию со дня рождения Чороса-Гуркина.

Мальчик родился в крестьянской семье, получил начальное образование в миссионерской школе, «где в классе иконописи и зародился интерес юного алтайца к искусству» (Самыкова, 2008. С. 159). В 1897–1898 гг. он обучался у И.И. Шишкина, а спустя год был принят вольнослушателем в Академию художеств по классу профессора А.А. Киселева. Его работы выставлялись в Томске, Барнауле, Новониколаевске, Красноярске, что принесло ему известность в среде сибирской интеллигенции. Художник, стремясь «возродить национальное самосознание алтайцев, оставил искусство и включился в политическую деятельность, не имея явно выраженных политических пристрастий» (Самыкова, 2008. С. 162). Вместе со своими единомышленниками Григорий Иванович инициировал создание Алтайской Горной Думы (июль 1917 г. – февраль 1918 г.), которая в условиях победы противников советской власти была преобразована в Каракорум-Алтайскую окружную управу (Модоров, Мезенцев, 2017. С. 161).

Существование в Сибири с ноября 1917 по март – апрель 1918 г. многовластия, определяемого конкретным соотношением политических сил в пределах административно-территориальных образований, свидетельствует, по мнению исследователей, о том, что никакого «триумфального» шествия советской власти с точки зрения сроков и содержания процесса не было (Шиловский, 2003. С. 420). В таких условиях лидеры национальных движений вставали на путь политики лавирования: «вынуждены были перейти от сотрудничества с эсерами и областниками к попыткам наладить диалог и добиваться признания своей легальности от всех существовавших властей» (Сушко, 2008. С. 142).

Белые правительства, которых к августу 1918 г. насчитывалось порядка двадцати (Комуч в Самаре, Временное сибирское правительство в Омске, Уральское областное в Екатеринбурге и др.), не могли остаться в стороне от решения национального вопроса. Временное Сибирское правительство, власть которого распространялась на изучаемый регион, откладывало окончательное решение вопроса о правах территорий до созыва Всероссийского Учредительного собрания, и отказывалось признавать местные правительства, рассматривая их как проявления инородческого сепаратизма[1]. По мнению правительства, ни юридически, ни политически было нецелесообразно помогать реальному образованию «новых государственных единиц». Оно соглашалось лишь на предоставление культурно-национальной автономии народам Сибири. С этой целью в июле 1918 г. были опубликованы «Основные положения о границах культурной автономии национальностей Сибири», разработанные Министерством туземных дел во главе с автономистом-областником М.Б. Шатиловым[2]. Суть названного документа сводилась к тому, что Министерство туземных дел не возражало против существования национальных земств, управ с функциями национально-культурных объединений, но и не собиралось признавать их публично-правовые функции.

После падения Советов в Минусинском уезде, в состав которого входила территория компактного проживания хакасов, в июне 1918 г. власть перешла к уездному комиссариату. В этих условиях хакасская общественность «…всё более проникалась чувством самоутверждения и настойчиво продолжала добиваться от них оформления консолидации своего народа» (Шекшеев, 2014. С. 87). Съезд его представителей, собравшись в июле 1918 г., восстановил Степную думу и управу под председательством

[1] Аманжолова Д.А. Национальный вопрос в годы гражданской войны в России // История (первое сентября). 2003. № 9. С. 1–9. Сайт «Журнал «История» [Электронный ресурс]. URL: https://his.1sept.ru/2003/19/1.htm (15.12.2019).
[2] Там же.

С.Д. Майнагашева. Новая власть обратила внимание на социальную активность Майнагашева и, несмотря на его сотрудничество с Советами в Минусинском уезде, пригласила на работу в своих структурах. На съезде хакасского народа было заявлено о создании национального земства, данное решение было поддержано Енисейским губернским земским собранием, которое в сентябре 1918 г. постановило «создать с января 1919 г. новое земство из семи национальных волостей Минусинского и Ачинского уездов».

На Алтае Временное Сибирское правительство проявило свою лояльность по отношению к Каракоруму, заявив о готовности к сотрудничеству с управой. В исследованиях подчеркивается, что Министерство внутренних дел этого правительства констатировало неизбежность процесса национального самоопределения среди «оседлых и некоторых кочевых инородцев Сибири» в форме национально-политических организаций, при условии, что «насущные национальные потребности» не будут противоречить общественным интересам (Самушкина, 2018. С. 265).

По требованию Временного Сибирского правительства Каракорум, автономный статус которого был поддержан МВД и его Советом по туземным делам, отказался от идеи создания «Алтайской республики» и лозунга «Алтай для алтайцев!», выдвинутых в июле 1918 г. капитаном Сатуниным (Сушко, 2002. С. 22). Центральный военный совет, возглавляемый Сатуниным, выразил согласие подчиниться Временному сибирскому правительству при условии признания им провозглашенной сатунинцами Алтайской республики. Временное сибирское правительство расценило действия Сатунина, как направленные на создание бутафорской республики и потребовало от руководителя управы Гуркина «ликвидировать самовольную деятельность Сатунина и восстановить гражданское самоуправление» (Демидов, 1996. С. 70). Каракорумская управа в начале августа 1918 г. добилась от Сатунина согласия не вмешиваться в решение вопроса об автономии Алтая и оставить его в компетенции сибирского правительства.

Правы исследователи, которые утверждают, что «стремление к легитимизации автономий – территориальных и культурно-национальных, региональных составило суть конфликта местных организаций и партий с центральной властью – и во многом определяло смысл и содержание межэтнических отношений»[3]. На местах властные структуры стремились к укреплению собственной власти на автохтонной территории и крайне неохотно принимали участие в междоусобной борьбе советской власти и центров белого движения. Национальные движения при этом отнюдь не были едины и, несмотря на малочисленность, распадались на неустойчивые партийно-политические структуры.

Национальная политика колчаковского правительства, которая выстраивалась в соответствии с военно-политическими задачами, была обречена на противоречивость. С одной стороны, в основе его представлений лежала «доктрина «целокупной», «единой и неделимой» России…, непримиримость в отношении вновь образовавшихся окраинных государств» (Нам, 2009. С. 284). С другой стороны, в условиях военно-политической обстановки и одновременно масштабов национальных движений А.В. Колчак «избегал открыто заявлять о своих великодержавных устремлениях». Вслед за А.И. Деникиным «он придерживался формулы «непредрешения государственного строя» до окончания Гражданской войны» (Там же).

Положение коренных народов объяснялось тем, что разные народы «управлялись различными законоположениями», созданными в различные годы, не согласованными между собой. При МВД правительства Колчака был образован департамент туземных дел, в компетенцию которого входила разработка предложений и указов по делам всех туземцев Сибири. К работе в департаменте представители коренных народов не привлекались. Более того, колчаковцы начали репрессии против национальных лидеров. Так, Г.И. Чорос-Гуркин писал: «Меня арестовали колчаковцы за автономию, за отделение Алтая от неделимой царской России и судили за измену государству» (Еркинова, 2000. С. 9). В конце 1919 г., уходя от колчаковских преследований и спасая свои художественные полотна, он

[3] Там же.

выехал в Монголию. Художник вспоминал: «Передо мной стояла задача спасти, прежде всего, от разграбления свой художественный материал, на собрание которого было затрачено много лет, энергии, средств, сил и труда, и который я должен был спасти для алтайского народа, как его национальное достояние» (Там же).

В то же время организационная, военная, экономическая слабость многих национальных структур заставляла их идти на уступки белым, лавировать в сложной военно-политической обстановке, поступаться своими программными установками. К примеру, Каракорумская управа, вступив под покровительство Колчаковского правительства, вынуждена была провести досрочную мобилизацию в белую армию (Демидов, 1996. С. 85). С разрешения властей в феврале 1919 г. состоялся очередной съезд алтайских народностей, в ходе которого был создан главный алтайский комитет туземных народностей, который был возглавлен Г.М. Токмашевым, а попавшего в опалу Гуркина выбрали лишь кандидатом в члены. В апреле 1919 г. комитет обратился в МВД с просьбой санкционировать его как существующую организацию с подчинением туземному отделу МВД. Однако данная просьба была проигнорирована.

Добиваясь военно-политических целей, белые режимы оставили без должного внимания этнический фактор, «..предводители белых затягивали вопрос о национальном самоопределении, а борьба за единую и неделимую Россию усиливала национальные движения на всем многонациональном пространстве бывшей империи, что рождало новые значительные проблемы» (Борисов, 2019. С. 218). Разочарование национальных лидеров в антибольшевистских силах, их недоверие к власти вызывали нарастание межнациональной напряженности и конфликтов. В данной ситуации симпатии национальных лидеров переходили на сторону советской власти, в пользу которой играли не только факторы военного превосходства, но и обещания социально-экономических реформ со стороны красных.

Советская власть, невзирая на условия военного времени, занялась уточнением основных задач национальной политики в отношении народов Сибири. В обращении ВЦИК и СНК к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству, опубликованному 16 августа 1919 г., говорилось, что применительно к ним «…подтверждается «Декларация прав народов России», где всем народам предоставляется самим определять свои судьбы, что уже сделано другими народностями России»[4]. В то же время Советская власть проявляла настороженность в вопросах границ политического самоопределения национальных окраин. Национальное и религиозное многообразие страны заставляло большевиков постоянно осмысливать этот факт в соответствии с новыми вызовами времени. Наркомнац телеграммой восточным окраинам России призвал вовлекать массы в революционный процесс обещанием автономии: ее «необходимо взять» у «буржуазных групп», «очистив … от буржуазной скверны» (Этнический и религиозный факторы…, 2012. С. 72).

Сибревком, обладавший на тот момент всей полнотой гражданской и военной власти, был вынужден специальным распоряжением, адресованным председателям губисполкомов, «предписывать немедленно организовать нацотделы». Весной 1920 г. в составе Сибревкома был образован отдел по делам национальностей (Сибнац)[5]. Сибнац состоял из организационно-инструкторского, этнографо-экономического, татарского, эстонского, якутского, бурятского, горно-алтайского, немецкого, латышского, литовского, еврейского, польского подотделов, финансово-хозяйственной части. Перед нацотделами стояла задача укреплять советское строительство среди многочисленных этнических групп Сибири, приспосабливать его к бытовым и культурным особенностям этих национальных окраин. Отсутствие подобного опыта в Сибири создавало определенные трудности в деле организации нацотделов на местах. В некоторых губерниях деятельность национальных отделов в первое время не отвечала предъявляемым требованиям, и повинны в этом зачастую были исполкомы, неуделявшие отделам

[4] Сибирский революционный комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925.: сборник документов и материалов. Новосибирск : Кн. изд-во, 1959. С. 25–28.
[5] Там же. С. 19.

должного внимания. Имело место и «полное непонимание или нежелание понять задач и обязанностей нацотделов от некоторых работников, не только не оказывающих содействия, но часто противодействующих их организации и работе»[6]. Кроме того, созданные на местах нацотделы были лишены самого необходимого для работы, штаты отделов были заполнены только на 25–30 %.

Партийное руководство их деятельностью концентрировалось в национальных подотделах Сиббюро ЦК РКП(б), губернских и уездных партийных комитетов. Созданные структуры были призваны решить две задачи: «… интеграция автохтонного населения в структуру нового советского социалистического общества и модернизируемой экономики, а также защита прав и интересов коренного населения» (Белозерова, 2008. С. 16). В условиях социально-экономического кризиса губисполкомы зачастую упускали из вида деятельность нацотделов, в связи с последним обстоятельством заместитель председателя Сибревкома и заведующий Сибнацем вынуждены были рассылать специальные циркуляры с требованием «неуклонно исполнять распоряжения ВЦИК, СНК и Наркомнаца об усилении деятельности нацотделов» (Этнокультурные взаимодействия в Сибири.., 2003. С. 20)[7].

Поражение белых в гражданской войне укрепило позиции Советов, что позволило им отказаться от идеи национально-культурной автономии, Учредительного собрания, Сибирской областной думы. Стоит согласиться с авторами, которые утверждают, что «на территориях компактного проживания крупных народов, имевших националистически настроенные элиты, антисоветская борьба, по сути, прекращалась после создания национально-государственных образований на основе компромисса коммунистов с националистами» (Этнокультурные взаимодействия в Сибири.., 2003. С. 21)[8]. В то же время по мере восстановления Советской власти в Сибири объявлялась непримиримая война политическим оппонентам. Малейшие проявления политической самостоятельности под разными предлогами были подвергнуты преследованиям и устранениям. В репрессивном законодательстве насчитывались тысячи нормативно-правовых актов, которые направляли политическое насилие. Столь жесткие меры советская власть оправдывала тем, что была вынуждена объявить «красный террор», который предусматривал расстрел «классово враждебных» элементов, причастных к контрреволюционным заговорам, и их изоляцию в концентрационных лагерях.

Носительница идей возрождения своих народов, интеллигенция была представлена как опасная оппозиция. После восстановления Советской власти в сентябре 1919 г. в Минусинском уезде в числе оппонентов оказался лидер хакасов Степан Дмитриевич Майнагашев. Его работа в контрреволюционном уездном комиссариате, членство в партии эсеров явились причиной того, что в марте 1920 г. С.Д. Майнагашев вместе с братьями был арестован в родном улусе. По мнению исследователей, «задержание Майнагашевых …напоминало войсковую операцию», в которой были задействованы 107 бойцов (86 пехотинцев и 21 кавалерист) под руководством начальника 4-го участка Минусинской уездной комиссии Р.Э. Харью (Шекшеев, 2006. С. 167–180). Минусинская уездная ЧК в течение месяца рассмотрела полученное из уездной милиции дело по обвинению семерых братьев Майнагашевых в агитации, организации банды и вооруженном выступлении против советской власти. 24 апреля 1920 г. ею было вынесено решение, по которому Степан Дмитриевич и Василий Дмитриевич Майнагашевы, как создатели и командиры карательного отряда, были расстреляны (Шекшеев, 2006. С. 170–176; Шекшеев, 2017. С. 124).

В перипетии Гражданской войны попали и другие представители национальной интеллигенции изучаемых народов. Для Георгия Маркеловича Токмашева, представителя алтайской интеллигенции, 1920 г. стал временем великих потрясений и потерь. В начале января в центре Каракорума в с. Улала была восстановлена советская власть, которая сначала

[6] Там же.

[7] Этнокультурные взаимодействия в Сибири (XVII–XX вв.): тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции. В.А. Ламин (отв. ред.). Новосибирск: НГУ, 2003. 304 с.

[8] Там же.

отнеслась к бывшему каракорумцу вполне лояльно. Ему была доверена доставка небольшого количества серебра из Паспаульского ревкома в Улалу (Мамышева, 2011. С. 58). Затем он был введен в состав «ликвидационной комиссии, созданной Улалинским ревкомом для принятия дел, имущества и всей отчетности Каракорум-Алтайской управы» (Там же). Вскоре отношение ревкома к Токмашеву резко изменилось: по решению ревкома он был арестован и доставлен в уездный центр в г. Бийск. По приговору Алтайской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией Г.М. Токмашев, как член контрреволюционной земской управы и как сознательный и непримиримый враг рабоче-крестьянской власти в июне 1920 г. был приговорен к расстрелу. Его помиловали, однако два года он провел в заключении.

Л.А. Сары-Сэп Конзычаков от имени Алтгубнаца неоднократно обращался в Сиббюро ЦК РКП(б) и в Наркомнац с просьбой о возбуждении ходатайства «о предании забвению их минувшей деятельности» (Государственный архив Новосибирской области (ГАНО). Ф. П. 1. Оп. 1. Д. 8. Л. 1). В одном из докладных писем в 1921 г. он отмечал, что многие культурные работники побывали в местах лишения свободы, и «до сего времени даже после освобождения из таковых не уверены в том, что по чьему-нибудь доносу они опять очутятся там же» (Там же). Подобные множественные обращения Конзычакова сыграли не последнюю роль в том, что в сентябре 1921 г. коллегия Наркомнаца приняла постановление об амнистировании культурно-политических работников туземцев юга Сибири, а именно Горно-Алтайского уезда Алтайской губернии, Бийского уезда Алтайской губернии, Кузнецкого уезда Томской губернии, Минусинского уезда Енисейской губернии за их деятельность в 1918–1919 гг. (ГАНО. Ф. П. 1. Оп. 2. Д. 169. Л. 114). Коллегией было принято решение «работников туземцев, работавших как в административных, так и в общественных организациях, от репрессий за минувшую деятельность освободить».

Однако Г.И. Гуркин, опасаясь гонений со стороны большевиков, предпочел перебраться из Монголии в Туву (в этот период она не входила в состав России). До переезда в Кызыл он жил в Атамановке (ныне Кочетово), работал учителем в русской школе. В середине 1925 г., незадолго до отъезда на Алтай, Г.И. Чорос-Гуркин переехал в Кызыл. В конце 1925 г. художник получил разрешение вернуться в СССР. Григорий Иванович преподавал в художественной школе, писал картины, иллюстрировал книги, занимался просветительской деятельностью. В 1937 г. Гуркин был обвинен в «контрреволюционной повстанческой деятельности» и в октябре того же года расстрелян вместе со старшим сыном.

Таким образом, в условиях Гражданской войны с ее переменчивой военно-политической обстановкой лидеры национального движения Хакасии и Ойротии не оставляли усилий в достижении целей, поставленных перед собой, вступая в сотрудничество с антибольшевистскими центрами. Восстановление Советской власти в Сибири предопределило дальнейшую судьбу лидеров национального движения. Сотрудничество последних с белыми явилось причиной подозрительного отношения к ним со стороны специальных органов и послужило причиной репрессивных мер против них.

Библиографический список

Белозерова М.В. Деятельность представительств и уполномоченных по делам национальных меньшинств Наркомнаца в Южной Сибири (1920–1930-е гг.) // Известия Алтайского государственного университета. 2008. Т. 4. № 4. С. 16–21.

Борисов А.А. Исторический опыт нациестроительства в Якутии (1922 – конец 1930-х гг.) // Новейшая история России. 2019. Т. 9. № 1. С. 214–232. DOI: 10.21638/11701/spbu 24.2019.113.

Гладышевский А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев. 1886–1920: очерк жизни и деятельности. Абакан:

References

Belozerova M.V. (2008) Activity of the People's Commissariat of Nationalities agencies and authorized representatives in South Siberia in the 1920s–1930s. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Izvestiya of Altai State University. Vol. 4. No. 4. P. 16–21. (In Russ.)

Borisov A.A. (2019) The Historical experience of Nation-Building in Yakutia (1922 to the late 1930s). *Noveishaya istoriya Rossii* = Modern History of Russia. Vol. 9. No. 1. P. 214–232. (In Russ.) DOI: 10.21638/11701/spbu24.2019.113.

Gladyshevskij A.N. (1999) Stepan Dmitrievich Mainagashev. 1886–1920: essay on life and work. Abakan:

Хакасский государственный университет, 1999. 62 с.

Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 1996. 156 с.

Еркинова Р.М. Я сын Алтая: основные вехи жизни Г.И. Чорос-Гуркина (фактическая канва) // Наука, культура, образование. 2000. № 6/7. С. 9–10.

Крестьянский протест в Сибири в годы революции и Гражданской войны / сост. И.В. Курышев; Ишимский педагогический институт им. П.П. Ершова (филиал) Тюменского государственного университета. Тюмень, 2018. 320 с.

Мамышева Е.П. Национально-государственное строительство в Южной Сибири в 1917–1941 гг.: история, опыт, проблемы. Абакан, 2011. 246 с.

Мамышева Е.П. С.Д. Майнагашев – ученый и просветитель Хакасии // Выдающиеся просветители Евразии / сост. Р.Р. Баязитова. Уфа, 2016. С. 102–113.

Модоров Н.С., Мезенцев Р.В. Из истории становления государственности алтайского народа (к 25-летию образования Республики Алтай) // Мир большого Алтая. 2017. Т. 3. № 2. С. 158–170.

Нам И.В. Национальные меньшинства Сибири и Дальнего Востока на историческом переломе (1917–1922 гг.). Томск: Изд-во Томского университета, 2009. 496 с.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 415 с.

Проблемы этногенеза хакасского народа // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 100-летию первых съездов хакасского народа и возрождения народного имени (23–25 августа 2017 года). Абакан, 2017. 78 с.

Самушкина Е.В. Этнонациональная элита Горного Алтая: проблема формирования исторической памяти аборигенного сообщества (1917–1918 гг.) // Манускрипт. Тамбов: Грамота, 2018. Ч. 2. № 12 (98). С. 263–267. DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-2.15

Самыкова И.В. Художник и революция (общественно-политическая деятельность Г.И. Чорос-Гуркина) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. 2008. Серия 6. Вып. 2. С. 159–164.

Сушко А.В. «Дело капитана Сатунина» на страницах сибирской периодической печати // Омский научный вестник. 2002. Вып. 18. С. 21–24.

Сушко А.В. Роль В.И. Анучина в развитии алтайского национализма в 1918 г. // Известия Алтайского госу-

Khakass State University. 64 p. (In Russ.)

Demidov V.A. (1996) From Karakorum to autonomy. Novosibirsk: Novosibirsk State University. 156 p. (In Russ.)

Erkinova R.M. (2000) I am son of Altai: the main milestones of the life of G.I. Choros-Gurkin (actual canvas). *Nauka, kul'tura, obrazovanie* = Science, culture, education. No. 6/7. P. 9–10. (In Russ.)

Kuryshev I.V. (2018) Peasant protest in Siberia during the revolution and the Civil War. Ershov Ishim Pedagogical Institute (branch) of Tyumen State University. Tyumen. 320 p. (In Russ.)

Mamysheva E.P. (2011) National-State Building in Southern Siberia in 1917–1941: History, Experience, Problems. Abakan. 246 p. (In Russ.)

Mamysheva E.P. (2016) S.D. Mainagashev – scientist and educator of Khakassia. Outstanding educators of Eurasia. Ufa. P. 102–113. (In Russ.)

Modorov N.S., Mezencev R.V. (2017) From the history of statehood of the Altai people (the 25th anniversary of education of Republic of Altai). *Mir bol'shogo Altaya* = World of Great Altay. Vol. 3. No. 2. P. 158–170. (In Russ.)

Nam I.V. (2009) National minorities of Siberia and Far East during the historical crisis (1917–1922). Tomsk: Tomsk State University. 496 p. (In Russ.)

Novikov P.A. (2005) Civil War in Eastern Siberia. Moscow: Tsentrpoligraf. 415 p. (In Russ.)

(2017) *Problemy etnogeneza khakasskogo naroda. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu pervykh s"ezdov khakasskogo naroda i vozrozhdeniya narodnogo imeni (23–25 avgusta 2017 goda)* = Problems of ethnogenesis of the Khakass people. Materials of the all-Russian scientific and practical conference dedicated to the 100th anniversary of the first congresses of the Khakass people and the revival of the people's name (August 23–25, 2017). Abakan. 78 p. (In Russ.)

Samushkina E.V. (2018) National elite of Gorny Altai: problem of forming historical memory of aboriginal community (1917–1918). *Manuskript* = Manuscript. Tambov: Gramota. Pt. 2. No. 12 (98). P. 263–267 (In Russ.) DOI: 10.30853/manuscript.2018-12-2.15

Samykova I.V. (2008) The artist and the Revolution (Grigory Choros-Gurkin's social and political activity). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of the Saint Petersburg State University. Ser. 6. Iss. 2. P. 159–164. (In Russ.)

Sushko A.V. (2002) "The case of captain Satunin" on the pages of the Siberian periodical press. *Omskii nauchnyi vestnik* = Omsk scientific Bulletin. Iss. 18. P. 21–24. (In Russ.)

Sushko A.V. Rol' V.I. (2008) V.I. Anuchin's role in the development of Altai nationalism in 1918. *Izvestiya Al-*

дарственного университета. 2008. № 4–1. С. 142–145.

Тадина Н.А. Памятник Чорос-Гуркину как символ потестарной идеи «Ойрот» // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год.: материалы XIII международной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Библиотечно-издательский центр Горно-Алтайского государственного университета, 2018. Вып. 13. С. 294–297.

Шекшеев А.П. Гражданская смута на Енисее: победители и побежденные. Абакан: Хакасское книжное изд-во, 2006. 593 с.

Шекшеев А.П. Гражданская война на юге Приенисейской Сибири (1918–1922 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2014. № 2 (11). С. 81–108.

Шекшеев А.П. Вожаки крестьянского повстанчества на Енисее в начале 1920-х гг. // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 1. С. 118–131. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131

Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 гг. Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. 428 с.

Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства / отв. ред. Т.Ю. Красовицкая, В.А. Тишков. Москва: Новый хронограф, 2012. 447 с.

taiskogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya of Altai State University. No. 4–1. P. 142–145. (In Russ.)

Tadina N.A. (2018) Monument to Choros-Gurkin as a symbol of the potestar idea «Oirot». *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verhnem Priob'e (arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god. Vyp. 13. Materialy XIII mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* = Field research in the Altai, the Irtysh region and the Upper Ob region (archaeology, ethnography, oral history). 2017. Proceedings of the XIII international scientific and practical conference. Gorno-Altajsk: Bibliotechno-izdatel'skii tsentr Gorno-Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Iss. 13. P. 294–297. (In Russ.)

Sheksheev A.P. (2006) Civil Distemper on the Yenisei: Winners and defeated. Abakan. 593 p. (In Russ.)

Sheksheev A.P. (2014) Civil War in the south of Yeniseian Siberia (1918–1922). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Irkutsk. No. 2 (11). P. 81–108. (In Russ.)

Sheksheev A.P. (2017) Leaders of Peasant Rebellion on the Yenisei River in the Early 1920s. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 13. No. 1. P. 118–131. (In Russ.) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-1-118-131

Shilovskii M.V. (2003) Political processes in Siberia in the period of social cataclysms 1917–1920. Novosibirsk: Sibirskii khronograf. 428 p. (In Russ.)

Krasovitskaya T.Yu., Tishkov V.A. (2012) Ethnic and religious factors in the formation and evolution of the Russian State. Moscow: Novyi khronograf. 447 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Е.П. Мамышева выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.P. Mamysheva performed research work based on the obtained results, made a generalization, prepared the manuscript for publication, has the copyright to the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Мамышева Елена Петровна,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России,
Хакасский государственный университет
им. Н.Ф. Катанова,
655017, г. Абакан, пр. Ленина, 92, Россия,
✉ e-mail: sozor@mail.ru

Information about the author

Elena P. Mamysheva,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Professor of the Department of Russian History,
Khakas State University named after N.F. Katanov,
92, Lenin avenue, Abakan 655017, Russia,
✉ e-mail: sozor@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94(47)+94(517)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208

Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.)

© Н. Хишигт[a], Л.В. Курас[b], Б.Д. Цыбенов[b]

[a] Институт истории и этнологии Монгольской академии наук, г. Улан-Батор, Монголия
[b] Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация: В статье рассматриваются события, связанные с поездкой монгольских революционеров в 1920 г. в ДВР и Советскую Россию. В частности, авторы изучают ряд малоизученных вопросов, включая роль советских представителей и бурятских деятелей в организации помощи монгольской делегации. Особое внимание уделено пребыванию монгольских революционеров в городах ДВР – Троицкосавске и Верхнеудинске. Контакты с уполномоченным НКИД России в Монголии О.И. Макстенеком и председателем Совета министров ДВР Б.З. Шумяцким укрепили веру монгольских делегатов в правильности выбранного революционного пути. Выяснено, что в Иркутске монгольские делегаты, рассчитывавшие на официальное письмо от имени Богдо-гэгэна о восстановлении автономного статуса Монголии, потерпели фиаско. С другой стороны, под влиянием ведущих иркутских революционеров первая монгольская «семерка» полностью встает на путь революционной борьбы. Именно в Иркутске монгольские делегаты начинают осознавать серьезность и необходимость советских революционных идей и их возможность внедрения на территории Монголии. Часть монгольской делегации продолжает продвижение в Омск и Москву, где встречается с членами Сибирского бюро ЦК РКП(б), руководством НКИД, Политбюро ЦК РКП(б). Как показывают данные, большую роль в продвижении идей монгольской революции сыграл бурятский деятель Э-Д. Ринчино, представивший Монголию членам Политбюро ЦК РКП(б) как революционный плацдарм для продвижения мировой революции на Восток.

Ключевые слова: монгольская делегация, Дальневосточная республика, Советская Россия, Монгольская народная партия, письмо Богдо-гэгэна, О.И. Макстенек, Б.З. Шумяцкий, Э-Д. Ринчино, революция

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-МинОКН (Монголия) проект № 19-59-44004\19 «Монгольская революция 1921 г. в зеркале транснациональной истории монгольского мира» (к 100-летию Монгольской революции 1921 г.).

Информация о статье: Дата поступления 15 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Хишигт Н., Курас Л.В., Цыбенов Б.Д. Дорогами надежд и ожиданий (монгольская делегация в ДВР и Советской России в 1920 г.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 196–208. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208

The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920)

© Norovsambuu Khishigt[a], Leonid V. Kuras[b], Bazar D. Tsybenov[b]

Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaator, Mongolia
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia

Abstract: The article examined the trip of the Mongol revolutionaries in 1920 to the Far Eastern Republic and Soviet Russia. The authors study the role of Soviet representatives and Buryat political actors in organizing assistance to the Mongolian delegation. The article analyzes the stay of the Mongol revolutionaries in the cities of the Far Eastern Republic – Troitskosavsk and Verkhneudinsk. The Mongolian delegates had contacts with the representative of the People's Commissariat of Foreign Affairs of Russia in Mongolia O.I. Makstenek and Chairman of the Council of Ministers of the Far Eastern Republic B.Z. Shumyatsky. The Mongolian delegation hoped for an official letter on behalf of Bogdo-gegen on the restoration of the autonomous status of Mongolia. However, the Soviet revolutionaries did not support the idea of restoring theocratic monarchy in Mongolia. The Mongolian delegates realized the seriousness and necessity of Soviet revolutionary ideas, and their possibility of implementation in Mongolia. Part of the Mongolian delegation continued its advance to Omsk and Moscow. They met with members of the Siberian Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party of Bolsheviks, with the leadership of the People's Commissariat of Foreign Affairs, with members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B.). Buryat politician E.-D. Rinchino showed Mongolia to the members of the Politburo of the Central Committee of the RCP(B.) as a revolutionary bridgehead for advancing the world revolution to the East.

Keywords: Mongolian delegation, the Far Eastern Republic, Soviet Russia, Mongolian People's Party, Bogdo-gegen's letter, O.I. Maxtenek, B.Z. Shumiatski, E-D. Rinchino, revolution

Acknowledgements: The work was supported by the Russian Foundation for Basic Research – Ministry of Education, Culture and Science of Mongolia "The Mongolian Revolution of 1921 in the Mirror of the Transnational History of the Mongolian World" (on the 100th anniversary of the Mongolian Revolution of 1921), project No. 19-59-44004\19.

Article info: Received February 15, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Khishigt N., Kuras L.V., Tsybenov B.D. (2020) The roads of hope and aspiration (Mongolian delegation in the Far Eastern Republic and Soviet Russia in 1920). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 196–208. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-196-208

События 1920 г. имеют важное значение в истории Гражданской войны в России. В истории Монголии 1920 г. также был ключевым, в этом году была создана Монгольская Народная Партия (МНП), программа которой была ориентирована на помощь Советской России в борьбе против китайских оккупантов. Идея изгнания китайских войск зрела в различных слоях монгольского общества. Но осознавая, что своими силами они не добьются осуществления поставленной цели, монголы возлагали надежды на помощь извне (Курас, 2017а. С. 79). Оккупационный режим и репрессии вызвали волну всеобщего недовольства. Как отмечает А.С. Железняков, «вокруг Богдо-гэгэна начали оформляться всевозможные группировки и тайные кружки различной ориентации. В них готовились обращения за помощью к правительствам Советской России, США и Японии» (Железняков, 2016. С. 202).

Интерес Советской России к установлению связей с Монголией, с одной стороны, был обусловлен непосредственной географической близостью. С другой стороны, интерес основывался на ряде факторов. Во-первых, советские деятели, равно как и предыдущие поколения царских чиновников и дипломатов, четко осознавали стратегическое значение Монголии. Во-вторых, вектор мировой революции неумолимо смещался с Запада на Восток, поэтому в деле распространения коммунистических идей Монголии отводилась роль своеобразного плацдарма революции на Азиатском материке. В-третьих, интерес к Монголии подогревался экономическим фактором, который в общих словах сводился к возмещению огромных потерь в Гражданской войне за счет монгольских ресурсов. Все это привело к тому, что, начиная с 1918 г., Советская Россия не раз делала заявления о своей готовности к налаживанию дружественных контактов с соседней страной (Хишигт, 2011а. С. 29).

В России было хорошо известно об активной работе подпольных кружков, поддерживаемых русским революционным комитетом и управой. Партийные и государственные органы РСФСР и ДВР не просто собирали информацию, они стремились всемерно содействовать монголам в борьбе с ки-

тайскими захватчиками, а в более широком плане – в утверждении в стране революционных начал.

В марте 1920 г. в Урге произошло знаменательное событие – из пределов Китая прибыл ответственный сотрудник Сиббюро ЦК РКП(б) Н.Г. Буртман. Он ехал в Советскую Россию, через пределы Китая и Монголии огибая районы Дальнего Востока, захваченные белогвардейцами. Прибыв в Ургу, Буртман вступает в взаимодействие с местной русской колонией, в первую очередь с революционерами. Через них он налаживает контакты с членами монгольских подпольных кружков. Заслуга Н.Г. Буртмана состояла в том, что он грамотно объяснил революционерам политику большевистской партии, ее идеи и принципы. Особое внимание он уделял идеям равноправия граждан и народов, оказанию помощи большевиками национально-освободительным движениям (Базаров, Жабаева, 2008. С. 181). Надо заметить, что Н.Г. Буртман, очевидно, был первым большевиком, встречавшимся с будущим основателем КПК, профессором Ли Дачжао. Из биографии Буртмана известно, что в годы студенчества в Харбине был одним из активных издателей подпольной молодежной газеты. Зимой 1919–1920 гг. он вместе с несколькими другими молодыми большевиками отправился из Тяньцзина в направлении Байкала, куда должна была выйти Красная Армия (Казанин, 2009. С. 44, 193).

Другое, не менее важное событие в общественно-политической жизни Монголии произошло в мае 1920 г., когда в Урге появились советские деятели, возглавляемые сотрудником Сибирского бюро партии С.С. Борисовым. Карьера Борисова на тот период находилась на взлете, спустя некоторое время он становится заведующим монголо-тибетским отделом секции восточных народов Сиббюро (Рощин, 1999. С. 29). После этих вышеотмеченных знаменательных встреч имели место и другие значимые мероприятия в Урге с участием советских организаций Сибири. Начало взаимодействия с советскими деятелями было с радостью встречено членами монгольских подпольных кружков Урги. К монгольским революционерам приходило понимание необходимости установления более тесных контактов с Советской Россией. Именно Россия воспринималась в качестве надежного союзника, готового оказать реальную помощь в обретении независимости страны (Хишигт, 2011а. С. 29). Решение о направлении делегации в Россию для переговоров тогда приняло уже конкретные очертания.

Для скорейшей реализации поставленной цели 25 июня 1920 г. на Учредительном собрании МНП было принято решение отправить делегацию в Советскую Россию, сначала С. Данзана и Х. Чойбалсана, за ними – Д. Бодо и Д. Чагдаржава, а чуть позднее – Д. Сухэ-Батора, Д. Догсома и Д. Лосола.

По нашим данным, в июне 1920 г. начал свою деятельность уполномоченный НКИД России в Монголии О.И. Макстенек (Хишигт, 2017. С. 17). Он не был пропущен китайскими властями в Ургу и вынужден был остановиться на границе, в Троицкосавске. Вынужденная остановка в российско-монгольском приграничье не смутила старого большевика. Обустроившись в Троицкосавске, Макстенек занялся исполнением своих прямых обязанностей, куда входило налаживание связей с монгольскими революционерами, оказание им всемерной помощи, включая взаимодействие с органами и представителями власти Советов (Рощин, 1999. С. 27–28). Советское консульство в Троицкосавске, где работал Макстенек, располагалось в доме, который позже был известен как дом № 37 по улице Сталина. В 60-е гг. XX в. в этом здании располагалась городская гостиница (Тугутов, 1960. С. 24). Троицкосавск в годы Гражданской войны несколько раз переходил из рук в руки. Большевики сменялись белогвардейцами, затем китайскими войсками из соседнего Маймачена. К тому времени в Троицкосавске еще была свежа в памяти народа страшная трагедия, учиненная семеновцами в «Красных казармах» в декабре – январе 1919–1920 гг. (Необычайная Кяхта, 2013. С. 162–163; Цыбенов, Курас, 2018. С. 48).

Архивные документы, историческая и мемуарная литература свидетельствуют, что уполномоченный НКИД РСФСР О.И. Макстенек был первым официальным лицом, принимавшим монгольских делегатов. Об его работе с монголами можно уз-

нать из доклада «Итоги деятельности уполномоченного Наркоминдел в Монголии О.И. Макстенек за время с 1-го июня 1920 г. по март 1921 г.», заверенная копия которого хранится в Центральном архиве внешних сношений Монголии. В докладе говорилось, что организационная работа О.И. Макстенека началась со знакомства с отдельными членами Монгольской Народной партии, а именно с Данзаном и Чойбалсаном, прибывшими к нему с письмом М.И. Кучеренко в середине 1920 г. (Центральный архив внешних сношений Монголии (ЦАВСМ). Ф. 2. Оп. 2. Ед. хр. 594. Л. 48.).

Вышесказанное значительно дополняется материалами «Краткой истории возникновения национальной революции монгольского народа», одним из авторов которой был Х. Чойбалсан. Так, в нем подчеркивается, что Данзану и Чойбалсану было поручено «…встретиться с консулом Макстенеком, получить указание о дальнейшем пути, по пребыванию на отправленное им место ставить его в известность о своих делах с дальнейшей передачей в Ургу».

В упомянутой книге Чойбалсана имеется и описание внешности Макстенека как высокого, широкоплечего мужчины около 40 лет с коротко стриженными седыми волосами (Хишигт, 2017. С. 17). В мемуарах М.И. Казанина отмечается, что «…это был пожилой, серьезный латыш, некий Макстенек, которому нелегко было стушеваться перед нашей миссией…» (Казанин, 2009. С. 55).

Представившись Макстенеком, он спрашивал гостей, откуда и зачем они прибыли к нему. Тогда Данзан и Чойбалсан показали письмо Гембаржевского и Кучеренко (Хишигт, 2011b. С. 154; Наранжаргал, 2015. С. 32), после чего уполномоченный Советской России сказал, что он был осведомлен о делах монголов и, узнав теперь о цели приехавших, должен отправить их в Верхнеудинск. При этом он советовал им быть очень осторожными, так как в городе много китайских войск. В ожидании парохода из Верхнеудинска, Данзан и Чойбалсан пробыли еще несколько дней в Троицкосавске, и за это время ежедневно бывали у О.И. Макстенека и занимались приготовлением к дальнейшей поездке. В целом, из книги следует, что Макстенек вплотную занимался вопросами отправления Данзана и Чойбалсана, находясь в прямой связи с председателем Совета министров Дальневосточной республики Б.З. Шумяцким, своевременно его информировал. Потому он отправил монголов без сопроводительного письма, дав лишь адрес, по которому они должны были прийти в нужное место (Хишигт, 2017. С. 17).Что касается личности О.И. Макстенека, то о нем имеется мало данных. Его имя, по всей вероятности, указано в мартирологе жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. В нем говорится, что О.И. Макстенек, 1874 года рождения, уроженец Валкского уезда (Латвия) был арестован 19 февраля 1938 г. по обвинению в том, что являлся активным участником контрреволюционной группы латышей, руководителем которой был Ян Рудзутак. До ареста он работал директором детского дома, санаторий имени ВЦИК в Солнечногорском районе. Был приговорен к расстрелу 29 июня 1938 г., приговор приведен в исполнение 20 августа 1938 г. Реабилитирован 30 июля 1960 г.[1]

Следующие делегаты – Д. Бодоо и Д. Чагдаржав прибыли в Троицкосавск в начале августа. По неподтвержденным данным, вместе с ними ехали С.С. Борисов и Ц.-И. Дашепылов (Хишигт, 2011b. С. 155; Наранжаргал, 2015. С. 32). При встрече с Уполнаркоминдела, Бодоо и Чагдаржав вручили ему документ под названием «Обращение от представителей монгольского народа и Народно-революционной партии Внешней Монголии».

В русском переводе указанного обращения от 2 августа 1920 г., с указанием г. Троицкосавск, говорилось, что «…в результате соглашения в Советскую Россию отправляется правомочная делегация от всего монгольского народа с целью установления прочной связи между революционным народом Российской Республики и Монголией, выясне-

[1] Мартиролог жертв политических репрессий, расстрелянных и захороненных в Москве и Московской области в 1918–1953 гг. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sakharov-center.ru/asfcd/martirolog/?id=10371&t=page (24.01.2020).

ния отношения Советской власти к Монголии в ее борьбе за освобождение». Далее выражалась надежда на Уполнаркоминдела и на его содействие в осуществлении их стремлений. Следует отметить, что в годы строительства социализма в МНР, в 50–70-е гг. XX в., исторические события 1920–1921 гг. были во многом искажены (Грайворонский, 2013. С. 202). Авторство отдельных документов оспаривается монгольскими историками и до сих пор находится в процессе объективного установления.

Третья группа монгольских делегатов прибыла в Троицкосавск 8 августа 1920 г. В ее составе находились Д. Сухэ-Батор, Д. Догсом и Д. Лосол (Хишигт, 2017. С. 18). Делегация была встречена О.И. Макстенеком и представителем Дальневосточного секретариата Коминтерна И.А. Сороковиковым (Кравцов, 1977. С. 164). Она привезла с собой главный документ – «Письмо князей и лам Внешней Монголии», дословный перевод, которого на русский язык был сделан секретарем Уполнаркоминдела в Урге Ц. Балмасу, а перевод с текстом оригинала сверял Э-Д. Ринчино (Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 7). К тому времени он принимал активное участие в борьбе с белогвардейцами. В частности, Ринчино известен как один из организаторов «Кульского переворота» и помощник начальника партизанского штаба (с. Кульское Хоринского аймака)[2]. С «Письмом князей и лам Внешней Монголии» монгольская делегация, прибыв в Иркутск, обратилась к Сибирской миссии ЦК РКП(б) и Советскому правительству.

Таким образом, с 4 июля по 10 августа 1920 г. Троицкосавск стал местом приема трех групп монгольских делегатов, где они встречались с Уполномоченным НКИД РСФСР и с его помощью направлялись в Верхнеудинск, бывший в то время столицей ДРВ.

Местом встречи трех групп монгольских делегатов в августе 1920 г. стал г. Верхнеудинск. В ранее упомянутой книге Чойбалсана подчеркивается, что первых монгольских делегатов принял председатель Совмина ДВР, секретарь Дальневосточного бюро РКП(б) Б.З. Шумяцкий, который ознакомившись с целями приезда монголов, попросил подождать решения и посоветовал в случае надобности общаться с ним через сопровождающего их бурята. Заметим, что карьера Б.З. Шумяцкого после встречи с В.И. Лениным в июле 1919 г. находилась на взлете, в 1919–1920 гг. он занимает посты председателя Тобольского уездного, Тюменского и Томского губернских ревкомов, с мая 1920 г. – председателя Совета министров и министра иностранных дел ДВР, с конца 1920 г. он возглавляет Енисейский губернский исполком (Иванов, Кузнецов, 2018. С. 22).

Время неумолимо шло. Хотя за это время партийцы в Урге получили от Данзана и Чойбалсана шифротелеграмму «об успешности дел», в действительности же они долгое время оставались в полном неведении и больше месяца они провели в Верхнеудинске (Хишигт, 2017. С. 18).

Причины столь долгого ожидания могут быть объяснены следующим образом: во-первых, Сиббюро ждало информации от С.С. Борисова и Ц.-И. Дашепылова, поехавших в Ургу для ознакомления с положением Народно-революционной партии;

во-вторых, по советской линии стремились ознакомить представителей НРП Монголии с опытом и методами революционной работы;

в-третьих, Б.З. Шумяцкий, как глава буферного государства, не имел полномочий принять собственное решение и ждал указаний от соответствующих органов Советской России (Хишигт, 2017. С. 18; Наранжаргал, 2015. С. 32).

В условиях, когда от успехов первых посланцев зависел дальнейший путь монгольских делегатов, позиция руководителя ДВР очень встревожила Данзана и Чойбалсана, и они, следуя данному им при выезде из Урги указанию «…привлечь из бурят-монголов в партию и найти людей для дела», обратились к Б.З. Шумяцкому с просьбой вызвать Ц. Жамцарано и Э-Д. Ринчино. Выбор был неслучайным, так как Данзан и Ринчино в 1915–1916 гг. вместе работали в экспедиции монголоведа С.А. Козина и П.А. Витте, а Ц. Жамцарано был из-

[2] Э-Д. Ринчино [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ринчино,_Элбек-Доржи (15.01.2020).

вестен в кругу монгольских патриотов еще со времени его службы в Монголии (Хишигт, 2017. С. 19).

В целом, надо сказать, что встреча с руководителем ДВР Б.З. Шумяцким имела большое значение для монгольских делегатов, так как тем самым, с одной стороны, окончательно выяснилась позиция буферного государства, а фактически Советской России по отношению к Монголии, а с другой – стал очевиден переход монгольского вопроса в директивные органы Советской России. Дело начало двигаться. Не случайно в дальнейшем Б.З. Шумяцкий сыграл важную роль в установлении необходимых контактов, участвовал во всех последующих событиях, связанных с делом монгольской революции и укрепления российско-монгольских отношений в 1921 г. Его перу принадлежат более 20 трудов по Монголии, среди которых немало интересных суждений и фактов по узловым проблемам монгольской революции 1921 г., а он сам награжден монгольским орденом «Красного Знамени» № 1 (Грайворонский, 2012. С. 316). Сохранилось описание Б.З. Шумяцкого в мемуарах С.А. Далина от 1921 г.: «…ходил он в военной форме, в длинной кавалерийской шинели и буденовке. Больше половины своей жизни он успел уже отдать боевой партийной работе…по сравнению с ним мы были еще юнцами. Несмотря на все это, Шумяцкий говорил с нами как равный с равными. Вместе с тем всегда чувствовалось, что победа Октябрьской революции, разгром колчаковщины – это и его личная победа, ибо с революцией была неразрывно связана вся его жизнь. Он ходил с высоко поднятой головой, что придавало его лицу выражение важности, хотя на самом деле это был простой и доступный товарищ» (Кузьмин Ю.В., 2014. С. 362).

Так, путь монгольских делегатов в Советскую Россию лежал через города ДВР, где им исключительную помощь оказывали Уполномоченный НКИД О.И. Макстенек, глава ДВР Б.З. Шумяцкий и бурятские деятели.

16 августа 1920 г. монгольские делегаты прибыли в г. Иркутск. Главным документом, на который они возлагали большие надежды, было письмо с печатью Богдо-гэгэна. Однако к тому времени ситуация в Сибири резко изменилась: Омское правительство Колчака ушло в небытие, сама Монголия находилась под китайскими оккупантами. Соответственно, Монголия фактически находилась под властью Китая, и Советской России было непросто рассматривать ее в качестве самостоятельного международного актора. В то же время появились видимые признаки улучшения советско-китайских отношений, что не могло не повлиять на отношение советского руководства к монгольской делегации. В свою очередь, китайские власти были довольны внешней политикой России на восточном направлении, в частности отказом страны Советов от протектората над Монголией. В целом, ситуация на момент приезда монгольской «семерки» складывалась не самая благоприятная, что в дальнейшем выразилось в действиях советского руководства. Парадоксальность сложившейся обстановки заключалась в том, что главный документ – письмо Богдо-гэгэна – не заинтересовал советские власти, что было несколько неожиданно для монгольских делегатов. Неожиданным и радостным для них явилось большое внимание советского руководства к их личностям и подпольно-революционной деятельности (Курас, 2016b. С. 181). Однако главная цель монгольской делегации – получение советской помощи в деле восстановления теократической монархии Богдо-гэгэна – не была достигнута. Письму Богдо-гэгэна монгольские революционера придавали большое значение (Кузьмин С.Л., 2015. С. 125). В первую очередь, речь шла о независимости Монголии, поэтому монгольские делегаты были готовы на многое, чтобы получить заветную помощь в борьбе против китайских милитаристов, захвативших страну.

Монгольские делегаты (С. Данзан, Д. Догсом, Д. Лосол, Д. Бодо, Д. Чагдаржав, Х. Чойбалсан и Сухэ-Батор) к тому времени были людьми, пропитанными национально-освободительным веянием; имевшими за своими плечами тяготы цинского периода, успехи новой жизни в период Богдо-гэгэновской монархии, знакомство с революционными идеями. В принципе, эта группа монгольских патриотов была готова к созданию новой монгольской власти. Ошибка правительства Богдо-гэгэна на

тот момент заключалась в том, что оно в свое время не признало Советское государство. Ныне, находясь под гнетом китайских милитаристов, было не совсем уместно просить о помощи государство, которое считалось непризнанным богдогэгэновским правительством. Эта ситуация отразилась и на приеме монгольской делегации. Международные протоколы советскими властями намеренно не соблюдались, тем самым давая понять, что Советская Россия не считает прибытие «семерки» официальной делегацией (Курас, 2017a. С. 75). Ситуация осложнялась отсутствием соответствующих полномочий на приме делегации у местных региональных властей. Советское правительство также не было готово к установлению официальных контактов с Монголией. Результатом этих неясностей стала встреча не дипломатов, а революционеров в Иркутске (Батунаев, 2015. С. 115). Советские деятели на полном серьезе рассматривали территорию Монголии как стартовую площадку для раздувания очага мировой революции в восточном направлении, вплоть до Китая, Синьцзяна и Индии (Курас, 2016b. С. 181).

В то же время руководство Советской России и РКП(б) старалось не вмешиваться во внутриполитическую борьбу в Монголии. Причины были следующими: во-первых, по мнению большевиков, революционный процесс в Китае вмещал в себя и аналогичные процессы в Монголии как составной части Китая. В советском руководстве того периода преобладало мнение о неотделимости Монголии от Китая. Во-вторых, мировое сообщество имело свою сложившуюся дипломатическую практику, нарушать которую Советская Россия также была не вправе. Хотя идея мирового «пожара» революции, прежде всего, была наступательной, предполагающей более решительные действия, России необходимо было на официальном уровне проводить более сдержанную осторожную политику. В свете этого становится понятно, почему монгольская делегация была обречена на неудачу. Советская Россия не могла выйти за рамки мировых дипломатических стандартов и устремиться восстанавливать автономный статус Монголии согласно Кяхтинскому договору 1915 г. (Курас, 2016b. С. 182; Курас, 2017a. С. 75).

Тем не менее региональные власти предпринимали те или иные меры, направленные на урегулирование российско-монгольских взаимоотношений. Так, о необходимости устранения непонимания в отношениях между Россией и Монголией упомянул заместитель уполномоченного по иностранным делам в Сибири и на Дальнем Востоке, заведующий секцией восточных народов Сиббюро РКП(б) Ф.И. Гапон. Такое заявление он сделал 17 августа 1920 г. во время первой встречи с делегатами МНП. Дальнейшие шаги к российско-монгольскому сближению на революционной основе были сделаны 20 августа 1920 г. на организационном заседании Монголо-Тибетского отдела Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б). На нем присутствовали Д. Бодо и Х. Чойбалсан. Это заседание имело большое значение, поскольку отныне Монголо-Тибетский отдел отвечал за развитие и поддержку национально-освободительного движения Монголии (Хишигт, 2011a. С. 30). На заседании была утверждена коллегия Монголо-Тибетского отдела, а также выбран председатель – Э-Д. Ринчино. Представители МНП Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан вошли в состав агитационно-пропагандистского подотдела. Были предприняты реальные шаги к развертыванию вооруженной борьбы под предводительством революционеров. Например, были приняты решения о командировании отдельных деятелей для подпольной работы в Монголии. Было запланировано командировать в Ургу одного из известных, патриотически настроенных бурятских деятелей – Ц. Жамцарано под псевдонимом Бегзеев, другого бурятского деятеля Ванчикова командировать в Маймачен. Таким образом, в августе 1920 г. произошли большие события, в последующем кардинально изменившие расстановку сил не только в регионе, но и в мире в целом. Август 1920 г. ознаменовался установлением взаимосвязи монгольских партийцев с Монголо-Тибетским отделом Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б). Впоследствии это взаимодействие переросло в линию «МНРП – Коминтерн. В этом взаимодейст-

вии большую роль играли представители бурятской интеллигенции. Они в большинстве своем были образованными, подготовленными специалистами, знали монгольский язык и письменность. Многие из них имели тесные культурные, торгово-экономические и другие связи с Монголией. Эти люди прекрасно знали страну, ее регионы, и будучи частью монгольского мира, желали создания суверенного Монгольского государства (Хишигт, 2011a. С. 30).

Пребывание в Иркутске резко отразилось на дальнейших действиях монгольской делегации. Произошло разделение делегации на три группы. Причины этого до конца не ясны. Первая – Д. Бодо и Д. Догсом вернулись в Монголию; вторая – С. Данзан, Д. Чагдаржав и Д. Лосол вместе с Э-Д. Ринчино направились сначала в Омск, в Сиббюро ЦК РКП(б), а затем в Москву для решения насущных проблем монгольской революции; а третья – Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан остались в Иркутске (Хишигт, 2011a. С. 30).

26 августа 1920 г. Ф.И. Гапон направил информацию о встречах с делегатами в Омск, председателю Сибирского Революционного комитета И.Н. Смирнову. В ней дано деление членов делегации на три группы: двое ориентируются на князей и лам, двое – на чиновничество, военных, торговцев; трое – на широкие массы. Нелестно высказался Ф.И. Гапон о Э-Д. Ринчино: «далеко ненадежный, сомнительный, не стесняющийся при переговорах вносить много своего собственного». По мнению Гапона, в Монголии назревала вспышка, и необходимо было привнести организационное начало (Рощин, 1999. С. 32).

Оставшиеся в Иркутске Д. Сухэ-Батор и Х. Чойбалсан прошли обучение в военно-политической школе. Известно, что монгольские делегаты присутствовали на революционном празднике 29 августа 1920 г., организованном представителями Корейской коммунистической организации в Иркутске. На нем с речью выступил Сухэ-Батор. Посещение подобных мероприятий для формирования нового политического мышления делегатов было важным моментом в осознании себя и своей страны частью нового революционного мира. В этот период они начинают работу по созданию первой газеты «Монгольская правда». 10 ноября 1920 г. в Иркутске был издан первый номер этой газеты. В газете были следующие рубрики: 1) монгольское революционное-демократическое движение; 2) Советская Россия; 3) революционное движение в Азии и в Китае; 4) мировое положение и III Интернационал (Матвеев, 2019. С. 185–186).

Большого успеха монгольская делегация добилась в Москве. Монгольские революционеры несколько раз встречались с руководством НКИД и в целом обратили на себя пристальное внимание соответствующих органов. Достижением можно считать приглашение Э-Д. Ринчино на заседание Политбюро ЦК РКП(б), где обсуждались бурятский и монгольский вопросы. Наряду с такими вождями как В.И. Ленин, И.В. Сталин и Н.И. Бухарин на заседании также присутствовали А. Доржиев – учитель Далай Ламы XIII и будущий полпред Коминтерна Т. Рыскулов (Курас, 2016b. С. 182). Активность монгольских делегатов-революционеров не могла не радовать зачинателей мировой революции, статус делегации заметно вырос. Советское руководство стало осознавать большую вероятность удачного исхода монгольского вопроса. Свидетельством этому явилось первоначальное финансирование монгольских революционеров, которое было довольно значительным (Курас, 2017a. С. 76). Идея автономии Монголии отклонялась большевиками в силу советско-китайского сближения, но в то же время появился новый образ коммунистической Монголии, который даже в виде монархии, был гораздо более реалистичен, чем грядущая борьба китайского пролетариата. Эти незримые веяния, витавшие в советском руководстве были точно подмечены и использованы Э-Д. Ринчино во благо зарождающейся монгольской революции (Курас, 2016b. С. 183). К тому времени в политическом багаже Ринчино было активное участие в общебурятских съездах, руководство органом национального самоуправления – Бурнацкомом, признанным советской властью. Он был одним из первых бурятских деятелей, теоретически обосновавших необходимость автономии бурятского народа (Жабаева, 2018. С. 162). Поэтому Ринчино не только сопрово-

ждал делегацию в качестве переводчика, но и выступал как самостоятельная политическая фигура. В докладе от 1 сентября 1920 г. «Краткое изложение о положении дел во Внешней Монголии», где переплелись идеи большевизма и панмонголизма, он предложил принципиально новое видение места и роли Монголии в продвижении мировой революции на Восток. Э-Д. Ринчино представил Монголию как революционный плацдарм ввиду ее тесных связей с Маньчжурией, Китайским Туркестаном и Тибетом, а через последний – с Индией. Высокую оценку Э-Д. Ринчино дали и монгольские товарищи, выдав ему в апреле 1921 г. мандат Временного народно-революционного правительства Монголии о назначении полпредом Монголии в Советскую Россию (Курас, 2016b. С. 183).

Монголию между тем ожидали не лучшие времена. Барон Унгерн и его «Азиатская конная дивизия» 2 ноября 1920 г. перешла границу Монголии на одном из ее восточных участков (Хишигт, 2011a. С. 30). Известно, что когда Унгерн подступил к Урге, местное китайское командование обратилось за помощью к властям РСФСР и ДВР. Советское правительство тогда приняло решение удовлетворить эту просьбу. 6 ноября 1920 г. командование 5-й армии в Иркутске получило приказ о подготовке военной экспедиции против Унгерна, в которой предусматривался переход монгольской границы. 10 и 27 ноября Г.В. Чичерин направил правительству Китая две ноты с предложением о совместных действиях против белогвардейцев. Но ответа от центрального Китайского правительства не последовало. Без согласия Пекина, а также учитывая угрозу вмешательства Японии, Советское правительство в 1920 г. не решилось на ввод своих войск в Монголию.

Тем временем Унгерн при помощи монголов 4 февраля 1921 г. освободил Ургу от китайских войск (Курас, 2017b. С. 79). Победа Унгерна над китайцами во многом была обеспечена монгольскими войсками, мобилизованными по указу Богдо-хана. Монгольская автономия, таким образом, была восстановлена. Однако реальная власть в стране фактически отошла к барону Унгерну – «освободителю» Монголии. К нему стремились разрозненные белогвардейские части, отошедшие на территорию Монголии, а на севере сконцентрировались китайские войска. Сложившаяся ситуация в Монголии беспокоила монгольских революционеров. Оставшиеся в Иркутске делегаты МНП обратились 2 ноября 1920 г. в Секцию восточных народов и через нее к советским властям. В своем обращении они просили ввести советские войска в Монголию. Однако председатель Сибревкома И.Н. Смирнов отклонил их просьбу (Хишигт, 2011a. С. 30).

17 ноября 1920 г. в Иркутске состоялось совместное совещание советских и монгольских революционеров. На нем было принято решение о подготовке вооруженной борьбы против китайских войск в Монголии. Перед революционерами были поставлены задачи: провести разведку мест дислокации китайских войск и белогвардейских отрядов, вести пропаганду среди монгольского населения о необходимости вооруженной борьбы против иноземных захватчиков, проводить работу по объединению сил национально-освободительного движения, создать народно-революционную армию (Бат-Очир, Дашжамц, 1973. С. 117).

Советское правительство было верно данным обязательствам и в конце ноября 1920 г. передало Монголо-Тибетскому отделу 150 т серебра. Из этих средств С. Борисову было передано 40 т, а также 100 тыс. долл., оружие, обмундирование, провизия. Таким образом, конец 1920 г. ознаменовался появлением у монгольского народа реальных возможностей для осуществления желанной цели – освобождения страны от китайских милитаристов (Хишигт, 2011a. С. 30). Несмотря на сложные условия, МНП начала подготовку к вооруженной борьбе. В стране в то время находились многочисленные силы китайских войск и белогвардейских отрядов. Первые четыре полка в составе менее 400 чел., вступивших в ряды вооруженных отрядов из Кяхты и близлежащих трех караулов, хошунов Сумьяа-бэйсэ и Эрдэнэ-вана Тушэту-хановского аймака положили начало комплектованию вооруженных сил для борьбы за освобождение страны. Большое влияние на этот процесс оказали четыре фактора: во-первых, традиционное неприятие китайцев местным монгольским населением; во-

вторых, развертывание отрядов добровольцев на местах; в-третьих, активизация деятельности бывших военных в деле организации монгольской народно-революционной армии; в-четвертых, организаторские способности и полководческий талант Д. Сухэ-Батора (Хишигт, 2011а. С. 31).

События, происходившие в 1920 году в России и Монголии, были связаны между собой, а в их развитии и расширении большую роль сыграли города ДВР, политические деятели и бурятская передовая интеллигенция. Национальное движение в Монголии осуществлялось в обстановке оккупации китайскими милитаристами и русскими белогвардейцами во главе с Унгерном (Курас, 2016а. С. 79). Монгольский мир в условиях революционного подъема первой четверти XX в. все более проникался всеобъемлющим влиянием глобальных революционных и национальных идей (Лиштованный, 2017. С. 184).

Руководство СССР в 1920 г. медлило с решением монгольского вопроса, поскольку обстановка для него была не самой лучшей. В то же время советские власти дальновидно решили помочь монгольским революционерам. Спустя некоторое время после захвата Урги бароном Унгерном, становится ясно, что в принципе и монгольские революционеры могут стать самостоятельной властью в своей стране. В резиденции О.И. Макстенека в Троицкосавске образовался связующий центр между монгольскими революционерами, советскими и коминтерновскими структурами. Приближалась весна 1921 г., а вместе с ней и победоносная Монгольская народная революция.

Библиографический список

Базаров Б.В., Жабаева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук (БНЦ СО РАН), 2008. 377 с.

Батунаев Э.В. Борьба за независимость Монгольского государства (1911–1921 гг.) Улан-Удэ: Бурятский научный центр Сибирского отделения Российской академии, 2015. 160 с.

Грайворонский В.В. К 125-летию со дня рождения Б.З. Шумяцкого // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Политология. Религиоведение. 2012. № 1. С. 312–319.

Грайворонский В.В. Рецензия на: Н. Хишигт. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчил-сан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011. 299 т. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2013. № 2. С. 199–206.

Жабаева Л.Б. Троицкосавск и Монголия: к истории сотрудничества в государственном строительстве монголов (1921 г.) // Кяхта – национальное достояние России. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2018. С. 161–165.

Железняков А.С. Монгольская цивилизация: история и современность. Теоретическое обоснование атласа. М.: Весь мир, 2016. 288 с.

Иванов А.А., Кузнецов С.И. Борис Шумяцкий: на службе у мировой революции // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2018. № 2 (30). С. 14–27.

References

Bazarov B.V., Zhabaeva L.B. (2008) Buryat national democrats and socio-political thought of the Mongolian peoples in the first third of the XX century. Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 377 p. (In Russ.)

Batunaev E.V. (2015) The struggle for the independence of the Mongolian state (1911–1921). Ulan-Ude: Buryatia Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 160 p. (In Russ.)

Graivoronskii V.V. (2012) To the 125th anniversary of B.Z. Shumyatsky. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Politologiya. Religiovedenie* = Bulletin of Irkutsk State University. Ser. Political Science. Religious studie. No. 1. P. 312–319. (In Russ.)

Graivoronskii V.V. (2013) N. Hishigt. Mongol Revolution: 1921 (study of the history of the Mongol People's Democratic Revolution). Ulaanbaatar: Bambi Sun Publ., 2011. 299 p. *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: istoriya i sovremennost'* = East. Afro-Asian societies: history and modernity. Vol. 2. P. 199–206. (In Russ.)

Zhabaeva L.B (2018) Troitskosavsk and Mongolia: on the history of cooperation in the state building of the Mongols (1921). *Kyakhta – natsional'noye dostoyaniye Rossii* = Kyakhta – the national treasure of Russia. Ulan-Ude: Buryat State University, 2018. P. 161–165. (In Russ.)

Zheleznyakov A.S. (2016) Mongolian civilization: history and modernity. The theoretical basis of the atlas. Moscow: Ves' mir. 288 p. (In Russ.)

Ivanov A.A., Kuznetsov S.I. (2018) Boris Shumyatsky: in the service of the world revolution. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of

Казанин М.И. Избранное. М.: Памятники исторической мысли, 2009. 431 с.

Кравцов В.Т. Кяхта революционная (из истории города Кяхты и южного Прибайкалья в 1905–1923 гг.). Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1977. 239 с.

Кузьмин С.Л. Первое письмо руководства Монголии к правительству Советской России июль 1920 // Исторический архив. 2015. № 6. С. 117–129.

Кузьмин Ю.В. Мемуары – исторический источник по истории Монголии первой четверти XX века // Россия и Монголия в начале XX в: дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 359–366.

Курас Л.В. Панмонголизм в транснациональной истории монгольского мира первой четверти XX века // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2016a. № 3 (23). С. 71–81.

Курас Л.В. Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск: Оттиск, 2016b. 252 с.

Курас Л.В. Панмонголизм как проявление этничности монгольского мира в первой четверти XX века. Иркутск: Оттиск, 2017a. 188 с.

Курас Л.В. «Революция в Колчакии» и предпосылки монгольской революции 1921 года // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. Иркутск, 2017b. С. 76–81.

Лиштованный Е.И. Монгольский мир в условиях транснациональной истории первой четверти XX в. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2017. № 3 (27). С. 182–184.

Матвеев А.А. Пребывание в Иркутске монгольских революционеров Д. Сухэ-Батора и Х. Чойбалсана // Двенадцатые Байкальские социально-гуманитарные чтения. Иркутск, 2019. С. 183–188.

Наранжаргал Н. Новые источники о первой монгольской делегации в СССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук. 2015. № 2. С. 31–34.

Необычайная Кяхта / автор-составитель Л.Б. Цыденова. Улан-Удэ: Нова-Принт, 2013. 200 с.

Рощин С.К. Политическая история Монголии

the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 2 (30). P. 14–27. (In Russ.)

Kazanin M.I. (2009) Selected works. Moscow: Monuments of historical thought. 431 p. (In Russ.)

Kravtsov V.T. (1977) The Kyakhta is revolutionary (from the history of the city of Kyakhta and the southern Baikal region in 1905–1923). Ulan-Ude: Buryat Book Publishing House. 239 p. (In Russ.)

Kuz'min S.L. (2015) The first letter of the leadership of Mongolia to the government of Soviet Russia July 1920. *Istoricheskii arkhiv* = Historical archive. No. 6. P. 117–129. (In Russ.)

Kuz'min Yu.V. (2014) Memoirs – a historical source on the history of Mongolia in the first quarter of the XX century. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX v: diplomatiya, ekonomika, nauka* = Russia and Mongolia at the beginning of the 20th century: diplomacy, economics, science. Irkutsk. P. 359–366. (In Russ.)

Kuras L.V. (2016a) Pan-Mongolism in the transnational history of the Mongolian world in the first quarter of the XX century. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 3 (23). P. 71–81. (In Russ.)

Kuras L.V. (2016b) Transnational history of the Mongolian world in a revolutionary upsurge: the first quarter of the XX century. Irkutsk: Ottisk. 252 p. (In Russ.)

Kuras L.V. (2017a) Pan-Mongolism as a manifestation of the ethnicity of the Mongolian world in the first quarter of the XX century. Irkutsk: Ottisk. 188 p. (In Russ.)

Kuras L.V. (2017b) "Revolution in Kolchakia" and the premises of the Mongol revolution of 1921. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017* = Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2017. Irkutsk. P. 76–81. (In Russ.)

Lishtovannyi E.I. (2017) The Mongolian world in the transnational history of the first quarter of the XX century. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No 3 (27). P. 182–184. (In Russ.)

Matveev A.A. (2019) Stay in Irkutsk of the Mongol revolutionaries D. Suhe-Bator and H. Choibalsan. *Dvenadtsatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* = Twelfth Baikal Social and Humanitarian Readings. Irkutsk. P. 183–188. (In Russ.)

Naranzhargal N. (2015) New sources about the first Mongolian delegation to the USSR. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovanii Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanitarian Research of the Russian Academy of Science. Vol. 2. P. 31–34. (In Russ.)

Tsydenova L.B. (2013) Extraordinary Kyakhta. Ulan-Ude: Nova-Print. 200 p. (In Russ.)

Roshchin S.K. (1999) Political History of Mongolia

(1921–1940 гг.). М.: Институт Востоковедения РАН, 1999. 325 с.

Тугутов Р.Ф. Исторические памятники г. Кяхты. Краткий путеводитель-справочник. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1960. 31 с.

Хишигт Н. Великая Российская революция 1917 г. и национально-освободительное движение монголов // Сибирь в годы Великой Российской революции: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (к 100-летию революционных событий в России и периода Гражданской войны и интервенции). Улан-Удэ: Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, 2017. С. 14–23.

Хишигт Н. Восстановление независимости Монголии в 1911–1921 гг. // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2011a. № 3. С. 19–35.

Цыбенов Б.Д., Курас Л.В. Кяхта в огне гражданской войны (с 1917 по январь 1920 г.) // Кяхта – национальное достояние России. Улан-Удэ: Бурятский государственный университет, 2018. С. 45–49.

Бат-Очир Л., Дашжамц Д. Дамдингийн Сүхбаатар. Намтар / Л. Бат-Очир, Д. Дашжамц. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1973. – 278 х.

Хишигт Н. Монголын хувьсгал: 1921 (Монголын үндэсний ардчилсан хувьсгалын түүхийг нэхэн судлахуй). / Н. Хишигт. – Улаанбаатар: Бэмби Сан, 2011b. – 299 т.

(1921–1940). Moscow: Institut Vostokovedeniya RAN. 325 p. (In Russ.)

Tugutov R.F. (1960) Historical monuments of the city of Kyakhta. A brief guidebook. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 31 p. (In Russ.)

Khishigt N. (2017) The Great Russian Revolution of 1917 and the national liberation movement of the Mongols. *Sibir' v gody Velikoy rossiyskoy revolyutsii, posvyashchennoy 100-letiyu revolyutsionnykh sobytiy v Rossii i periodu grazhdanskoy voyny i inostrannoy interventsii* = Siberia during the Great Russian Revolution, dedicated to the 100th anniversary of revolutionary events in Russia and the period of the Civil War and Foreign Intervention. Ulan-Ude: East Siberian State University of Management and Technology. P. 14–23 p. (In Russ.)

Khishigt N. (2011a) Restoring Mongolia's Independence in 1911–1921. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk* = Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. No. 3. P. 19–35. (In Russ.)

Tsybenov B.D., Kuras L.V. (2018) Kyakhta in the fire of the Civil War (from 1917 to January 1920). *Kyakhta – natsional'noye dostoyaniye Rossii* = Kyakhta – the national treasure of Russia. Ulan-Ude: Buryat State University. P. 45–49. (In Russ.)

Bat-Ochir L., Dashzhamts D. *Damdingiyn Sүkhbaatar. Namtar*. Ulaanbaatar: Ulsyn khevleliyn gazar, 1973. (In Mongolian)

Khishigt N. *Mongolyn khuv'sgal: 1921 (Mongolyn үndesniy ardchilsan khuv'sgalyn tүүkhiyg nekhen sudlakhuy)* [Mongol revolution: 1921 (study of the history of the Mongol people's democratic revolution)]. Ulaanbaatar: Bembi San Publ., 2011b. 299 p. (In Mongolian)

Критерии авторства

Н. Хишигт, Л.В. Курас, Б.Д. Цыбенов выполнили исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

N. Hishigt, L.V. Kuras, B.D. Tsybenov completed a research work, based on the results obtained, made a generalization, prepared the manuscript for publication, have copyrights to the article and is fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Хишигт Норовсамбуу,
кандидат исторических наук, ученый секретарь,
Институт истории и этнологии Монгольской академии наук,

Information about the authors

Norovsambuu Hishigt,
Cand. Sci. (History), scientific secretary,
Institute of History and Ethnology of the Mongolian Academy of Sciences,

13330, г. Улаанбаатор, район Баянзурх, проспект Мира, д. 55, Монголия,
✉ e-mail: khishigt_58@yahoo.com
Курас Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, каб. 225, Россия,
✉ e-mail: kuraslv@yandex.ru
Цыбенов Базар Догсонович,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук,
670042, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, каб. 205, Россия,
✉ e-mail: bazar75@mail.ru

55, Peace avenue, Bayanzurkh district, Ulaanbaator, 13330, Mongolia,
✉ e-mail: khishigt_58@yahoo.com
Leonid V. Kuras,
Dr. Sci. (History), Professor, Senior Research Scientist,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6-225, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670042, Russia,
✉ e-mail: kuraslv@yandex.ru

Bazar D. Tsybenov,
Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Research Fellow,
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6-205, Sakhyanova street, Ulan-Ude 670042, Russia,
✉ e-mail: bazar75@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 355/359
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219

«Возникли ликвидационные настроения»: Советский опыт послевоенной демобилизации

© В.Н. Воронцов[a], М.С. Суханова[b]

[a] Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия
[b] Санкт-Петербургский государственный экономический университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: Статья посвящена анализу процесса осмысления опыта Гражданской войны в России. Финал этого противоборства внес существенные уточнения в эту интеллектуальную работу. Рассматриваются «послепобедные» дополнения и корректировки в официальный большевистский дискурс, ставший основанием для отечественного военного строительства. В центре внимания взгляды видного большевика Сергея Ивановича Гусева (Якова Давидовича Драбкина). Именно он наиболее откровенно и подробно высказывался в 1921 г. по ключевым аспектам об адаптации Красной армии к окончанию Гражданской войны: обозначил текущие трудности, обосновал судьбу временных «попутчиков», пояснил собственно военные новации, раскрыл основные вопросы управления и партийного строительства. Кроме смыслового содержания публикаций проанализированы риторические и аргументационные приемы. С.И. Гусев с огорчением признавал, что понимание необходимости вооруженной борьбы за мировую революцию – «революционной войны» было чуждо не только населению Советской России, но и членам партии большевиков. Он обозначил направления разъяснительной работы, что без победы мировой революции пролетарская диктатура рухнет. Гусев выступал за усиление классового характера Красной армии. Скорректированная в начале 1920-х годов модель интеллектуальной работы и уточненный «образ будущего» определяющим образом повлияли на ход военного строительства в СССР.

Ключевые слова: Гражданская война, демобилизация, большевики, Сергей Иванович Гусев, мировая революция, Красная армия, настроения, политическая работа, военная теория, новации, адаптация, коллегиальность

Информация о статье: Дата поступления 1 декабря 2019 г.; дата принятия к печати 30 декабря 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Воронцов В.Н., Суханова М.С. «Возникли ликвидационные настроения»: Советский опыт послевоенной демобилизации // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 209–219. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219

«There was a liquidating mood»: Soviet experience of post-war demobilization

© Vladislav N. Vorontsov[a], Maria S. Sukhanova[b]

[a] Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia
[b] Saint Petersburg State Economic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract: The article analyzes the process of understanding the experience of the Civil War in Russia. The finale of this confrontation made significant adjustments to this intellectual work. We consider post-war additions and adjustments to the official Bolshevik discourse that became the basis for Russian military construction. The focus is on the views of the famous Bolshevik Sergei Ivanovich Gusev (Yakov Davidovich Drabkin). He was that person who spoke most openly and in detail in 1921 on key aspects of the Red Army's adaptation to the end of the Civil War: he outlined the current difficulties, justified the fate of temporary “fellow travelers”, explained the actual military innovations, and revealed the main issues of governance and Party building. In addition to the semantic content of publications, rhetorical and argumentative techniques are analyzed. Gusev S.I. was distressed to admit that the understanding of the need for an armed struggle for the world revolution – a “revolutionary war” – was alien not only to the population of Soviet Russia, but also to members of the Bolshevik Party. He outlined the direc-

tions of explanatory work that without the victory of the world revolution, the proletarian dictatorship would collapse. Gusev advocated strengthening the class character of the Red Army. The model of intellectual work corrected in the early 1920s and the refined "image of the future" had a decisive influence on the course of military construction in the USSR.

Keywords: Civil War, demobilization, Bolsheviks, Gusev Sergey Ivanovich, world revolution, Red Army, moods, political work, military theory, innovations, adaptation, collegiality

Article info: Received December 1, 2019; accepted for publication December 30, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Vorontsov V.N., Sukhanova M.S. (2020) «There was a liquidating mood»: Soviet experience of post-war demobilization. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 209–219. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-209-219

Изучение и осмысление исторического опыта – обширная и сложная задача, решаемая и высшим руководством государства, и обществом, и научным сообществом. В истории России масштабом и продолжительностью политических последствий выделяются окончания крупных войн: борьбы с Наполеоном к 1815 г., Крымской в 1856 г., Гражданской к 1921 г., Великой Отечественной в 1945 г. Можно спорить о хронологии окончания для России Первой мировой войны, но очевидна последовавшая преемственность в Гражданской и т. д.

В ходе Гражданской войны обе стороны адаптировались к меняющейся обстановке, осмысливали и учитывали полученный опыт, апеллировали к его обобщениям в агитации и пропаганде. Финал междоусобного противоборства внес существенные уточнения в эту интеллектуальную работу, итоги которой представляли в публикациях как авторы победившего красного лагеря, так и потерпевшего поражение белого. На наш взгляд, особый исследовательский интерес представляют именно «послепобедные» дополнения и корректировки в большевистский дискурс о Гражданской войне. Они до распада СССР являлись идейным основанием для отечественного военного строительства, оказав тем определяющее влияние на характер социальной политики, на отношение к армейским и партийным кадрам (Волков, 1999; Тинченко, 2000; Тухачевский, 2020), на народное хозяйство (Симонов, 2015; Мельников, 2019), на восприятие внутригосударственных и международных процессов (Свечин, 1927) и т. д. Можно согласиться с мнением зарубежного исследователя Н. Катцера, что «историю долгой расплаты по долгам Гражданской войны», а также влияния ее опыта на мышление и менталитет политического руководства СССР еще предстоит написать (Катцер, 2014. С. 179).

Без системной реконструкции первого советского опыта перехода от открытой войны к относительно мирной обстановке научные оценки тоталитарного режима не получат надлежащей глубины и обоснованности. Рельефность фактологического материала, отразившего ранее невиданные новые политические практики, позволяет довольно четко проследить эволюцию большевистских идей.

Для последующих статей оставим давно привлекающую внимание исследователей проблему исторического мифотворчества в СССР, замены действительных участников Гражданской войны на фигуры, выбранные сменяющимися этапами советской пропаганды и зависимой от неё историографии (Найда, 1958; Липицкий, 1991; Наумов, 1993). В общем, все то, что без какой-либо иронии можно определить как идеологическое превосходство административно-командной системы, бесконечно гибкой к «текущему политическому моменту», но и уязвимой для критики за пересмотры оценок.

Большие перспективы открывает сопоставление экспертных оценок советских партийных функционеров (В.И. Ленин, И.В. Сталин, С.И. Гусев, М.В. Фрунзе, А.С. Бубнов), служивших в Красной армии профессиональных военных (А.А. Свечин, П.П. Лебедев, Б.М. Шапошников, М.Н. Тухачевский), их оппонентов из белого лагеря (А.В. Геруа, Н.Н. Головин, А.А. Зайцов, Е.Э. Месснер, Н.В. Пятницкий).

Ограниченный объем данной статьи побуждает нас сосредоточить внимание на публикациях

того из перечисленных авторов, кто откровеннее и подробнее других высказывался в 1921 г. об адаптации Красной армии к окончанию Гражданской войны – Сергея Ивановича Гусева (или по настоящему имени, отчеству и фамилии – Якова Давидовича Драбкина).

Нет необходимости повторять биографию Гусева (Крамаров, 1967; Ерашов, 1991), но несколько моментов следует подчеркнуть. Социал-демократ с 1896 г., во время Гражданской войны занимал должности члена Революционных военных советов: с июня 1918 г. – 2-й армии, с декабря 1918 г. – Восточного фронта, с июня 1919 г. (а также и в мае 1921 г. – августе 1923 г.) – всей республики (РВСР), с декабря 1919 г. – Юго-Восточного фронта, с января 1920 г. – Кавказского фронта, с сентября 1920 г. – Юго-Западного (сменил И.В. Сталина) и Южного фронтов. Поэтому его суждения о проблемах управления Красной армии вполне авторитетны. Особенно же значимо, что с января 1921 г. по январь 1922 г. С.И. Гусев был начальником Политического управления (действовало на правах Отдела ЦК партии) РВСР, затем до апреля 1924 г. – членом Революционного Военного Совета Туркестанского фронта. Он же возглавлял военно-историческую комиссию по изучению опыта мировой и Гражданской войн и Высший военно-редакционный совет при РВСР СССР. Сам С.И. Гусев выпустил брошюру «Уроки Гражданской войны», а вместе с М.В. Фрунзе готовил к X съезду РКП(б) тезисы «Реорганизация Рабоче-крестьянской Красной армии» (Ерашов, 1991. С. 184). В публикациях С.И. Гусев предельно откровенно высказывался по ключевым аспектам военного строительства. Учитывая последующие многократные изменения политического курса и официальной риторики, от практически неизбежных негативных последствий автора избавила смерть от болезни в 1933 г.

Ибо в конце 1930-х гг. чрезмерная искренность в общедоступной печати вполне могла быть признана «находкой для шпионов», да и по деятельности С.И. Гусев был связан преимущественно с тем, кто очно и даже заочно (из числа ранее умерших своей смертью) признан «врагами народа» (Горелов, 1991. С. 339; Ненароков, 1991. С. 358–359).

Возглавлявший Политическое управление Красной армии с 1924 по 1929 г. А.С. Бубнов выступал в печати с работами, буквально составленными из цитат В.И. Ленина (Бубнов, 1958. С. 119–124), что не избавило его от расстрела в 1938 г. А ведь еще в 1924 г. он написал, что Красную армию строят комсостав, политсостав, контрольные комиссии, комячейки, комсомол, органы карательной политики. Из высокопоставленных в Гражданскую войну политработников Красной армии не попали «под каток репрессий» те, кто ушел с политических постов, как например С.И. Аралов (Кузьмина, 1991. С. 166).

Наряду со смысловым содержанием работ С.И. Гусева, не меньший интерес представляют его риторические и аргументационные приемы. Например: «Нас ни в коей степени не интересует вопрос, кто первый начал террор… Научно-теоретическая и практически-политическая постановка вопроса о терроре в Гражданской войне состоит не в сантиментальном хныканье и не изысканиях, кто в этом виноват, а в изучении условий применения террора и наиболее целесообразного ее проведения. Наша ошибка вначале заключалась в чрезмерной мягкости, нерешительности, неумелости… Помнится, даже товарищ Ленин погрешил в начале 1918 г. заявлением, что в основном Гражданская война окончена, что вообще русская буржуазия бессильна организовать восстание против Советской власти» (Гусев, 1925а. С. 116–117).

Для нашей же темы наиболее значимы следующие взаимосвязанные проблемы, рассмотренные С.И. Гусевым: обозначение трудностей 1921 г., предрешение судеб «попутчиков» (или рассуждения о партизанстве и бандитизме), динамика осмысления Гражданской войны, собственно военные новации, вопросы армейского управления и практика партийного строительства.

Текущие трудности подготовки к «наступательной революционной войне»

Гусев С.И. с огорчением признавал, что «понимание задач революционной войны чуждо в настоящее время широким рабочим и крестьян-

ским массам, а также и партийным кругам… В крестьянских массах, вместе с разгромом помещичьей контр-революции, возникли демобилизационные и ликвидационные настроения. Земля завоевана, помещик разбит, зачем же нам армия? зачем нам новые войны, – так рассуждает крестьянин. Поэтому теперь же необходимо приступить к длительной и упорной работе по выяснению, рабочим и крестьянским массам того, что без победы мировой революции пролетарская диктатура в РСФСР рухнет» (Гусев, 1925d. С. 106).

«Новые задачи, встающие перед Красной армией, требуют коренного изменения ее боевой и политической подготовки применительно к задачам революционной войны. Перед Красной армией могут оказаться несравненно более сильные, чем врангелевские части, враги, лучше обученные, лучше организованные, вооруженные могучими техническими средствами. Война против таких врагов была бы совершенно безнадежной, если бы в их тылу не имелся у нас сильный союзник, в лице революционного пролетариата. Это, однако, не избавляет нас от необходимости пропустить всех красноармейцев через военно-политические школы-казармы, которые дали бы им высокую, боевую и политическую подготовку, превратив их в полуофицеров и тем самым подготовив их к революционным войнам» (Гусев, 1925d. С. 106).

«Но без упорной, длительной работы боевого и политического воспитания, крестьянин, одетый в мундир красноармейца, этой задачи не поймет, на революционную войну не пойдет. Задача ускорения революции на Западе ему чужда и останется чуждой до тех пор, пока мы революционную войну не свяжем самым очевиднейшим образом с помещичье-буржуазной контрреволюцией, с возможностью возврата помещику власти и земли. Следовательно, содержание нашей политической работы в Красной армии существенно изменяется. Основная задача всей политработы в Красной армии (а также и всей боевой подготовки) – воспитать каждого красноармейца на мысли о развитии и ускорении революции на Западе, на лозунге наступательной революционной войны. Пройдут, быть может, годы, прежде чем мы увидим себя вынужденными на такую войну. Сейчас мы не хотим и не можем воевать. Но готовиться к этой войне нужно теперь же. Чтобы подготовить крестьянина-красноармейца к революционной войне, чтобы доказать ему неопровержимо, что без торжества революции на Западе помещик неминуемо вернется и землю отберет, что для этого торжества необходимо ее ускорение, вплоть до наступательной революционной войны, потребуется гораздо более глубокая и серьезная, чем прежде, политработа…

И если буржуазным правительствам удавалось в течение столетий «оболванивать» муштрой, палочной дисциплиной и «словесностью» одетых в солдатские мундиры рабочих и крестьян для своих грязных, корыстных, грабительских войн, то нет сомнения, что нам удастся путем углубленной политработы подготовить крестьянина на революционную войну за торжество коммунизма» (Гусев, 1925b. С. 134–135).

Целесообразно привести оценки современной зарубежной историографии: «По большей части фантастические страхи перед большевиками, готовыми к захвату старого мира, оказывали мощное воздействие на политическое воображение европейцев после того, как в России к власти пришел Ленин. Отчасти под воздействием пропаганды, отчасти же являясь подлинным источником беспокойства для тех, кому было что терять, кроме своих цепей, большевизм быстро стал синонимом расплывчатых угроз и скрытых врагов, стремившихся к ниспровержению послевоенных европейских обществ. Зловещие фантазии о наступавших со всех сторон нигилистических силах беспорядка вдохновляли консервативную и контрреволюционную политику по всей Европе, принимавшую, однако, разное выражение. Там, где победа в Первой мировой войне укрепила государство и его институты, антибольшевистская мифология была призвана также стабилизировать существовавшую систему путем сплочения тех, кто был готов защищать ее от «распада». Наоборот, в побежденных странах антибольшевизм помогал объяснить, почему была проиграна (Первая мировая) война, рухнули старые режимы и на большей части Восточной и Цен-

тральной Европы воцарился хаос» (Герварт, Хорн, 2014. С. 79). Таким образом, и за пределами СССР взаимосвязанные идеология и мифология играли исключительную роль.

Военно-теоретическое осмысление

М.В. Фрунзе в январе 1921 г. сформулировал характерный тезис: «Задача выработки единой пролетарской военной доктрины, в условиях развивающейся мировой революции и в обстановке наиболее вероятных для ближайшего будущего войн гражданского типа, не может быть возложена на узких специалистов военного дела. Правильное решение ее может быть дано лишь совместными усилиями как военных специалистов, так и всех политических работников, имеющих достаточный стаж в деле строительства Красной армии и в ее борьбе на основе использования революционного опыта пролетарских масс» (Гусев, 1925с. С. 94).

Яркий представитель проигравшего белого лагеря А.В. Геруа в 1923 г. писал: «Советчина готовит большие сюрпризы по части изучения гражданской войны и ее использования для целей будущего мирового столкновения масс. Хотя ее литература по этой части, в особенности что касается чисто военных трудов, оставляет желать многого, можно думать, что это – намеренный трюк Советской власти… Но за этою явною литературою, очевидно, имеется и более глубокое изучение гражданской войны, так как об этом говорят официальные руководства, появившиеся в печати и предписанные к руководству в войсках: брошюра «Вооруженное восстание как искусство» и, в особенности, не существующий нигде больше – «Устав гражданской войны»… Неразговорчивость Советов в этой области знаменует их желание подготовить неожиданность…» (Геруа, 1923. С. 295, 298).

В 1937 г. другой представитель белого лагеря – Н. Пятницкий кратко проанализировал состоявшуюся эволюцию красной военной доктрины под влиянием «хирургически» завершавших теоретические споры политических расправ (от расстрелов до отлучения или самотлучения от публикаций) и нарастающего «культа личности» И.В. Сталина (Пятницкий, 1999).

Партизанство, бандитизм: судьбы попутчиков

Внутриполитическая обстановка начала 1920-х годов весьма тревожила политработников. Они требовали вести боевую и политическую подготовку в направлении усиления ее классового характера Красной армии. С.И. Гусев многократно подчеркивал, что Новая экономическая политика не дает полных гарантий против новых попыток (в т. ч. через неликвидированный бандитизм) «анархистской, мелкобуржуазной стихийной» контрреволюции сорвать пролетарскую диктатуру. Осознавалась и внутрипартийная угроза анархосиндикалистских тенденций – «подмены вопроса о существовании диктатуры пролетариата вопросом о средствах существования для пролетариата», с которой, по Гусеву, необходимо было вести беспощадную борьбу.

Своеобразна трактовка военного творчества не большевиков: «В эпоху социалистической революции, идущей под лозунгом «экспроприация экспроприаторов», партизанство неминуемо извращает этот лозунг и скатывается к бандитизму, если только партизаны не связаны тесно с регулярной армией. Какое бы название ни присваивали своим действиям партизаны, – реквизиция, самоснабжение, контрибуция, – существо дела остается то же. Дело также нисколько не изменится, если на партизанский бандитизм наклеить анархический ярлык. Мы видим это на примере известного на Украине предводителя партизанских банд Махно, от которого идейные анархисты на словах открещиваются (что не мешает им на деле заигрывать с ним). Под анархическим черным флагом Махно совершает черное дело объединение контрреволюционных, кулацких элементов деревни против рабоче-крестьянской революции. Самое лучшее доказательство этому в том, что на деле Махно не раз являлся пособником врагов Советской России и белогвардейцев, которые не раз искали открытого или тайного союза с ним. Махно всаживал нож в спину Красной армии в то время, когда она вела отчаянную борьбу против Врангеля. Только когда Красная армия на врангелевском фронте настолько окрепла, что была в силах справиться с ним само-

стоятельно. Махно предложил Советскому правительству «военный союз» против Врангеля: кулак испугался за захваченную им у помещика землю. Предложение было принято не для того, чтобы иметь лишнюю силу на фронте – она там была не нужна, а чтобы на время избавиться от врага в тылу. Как только Врангель был разгромлен, «союз», естественно, распался, ибо пролетарской революции по пути с кулаком только в борьбе с помещиком, а дальше их пути резко расходятся» (Гусев, 1925e. С. 64).

«Выводы – Партизанский бандитизм объективно является врагом пролетарской революции и союзником буржуазной контрреволюции. Выбрасываемые им демагогические лозунги – «выборное начало», «долой офицерство», «долой всякую принудительную дисциплину» – деморализуют и разлагают, толкают на грабежи регулярные красноармейские части, которые, особенно в отсталой крестьянской России, лишь медленно изживают свою вековую ненависть ко всем организационным формам, заимствованным у старой армии. Вот почему решительная и непримиримая борьба с бандитизмом и мелкобуржуазным, враждебным всякой дисциплине анархизмом в рядах регулярной Красной армии является первейшей и священнейшей обязанностью ее строителей. Партизанство может быть допускаемо лишь при условии строгого подчинения и теснейшей связи его с регулярной армией» (Гусев, 1925e. С. 64–65). Сетования на отсталость России в работах большевиков очень распространены, органично дополняя призывы к международной пролетарской солидарности.

События весны 1921 г. (кронштадтское восстание и волна бандитизма) показали, что о широком переходе к милиционной системе в настоящий период не может быть и речи, ибо развитие милиционной системы могло превратиться в придание организационной военной формы мелкобуржуазной анархистской контрреволюции. X партсъезд, запретив широкую пропаганду милиционной системы, как вредной, допустил лишь образование полумилиционных частей в крупных рабочих центрах и этим подчеркнул, что в русских условиях о народной милиции говорить не приходится, а надо приступить лишь к организации классовой (пролетарской) милиции. На Западе, где соотношение пролетариата к мелкой буржуазия гораздо благоприятнее, переход к классовой милиции будет проще и быстрее, чем у нас. Однако и там переход к народной милиции: станет возможным лишь при прочном укреплении пролетарской диктатуры, то есть тогда, когда она может оказаться почти ненужной» (Гусев, 1925e. С. 78–79). «Выводы: решительное подавление восстаний, организуемых (Гусев не уточняет кем) для срыва сбора продналога. Поскольку обычные части Красной армии могут проявить сочувствие к кулакам. Гусев констатирует, что большевики «приступили к формированию нового рода войск, приспособленных к этой борьбе и не зараженных мелкобуржуазной стихией. Мы создаем корпус ВЧК, мы приступаем к реорганизации отрядов особого назначения» (Гусев, 1925b. С. 134).

«Враг был силён, тем больше наша слава»: собственно военные выводы

С.И. Гусев подчеркивал в конце 1921 г.: «Маневренный характер гражданской войны, выход войны из окопов и проволоки (на открытое поле) создают условия для возрождения кавалерии и возвращения ей той важной роли, которую она играла до русско-японской и империалистической войны. Инициативу в создании кавалерии берет на себя; в России белогвардейское командование… Как велико значение кавалерии в условиях гражданской войны, – видно лучше всего на примере Врангеля. Врангель перевернул отношение между пехотой и кавалерией. «Бронированная» кавалерия стала у него главным родом оружия, а пехоте была отведена вспомогательная роль. Пехота прокладывала для кавалерии пути там, где кавалерия не была в состоянии пройти самостоятельно (проволочные заграждения, переправа через реки, десанты). Бой же вела и решала дело кавалерия» (Гусев, 1925e. С. 66–68).

Такие оценки большевика-политработника совпадают с мнением выпускника 1917 г. ускоренных курсов Академии Генерального штаба и участника белого движения на Юге России Арсения

Александровича Зайцова. Последний в 1934 г. писал: «Победа красных в гражданскую войну, в глазах выдвинутого ею командного состава, оправдала применявшиеся в ней приемы и многие из них, не видавшие настоящей войны или участвовавшие в ней на самых низших постах, поверили, что именно в них-то и лежит истина. Упоение победой заставляло их считать, что именно ими найдено последнее слово. Опыт же гражданской войны совершенно исказил истинное представление о современной армии. В самом деле, война эта велась, главным образом, конницей, почти без артиллерии, авиации и химии. Пехота красных была сведена в 9-ти полковые громоздкие дивизии. Из броневых машин применялись только бронепоезда и т. д. Изжить все эти заблуждения и перейти на современные рельсы было совсем нелегко. И тем не менее, Фрунзе удалось, более или менее, вывести Красную Армию из этого сумбура. Принятая Фрунзе и, затем, после него лишь совершенствовавшаяся организация Красной Армии поэтому является компромиссом между опытом гражданской войны и принципами устройства современных армий. Пехота Красной Армии организована по германскому образцу... Характерной особенностью Красной Армии является организация ее конницы, во многом напоминающая и посейчас еще эпоху гражданской войны» (Зайцов, 1999. С. 226). Такое совпадение выводов самих участников Гражданской войны особенно ценно для нас как исследователей.

Снова С.И. Гусев: «В Западной Европе кавалерия едва ли сможет сыграть такую крупную роль, главным образом, потому, что **там недостает** необходимой для кавалерии лошади. Только **полудикие** русские лошади обладают необходимой для кавалерии выносливостью, способны делать по 2–3 дня подряд 60-верстные переходы, ночевать под открытым небом летом и зимой и питаться недостаточным и плохим кормом. Однако не следует повторять той ошибки, которая была сделана в русской Красной армии, где приступили к формированию кавалерии лишь на второй год войны. Необходимо, поскольку позволяют это условия, формирование кавалерии вести наряду с формированием пехоты и превращать ее в «бронированную» придачей ей большого числа конных пулеметов, конной артиллерии, вооруженных грузовиков, броневиков и аэропланов» (Гусев, 1925е. С. 68).

Партийность и коллегиальность: вопросы управления

Рассуждения С.И. Гусева: «В области управления армиями белое командование удовольствовалось формами управления, заимствованными из старой буржуазной армии. Красная армия изобрела новые, более высокие формы управления, в лице революционных военных советов фронтов и армий и в лице обширного корпуса комиссаров во всех управлениях и частях Красной армии.

В итоге революционные военные советы фронтов и армий сложились как коллегиальные управляющие центры, где оперативная часть находилась в руках командующего, а политическая часть (политические отделы, особые отделы, трибуналы, агентурная разведка, взаимодействия с местными гражданскими организациями) в руках двух комиссаров. Все остальные вопросы, особенно вопросы снабжения и формирования, решались коллегиально. Нередко бывало, что и оперативные вопросы обсуждались коллегиально. Решение, однако, оставалось за командующим. Командующие охотно шли на коллегиальность из-за страха ответственности.

Правильна ли эта форма управления? Этот вопрос не является решенным окончательно. Есть сторонники мнения, что теперь (в декабре 1921 г.) настала возможность перейти к единоначальной форме управления фронтами и армиями. Попытки такого перехода уже были сделаны. Эти попытки показали, однако, что момент перехода к **единоличию** не назрел еще полностью. При единоначальных командующих пришлось ввести институт помощников по политической и административной части, то есть в скрытой форме тот же военный совет.

Тысячи организационных вопросов, вопросов формирования новых частей, улажения конфликтов с местными организациями, борьбы с восстаниями в тылу, политической работы в прифронто-

вой полосе и т. д., и т. п., – тысячи вопросов, чуждых «обычной» войне, в условиях гражданской войны буквально осаждают фронтовое и армейской командование. И одному человеку, будь он хоть семи пядей во лбу, особенно бывшему офицеру, военному специалисту, привыкшему работать «на всем готовом», не вмешиваясь в «политику», нет возможности справиться с ними. Если бы дело сводилось только – к тому, чтобы воевать, управляя готовой армией, тогда единоличное управление было бы возможно. А в гражданской войне приходится не только воевать, но и строить одновременно армию, и притом в сложнейших и труднейших условиях. Без коллегии тут не обойтись…»

«Если найдется такой командующий, который сочетает в себе хорошего коммуниста и хорошего генштабиста и сумеет единолично справиться со сложнейшей задачей управления армией в гражданской войне, то такой единоличный командующий, конечно, лучше «коллегиального командующего» (военного совета). К сожалению, в русских условиях таких товарищей почти не видно. Может быть, западно-европейский пролетариат окажется счастливее нас» (Гусев, 1925е. С. 82–85).

Партийные организации армии

Гусев С.И. особо подчеркивал, что Гражданская война есть война классовая, а потому партийная. О беспартийной армии не может быть и речи. Однако Красная армия не может непосредственно управляться партией в лице местных партийных организаций или ЦК партии. Допустим, лишь контакт, согласование работы, а не подчинение. Иначе оказалось бы, что Красная армия подчинена не революционным военным советам и не политическим отделам, а кому-то другому, стоящему вне Красной армии. Подобные «покушения», делавшиеся местными партийными организациями, ничего кроме вреда не принесли.

Партийные организации (политические отделы) в Красной армии являлись замкнутыми и по всей собственной линии подчинялись только Центральному Комитету коммунистической партии. Основу такой организации составляла партийная ячейка роты, полка, штаба, управления. Ячейки объединялись через регулярно созываемые конференции при политических отделах.

Особо оговаривалось, что если партийные организации, стоящие вне Красной армии, не могут претендовать на непосредственное управление Красной армией или отдельными ее частями, то тем еще менее допустимо, чтобы партийная организация внутри Красной армии брала – на себя управление ею. Управление армией принадлежит революционным военным советам и подчиненным им начальникам и командующим совместно с комиссарами при них. Если бы даже все члены военных советов, начальники и командующие были коммунистами, то из этого не следовало, что военные советы признавались партийными организациями. Задача военных советов заключалась в управлении армией, а не в партийной работе, и в этом аспекте они являлись «беспартийными».

Таким образом, задача партийных организаций Красной армии – вести партийную работу, а не командовать войсками. Начальники политических отделов не избирались партийными организациями, а назначались Центральным Комитетом. То же относится и к членам революционных военных советов. Комиссары не избираются, а назначаются революционными военными советами. Приказы политических отделов должны выполняться ячейками на основах военной дисциплины. Чтобы быть примером дисциплины для красноармейских масс, коммунисты должны были вносить военную дисциплину в свои собственные ряды.

К X партсъезду, в связи с окончанием войны, в Красной армии возникло течение, направленное к полной перестройке партийной организации внутри Красной армии по образцу гражданских партийных организаций, то есть с выборными партийными органами в бригадах, дивизиях, армиях, округах и фронтах. В отдаленной перспективе это течение могло образовать внутри Красной армии самостоятельную партию (РКП Красной армии), что было признано недопустимым. Аналогичный запрет касался профсоюзов.

Одновременно появились течения, направленные к ликвидации самостоятельной партийной

организации в Красной армии и к полному слиянию их с местными партийными организациями. Оба эти течения были решительно осуждены X съездом, принявшим постановление о сохранении политаппарата Красной армии при условии тесного контакта с местными парторганизациями и с Главполитпросветом (Гусев, 1925е. С. 88–89).

* * * * *

Окончание Гражданской войны поставило перед высшим руководством советского государства новые, по их же признанию, более сложные задачи. Демобилизация армии и смена приоритетов пропаганды стала серьезной, но вполне успешной проверкой адаптационных возможностей коммунистического режима. Скорректированная модель интеллектуальной работы и уточненный «образ будущего» оказали определяющее влияние на ход дальнейшего военного строительства в СССР, сделав неизбежными привлечение карательных органов к разрешению армейских проблем. Сформулированные в статье обобщения позволяют увидеть истоки сильных и слабых сторон Красной армии, продемонстрированных в Великой Отечественной войне, а также оценить последующие процессы в отечественных вооруженных силах, включая усиление партийного контроля над ними как осмысленное воспроизведение практик 1920-х годов.

Библиографический список

Бубнов А.С. Воинская дисциплина и парторганизация // О Красной армии. М.: Военное издательство министерства обороны Союза ССР, 1958. С. 117–133.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М., 1999. 382 с.

Герварт Р., Хорн Дж. Большевизм как фантазия: страх перед революцией и контрреволюционное насилие (1917–1923 гг.) // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Гервард и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 63–80.

Геруа А. Полчища. София, 1923. 434 с.

Горелов И.Е. Рыков Алексей Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 326–339.

Гусев С.И. О гражданской войне // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925a. С. 113–125.

Гусев С.И. Основная задача политработы в Красной армии // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925b. С. 133–135.

Гусев С.И. Реорганизация рабоче-крестьянской Красной армии (материалы к X съезду РКП) // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925c. С. 91–96.

Гусев С.И. Тезисы к «неделе красного командира» // Гражданская война и Красная армия. Сборник воен-

References

Bubnov A.S. (1958) Military discipline and party organization. About the Red Army. Moscow: VOEN. Publishing house of the Ministry of defense of the USSR. P. 117–133. (In Russ.)

Volkov S.V. (1999) The Tragedy of the Russian officers. Moscow. 382 p. (In Russ.)

Gerwert R., Horn, J. (2014) Bolshevism as a fantasy: fear of revolution and counter-revolutionary violence (1917–1923). *Voina vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923. Sbornik statei* = War during peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles; edited by R. Herward and D. Horn. Moscow: New literary review. P. 63–80. (In Russ.)

Gerua A. (1923) Hordes. Sofia. 434 p. (In Russ.)

Gorelov I.E. (1991) Rykov Alexey Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 326–339. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925a) About the Civil War. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 113–125. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925b) The Main task of political work in the Red Army. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 133–135. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925c) Reorganization of the Workers and Peasants Red Army (materials for the X Congress of the RCP). Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 91–96. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925d) Theses for the “week of the red commander”. Civil War and the Red Army. Collection of

но-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925d. С. 104–107.

Гусев С.И. Уроки гражданской войны // Гражданская война и Красная армия. Сборник военно-теоретических и военно-политических статей (1918–1924). М.-Л.: Гос. изд-во, 1925e. С. 51–90.

Зайцов А.А. Шестнадцать лет «РККА» // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. (Русский военный сборник). М.: Русский путь, военный университет, 1999. Вып. 16. С. 217–254.

Ерашов В.П. Гусев Сергей Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 167–185.

Катцер Н. Белый миф. Русский антибольшевизм в послевоенной Европе // Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923 / Сборник статей; ред. Р. Гервард и Д. Хорн. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 155–194.

Крамаров Г.М. Сквозь грозы шагающий // Реввоенсовет нас в бой зовет. Воспоминания. М.: Военное издательство министерства обороны СССР, 1967. С. 60–70.

Кузьмина Т.Ф. Аралов Семен Иванович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 148–166.

Липицкий С.В. Сталин Иосиф Виссарионович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 371–402.

Мельников Н. Танковая промышленность СССР в годы Великой Отечественной войны. М.: Яуза-каталог, 2019. 736 с.

Найда С.Ф. Об освещении некоторых вопросов истории КПСС в годы интервенции и гражданской войны в курсе истории партии для вузов // Материалы всесоюзного совещания заведующих кафедрами общественных наук (14–22 июня 1957 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. С. 122–174.

Наумов И.В. У истоков: изучение истории гражданской войны на дальнем Востоке в 1920-е годы. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1993. 151 с.

Ненароков А.П. Смилга Ивар Тенисович // Реввоенсовет Республики (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). М.: Политиздат, 1991. С. 349–359.

Пятницкий Н. Эволюция красной военной доктрины // Военная мысль в изгнании. Творчество русской военной эмиграции. Русский военный сборник. М.: Рус-

military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 104–107. (In Russ.)

Gusev S.I. (1925e) Lessons of the Civil War. Civil War and the Red Army. Collection of military-theoretical and military-political articles (1918–1924). Moscow – Leningrad: State publishing house. P. 51–90. (In Russ.)

Zaitsov A.A. (1999) Sixteen years of the “Red Army” // Military thought in exile. Creativity of the Russian military emigration. (Russian military collection. Issue 16). Moscow: Russian way, military University. P. 217–254. (In Russ.)

Erashov V.P. (1991) Gusev Sergey Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 167–185. (In Russ.)

Katzer N. (2014) White myth. Russian anti-Bolshevism in post-war Europe. *Voina vo vremya mira: Voenizirovannye konflikty posle Pervoi mirovoi voiny. 1917–1923. Sbornik statei* = War during peace: Paramilitary conflicts after the First World War. 1917–1923. Collection of articles; edited by R. Herward and D. horn. Moscow: New literary review. P. 155–194. (In Russ.)

Kramarov G.M. (1967) Through the storm walkin. *Revvoensovet nas v boi zovet. Vospominaniya* = The Revolutionary Military Council of the us calls. Memories. Moscow: VOEN. publishing house of the Ministry of defense of the USSR. P. 60–70. (In Russ.)

Kuzmina T.F. (1991) Aralov Semyon Ivanovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 148–166. (In Russ.)

Lipitsky S.V. (1991) Stalin Joseph Vissarionovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic (September 6, 1918 – August 28, 1923). Moscow: Politizdat. P. 371–402. (In Russ.)

Melnikov N. (2019) Tank industry of the USSR during the Great Patriotic War. Moscow: Yauza-catalog. 736 p. (In Russ.)

Naida S.F. (1958) On coverage of some issues of the history of the CPSU during the years of Intervention and Civil War in the course of party history for universities. Materials of the all-Union meeting of heads of departments of social sciences (June 14–22, 1957). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury. P. 122–174. (In Russ.)

Naumov I.V. (1993) At the origins. Studying the history of the Civil War in the far East in the 1920s. Irkutsk: Irkutsk State University. 151 p. (In Russ.)

Nenarokov A.P. (1991) Smilga Ivar Tenisovich. *Revvoensovet Respubliki* = Revolutionary Military Council (Revvoensovet) of Republic] (6 September 1918 – 28 August 1923). Moscow: Politizdat. P. 349–359. (In Russ.)

Pyatnitsky N. (1999) Evolution of the red military doctrine. *Voennaya mysl' v izgnanii. Tvorchestvo russkoi voennoi emigratsii. Russkii voennyi sbornik* = Military thought in

ский путь, военный университет, 1999. Вып. 16. С. 255–260.

Свечин А.А. Стратегия. 2-е изд. М.: Военный вестник, 1927. 263 с.

Симонов Н.С. ВПК СССР: темпы экономического роста, структура, организация, производства, управление. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2015. 504 с.

Тухачевский М.Н. Доклад, написанный по поручению В.И. Ленина, об использовании военных специалистов и выдвижении коммунистического командного состава (по опыту 5-й армии) : Избранные произведения. М.: Русский шахматный дом, 2020. С. 3–8.

Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930–1931 гг. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 496 с.

Критерии авторства

В.Н. Воронцов и М.С. Суханова выполнили научно-исследовательскую работу, на основании полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторах

Воронцов Владислав Николаевич,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук,
Иркутский государственный университет путей сообщения,
664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, Россия,
✉ e-mail: woronzow@mail.ru

Суханова Мария Сергеевна,
соискатель, специалист по УМР 1 категории,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, г. Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21, Россия,
✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

exile. Creativity of the Russian military emigration. Russian military collection. Moscow: Russian way, military University. Iss. 16. P. 255–260. (In Russ.)

Svechin A.A. (1927) Strategy. Moscow: Military Bulletin. 263 p. (In Russ.)

Simonov N.S. (2015) Military-industrial complex of the USSR: rates of economic growth, structure, organization, production, management. Moscow: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science. 504 p. (In Russ.)

Tukhachevsky M.N. (2020) Report, written on behalf of V.I. Lenin, on the use of military specialists and the promotion of the Communist command staff (based on the experience of the 5th army): Selected works. Moscow: Russian chess house. P. 3–8. (In Russ.)

Tinchenko Ya.Yu. (2000) Golgotha of Russian officers in the USSR. 1930–1931. Moscow: Moscow public scientific Foundation. 496 p. (In Russ.)

Attribution criteria

V.N. Vorontsov and M.S. Sukhanova performed research work, on the basis of the results conducted the synthesis, prepared the manuscript for publication, own the copyright on the article and solely responsible for its originality.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Information about the authors

Vladislav N. Vorontsov,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities,
Irkutsk State Transport University,
15, Chernyshevsky street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: woronzow@mail.ru

Maria S. Sukhanova,
PhD candidate,
Saint Petersburg State Economic University,
21, Sadovaya street, Saint Petersburg 191023, Russia,
✉ e-mail: kazanskaya.masha@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 327.5(1-11)+325.2:355.1+94(470:510)+94(518)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-220-230

Полковник П.А. Веденяпин и попытки возродить работу РОВС в Китае в годы Второй мировой войны

© С.В. Смирнов

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

Аннотация: Статья посвящена эмигрантскому периоду жизни полковника лейб-гвардии Преображенского полка П.А. Веденяпина, главным образом его участию в работе Шанхайского подразделения Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в годы Второй мировой войны. Оказавшись в 1920 г. в эмиграции в Китае, полковник сыграл заметную роль в жизни русских организаций бывших военных в Тяньцзине и Шанхае. В условиях начавшихся в 1941 г. Советско-германской и Тихоокеанской войн Веденяпин стал одним из главных инициаторов возобновления работы прекратившего свою деятельность в 1940 г. Шанхайского отделения РОВС и первым начальником возрожденной организации. Невозможность прямого включения в вооруженную борьбу против советской власти по причине неучастия Японии в войне с СССР свела деятельность РОВС к попыткам объединения под его руководством всех русских военных и молодежных организаций Шанхая, а также выработке единой идейной платформы для антисоветской эмиграции, построенной на основах русского национализма. Неудачи предпринятых попыток и рост просоветского патриотизма в эмигрантской среде заставили Веденяпина в 1943 г. покинуть пост начальника Шанхайского РОВС и устраниться от какой-либо политической активности вплоть до своего отъезда из Китая в 1949 г. В статье использованы мало изученные документы из фондов Архива Гуверовского института (Стэнфордский университет) и Музея русской культуры в Сан-Франциско.

Ключевые слова: полковник П.А. Веденяпин, русская военная эмиграция, Русский Обще-Воинский Союз, Союз служивших в Российских Армии и Флоте, Объединенная Организация Национальной Молодежи, Вторая мировая война, Китай, Шанхай, Тяньцзинь

Информация о статье: Дата поступления 13 декабря 2019 г.; дата принятия к печати 13 января 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Смирнов С.В. Полковник П.А. Веденяпин и попытки возродить работу РОВС в Китае в годы Второй мировой войны // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 220–230. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-220-230

Colonel P.A. Vedenyapin and attempts to revive the activity of the ROVS in China during Second World War

© Sergey V. Smirnov

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

Abstract: The article is devoted to émigré period in the life of the Preobrazhensky guards regiment' Colonel Peter A. Vedenyapin, mainly his participation in the Shanghai division of the Russian All-Military Union during the Second World War. Having appeared in 1920 in emigration in China, the Colonel played a noticeable role in life of the Russian organizations of the former military in Tianjin and Shanghai. In the conditions of the Soviet-German and Pacific wars, which began in 1941, Vedenyapin has become one of the main initiators of the resumption of the Shanghai branch of ROVS, which ceased its operations in 1940, and the first chief of the revived organization. The impossibility of direct involvement in the armed struggle against the Soviet power due to Japan's non-participation in the war with the Soviet Union reduced the activities of the General Military Union to attempts to unite all Russian military and youth organizations in Shanghai under its leadership. The Union also sought to develop a unified ideological platform for anti-Soviet emigration, built on the foundations of Russian nationalism. The failure of

the attempts and the growth of Pro-Soviet patriotism in the emigrant environment forced Vedenyapin to leave the post of the chief of the Shanghai ROVS in 1943 and to withdraw from any political activity until his departure from China in 1949. The article uses insufficiently studied documents from the archives of the Hoover Institute (Stanford University) and the Museum of Russian culture in San Francisco.

Keywords: Colonel P.A. Vedenyapin, Russian military emigration, the Russian All-Military Union, the Union of those who served in the Russian Army and Navy, the United Organization Of National Youth, the Second World War, China, Shanghai, Tianjin

Article info: Received December 13, 2019; accepted for publication January 13, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Smirnov S.V. (2020) Colonel P.A. Vedenyapin and attempts to revive the activity of the ROVS in China during Second World War. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 220–230. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-220-230

Имя полковника Петра Александровича Веденяпина хорошо известно исследователям Первой мировой войны. Блестяще образованный офицер-преображенец (окончил Пажеский корпус по 1-му разряду и Николаевскую Военную академию по 1-му разряду с дополнительным курсом), он прошел за годы войны почти весь боевой путь своего полка (1914–1916), командуя, как и его однополчанин полковник А.П. Кутепов, сначала ротой, а затем батальоном (Андоленко, 2010; Послужной список…[1]). За годы войны Веденяпин был ранен и контужен, и награжден несколькими орденами, включая орден св. Владимира III ст. и Георгиевское оружие. В апреле 1917 г. полковник был назначен командиром л.-гв. Измайловского полка. Будучи горячим противником большевиков, Веденяпин возглавил нелегальную петроградскую организацию офицеров Измайловского полка, Кавказской туземной конной дивизии и некоторых частей технических войск, а после отстранения от командования полком в сентябре 1917 г. вошел в подпольную организацию генерала М.В. Алексеева. В Алексеевской организации Петр Александрович отвечал за обеспечение жильем и питанием постоянно не живших в столице офицеров, для чего использовалось общество борьбы с туберкулезом «Капля молока», служившее питательным пунктом и нелегальным «управлением этапного коменданта» (Волков, 2002. С. 103; Гребенкин, 2015. С. 378). С началом белого движения на юге России Веденяпин некоторое время возглавлял штаб генерала Алексеева в Новочеркасске, являлся участником 1-го Кубанского (Ледяного) похода. В мае 1918 г. работал представителем Добровольческой армии на Тереке, позднее входил в Главный комитет Общества Белого креста.

Вся последующая биография Веденяпина обычно излагается в нескольких строках: в 1920 г. он оказался в эмиграции в Китае, жил в Тяньцзине и Шанхае, входил в руководство Тяньцзиньского Союза служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАФ) и отделения Русского Обще-Воинского Союза, в 1949 г. покинул Китай, выехав в Южную Америку, где погиб в 1955 г. в Парагвае (Белая эмиграция в Китае и Монголии, 2005; Хисамутдинов, 2000; Хисамутдинов, 2013)[2]. Между тем, обнаруженные нами документы, имеющие отношение к деятельности русских военных организаций в Китае, хранящиеся в фондах ГАРФ, Архива Гуверовского института и Музея русской культуры в Сан-Франциско, позволяют осветить участие Петра Александровича в работе русских эмигрантских организаций бывших военных, в том числе его роль на последнем этапе существования подразделения РОВС в Китае, сюжет, практически не представленный в историографии русской военной эмиграции (Балмасов, 2007; Ван Чжичэн, 2008; Голдин, 2002; Голдин, 2005; Ершов,

[1] Послужной список и другие документы П.А. Веденяпина времен Первой мировой войны из фондов РГВИА доступны на информационном портале «Памяти героев Великой войны 1914–1920 гг.». [Электронный ресурс]. URL: http://gwar.mil.ru/ (22.10.2019).

[2] Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» [Электронный ресурс]. URL: http://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/ (25.10.2019).

2000; Терзов[3]; Цурганов, 2010; Шаронова, 2015; Шкаренков, 1986).

В конце 1918 г. полковник Веденяпин, в отличие от своего соратника-преображенца генерала Кутепова, ставшего одним из известнейших полководцев Белой армии на юге России, оказался не у дел, как и некоторые другие гвардейские офицеры. Поэтому, после того как в апреле 1919 г. общее собрание офицеров л.-гв. Преображенского полка приняло постановление о своем переходе из армии генерала А.И. Деникина к Верховному правителю России адмиралу А.В. Колчаку (Ганин, 2018. С. 113), он в составе группы офицеров-преображенцев летом 1919 г. выехал в Омск, где, по некоторым сведениям, у него уже находилась семья (Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века, 2016. С. 112). На Восточном фронте Веденяпин тоже ничем себя не проявил, командуя запасным гвардейским батальоном Ставки Верховного правителя (Там же). С эвакуацией Омска полковник оказался на российском Дальнем Востоке, откуда вскоре перебрался в Шанхай.

В 1920 г. в Шанхае было сравнительно немного русских эмигрантов, поэтому часть старших белых офицеров, имея хорошее образование и знание иностранных языков, сумела найти себе хорошо оплачиваемую работу в иностранных фирмах и административных учреждениях на территории Международного сеттльмента и Французской концессии Шанхая. Веденяпин поступил на службу в местное отделение Русско-Азиатского банка. Тогда же он включился в работу по консолидации бывших военнослужащих русской армии, войдя в состав Правления реорганизованного в начале 1922 г. первого объединения русских офицеров в Шанхае – Союза военнослужащих, продолжившего свою деятельность под названием Союза служивших в Российских Армии и Флоте под руководством генерал-лейтенанта К.Ф. Вальтера (ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 319 об.).

В дальнейшем, получив назначение в Тяньцзиньское отделение Русско-Азиатского банка, Веденяпин был вынужден перебраться в Тяньцзинь, более «провинциальный» по количеству и качеству офицерского состава в сравнение с Харбином, Шанхаем и Мукденом центр русской военной эмиграции в Китае. В середине 1920-х гг. русская военная эмиграция Тяньцзина была крайне разношерстной и неконсолидированной, включая в свой состав помимо каппелевцев и семеновцев целый ряд других «атамановцев» – анненковцев, дутовцев, унгерновцев. Первые местные организации бывших военных были казачьими и формировались преимущественно по войсковому признаку. Между тем, запущенный сторонниками великого князя Николая Николаевича в 1925 г. процесс объединения бывших русских военных в Китае привел к появлению целого ряда новых организаций и укрупнению уже существовавших. В сентябре 1926 г. в Тяньцзине по шанхайскому образцу был создан ориентированный на великого князя Союз служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАФ), организаторами которого стали гв. полковник Веденяпин, гв. полковник А.П. Бендерский и капитан 1-го ранга Л.П. Муравьев (Смирнов, 2015. С. 170; Смирнов, 2018. С. 128). Согласно Уставу союз являлся национально-культурной организацией, имевшей целью содействовать возрождению Православной Христианской Великодержавной России. К задачам союза относились: «подготовка кадра идейных и сильных людей, способных являться проводниками перевоспитания Русского общества на основах активности, честности, дисциплинированности, трезвости и деловитости; противодействие всяким антихристианским, антинациональным и антиморальным течениям; поддержание среди своих членов духа Старой Русской Армии с ее дисциплиной, уважением к старшим и строгим сознанием долга перед Отечеством». Видимо, в целях «противодействия всяким антихристианским, антинациональным и антиморальным течениям», в организацию запрещалось принимать евреев (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 149. Л. 214, 216).

Деятельность Тяньцзиньского ССРАФ не отличалась высокой активностью и, как отмечали советские агенты, сводилась главным образом к скучным лекциям (Русская военная эмиграция 20–40-х годов XX века, 2016. С. 112). Свою роль здесь играло не

[3] Терзов А.С. Белая эмиграция в Китае: деятельность Дальневосточного отдела РОВС [Электронный ресурс]. URL: http://srn-fareast.ucoz.ru/ (12.03.2017).

только отсутствие средств и внешней поддержки, но и позиция руководства союза. Как следует из письма Веденяпина к генерал-лейтенанту А.С. Лукомскому, представителю великого князя Николая Николаевича на Дальнем Востоке (май 1927 г.), он, в отличие от николаевского центра, считал, что «решить исход борьбы с советской властью на Дальнем Востоке невозможно, слишком далеко от центра», а вот навредить национальным интересам России и скомпрометировать белое движение легко. Поэтому главными задачами ССРАФ полковник видел «борьбу со всякими течениями, направленными на вовлечение русских национальных сил в настоящую борьбу на Дальнем Востоке; сохранение и сосредоточение силы вокруг чистого знамени Великого Князя; подготовку возможно большего числа активных, честных, трезвых людей для предстоящей работы по Возрождению России» (ГАРФ. Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 209).

«Объединительная» деятельность ССРАФ сосредоточилась главным образом на борьбе против более популярного в эмигрантской, в том числе и военной среде, Русского клуба, одним из руководителей которого являлся генерал-лейтенант Г.А. Вержбицкий (Там же. Д. 149. Л. 190, 191), бывший главнокомандующий Дальневосточной армией. Только после образования в 1928 г. Дальневосточного отдела РОВС и особенно после его возглавления в 1930 г. генерал-лейтенантом М.К. Дитерихсом процесс консолидации русской военной эмиграции в Китае значительно ускорился. В 1930 г. было учреждено Тяньцзиньское отделение Обще-Воинского Союза (рис. 1). Однако к этому времени Веденяпин, вынужденный осваивать новую профессию (HIA. Golovin (N.N.) Papers. Box 12. F. Associations of military science in emigration II) и разбираться с семейными проблемами, отошел в организационной работе на второй план. Руководство ССРАФ сосредоточилось в руках полковника Бендерского, который после отказа Веденяпина в конце 1929 г. от предложения генерала Кутепова возглавить формирующееся в Тяньцзине подразделение РОВС первоначально и стал начальником Тяньцзиньского отделения Обще-Воинского Союза (ГАРФ. Д. Р-5826. Оп. 1. Д. 155. Л. 25), однако вскоре передав его генералу Вержбицкому.

Расширение военной экспансии Японии в Китае, начало которому было положено вторжением Квантунской армии в Маньчжурию в 1931 г., заметно активизировало деятельность прояпонских сил эмиграции (главным образом фашисты, семеновцы и часть легитимистов), к каковым РОВС не относился. Стремясь «свалить» Обще-Воинский Союз, объединявший значительную часть русских организаций бывших военных в Китае, его противники в 1933 г. организовали в прессе демарш против генералов Дитерихса (глава Дальневосточного отдела РОВС) и Д.Л. Хорвата (председатель Дальневосточного объединения русской эмиграции, своего рода «гражданского крыла» николаевцев), обвинив их в организации шпионажа и неблагонадежности в отношении властей Маньчжоу-го и Японии, а также инициировали нападки на руководителей подразделений РОВС и Русских национальных общин (выступали в качестве представительств Дальневосточного объединения эмиграции на местах) в Маньчжурии и Северном Китае[4]. В 1935 г. после ликвидации Харбинского отделения РОВС и высылки его активных членов, включая начальника – генерала Вержбицкого, за пределы Маньчжоу-го, положение Тяньцзиньского отделения стало крайне неустойчивым. В этой ситуации полковник Веденяпин либо в конце 1936, либо в начале 1937 г. переехал в Шанхай.

Оказавшись вновь в Шанхае, Веденяпин вскоре сумел поступить на службу во французский муниципалитет и возобновил работу в Шанхайском ССРАФ, а также стал действительным членом функционировавшего с 1926 г. Офицерского собрания, объединявшего русских офицеров Шанхая вне зависимости от их «политической» принадлежности.

К концу 1930-х гг. Дальневосточный отдел РОВС, некогда наиболее мощное объединение русской военной эмиграции в Китае, имел в своем составе единственное подразделение – Шанхайское отделение, и практически бездействовал. После

[4] Данный факт, в частности, отмечен в дневнике проживавшего в Тяньцзине И.И. Серебренникова (Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых, 2006. С. 317).

Рис. 1. Члены Тяньцзиньского отделения Дальневосточного отдела РОВС во главе с генералом Г.А. Вержбицким, 1930–1931 г. Полковник П.А. Веденяпин в первом ряду второй справа. Коллекция Музея русской культуры в Сан-Франциско

Fig. 1. Members of the Tianjin branch of the Far Eastern Department of the ROVS headed by General G.A. Verzhbitsky, 1930-1931. Colonel P.A. Vedenyapin in the first row of the second right. Collection of the Museum of Russian culture in San Francisco

смерти генерала Дитерихса в 1937 г. и невозможности для его преемника генерала Вержбицкого перебраться из Тяньцзина в Шанхай (генерал был вынужден принять требование японских властей отказаться от политической деятельности и не покидать Тяньцзинь) руководство отделом оказалось в руках престарелого генерала Вальтера, одновременно являвшегося председателем шанхайского ССРАФ. Даже несмотря на поступавшие весной 1940 г. из Европы от начальника РОВС генерал-лейтенанта А.П. Архангельского сведения о возможности в случае появления внешнего «союзника» возобновления активной антисоветской борьбы с привлечением «финляндского опыта» организации воинских отрядов из пленных красноармейцев под командованием белых офицеров (MRC. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Box 2. F. Материалы Союза служивших в Российских Армии и Флоте), Вальтер в сентябре 1940 г. заявил о нецелесообразности в связи с почти полным прекращением сообщения с центром продолжения деятельности Дальневосточного отдела РОВС. Правопреемником отдела должен был стать ССРАФ (Там же). Вскоре Вальтер сложил с себя полномочия председателя Союза служивших (возможно и формального начальника Шанхайского отделения РОВС) в пользу полковника Веденяпина (рис. 2).

Выбор Вальтера был не случайным, особенно на фоне общего безлюдья – отсутствия авторитетных лидеров из старших офицеров, способных объединить вокруг себя рядовое офицерство. На этом фоне Веденяпин в конце 1930-х гг. сохранял известную активность, неоднократно заявляя на различного рода собраниях членов военных организаций о необходимости выработки так называемой русской офицерской идеологии, призванной объединить всех членов русского офицерского корпуса в Шанхае «в единую русскую воинскую семью с единой волей, единой мыслью, единым сердцем» (Там же). Веденяпин указывал, что главной характеристикой, отличавшей русское офицерство от офицерства европейских армий, являлась идейность, выраженная в пол-

Рис. 2. Полковник П.А. Веденяпин, председатель шанхайского Союза служивших в Российских Армии и Флоте. *(Офицерское собрание в Шанхае. 1926–1941. XV. Шанхай: Тип. «Слово», 1941. С. 22)*
Fig. 2. Colonel P.A. Vedenyapin, Chairman of the Shanghai Union of those who served in the Russian Army and Navy. *(The Officers' Assembly in Shanghai. 1926–1941. XV. Shanghai: "Slovo" Printing House, 1941. P. 22)*

ной бескорыстности и самоотверженности в своем служении. Русские офицеры и после отречения государя остались верны своей присяге, до конца жизни верно служить царю и Отечеству, составив основу боровшихся против большевиков белых армий. Даже оказавшись в эмиграции, русские офицеры остались офицерами, продолжая в значительной своей части выполнять свой офицерский долг перед родиной. Те, кто вступил в состав РОВС, самим фактом этого «доказали свое стремление продолжать свою службу, и очень часто не их была вина в том, что они с громадным напряжением работали для прокормления своих семей и не могли проявить своей активности в работе Союза» (Там же).

С другой стороны, также как и Вальтер, Веденяпин считал, что для политической антикоммунистической работы РОВСа в Шанхае нет никакой возможности. Во-первых, в случае попытки осуществления такой работы союз был бы неминуемо закрыт местными муниципальными властями[5], что привело бы к прекращению и благотворительной деятельности организации, а следовательно могли пострадать те, кто от нее зависел. Во-вторых, при наличии у союза лишь ничтожных средств вести борьбу против советского аппарата, располагавшего неограниченными средствами, было бы явно безумной и вредной «попыткой с негодными средствами». Кроме того, политическая деятельность неизбежно повлекла бы за собой проникновение в среду бывших военных тайных агентов большевиков (Там же).

Двумя основными направлениями работы РОВС Веденяпин видел оказание материальной поддержки военным и их семьям и национально-военно-культурную деятельность, ориентированную на поддержание жертвенного и активного национального духа, выработку общенациональной идеологии, сохранение доблестных традиций Императорской Российской Армии и Флота, развитие военных знаний и интереса к военному делу (Там же). С прекращением деятельности Дальневосточного отдела союза осенью 1940 г. его функции перешли к ССРАФ и Шанхайскому Офицерскому собранию, которое Петр Александрович называл «осколком старой России», призванным сохранить и передать «веками складывавшуюся русскую офицерскую идеологию, русские воинские традиции, русский офицерский быт» (Офицерское собрание в Шанхае, 1941. С. 5).

Начавшаяся в июне 1941 г. советско-германская война стала своего рода звездным часом для тех эмигрантских деятелей, которые, с одной стороны, оставались непримиримыми врагами большевизма, а с другой – не принимали активизм в качестве эффективного инструмента противостояния эмиграции советской власти. Война, по их мнению, должна была привести к падению большевистского режима и возвращению на родину эмигрантов – два необходимых условия для возрождения России. Между тем война не только не вызвала сплочение эмиграции в надежде на скорое возвращение на родину после ликвидации советской власти, но и привела к расколу и без того разнородного эмигрантского сообщества на «пораженцев» и «оборонцев».

[5] Штаб-квартиры всех крупных русских организаций бывших военных располагались на территории Французской концессии Шанхая, администрация которой в конце 1930-х гг. подчеркнуто негативно относилась к попыткам политической деятельности этих объединений.

В начальный период войны в руководящих структурах эмигрантских колоний преобладающие позиции заняли «пораженцы». Так, наиболее авторитетная среди русских эмигрантов Шанхая организация – Русский эмигрантский комитет (РЭК) – в августе 1941 г. обратилась с воззванием к эмигрантской общественности, требуя не забывать, что главными отличительными признаками членов русской эмигрантской колонии являются полное отрицательное отношение к советской власти и отказ от общения и сотрудничества с агентами или сочувствующими советскому правительству. РЭК заявлял, что помощь Советскому Союзу со стороны эмиграции будет преступлением против святой Руси и ее великого народа, пока война против Германии ведется от имени СССР, а не от имени России под неприемлемыми для православных русских эмблемами. Главной целью эмиграции должно было стать содействие всеми доступными в ее распоряжении средствами возвращению России на ее исторический путь и ее возрождению в былом величии и славе[6].

С приходом к руководству РЭК в сентябре 1941 г. после гибели его прежнего председателя Н.А. Иванова полковника Н.К. Сережникова, известного своими прояпонскими симпатиями, изменился состав Правления Эмигрантского комитета, больше половины которого составили бывшие офицеры (Шаронова, 2015. С. 134), в массе своей являвшиеся «пораженцами». В декабре 1941 г. началась Тихоокеанская война, что привело к ликвидации европейских административных структур Шанхая и переходу городского управления в руки нового, ориентированного на японцев китайского муниципалитета. В этих условиях в Шанхае произошло восстановление отделения РОВС, начальником которого стал полковник Веденяпин. Японцы, ранее весьма негативно относившиеся к деятельности союза, не препятствовали возрождению организации, но и не оказали ей никакой поддержки.

Возрожденный союз, как и ранее, сосредоточил основные усилия на консолидации под своим руководством всех военных организаций и молодежных объединений. Первоначально в состав шанхайского подразделения Обще-Воинского Союза вошли ССРАФ, Объединение чинов 1-й Отдельной стрелковой бригады, Ижевско-Воткинский Союз, Кадр 1-го Сибирского стрелкового полка, Союз партизан атамана Анненкова, Общество бывших воспитанников Императорских Российских Кадетских Корпусов. В середине 1942 г. о своем вступлении в состав объединения заявили Шанхайский отдел Корпуса Императорской Армии и Флота и недавно возрожденное Русское Военно-научное общество «Армия и Флот»[7].

Работа по молодежному направлению, которой РОВС еще в 1930-е гг. уделял большое внимание, привела к созданию в апреле 1942 г. при штабе союза Комитета по национальному воспитанию, руководителем которого стал полковник А.А. Рахманов, председатель Общества бывших воспитанников 1-го Сибирского кадетского корпуса и член Совета РОВС. Комитет распространил свое руководство почти на все русские детско-молодежные организации Шанхая – Шанхайский отдел Национальной Организации Русских Скаутов и Северо-Восточный отдел Национальной Организации Русских Разведчиков, в составе Объединенной Организации Русских Разведчиков (ООРР) под общим руководством полковника Рахманова, и Шанхайский отдел Союза мушкетеров (начальник – «мушкетерский» капитан-майор Р.Б. Шевелев). Все эти организации составили Объединенную Организацию Национальной молодежи (ООНМ) (HIA. Nedzvetskii (B.I.) Papers. Box 1. F. 1.4).

В мае 1942 г. приказом председателя РОВС в Шанхае были учреждены Краткие военно-образовательные курсы, которые были призваны «создать кадры Русских Национальных бойцов – Рыцарей Белой идеи, способных с пользой отдать свои силы на борьбу за восстановление единой и великой Российской Государственности и готовых положить свои жизни за Веру, Царя и Отечество». Проведение военных занятий осуществлялось два раза в неделю. Курсы должны были в обязательном

[6] Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-х гг.): дис. … док. ист. наук. Екатеринбург, 2019. 486 с. С. 436, 437.

[7] Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Китае... С. 442, 443.

порядке посещать все чины союза не старше 60 лет, а также входящая в организацию молодежь не младше 15 лет. Кроме того, по ходатайству своего руководства обучение на курсах могли проходить и члены шанхайского Казачьего Союза (Там же).

Несмотря на все усилия руководства РОВС, объединение военных организаций было далеко не полным и формализованным (в частности, в объединение непосредственно не вошел Казачий Союз, хотя и заявивший о своем сотрудничестве с РОВС, а также Союзы служивших в Егерском и Уральском полках, Союз маньчжурцев, Союз Шаньдунцев, Союз военных инвалидов). Кроме того, Шанхайский РОВС практически не имел финансовых средств, более половины членов объединения по тем или иным причинам не платили членских взносов (Там же). Одну из главных причин неудачи объединительного процесса Веденяпин и другие ровсовские руководители видели в отсутствии серьезной консолидирующей идеологии, выработка которой становилась самой насущной потребностью текущего момента.

31 октября 1942 г. Совет Шанхайского Обще-Воинского Союза единогласно принял принадлежавший перу полковника Веденяпина документ под названием «Формулировка идеологии Русского Обще-Воинского Союза в Шанхае». Основой веденяпинской «Идеологии РОВС» стал русский национализм, густо приправленный антисемитизмом, ранее мало характерным для риторики союза, но активно использовавшимся некоторыми другими радикальными эмигрантскими организациями, например, Братством Русской Правды и Русской фашистской партией. Веденяпин называл Обще-Воинский Союз организацией исключительно национальной, а его «первейшим и священным долгом» как и прежде – служение интересам России. Поэтому ни о какой возможности компромисса с Коминтерном, коммунистами и правительством СССР, этими злейшими врагами России, и речи быть не могло, наоборот, для борьбы с этими врагами РОВС должен был использовать все доступные для него средства. Всем колеблющимся и соблазненным советской ложью, тем, кто сознательно или по недомыслию смешивает СССР и Россию, и советское правительство с русским национальным правительством предлагалось покинуть ряды союза. Главными целями РОВС объявлялись: освобождение русского народа от советской власти и всякого влияния международного иудейского кагала; установление Русского Национального Правительства, которое должно было очистить территорию России от коммунистов; восстановление Великой и Единой Российской Империи на основании исконного русского завета: Вера, Царь и Отечество8.

В качестве союзников РОВС в его борьбе назывались «все страны и даже отдельные лица, которые борются с коммунистами и темными силами советско-демократического блока», что подразумевало не только Германию с ее европейскими союзниками, но и Японию, развернувшую в декабре 1941 г. священную Восточно-Азиатскую войну против фальшивых демократий США и Великобритании. После освобождения русского народа, который оказался в положении главной жертвы международного еврейского заговора, и очищения российской территории от коммунистов предполагалось «участие России в дальнейшей борьбе на стороне антикоммунистических сил до полного освобождения человечества от власти и влияния коммунистически-демократического блока, управляемого мировым еврейством». Как писал Веденяпин, «для этой последней борьбы и особенно для восстановления после войны экономической и политической жизни стран Европы и Азии, на основах нового порядка, безусловно, будет необходимо участие Великой и Единой Российской империи, без которой ни новый, никакой бы то ни было вообще порядок, восстановить не удастся» (Там же).

В настоящих условиях, когда непосредственное участие членов РОВС в антикоммунистической борьбе с оружием в руках было невозможным, о чем составитель документа высказывался с большим сожалением, союз должен был стать кадром Русского Национального актива, благотворительной организацией и общим резервом воинских чинов Шанхая (Там же).

В работе с молодежью Веденяпин также предлагал сделать упор на ее национальном воспитании,

[8] Смирнов С.В. Русская военная эмиграция… Л. 441.

обязательной частью которого являлась военная подготовка. Начальник Шанхайского РОВС заявлял, что воспитание является значительно важнее образования, особенно для «русской, талантливой, но по природе своей мало волевой и мало активной натуры». В качестве примера Веденяпин указывал на Германию и Японию, население которых «объединено единой Национальной волей, чувством долга и дисциплиной». По его мнению, все культурные нации пришли к практике подготовки к жизни своего молодого поколения в особых «Национальных легионах» – молодежных отрядах, обеспечивающих развитие национального самосознания, активности и закаливающих волю путем использования естественной потребности молодежи к общению, играм и спорту. Главной задачей «молодежной политики» РОВС должно было стать «воспитание Активного Национального Мужества» у молодого поколения, путем обязательного привлечения всей эмигрантской молодежи в детские и юношеские организации, работа которых строилась на идеях религиозности и преданности Законному Главе Российского Императорского Дома, воспитании у молодых людей национального самосознания, чувства чести и долга. При этом развитие у молодежи инициативы и активности должны были сочетаться с дисциплинированностью. Руководство Обще-Воинского Союза, обращаясь к старшему поколению эмигрантов, предлагало принять меры к тому, чтобы все русские дети и подростки от 7 до 17 лет были бы обязаны пройти через практическую воспитательную школу Русских Национальных Организаций молодежи в Шанхае. Только таким путем, писал Веденяпин, можно будет «создать тот Русский Национальный Актив, который должен придти на смену “активу коммунистическому” и который будет в силах побороть ту темную, но грозную силу, которая была создана советской властью путем воспитания молодежи в “комсомоле”» (Там же).

Несмотря на все усилия, предпринятые руководством РОВС, никакого объединения русской эмиграции в Шанхае на предложенной им идейной основе не произошло. Наоборот, рост патриотических («оборонческих») настроений в эмигрантской, особенно молодежной среде, неуклонно повышался. Весной 1943 г. против политики ровсовского руководства открыто выступила часть актива шанхайского подразделения ООРР. Полковник Веденяпин и его начальник штаба, полковник В.И. Шайдицкий, становились фигурами все более одиозными, утрачивая поддержку членов объединений бывших военных. Летом того же года Веденяпин и Шайдицкий заявили об уходе со своих должностей. Новое руководство Шанхайского РОВС в лице генерал-майора Б.Н. Говорова и полковника Ю.Н. Апрелева отказалось от попыток идейного объединения военной эмиграции, сосредоточившись насколько это было возможным в условиях перелома на фронтах Второй мировой войны и роста просоветского патриотизма в эмигрантской среде на борьбе с «моральным разложением» в ее рядах (Там же). К концу войны деятельность Обще-Воинского Союза окончательно заглохла.

Потерпев полное фиаско в своей антикоммунистической деятельности, полковник Веденяпин после 1943 г., насколько можно судить по разрозненным документам эмигрантских организаций Шанхая, совершенно исчез из общественной жизни эмигрантской колонии (Протоколы Российской Эмигрантской Ассоциации в Шанхае 1946–1948 гг. // Шаронова, 2015. С. 383–504). Свою роль здесь сыграли не только его «одиозность», но и опасения быть привлеченным после окончания войны новой китайской администрацией к разбирательствам о работе в пользу японских властей. Веденяпин покинул Китай в 1949 г., вероятно, в составе большой партии «белых» русских эмигрантов, так и не признавших советской власти и отказавшихся от репатриации в СССР, которая по разрешению правительства Филиппин была временно размещена на о-ве Тубабао.

В годы Второй мировой войны Русский Обще-Воинский Союз, лидеры которого возлагали большие надежды на участие внешних сил в решении судьбы России, предпринял последнюю попытку активного участия в ликвидации большевистского режима. В отличие от Европы на Дальнем Востоке, где к началу войны китайские подразделения РОВС прекратили свою работу, а стратегический партнер Германии – Япония не воевала против СССР, ситуа-

ция для антисоветской эмиграции была более сложной. В этих условиях полковник П.А. Веденяпин стал одним из немногих лидеров русской военной эмиграции в Шанхае, которые не только возродили деятельность Обще-Воинского Союза, но и попытались объединить, выдвинув в качестве идейной платформы русский национализм в купе с антисемитизмом, под его руководством все организации бывших военных и эмигрантской молодежи. В своих мероприятиях Веденяпин и его соратники оказались в роли «политических камикадзе». Не имея прямой поддержки со стороны японских властей, самостоятельной финансовой базы и надежной опоры в широких эмигрантских слоях, зараженных «оборончеством» и мало восприимчивых в интернациональной среде Шанхая к националистическим лозунгам, к тому же отдававшим духом непопулярного среди эмигрантов фашизма, они были обречены. Нужно учитывать и то, что Веденяпин, «случайно» оказавшийся в годы Гражданской войны на востоке России и не принадлежавший ни к одной из «партийных» группировок военной эмиграции в Китае, так и не стал своим человеком для массы русского рядового офицерства Шанхая. Разочаровавшись в возможности реализации выдвигаемых им идей, полковник Веденяпин после 1943 г. окончательно отошел от политической активности.

Библиографический список

Андоленко С. Преображенцы в Великую и Гражданскую войны. 1914–1920 годы. СПб.: Славия, 2010. 410 с.

Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007. 559 с.

Белая эмиграция в Китае и Монголии / сост., науч. ред, предисл. и коммент. С.В. Волкова. М.: Центрполиграф, 2005. 431 с.

Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Л.П. Чепниковой. М.: Русский путь: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2008. 576 с.

Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002. 509 с.

Ганин А.В. Офицерский корпус в годы Гражданской войны в России 1917–1922. М.: Старая Басманная, 2018. 272 с.

Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск; Мурманск: СОЛТИ, 2002. 300 с.

Голдин В.И. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск; Мурманск: СОЛТИ, 2005. 616 с.

Гребенкин И.Н. Долг и выбор: русский офицер в годы мировой войны и революции. 1914–1918 гг. М.: АИРО-XXI, 2015. 528 с.

Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М.: МГУ сервиса, 2000. 294 с.

Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых, 1919–1934 гг.: В 5 т. Т. 1. «Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам…» / вступит. ст., подгот. текста, биографический словарь и коммент. А.А. Хисамутдинова. М.: РОССПЭН, 2006. 448 с.

Офицерское собрание в Шанхае. 1926–1941. XV. Шанхай: Тип. «Слово», 1941. 64 с.

Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века: До-

References

Andolenko S. (2010) Preobrazhentsy in the Great and Civil War. 1914–1920 years. St. Petersburg: Slaviya. 410 p. (In Russ.)

Balmasov S.S. (2007) White Emigrants in the military service in China. Moscow: Tsentrpoligraf. 559 p. (In Russ.)

Volkov S.V. (2005) White emigration in China and Mongolia. Moscow: Tsentrpoligraf. 431 p. (In Russ.)

Wang Zhicheng. (2008) History of Russian emigration in Shanghai / Transl. from Chinese Pan Chenlong, Xiao Huizhong, Liu Yuqin, L.P. Chernikova. Moscow: Russian way; Library-Fund “Russian Abroad”. 576 p. (In Russ.)

Volkov S.V. (2002) The tragedy of Russian officers. Moscow: Tsentrpoligraf. 509 p. (In Russ.)

Ganin A.V. (2018) Officer Corps during the Russian Civil War 1917–1922. Moscow: Staraya Basmannaya. 272 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2002) Army in exile. Pages of history of the Russian All-Military Union. Arkhangel’sk; Murmansk: SOLTI. 300 p. (In Russ.)

Goldin V.I. (2005) The fateful choice. Russian military abroad during Second World War. Arkhangel’sk; Murmansk: SOLTI. 616 p. (In Russ.)

Grebenkin I.N. (2015) Duty and choice: a Russian officer during the World War and Revolution. 1914–1918. Moscow: AIRO-XXI. 528 p. (In Russ.)

Ershov V.F. (2000) The Russian military-political-abroad in 1918–1945. Moscow: MGU servisa. 294 p. (In Russ.)

Khisamutdinov A.A. (2006) China and Russian emigration in the diaries of I.I. and A.N. Serebrennikov, 1919–1934: In 5 vols. Vol. 1. “In the meantime, we are happy that nothing threatens us…”. Moscow: ROSSPEN. 448 p. (In Russ.)

(1941) The Officers’ Assembly in Shanghai. 1926–1941. XV. 1941. Shanghai: “Slovo” Printing House. 64 p. (In Russ.)

Avdeev V.A., Alekseev Yu.A., Basik I.I. (2016) Russian

кументы и материалы. Т. 8. Противостояние. 1927–1941 / сост. В.А. Авдеев, Ю.А. Алексеев, И.И. Басик и др. М., 2016. 976 с.

Смирнов С.В. Начало формирования подразделений Русского Обще-Воинского Союза в Китае // Известия Уральского федерального университета. 2015. № 1 (136). Сер. 2. Гуманитарные науки. С. 165–177.

Смирнов С.В. Русская военная эмиграция в Тяньцзине (1920-е – начало 1940-х гг.) // Клио. 2018. № 4 (136). С. 127–134.

Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в АТР и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000. 358 с.

Хисамутдинов А.А. Русские волны на Пацифике: Из России через Китай, Корею и Японию в Новый Свет. Пекин; Владивосток: Рубеж, 2013. 640 с.

Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война: попытка реванша, 1939–1945. М.: Центрполиграф, 2010. 296 с.

Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.; СПб.: Университетская книга, 2015. 512 с.

Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986. 272 с.

Критерии авторства

С.В. Смирнов выполнил исследовательскую работу, основанную на изучении архивных и библиографических источников, проанализировал их, осуществил обобщение, подготовил рукопись к печати. Имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Смирнов Сергей Викторович,
доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры новой и новейшей истории Уральского гуманитарного института,
Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, Россия,
✉ e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

military emigration of the 20–40s of the XX century. Documents and materials. Vol. 8. Opposition. 1927–1941. 976 p. Moscow (In Russ.)

Smirnov S.V. 2015. The Early Stages of the Russian All-Military Union in China. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta* = Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts. No. 1 (136). P. 165–177. (In Russ.)

Smirnov S.V. (2018) Russian military emigration in Tianjin (1920s-early 1940s). Clio. No. 4 (136). P. 127–134. (In Russ.)

Khisamutdinov A.A. (2000) Russian emigration in Asia-Pacific and South America: a biobibliographic dictionary. Vladivostok: Publishing house of the Far Eastern University. 358 p. (In Russ.)

Khisamutdunov A.A. (2013) Russian waves on Pacifica: From Russia through China, Korea and Japan to the New World. Beijing; Vladivostok: Rubezh. 640 p. (In Russ.)

Tsurganov Yu.S. (2010) White Russians and the Second World War: the attempt of revenge, 1939–1945. Moscow: Tsentrpoligraf. 296 p. (In Russ.)

Sharonova V.G. (2015) History of Russian emigration in Eastern China in the first half of the twentieth century. Moscow: St. Petersburg: Universitetskaya kniga. 512 p. (In Russ.)

Shkarenkov L.K. (1986) Agony of White Emigration. Moscow: Thought. 272 p. (In Russ.)

Attribution criteria

S.V. Smirnov has got the research work, based on the study of archival and bibliographic sources, analyzed them, and made a compilation, prepared the manuscript for printing. He has copyrights on article and bear full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Sergey V. Smirnov,
Dr. Sci. (History), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Modern and Contemporary History Ural Institute for the Humanities,
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
51, Lenin avenue, Yekaterinburg 620083, Russia,
✉ e-mail: smirnov_sergei@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 378.4(571.53)(091)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244

1953 год в истории Иркутского государственного университета

© Ю.А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Рассмотрены события и процессы, происходившие в стране и в Иркутском государственном университете в судьбоносном для СССР 1953 г. Показаны события, разворачивавшиеся в вузе накануне, в момент и после смерти И.В. Сталина. Выявлена конфигурация вуза. Структурирована жизнь подразделений, характеристики профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала. Изучена материальная база университета: материально-техническое обеспечение учебного процесса, характеристики и условия проживания преподавателей и студентов, бюджет вуза. Рассмотрены параметры и проблемы организации учебного процесса. Реконструирована система научно-исследовательской работы студентов, смотры и конференции, дипломные работы, студенческое самоуправление в этом направлении, позиция преподавателей. Анализ привлеченного материала свидетельствует, что сразу же после смерти Сталина естественным образом без реального сопротивления силовых структур на университетском уровне начался процесс демократизации. Преподаватели и студенты стали поднимать и обсуждать в процессе образовательного и общественного диалога ранее запретные темы внешней политики и внутренней жизни страны. Вместе с тем процессы эти происходили медленно и очень осторожно, освобождение от страха и осознание возможности иметь собственное мнение по политическим и идеологическим вопросам происходило трудно.

Ключевые слова: история высшей школы, И.В. Сталин, Иркутск, университет, структура университета, вузовская наука, положение студентов, учебный процесс высшей школы, научно-исследовательская работа студентов, научное студенческое общество, Сибирь

Информация о статье: Дата поступления 7 января 2020 г.; дата принятия к печати 10 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Зуляр Ю.А. 1953 год в истории Иркутского государственного университета // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 231–244. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244

1953 in the History of Irkutsk State University

© Yuriy A. Zulyar

Irkutsk state University, Irkutsk, Russia

Abstract: The events and processes that took place in the country and at Irkutsk State University in the fateful year of 1953 for the USSR are considered. The events that unfolded in the University on the eve, at the time and after the death of I. V. Stalin are shown. The configuration of the University is revealed. The life of departments is structured, as well as the characteristics of the teaching staff and teaching support staff. The material base of the University was studied: material and technical support of the educational process, characteristics and living conditions of teachers and students, the University budget. The parameters and problems of the educational process organization are considered. The system of research work of students, reviews and conferences, theses, student self-government in this direction, the position of teachers has been reconstructed. Analysis of the involved material shows that immediately after the death of Stalin, the process of democratization began at the University level without real resistance from the power structures. Teachers and students began to raise and discuss previously forbidden topics of foreign policy and internal life of the country in the process of educational and public dialogue. At the same time, these processes took place slowly and very carefully, and it was difficult to get rid of fear and realize the possibility of having one's own opinion on political and ideological issues.

Keywords: history of higher education, I. V. Stalin, Irkutsk, University, University structure, University science, student status, educational process of higher education, scientific research work of students, scientific student society, Siberia

Article info: Received January 7, 2020; accepted for publication February 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Zulyar Yu.A. (2020) 1953 in the history of the Irkutsk State University. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 231–244. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-231-244

Во времена серьезных социально-политических катаклизмов, произошедших в последние столетия, человеческая мысль и государственные управленцы подвергают ревизии систему образования как общего, так и высшего, преимущественно университетского, образования. После завершения Второй мировой войны большой резонанс вызвали идеи К. Ясперса, изложенные им в книге «Идея университета» (1946 г.) (Ясперс, 2006. С. 8). Он считал необходимым развивать традиции гумбольдтского исследовательского университета, в котором ученые и студенты совместно заняты поиском истины. Исследовательская работа, обеспечивающая поиск истины, объявлялась главной целью университета. Второй задачей определялось обучение, ибо научные знания необходимо передавать последующим поколениям. Третьей задачей провозглашалось воспитание, так как только личность с высокой интеллектуальной культурой способна воспринять научные достижения и интеллектуальные истины и правильно их использовать[1].

Задача совершенствования системы высшего образования воспринималась руководством нашей страны в послевоенный период в качестве значимой. Работа в этом направлении началась еще до завершения Второй мировой войны. Следующий пик внимания к проблеме развития и совершенствования высшего и в особенности университетского образования прослеживается после смены правящего режима в СССР. Данная работа посвящена анализу жизни и деятельности коллектива Иркутского государственного университета в судьбоносном для страны 1953 г. Рассмотрен не весь блок проблем, а лишь те, которые касаются структуры вуза, организации учебного процесса и научно-исследовательской работы студентов (НИРС), так как именно на них в первую очередь отразилось изменение политической жизни страны.

Смерть Сталина

В 1953 г. происходило дальнейшее развитие сталинской модели системы высшего образования, но наиболее принципиальным моментом в жизни высшей школы СССР в этом году стала смерть руководителя страны И.В. Сталина (Джугашвили). Его смерть означала не просто смену политических режимов, она знаменовала собой реальное завершение Великой русской революции 1917 г. в части Гражданской войны и восприятия СССР как осажденной крепости.

Год в высшей школе и в Иркутском университете начался традиционно, в начале февраля 1953 г. Министерство высшего и среднего специального образования СССР провело в Иркутске теоретический семинар преподавателей кафедр марксизма-ленинизма, философии, политэкономии вузов Сибири и Дальнего Востока. Работой секции кафедр марксизма-ленинизма и философии руководил доцент, зав. кафедрой марксизма-ленинизма ИГУ Л.А. Петров (Восточно-Сибирская правда. 1953. 5 февр.).

В последний год сталинской диктатуры маховик репрессий раскручивался, приближаясь к апогею, но еще не достиг в университете своей максимальной скорости, хотя всё к этому шло. Еще 2 марта на партсобрании биолого-почвенного факультета обсуждался вопрос о том, каким образом информация о предыдущем собрании стала известна беспартийному М.М. Кожову. Собрание

[1] Аврус А.И. История российских университетов (очерки) [Электронный ресурс]. Монография. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/980/46980/23298?p_page=6 (1.03.19).

призвало обратить особое внимание повышению бдительности (ГАНИИО[2]. Ф. 132. Оп. 1. Д. 135. Л. 13–14).

4 марта с утра в газетах опубликовали первое официальное сообщение о болезни Сталина, а 5 марта вождя не стало. 6 марта руководящие органы СССР опубликовали обращение об его смерти (Комсомольская правда. 1953. 6 марта). 9 марта 1953 г. было проведено расширенное бюро партоорганизации университета, которое приняло решение довести Обращения ЦК КПСС, Постановление ЦК об организации траурного митинга в Москве до работников и учащихся университета. Участники заседания постановили организовать траурный митинг на стадионе «Авангард» и провести траурный митинг в университете. С целью доведения Обращения ЦК КПСС было решено провести семинар агитаторов, донести до каждого комсорга обращение ЦК ВЛКСМ, до каждого члена профсоюза обращение ЦК ВЦСПС (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 27). Почти весь коллектив университета пошел на стадион колонной во главе с руководителями вуза и факультетов. Знаменосцами были студенты-геологи, портрет Сталина несли представители физмата.

На стадионе «Авангард», где было организовано прослушивание траурного митинга в Москве, собрались представители университета и мединститута. Перед собравшимися на еще не растаявшем льду был установлен большой портрет Сталина, обрамленный траурной лентой. 10 марта в 5 часов секретарь партбюро ИГУ В.Н. Травлинский открыл траурный митинг. К присутствовавшим с речью обратился секретарь ГК КПСС В.В. Перфильев, за ним выступили: профессор университета А.А. Тресков, секретарь партбюро мединститута Е.И. Мельникова, сталинский стипендиат, студент университета В. Арсеньев и доцент университета Л.А. Петров. Участники митинга единодушно приняли письмо в адрес ЦК партии (Кузнецов, 2001. С. 63). В этот день в редкой семье по сложившейся советской традиции не помянули Сталина. Все понимали, грядут большие перемены.

Десталинизация в вузах начала ощущаться уже весной 1953 г.: прекратились идеологические кампании и поиски физических носителей «чуждых» взглядов, были сняты наложенные партийные взыскания. Уже в 1953/54 учебном году в основу преподавания курса марксизма-ленинизма были положены тезисы ЦК КПСС «Пятьдесят лет КПСС», мягко осуждавшие «культ личности». В лекционных курсах стало меньше абстрактных схем, больше аргументированных положений. На практических занятиях преподаватели стали чаще задавать вопрос «почему?» и выявлять причинно-следственные связи. Однако в целом в учебном процессе не произошло серьезных изменений. Принципы обучения, внедренные в предшествовавшие десятилетия, не могли разрушиться в одночасье, в выступлениях преподавателей и студентов преобладали начетничество и догматизм (Казарин, 1998. С. 156).

Приученные к осторожности преподаватели университета неопределенно отвечали на вопросы студентов, затрагивавших острые политические проблемы. В частности, в октябре 1953 г. на партсобрании факультета гуманитарных наук выступивший студент Мункоев жаловался на то, что преподаватели не отвечают или отвечают уклончиво на вопросы учащихся о сельском хозяйстве и о культе личности (ГАИО[3]. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 456. Л. 32).

Как показывает анализ партийных документов того времени, преподаватели по-прежнему боялись высказываться по острым и злободневным политическим вопросам, но уже перестали на партсобраниях искать и обличать врагов и требовать наказания и покаяния виновных.

Структура университета и его руководство

Уже в марте изменилась структура управления высшим образованием. На основании Закона от 15 марта 1953 г. «О преобразовании министерств СССР» произошло укрупнение министерств. Все органы управления в области культуры были объединены в Союзно-республиканское министерство

[2] Государственный архив новейшей истории Иркутской области, далее ГАНИИО.

[3] Государственный архив Иркутской области, далее ГАИО.

культуры. МВО СССР вошло в него на правах Главного управления[4].

Университет в 1953 г. рос и в его состав входили шесть факультетов: физико-математический с физическим и математическим отделениями; химический; геологический со специальностями: геология и поиски, геология нефтяных и газовых месторождений, геофизические методы разведки полезных ископаемых; биолого-почвенный с отделениями биологическим и почвенным; географический с отделениями географическим и картографическим; гуманитарных наук с отделениями: историческим, филологическим, юридическим, русского языка, логики и психологии и бурят-монгольским. Кроме учебных подразделений в нем действовал ряд научных и научно-учебных структур: Биолого-географический научно-исследовательский институт (БГНИИ), Физико-химический научно-исследовательский институт (ФХНИИ), Научная библиотека, Астрономическая обсерватория, Байкальская биологическая станция и Ботанический сад. А так же музеи: Байкальский, зоологический, геологический, минералогический, почвенный, гербарий[5].

В ИГУ работали общеуниверситетские кафедры: марксизма-ленинизма, иностранных языков, философии, педагогики, физкультуры и спорта (Шпикельман, 2017. С. 317).

Университетом управлял Ученый совет вуза, непосредственное руководства осуществлялось ректоратом и соответствующими службами. Ректором был геолог доцент Т.Т. Деуля и два проректора: по учебной работе химик доцент П.Ф. Бочкарев; по науке доцент Н.А. Власов. В связи с отъездом в докторантуру Бочкарева проректором по науке стал химик доцент. Г.И. Нагорный. Ректорат регулярно подвергался критике на партсобраниях вуза и заседаниях партбюро. Коммунисты указывали на крайне низкий авторитет ректора, на отсутствие у него ученой степени, на то, что в ректорате нет ни одного доктора наук и т. п. (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125. Л. 24, 26, 27; Д. 126. Л. 2; Д. 128. Л. 9).

Не меньшую, если не большую роль при реализации кадровой политики и идеологической работы в жизни университета играла его партийная организация и, прежде всего, ее руководящий орган – бюро. До 12 октября секретарем партбюро был педагог В.Н. Травлинский. Затем на эту должность был избран гуманитарий М.Л. Платонов, его заместителем по организационной работе – историк П.Х. Гребнев (Зуляр, Петрушин, 2011. С. 234), замом по учебной работе стала химик В.А. Ларина (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125. Л. 23; Д. 128. Л. 22).

Значительное влияние на идейно-политическую атмосферу в университете оказывала многотиражная газета «За научные кадры». До 12 октября ее главным редактором являлся Лобанов, постоянно подвергавшийся критике и с трудом справлявшийся с этой работой по причине хронической занятости на уровне области. После его настоятельной просьбы он бы заменен О.В. Макеевым (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 15; Д. 128. Л. 22).

Непосредственной организацией учебного процесса и научно-исследовательской работой в университете занимались деканы факультетов и руководители подразделений. Изменения среди руководства страны вызвали серьезные подвижки в деканском и директорском корпусе, хотя и не вызванные этим непосредственно.

Геологический факультет первую половину года возглавлял профессор В.П. Солоненко, единственный среди деканов доктор наук. 4 июля он неожиданно отказался от деканства, не передав никому факультета, и до 15 сентября подразделение было без декана. После долгих переговоров, деканом был назначен только что защитивший диссертацию кандидат наук Е.А. Пресняков (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125. Л. 26; Д. 126. Л. 8; Д. 128. Л. 9).

Смена руководства произошла и на факультете гуманитарных наук. До середины октября его возглавлял М.Л. Платонов, избранный затем секретарем партбюро ИГУ. Деканом факультета был на-

[4] Законы и постановления, принятые Верховным Советом СССР [15 марта 1953 г.] // Советское государство и право. М., 1953. № 2–3. С. 11–16.

[5] Справочник для лиц, поступающих в Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова. Иркутск: ИГУ, 1954. 8 с. С. 1, 4, 5.

значен историк доцент А.Г. Солодянкин (Зуляр, Казарин, 2014. С. 110), его заместителем – доцент Кудрявцев. Тогда же за развал работы был освобожден от должности парторг факультета Н.С. Вавилов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 15; Д. 128. Л. 9; Д. 133. Л. 15).

Изменения произошли на химическом факультете: после ухода декана химфака доцента Г.И. Нагорного на должность проректора его место занял доцент Б.В. Прокопьев. Биолого-почвенный факультет возглавлял его первый декан доцент И.В. Николаев. Устойчиво чувствовал себя руководитель физико-математического факультета, тогда еще доцент, И.А. Парфианович, самый долголетний по продолжительности работы в должности декана. Географическим факультетом руководил его первый декан доцент Б.В. Зонов[6] (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125. Л. 24; Д. 126. Л. 2; Д. 128. Л. 9).

БГНИИ с 1931 г. по совместительству возглавлял профессор М.М. Кожов (Зуляр, Снытко, 2011. С. 107), а ФХНИИ в конце 1953 г. возглавила доцент В.А. Ларина (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 8). Байкальской биологической станцией руководил М.Г. Асхаев (Зуляр, 1996. С. 179).

Особую роль в процессе обучения студентов играла Научная библиотека, обладавшая более чем миллионным книжным фондом и получавшая два обязательных экземпляра каждого издания в стране. Ее с военных лет возглавляла Л.К. Жилкина. Большое значение для статуса и функционирования университета имела астрономическая обсерватория, выполнявшая функции службы времени и наблюдения за солнцем. Ее возглавлял И.Н. Язев, так же руководивший кафедрой астрономии и геодезии ИГУ (Астрономическая обсерватория…, 2011. С. 23, 25, 31; ГАНИИО. Ф. 127. Оп. 14. Д. 351. Л. 5).

Кафедру марксизма-ленинизма возглавлял с 1946 г. доцент Л.А. Петров, закончивший в 1928 г. юридический факультет МГУ. По окончании аспирантуры работал доцентом кафедры диалектического материализма Московского технологического института. В июне 1932 г. был направлен директивными органами в ИГУ на должность заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма. Был деканом историко-филологического факультета. В 1938 г. ему присвоено ученое звание доцента данной кафедры. В июле 1938 г. был арестован, но в мае 1939 г. освобожден с полным восстановлением в партии и на работе. В 1941 г. защитил в Институте философии АН СССР кандидатскую диссертацию. Затем был призван в Красную армию, после демобилизации в марте 1946 г. был направлен на прежнюю работу в ИГУ. В этом же году утвержден заведующим кафедрой марксизма-ленинизма ИГУ (Кафедра отечественной истории…, 2008. С. 72, 73).

Кафедрой философии руководил доцент К.А. Климов, выпускник ИГУ 1941 г. по специальности «физика». В 1948 г. защитил в МГУ кандидатскую диссертацию на степень кандидата философских наук. Два года был секретарем партбюро историко-филологического факультета (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 103. Л. 3). С 1947 г. кафедрой физического воспитания и спорта руководил почетный гражданин города Брно (ЧССР) В.В. Селява, награжденный многими правительственными наградами за боевые заслуги в годы Великой Отечественной войны[7]. Кафедрой педагогики с 1943 г. руководил доцент М.В. Одинцов[8].

Жизнь факультетов и подразделений

В 1953 г. происходили заметные события в жизни факультетов. На геологическом факультете в 1953 г. началась подготовка по трем специальностям (геосъемка, геофизика, геология нефти). На основании приказа министерства от 15 сентября 1953 г. создана четвёртая кафедра геологического факультета – кафедра полезных ископаемых. Был определен перечень фундаментальных лекцион-

[6] История географического факультета [Электронный ресурс]. URL: http://geogr.isu.ru/ru/about/history.html (1.05.19).

[7] Истории становления и развития физического образования в Иркутском университете [Электронный ресурс]. URL: http://physdep.isu.ru/ru/about/history/before1965.html (13.03.19).

[8] Кафедра педагогики и гуманитарных технологий [Электронный ресурс]. URL: https://isu.ru/ru/about/chairs/pedagog_gum.html (1.04.19).

ных курсов, проведения лабораторных и практических занятий. Ее заведующим назначили доктора геолого-минералогических наук, профессора В.П. Солоненко. Второй доктор наук профессор М.М. Одинцов заведовал кафедрой геологии и геофизики (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 128. Л. 14; Д. 143. Л. 31; Сизых, 2009. С. 68, 109, 146).

На биолого-почвенном факультете действовало шесть кафедр. Кафедру ботаники возглавлял В.Н. Яснитский, на ней работали М.А. Иванов, В.И. Шергин и Н.А. Эпова. Кафедру зоологии позвоночных – А.С. Фетисов, с ним работали К.И. Мишарин и Т.М. Иванов. Кафедрой зоологии беспозвоночных руководил директор БГИ М.М. Кожов, а работали на ней ещё Д.Н. Флоров и Р.А. Голышкина. На кафедре почвоведения работали И.В. Николаев (заведующий), Казинцев и М.П. Козяр. Е.В. Талаев возглавлял кафедру физиологии растений, где кроме него работала его супруга А.М. Талалаева. И наконец на кафедре анатомии и физиологии животных работал один человек – А.М. Фивейский (ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 456. Л. 15, 16).

Преподавательский состав факультета гуманитарных наук был объединен в составе семи кафедр. В конце сентября 1953 г. в составе факультета гуманитарных наук была образована кафедра гражданского и уголовного права в составе 8 человек в результате ее выделения из кафедры теории и истории государства и права. Ее возглавил профессор Н.П. Фарберов. В момент образования кафедры кроме заведующего на ней работали еще два штатных преподавателя: Г.Б. Виттенберг и В.Д. Арсеньев, которые пришли на преподавательскую деятельность в университет из Иркутской областной прокуратуры (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 128. Л. 9; Казарин, (Лякутина?), 2012. С. 231; Юридический институт…, 2004. С. 24).

На протяжении двух десятилетий после восстановления университетского исторического образования до начала 1960 г. Томский и Иркутский являлись единственными в Сибири университетами, которые готовили историков. Только в 1962 г. в Новосибирском университете, основанном в 1958 г., был открыт гуманитарный факультет с историческим отделением (Хаминов, 2011. С. 134).

Географический факультет работал в составе трех кафедр: физической географии, экономической географии, геодезии и картографии[9]. В состав физико-математического факультета входили кафедры: общей и экспериментальной физики, теоретической физики, математического анализа, геометрии, теоретической механики и астрономии[10].

В ИГУ в начале 1953 г. в научном коллективе университета насчитывалось 158 работников, из них со степенью 31 %. Не было кандидатов наук на кафедрах иностранных языков, физического воспитания и спорта, в астрономической обсерватории. Осенью того же года работало 152 преподавателя, в т. ч. 6 докторов наук, 1 профессор – кандидат наук и 1 профессор без степени, и 46 кандидатов наук. Всего со степенями и званиями – 53 человека или 35 % ППС. По требованиям того времени – это было недопустимо мало (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 125. Л. 26; Д. 126. Л. 37).

Самый высоквалифицированный преподавательский корпус был на геологическом факультете – 4 доктора наук и 9 доцентов, и обучалось 9 аспирантов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 31). На факультете гуманитарных наук учебный процесс обеспечивали более 50 научно-педагогических работников (Казарин, (Лякутина?), 2012. С. 231).

Руководство университета пыталось поправить положение, в частности, в рассматриваемом году на звание доцента были рекомендованы А.Г. Солодянкин, М.Л. Платонов, А.Г. Егоров, А.Л. Рубанович. Тем не менее, не только остепененность была ниже требуемой, но некоторые кафедры на начало 1953/54 учебного года были недоукомплектованы (географии, теории государства и права). Для решения этой задачи постоянно приглашались преподаватели из центральных вузов и с производства, в частности, в 1953 г. прибыли два

[9] История географического факультета [Электронный ресурс]. URL: http://geogr.isu.ru/ru/about/history.html (1.05.19).

[10] Истории становления и развития физического образования в Иркутском университете [Электронный ресурс]. URL: http://physdep.isu.ru/ru/about/history/before1965.html (13.03.19).

новых заведующих кафедрами: Херсонский – зав. кафедрой геодезии, Трегубов – зав. кафедрой политэкономии, для работы на кафедре почвоведения был привлечён производственник Н.И. Карнаухов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 8,12; Д. 128. Л. 8; Д. 135. Л. 2; ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 669. Л. 5).

В рассматриваемый период в жизни факультетов огромную роль играли коммунисты, объединенные в факультетские парторганизации. Факультетские партбюро определяли кадровую политику в подразделении, визировали рекомендации в аспирантуру и др. (Иркутский государственный…, 1978. С. 100). Парторганизация вуза была крупной и растущей: в середине октября на учете стояло 157 членов и 12 кандидатов в члены КПСС, а 14 декабря – уже 164 коммуниста и 11 кандидатов. Самой крупной была парторганизация факультета гуманитарных наук, в которой в октябре 1953 г. состояло 47 членов партии и 6 кандидатов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 1, 67; Д. 133. Л. 29).

В случае возникновения проблем на факультетах слабые участки закрывали преподавателями-коммунистами. В частности, 7 декабря 1953 г. в состав партийной организации геологического факультета, находившейся в состоянии «разброда и шатания», были направлены коммунисты П.Х. Гребнев, М.С. Вавилов, П.Г. Башаров, И.В. Максимова. Правда, эта мера не помогла, так как слабые руководители – декан и парторг – не смогли использовать этих опытных организаторов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 48а; Д. 143. Л. 29).

Серьезной проблемой для университета являлось состояние учебно-вспомогательного персонала. В значительной степени это был неквалифицированный, часто меняющийся лаборантский состав, мало заботящийся о порядке в кабинете, на кафедре и о сохранности имущества (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 32).

Смерть Сталина в какой-то степени парализовала руководителей университета и раскрепостила его работников. В том году в вузе было много скандалов и сложных ситуаций, подорвался авторитет ректората, звучало много взаимной критики и претензий. В частности, на факультете гуманитарных наук Фарберов и Шостакович не могли «поделить» кафедру теории и истории государства и права, и создали на факультете «нездоровую атмосферу». На том же факультете сменили со скандалом парторга, на собрании его критиковали все выступавшие – от декана, секретаря комсомольской организации ИГУ – до студента. Студенты указывали на слабую связь декана и преподавателей факультета с комсомольской и профсоюзной организациями. На химфаке также пришлось сменить парторга (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 9; Д. 127. Л. 15; Д. 133. Л. 15, 31).

Неработоспособная ситуация возникла в Физико-химическом институте, там пришлось сменить директора. Партбюро ИГУ сочло необходимым произвести обследование состояния подразделения, для чего была создана комиссия под руководством его члена Е.В. Талалаева. Комиссия выявила ряд вопиющих фактов и констатировала полную дезорганизацию института (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 8–12).

Однако самой сложной и громкой проблемой стала ситуация на геологическом факультете, где возник конфликт секретаря партбюро с профессурой, а факультет потерял управление. Университетское партбюро вынуждено было создать комиссию по проверке геологического факультета под председательством члена бюро Лариной, которая охарактеризовала ситуацию так: факультет находится в плачевном состоянии из-за отсутствия на факультете настоящего руководителя, слабой помощи ректората, слабой работы парторганизации факультета и отсутствия на нем коллектива. При этом следует учесть, что ректор ИГУ был геологом и работником данного факультета. Декан факультета перед новым набором ушел со своей должности, не оставив преемника. С факультета уходили ведущие сотрудники в академию наук или уезжали из города. При рассмотрении ситуации на факультете его сотрудники упрекали руководство университета в том, что факультет потерял таких крупных работников как Павловский и Фролова, так как им не были созданы условия для жизни и работы: Павловский не имел квартиры, у Фроловой не было рабочего места. Тем же самым обусловлен уход

Одинцова, «…у него не было необходимых условий для работы, вплоть до чтения лекций, и жил он внеоштукатуренной «халупе», продуваемой из всех щелей» (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 28–30).

Материальная база университета

Однако самым больным и нерешаемым вопросом для университета была его материальная база и ограниченный аудиторный фонд при постоянно увеличивающейся численности студентов. В вузе, фактически располагавшемся в одном здании, было негде заниматься научной работой, так как отсутствовала лабораторная и материальная база (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 29).

Ремонт учебного корпуса и аудиторий в 1953 г. был проведен своевременно, что являлось в то время достижением. Но при этом учебная площадь ИГУ была совершенно недостаточной и не обеспечивала ни учебный процесс, ни научную, ни воспитательную работу. Учебные занятия проводились в три смены, в одной аудитории одновременно проводили занятия по две группы. Особенно в тяжелом положении оказался геологический факультет, значительно увеличивший набор студентов, но не получивший при этом дополнительного аудиторного фонда, оборудования и финансов (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 8; Д. 128. Л. 9; Д. 143. Л. 29).

Большой проблемой тех лет для университета было обеспечение условий для проживания студентов (Арзуманов, Шишкин, Бузько, 2016. С. 4)[11]. Далеко не все студенты вуза проживали в общежитиях, но и те, кто имел право в них жить, высказывали массу претензий руководителям ИГУ относительно элементарных удобств. Выступая на отчетном собрании парторганизации университета, секретарь комитета ВЛКСМ ИГУ Малых, констатировал, что в общежитиях недостает мебели, которую в Иркутске сложно приобрести. В целом жизнь студентов в общежитиях была ужасна: не всегда был кипяток, умывальники не работали, электроплит не было, питание студентов не организовано, периодически не работали туалеты (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 3,7).

Финансирование университета в 1953 г. проводилось стабильно. На учебные расходы по статье 6 было отпущено 464 тыс. руб., которые были равномерно распределены между факультетами. Слабо расходовали средства геологический, факультет гуманитарных наук, кафедра физкультуры и спорта. Совершенно не расходовали средства кафедры философии, педагогики и иностранных языков. По статье 11 – учебное оборудование, слабо расходовали средства геологический и физико-математический факультеты, совершенно не расходовали кафедры философии, педагогики, иностранных языков и юридическое отделение. На научно-исследовательскую работу (НИР) было отпущено 475 тыс. руб., из них на экспедиции 249 тыс. руб., на научную работу кафедр – 115 тыс. руб. На важнейшую тематику – 65 тыс. руб., на научные командировки – 30 тыс. руб., на защиту диссертаций – 15 тыс. руб. (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 128. Л. 1; Нестерович, 1998. С. 488; Казарин, 2008. С. 8).

Учебный процесс

Набор студентов на обучение в вузе является важнейшим элементом учебного процесса. Администрация университета и его общественные организации относились к этой работе в основном со всей ответственностью. Был проведен ряд мероприятий: конкурсы среди школьников по специальностям юных математиков, химиков, физиков; лекции научных работников в школах, дворцах пионеров (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 8; Д. 128. Л. 8). Осуществлялась популяризация университета в школах Иркутской и других областей путем рассылки специального справочника для поступающих, проведения дней открытых дверей[12].

[11] Арзуманов И.А., Шишкин С.И., Бузько О.П. Теоретические проблемы социально-экономического развития территорий // Правовое регулирование экономических отношений в Российской Федерации: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2016. С. 3–6.

[12] Справочник для лиц, поступающих в Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова. Иркутск: ИГУ, 1954. 8 с. С. 1, 4, 5.

В 1953 г. на 450 мест в университет было подано 1200 заявлений. Наиболее низкий конкурс, как и в предыдущем году, был на геологическом факультете (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 35; Д. 128. Л. 8). План набора в университет был выполнен полностью.

Прием на геологический в 1953 г. был увеличен в четыре раза, так как ввели две новых специальности. Проблема увеличенного приема на геологический факультет была усугублена поведением его декана В.П. Солоненко, который отказался от деканства 4 июля 1953 г., и работа по проведению набора и экзаменов была поручена аспиранту Бердникову (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 29, 32).

На 1 сентября 1953 г. в ИГУ обучалось 2400 студентов (ГАИО. Ф. Р. 71. Оп. 1. Д. 669. Л. 1). В 1953/54 учебном году на дневном отделении факультета гуманитарных наук обучалось 738 студентов, объединенных в 29 учебных групп, на заочном отделении числилось 560 студентов (Казарин, (Лякутина?), 2012. С. 230–231). Численность студентов на геологическом факультете достигла 400 человек (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 29).

Постоянной проблемой, с которой сталкивалась администрация университета, в том числе и в рассматриваемом году, являлась низкая дисциплина студентов и, прежде всего, их неявка на занятия. Например, студентами истфила в периоде с сентября по апрель 1953 г. только по учтенным данным было пропущено 33252 учебных часа. Систематически срывались занятия из-за неявки студентов, которые нигде не учитывались. Шесть студентов были исключены за неявку на сессию (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 127. Л. 14; Д. 133. Л. 14).

Крайне слабой была учебная дисциплина на геологическом факультете: за первый семестр 1953/54 учебного года пропущены тысячи часов. Руководство факультета объясняло эту ситуацию спецификой факультета, а именно тем, что часть студентов-геологов связана с производством и работала в геологическом управлении. Студенты пропускали, как правило, непрофессиональные дисциплины, к тому же на факультет шел заведомо слабый контингент. Часть вины факультетский коллектив возлагал на ректорат, считая что стоило более принципиально подходить к учебной дисциплине и не жалеть нерадивых студентов, что сразу же подняло бы дисциплину. По заявлению Солоненко, ректорат противодействовал исключению студентов-прогульщиков (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 28–32).

Вместе с тем постоянно на разном уровне предъявлялись претензии к преподавателям и деканатам по качеству читаемых лекций, проводимых практических занятий и производственной дисциплины. В частности, на факультете гуманитарных наук срывались занятия по причине неявки преподавателей, происходило ежедневное изменение расписаний, и не выполнялся учебный план. На геологическом факультете расписание было составлено неудачно, без учета специальных дисциплин, с «окнами» и перегрузками (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 133. Л. 14; Д. 143. Л. 32).

Предъявлялись претензии к работе кафедры минералогии и петрографии геологического факультета. Ее заведующий доцент Т.Т. Деуля мало уделял ей внимания, методическая работа не проводилась, сдача отчетности задерживалась, практические занятия срывались. Особенно неблагополучным было положение на вновь организованной кафедре полезных ископаемых (заведующий кафедрой профессор Солоненко): поручений у преподавателей на кафедре не было, учебная база была неудовлетворительной, выделенная для нее комната не оборудовалась. Не было учебного оборудования и пособий. Кафедра физкультуры под руководством В.Н. Селявы срывала соревнования, плохо работали организованные при ней секции (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 3; Д. 143. Л. 32).

«Вечной» проблемой для университета послевоенных лет был дефицит учебников и учебных пособий. Например, на геологическом факультете на 75 студентов по истории геологии имелось 9 учебников, по палеонтологии – 10 учебников (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 31). Студенты и других факультетов часами выстаивали очереди в читальный зал библиотеки, чтобы подготовиться к занятиям.

В этот период руководство области и университета осознало серьезную проблему в организации учебного процесса. Университет давал студентам более высокую по сравнению с другими вузами теоретическую подготовку. Но вместе с тем у студентов отсутствовали практические навыки из-за неудовлетворительной материальной базы (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 28, 29).

К числу проблем, тревоживших руководство вуза и его подразделений, относилась практика руководства и рецензирования дипломных работ. Ряд научных руководителей пускали это дело на самотек, давали темы работ, не обеспеченных литературой или экспериментальными данными, поэтому в ходе подготовки дипломного сочинения приходилось менять их темы. Сроки выполнения работы не всегда контролировались руководителями, поэтому к срокам защиты работа оказывалась незавершенной или ненадлежащего качества. Рецензенты затягивали с выдачей отзыва, что не позволяло студентам подготовиться к защите (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 133. Л. 31).

НИРС

Важная роль в подготовке выпускника университета принадлежит его научно-исследовательской работе (НИРС). Данное направление в рассматриваемом году было принципиально актуализировано руководством системы высшего образования страны и соответственно администрацией вуза.

Законодательно эта форма работы студентов была заложена «Положением о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведении» 1944 г.[13] В 1950 гг., когда в стране происходили серьезные социально-политические трансформации, было осуществлено нормативное переосмысление этого феномена и его роли в системе подготовки высококвалифицированных специалистов. В декабре 1953 г. было утверждено «Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений»[14].

Согласно «Положению», общее руководство студенческой научной деятельностью осуществлялось директором вуза, а на факультете – деканом. Финансирование научно-исследовательской работы студентов производилось за счет средств, выделяемых вузам по госбюджету на проведение научно-исследовательских работ[15].

Наиболее массовой формой приобщения студентов к науке были научные кружки, которые являлись добровольными организациями. Необходимым условием работы студенческих кружков являлось руководство ими со стороны преподавателя. В университете переход на кружковую форму организации НИРС при кафедрах начался в соответствии с указаниями Министерства в 1952 г., а завершился в 1953 г. Было организовано 54 кружка с общим охватом 745 студентов, в руководстве которыми приняли участие 96 научных работников. За 1953 г. студентами в научных кружках было выполнено 309 работ (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 42, 44).

В течение 1953 г. была проведена значительная работа по перестройке НИРС в сторону повышения ответственности ППС за организацию кружков на кафедрах. В начале года работа студенческого общества была пересмотрена. Кружки были организованы при кафедрах по темам, разрабатываемым научными работниками. Такая перестройка позволила включить студентов в разработку отдельных кафедральных тем. В октябре 1953 г. работали уже 76 научных кружков, объединявших 897 студентов. Руководство НИРС осуществляли 89 научных работников (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 42; Д. 143. Л. 44).

Например, на геологическом факультете студенческая исследовательская работа велась в

[13] Положение о научно-исследовательской деятельности высших учебных заведении: [Утверждено постановлением СНК СССР № 178 от 18 февраля 1944 г.] // Высшая школа. Основные постановления, приказы и инструкции. 2-е изд. М.: Советская наука, 1948. С. 214–217.

[14] Положение о научно-исследовательской работе студентов высших учебных заведений (Утверждено приказом Министерства высшего образования СССР № 995 от 3 декабря 1953 г.) // Высшая школа: сб. основных постановлений, приказов и инструкций. М.: Высш. шк., 1965. С. 214–217.

[15] Там же. С. 217.

кружках, организованных при кафедрах. Ими руководили ведущие преподаватели факультета: профессора В.Г. Ткачук, В.П. Солоненко, И.П. Карасев. Вместе с тем на геологическом факультете было 15 студентов, активно занимавшихся НИРС. Прежде всего, на кафедре исторической геологии (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 28; Трещетенков, 1977. С. 19). Тематика работы научного студенческого кружка разрабатывалась руководителем кружка и обычно была тесно связана с научно-исследовательской работой, проводимой на кафедре. Тематика кружка рассматривается на кафедре и утверждается заведующим кафедрой. В помощь научному руководителю на общем собрании кружка избирался староста, который утверждался заведующим кафедрой. Староста выполнял организационную работу и вел учет работы кружка. Основной формой отчетной работы студенческих научно-исследовательских кружков были научные доклады по разработанным членами кружка научным проблемам, написание рефератов, научные дискуссии и выступления на конференциях.

Вместе с безусловными успехами в организации НИРС имелись серьезные недостатки и недоработки. Была плохо организована работа со студентами 1–3 курсов, которые не привлекались к работе в кружках. Деятельность кружков никто из руководства не контролировал (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 4).

В целях популяризации научной работы студентов и подведения ее итогов в ИГУ организовывались конкурсы на лучшую студенческую научную работу и научные конференции. Лучшие работы направлялись на городские и другие студенческие научные смотры и конференции, а также публиковались в сборниках трудов вуза, в специальных журналах, в отдельных сборниках научно-исследовательских работ студентов. В 1953 г. от университета на городской тур конкурса была представлена 51 работа, на Всесоюзный – 11 (Белянина, 2011. С. 45; ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 42).

Ряд работ студентов университета был опубликован. 9 работ, выполненных 11 студентами, были отмечены грамотами и денежными премиями Министерства культуры СССР. В университете ежегодно проводились студенческие научные конференции, в 1953 г. общеуниверситетская XIII студенческая научная конференция была традиционно проведена в апреле. На ней было обсуждено 99 научных работ, подготовленных 122 студентами. 41 лучшая работа была рекомендована на городской смотр. Выступления студентов естественных факультетов имели зачастую прикладной и реально исследовательский характер. Например, студенты-геологи и биологи выступали преимущественно по итогам своих полевых исследований (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 42; Д. 143. Л. 44; Трещетенков, 1977. С. 19).

Все кружки вуза объединялись в студенческое научное общество. Его Типовой устав был утвержден Министерством в 1947 г.[16].

Итоги работы НСО университета под руководством Буркова были заслушаны на отчетном собрании парторганизации ИГУ 11 октября 1953 г. и на заседании партбюро 26 февраля 1954 г. Докладчик отмечал, что силами студенческого научного общества было организовано в школах города 43 предметных кружка, лектории, олимпиада и проведено два конкурса юных химиков и физиков (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 126. Л. 42; Д. 143. Л. 44).

На собрании было высказано много критических замечаний. В частности, о том, что университетское НСО не имеет своего устава, что общего собрания членов не проводится, хотя был проведен семинар его руководящих работников. Совет НСО слабо использовал многотиражную и стенную печать. На некоторых факультетах советы НСО работали неудовлетворительно, что активисты НСО недостаточно работают со студентами 1 и 2 курсов. Слабо поставлен учет занимающихся НИРС (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 42, 44). Но, несмотря на сетования и призывы, студенты ИГУ в основной своей массе начинали заниматься исследованиями только с 3 курса.

[16] Типовой устав научного студенческого общества... института: [Утвержден приказом Министерства высшего образования СССР№ 1008 от 18 июля 1947 г.] / М-во образования СССР. М., 1947. 8 с. С. 2.

Для университета основными средствами вовлечения студентов в научно-исследовательскую деятельность являлись все же не кружки, а существовавшие в ИГУ научные структуры. Например, ведущая роль в привлечении студентов биолого-почвенного факультета в 1953 г. к научной деятельности отводилась Биолого-географическому научно-исследовательскому институту, биологической станции в Больших котах, Байкальскому музею, Зоологическому музею, Гербарию, Ботаническому саду и ряду оборудованных кабинетов[17]. Руководство факультета и института постоянно заботилось о пополнении его коллекций и обновлении экспозиций, привлекая к этому в первую очередь самих студентов. Особую роль в этой работе играла Байкальская биостанция в Больших Котах, на её базе проводилась учебная и производственная практика, в 1953 г. 200 студентов биолого-почвенного, геологического, географического и химического факультетов приобщались здесь к научной деятельности (ГАИО. Ф. р.71.Оп. 1. Д. 646. Л. 5; За научные кадры. 1953. 11 дек.).

Привлечение студентов к работе в составе экспедиций давало и конкретный научный результат, например, летом 1953 г. в Восточных Саянах участник экспедиции студент IV курса биолого-почвенного факультета Л.В. Бардуков открыл новое, неизвестное науке растение семейства крестоцветных, названное «Саранкой Бардукова» (Гольдфарб, 1989. С. 118).

Залогом успеха НИРС является позиция и работа преподавателей. Однако в рассматриваемый период далеко не все преподаватели университета считали НИРС обязательным элементом подготовки кадров. Например, на гуманитарном факультете, по мнению ряда руководителей вуза, многие преподаватели относились к студентам как к обузе, особенно на кафедре всеобщей истории (заведующий кафедрой С.В. Шостакович) и такие преподаватели как доцент Абрамович, доцент Рубанович, доцент Трушкин, старший преподаватель Мальцев, доцент Пресняков и др. На ряде факультетов (гуманитарном, геологическом) деканаты и парторганизации и значительное количество преподавателей устранились от НИРС (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 42–45).

В ходе дискуссии по совершенствованию НИРС, развернувшейся в университете в октябре, был высказан и ряд пожеланий, в частности, было выдвинуто предложение – укрупнить студенческие научные кружки факультета гуманитарных наук для повышения качества их работы. Манжигеев заявил, что выпускники гумфака на селе не выступают с лекциями и докладами, не проявляют активности, причина в том, что мы их этому не научили. Ряд выступавших предлагали оставлять на кафедрах студентов, активных в исследовательской деятельности. Ректору было поручено согласовать с министерством расширение квоты выпускников, оставляемых в университете (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 133. Л. 30).

Партбюро университета рекомендовало ректорату потребовать от деканов, наряду с ежеквартальными итогами НИР, предоставлять отчеты по НИРС, а также создать комиссию по выработке проекта устава НСО на основе Положения о научно-исследовательской работе студентов от 3 декабря 1953 г. с последующем утверждении его в Министерстве. Провести выборы в Совет НСО ИГУ после XIV научно-исследовательской конференции в марте 1954 г. Так же была высказана рекомендация Ученым советам факультетов обсудить на их заседания вопросы, связанные с улучшение работы НИРС (ГАНИИО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 143. Л. 41–46).

Таким образом, анализ деятельности Иркутского госуниверситета и жизни его коллектива показывает, что в 1953 г. происходили процессы раскрепощения работников, которые не всегда были положительными. Органы управления вузом, в целом, контролировали кадровую политику и учебный процесс, что свидетельствовало об организационной и профессиональной устойчивости его коллектива.

[17] Справочник для лиц, поступающих в Иркутский государственный университет имени А.А. Жданова. Иркутск: ИГУ, 1954. 8 с. С. 4.

Библиографический список

Астрономическая обсерватория Иркутского государственного университета (к 80-летию со дня основания). Иркутск: Оттиск, 2011. 128 с.

Белянина Ю.В. Научно-исследовательская работа студентов: руководство, организация, формы (1946–1955 гг.) //Омский научный вестник. 2011. № 3. С. 44–46.

Гольдфарб С.И. Иркутский государственный университет: 70 лет : Хроника событий. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1989. 235 с.

Зуляр Ю.А. К истории научно-исследовательского института при Иркутском государственном университете: люди и судьбы (1945–1970 гг.) // Проблемы истории науки и образования в Восточной Сибири: век XX. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1996. С. 168–184.

Зуляр Ю.А., Петрушин Ю.А. Талант педагога на службе отечеству (к 100-летию со дня рождения доцента П.Х. Гребнева // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2011. № 1. С. 229–236.

Зуляр Ю.А., Снытко В.А. Исследователь озера Байкал Михаил Михайлович Кожов // История наук о Земле: сборник статей / ответ. ред. В.А Широкова, О.А. Александровская; сост. О.С. Романова, Н.Н. Щербинина. Москва, 2011. С. 106–114.

Зуляр Ю.А., Казарин В.Н. История кафедры политологии, истории и регионоведения ИГУ // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 104–120.

Иркутский государственный университет им. А.А. Жданова – крупнейший учебно-методический и научный центр Восточной Сибири: ист. очерк. Иркутск: Тип. Вост.-Сиб. правда, 1978. 172 с.

Казарин В.Н. Образование, наука и интеллигенция в Восточной Сибири (вторая половина 40-х – середина 60-х гг. XX в.): монография. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 1998. 308 с.

Казарин В.Н. Становление юридического образования в Иркутском университете: время, события, люди // Сибирский юридический вестник. 2008. № 2 (41). С. 3–10.

Казарин В.Н. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.): монография /В.Н. Казарин, Ю.П. Лякутина. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2012. 483 с.

Кафедра отечественной истории и политологии ИГУ за 50 лет: люди, судьбы, книги: Биобиблиографический словарь / Ю.А. Зуляр, А.А. Иванов, В.Н. Казарин и др. Иркутск: Оттиск, 2008. 304 с.

Кузнецов И.И. Страницы жизни историка. Улан-

References

(2011) Astronomical Observatory of Irkutsk State University (to the 80th anniversary of its founding). Irkutsk: Ottisk. 128 p. (In Russ.)

Belyanina Yu.V. (2011) Students' research work: leadership, organization, forms (1946–1955). *Omskii nauchnyi vestnik* = Omsk Scientific Herald. No. 3. P. 44–46. (In Russ.)

Gol'dfarb S.I. (1989) Irkutsk State University: 70 years: Chronicle of events. Irkutsk: Irkutsk State University. 235 p. (In Russ.)

Zulyar Yu.A. (1996) On the History of the Research Institute at Irkutsk State University: People and Fates (1945–1970). *Problemy istorii nauki i obrazovaniya v Vostochnoi Sibiri: vek XX* = Problems of the History of Science and Education in Eastern Siberia: XX Century. Irkutsk: Irkutsk State University. P. 168–184. (In Russ.)

Zulyar Yu.A., Petrushin Yu.A. (2011) The talent of a teacher in the service of the fatherland (on the 100th birthday of associate professor P. Kh. Grebnev)]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Series. History. No. 1. P. 229–236. (In Russ.)

Zulyar Yu.A., Snytko V.A. (2011) Researcher of Lake Baikal Mikhail Mikhailovich Kozho. *Istoriya nauk o Zemle: sbornik statei* = History of Earth Sciences: Collection of articles. Moscow. P. 106–114.

Zulyar Yu.A., Kazarin V.N. (2014) History of the Department of Political Science, History and Regional Studies, ISU. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedenie* = The Bulletin of the Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. Vol. 8. P. 104–120. (In Russ.)

(1978) Irkutsk State University named after A.A. Zhdanov – the largest educational-methodical and scientific center of Eastern Siberia: Historical essay. Irkutsk. 172 p. (In Russ.)

Kazarin V.N. (1998) Education, science and intelligentsia in Eastern Siberia (second half of the 40s – mid 60s of the XX century): Monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 308 p. (In Russ.)

Kazarin V.N. (2008) The formation of legal education at the University of Irkutsk: time, events, people. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* = Siberian Legal Bulletin. No. 2 (41). P. 3–10. (In Russ.)

Kazarin V.N., Lyakutina Yu.P. (2012) Legal Education in Eastern Siberia (1918–1991): Monograph. Irkutsk: Irkutsk State University. 483 p. (In Russ.)

Zulyar Yu.A., Ivanov A.A., Kazarin V.N. i dr. (2008) Department of Russian History and Political Science, ISU for 50 years: people, fates, books: Bibliographic Dictionary. Irkutsk: Ottisk. 304 p. (In Russ.)

Kuznetsov I.I. (2001) Pages of the historian's life. Ulan-

Удэ: Издательско-полиграфический комплекс ВСГАКИ, 2001. 315 с.

Нестерович А.А. Первенец вузовской науки Восточной Сибири // Иркутский государственный университет (1918–1998). Иркутск: Агентство КП-Байкал; Изд-во Иркутского государственного университета, 1998. С. 487–590.

Сизых А.И. Геологический факультет Иркутского государственного университета. Иркутск: Изд-во Иркутского государственного университета, 2009. 296 с.

Трещетенков М.Н. История геологического факультета 1919–1969 гг. Ч. 2. 1950–1959 гг. Иркутск: Иркутский государственный университет, 1977. 38 с.

Хаминов Д.В. Становление системы исторического образования в классических университетах Сибири в XX – начале XXI в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. История. № 1 (13). С. 131–136.

Шпикельман Р.Ю. Деятельность руководства иркутских вузов по организационно-структурной трансформации и повышению научного уровня преподавателей в восстановительный период (1946–1950-е гг.) // Десятые Байкальские социально-гуманитарные чтения. В 2-х томах. Иркутск, 2017. С. 311–328.

Юридический институт Иркутского государственного университета: история юридического образования в ИГУ, 1918–2004 / Ю.А. Зуляр, В.Н. Казарин, Г.В. Логунова, и др. Иркутск: Иркутская областная типография № 1, 2004. 158 с.

Ясперс К. Идея университета. Минск: Белорусский государственный университет, 2006. 159 с.

Критерии авторства

Ю.А. Зуляр выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Зуляр Юрий Анатольевич,
доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, Россия,
✉ e-mail: uzulyar@yandex.ru

Ude: Izdatel'sko-poligraficheskii kompleks VSGAKI. 315 p. (In Russ.)

Nesterovich A.A. (1998) The first-born of university science in Eastern Siberia. *Irkutskii gosudarstvennyi universitet (1918–1998)* = Irkutsk State University (1918–1998). Irkutsk: Agentstvo KP-Baikal; Irkutsk State University. P. 487–590. (In Russ.)

Sizykh A.I. (2009) Geological Faculty of Irkutsk State University. Irkutsk: Irkutsk State University. 296 p. (In Russ.)

Treshchetenkov M.N. (1977) History of the Geological Faculty 1919–1969 Part 2. 1950–1959. Irkutsk: Irkutsk State University. 38 p. (In Russ.)

Khaminov D.V. (2011) Formation of the system of historical education in the classical universities of Siberia in the XX – early XXI centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* = Tomsk State university journal of history. No. 1 (13). P. 131–136. (In Russ.)

Shpikel'man R.Yu. (2017) The activities of the leadership of Irkutsk universities in the organizational and structural transformation and increase the scientific level of teachers in the recovery period (1946–1950-ies.). *Desyatye Baikal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya. V 2-kh tomakh* = Tenth Baikal social and humanitarian readings. In 2 volumes. Irkutsk. P. 311–328. (In Russ.)

Zulyar Yu.A., Kazarin V.N., Logunova G.V. i dr. (2004) Law Institute of Irkutsk State University: the history of legal education at ISU, 1918–2004. Irkutsk: Irkutskaya oblastnaya tipografiya No. 1. 158 p. (In Russ.)

Yaspers K. (2006) University idea. Minsk: Belorusskii gosudarstvennyi universitet. 159 p. (In Russ.)

Attribution criteria

Yu.A. Zulyar performed research work on the basis of the obtained results was carried generalization, prepared the manuscript for publication, the article has a copyright and is solely responsible for its originality

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Yuriy A. Zulyar,
Dr. Sci. (History), Professor, Dean of the Faculty of History,
Irkutsk State University,
1-410 b, K. Marx street, Irkutsk 664003,Russia,
✉ e-mail: uzulyar@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 94
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-245-256

Китайские войска на территории КНДР после завершения Корейской войны (1953–1958 гг.)

© И.А. Топчий

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: История участия китайских войск, так называемых «китайских народных добровольцев», в Корейской войне 1950–1953 гг. достаточно широко освещена. Гораздо менее известны события, связанные с нахождением «китайских народных добровольцев» на территории Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) после официального завершения боевых действий, с июля 1953 г. по октябрь 1958 г. Между тем как китайские войска в указанный период выступали в качестве существенной гарантии от нового иностранного вторжения в КНДР, так и как фактор противоречий между КНДР и КНР (руководство Северной Кореи видело в них угрозу собственной самостоятельности и стабильности). Их наличие в 1956 г. привело к серьезному политическому кризису, последствия которого при ином дальнейшем развитии событий могли стать непредсказуемыми. Сотни тысяч китайских призывников проходили службу вне пределов родной страны, на Корейском полуострове. Вплоть до середины лета 1958 г. китайские войска в Северной Кореи превосходили войска КНДР как по численности, так и по боеспособности. Значительная их часть оказалась выведена в южную Маньчжурию, откуда эти войска в любой момент могли вернуться в Северную Корею. Термин «китайские военные добровольцы» фигурирует в китайских оперативных документах до сих пор. Это означает, что в Пекине и Пхеньяне рассматривают возможность возобновления сценария Корейской войны периода октября 1950 г.

Ключевые слова: КНДР, КНР, РК, китайские народные добровольцы, НОАК, войска, война, Северная Корея, Южная Корея, СССР, США

Информация о статье: Дата поступления 1 октября 2019 г.; дата принятия к печати 5 ноября 2019 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Топчий И.А. Китайские войска на территории КНДР после завершения Корейской войны (1953–1958 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 245–256. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-245-256

Chinese troops on the territory of DPRK after the end of the Korean War (1953–1958)

© Ilya A. Topchiy

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The history of the participation of Chinese troops, the so-called “Chinese people's volunteers”, in the Korean War of 1950–1953 are widely covered. The events related to the presence of “Chinese people's volunteers” in the territory of the Korean People’s Democratic Republic (DPRK) after the official end of hostilities from July 1953 to October 1958 are much less known. Meanwhile, during the indicated period, Chinese troops acted as a substantial guarantee against a new foreign invasion of the DPRK, and as a factor of contradictions between the DPRK and the PRC (the North Korean leadership saw them as a threat to their own independence and stability). Their presence in 1956 led to a serious political crisis, the consequences of which, with a different further development of events, could become unpredictable. Hundreds of thousands of Chinese conscripts served outside their home country, on the Korean Peninsula. Until the middle of the summer of 1958, the Chinese troops in North Korea outnumbered the DPRK troops in both numbers and combat readiness. A significant part of them was withdrawn to southern Manchuria, from where these troops could return to North Korea at any time. The term “Chinese

military volunteers" appears in Chinese operational documents so far. This means that Beijing and Pyongyang are considering renewing the scenario of the Korean War in the period of October 1950.

Keywords: DPRK, PRC, RK, Chinese people's volunteers, PLA, troops, war, North Korea, South Korea, USSR, USA

Article info: Received October 1, 2019; accepted for publication November 5, 2019; available online March 31, 2020.

For citation: Topchiy I.A. (2020) Chinese troops on the territory of DPRK after the end of the Korean War (1953–1958). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 245–256. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-245-256

Вступление

Существенным признаком послевоенного устройства Кореи (Северной и Южной) стало наличие на её территории иностранных контингентов – китайских (в КНДР) и американских (в РК). Разницей стало то, что целью активной политики Пхеньяна было устремление на вывод иноземных (пусть и союзных) войск со своей территории и тяга к самостоятельной политике (роли своего рода промежуточного игрока в регионе), в то время как части США на территории Южной Кореи дислоцируются по сей день.

Завершение Корейской войны 1950–1953 гг. перемирием в Панмунчжоне (кор. 판문점; договор о прекращении огня был подписан 27 июля 1953 г.) не привело к установлению мира на Корейском полуострове. Формально стороны продолжали оставаться в состоянии войны (Текст соглашения о перемирии…)[1].

Как Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР; Северная Корея) не признавала факт существования Республики Корея (РК; Южная Корея), так и, соответственно, Южная Корея не признавала наличие Северной.

Попытки заключения мирного договора в Женеве в 1954–1955 гг. ни к чему не привели. КНДР стояла на позиции полного вывода иностранных вооруженных сил (ВС) с территории полуострова и обоюдного (что для Северной, что для Южной Кореи) сокращения войск до 100 тыс. человек. РК (чьи ВС кратно превосходили ВС КНДР) высказывалась против подобного снижения численности армии, так как это приводило к заметному её ослаблению. США игнорировали переговоры и, наоборот, инспирировали создание коалиционного союза Китайской республики (Тайваня), РК, США и Филиппин для обеспечения безопасности в регионе (по факту, направленного против Китайской Народной Республики (КНР) и КНДР (Баосун, Донг, Чжан Лихуа, 2003).

Тем самым фактор нахождения контингента ВС КНР на территории КНДР и их официальный статус (как «армия китайских народных добровольцев», КНД; кит. 中国人民志愿军 – «чжунго жэньминь чжиюаньцзюнь») обуславливался комплексом следующих причин (нередко вступавших в противоречие друг с другом):

1. Необходимостью соблюдения баланса сил на Корейском полуострове (так как войска РК существенно превосходили Корейскую народную армию (КНА) КНДР, и их поддерживали значительные силы США).

2. Существующими противоречиями между руководством Пекина и Пхеньяна. Правительство Ким Ир Сена (действующего руководителя КНДР) стремилось к максимальной политической самостоятельности, пусть даже нередко в ущерб собственной безопасности, и потому желало освободиться от любой опеки «старшего брата» в лице Мао Цзедуна (кит. 毛泽东), чьи войска в Корее к тому же превосходили КНА.

3. Наличием в руководстве КНДР сильной прокитайской партии, стремящейся к максимальному дрейфу в сторону орбиты внешней политики КНР (разгромленной в ходе событий августа 1956 г.).

4. Отсутствием формального соглашения между КНР и КНДР о военной помощи, согласно кото-

[1] Текст соглашения о перемирии в Корейской войне (In English). [Электронный ресурс]. URL: https://web.archive.org/web/20140305164517/ (29.09.2019).

рому Народно-Освободительная армия Китая (кит. 中国人民解放军 – «чжунго жэньминь цзефанчин») могла официально находиться на территории КНДР, что придавало китайским войскам в Корее исключительно статус «добровольцев». Между тем как соответствующее соглашение между РК и США было заключено (американские части и соединения в Южной Корее располагались вполне легально).

Китайские войска в Корее: организация, управление, численность

К моменту подписания перемирия КНД прочно удерживали линию фронта в Корее и обеспечивали охрану побережья, стабилизируя ситуацию в виде позиционного тупика. Они находились под формальным командованием Пэн Дехуая (кит. 彭德怀, с 1955 г. маршала КНР), однако в связи с его возвращением в Пекин в апреле 1952 г. реально руководили его заместители, Чен Ген (кит. 陳賡) и Ден Хуа (кит. 鄧華) (Zhang, Shu Guang, 1995; Barnouin, Barbara, Yu Changgen, 2006).

Китай задействовал в операциях на территории Кореи свои лучшие, самые боеспособные войска. Они включали в себя 67 % китайской артиллерии, все танковые части (100 %) и 52 % китайских военно-воздушных сил (ВВС). Корейская война стала крупнейшей пробой китайских ВС за пределами КНР в современной истории (Chinese Military Science Academy, 2000; Li, Xiaobing, 2007).

Всего через горнило корейской кампании прошло 3870 тыс. китайских военнослужащих (Chinese Military Science Academy, 2000). По китайским данным (в зависимости от системы учета) от 110 тыс. до 183 тыс. из них погибли по различным причинам (в том числе в бою, по болезни, в дальнейшем от ран) либо пропали без вести (Мэн Чжаохуэй, 2012; Мемориал войны против американской агрессии в Корее…, 2010[2]).

Группировка китайских войск к концу июля 1953 г. (к моменту подписания перемирия) насчитывала 53 пехотные дивизии в составе 16 корпусов, а также 2 танковых бюро (7 танковых полков), 5 дивизий и передовое отдельное командование ПВО (24 полка ПВО), 10 дивизий железнодорожных войск, 9 дивизий с РСЗО (с реактивными системами залпового огня на вооружении), а также артиллерийских и противотанковых артиллерийских дивизий, 12 полков инженерных войск и прочие части. Все эти силы организационно объединялись в четыре армии и одно отдельное командование Западного побережья, отдельное командование ПВО, передовое командование железнодорожных войск, артиллерийское, инженерное, логистическое и административное командования (всего 11 управляемых элементов). В сумме порядка 700 тыс. человек, включая тыловые части (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

В отдельных работах (прежде всего, западных) приводятся значительно большие оценки численности КНД на территории Кореи, как правило, превышающие один миллион человек (от 1,3 млн и выше) (Alexander, Bevin, 1986). Даже в фундаментальном отечественном труде коллектива авторов под редакцией С.С. Лотоцкого «Война в Корее, 1950–1953» количество войск КНД на 27.07.1953 г. указано в размере 1221 тыс. штыков (Война в Корее…, 2000).

По-видимому, эти данные включали в себя также работников тыла и военной промышленности КНР (то есть, невооруженных гражданских лиц), находившихся на территории Кореи, численность которых порой доходила до 600 тыс. человек. Кроме того, возможно, данные «миллионные» значения учитывали войска КНР, дислоцированные на территории Южной Манчжурии, а также находящихся там мобилизованных гражданских лиц. С ними количество людей, трудящихся на нужды победы КНД в Корейской войне (как в самой Корее, так и в северо-восточном Китае), действительно могло достигать трех миллионов (Zhang, Shu Guang, 1995).

В частности, многотысячное Народное ополчение Китая (кит. 解放军民兵 – «цзефанчин мин-

[2] Мемориал войны против американской агрессии в Корее объявил о числе жертв среди китайских добровольцев в Корейской войне. Синьхуанет, 26.10.2010. (На китайском) / 抗美援朝纪念馆公布朝鲜战争志愿军牺牲人数. 新华网. [2010年10月26日]

бин»), обеспечивавшее логистику и составлявшее сильный кадровый резерв, продолжало оставаться на территории КНР. В октябре 1950 г., перед вводом КНД, его удельная доля в созданной в Южной Манчжурии группировке превышала 60 % (374 тыс. из 610 тыс. военных лиц) (Chinese Military Science Academy, 2000).

Однако, учитывая китайские невоенные структуры при оценке степени участия КНР в Корейской войне, следует в таком случае аналогично иметь в виду не только боевые подразделения ВС США. Вместе с различным обслуживающим персоналом, моряками судов зафрахтованного торгового флота, работниками ремонтных заводов и мастерских и прочими гражданскими специалистами, трудящимися на нужды войны (американскими и иностранными гражданами), масштаб задействованных только США сил в таком случае также будет измеряться миллионными значениями.

Максимум присутствия КНД в Корее (порядка 780 тысяч штыков, включая 180–200 тысяч снабженцев) был достигнут в мае 1953 года. Тогда же в мае, ещё до завершения боевых действий, начался вывод китайских войск в Манчжурию. 39-й корпус, менее 30 тысяч офицеров и солдат, по ротации сменялся 54-м корпусом (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Ещё два корпуса (38-й и 40-й) и все 8 авиационных дивизий были выведены в течение июля 1953 г. Это произошло опять-таки, до официального перемирия в Панмунчжоне в конце того же месяца. Всего войска КНД в Корее сократились на 80 тыс. человек и лишились своей авиации (она вышла в Манчжурию) (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Дислокация (на конец июля 1953 г.) была следующая (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987):

– Передовая линия – 9-я, 19-я и 20-я армии в составе 14 корпусов (соответственно 16-й, 23-й, 24-й и 47-й резервный; 1-й, 46-й, 65-й, а также 63-й и 64-й резервные; 21-й, 54-й, 60-й, 67-й и 68-й корпуса);

– Западный берег – 38-й, 39-й, 40-й, 50-й корпуса, 2-е танковое командование;

– Восточный берег – 12-й и 15-й корпуса (оба резервных), 33-я отдельная дивизия;

– ПВО – преимущественно сконцентрировано в двух узловых объектах: на обороне переправы через Ялуцзян в Синыйджу – Аньдуне и вокруг Пхеньяна;

– Прочие части – рассредоточены в глубине КНДР.

Корпуса, дивизии и полки сухопутных войск КНД имели, как правило, троичную структуру (в корпусе три дивизии и части корпусного подчинения, в дивизии – три полка и части дивизионного подчинения, в полку – три батальона и части полкового подчинения и т. д.) (Li Tsvivey, 1983). В корпусе насчитывалось порядка 30 тыс. военнослужащих, в дивизии – около 9500 штыков, в полку – менее 3000 человек (Эволюция пехотной дивизии…)[3].

Стоит отметить, что это – штатная численность заявленных подразделений. В реальности был постоянный некомплект (даже в мирное время). Это оказывалось связано с ротацией личного состава формирований, несовершенством систем учета и т. д. (Эволюция пехотной дивизии…)[4].

ВВС была представлена двоичной структурой (по два полка в дивизии ВВС). Однако к моменту завершения Корейской войны китайская авиация оказалась полностью выведена с территории КНДР и отсутствовала там в рассматриваемый период (1953–1958 гг.) (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Танковые полки (штатно) включали в себя два танковых батальона по 30 танков (как правило, средних Т-34-85, при небольшой доле тяжелых КВ, ИС-2 и ИС-3), а также батальон механизированной пехоты. Всего насчитывалось 8 танковых полков: семь в составе двух бронетанковых командований или бюро и один в составе 33-й отдельной пехотной дивизии. Бронетанковые командования по

[3] Эволюция пехотной дивизии Народно-освободительной армии Китая (на китайском) / 中国人民解放军各步兵师沿革. [Электронный ресурс]. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_a3f74a990101cp1q.html (29.09.2019).

[4] Там же.

факту представляли собой элементы 1-й и 2-й танковых дивизий НОАК, по 3–4 танковых полка от каждой, введенные на территорию Кореи и размещенные здесь (История 1-й танковой дивизии НОАК…, 2015; История 2-й танковой дивизии НОАК…[5]).

Ствольная артиллерия КНД была представлена тандемом калибров 105 и 155 мм. Организация артиллерийских подразделений также являлась троичной: три управляемых элемента и части центрального подчинения (Korean War Anthology…)[6].

Артиллерийская дивизия имела 180 орудий в своем составе (10 дивизионов). Своей ствольной артиллерией в ранге полка располагали также корпус и дивизия КНД. Пехотный китайский полк обладал дивизионом, реже – батареей (Korean War Anthology…)[7].

Подразделения уровня батальон и рота включали в себя по минометной батарее. Калибр минометов зависел от иерархии формирования (в батальоне крупнее, в роте меньше) (Korean War Anthology…)[8].

Управление включало в себя должность командующего КНД (формально её занимал Пэн Дехуай), звание комиссара (Ден Хуа), чин начальника штаба (Ли Да), сам штаб КНД и должность политического руководителя (его функции исполнял Ли Чжимин, кит. 李志民) (Zhang, Shu Guang, 1995).

Прочие части и соединения КНД имели меньшее значение для рассмотрения.

Общее число военнослужащих КНР, прошедших службу в статусе КНД в 1953–1958 гг., оценивается в размере 1,5 млн человек. С учетом того, что 700 тыс. из них составляли лица, состоявшие на службе на момент подписания перемирия в Панмунчжоне 27.07.1953 г., следует признать, что из оставшихся 800 тыс. большая часть не участвовала в Корейской войне 1950–1953 гг. (Chinese Military Science Academy, 2000; Li, Xiaobing, 2007).

Вывод китайских войск с территории КНДР. Кризис 1956 г.

После завершения боевых действий в 1953 г. не требовалась значительная (и явно избыточная) группировка китайских войск на территории КНДР. Аналогично начавшемуся активному выводу американских войск из Южной Кореи покидали Северную Корею и войска КНД.

64-й корпус вышел с территории КНДР в августе 1953 г., и был размещен на границе с КНДР, в г. Аньдун (в наши дни Даньдун) в нижнем течении р. Ялуцзян, напротив корейского города Синыйджу. Его задачей оставалась «немедленная поддержка корейского народа в случае возобновления боевых действий на Корейском полуострове». В 1955 г. он оказался передислоцирован в Порт-Артур (Военная история 64-й армии…, 1998).

В сентябре его примеру последовал 63-й, а в октябре – 65-й корпуса (оба выведены в провинцию Хэбэй). В октябре 1953 г. в г. Нанкин также вышел 60-й корпус (Военная история 63-й армии…, 2017; Zhang, Shu Guang, 1995).

Всего на территории Северной Кореи к концу 1953 г. осталось порядка 580 тыс. человек из состава сил КНД (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Такая группировка войск КНР выступала существенной гарантией безопасности КНДР в рассматриваемый период. Она же являлась предметом беспокойства северокорейского руководства по поводу сохранения собственного суверенитета.

Вывод китайских войск продолжился в 1954 г. Порядок вывода в данном году был примерно следующий:

– Апрель 1954 г. – с территории КНДР вышли 12-й (в г. Хэфэй провинции Аньхой и в г. Сюйджоу

[5] История 2-й танковой дивизии НОАК (на китайском) / 装甲第二师沿革史. [Электронный ресурс]. URL: http://club.xilu.com/zgjsyj/msgview-819697-64758.html (29.09.2019).

[6] Giangreco, D.M. Korean War Anthology. Artillery in Korea: Massing Fires and Reinventing the Wheel. – United States Army Command and General Staff College (In English). Available from: http://www.armyupress.army.mil/Portals/7/combat-studies-institute/csi-books/giangreco.pdf [Accessed September 29, 2019].

[7] Там же.

[8] Там же.

провинции Цзянсу) и 50-й (на границу в г. Аньдун) корпуса (Краткая история НОАК…)[9];

– Май 1954 г. – 15-й корпус (на основе которого начали формироваться современные воздушно-десантные войска КНР) и 4 танковых полка (по факту – 1-я танковая дивизия НОАК) (Краткая история НОАК…)[10];

– Август 1954 г. – 64-я дивизия ПВО (Zhang, Shu Guang, 1995);

– Сентябрь 1954 г. – 67-й (в г. Циндао) (67-я армия НОАК…, 2012) и 47-й (на полуостров Лэйчжоу в провинции Гуандун) (История 47-й армии…, 2017) корпуса, а также 33-я отдельная дивизия (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987);

– Декабрь 1954 г. – 65-я дивизия ПВО (Zhang, Shu Guang, 1995).

Всего в 1954 г. «страну Чосон» (собственное название КНДР) покинуло порядка 180 тыс. военнослужащих КНР (осталось 400 тыс. офицеров и солдат) (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

В течение 1955 г. в Китай вышли следующие подразделения:

– Апрель 1955 г. – 24-й (на охрану Пекина) (Вэй, Цзюнь. Битва героев. 24-я армия НОАК…, 2007) и 68-й (в г. Сюйджоу провинции Цзянсу) корпуса (Китайские войска. Перечень и организация…, 2015);

– Сентябрь 1955 г. – 63-я дивизия ПВО и все железнодорожные войска (Zhang, Shu Guang, 1995; Chinese Military Science Academy, 2000);

– Октябрь 1955 г. – 46-й корпус (в г. Гирин к северу от КНДР), ряд прочих частей (Вэй, Цзюнь. История 46-й армии…, 2010).

Фактически, в КНДР теперь располагались 5 армейских корпусов (1-й, 16-й, 21-й, 23-й и 54-й), артиллерия, остатки ПВО, 3 танковых полка, 2 дивизии ПВО, инженерные и снабженческие (логистические) службы. Всего в Корее дислоцировалось до 250 тыс. «китайских народных добровольцев» в составе 15 дивизий, ряда прочих подразделений и войсках обеспечения, при сотнях артиллерийских орудий и 180 танках по штату (в основном опять-таки Т-34-85 2-й танковой дивизии НОАК: по факту штатная укомплектованность отсутствовала). Кроме того, ещё два корпуса (46-й в Гирине и 50-й в Аньдуне) поддерживали группировку КНД в КНДР возле китайско-корейской границы (Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Два корпуса стандартно осуществляло охрану западного и восточного побережий (либо одного из побережий и пещерные комплексы на северо-востоке КНДР), два находились на передовой и один (вместе с танковыми частями 2-й танковой дивизии НОАК) – в резерве. ПВО прикрывало г. Пхеньян и переправу через Ялуцзян в г. Синыйджу и Аньдуне (64-я армия. Железная армия…)[11].

Для сравнения: США к 1956 г. вывели большинство своих сил с Корейского полуострова. В Корее осталось порядка 50 тыс. активных штыков из имевшейся здесь к июлю 1953 г. 400-тысячной американской группировки (не считая обслуживающий персонал и различных гражданских помощников) (Hart-Landsberg, Martin, 1998).

Южная Корея не только не сокращала свои ВС (не производила демобилизацию войск), но и наоборот продолжала наращивать свой военный потенциал. Так, южнокорейская армия с 1953 по 1958 гг. увеличилась с 630 до 720 тыс. человек, примерно, пропорционально росту населения в стране. Притом, что её противник, Северная Корея, произвела процесс демобилизации и перешла на организационно-штатные расписания мирного времени (Hamm, Taik-Young, 2012).

[9] Краткая история НОАК (на китайском) / 中国人民解放军陆军集团军简史. [Электронный ресурс]. URL: http://history.news.163.com/07/0327/08/3AJ15PJU00011243.html (29.09.2019).

[10] Там же.

[11] 64-я армия. Железная армия в железной армии (на китайском) / 第五十四集团军：铁军中的铁军. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/22394455/9619BZGsnIxxEqBXlosGl-eG2iBJ85c3EBkVsvk-ii-Td5Lt9Uch6xj04HAurDYxGA-Kjbmu5ZxejJX2rCV4wOAcOZDv-3UPNeSLrVGUt5iTVoG1uXy1LwfK (29.09.2019).

Предполагалось, что эти силы могли являться тем оптимумом, который мог быть достаточен для защиты КНДР (и для контроля её руководства). Это поддерживалось устремлениями определенной части северокорейской политической элиты, ориентированной на Пекин (так называемой «яньаньской группы»).

Ким Ир Сен и лица, поддерживавшие его в правительстве КНДР, полагали иначе. Китайские войска в Корее вдвое превосходили численность КНА и обладали заметно большей боеспособностью.

Данные противоречия привели к кризису 1956 г. Переворот августа 1956 г. провалился, его верхушка была арестована, Ким Ир Сен удержал власть в своих руках. Гарантом сторонников переворота (прокитайской группы в Пхеньяне) была 250-тысячная китайская армия в стране, но она воздержалась от вмешательства во внутренние дела (Ланьков, 2009).

Условием северокорейской стороны стал окончательный вывод китайский войск с земли КНДР. То, на что официальный Пекин вынужден был пойти в 1957–1958 гг. КНДР сохранилась, как самостоятельный игрок на политической арене, её войска остались не подчиненными внешнему управлению (в отличие от оппонента – южнокорейских ВС) (The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958…[12]; Hamm, Taik-Young, 2012).

Отечественный исследователь и специалист по истории современной Кореи А.Н. Ланьков отмечал схожесть событий в КНДР и в Венгрии в 1956 г. (известное Венгерское восстание октября – ноября 1956 г.). Однако они были разорваны хронологически почти на два месяца и имели разный конечный результат: в КНДР победила местная националистическая фракция, ориентированная на максимально самостоятельный политический путь развития (Ланьков, 2009).

Объяснение, что председатель КПК КНР Мао Цзедун опасался получить возле границы очаг сепаратизма и поэтому не пошел на обострение, также выглядит односторонним. Скорее КНР в 1956 г. стремилась поддерживать добрососедские отношения с СССР (страны ещё не стояли на пути прямой конфронтации), и Пекин избегал обострения с Москвой (своим основным союзником) (Ланьков, 2009; Zhihua Shen, Yafeng Xia. China and the Post-War Reconstruction of North Korea…[13]).

Кроме того, необходимость окончательного вывода войск КНД подчеркивалась отсутствием союзного договора между КНДР и КНР (был подписан 11 июля 1961 г.) и внутренними реорганизационными процессами, происходившими в НОАК («11 июля 1961 года в Пекине был подписан…»)[14].

В частности, китайские ВС переживали масштабные сокращения, начиная с конца 1951 г. К концу 1955 г. (за четыре года) НОАК сократилась с 6,27 до 3,2 млн военнослужащих, т. е. почти в два раза.

В 1956 г. оказалась принята новая стратегия развития НОАК. Согласно ей, в январе 1957 г. была подписана программа ещё одного уменьшения численности китайских войск в 1957–1958 гг., до 2,4 млн человек (на 25 %) (Сюнь Цзянь. Краткая история сокращений китайских войск…)[15].

[12] Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958 (In Chinese) / 同声异汽：中国1958年从朝鲜全部退军方案的形成. Available ffrom: https://harvard-yenching.org/features/hyi-working-paper-series-tian-wuxiong [Accessed September 29, 2019].

[13] Zhihua Shen, Yafeng Xia. China and the Post-War Reconstruction of North Korea, 1953-1961 (In English). – North Korea International Documentation Project (NKIDP). – 2012. Available from: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/NKIDP_Working_Paper_4_China_and_the_Postwar_Reconstruction_of_North_Korea.pdf [Accessed September 29, 2019].

[14] «11 июля 1961 года в Пекине был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР» (на китайском) / 1961年7月11日《中朝友好合作互助條約》在北京簽訂. [Электронный ресурс]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/4162/64165/67447/67825/4577963.html (29.09.2019).

[15] Сюнь Цзянь. Краткая история сокращений китайских войск (на китайском) / 熊建.中国军队历次裁军数据. [Электронный ресурс]. URL:

Наличие многочисленной группировки КНД в КНДР, не поддерживаемой местной политической элитой, содержание которой к тому же ложилось на плечи китайского военного бюджета, не входило в планы Пекина. НОАК в данный период скорее ориентировалась на подготовку десантной операции против Тайваня, куда после завершения гражданской войны в материковом Китае отступили остатки войск их противников, в том конфликте – партии Гоминьдан (кит. 中国国民党 – в дословном переводе «китайская националистическая партия»). В 1958 г. состоялся второй тайваньский кризис, чуть не приведший к дальнейшей эскалации уже с участием США и, следовательно, к мировой войне (Chen, Jian, 2001).

На фоне данных обстоятельств северокорейский плацдарм становился глубоко вторичной и слишком затратной по ресурсам позицией. Полный вывод войск КНД в 1957–1958 гг. оказался произведен в следующем порядке (кроме того, в промежутках осуществлялся вывод ряда отдельных частей):

– Февраль 1957 г. – выведены все подразделения китайской артиллерии (Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958…[16]; Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987);

– Март – апрель 1958 г. – КНДР покинули 16-й и 23-й корпуса (оба в Шэньянский военный округ) (Краткая история НОАК…)[17];

– Июль 1958 г. – 21-й корпус (в г. Датун провинции Шаньси) (Краткая история НОАК…)[18];

– Август 1958 г. – 54-й корпус (оказался переброшен частями в Тибет к 1959 г.) (64-я армия. Железная армия…)[19].

1-й корпус китайской армии (последний, имевший около 30 тыс. солдат и офицеров в своих рядах) оставил Корею в октябре, и последний китайский солдат перешел мост через Ялу 26 октября 1958 г. (Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958…[20]; Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营), 1987).

Однако представительство КНД в Пхеньяне (которым неизменно руководил специально уполномоченный высокопоставленный офицер НОАК) продолжало действовать и после вывода военных подразделений китайской армии. Оно оказалось закрыто только в 1994 г., в связи с восстановлением дипломатических отношений между КНР и РК двумя годами ранее, в 1992 г. (Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена…, 2018)[21].

Существенная группировка китайских войск продолжала сохраняться Пекином вдоль китайско-корейской границы после вывода. В конце 1950-х гг. она включала как минимум четыре только что вышедших с территории КНДР армейских

http://politics.people.com.cn/n/2015/0903/c1001-27543904.html (29.09.2019).

[16] Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958 (In Chinese) / 同声异汽：中国1958年从朝鲜全部退军方案的形成. Available from: https://harvard-yenching.org/features/hyi-working-paper-series-tian-wuxiong [Accessed September 29, 2019].

[17] Краткая история НОАК (на китайском) / 中国人民解放军陆军集团军简史. [Электронный ресурс]. URL: http://history.news.163.com/07/0327/08/3AJ15PJU00011243.html (29.09.2019).

[18] Там же.

[19] 64-я армия. Железная армия в железной армии (на китайском) / 第五十四集团军：铁军中的铁军. [Электронный ресурс]. URL: https://baike.baidu.com/reference/22394455/9619BZGsnIxxEqBXlosGl-eG2iBJ85c3EBkVsvk-ii-Td5Lt9Uch6xj04HAurDYxGA-Kjbmu5ZxejJX2rCV4wOAcOZDv-3UPNeSLrVGUt5iTVoG1uXy1LwfK (29.09.2019).

[20] Tian Wuxiong. Different Intentions with One Voice: The Making of Chinese Troops' Withdrawal Package from the DPRK in 1958 (In Chinese) / 同声异汽：中国1958年从朝鲜全部退军方案的形成. Available from: https://harvard-yenching.org/features/hyi-working-paper-series-tian-wuxiong [Accessed September 29, 2019].

[21] Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена (на китайском) / 「志願軍」名義參戰至今未解散. – Эппл Дэйли, 2018.

корпуса (16-й, 23-й, 46-й и 50-й – основа для четырех армейских групп НОАК сегодня в тех же местах, вдоль границы), артиллерию, пограничные и внутренние войска, авиационную поддержку и ПВО. В сумме до 250 тыс. штыков (сопоставимо с тем, что сегодня): достаточно внушительная сила.

В китайских официальных военных документах до сих пор присутствует категория «китайские военные добровольцы». Это означает, что новый ввод войск НОАК на территорию КНДР возможен в любой момент (Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена…, 2018)[22].

Последствия

В противовес политике вывода КНД, США в 1956–1958 гг. наращивали группировку своих войск в Южной Корее. Она оказалась увеличена более чем в полтора раза: с 50 до 80 тыс. военнослужащих (без гражданского персонала).

Эти силы не включали войска США в Японии, ВМФ, дальнюю авиацию и резервы на островах Тихого океана. Стоит отметить, что сухопутный компонент американских войск в Корее существенно уступал по численности китайскому вплоть до конца лета 1958 года (Hart-Landsberg, Martin, 1998).

Кроме того, США разместили свое тактическое ядерное оружие (ТЯО) на Корейском полуострове.

В сентябре 1956 г. председатель объединённого комитета начальников штабов Артур Рэдфорд после согласования с президентом США Дуайтом Эйзенхауэром и Советом национальной безопасности (СНБ) заявил о решении разместить на территории Южной Кореи ракеты MGR-1 «Онест Джон», и пушки М65 с ядерным снаряжением. Окончательное решение в Белом Доме оказалось принято в июне 1957 г. президентом Дуайтом Эйзехауэром. 663-й батальон полевой артиллерии (280-мм атомные гаубицы) и 100-й батальон полевой артиллерии (ОТРК «Онест Джон», твердотопливная ракета MGR-1), два из пяти резервных подразделений армии США с ядерным оснащением должны были следовать в Корею.

21 июня 1957 г. на заседании комиссии по наблюдению за соблюдением режима прекращения огня США уведомили северокорейских представителей о том, что в одностороннем порядке отменяют 13-й пункт соглашения о прекращении огня. Данный пункт гласил, что обе стороны обязуются не размещать на своей территории никакого ядерного и баллистического оружия.

В январе 1958 г. США перебросили в Южную Корею к демилитаризованной зоне (линии разграничения между КНДР и РК – ДМЗ) 663-й атомный артиллерийский батальон (дивизион). Часть была последней свободной из шести в своем классе (ещё пять располагались в Европе). На вооружении подразделение имело три секретных гаубицы М65, стрелявшие 280-мм атомными снарядами на расстояние от 24 до 30 км (в зависимости от типа боеприпасов).

К гаубицам имелось около 100 ядерных фугасов мощностью 15–20 кт, предназначенных для взлома обороны противника.

2 февраля и 1 мая 1958 г. состоялись пробные, демонстрационные стрельбы «атомных монстров». Это произвело огромное впечатление. На полуострове вновь запахло войной.

Пхеньян ответил переводом своих вооруженных сил в повышенную боевую готовность и строительством ядерных бункеров по всей стране. Кроме того, пехота, занявшая часть ДМЗ, начала рыть противотанковые траншеи, что также нарушало один из пунктов соглашения о прекращении огня.

Большим усилием удалось удержать полуостров от новой эскалации конфликта. Пехотные части КНА оказались отведены с ДМЗ. Была снята повышенная боевая готовность (Jae-Bong, Lee. US Deployment of Nuclear Weapons in 1950s…)[23].

Наступило шаткое равновесие.

В 1959–1960 гг. КНДР оказалась, пожалуй, в одном из самых угрожающих положений в своей истории. Не имея поддержки из иностранных кон-

[22] Там же.

[23] Jae-Bong, Lee. US Deployment of Nuclear Weapons in 1950s South Korea & North Korea's Nuclear Development: Toward Denuclearization of the Korean Peninsula (In English). Available from: https://apjjf.org/-Lee-Jae-Bong/3053/article.html (Accessed September 29, 2019).

тингентов на своей территории, без союзных договорных обязательств, не успевшая восстановиться страна очутилась перед превосходящими силами противника всего в нескольких днях марша от столицы, снабженного к тому же ядерным оружием.

Ценой политической самостоятельности Северная Корея осталась в условиях перспективы вражеского нашествия и полного уничтожения. «В данный период мы постоянно находились на грани новой войны», – отмечал лидер КНДР Ким Ир Сен в своих воспоминаниях (Сайт Университета Ким Ир Сена)[24].

В этих условиях Пхеньян пошел на заключение официального союзного соглашения с Москвой и Пекином. 6 июля 1961 г. с СССР (Договор о дружбе… между СССР и КНДР…)[25], а спустя пять дней, 11 июля 1961 г., с КНР, КНДР подписала договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, содержавшие, в том числе, пункты о вступлении в войну в случае нападения на одну из договаривающихся сторон («11 июля 1961 года в Пекине был подписан…»)[26].

Теперь возможная война США и РК против КНДР неизбежно переходила в разряд ядерного мирового конфликта. Статус «войска КНД» в такой ситуации больше не требовался, однако он, как видно из текста выше, сохранен в КНР по сей день (Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена…, 2018)[27].

Приложение 1. Перечень командующих войсками китайских народных добровольцев в 1953–1958 гг.:

1. Дэн Хуа (кит. 邓华): июль 1952 – сентябрь 1954 г., как исполняющий обязанности командующего; сентябрь – октябрь 1954 г. – в качестве командующего;

2. Янг Дёжи (кит. 杨得志): октябрь 1954 – апрель 1955 г.;

3. Янг Юнг (кит. 杨勇): апрель 1955 – октябрь 1958 г.

Приложение 2. Перечень начальников штаба китайских народных добровольцев в 1953–1958 гг.:

1. Ли Да (кит. 李达): апрель 1953 – февраль 1954 г.;

2. Янг Юнг (кит. 杨勇): февраль 1954 – май 1955 г.;

3. Ван Юнруй (кит. 王蕴瑞): октябрь 1956 – октябрь 1958 г.

Приложение 3. Перечень политкомиссаров войск китайских народных добровольцев в 1953–1958 гг.:

1. Дэн Хуа (кит. 邓华): июль 1952 – октябрь 1954 г.;

2. Ли Чжимин (кит. 李志民): март 1955 – октябрь 1957 г.;

3. Ван Пинг (кит. 王平): октябрь 1957 – октябрь 1958 г.

[24] Сайт Университета Ким Ир Сена в КНДР (на корейском) / 김일성종합대학. [Электронный ресурс]. URL: http://ryongnamsan.edu.kp (25.07.2018).

[25] Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и КНДР от 6 июля 1961 г. (на французском, корейском и русском языках). [Электронный ресурс]. URL: https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20420/volume-420-I-6045-Other.pdf (29.09.2019).

[26] «11 июля 1961 года в Пекине был подписан «Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР» (на китайском) / 1961年7月11日《中朝友好合作互助條約》在北京簽訂. [Электронный ресурс]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/4162/64165/67447/67825/4577963.html (29.09.2019).

[27] Китайская добровольческая армия до сих пор не распущена (на китайском) / 「志願軍」名義參戰至今未解散. – Эппл Дэйли, 2018 г.

Библиографический список

Война в Корее. 1950–1953. Коллектив авторов под руководством Лотоцкого С.С. М.: Полигон. 2000. 928 с.

Ланьков, А.Н. Август 1956 года: кризис в Северной Корее М.: РОССПЭН; Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина. 2009. 350 с.

Bevin, Alexander. Korea: the First War We Lost. – New York, NY: Hippocrene Books, Inc (на английском). – 1986, 558 p. ISBN 978-0-87052-135-5.

Barnouin, Barbara, Yu Changgen. Zhou Enlai: A Political Life. Hong Kong: Chinese University of Hong Kong, 2006, 404 p. (на английском).

Chen, Jian. Mao's China and the Cold War - Beijing and the Taiwan Strait Crisis of 1958 (на английском). – The University of North Carolina Press. – 2001. 416 p.

Hamm, Taik-Young. Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power (на английском). – Routledge. – 2012. – 256 с.

Hart-Landsberg, Martin. Korea: Division, Reunification, & U.S. Foreign Policy (на английском). – Monthly Review Press. – 1998. 288 p.

Li, Xiaobing. A History of the Modern Chinese Army (на английском), Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2007, 432 p.

Zhang, Shu Guang. Mao's Military Romanticism: China and the Korean War, 1950–1953 (на английском). – Lawrence, KS: University Press of Kansas. – 1995, 352 p.

Баосун, Донг, Чжан Лихуа. От перемирия к миру: отчеты по Панмунчжону в условиях кризиса. – Народное издательство «Шаньдун». – 2003. – 266 с. (на китайском) / 董宝训, 张立华. 从停战到和平: 危机笼罩下的 "板门店" 报告: 山东人民出版社, 2003.

Военная история 63-й армии Народно-Освободительной Армии Китая, отредактированная (на китайском) / 中国人民解放军第六十三集团军军史》, 陆军第六十三集团军军史编研室. 2017.

Военная история 64-й армии Народно-Освободительной Армии Китая (на китайском) / 中国人民解放军陆军第64集团军军史》, 陆军第64集团军军史编研室. 1998.

Вэй, Цзюнь. Битва героев. 24-я армия НОАК. Военный Шилин (на китайском). / 君威.百战雄师(二十四)——中国人民解放军第24军[J].军事史林. 2007.

Вэй, Цзюнь. История 46-й армии НОАК. Военный Шилин (на китайском). / 君威. 中国人民解放军第46军军史沿革[J]. 军事史林. 2010.

67-я армия НОАК (расформирована в 1999 году). Вооруженные силы Китая (на китайском) / 解放军陆军第67集团军(99年被撤编). 中国武器大全. 2012.

История 1-й танковой дивизии НОАК. Издание 2015 г. (на китайском) / 装甲第一师历史沿革（2015版).

References

Lototskii S.S. (2000) The war in Korea. 1950–1953. Moscow: Poligon. 928 p. (In Russ.)

Lan'kov, A.N. (2009) August 1956: Crisis in North Korea. Moscow: ROSSPEN; Fund of the first president of Russia B.N. Yeltsin. 350 p. (In Russ.)

Alexander, Bevin. Korea: the First War We Lost. – New York, NY: Hippocrene Books, Inc (in English). – 1986, ISBN 978-0-87052-135-5.

Barnouin, Barbara, Yu Changgen. Zhou Enlai: A Political Life. Hong Kong: Chinese University of Hong Kong, 2006 (in English). ISBN 962-996-280-2.

Chen, Jian. Mao's China and the Cold War - Beijing and the Taiwan Strait Crisis of 1958 (in English). – The University of North Carolina Press. – 2001. 416 p.

Hamm, Taik-Young. Arming the Two Koreas: State, Capital and Military Power (in English). – Routledge. – 2012. – 256 p.

Hart-Landsberg, Martin. Korea: Division, Reunification, & U.S. Foreign Policy (in English). – Monthly Review Press. – 1998. 288 p.

Li, Xiaobing. A History of the Modern Chinese Army (in English), Lexington, KY: University Press of Kentucky, 2007, 432 p.

Zhang, Shu Guang. Mao's Military Romanticism: China and the Korean War, 1950–1953 (in English). – Lawrence, KS: University Press of Kansas. – 1995, 352 p.

Baosong, Dong, Zhang Lihua. From truce to peace: reports on Panmunjeong in times of crisis. - People's Publishing House "Shandong." - 2003. - 266 p. (in Chinese) / 董宝训, 张立华. 从停战到和平: 危机笼罩下的 "板门店" 报告: 山东人民出版社, 2003.

Military history of the 63rd Army of the People's Liberation Army of China, edited (in Chinese) / 中国人民解放军第六十三集团军军史》, 陆军第六十三集团军军史编研室. 2017.

Military history of the 64th Army of the People's Liberation Army of China (in Chinese) / 中国人民解放军陆军第64集团军军史》, 陆军第64集团军军史编研室. 1998.

Wei, Jun. Battle of the heroes. 24th PLA Army. Military Shilin (in Chinese). / 君威.百战雄师(二十四)——中国人民解放军第24军[J].军事史林. 2007.

Wei, Jun. History of the 46th Army of the PLA. Military Shilin (in Chinese). / 君威.中国人民解放军 第 46 军军 史沿革 [J].军事 史 林. 2010.

67th Army of the PLA (disbanded in 1999). Armed forces of China (in Chinese) / 解放军 陆军 第 67 集团军 (99 年 被 撤编).中国 武器 大全. 2012.

The history of the 1st armored division of the PLA. 2015 Edition (in Chinese) / 装甲 第一 师 历史 沿革 （2015 版).

История 47-й армии (на китайском) / 陆军第47集团军历史沿革. 2017.

Китайские войска. Перечень и организация армий НОАК, с 1 по 70 (на китайском). / 中文：中国人民解放军1-70军组织及部队番号全集. 2015.

Мэн Чжаохуэй: «Анализ количества жертв среди добровольцев в войне против американской агрессии и при помощи Корее», «Военная история», № 2, 2012 г. (на китайском) / 孟照辉：《抗美援朝战争志愿军伤亡人数辨析》，发表于《军事历史》2012年第2期.

Chinese Military Science Academy. 抗美援朝战争史 (History of War to Resist America and Aid Korea in 3 Volumes). – Beijing: Chinese Military Science Academy Publishing House (на китайском). – 2000.

Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营). Chinese People's Volunteer Army Order of Battle / 中国人民志愿军序列. – Beijing: Chinese People's Liberation Army Publishing House (на китайском). – 1987, OCLC 298945765.

Li Tsvivey. The Korean war. – Academy of military sciences (на китайском). – 1983 / 李奇微：《朝鲜战争》，军事科学院外国军事研究部译，1983年10月.

Критерии авторства

И.А. Топчий выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Сведения об авторе

Топчий Илья Альбертович,
аспирант кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: authoranalitic@rambler.ru

History of the 47th Army (in Chinese) / 陆军 第 47 集团军 历史 沿革. 2017.

Chinese troops. The list and organization of the armies of the PLA, from 1 to 70 (in Chinese). / 中文 ： 中国人民解放军 1-70 军 组织 及 部队 番号 全集. 2015.

Meng Zhaohui: “Analysis of the number of casualties among volunteers in the war against American aggression and with the help of Korea”, “Military History”, No. 2, 2012 (in Chinese) / 孟 照 辉 ： 《抗美援朝 战争 志愿军 伤亡 人数辨析》， 发表 于 《军事 历史》 2012 年 第 2 期.

Chinese Military Science Academy. 抗美援朝战争史 (History of War to Resist America and Aid Korea in 3 Volumes). – Beijing: Chinese Military Science Academy Publishing House (in Chinese). – 2000.

Hu, Guang Zheng (胡光正); Ma, Shan Ying (马善营). Chinese People's Volunteer Army Order of Battle / 中国人民志愿军序列. – Beijing: Chinese People's Liberation Army Publishing House (in Chinese). – 1987, OCLC 298945765.

Li Tsvivey. The Korean war. – Academy of military sciences (in Chinese). – 1983 / 李奇微：《朝鲜战争》，军事科学院外国军事研究部译，1983年10月.

Attribution criteria

I.A. Topchiy performed research work, based on the results obtained and generalized, prepared the manuscript for publication, has copyrights to the article, and is fully responsible for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Information about the author

Ilya A. Topchiy,
Post-graduate student of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: authoranalitic@rambler.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 352(571.54)(091)
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-257-261

Новые страницы истории Якутии: рецензия на сборник документов «История долины Эн'сиэли в русских документах XVII века». Вып. 1*

© И.Ю. Ванина

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Публикация представляет собой рецензию на сборник документов «История долины Эн'сиэли в русских документах XVII века». В ней автор показал основные направления возможных исследований с использованием данных материалов, информацию, которую можно почерпнуть из новых архивных материалов, новые подходы в оценках событий данного периода, используемые составителями сборника в комментариях.

Ключевые слова: Якутия, история, документы, освоение территории, политика государства, коренное население, комментарии

Информация о статье: Дата поступления 10 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Ванина И.Ю. Новые страницы истории Якутии: рецензия на сборник документов «История долины Эн'сиэли в русских документах XVII века». Вып. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 257–261. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-257-261

New pages in the history of Yakutia: review of the collection of documents "History of the En'sieli Valley in Russian Documents of the 17th Century". Issue 1*

© Irina Yu. Vanina

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The publication is a review of a collection of documents "History of the valley En'siely in Russian documents XVII century". The author showed the main direction of possible research by using new data as well as new approaches in assessing of the events of this period that provided by the compilers of the collection in their comments.

Keywords: documents, history, Yakutia, development of territory, government policy, aboriginal population, comments

Article info: Received February 10, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Vanina I.Yu. (2020) New pages in the history of Yakutia: review of the collection of documents "History of the En'sieli Valley in Russian Documents of the 17th Century". Issue 1. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 257–261. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-257-261

---

* История долина Эн'сиэли в русских документах XVII века : сборник документов / отв. ред. А.А. Борисов. Иркутск: Оттиск, 2019. Вып. 1. 384 с.

* The history of En'sieli Valley in Russian documents of the XVII century: a collection of documents / ed. by A.A. Borisov. Irkutsk: Ottisk, 2019. Issue. 1. 384 p.

Выход в свет сборников новых архивных материалов всегда значимое явление в жизни исторического сообщества. Появляется возможность углубить существующие представления об известных событиях, выявить новые неизученные темы или даже изменить принятые оценки явлений и событий, посмотреть на них под другим углом зрения. Интерес к национальным корням, истокам своей истории стимулирует интерес общества к подобным изданиям.

Новый сборник документов «История долины Эн'сиэли в русских документах XVII века», вышедший в Иркутске в 2019 г. (384 с.), позволяет дополнить имеющиеся представления новыми данными о первых контактах якутов с русскими землепроходцами. Составителями являются доктор исторических наук А.А. Борисов, специалист по социальным отношениям якутов в период нового времени, и краевед, руководитель исследовательского проекта по изучению архивных материалов по истории данного региона У.Д. Сивцева. В данное издание вошли архивные материалы из Российского государственного архива древних актов – РГАДА (г. Москва). Сборник содержит тридцать документов, сгруппированных по трем разделам: общественные отношения; Якутский (Ленский) острог; региональная политика Русского государства и улусная элита якутов.

В собрание включены комментарии составителей к каждому документу и сделаны приложения – фото оригинальных текстов, что можно оценить положительно. Сборник дополняет вышедшие ранее собрания документов по истории Ленского края, «Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII века» (Колониальная политика Московского государства…, 1936), «Материалы по истории Якутии XVII века» в трех томах (Материалы по истории Якутии, 1970), Попов Г.А. (Попов, 2009).

Приведенные грамоты, челобитные, «отписки», «расспросные речи» написаны в разные периоды XVII века и обращены к царям Михаилу Федоровичу, царевичам Петру I и Ивану Алексеевичу, Софье Алексеевне, Алексею Михайловичу. Значимым является то, что документы относятся к

XVII веку, т. е. периоду, который вызывал и вызывает дискуссии среди историков и провоцирует политические акции (волнения студентов в Якутске в 1986 г.). Это было время острых противоречий между местным населением и русскими переселенцами, период поиска адаптации и приспособления к новой ситуации. Вопрос о «завоевании» и «добровольном подчинении» остро обсуждавшийся в 30–60-е годы XX в. (дискуссии И.М. Троцкого, С.А. Токарева, Ф.Г. Сафронова, П. Башарина), периодически возникает и требует документального подтверждения.

Проблема вхождения Якутии в состав русского государства имеет много аспектов, которые надо учитывать: изменение позиции якутской знати по отношению к русским (быстро поняли выгодность сотрудничества), разногласия внутри самого якутского общества, злоупотребления русской администрации, провоцирующие протест аборигенного населения, поэтому информационный потенциал новых источников очень важен.

Сборник объединил челобитные как служилых и промысловых людей, так и челобитные якутов, что помогает составить более объективную историческую картину, увидеть ее глазами обеих сторон.

Отчеты приказных людей, материалы переписи населения 1642 г. будут полезны изучающим социальные вопросы сибирской истории. Введенные в оборот документы позволяют проследить социальные процессы, протекавшие в якутском обществе. Общественный строй якутов, социальное расслоение (различное количество скота у семей), деление населения на ясачных и неясачных, количество ясака, выплачиваемого якутами, годовые оклады, соотношение размера ясака и имущественного положения, проблемы с установлением порядка в его сборе, оскудение соболиного промысла, нормы обычного права, уровень преступности среди коренного населения, существующие цены на разные виды скота, брачно-семейные отношения, система колыма, его размер и состав приданного, отношения с соседним эвенкийским населением – все эти явления нашли отражение в документах.

Приведенные в архивных материалах имена якутов свидетельствуют о низком в тот период уровне христианизации местного населения, но в документах мы видим свидетельства о первых случаях христианизации и переходе крещеных к занятиям земледелием.

Послужные списки служилых людей позволяют проследить пути продвижения русских в Сибирь. Перечень городов, которые давали первых переселенцев (Вологда, Устюг, Ярославль, Пермь, Холмогоры, Томск, Енисейский острог), подтверждает устоявшуюся точку зрения о роли северных городов России в освоении Сибири. В документах присутствует разнообразный материал о социальных группах переселенцев.

Отношениям местного населения с российской центральной и местной властью посвящен ряд документов. Они демонстрируют сложный характер взаимоотношений, разногласия внутри якутской элиты по отношению к русской администрации, но во всех челобитных якутов видно признание центральной царской власти, в которой местное население видело для себя защитников от произвола местных властей. «Челобитная якутов о посылке в Москву депутации якутских князцов» (История долины Эн’сиэли…, 2019. С. 97) свидетельствует о стремлении напрямую связаться с Москвой, минуя местную русскую администрацию.

Надо отметить, что этот документ ранее был уже введен в оборот исследователем С.А. Токаревым и рассмотрен в статье В.Н. Иванова (Иванов, 2017). Из материалов документов видно, что московская власть стремилась удовлетворить просьбы населения. Запрещено было русским охотиться в традиционных местах якутов, предписано было не применять насилия, не обращать якутов в крепостных и не продавать их.

Документы позволяют уточнить обстоятельства похода В. Пояркова 1642 г., который должен был доставить якутов, готовивших вооруженное выступление против русской администрации, и заниматься поиском пропавших казаков во главе с О. Галкиным. Поход привел к вооруженной борьбе с бегунскими якутами, засевшими в остроге, расположенном на острове. В советской историографии это событие описано С.А. Токаревым, О.В. Ионовой. Авторы приводят большое количество жертв – якутов в ходе осады и поджоге острога, но прямых ссылок на документы нет. Введенные в оборот новые архивные документы позволяют усомниться в количественных данных советских исследователей, уточнить дату похода В. Пояркова и роль некоторых участников похода (якутского князца Чегуная). Архивные материалы подтверждают противоречивость позиций якутского общества по отношению к московской власти: в составе отряда В. Пояркова перечисляются и участвовавшие в походе якуты.

Документы демонстрируют неоднозначное отношение якутских племен к казакам, промысловым людям, раскол среди них. Приводятся примеры случаев принуждения якутскими князьями населения к вооруженной борьбе с русскими. Большую роль в установлении мирных отношений сыграл родоначальник намских якутов – князь Мымак и его потомки, которые поняли положительные

последствия дружественных отношений с российской властью. Представляется, что в комментариях необходимо было разъяснить некоторое противоречие в оценках этой личности в документах сборника и материалах, приведенных в сборнике документов, составленных Г.А. Поповым. Г.А. Попов упоминает, что первоначально Мымак участвовал в восстании 1634 г. против якутских властей (Попов, 2009. С. 48). Видимо, он вскоре изменил свою позицию. Многие документы, приведенные в новом сборнике, характеризуют его деятельность, как направленную на мирное сотрудничество. Авторы комментариев высоко оценивают личность князя Мымака, отмечая его «принципиальность, верность данному слову, организаторские качества и поистине государственный ум» (История долины Эн'сиэли…, 2019. С. 129).

Тем не менее часты были и военные столкновения между русскими переселенцами и местным населением. Не зря В. Поярков отмечал: «Земля Якутская вся немирная» (История долины Эн'сиэли…, 2019. С. 27), то есть фактор завоевания играл значительную роль. Документы позволяют определить причины этих столкновений и отмечают борьбу внутри самого служилого сословия. Составители сборника определяют свою позицию в дискуссии о «завоевании и мирном присоединении». Авторы в комментариях высказывают мысль о том, что не классовая борьба, не межнациональные противоречия стали причиной военных столкновений в Якутии, а злоупотребления казачьих атаманов и стремление вовлечь коренное население во внутреннюю борьбу воеводской администрации. Кроме того, как свидетельствуют документы, отсутствие четкой системы установления ясачных сборов, естественная борьба за сферы обитания также провоцировали военные конфликты. В связи с этим авторы полагают необходимым отказаться от оценок якутских князей, данных им в советской историографии, «как предателей своего народа», сотрудничавших с русской администрацией. На примере Мымака они утверждают, якутский народ поддерживал своих племенных князей и не считал их «предателями», что привело к «сравнительно мирному пути» вхождения Якутии в состав Московского государства.

Раздел, объединяющий документы по истории Якутского (Ленского) острога, позволяют получить определенное представление о жизни жителей острога, об использовании некоторое время старого острога в качестве хранилища запасов. По документам видно, что посещение старого острога и отъезд из нового были под строгим контролем администрации (распоряжение: «по улусам не гулять»), для подобных действий необходимо было получить разрешение местной власти.

Введение новых архивных материалов предоставляет новые возможности для исторических исследований, поэтому можно только приветствовать подобные издания. В дошедших до нашего времени актах мы находим лишь отрывочные и ограниченные упоминания о прошлых событиях, что делает изданный сборник документов, представивший новые материалы, ценным для восстановления картины прошлого Якутского края и истории нашего государства.

Библиографический список

Иванов В.Н. Представители якутского народа на приеме у русского царя (1676 год) // Новый исторический вестник. 2017. № 1. С. 6–30.

Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. : сборник [архивных] документов / под общей редакцией Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова; вступительная статья И.М. Троицкого. Ленинград: Изд-во Института народов Севера ЦИК СССР им. П.Г. Смидовича, 1936. XXXII. 281 с.

Материалы по истории Якутии XVII века. (Документы ясачного сбора). В трех томах / ред. Т.М. Швецова. М.: Наука, 1970. 1269 с.

References

Ivanov V.N. (2017) Representatives of Yakut people at the reception of Russian tsar (1676 year). *Novyi istoricheskii vestnik* = The New Historical Bulletin. No 1. P. 6–30. (In Russ.)

Alkor Y.P., Grekov B.D. (1936) Colonial policy of Moscow State in Yakutia in XVII cen.: Collection of archival documents. Leningrad: Publishing House of Institute of the Peoples of the North, XXXII. 281 p. (In Russ.)

Shevtsova T.M. (1970) Materials of the Yakut history XVII c. (Documents about yasack charges). In 3 vol. Moscow: Science. 1269 p. (In Russ.)

Попов Г.А. Сочинения. Якутия: сборник документов и материалов по истории Якутской АССР. Якутск, 2009. Т. 4. 480 с.

Popov G.A. (2009) Essays. Yakutia. Collection of documents and material of Yakutskaya ASSR history. Yakutsk. Vol. 4. 480 p. (In Russ.)

Критерии авторства

И.Ю. Ванина провела научное рецензирование, на основании полученных результатов и выводов сделала обобщение и оценки, подготовила рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

I.Yu. Vanina had got a scientific review, summarized the evaluations, wrote the manuscript, has copyrights for its originality.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Ванина Ирина Юрьевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: polina22K09@yandex.ru

Information about the author

Irina Yu. Vanina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor of the Department of History and Philosophy,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: polina22K09@yandex.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-262-271

Виталий Георгиевич Смагин. Художник, педагог, общественный деятель

© Е.В. Сергейчук

Иркутский национальный исследовательский технический университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Статья приурочена к 90-летнему юбилею ИРНИТУ, посвящена деятельности и творчеству Виталия Георгиевича Смагина (1937–2015), народного художника России, профессора, основателя и заведующего кафедрой монументально-декоративной живописи ИрГТУ (1994–2015), Почётного гражданина г. Иркутска. С 1982 по 1989 гг. Смагин был избран в Городской Совет народных депутатов, позже участвовал в заседаниях градостроительного совета при губернаторе Иркутской области. В.Г. Смагин – автор многих известных живописных и графических работ, крупных, общественно значимых произведений монументально-декоративного искусства в Иркутске, таких как Мемориальный комплекс «Вечный огонь» (1975); Мемориал «Воинам, умершим от ран в госпиталях Иркутска в 1941–1945 гг.» (1977); «Памятник жертвам репрессий» (1988) и др. В июне 2017 г. Виталию Георгиевичу исполнилось бы 80 лет, с 2017 г. кафедра монументально-декоративной живописи и дизайна ИРНИТУ носит его имя. В 2019 г. направлению монументально-декоративной живописи ИРНИТУ исплнилось 25 лет. Приводится краткая информация о биографии мастера, основных направлениях его деятельности: творческой, педагогической, общественной, размышления о пути в изобразительном искусстве. В.Г. Смагин внес значительный вклад в монументально-декоративное и изобразительное искусство России, явился одним из основателей высшего художественного образования в Иркутске на базе ИрГТУ, 1994.

Ключевые слова: Виталий Георгиевич Смагин, кафедра монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина ИРНИТУ, высшее художественное образование в ИРНИТУ, монументально-декоративная живопись, народный художник России, член-корреспондент Российской академии художеств, Мемориал «Вечный огонь» (г. Иркутск), Мемориал «Воинам, умершим от ран в госпиталях Иркутска в 1941–1945 гг.», роспись «Содружество», Памятник жертвам репрессий (г. Иркутск)

Информация о статье: Дата поступления 2 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 25 февраля 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Сергейчук Е.В. Виталий Георгиевич Смагин. Художник, педагог, общественный деятель // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 262–271. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-262-271

Vitaliy Smagin. Artist, pedagogue, social activist

© Elena V. Sergeichuk

Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk, Russia

Abstract: The article is dedicated to the 90th anniversary of IRNITU, and to the activities and work of Vitaly Georgievich Smagin (1937–2015), Russian national artist, professor, founder and head of the Department of Monumental and Decorative Painting at ISTU (1994–2015), an honorary citizen of Irkutsk. In 1982–1989 Smagin was elected to the City Soviet of People's Deputies, later participating in meetings of the Town Planning Council under the Governor of the Irkutsk Region. V.G. Smagin is the author of many famous painting and graphic works, large, socially significant works of monumental and decorative art in Irkutsk, such as the Eternal Flame Memorial Complex, 1975; The memorial "To soldiers who died from wounds in the hospitals of Irkutsk in 1941-1945", 1977; "Monument to the Victims of Repression", 1988, etc. In June 2017, Vitaly Georgievich would have turned 80 years old, since 2017, the Department of Monumental and Decorative Painting and Design at IRNITU bears his name. In 2019, the Direction of Monumental and Decorative Painting at IRNITU celebrated its 25th anniversary. Brief information is given on the biography of the master, the main directions of his activity: creative, pedagogical, social, reflections

on the path in the fine arts. V.G. Smagin made a significant contribution to the monumental, decorative and visual art of Russia, was one of the founders of higher art education in Irkutsk on the basis of ISTU (IRNITU) (1994).

Keywords: Vitaly Georgievich Smagin, Smagin Department of Monumental and Decorative Painting and Design of IRNITU, higher art education at IRNITU, monumental and decorative painting, People's Artist of Russia, Memorial “Eternal Flame” (Irkutsk), The memorial “To soldiers who died from wounds in the hospitals of Irkutsk in 1941–1945”, painting “Commonwealth”, Monument to the victims of repression in Irkutsk

Article info: Received February 2, 2020; accepted for publication February 25, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Sergeichuk E.V. (2020) Vitaliy Smagin. Artist, pedagogue, social activist. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 262–271. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-262-271

Виталий Георгиевич Смагин (1937–2015), народный художник России (рис. 1), член-корреспондент Российской академии художеств, профессор, заведующий кафедрой монументально-декоративной живописи ИрГТУ с 1994 по 2015 годы, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, Почётный гражданин города Иркутска.

Виталий Георгиевич родился 14 июля 1937 года в подмосковном Братцево, ныне Москва, в семье учителей. Во время Великой Отечественной войны, в 1941 году, семья Смагиных была эвакуирована из прифронтовой полосы в Алтайский край. Окончив среднюю школу, Виталий Георгиевич работал учителем рисования в школе, художником на заводе.

Рис. 1. Народный художник России В.Г. Смагин
Fig. 1. People’s Artist Vitaliy G. Smagin

В 1960–1965 годы Смагин обучался в Иркутском художественном училище, одном из старейших в России. Его преподавателями были известные педагоги, одни из ведущих живописцев Иркутска: Г.В. Казаков, М.Д. Воронько, В.В. Тетенькин.

В 1966 году Виталий Смагин, прошедший огромный конкурс, поступил в прославленное Ленинградское высшее художественно-промышленное училища им. В.И. Мухиной (ныне Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А.Л. Штиглица), на отделение монументально-декоративной живописи, в мастерскую профессора Г.А. Савинова.

В 1971 году, после окончания вуза, В.Г. Смагин был приглашен в Иркутск на должность главного художника города, пробыл на этой должности около десяти лет. Он внес наиболее существенный вклад в развитие монументально-декоративного искусства в Иркутске. Именно в этот период разрабатывается и утверждается «Положение о главном художнике города». Впервые был создан План художественного оформления города, определяющий дислокацию малых архитектурных форм, наглядной агитации, визуальной рекламы, произведений монументально-декоративного искусства. Выполняя сложные обязанности организатора художественного оформления города, Виталий Георгиевич много и успешно работает творчески (Художники городу: альманах, 2011).

В 1972 году Виталий Смагин создает роспись «Юные художники» в интерьере Театра юного зрителя в Иркутске, к сожалению, до наших дней роспись не сохранилась.

В этом же году Виталий Георгиевич назначается Председателем Городского художественного совета.

С 1972 по 1978 годы преподавал рисунок, живопись, композицию в Иркутском училище искусств на вечернем отделении.

70–80-е годы прошлого столетия ознаменованы для В.Г. Смагина большой творческой работой по созданию крупных, общественно значимых произведений монументально-декоративного искусства в г. Иркутске. Это, прежде всего, работа над проектом Мемориального комплекса «Вечный огонь» в память об иркутянах, погибших в годы Великой Отечественной войны (рис. 2). Мемориальный комплекс как архитектурный ансамбль является важной частью общественно-политического и культурного центра города (Сергейчук, 2016). Местом для мемориала была выбрана набережная р. Ангары возле сквера им. Кирова, откуда в 1941-м уходили на фронт маршевые батальоны иркутян. Художнику удалось создать ансамбль, вызывающий чувство торжественной приподнятости, создающий атмосферу нравственной и гражданской ответственности перед лицом истории. Мемориал является объектом культурного наследия регионального значения. Он был торжественно открыт 8 мая 1975 г., в честь 30-летия Победы в Великой Отечественной войне. Художник проекта – В.Г. Смагин, архитектор – В.Н. Федорин, инженер-проектировщик – Р.М. Шаврина. Текст эпитафии написал М.Д. Сергеев. Руководил строительством председатель Иркутского горисполкома Н.Ф. Салацкий.

В 1977 г. было завершено благоустройство прилегающей территории Мемориала «Воинам, умершим от ран в госпиталях Иркутска в 1941–1945 гг.», приуроченное к 60-летию Октябрьской Революции. Мемориальный комплекс расположен в Иркутске на улице Станиславского, состоит из памятного знака в виде стилизованной звезды с одноименным текстом, плиты с перечнем фамилий погибших – их 601, стелы и 296 надгробных плит. Автор памятного знака, главный художник города – В.Г. Смагин. «По решению облисполкома от 25 марта 1985 г. № 149 «Место захоронения воинов, умерших от ран в госпиталях Иркутска в 1941–

Рис. 2. Мемориальный комплекс «Вечный огонь», Иркутск, 1975, художник В.Г. Смагин, фото Е. Гаврилова
Fig. 2. The memorial monument “Eternal Flame”, Irkutsk, 1975, artist Vitaliy G. Smagin, photo by E. Gavrilov

1945 гг.», поставлено под государственную охрану как памятник истории местного значения. Сооружение мемориала имело огромное значение. Стали постоянными посещения воинского захоронения иркутянами, гостями города, различными делегациями, родными, приезжавшими из разных мест страны, возложение цветов и гирлянд. Это вошло в добрую и неизменную традицию» (Пономарева, 2010).

В пригороде Иркутска, у поселка Пивовариха расположено Мемориальное кладбище жертв репрессий 1930-х годов. В 1937–1938 годах на этом месте работники НКВД тайно хоронили жертв незаконных репрессий. Часть заключенных была здесь же и расстреляна. В 1988 г. на этом месте был открыт «Памятник жертвам репрессий», автор проекта Виталий Смагин.

Эти работы относятся именно к монументам, скульптурным композициям.

В 1974–75 годах, параллельно с другими крупными проектами Виталий Смагин работает над созданием монументально-декоративной росписи (фрески) «Содружество» в Иркутском дворце спорта «Труд». «Роспись изначально была задумана в интерьере Дворца спорта архитектором и писалась параллельно со строительством здания. Поэтому ее важность в архитектурном и историческом смысле сложно переоценить. Чтобы приступить к росписи, необходимо было согласовать работу с высшим руководством. Будущее произведение «Содружество» утвердила комиссия Союза монументалистов РСФСР, председателем которой являлся Заслуженный художник, лауреат Государственной премии СССР Борис Тальберг» (Сергейчук, Довнич, Хишигбат Оидов Тумед, 2019), – вспоминал Виталий Георгиевич. В девяностые годы прошлого века пространство вестибюля было отдано в аренду под торговые павильоны, охраной росписи никто специально не занимался, поэтому на уровне человеческого роста на стене появились многочисленные повреждения. Весьма символично, что в 2015 г., спустя 40 лет после создания, незадолго до ухода из жизни мастера, роспись была успешно восстановлена силами его учеников, преподавателями кафедры, при содействии руководства спорткомплекса (Сергейчук, Довнич, Хишигбат Оидов Тумед, 2019). «Содружество» является единственной, сохранившейся в Иркутске росписью советского периода. Ее тема отражает дух, характер того времени – олицетворяет содружество людей в спорте, культуре, освоении космоса, науке. Несмотря на идеологические ограничения, работа является произведением искусства, отмеченная искусствоведами. Студенты кафедры ежегодно копируют фрагменты фрески, имеют возможность изучить первоисточник.

Несколько в ином идейно-смысловом плане выполнена мозаика на здании Лимнологического института СО РАН – «Ритмы Байкала» 1989 г., Иркутск, улица Улан-Баторская, 3 (рельеф, мозаика, смальта). В основе мозаичного произведения лежит абстрактная композиция, символизирующая водную стихию. Со слов заслуженного работника культуры России, искусствоведа Марины Чертоговой: «Динамика ритмических построений – пространственных, пластических, цветовых, пронизывает композицию насквозь, как главная составляющая образной поэтики мозаики «Ритмы Байкала». Произведение построено исключительно на стилизованном изображении, рассчитанном на образное восприятие. Стоит подчеркнуть, что данное произведение монументальной живописи не потеряло актуальности и сегодня (Сергейчук, 2016).

С 1975 г. Смагин – участник многих зональных, республиканских, всероссийских, международных художественных выставок. В 1975 году он принят в члены Союза художников СССР, с 1982 по 1987 год возглавлял Иркутскую организацию Союза художников РСФСР. Это время характеризуется активной творческой работой иркутских художников, создавших произведения, которые заняли достойное место на таких значительных выставках, как зональная «Сибирь социалистическая» в Кемерово; Республиканская «По родной стране», г. Москва; Всесоюзная «Художник и время», г. Москва и другие. Был принят в эксплуатацию Дом творчества на Байкале (поселок Листвянка), где активно проходили семинары, пленэры и фестивали искусств. Это был Центр творческой работы Союза художников в Сибири. Виталий Георгиевич участвовал в органи-

зации культурных программ, таких как «Дни культуры Иркутска в Кузбасе», «Дни культуры Иркутска в Москве», «Художники флоту», «Художники БАМу» и другие. Многие молодые художники стали членами Союза художников СССР.

1982–1989 годы – В.Г. Смагин избирается в Городской совет народных депутатов восемнадцатого, девятнадцатого и двадцатого созывов.

За заслуги в области советского изобразительного искусства Президиум Верховного Совета РСФСР Указом от 8 апреля 1985 года присвоил В.Г. Смагину почетное звание «Заслуженный художник РСФСР».

1989 год – Виталий Георгиевич избран на должность профессора кафедры «Рисунка, живописи и скульптуры» архитектурного факультета Иркутского государственного политехнического института. С этого времени он активно занимается проблемой создания в Иркутске высшей художественной школы. В 1993 году ему присвоено ученое звание – профессор.

В этом же, 1993 году, В.Г. Смагину присвоено почетное звание «Народный художник Российской Федерации».

В 1994 г. Виталий Георгиевич явился основателем кафедры монументально-декоративной живописи ИрГТУ. Создание кафедры и открытие факультета изобразительных искусств в Иркутском государственном техническом университете при содействии ученого совета университета и лично ректора С.Б. Леонова стало важным событием в системе высшего образования России и событием в культурной жизни Сибири. В первые годы создания на кафедре вместе с ее основателем трудился старейший педагог в области изобразительного искусства, преподаватель Виталия Георгиевича в Иркутском художественном училище, заслуженный работник культуры М.Д. Воронько. Сегодня на кафедре преподают выпускники разных лет, высокопрофессиональные специалисты, члены Иркутского регионального отделения Всероссийской творческой общественной организации «Союз художников России» (рис. 3).

«Важным качеством выпускников является умение создавать художественные проекты в синтезе с архитектурной средой и самостоятельно исполнить их в материале средствами монументально-декоративной живописи в техниках: витраж,

Рис. 3. Преподаватели кафедры на открытии персональной выставки В.Г. Смагина, 2008
Fig 3. Teachers of the Department at the opening of a personal exhibition of V.G. Smagin, 2008

роспись, мозаика, гобелен, сграффито, декоративный рельеф. Произведения монументально-декоративной живописи, дипломные работы выпускников кафедры органично вошли в интерьеры университета, придавая стандартно-безликой архитектуре черты современного учебного заведения, наполнив его своеобразной энергией произведений изобразительного искусства. Российская академия художеств не раз отмечала коллектив кафедры благодарностями «За подготовку профессиональных кадров художников», – подчеркивал Виталий Георгиевич (Пространство творчества, 2004)[1]. Выпускники кафедры серьезно заявили о себе созданием мозаик, витражей и других произведений для Байкальского государственного университета экономики и права, Музея истории города Иркутска, Научной библиотеки им. В.Г. Распутина Иркутского государственного университета, Иркутского национального исследовательского технического университета. В нынешнее время интерьеры нашего университета продолжают пополняться новыми современными произведениями монументальной живописи – дипломными работами нынешних выпускников кафедры. Учитывая этот факт, Иркутский национальный исследовательский технический университет по праву может быть назван музеем современного искусства.

На базе кафедры продолжает существовать творческая студия, которую организовал Виталий Георгиевич, он всегда поддерживал своих выпускников, помогал решать творческие проблемы, вдохновлял на создание новых произведений.

Выпускники кафедры являются членами Союза художников России, членами Союза дизайнеров России, членами молодежной секции Иркутского регионального отделения «Союз художников России». Их творческие работы получают награды на престижных Международных, Всероссийских, Региональных художественных выставках.

В 2002 г. в Иркутском областном художественном музее имени В.П. Сукачева прошла первая выставка «Виталий Смагин и его ученики». В 2010 г. реализован выставочный проект «Наша школа – школа Смагина» (рис. 4). На масштабных выставках в центральных залах музея были представлены работы Виталия Георгиевича, учебные и творческие работы студентов и выпускников кафедры, выполненные в самых разнообразных техниках и материалах от масляной живописи до мозаик, гобеленов и витражей. Выставки имели большой резонанс, вызывали интерес среди коллег, студентов, любителей изобразительного искусства.

«Ценя смелость и свободу самовыражения, оригинальность художественного мышления, Виталий Георгиевич в то же время в своем творчестве опирается на серьезную школу и ответственное отношение к профессии художника. Многолетняя педагогическая деятельность В.Г. Смагина основана на широком кругозоре и профессионализме. Как мастер своим творчеством он влияет на становление молодых художников. Многие из них, не только непосредственные ученики, считают его своим учителем», – подчеркивал А.И. Алексеев, народный художник России, действительный член Российской Академии художеств, председатель Государственной аттестационной комиссии кафедры монументально-декоративной живописи ИрГТУ на протяжении двадцати лет (Смагин, 2002)[2].

Среди учеников В.Г. Смагина разных лет можно выделить известных Иркутских художников: живописцев, дизайнеров, ювелиров, членов Иркутского регионального отделения «Союза художников России»: Б.В. Десяткина – известного живописца; А.П. Лодянова – ныне заслуженного художника России, ювелира, художника декоративно-прикладного искусства; В.И. Югатова, В.И. Соколова, И.А. Ширшкова и других.

В 2008 г. Виталий Георгиевич публикует уникальное учебное пособие «Пространство творчества. От замысла к созданию произведения монументально-декоративного искусства», посвященное методике практического изучения специальных дисциплин направления «Монументально-декоративное искусство», иллюстрированное учебными, дипломными работами студентов кафедры, работами известных мастеров.

[1] Пространство творчества. Иркутск: Артиздат, 2004. 40 с.

[2] Виталий Смагин и его ученики. Альбом-каталог. Иркутск: Артиздат, 2002. 48 с.

Рис. 4. На открытии выставки «Наша школа – школа Смагина», Иркутск, 2010
Fig. 4. At the opening of the exhibition "Our School – Smagin School", Irkutsk, 2010

С 2013 года на кафедре при содействии Виталия Георгиевича, руководства университета работает учебно-исследовательская лаборатория обработки материалов. Проводятся эксперименты с различными материалами такими, как стекло, горячие эмали, создаются художественные произведения и учебные работы в техниках «фьюзинг», «горячая эмаль».

В.Г. Смагин, кроме перечисленных, имеет множество заслуженных наград и званий. Вот лишь основные из них:

1980 г. – Лауреат премии Министерства культуры и секретариата Союза художников РСФСР.

1985 г. – Золотая медаль ВДНХ СССР, г. Москва, за создание произведений «К Давану» и «Бам шагает».

1996 г., 2003 г., 2011 г. – Трижды Лауреат премии губернатора Иркутской области в области культуры и искусства: в 1996 г. за цикл произведений «Свет Байкала»; в 2003 г. за создание художественных произведений «Прародительница», «Рождение Булагата», «Огонь»; в 2011 г. за создание цикла произведений живописи «Мифы Прибайкалья».

1996 г. – Присвоено звание «Ветеран труда».

2000 г. – За заслуги в области образования Российской Федерации награжден нагрудным знаком «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации».

2001 г. – Решением городской Думы г. Иркутска избран Почетным гражданином города Иркутска (рис. 5).

2003 г. – Золотая медаль Российской академии художеств.

2008 г. – Медаль Ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

2008 г. – Избран членом-корреспондентом Российской академии художеств.

2009 г. – Золотая медаль СПГХПА им. А.Л. Штиглица «Традиции. Школа. Дерзание».

2009 г. – Избран почетным профессором Иркутского государственного технического университета.

2010 г. – Нагрудный знак «Творчество, Мастерство, Духовность».

2011 г. – Золотая медаль Союза художников России «Василий Суриков».

В.Г. Смагин разработал знак Почетного гражданина города Иркутска, в виде многоконечной звезды, с лучами из нефрита и Гербом Иркутска в центре. Этот знак, сам по себе, является произведением дизайнерского и ювелирного искусства, его по сей день вручают выдающимся гражданам города.

Виталий Георгиевич всегда сохранял высокую гражданскую позицию, воспитывал, обучал, молодое поколение, своих студентов, прививал им любовь к искусству, любовь к родному городу, родному краю. На протяжении многих лет Смагин являлся членом Городского Совета народных депутатов, участвовал в заседаниях градостроительного совета при Губернаторе Иркутской области, воспевал в своих произведениях родное Приангарье, Байкал, красоту его природы, высоконравственных талантливых людей, прославивших своим трудом Иркутскую область, г. Иркутск.

Все же одним из основных призваний в жизни Виталий Георгиевич считал живопись. В конце 80-х годов прошлого столетия, на пятидесятилетнем рубеже жизни, творчество художника претерпевает значительные изменения, происходит переосмысление всей творческой системы. «У Виталия Смагина возникло острое желание отойти от описательности, «сюжетности» и обратиться к подлинности собственного сокровенного переживания. Раскрыть мир внутренних чувств и образов, дать им художественное воплощение. Весь корпус работ художника пронизан ощущением тайны жизни, которую для него излучает все сущее. Примечательно, что главенствует эта тема и в работах его учеников. Он сумел передать им свой художнический взгляд на жизнь, некое направление и уровень размышлений об искусстве и жизни», – рассуждает Ада Сафарова, искусствовед, главный редактор журнала Московского музея современного

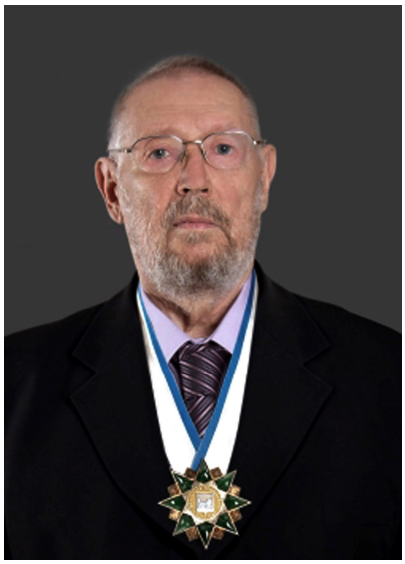


Рис. 5. В.Г. Смагин, Почетный гражданин города Иркутска, 2001
Fig. 5. V.G. Smagin, Honorary citizen of the city of Irkutsk, 2001

искусства «Декоративное искусство». «Творчество В.Г. Смагина привнесло новые интонации в изобразительное искусство художников Иркутска, придав ему дополнительные черты современности» (Виталий Смагин, 2012).

Произведения мастера находятся в коллекциях крупнейших музеев России, таких как: Государственный Русский музей, г. Санкт-Петербург; Российская Академия Художеств, г. Москва; Государственный художественный музей Алтайского края, г. Барнаул; Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева; Кемеровский областной музей изобразительных искусств; Омский областной музей изобразительных искусств им. М.А. Врубеля; Новосибирский государственный художественный музей; Красноярский художественный музей им. В.П. Сурикова; Сибирский центр современного искусства, Новокузнецк; Галерея В. Бронштейна, Иркутск.

В 2017 г. Виталию Георгиевичу Смагину исполнилось бы 80 лет. С 2017 г. кафедра монументально-декоративной живописи и дизайна ИРНИТУ носит его имя. В этом же году шесть произведений живописи художника были переданы в дар кафедре его вдовой Людмилой Ильиничной.

В 2019 году направление монументально-декоративной живописи ИРНИТУ отметило 25 лет со дня основания. К этой дате были приурочены две выставки в Галерее сибирского искусства Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Первая выставка была посвящена живописи и носила название «Виталий Смагин и его школа» (ноябрь 2019 г.). Здесь были представлены работы мастера и преподавателей кафедры, в технике «холст, масло». Примечательно, что работы преподавателей выполнены на холстах учителя, которые он подготовил для своей персональной выставки, но не успел их использовать! Эти холсты были подарены нам Людмилой Ильиничной. Выставка «Виталий Смагин и его школа. Декоративное искусство» (январь 2020 г.), демонстрирует работы, выполненные в различных техниках и материалах, которым обучаются студенты на кафедре, например, горячие эмали, витраж, фьюзинг, гобелен, художественный текстиль и др.

К юбилею кафедры на личные средства Людмилы Ильиничны Смагиной были выпущены два альбома, каждый имеет цветные репродукции, справочную информацию, приветственные статьи искусствоведов, объем более двухсот страниц каждый. В альбом – «Виталий Смагин. Монументальное искусство. Живопись. Графика» вместе с известными работами мастера, вошло большое количество ранее не публиковавшихся произведений, в том числе подготовительные эскизы, зарисовки, картоны к монументальным произведениям. В альбоме – «Виталий Смагин и его школа» опубликованы лучшие станковые, монументально-декоративные произведения мастера и его учеников, лучшие дипломные работы выпускников кафедры 1997–2019 годов. Эти два альбома стали завершающими в серии из четырех томов, посвященных большому творческому наследию мастера. Первый альбом «Виталий Смагин», посвящённый живописи, был задуман и издан при жизни автора в 2012 г. Альбом «Виталий Смагин. Графика», так же был спроектирован автором, но издан после его смерти в 2016 г.

Вот уже четыре года с нами нет нашего учителя, это невосполнимая утрата для нас, его учеников, нам не хватает его мудрых напутствий, всегда неожиданно смелых, современных творческих советов. Сегодня, работая со студентами, мы стараемся протянуть ту нить творчества, упорных исканий, служения искусству, которые передал нам Виталий Георгиевич. Тем самым мы ощущаем его присутствие с нами, чувствуем его поддержку, неразрывную связь художника, педагога, гражданина Виталия Георгиевича Смагина с нами и современным поколением будущих художников.

Библиографический список

Виталий Смагин. Иркутск: Артиздат, 2012. 220 с.

Пономарева Н. Иркутские военно-мемориальные некрополи Великой Отечественной войны 1941–1945 годы. Иркутск, 2010. 124 с.

Сергейчук Е.В. Особенности произведений монументально-декоративного искусства в архитектурной среде Иркутска на примере улицы Лермонтова // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2016. № 3 (18). С. 170–180.

Сергейчук Е.В., Довнич Н.А., Хишигбат Оидов Тумед. «Содружество». Роспись в интерьере Дворца спорта «Труд» г. Иркутска // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2019;9(3):644–655. DOI: 10.21285/2227-2917-2019-3-644-655.

Художники городу: альманах / сост.: Н.С. Сысоева, М.Г. Марцинечко, Я.Ю. Лисицина. Иркутск: Репроцентр А-1, 2011. 236 с.

References

Vitaly Smagin (2012) Irkutsk: Artizdat. 220 p.

Ponomareva N. (2010) Irkutsk war memorial necropolises of the Great Patriotic War of 1941–1945. Irkutsk. 124 p. (In Russ.)

Sergeichuk E.V. (2016) Features of works of monumental and decorative art in the architectural environment of Irkutsk on the example of Lermontov street. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitel'stvo. Nedvizhimost* = Proceedings of Universities. Investment. Building. Property. No. 3 (18). P. 170–180. (In Russ.)

Sergeichuk E.V., Dovnich N.A., Khishigbat Oidov Tumed. (2019) The “Commonwealth”. Interior painting of the Sports Palace “Trud” in Irkutsk. *Izvestiya vuzov. Investitsii. Stroitelstvo. Nedvizhimost* = Proceedings of Universities. Investment. Building. Property. 2019;9(3):644–655. (In Russ.) DOI: 10.21285/2227-2917-2019-3-644-655.

Sysoeva N.S., Marzinechko M.G., Lisitsina Y.Yu. (2011) Artists to the city: almanac. Irkutsk: Reprocentr A-1. 236 p. (In Russ.)

Критерии авторства

Е.В. Сергейчук, подготовила рукопись к печати и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

E.V. Sergeichuk prepared the manuscript for publication, has copyright for the article and is responsible for plagiarism.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The author has read and approved the final manuscript.

Сведения об авторе

Сергейчук Елена Владимировна,
доцент кафедры монументально-декоративной живописи и дизайна им. В.Г. Смагина,
Иркутский национальный исследовательский технический университет,
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Россия,
✉ e-mail: s-selena2010@mail.ru

Information about the author

Elena V. Sergeichuk,
associate professor of the Smagin Department of Monumental and Decorative Painting and Design,
Irkutsk National Research Technical University,
83, Lermontov street, Irkutsk 664074, Russia,
✉ e-mail: s-selena2010@mail.ru

Оригинальная статья / Original article
УДК 929
DOI: https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-272-280

К юбилею О.И. Горюновой

А впереди – новые экспедиции, новые открытия, новые книги и статьи

© Н.А. Савельев, Е.А. Липнина, А.Г. Новиков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация: Ольга Ивановна Горюнова родилась 20 февраля 1950 г. в г. Иркутске. В 1967 г. она поступила на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета на отделение «история». После окончания обучения в университете в 1972 г. О.И. Горюнова была принята на работу в Лабораторию археологии при кафедре Всеобщей истории ИГУ. Начиная с 1975 г., судьба О.И. Горюновой полностью связана с археологическими исследованиями побережья Байкала. На основе раскопок и корреляции материалов многослойных стоянок (Улан-Хада, Итырхей, Берлога, Тышкинэ II и Тышкинэ III) ей удалось разработать концепцию культурно-исторического развития населения Приольхонья от мезолита до позднего железного века. С 1997 г. до настоящего времени она руководит многолетним Российско-Канадским археологическим проектом, заключенным между Иркутским государственным университетом и Университетом Альберта (г. Эдмонтон, Канада). В рамках этого проекта под её руководством проведены совместные раскопки крупных могильников раннего бронзового века и неолита: Хужир-Нугэ XIV и Курма XI, получившие широкую известность. В 2006–2008 гг. была комплексно исследована многослойная стоянка Саган-Заба II.

Ключевые слова: археология, Иркутский государственный университет, Байкал, Приольхонье, погребение, поселение, неолит, бронзовый век

Информация о статье: Дата поступления 25 февраля 2020 г.; дата принятия к печати 10 марта 2020 г.; дата онлайн-размещения 31 марта 2020 г.

Для цитирования: Савельев Н.А., Липнина Е.А., Новиков А.Г. А впереди – новые экспедиции, новые открытия, новые книги и статьи *(К юбилею О.И. Горюновой)* // Известия Лаборатории древних технологий. 2020. Т. 16. № 1. С. 272–280. https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-272-280

For the anniversary of O.I. Goriunova

And ahead – new expeditions, new discoveries, new books and articles

© Nikolai A. Saveliev, Ekaterina A. Lipnina, Aleksei G. Novikov

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

Abstract: Olga Ivanovna Goriunova was born on February 20, 1950 in Irkutsk. In 1967, she entered the Department of History and Philology of Irkutsk State University. After completing her studies at the University in 1972 O.I. Goriunova was employed in the Laboratory of Archaeology at the Department of General history of the ISU. Since 1975, the fate of O.I. Goriunova is completely connected with the archaeological research of the Baikal coast. On the basis of excavations and correlation of materials of multi-layered sites (Ulan-Khada, Ityrkhei, Berloga, Tyshkine II and Tyshkine III), she was able to develop a concept of cultural and historical development of the population of the Cis-Ol'khon region from the Mesolithic to the Late Iron age. From 1997 to the present time, she has managed a multi-year Russian-Canadian Archaeological Project concluded between Irkutsk State University and the University of Alberta (Edmonton, Canada). As part of this project, under her leadership, joint excavations of large burial sites of the Early Bronze age and Neolithic period were carried out: Khuzhir-Nuge XIV and Kurma XI, which became widely known. In 2006–2008, the multilayered site Sagan-Zaba II was comprehensively investigated.

Keywords: archeology, Irkutsk State University, Baikal, Cis-Ol'khon region, burial, settlement, Neolithic, Bronze Age

Article info: Received February 25, 2020; accepted for publication March 10, 2020; available online March 31, 2020.

For citation: Saveliev N.A., Lipnina E.A., Novikov A.G. (2020) And ahead – new expeditions, new discoveries, new books and articles *(For the anniversary of O. I. Goriunova)*. *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii* = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies. Vol. 16. No. 1. P. 272–280. (In Russ.). https://doi.org/10.21285/2415-8739-2020-1-272-280

Ольга Ивановна Горюнова – старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион» Иркутского государственного университета, кандидат исторических наук, доцент, руководитель многолетнего Российско-Канадского археологического проекта.

Ольга Ивановна родилась 20 февраля 1950 г. в г. Иркутске. Ее отец – Иван Григорьевич, военнослужащий, мать – Ирина Федоровна, химик, научный сотрудник Иркутского государственного института редких металлов.

В 1967 г. после окончания средней школы № 11 г. Иркутска Ольга Ивановна поступила на историко-филологический факультет Иркутского государственного университета на отделение «история». С первого курса определился ее интерес к археологии. Под руководством талантливого ученого и педагога Германа Ивановича Медведева она познавала премудрости этой науки. В студенческие годы Ольга принимала участие в полевых исследованиях на стоянках в долине р. Белой: Сосновый Бор, Усть-Белая, Черемушник и Плотбище (Савельев, Горюнова, 1971). После окончания обучения в университете в 1972 г. она была принята на работу в Лабораторию археологии при кафедре Всеобщей истории ИГУ, где вместе с Н.А. Савельевым формирует группу по изучению голоценовых мультислойчатых местонахождений и раскопкам древних могильников. Эти направления определили научные исследования О.И. Горюновой вплоть до сегодняшнего дня. С этого года ее трудовая биография неразрывно связана с научной деятельностью в области археологии. Основной исследовательский интерес О.И. Горюновой был направлен на изучение многослойных стоянок неолита и раннего бронзового века Прибайкалья. Совместно с Н.А. Савельевым она работала на стоянках Горелый Лес, Казачка, Улан-Хада. С 1973 г. Ольга Ивановна проводит самостоятельные раскопки. Первым ее объектом был уникальный могильник Шумилиха (Горюнова, 1975), спасательные исследования которого начаты И.Л. Лежненко и Г.Н. Михнюк в 1972 г.

Рис. 1. Первая экспедиция, Сосновый Бор, 1968 год
Fig. 1. First expedition, Sosnovy Bor, 1968

Начиная с 1975 г. судьба О.И. Горюновой полностью связана с археологическими исследованиями побережья Байкала. Поиск и изучение многослойных стоянок Приольхонья становится основной тематикой в ее творчестве. На основе комплексных раскопок и корреляции материалов серии мультислойчатых стоянок (Улан-Хада, Итырхей, Берлога, Тышкинэ II и Тышкинэ III) ей удалось разработать концепцию культурно-исторического развития населения Приольхонья от мезолита до позднего железного века. Этой теме была посвящена ее кандидатская диссертация «Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон», которая была успешно защищена в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР (г. Новосибирск) в 1984 г. (Горюнова, 1984)[1].

[1] Горюнова О.И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: автореф. дис. … канд. ист. наук. Новосибирск, 1984. 17 с.

Рис. 2. О.И. Горюнова за написанием дипломной работы, Иркутск, 1972 год
Fig. 2. O. I. Goriunova writing a diploma thesis, Irkutsk, 1972

Рис. 3. Раскопки на поселении Тышкинэ III, 1980 год
Fig. 3. Excavations at the settlement Tyshkine III, 1980

Рис. 4. Раскопки неолитического могильника Елга III, о. Ольхон,1988 год
Fig. 4. Excavations of the Neolithic burial ground of Elga III, Olkhon island, 1988

Рис. 5. Экскурсия международного конгресса ИНКВА на многослойной стоянке Улан-Хада в 1990 году
Fig. 5. Excursion of the International Congress of INQUA to the multi-layered site Ulan-Khada in 1990

Рис. 6. Экскурсия в Луксоре (Египет), 2008 год
Fig. 6. Excursion to Luxor (Egypt), 2008

Рис. 7. Музей г. Саппоро, Япония, 2011 год
Fig. 7. Sapporo Museum, Japan, 2011

Рис. 8. Полевая экскурсия международной конференции. Кызыл, 2014 год
Fig. 8. Field tour of the international conference. Kyzyl, 2014

Рис. 9. На раскопках неолитического могильника Будун IV. 2015 год (Хью МакКензи, Анджела Ливерс, А.Г. Новиков, О.И. Горюнова, И.А. Новиков)
Fig. 9. At the excavations of the Neolithic burial site Budun IV. 2015 (Hugh McKenzie, Angela Leavers, A.G. Novikov, O.I. Goriunova, I.A. Novikov)

Основными объектами раскопок на побережье Байкала в последующие годы были многослойные поселения (Саган-Нугэ, Кулара III, Улан-Хада, Катунь I и др.); могильники неолита, бронзового и раннего железного веков (Сарминский Мыс, Улярба, Хужир-Нугэ VI, Елга III, Елга VII и др.); культово-ритуальные комплексы железного века (Горюнова, 1997; Горюнова, Новиков, Зяблин, Смотрова, 2004).

С 1993 г. по 2018 г. О.И. Горюнова являлась ведущим научным сотрудником совместной Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН – Иркутского государственного университета, выполняя обязанности заместителя заведующего этого подразделения. С 1997 г. до настоящего времени она руководит многолетним Российско-Канадским археологическим проектом, заключенным между Иркутским государственным университетом и Университетом Альберта (г. Эдмонтон, Канада). В рамках этого проекта под ее руководством проведены совместные раскопки крупных могильников раннего бронзового века и неолита: Хужир-Нугэ XIV и Курма XI, получивших широкую известность (Новиков, Вебер, Горюнова, 2010; Горюнова, Вебер, Новиков, 2012). В 2006–2008 гг. была комплексно исследована многослойная стоянка Саган-Заба II. Результатом научных исследований является: создание моделей культурных и природных рубежей, определяющих взаимоотношение «человек – среда» в эпоху голоцена; реконструкции погребальных практик, хозяйственного освоения и адаптации древнего населения к изменениям природной среды. Серийное радиоуглеродное датирование позволило более точно определить хронологические рубежи различных комплексов неолита, бронзового и железного веков региона (Nomokonova, Losey, Goriunova, Weber, 2013).

Рис. 10. О.И. Горюнова, 2020 год
Fig. 10. O.I. Goriunova, 2020

Ольга Ивановна Горюнова – высококвалифицированный специалист в области археологии. Она является автором и соавтором более 330 научных работ, опубликованных в России и за рубежом. В их числе 11 авторских и коллективных монографий (из них 4 опубликованы в Канаде и Германии).

Впереди у юбиляра – новые экспедиции, новые открытия, новые книги и статьи. Искренне пожелаем Ольге Ивановне творческих успехов, научного долголетия и благополучия.

Библиографический список

Горюнова О.И. К вопросу о сидячих погребениях в Прибайкалье // Древняя история народов юга Восточной Сибири. Иркутск, 1975. Вып. 3. С. 171–175.

Горюнова О.И. Серовские погребения Приольхонья (оз. Байкал). Новосибирск: Институт археологии и этно-

References

Goryunova O.I. (1975) On the issue of sitting burials in the Baikal region. *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri* = The ancient history of the peoples of the south of Eastern Siberia. Irkutsk. Iss. 3. P. 171–175. (In Russ.)

Goryunova O.I. (1997) Serovo burials of Cis-Ol'khon Area (Lake Baikal). Novosibirsk: Institute of Archeology and

графии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН), 1997. 112 с.

Горюнова О.И., Вебер А.В., Новиков А.Г. Погребальные комплексы неолита и бронзового века Приольхонья: могильник Курма XI. Иркутск: Изд-во Иркутский государственный университет, 2012. 271 с.

Горюнова О.И., Новиков А.Г., Зяблин Л.П., Смотрова В.И. Древние погребения могильника Улярба на Байкал (неолит – палеометалл). Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2004. 88 с.

Новиков А.Г., Вебер А.В., Горюнова О.И. Погребальные комплексы бронзового века Прибайкалья: могильник Хужир-Нугэ XIV. Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 2010. 296 с.

Савельев Н.А., Горюнова О.И. Сосуд с антропоморфными изображениями со стоянки Плотбище // Известия ВСОГО СССР. Иркутск, 1971. Т. 68. С. 202–204.

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291. – P. 110–125.

Ethnography of the Siberian of the Russian Academy of Sciences. 112 p. (In Russ.)

Goryunova O.I., Veber A.V., Novikov A.G. (2012) Ancient burials of the Ulyarba burial ground on Lake Baikal (Neolithic – Paleometal). Irkutsk: Irkutsk State University. 271 p. (In Russ.)

Goryunova O.I., Novikov A.G., Zyablin L.P., Smotrova V.I. (2004) Funeral complexes of the Bronze Age of Baikal: burial ground Khuzhir-Nuge XIV. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 88 p. (In Russ.)

Novikov A.G., Veber A.V., Goryunova O.I. (2010) Funeral sites of the Bronze Age of Baikal region: burial ground Khuzhir-Nuge XIV. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 296 p. (In Russ.)

Savel'ev N.A., Goryunova O.I. (1971) Vessel with anthropomorphic images from the site Plotbishche. *Izvestiya VSOGO SSSR* = News of the ESBGS USSR (East Siberian Branch of the Geographic Society of USSR). Irkutsk, Vol. 68. P. 202–204. (In Russ.)

Nomokonova T., Losey R.J., Goriunova O.I., Weber A.W. A freshwater old carbon offset in Lake Baikal, Siberia and problems with the radiocarbon dating of archaeological sediments: Evidence from the Sagan-Zaba II site // Quaternary International. – 2013. – Vol. 290–291. – P. 110–125.

Критерии авторства

Н.А. Савельев, Е.А. Липнина, А.Г. Новиков провели сбор архивных материалов и подготовили рукопись к печати. Имеют на статью авторские права и несут полную ответственность за ее оригинальность.

Attribution criteria

N.A. Saveliev, E.A. Lipnina, A.G. Novikov conducted a collection of archival materials and prepared the publication for printing. They have copyright to the article and are fully responsible for its originality.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final manuscript.

Сведения об авторах

Савельев Николай Александрович,
кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», доцент кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия
✉ e-mail: archeolog@inbox.ru

Липнина Екатерина Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», доцент кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,

Information about the authors

Nikolai A. Saveliev,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher of the Scientific Researcher Center “Baikal region”, Associate Professor of the Department of world history and international relations,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk, 664003, Russia,
✉ e-mail: archeolog@inbox.ru

Ekaterina A. Lipnina,
Cand. Sci. (History), Associate Professor, Researcher of the Scientific Researcher Center “Baikal region”, Associate Professor of the Department of world history and international relations,

664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
заведующий Иркутской лабораторией археологии и палеоэкологии,
Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук,
630090, г. Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17, Россия,
✉ e-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Новиков Алексей Геннадьевич,
кандидат исторических наук, научный сотрудник НИЦ «Байкальский регион», доцент кафедры мировой истории и международных отношений,
Иркутский государственный университет,
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, Россия,
✉ e-mail: archeolog@inbox.ru

Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk, 664003, Russia,
Head of Irkutsk Laboratory of Archeology and Paleoecology,
Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
17, Akad. Lavrentiev avenue, Novosibirsk, 630090, Russia,
✉ e-mail: ekaterinalipnina@mail.ru

Aleksei G. Novikov,
Cand. Sci. (History), Researcher of the Scientific Researcher Center “Baikal region”, Associate Professor of the Department of world history and international relations,
Irkutsk State University,
1, K. Marks street, Irkutsk, 664003, Russia,
✉ e-mail: as122@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Мы приглашаем Вас к сотрудничеству в качестве авторов, рекламодателей и читателей и сообщаем требования к статьям, принимаемым к публикации

Правила оформления научных статей

1. Общие положения

Журнал «Известия Лаборатории древних технологий» – научное периодическое издание (выходит 4 раза в год), продолжает серию ежегодных изданий, посвященных изучению истории Байкальской Сибири. В нем представлены научные статьи как российских, так и зарубежных коллег.

Тематика выпусков охватывает различные аспекты археологических, этнологических и исторических исследований.

Издание предназначено археологам, этнологам, историкам и всем интересующимся прошлым. Издание реферируется и рецензируется.

ISSN 2415-8739

Журнал основан в 2003 г.

Учредитель – Иркутский национальный исследовательский технический университет

Рубрики журнала:

- археология
- этнология
- история
- рецензия
- персоналия (мемориальные заметки о коллегах)

2. Правила оформления

Рекомендуемый объем статьи – 20000–40000 знаков, включая пробелы. В рубрику «Рецензия» принимаются статьи объемом не более 6000 знаков.

Рукопись должна быть построена следующим образом:

2.1. ***Индекс УДК*** в верхнем левом углу.

2.2. ***Заголовок,*** включающий: название статьи (должно быть информативным и, по возможности, кратким), набранное полужирными прописными буквами, выравнивание по левому краю;

2.3. ***Инициалы и фамилии авторов:*** располагаются через один интервал ниже заголовка, набираются полужирными буквами, выравнивание по левому краю, вначале ставится знак авторства, затем инициалы автора, после этого через пробел фамилия. Если авторов несколько, то после фамилии первого автора ставится запятая и пишутся инициалы и фамилия второго автора и т. д.

2.4. ***Организация и ее адрес:*** располагается под фамилией автора, набирается прописными буквами, выравнивание по левому краю, после названия организации запятая. Ниже названия организации указывается адрес организации (страна, индекс, город, улица, номер здания).

Если авторы из разных организаций, то после их фамилий ставятся разные латинские прописные буквы (верхний индекс). Такие же буквы ставится перед названием и адресом организаций, в которых работают эти авторы.

2.5. ***Аннотация:*** должна быть информативной, содержать 1200–1400 печатных знаков, с указанием ключевых слов (словосочетаний) (9–12).

2.6. ***Английский перевод*** названия статьи, фамилий и инициалов авторов, названия и адреса организации, аннотации, ключевых слов оформляется так же, как и на русском языке.

2.7. ***Благодарности.*** После текста статьи, перед библиографическим списком указывается номер и название проекта, при поддержке которого выполнено исследование, а также упоминаются люди и организации, оказавшие помощь в работе над статьей.

2.8. ***Раздел «Библиографический список»***. Составляется в алфавитном порядке (по фамилии автора и году издания), оформляется в Harvard стандарте: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. Например, статья в журнале: Сидоров, А.П., Петров, Г.П. и Степанов Г.К. 2005, Древняя история Приангарья, *Социгенез в Северной Азии*, вып. 3, № 3, с. 40-82.; статья в научном сборнике: Сидоров, А.П. 2006, Косторезное искусство в неолите Восточного Забайкалья, *Древняя история Монголии, Северного Китая и Байкальской Сибири*, Улан-

Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, часть. 3, с. 43-56.; монография: Сидоров, А.П. 2006, Неолит Забайкалья, Улан-Удэ: Изд-во Забайкальского гос. ун-та, 315 с.

2.9. ***Раздел «Сведения об авторах»*** оформляется в конце статьи в следующем виде:

Сведения об авторах

Фамилия, имя, отчество

Степень, звание, должность

Организация

Почтовый адрес организации (индекс, страна, город, улица, здание)

e-mail

Эта же информация представляется и на английском языке

Information about the authors

(англ.) Имя О. Фамилия

(англ.) Степень, звание, должность

(англ.) Организация

(англ.) Почтовый адрес организации (здание, улица, город, индекс, страна)

e-mail

2.10. ***Раздел «Критерии авторства»***. Указывается, какой вклад внес каждый из авторов в работу над статьей. Например: «В.С. Козлов, С.О. Гусев выполнили исследовательскую работу, на основе полученных результатов провели обобщение, подготовили рукопись к печати, имеют на статью авторские права и несут ответственность за плагиат».

2.11. ***Раздел «Конфликт интересов»***. Указывается, что: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов».

2.12. При наличии в статье рисунков в конце статьи приводятся подрисуночные подписи.

3. Рекомендации по набору и оформлению текста

Параметры страницы и абзаца: все отступы по 2 см, ориентация книжная, табуляция 2 см.

Параметры текста: редактор MS Word, шрифт обычный, размер 12 пунктов, гарнитура Times New Roman, межстрочный интервал полуторный, выравнивание по ширине. Не использовать более одного пробела между словами.

Сокращения терминов и названий должны быть сведены к минимуму и осуществляться в соответствии с ГОСТ 7.12-93.

Числовой материал приводится в виде таблиц.

При создании ***таблиц*** рекомендуется использовать возможности MS Word (Таблица – Добавить таблицу). Таблицы должны иметь порядковые номера, название и ссылку в тексте: (табл. 1). Таблицу следует располагать в тексте после первого упоминания о ней.

Библиографические ссылки в тексте должны быть оформлены по образцу: (фамилия, год публикации, номер страницы) в круглых скобках. Например: (Иванов, 2002. С. 12. Рис. 14; Петров, 2014). После фамилии год издания – через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы.

Ссылки на архивные материалы должны быть расположены в тексте и содержать полное описание источника в круглых скобках. Например: (ГАИО. Ф. Р-102с. Оп. 5. Д. 37. Л. 89 об.).

4. Требования к рисункам

Рисунки (иллюстрации, графики, диаграммы, схемы) должны иметь сквозную нумерацию, название и ссылку в тексте: (рис. 1), которую следует располагать в тексте после первого упоминания о рисунке.

Рисунки, помимо текста рукописи, должны быть предоставлены ***отдельными файлами***: иллюстрации – с расширениями *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

Редакция оставляет за собой право отклонять статьи, не отвечающие указанным требованиям.

По вопросам публикации статей обращаться: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83, Иркутский национальный исследовательский технический университет, кафедра истории и философии, К-211.

Главный редактор журнала – Павел Александрович Новиков

Тел.: +7(3952)405186, e-mail: ildt@yandex.ru

Dear colleagues!

We invite you to participate in our magazine as authors, advertisers and readers and report requirements to articles accepted for publication

Article submission guidelines

1. General Provisions

The scholarly journal "Reports of the Laboratory of Ancient Technologies" is a scientific periodical magazine (published 4 times a year), continues and develops a series of annual publications devoted to the study of the history of Baikal Siberia. There are several included articles of the researchers of different institutions of Russia and also articles of our foreign colleagues.
Themes of this number cover the different aspects of archaeological, ethnoarchaeological and historical research.
The edition is intended to archaeologists, ethnologists, historians and everybody who have an interest to Antiquity. The publication is abstracted and reviewed.
ISSN 2415-8739
The Journal was founded in 2003
Founder: Irkutsk national research technical university
Journal's headings are as follows:

- archaeology
- ethnology
- history
- review
- personalia (memorial notes about a colleague)

2. Manuscript Structure

The article (review) should consist of 20000–40000 symbols. The heading "Review" accepts articles with a volume of not more than 6000 symbols.
The manuscript should have the following order.
2.1. ***UDC code*** should be placed in the left upper corner.
2.2. ***The title,*** which includes: the title of the article (should be informative and, if possible, brief), typed in bold uppercase letters, aligned to the left;
2.3. ***Initials and surnames of the authors:*** they are arranged in one interval below the title, they are typed in bold letters, aligned to the left, the authorship is first put, then the author's initials, then the surname after the blank. If there are several authors, then after the first author's name a comma is put and the initials and surname of the second author are written, etc.
2.4. ***The organization and its address:*** is located under the author's surname, typed in capital letters, aligned to the left, after the organization's name should be a comma. Below the name of the organization is given the address of the organization (country, index, city, street, building number).
If authors are from different organizations, then after their surnames are put different Latin capital letters (upper index). The same letters are placed before the name and address of the organizations in which these authors work.
2.5. ***Abstract*** should consist of 1200–1400 symbols, and include 9–12 key words or word combinations. The abstract should include the following aspects of the article contents: subject, topic, objective of the research; research methods; research results; results application; conclusion.
2.6. ***The English translation*** of the title of the article, the names and initials of the authors, the name and address of the organization, annotations, key words should be made in the same way as in Russian.
Titles, abstracts and key words translated into English cannot contain any transliterations from Russian except for transliterations of personal names, untranslatable names of devices and any other objects.
2.7. ***Acknowledgments.*** After the text of the article, before the bibliography author lists the number and the name of the project, with the support of which the study was carried out, and also mentions people and organizations that assisted in the work on the article.
2.8. Section ***"References".*** It is compiled in alphabetical order (by the author's name and year of publication), is made in Harvard standard: Author, A.A., Author, B.B. & Author, C.C. 2005, Title of article, *Title of Journal*, vol. 10, no. 2, pp. 49. For exam-

ple, an article in the journal: Sidorov, A.P., Petrov, G.P. and Stepanov G.K. 2005, Ancient history of the Angara region, *Sociogenesis in Northern Asia*, Issue. 3, No. 3, p. 40-82; article in the scientific collection: Sidorov, A.P. 2006, Bone carving craft in the Neolithic of the Eastern Transbaikalia, *Ancient history of Mongolia, Northern China and Baikal Siberia*, Ulan-Ude: Buryat State Publishing House, part. 3, p. 43-56; monograph: Sidorov, A.P. 2006, Neolithic of the Transbaikalia, Ulan-Ude: Publishing House of Transbaikalian State University, 315 p.

2.9. ***Information about authors*** should be placed at the end of the article as follow:

Information about the author

Name N. Family name,

Academic degree, academic title, position,

Organization,

Postal address,

e-mail

2.10. ***Section "Criteria of authorship".*** It is indicated how each of the authors contributed to the work on the article. For example: "V.S. Kozlov, S.O. Gusev carried out research work, based on the results obtained, summarized, prepared the manuscript for publication, have copyright for the article and are responsible for plagiarism".

2.11. ***Section "Conflict of interest".*** It should be stated that: "The authors state that there is no conflict of interest".

2.12. If there are figures in the article, the their captions are shown at the end of the article.

3. Manuscript Format Guidelines

***Page and paragraph settings*:** all margins 2 cm, portrait layout, tab 2 cm.

***Text settings*:** a Microsoft Word format, 1.5 line spacing using Times New Roman, 12 pt font size, a full justification. Please avoid using more than one word space.

Numbers should be typewritten in tables.

All ***tables*** should be in Microsoft Word. Tables should be numbered, titled and referred to in the text (Table 1). Place tables into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Bibliographic references in the text should be modeled after: (surname, year of publication, page number) in parentheses. For example: (Ivanov, 2002. P. 12. Fig. 14; Petrov, 2014). After the surname, the year of publication is separated by a comma; A link to a page, a drawing, etc., through a dot with a capital letter. At the end of the article, the bibliographic list is placed in alphabetical order. It is mandatory to indicate the total number of pages of the publication or page interval of articles.

References to ***archival*** materials should be located in the text and contain a full description of the source in parentheses. For example: (GAIO, F. P-102s, Op. 5. D. 37. L. 89 vol.).

4. Artwork and Illustrations

Figures (illustrations, diagrams, schemes) are numbered, titled and referred to in the text: (Fig. 1). Place graphs, pictures and diagrams into the body of the text after their first mention in the most suitable way.

Figures should be submitted as separate files: illustrations – as *.JPEG, *.BMP, *.TIFF.

The editors reserve the right to reject articles that do not meet the specified requirements.

For the publication of articles, please contact: 664074, Irkutsk, ul. Lermontova, 83, Irkutsk National Research Technical University, Department of History and Philosophy, K-211.

The editor-in-chief is Pavel Aleksandrovich Novikov

Tel.: +7 (3952) 405186, e-mail: ildt@yandex.ru

ИЗВЕСТИЯ
ЛАБОРАТОРИИ ДРЕВНИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Научный журнал

№ 1 (34) 2020

16+

Редактор Н.Е. Мелихова
Ответственный за выпуск О.Н. Валериус
Перевод на английский язык А.В. Тетенькина
Верстка О.Н. Валериус

Дата выхода в свет 31.03.20. Формат 60 х 90 / 8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 36,25.
Тираж 500 экз. Заказ 96. Поз. плана 7н.

Издание распространяется бесплатно

Отпечатано в типографии Издательства
ФГБОУ ВО «Иркутский национальный
исследовательский технический университет»
Адрес типографии: 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83